

ISSN 2219-5408

ПАЁМИ ДОНИШГОҲИ ОМУЗГОРӢ

Нашрияи Донишгоҳи давлатии омӯзгории
Тоҷикистон ба номи Садриддин Айнӣ



*ВЕСТНИК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА*

Издание Таджикского государственного педагогического
университета имени Садриддина Аини

HERALD OF THE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
Publication of the Tajik State Pedagogical University named
after Sadriiddin Aini

№ 4 (81)

Душанбе – 2019

Маҷалла соли 1978 таъсис ёфтааст

Маҷалла ба феҳрасти маҷаллаву наирияҳои илмии пешбари тақризшаванда, ки натиҷаи асосии рисолаҳо барои дарёфти унвони илмии номзад ва докторони илм дар онҳо бояд интишор гарданд, шомил шудааст.

Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 11 июни соли 2018 таҳти № 061/ЖР аз нав ба қайд гирифта шудааст.

ISSN 2219-5408

Суроға: 734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Рудаки 121, ДДОТ ба номи С. Айни

Тел. : (+992 37) 224-20-12

Факс: (+992 37) 224-13-83

Почтаи электронӣ:
vestnik.tgpu@gmail.com

Сомонаи маҷалла:
<http://vestnik.tgpu.tj>

Сармуҳаррир: *Ғаффорӣ Нуъмонҷон Усмонзода* – доктори илмҳои таърих профессор, ректори ДДОТ ба номи С. Айни

Муовини сармуҳаррир: *Мирзораҳимов Ақобир Каримович* – доктори илмҳои биология муовини ректор оид ба корҳои илмии ДДОТ ба номи С. Айни

Котиби масъул: **Одинаев А.Н.**

Маҷалла шомили пойгоҳи иттилоотии «Намояи иқтибоси илмии Русия» (НИИР) шудааст, ки дар сомонаи Китобхонаи миллии маҷозӣ ҷойгир аст. <http://elibrary.ru>

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Салимӣ Н. Ю. - доктори илмҳои филологӣ, академик
Солеҳов Ш. А. - доктори илмҳои филологӣ, профессор
Худойдодов А. О. - доктори илмҳои филологӣ, профессор
Косимов О. А. - доктори илмҳои филологӣ, профессор
Саидов. А. С. - доктори илмҳои таърих, профессор
Пирумшоев Ҳ. П. - доктори илмҳои таърих, профессор
Убайдуллоев Н. К. - доктори илмҳои таърих, профессор
Ҷаматов С. С. - доктори илмҳои филологӣ, профессор

Журнал основан в 1978 году

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал зарегистрирован Министерством культуры Республики Таджикистан 11 июня 2018 года за № 061/ЖР

ISSN 2219-5408

Тел. : (+992 37) 224-20-12

Факс: (+992 37) 224-13-83

Электронная почта:

vestnik.tgpu@gmail.com

Сайт журнала:

<http://vestnik.tgpu.tj>

Главный редактор: *Гаффори Нуъмонджон Усмонзоде* - доктор исторических наук, профессор, ректор ТГПУ им. С. Айни

Зам. главного редактора: *Мирзорахимов Ақобир Каримович* - доктор биологических наук, проректор по научной работе ТГПУ им. С. Айни

Ответственный редактор: *Одинаев А.Н.*

Журнал включен в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенный на платформе Национальной электронной библиотеки. <http://elibrary.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Салими Н. Ю. - доктор филологических наук, академик

Солехов Ш. А. - доктор филологических наук, профессор

Худойдодов А.О. - доктор филологических наук, профессор

Косимов О. Х. - доктор филологических наук, профессор

Саидов А. С. - доктор исторических наук, профессор

Пирумиоев Х. П. - доктор исторических наук, профессор, член-корр. АНРТ

Убайдуллоев Н. К. - доктор исторических наук, профессор

Джаматов С. С. - доктор филологических наук, профессор

The journal was founded in 1978

The Journal is included in the List of the leading peer reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for Doctor of science and Candidate of science degrees.

The magazine is registered by the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan on June 11, 2018 for No. 061/ZhR

ISSN 2219-5408

Phone: (+992 37) 224-20-12

Fax: (+992 37) 224-13-83

E-mail:

vestnik.tgpu@gmail.com

Journal website:

<http://vestnik.tgpu.tj>

Editor-in-chief: Gaffori Nu'monjon Usmonzoda - doctor of historical sciences, professor, rector of the TSPU named after S. Ayni

Deputy Editor-in-chief: Mirzorahimov Akobir Karimovich - doctor of biological sciences, vice-rector on scientific works of TSPU named after S. Ayni

Executive Editor: Odinaev A. N.

The Journal is included in the database of «Russian Science Citation Index» (RISC), placed on the platform of the National Digital Library. <http://elibrary.ru>

THE EDITORIAL BOARD:

Salimi N. U. - Doctor of Philology Sciences , academic

Solehov Sh. A. - Doctor of Philology Sciences, Professor

Khudoyadodov A.O.- Doctor of Philology Sciences, Professor

Qosimov O. H.- Doctor of Philology Sciences, Professor

Saidov A. S - Doctor of Philology Sciences, Professor

Ubaydulloev N.K. - Doctor of Philology Sciences, Professor

Pirumshoyev H. P. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of ASRT

Jomatov S. S. - doctor of philological Sciences, Professor

МУНДАРИЦА / СОДЕРЖАНИЕ

ЗАБОНШИНОСӢ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ваҳҳобов Т. Туракул Зеҳнӣ ва баъзе масъалаҳои сохтмони забони тоҷикӣ дар солҳои 20-30-и садаи XX.....	8
Ғаффаров А.О. Хусусиятҳои маъноии ибораҳои феълӣ дар забони адабии тоҷик.....	11
Бобочонова Д. Номвожаҳои ифодагари рангҳо дар «Хамса»-и Ҳаким Низомии Ганҷавӣ (дар мисоли рангҳои асилаи кабуд, сабз, зард, сафед).....	16
Анварӣ С. Нақши унсурҳои тасвир дар таркибсозӣ.....	21
Баротзода Ф.К. Вопросы изучения личных имён и прозвищ в таджикском языке.....	24
Нозимов А.А., Шахлои А.Т. Забони тоҷикӣ дар масири гуфтугӯи тамаддунҳо.....	27
Олимҷонов М. Композитҳои мутазоди назми Мирзо Бедил.....	30
Холова Ш.К., Сайфуллоев Х.Г. Вазифаҳои семантикии қонишини <i>sich</i> дар таркиби феълҳои таъйинии олмонӣ ва муродифоти тоҷикии он.....	34
Нозимов А.А., Шахлои А.Т. Мулоҳизаҳои қаблӣ доир ба таҳқиқи забон ва услуби шоири халқии Тоҷикистон Бозор Собир.....	37
Валшев Н. У., Нилуфари Ф.А. Хусусиятҳои тарҷумаи масалҳои И. А. Крилов ба забони тоҷикӣ.....	40
Салохиддинов В.Ю. Бессоюзные сложные предложения в таджикском и английском языках: сопоставительный аспект.....	43
Сошьева У.Л., Чумаев М.Т., Утаев М.М. Этимологияи элементҳои химиявии зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷуми чадвали даврии Д.И.Менделеев.....	47
Валшев Н.У., Бурханова С.Б. Процессы взаимодействия знаков препинания: Омонимия одиночной и парной запятых.....	51
Мирзоева М.М., Ниҳмонова Р.М. Мавқеи муродифоти луғавӣ дар осори публитсистии С. Айнӣ.....	54
Тураев А. Хусусияти исмҳои мафъули арабӣ дар “Зайн-ул-ахбор”-и Гардезӣ.....	60
Ганиева М.А. Омонимия в фонетической терминологии таджикского и французского языков.....	66
Бойматова Д.М. Монандӣ ва гуногунии воҳидҳои фразеологӣ забонҳои тоҷикӣ ва фаронсавӣ (дар заминаи романи “Духтари оташ”-и Ҷалол Иқромӣ).....	69
Холиқов А.Ю. Роҳҳои корбурди феълҳои маҷозии марбути шиноварӣ дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ.....	74
Заринов А.Н. Истилоҳоти фондии осорхона ва вижагҳои онҳо дар забони тоҷикӣ.....	77
Одилова З.О. Таҳлили ибораҳои рехтаи повести «Мактаби кӯҳна»-и Садриддин Айнӣ дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва франсавай.....	81
Раҳимов Ф.Х. Ташаккул ва таҳаввули забоншиносии компютерӣ дар сатҳи забоншиносии ҷаҳонӣ.....	84
Ҳикматуллоева Н.А. Корбурди феълҳои ҳамреша дар забонҳои тоҷикиву англисӣ.....	89
Валшев Ҷ.А. Пасвандҳои исмсоз дар насри бадеии Абдулҳамид Самад.....	92

Ҳалимова М. Робитаи мутақобилаи ҷонишинҳои шахсӣ ва «verbum finitum» дар забонҳои тоҷикӣ ва олмонӣ	96
Шакарбеков Г.С. История происхождения и развития музыкальных терминов в таджикском языке.....	100
Кесамирова С.Р. Лақунаҳо ҳамчун падидаи воҳидҳои луғавии бемуодил (дар мисоли забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ).....	103
Норов М.Б. Нелинейные модели словосложения в таджикском языке	107
Шералиев С.О. Сопоставительный анализ механизма метафоризации в английском и таджикском языках	112
Шерзода Ф. Андешаҳо пиромони қорбурди баъзе муаррабат дар тарҷумаи форсии «Қуръони Қудс»	115
Исмаилова Х.Э Особенности преподавания русского языка для детей-мигрантов.....	119

АДАБИЁТШИНОСӢ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Салихов Ш., Рахмонова Н. Саади Ширази в оценке европейских ориенталистов	123
Ғаффорова У.А. «Футувватнома»-и Аттор ва арзишу аҳамияти ахлоқии он.....	126
Элбоев В. Вижагиҳои адабии «Соқинома»-и Фарзона.....	129
Мусозода Х.Х. Истилоҳи дӯст дар девони «Шамси Табрэй».....	131
Васильев Д. В. Роль архетипа трикстера в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья»	135
Ҳоҷаева М.Ю. «Ҳумоюннома» ва арзиши адабиву таърихӣ он	145
Панков В.В. Объективные сложности расширения сектора электронных СМИ (как причина аналогично критического отражения присутствия КР в ЕАЭС).....	150
Эмомов А. «Ҳафтяк»- «алифбо»-и мактабҳои кӯхнаи мусулмонӣ	153
Мансурова З.А. Сопоставительный анализ использования стихотворных вставок в «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Кашани и «Авариф ал-ма'ариф» Шихабуддина Сухраварди	157
Ғалимова М. Восточная литература и эпоха величественного взаимопроникновения русской и таджикской литератур	160
Қурбоналшева М.С. Тазкиранигорӣ дар Мовароуннахр (асрҳои XVI-XVII).....	164
Муқимова Д.З. Таъсирпазирии бисотии Самарқандӣ аз шайх Камоли Хучандӣ	170
Раҳимзада М. Симои Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ дар повести таърихӣ Давлатшоҳи Тоҳирӣ «Ситораи Рӯдак».....	175
Гуломҷононов З.М. Таджикско-американские литературные связи.....	179
Балашова И.Г. Освещение в СМИ Кыргызстана роли и функции коммуникативного ритуала и его влияние на Кыргызстанское общество.....	181
Забирова М.Э. Тасвири боди сабо дар ашъори шоирони асри X.....	186
Исломова Дж.М. Роль детской литературы в воспитании и развитии детей.....	190

Абдулназаров А.А. Философские и фольклорно-мифологические истоки мотивов смерти в таджикской литературе	194
Каримов Б. Корбурди зарбулмасал ва мақолҳои халқӣ дар рубоиёту дубайтиҳои Аминҷон Шукуҳӣ.....	200
Мирзоева С.А. Взгляды литературоведов о Марине Цветаевой.....	204
Саидова М.Ш. Мировое значение Н.С.Гумилева и переводы его произведений на таджикский язык	207

ТАЪРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Ғаффорӣ Н. У. Инъикоси мақому манзалати Куруши Кабир дар сарчашмаҳои таърихӣ ва адабиёти илмӣ.....	211
Шарофова М. История профессионально - технического образование Таджикистана в 40-60-Х годов XX века	215
Қараев Ф.К. Инъикоси Ҷанги бузурги ватанӣ дар асарҳои профессор Мухторов А.М.	220
Маликов М.Х. Национальное примирение и энергетическая независимость Таджикистана	223
Фармонова Д.Ж. Двухстороннее взаимоотношений Республики Таджикистан с Республикой Узбекистан в период независимости	228
Шарофова М.У., Нуралиев Ю., Мириохӣ М. Раванди пизишкӣ аз дербоз то давраи Сомониён дар Осиёи Марказӣ.....	233
Турсунов Т.Х., Қудратов К.А. Тоҷикистон – Ҳиндустон: тавсеаи ҳамкорӣ дар соҳаи тандурустӣ (с. 1991-2017)	242
Назаров Б., Мунавварова Т.З. Маориф дар меҳвари ҳамкориҳои Россия ва Тоҷикистон (с.1991-2017).	249
Мирзоев Ф.А. Назаре ба ҳаракати босмачигарӣ дар таърихнигории Ватанӣ.....	254
Дарвозиева Ҳ. Ҳаёт ва фаъолияти илмии профессор И.И. Зарубин	257
Шаҳлоу Ш. Аз таърихи фаъолияти кафедраи таърихи умумии ДДОТ ба номи Садриддин Айнӣ	259
Саидов Ф.А. Маълумоти Маҳмуд Ибни Валӣ дар бораи таърихи Аштархониҳо дар нимаи аввали асри XVII	263
Шоназаров Ш. Давлати Сомониён ва инъикоси он дар сарчашмаҳои таърихӣ	268
Шозедов Х.Н. Истифодабарии интернет аз ҷониби террористон ва роҳҳои муқовимат ба муқобили ин падида.....	271
Бадавлатова Р. Б., Алимшоев М. М. Соҳаи ҷорводории ВМКБ дар солҳои Ҷанги бузурги Ватанӣ.....	275

ТӢРАҚУЛ ЗЕХӢӢ ВА БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОӢ СОХТМОНИ
ЗАБОНИ ТОЧИКӢ ДАР СОЛҲОӢ 20-30-И САДАӢ ХХ

Ваҳхобов Т.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров

Тӯракул Зехнӣ яке аз донишмандони тирози аввали илму фарҳанги тоҷикон дар садаи бистум маҳсуб ёфта, дар таърихи илми филологияи тоҷик номаш абадан бо хатти зарҳалин нигошта шудааст. Вай аз ҷумлаи шогирдони содиқу донишманди устод Айнӣ маҳсуб ёфта, дар солҳои 20-уми асри ХХ, ки тақдирӣ минбаъдаи мардуми тоҷик ҳифозат, муайян ва эҳё мегардид, дар паҳлуи устод қарор дошт. Гӯшзад намудани суханҳои академики АФ ҚТ Муҳаммадҷони Шакурӣ (Шукуров) дар мавриди саҳми Т. Зехнӣ ва макоми вай дар рушду ҳифозати фарҳанги тоҷик хеле бемисл арзёбӣ мегардад: “Зехнӣ яке аз пурмахсултарин муборизони зидди нестангорӣ (нигилизм)-и таърихии фарҳангӣ, яке аз собиқтарин талошгароне буд, ки барои ғунҷоишфазоии ёди таърихии миллат кӯшиш ба кор бурдаанд. Ӯ шогирди Садриддин Айнӣ буд ва муборзаи устоди худро барои кам кардани натиҷаҳои миллияситезӣ ва маънавиятзудои замони идома дод” [10, с.5-12]. Мо танҳо як хидмати бузурги устод Т. Зехнӣро зикр карданием, ки баёнгари шаҳомат ва дорои дониши бузурги забони тоҷикӣ будани эшонро намоиш ва нишон медиҳад. Бо эътирофи яке аз муҳаррирони “Фарҳанги забони тоҷикӣ” [12] академик М. Шакурӣ: “Домулло Зехнӣ яке аз ҳамин калонсолони хушсавод буданд, ки бо Владимир Капранов як гурӯҳ ташкил намуда, чанд ҳарфҳои В, Д, Л, М, С, Ф, Ч, Ш, Ғ, Қ-ро тартиб доданд. Яъне, аз 1747 саҳифаи “ФЗТ” 786 саҳифа ба қалами домолло Зехнӣ ва В. Капранов, бештар ба қалами якумӣ (Т. Зехнӣ – Т. В.) тааллуқ дошт. Аз ин шумурд бармеояд, ки қариб ними китоби бузурги “ФЗТ” қақидаи қалами Зехнӣст” [10].

Қобили зикр аст, ки баъди пирузии Инқилоби Октябр дар назди мардуми шӯравӣ ҳалли муҳимтарин масъалаҳои Инқилоби маданӣ воғузур гардида буд, ки иҷроӣ муваффақонаи он имкон фароҳам меовард, ки ормону ҳадафҳои асосии сохтмони Давлати Шӯроҳо дар амал татбиқ гардад. Дар ин росто босаводкунии мардум аҳамияти дараҷаи аввалро доро буд, зеро одами босавод сиёсати нави давлатро фаҳмидаю пазируфта наметавонист ва эъмори ҷомеаи навро, ки ҳадафи асосии Инқилоб буд, дарк карданаши имконнопазир буд.

Маҳз дар ҳамин давра масъалаи сохтмони забон, ки барои маҳви босаводии аксари мардуми шӯравӣ заминаи қавӣ мегузошт, мавриди ҳаллу фасл қарор гирифт. Ин рӯйдод дар Ҷумҳурии худмухтор (1924) ва баъдан Ҷумҳурии мустақили Тоҷикистон (1929) низ ба амал омад.

Дар мавриди Инқилоби маданӣ чун ҳадафи асосии Давлати Шӯроҳо маҳсуб меёфт, дар улуми таърихшиносии забоншиносӣ, махсусан забоншиносии иҷтимоӣ, тадқиқотҳои доманадори профессорон М.Ш. Шукуров, М.И. Исаев, Т.Ваҳхобов, Б.С. Осимова ва дигарон ба суботи расида, ҷанбаҳои ин раванд ба хубию амиқ баррасии худро ёфтаанд. Бавижа, дар тадқиқоти профессор М.И. Исаев ҷанбаи забонии ин зухурот хеле дақиқ ба риштаи тадқиқ қашида шуда [8, с.7-41], муҳаққиқони баъдина афкори онро ба таърихи Инқилоби маданӣ дар ҷумҳурияҳои дорои алифбои арабиасос татбиқ ва зимни он вижагиҳои онро нишон додаанд.

Дар солҳои 20-30-и асри ХХ дар робита ба истилоҳи сохтмони маданӣ, ки ба Инқилоби маданӣ рабти бевосита дорад, истилоҳи сохтмони забонӣ арзи вучуд намуд, ки бо эътирофи донишмандони баҳши забоншиносии иҷтимоӣ як паҳлуи сиёсати забон ё забонӣ эътироф шудааст. Бо ташреҳи мутахассисони ин соҳа – назария ва амалияи бошӯрунаи таъсири ҷомеа ба раванди инкишофи забон, яъне ба таври мақсаднок ва роҳбарии собитшуда ба амалкарди забонҳои мавҷуда ва ташкил сохтан ва тақмили воситаҳои нави муоширатро сиёсати забонӣ арзёбӣ мекунад [11, с.111]. Вале таърихи забоншиносии шӯравӣ нишон медиҳад, ки ба маъноӣ боло бештар **сохтмони забонӣ** мавриди истифода буд [8, с.9].

Тавре ки зикр намудем, баъди Инқилоби Октябр соҳибони забони тоҷикӣ барои рушд, инкишоф ва тақмили забони тоҷикӣ дар асоси барномаи инқилоби миллӣ ҳамаҷониба иштирок ва саҳм гирифтанд ва иҷроӣ нуктаҳои асосии ин барнома (сохтани хат, макотиб, орфография, терминология, китобҳои дарсӣ, тадқиқотҳои назариявӣ ва амсоли онҳо, ки боиси васеъшавии вазоифи забони адабӣ мегардад) дар равнаку ривочи Инқилоби маданӣ хеле муассир хоҳад буд.

Ҳамин тавр, барои татбиқи ҳадафу ормонҳои Инқилоби маданӣ дар Тоҷикистон хидмати адиб, забоншинос ва донишпаҷӯи варзида Тӯракул Зехнӣ хеле чашмрас ва калон аст.

Дар солҳои 20-уми асри ХХ дар Осии Миёна баъди Инқилоби Октябр масъалаи мустақилияти забони тоҷикӣ ва мардуми тоҷикзабон ба майдони баҳс қашида шуд. Баъди татбиқи сиёсати давлатсозӣ дар ин кишвар, ки тоҷикон аз қадимулайём сокинони бумӣ ва асилаи

ин марзу макон буданд, аз чониби турксароён ҳамчун миллати дорои забони қадима мавриди радду инкор қарор гирифтанд. Махз бо дарназардошти ақидаи пантуркистон, ки тоҷиконро туркони ба таъсири забону адабиёти форс забони “худро аз даст додаанд” баррасӣ мекарданд, дар ягон давлати навтаъсисёфта номи тоҷиконро зикр накарда, забони онҳоро тамоман аз рӯихати забонҳои бумию таҳҷой хатти бултон кашиданд. Дар ин маърака бисёр тоҷикони бо истилоҳ машҳур низ худро аз табори туркон эътироф карданд, ки дар байни онҳо дар оғози ин амал Т. Зехнӣ низ буд. Хушбахтона, баъди андаке онҳо аз ин амали хеш даст кашиданд, то охири нафаси хеш барои раванку истиқлолу пойдории таърих, фарҳанг, адабиёту забони мардуми тоҷик мубориза ва қаҳрамониҳо нишон доданд.

Қобили зикр мебошад, ки Зехнӣ дар мувоҳисаҳои солҳои 20-30-юми атрофи забони адабии тоҷикӣ фаъолона саҳм гирифта, дар ин боб мақолаҳои машҳури худ “Мувоҳиса дар бораи забон ва адабиёт” [2, с.3], “Тоҷикон забони худро хоҳанд” [4], “Забони “Овози тоҷик” [5], “Забони “Овози тоҷик” (ё ки давраҳои сегонаи ӯ дар бораи забон) [6], “Фикри ман дар бораи забони ҷопагӣ” [7] ва ғайраҳо ба таъби расонидааст, ки дар ҳалли масъалаҳои забони адабии тоҷикӣ, меъёрҳои муайян намудани забони ҷопагӣ (истилоҳи Зехнӣ), умумияти забони тоҷикӣ, форсӣ ва дарӣ, забони лаҳҷа ва амсолашон мақоми хосса доранд. Зехнӣ чун дӯстдор ва ҳомии забони номи тоҷикӣ дар мақолаи хеш “Мувоҳиса дар бораи забон ва адабиёт” ибрози ифтихор менамояд: “ҳар гоҳе, ки мо суҳанҳои дилпазири забон ва адабиёти тоҷик (форсӣ)-ро ба миён меорем, дар рӯҳамон ғавқуллода як шодӣ ва хурсандӣ ҳосил мешавад, зиёда нозиш ва болидан дар вучудамон ҳис мекунем... Ин забон ва адабиёт аҷаб сеҳрқору ҷодунамоест, ки касе, ки бӯе аз он бурдааст, девонавор шайдо ва гирифтори ҷодуву афсунгарии вай гардидааст, то ба мақсад нарасидааст, даст аз вай нақашааст” [2]. Вай дар ин мақолаи пурмуҳтавои худ дар ҷавоб ба душманони миллати тоҷик ва пантуркистон ҷавоби сазовор ва воқеӣ дода, собит месозад, ки забон ва адабиёти форсӣ барои мардуми Эрон, Афғонистон ва Мовароуннаҳр муштарак ва ягона аст. Ба таъкиди донишманди мумтоз Зехнӣ, “гузашта аз ин мо, тоҷикон, ин забонро аз соири форсизабонан амонат ва орият нагирифтаем. Ин забон моли ҳалол ва машрӯҳи худамон аст, зеро ин забон аз падарони худамон ба мерос омадааст. Яъне, ин забони адабии мо забони ҳамон Рӯдакӣ, Дақиқӣ, Муъизӣ, Низомии Арӯз, Рашидӣ, Сӯзанӣ, Исмаилов, Камол, Адиб, Собир ва соире, ки ҷумлагӣ аз ҳамин Самарқанду Бухоро, Хучанд нашъунамо намудаанд ва аз хоки поки ҳамин Мовароуннаҳр сарбарзадаанд, мебошад” [2]. Ин афкорро буд, ки баъди ҷопи “Намунаҳои адабиёти тоҷик” бори дигар садо медиҳад ва собит мегардад, тоҷикон меросхӯри адабиёти беш аз ҳазорсола маҳсуб меёбанд ва забони форсии тоҷикӣ низ ин ифтихорро дорои мебошад.

Мулоҳизаҳои устод Зехнӣ оид ба забони гуфтугӯии ҳозираи тоҷикон (истилоҳ аз Зехнӣ) қобили тазаккур аст. Дар солҳои 20-уми асри ХХ дар байни аҳли ҷомеаи тоҷикон ақидае дар гардиш буд, ки тибқи он баъзеҳо “ғумон мекунанд, ки гӯё забони (гуфтугӯии – Т.В.) тоҷикон дар таҳти таъсири забонҳои туркӣ мондааст. Аз он сабаб аст, ки монанди таркибҳои тавсифӣ, хусусан, адотҳо ба охири калима меояд!” ва худ Зехнӣ низ дар ҳамин ақида буд [2]. Баъдтар мавсуф аз ин ақидаи хеш даст мекашад ва ин табаддулотро дар афкораш ба он рабт менамояд, ки “замоне, ки миллати тоҷик шинохта гардид ва нойили ҷумҳурият шуд, забон ва адабиёти нозанини ӯ, ки дар ҳамчун асри бистуми маданият ва ирфон зери пардаи фаромӯшии ва хорӣ афтада буд, бори дигар ба руҳсараҳои гулноӣ намоён омад. Чунон ки аз ҳар тараф ва ғуша толибилмони ҳақиқии ӯ гирд омаданд, дар ҷустуҷӯӣ ва перостани забони модарӣ ва миллии худ камари ҳиммат барбастанд” [2].

Зехнӣ муаммои болоиро баъди суҳбатҳо бо донишмандони рус ва баррасию киёси ин мавод ба ҳулосаи ҷолиб меояд, ки “... бисёри ин таъсир на аз забонҳои туркӣ, балки аз таъсири ҳамон забони суғдие, ки забони кӯҳнаи тоҷикон буд, пеш омадааст” [2]. Чунин ҳулосаи донишманд ихтисосмандони таърихи забонро водор месозад, ки дар ин бора пажӯҳише ба анҷом расонанд ва зимни он бурду боҳти ин афкорро баррасӣ кунанд [2]. Ҳулосаи дигари Зехнӣ дар бораи лаҳҷаҳои Самарқанду Бухоро ва вижагиҳои онҳо дар замоне, ки мавзӯи баҳси олимони ба лаҳҷаи муттақои забони адабии тоҷикӣ марбут буд ва иддае ба ин нақш ё лаҳҷаи Бухоро ва ё лаҳҷаи Самарқандро пешниҳод мекарданд [муф. ниг.: 9], аҳамияти хосса дошт. Мавсуф дар мавриди тоза будани таркиби луғавии лаҳҷаи Бухоро нисбат ба лаҳҷаи Самарқанд ибрози ақида намуда, менависад, ки “... мо имрӯз самарқандиён дар пеши бухориён хеле дар хусуси гуфтугӯӣ одӣ ва муҳовироти урфӣ чи аз рӯи камияту чи кайфият камем ва камбағал ҳастем. Масалан, мо самарқандиён “қадудам”, ё ин ки баъзе “қаввудам” гӯем, ки калимаҳо аз даҳон бурро, пурра ва нарм берун наёварем. Вале бухориён баръакси мо “қарда будам” гӯянд, ки дар ҳар сурат фасеҳу рӯшан суҳанронӣ намоянд ва ширин гуфтугӯ кунанд. Аз ин рӯст, ки тоҷикони ҷаҳон дигар ҳар вақт тақлиди гапзанони бухороӣ кунанд. Бухороӣҳо дар фасоҳат зарбулмасаланд ва дар айни замон бисёр калимаҳои кӯҳнаро нигоҳ доштаанд, монанди: абрӯӣ, сохтук, коза, пора, пул, санҷид. Вале мо (самарқандиён – Т.В.) ба ҷойи ин калимаҳои форсӣ аслан туркӣ мегӯем:

кош, омоч, челак, таш, кўпрук, чигда ва ҳоказо” [2].

Умуман, Зехнӣ дар маърузаю баромадҳои хеш, бахусус, дар чаласаҳои аввалин Анҷумани илмӣ-забоншиносии Тоҷикистон (моҳи августи 1930), ки ҳалли масоили баҳсноки забони адабии тоҷикӣ дар рӯзномаи он ҷойи асосиро ишғол мекард, ба масъалаи лаҳҷаи муттақои забони адабӣ дар солҳои 20-30-и садаи ХХ таваҷҷуҳ намуда, таъкид месозад, ки “баъд аз гузаштан ба лотинӣ (алифбои нав) лозим омад, ки дар бораи савтиёт ва шаклиёти як маҳалли маданӣ, марказӣ, иқтисодӣ, истехсолиро, ки забони адабиамон дар он ҷо нашъунамо ёфта омадааст, қарор бидиҳем, бинобар ин, дар савтиёт ва шаклиёт Бухоро, баъд Самарқандро қарор додан дуруст аст. Чунки савтиёт ва шаклиёти ин маҳалҳо нигоҳ дошта шудааст. Вале дар ҷумлабандӣ Кӯҳистонро қарор додан лозим” [1].

Қобили зикр аст, ки дар Анҷумани нахустини илмӣ-забоншиносии Тоҷикистон афкори Зехнӣ ва тарафдорони ӯ дар масъалаи қабули лаҳҷаи Бухоро ва Самарқанд ба ҳайси лаҳҷаи муттақо мавриди баҳс қарор гирифт, вале қобили қабул нагардид. Анҷуман дар ин масъала қарор намуд, ки забони адабии тоҷикӣ таърихи беш аз ҳазорсола дошта, идомаи он дар забони осори имрӯзаи адибон ва матбуоти даврӣ (солҳои 20-уми асри ХХ) ба назар мерасад ва соҳибони забон вазифадоранд, ки онро сода намоянд...

Хулоса, Зехнӣ чун донишпажӯҳ ва адиби мумтоз дар солҳои 20-30-и садаи ХХ дар раванди сохтмони забон ғайбӣ густурда дошта, тавонистааст, ки дар ҳалли масъалаи доғи забони адабии тоҷикӣ саҳмгузор бошад. Мо кӯшидем, ки як паҳлуи ғайбӣ Зехнӣро дар маърузаи хеш мавриди баррасӣ қарор диҳем. Умед аст, ки дар маърузаҳои дигар ғайбӣ ва таълимоти забоншиносии ин олими нуктадонро ҳадафӣ омӯзиши амиқ қарор хоҳем дошт.

АДАБИЁТ

1. Баромади рафиқ Зехнӣ дар Анҷумани нахустини илмӣ-забоншиносии Тоҷикистон // “Тоҷикистони сурх”, 28 августи соли 1930.
2. Зехнӣ Т. Мувоҳида дар бораи забон ва адабиёт // “Овози тоҷик”, 25 майи соли 1926.
3. Зехнӣ Т. Мувоҳида дар бораи забон ва адабиёт // “Овози тоҷик”, 6, 9, 17, 19 июни соли 1926.
4. Зехнӣ Т. Тоҷикон забони худро хоҳанд // “Овози тоҷик”, 2 августи соли 1926.
5. Зехнӣ Т. Забони “Овози тоҷик” // “Овози тоҷик”, 1926, №100.
6. Зехнӣ Т. Забони “Овози тоҷик” (ё ки давраҳои сегонаи ӯ дар бораи забон) // “Овози тоҷик”, 26 августи соли 1928.
7. Зехнӣ Т. Фикри ман дар бораи забони ҷопағӣ // “Овози тоҷик”, 4 ва 6 декабри соли 1928.
8. Исаев М. И. Языковое строительство в СССР. – М.: Наука, 1979. – 350 с.
9. Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-30 садаи ХХ. Китоби 1. Нахустин Анҷумани илмӣ-забоншиносони тоҷик (Мавод, таҳия, андӯзиш). Баргардон, таҳия ва муаллифи мукаддима д.и.ф., профессор Т. Ваҳҳобов. – Хучанд: Ношир, 2010. – 278 с.
10. Муҳаммадҷони Шақурии Бухорӣ. Яке аз мувоҳизони роҳи худшиносии миллат (ба ҷойи сарсухан) // Зехнӣ дар дилу дидаи дӯстон. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 198 с.
11. Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика. – М.: Наука, 1976. – 168 с.
12. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Дар ду ҷилд. Ҷ. 1 – 952 с.; Ҷ. 2 – 952 с. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

ТУРАКУЛ ЗЕХНИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА В 20-30-Х ГОДАХ ХХ ВЕКА

В 20-30-е годы XX века происходили большие и судьбоносные изменения в истории таджикского литературного языка и таджикской культуры. Данное событие произошло благодаря победой Октябрьской революции. Цель и требования Революции заключались том, чтобы во всех сферах и слоях жизни людей произошли революционные изменения. Одна из важнейших целей Революции было внесение всеобщего изменения в сфере культуры и цивилизации. Поэтому, культурная революция считалась в числе тех сфер, необходимых к преобразованию. В этом русле и должны были подвергаться к рассмотрению алфавит, орфография и терминология таджикского литературного языка. Научная общественность тех времен собралась вокруг данных вопросов, результат, которого был представлен на Первом научно-лингвистическом съезде Таджикистана (август 1930 года). Одним из выдающихся персонай данного времени был Т. Зехни, который внес свой вклад в решении некоторых лингвистических проблем таджикского языка.

Ключевые слова: Т.Зехни, воссоздание языка, 20-30-е годы XX века, Октябрьская революция, культурная революция, языковое воссоздание, дискуссия о литературном языке, разговорный язык, бухарский, самаркандский говоры и др.

TURAKUL ZEHNI AND SOME PROBLEMS OF CONSTRUCTION OF THE TAJIK LANGUAGE IN 20-30s OF THE XX CENTURY

In the 20-30s of the XX century there were great and crucial changes in the history of the Tajik literary language and Tajik culture. This event was due to the victory of the October revolution. The purpose and requirements of the Revolution were to make revolutionary changes in all spheres and layers of people's lives. One of the most important goals of the Revolution was to bring about a General change in the sphere of culture and civilization. Therefore, the Cultural Revolution was considered among those areas necessary for transformation. In this vein, the alphabet, spelling and terminology of the Tajik literary language had to be considered. The scientific community of those times gathered around these issues, the result of which was presented at the First scientific and linguistic Congress of Tajikistan (August 1930). One of the outstanding person of this time was T. Zehni, who contributed to the solution of some linguistic problems of the Tajik language

Keywords: *T. Zehni, a construction of the language, the 20-30-th years of the twentieth century, the October revolution, the Cultural Revolution, language construction, the debate about literary language, spoken language, Bukhara and Samarkand dialects, etc.*

Сведения об авторе:

Вахобов Толиб - доктор филологических наук, профессор кафедры таджикского языка, Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова (Республика Таджикистан, город Худжанд), E-mail: tolib.1950@mail.ru

About the author:

Vahobov Tolib - Doctor of Philological sciences, Professor of the Tajik Language Department, Khujand State University named after Academician B. Gafurov (Republic of Tajikistan, Khujand city), E-mail: tolib.1950@mail.ru

ББК:83.3+84 тоҷик 7-5

ХУСУСИЯТҲОИ МАЪНОИИ ИБОРАҲОИ ФЕЪЛӢ ДАР ЗАБОНИ АДАБИИ ТОҶИК

Гаффаров А.О.

Донишгоҳи давлатии омӯзгори Тоҷикистон ба номи С. Айни

Ибораҳои нахвиرو на танҳо аз рӯи сохт ва воситаи грамматикӣ, инчунин аз ҷиҳати маъно ҳам таҳқиқ мекунад. Моҳияти грамматикӣ ибораҳои феълӣ маҳз дар ягонагии сохту маъноӣ он зоҳир мегардад. Ташаккули ибораҳои феълӣ на фақат ба хусусияти морфологии вожаи асосӣ ва калимаи тобӣ, инчунин ба хусусияти лексикӣ онҳо робитаи зич дорад, чунки хосияти луғавию грамматикӣ ҷузъҳо яке аз омилҳои асосии ташаккули ибора маҳсуб меёбад. Ин нуктаро аксари забоншиносон низ таъкид кардаанд. Дар ташкили ибора на фақат сохти морфологии калимаҳо, ки барои муносибат пайдо кардан воситаи муайяни алоқаи синтаксисӣ талаб мекунад, балки инчунин маъноӣ луғавии калимаҳо низ мақоми бузург дорад.

Бинобар ин хангоми таҳқиқи ибораҳои феълии насри осори давраи мавриди назар ба эътибор гирифтани ҷиҳати маъноӣ ҷузъҳои онҳоро талаб менамояд, зеро ибораҳои феълӣ аломатҳои ашӣ, ходисаҳо, ҷараёни воқеаву ходисаҳои муҳити атрофи моро инъикос намуда, на фақат пайвасти грамматикӣ, инчунин пайвасти луғавию маъноӣ низ мебошанд.

Маъноӣ луғавии вожаҳо омилҳои муҳими алоқаманд шудани ҷузъҳои ибораҳои феълӣ ва шартҳои асосии ифодаи муносибатҳои гуногуни нахвӣ маҳсуб меёбанд. Бинобар ин ҳам ибораҳои феълӣ на танҳо дар дохили ҷумла ҳамчун унсурҳои сохти он, инчунин берун аз он ҳам ҳамчун воҳиди луғавию семантикӣ омӯхта мешаванд.

Ҷузъҳои ибораҳои феълӣ байни якдигар ҳамеша дар муносибати муайяни маъноӣ мебошад, яъне маъноӣ ибораҳои феълӣ аз маъноӣ ҷузъҳои он ба вучуд меояд. Хусусияти маъноӣ нахвӣ байни ҷузъҳо бештар ба маъноӣ луғавии калимаҳои дохили иборати феълӣ муайян мегардад.

Дар забони сарчашмаҳои ҳаттии асрҳои XV-XVI доираи маъноӣ феъл дар таркиби ибораҳои феълӣ нисбат ба ҳамаи ҳиссаҳои нутқ фарохтар, дараҷаи амалиётнокӣ ва муассирӣ он бештар аст, зеро дар сухан бештар феълӣ, характернокӣ ва муассирӣ бахшида, дар фаҳми кас оид ба ходисаҳо таассуроти пурра пайдо мекунад. Аз ин ҷиҳат ибораҳои феълӣ дар забони сарчашмаҳои ҳаттии ин давра гурӯҳи калонеро ташкил карда, ҳамчун воситаи забонӣ ва услубӣ нақши муҳим мебозанд.

Ин аст, ки муаллифони сарчашмаҳои ҳаттии давраи мавриди назар ба калимаву таркибҳо ва ибораҳои феълӣ аҳамияти маҳсус дода, шаклҳои интихоб карда гирифтаанд, ки онҳо нисбат ба ҳама воҳидҳои дигари забонӣ пуртаъсиртар, ба характери ходисаҳо мувофиқтар

мебошанд.

Аз ҷониби дигар дар забони сарчашмаҳои хаттии ин давра нисбат ба пешина як дараҷа равшантар шудани сохтори нахвӣи забони адабӣ, сода шудани тарзи баён ва бе суханпардозӣи зиёдатӣ айнан баён шудани фикр торафт пурра, суфта ва сахтар гардидани шаклҳо ва қоидаҳои нахвӣ аз ҳарвақта дида бештар қувват гирифта, дар амал қорӣ мешуд.

Пеш аз ҳама дар забони адабии ин давра, агар услуби махсуси қисме аз шаклҳои алоҳидаро ба инобат нагирем, тарзи баёни печ дар печ вобаста ба ин иборасозӣи ҷумласозӣи мураккаби душворфаҳм, ки ба пурра фаҳмидани фикр ҳалал расонад, пешина барин характернок намебошад.

Иборасозӣи ва ҷумласозӣи аз рӯи усули муқарраршудаи соданависӣ торафт равшантар шуда, ба ҳислатҳои услубии забони умумихалқӣ беш аз пеш наздикӣ пайдо мекунад. Чунин ҳолатро махсусан дар «Баҳористон»-и Абдурахмони Ҷомӣ (асри XV) ва «Бадоеъ-ул-вақоеъ»-и Зайниддин Маҳмуди Восифӣ (XVI) мушоҳида кардан мумкин аст.

Модом, ки ибораҳои феълӣ воситаи мухталифи алоқа ва гурӯҳҳои ҳархелаи лексикӣи грамматикӣи вожаҳоро дар бар мегиранд, вобаста ба маъноӣи луғавӣи қисми (ҷузъҳои) ибораҳои феълӣ муносибатҳои гуногуни нахвиро ифода менамоянд.

Таҳлили маводи сарчашмаҳои хаттии мавриди назар сохт, ки дар таркиби ибораҳои феълӣ асосан муносибатҳои ҳоли (детерминативӣ) ва пурқунандагӣ (объектӣ) ба мушоҳида мерасад. Дар таркиби ин нахвӣи ибораҳои феълӣ боз тобишҳои зиёде маъно ба таври омехта ифода шудаанд: Масалан, муносибати пурқунандагӣ дар навбати худ чунин тобишҳои маъноро фаро мегиранд: а) маъноӣи пурқунандагӣ бо тобиши восита: бо корд заминро кофта, дар қоғазӣи харирӣ печонидан; маъноӣи пурқунандагӣ бо тобиши ҳамроҳӣ: ба вай ҳамроҳ шудан, омадан замон дидан; маъноӣи пурқунандагӣ бо тобиши таъинот: ба Ғиёсиддин Муҳаммад гуфта, аз Абӯалӣ пурсидан, маъноӣи пурқунандагӣ бо тобиши макон: ба дарахт баромадан ва ғайра.

Муносибати ҳолишарҳқунандагӣ а) масоха: аз шаҳр баромадан, дар ахтаҳона андохтан; б) замон: дар як рӯз навиштан, тобистон омадан; г) дараҷа: бениҳоят хурсанд шудан, беҳад ғамгин гаштан; д) сабаб: аз хунакӣи ях бастан, аз гуруснагӣи бемаҳол шудан ва амсоли инҳо.

Ҳамин тавр, дар байни дигар гурӯҳҳои луғавӣи грамматикӣи ибораҳои сарчашмаҳои хаттии асри XV- XVI ибораҳои феълӣ ҳам аз рӯи сохт ва ҳам аз рӯи маъноӣи нахвӣи бойтарин ва серистеъмолтарин ба шумор мераванд. Доираи истифодаи ҳам ҷузъи асосӣ (феъл) ва ҳам ҷузъи тобеъ аз бобати ҳайати луғавӣи бисёр васеъ мебошад.

Дар забоншиносии тоҷикӣ ибораҳои феълӣро аз нигоҳи ифодаи муносибатҳои нахвӣ ба ҳелҳо ҷудо намуда, вобаста ба воситаи алоқа аз рӯи сохтор ва маъноӣи баррасӣ кардани онҳоро тавсия додаанд [6, с.36].

Ибораҳои феълӣи муносибати ҳоли

Таҳқиқи ибораҳои феълӣи ифодакунандаи муносибати ҳоли ба назар гирифтани ҷиҳатҳои маъноӣи ҷузъҳои онҳоро низ талаб мекунад, зеро маъноӣи луғавӣи калимаҳо омилӣ муҳими пайваст шудани ҷузъҳои ибора ва шартӣ асосӣи ифодаи муносибати гуногуни нахвӣ мебошанд. Ҷузъҳои ибораҳои феълӣ байни якдигар ҳамеша дар муносибати муайяни маъноӣи мебошанд, яъне маъноӣи ибора аз маъноӣи ҷузъҳои он ба вучуд меояд. Характери муносибати нахвӣи байни ҷузъҳо бештар ба маъноӣи луғавӣи калимаҳои дохили ибораҳои феълӣ муайян мегардад. Инчунин дар ин қисмати мақола ба масъалаи тобишҳои маъноӣи пешояндҳо ва хусусиятҳои зоҳиршавӣи онҳо дар таркиби ибораҳои феълӣ низ тавачҷуҳӣ дарқорӣ зоҳир шудааст.

Дар ифодаи муносибатҳои ҳоли ба сифати ҷузъи асосӣ асосан феълҳои ҳаракат, амал ва ҳолату вазъият омада, исмҳои ифодакунандаи мафҳумӣ макон чун ҷузъи тобеъ сурат мегиранд. Азбаски дар доираи ибораҳои феълӣи муносибатҳои ҳоли тобишҳои гуногуни маъноӣи мавҷуданд, ҳар яке аз ин тобишҳои маъноӣи дар алоҳидагӣ аз назар мегузаронем:

А) Макони воқеъ шудани фоил ё мафъулро мефаҳмонад.

Ин қилиби ибораҳои феълӣ хеле серистеъмол буда, ҷузъи асосӣи онҳо асосан бо феълҳои ҳаракат, амал ва ҳаракату вазъият ифода мегарданд. Ҷузъи асосӣи феъл вобаста ба тарзи ифодаи иборати феълӣ метавонад маъноҳои гуногунро ифода кунад. Масалан, феълӣи рафта ибораҳои феълӣи зиёде месозад, ки маъноӣи маконро ифода мекунад, лекин аксарияти маъноӣи маконӣ як ҳел воқеъ намегарданд. Чунинчун, дар иборати аз Ғазнин рафта – маъноӣи маконӣ ибтидоӣ амал, то ба Табристон рафта – маъноӣи маконӣ интиҳои амал бо тобиши таъкидӣ, ба хона рафта маконӣ сӯй ва самти амал ва дар иборати ба меҳмонӣ рафта маъноӣи максад бо тобиши макон якҷоя ифода гардидааст.

Рафта – ба маъноӣи ибтидоӣ, оғози амал: Чун Фирдавсӣ аз Ғазнин рафт ба Ҳарӣ, дар хонаи Исмоили Варроқ – писари Азракӣ шомӣ моҳ мухтафӣ буд чун толибон бозгаштанд, Фирдавсӣ эмин шуд (4, с.466). Оқибат фақир ва Мавлоно Амир Ҳусейн ва писари қозӣи Тошканд иҷозат талбида, мутаваҷҷеҳӣ Тошканд шудем ва аз он ҷо ба Туркистон рафтем [4, с.422].

Рафтан-ба маънои анҷом ва интиҳои амал: Аз Ҳарӣ ба Тӯс омад ва «Шоҳнома» -ро гирифта, то ба Табаристон рафт [4, с.467].

Рафтан-мақони сӯй ва самти амал: Сиддиқ ба масҷид рафт хоҷаи канизакро талабид [1, с.73]. Ман аз Самарқанд ба Бухоро мерафтам ва ҳамёне дар вай ҳазор танга ҳамроҳ доштам [4, с.482].

Рафтан-маънои мақсад бо тобиши мақон: Аз ғариби умур он ки шабе ба хонаи дӯсте ба меҳмонӣ рафт [4, с.467].

Дар насри давраи таҳқиқшаванда ибораҳои феълӣ, ки маънои мақони воқеъ шудани ғоил ё мафбулро ифода намудаанд, ба сифати ҷузъи асосӣ чунин гурӯҳи луғавии феълҳо мустаъмаланд: феълҳои мушаххаси ҷисмонӣ ё амал (навиштан, задан, духтан, кӯштан, хондан...); феълҳои гуфтору нутқ (гуфтан, сухан кардан, андеша кардан, фикр кардан...); феълҳои ҳолат ва вазъият (интизор шудан, ташвиш кашидан, сармо бурдан...); феълҳои амалу хоҳиш ва комёбишавӣ (хостан, маслиҳат додан, ғалаба кардан, илтимос намудан, даъват намудан...); феълҳои ҳаракат (рафтан, омадан, тохтан, давидан...); феълҳои арзишу ченак (фурӯхтан, ситонидан, харидан, андоза кардан...) ва амсоли инҳо. Махсусан, доираи корбурди феълҳои ҳаракати рафтан, давидан, омадан, баромадан, фаромадан, расидан, баргаштан, гурехтан, тохтан, ҳазидан, шитофтан, даромадан, даровардан ба сифати ҷузъи асосии ибораҳои феълӣ дар насри ин давра хеле васеъ аст. Дар таркиби ин навъи ибораҳо ба сифати ҷузъи тобёе асосан исмҳо, ҷонишинҳои шахсӣ ва калимаҳои, ки ба вазифаи исм омадаанд, серистеъмоланд.

Дар таркиби ибораҳои феълӣ феълҳои ҳаракат дар алоқа ба раван гардидани амал ба сӯйе, самте чунин маъноҳо: ҳаракат ба сӯйи муқобил, ҳаракат ба сӯйи муқобил ва самтҳои дигар бо доштани фарқ дар сурати иҷрои он, ҳаракат ба сӯйе, ҷонибе, ҳаракат аз поён ба боло, ҳаракат аз боло ба поён ва монанди инҳоро ифода мекунад.

Феълҳои ҳаракат дар таркиби ибораҳои феълӣ дорои хусусиятҳои хоси маъноиянд, яъне онҳо ба ғайр аз маънои муқаррарии худ маъноҳои дигарро низ ифода кардаанд:

Омадан-ба маънои рафтан: Шоире ба таваққӯи ғоил ба дари хонаи Маъни Зоида омад [1, с.70].

Гаштан/гардидан- ба маънои ба самте ҳаракат кардан: Либоси доноӣ бияфканду палоси расвоӣ пӯшид ва халибулузор дар кӯчаву бозори Мадина мегардид [1, с.61].

Барҷастан-ба маънои зуд бархостан: Аштар аз ҷой барҷасту истиқбол кард ва салом гуфту даст бӯсид [1, с. 82]

Таҳлили маводи «Баҳористон» ва «Бадоеъ-ул-вақоеъ» собит сохт, ки феълӣ расидан дар таркиби ибораҳои феълӣ ба ғайр аз маънои муқаррарии худ маъноҳои гуногунро ифода мекардааст:

Расидан-ба маънои омадан, ворид шудан, восил шудан: Дар ин сухан буд, ки лашқариён расида бар вай салом гуфтанд [1, с. 51].

Расидан-ба маънои пайваст шудан, тамос ёфтан:

Мурид он аст, ки аз нахуст бор, ки ҳазрати ҳақро нишон қасди ту созад, то вай нарасад, ба ҳеч чиз наёромад ва ба ҳеч кас напардозад [1, с. 18].

Расидан-ба маънои ба ҷойи таъиншуда омадан: Баъд аз панҷ рӯз аз Бухоро мужда расид (БВ, с.346). Як рӯзу як шаб ва як рӯзи дигар то шаб роҳ буриданд, то ба он диёр расиданд [1, с. 81].

Расидан-барои таъкиди таъинӣ ва итмоми амал: Чун ин ғазалиёт ба итмом расид, маърӯз дошта шуд [4, с.329].

Расидан-ба маънои баробар будан, ташкил додан: Ва дар даруни он қалъа хоҳе эҳдос намуда буд, ки умқаш ба дувист газ расида буд [4, с.348].

Дар сарчашмаҳои ҳаггӣ ин давра баҳусус феълӣ бурдан дар таркиби ибораҳои феълӣ вобаста ба тарз, усул ва тақозои услуб хангоми истифодабарӣ баробари маънои муқаррарии худ (интиқол додан) боз барои ифодаи маъноҳои дигар хеле серистеъмол аст:

Бурдан- маънои ба восита ё ба восита чизе ё касеро ба ҷойе интиқол додан: Маҳақро суҳбати вай бағоят хуш омад ва ўро ба хона бурданд [4, с. 452]. Ҳофизро ба ҷаноби Мавлавӣ мизаннаи ташаййо пайдо шуда, эшонро ба хона бурда, маҳбус сохтанд [4, с.73]. Шиблиро қаддасалоҳу таоло сирруху, шӯре афтод, ба бемористон бурданд [1, с. 20].

Бурдан- ба маънои кашидан: Ин мӯрро бинед, ки бо ин нотавонӣ бореро бо ин гаронӣ чун мебарад? [1, с.160].

Бурдан-ба маънои дур кардан, аз миён бардоштан: Аз самои ғанояш рахти ҳастӣ ба саҳрои нестӣ бурд [1, с.61].

Бурдан-ба маънои гирифтани, ба даст овардан, ҳосил кардан: Валлоҳ, ин хешиест, ки сабаби он мешавад, ки ман аз ту мерос бараму ту аз ман мерос барӣ [1, с. 108].

Дар забони «Бадоеъ-ул-вақоеъ» бошад, феълӣ расидан бештар дар таркиби ибораҳои

фразеологӣ вомехӯрад. Восифӣ дар ин асар унсурҳои забон ва эҷодиёти даҳнакии халқ-идиомаҳо, зарбулмасалу мақолҳо, ибораҳои гуногуни адабиёро беш аз пеш истифода карда, вобаста ба мундариҷаи идеявии асар онро ба таври махсус инкишоф ва такмил додааст: Ва аз дасти захми пайпайи ханчари ҳаҷру алам қорд ба устухон расида [4, с.89].

Дар ифодаи маъноӣ макон феълҳои зерин дар таркиби ибораҳои феълӣ бештар дар маъноӣ муқаррарии худ мавриди қорбурд қарор гирифтаанд:

Рафта- ба маъноӣ ҳаракат қардан, раван шудан: Сиддиқ ба масҷид рафта хоҷаи қирмизиро талабид [1, с.73].

Гузаштан-ба маъноӣ аз ҷойе гузар қардан: ...дар қанори кӯчаҳои Мадина мегашту бар дари хона-хона мегузашт[1, с.73]

Расидан-ба маъноӣ таъкиди таъинӣ ва итмоми амал: Намози хуфта буд, ки ба дарвозаи Малик расидем [4, с.112]. Чун ба наздикии Ғазнин расид, султони ҷаҳор боғе буд[4, с.456].

Даромадан- ба маъноӣ раван шудани амал ба дохили предмет: Ба бозор даромада, гулму қанзаке ва асбоби зебу зиннати хона аз гилему мис ва аспӣ базину лаҷом харидам [4, с.477].

Баромадан- ба маъноӣ боло рафта, боло шудан: Охири ҳар рӯз ба бом баромадӣ ва рӯй ба офтоб қардӣ ва гуфтӣ [1, с. 23].

Фуруд омадан- ба маъноӣ поён омадан, ба зер омадан, даромадан: Аз бом фуруд омада мутанакқирвор ба Кӯфа даромадам ва ҳаҷ қасро наменишоҳам, ки пеши вай пинҳон шавам (1, с. 565).

Гурехтан-ба маъноӣ фирор қардан бо суръат дур шудан: Имсол аз вай гурехтаам ва дар домани давлати ин бузург овехтаам [1, с.158].

Частан- ба маъноӣ яку якбора, тез, паридан аз ҷойе гузаштан: Рӯбоҳи борикмиён зуд аз сӯроҳе барҷасту гурги бузургшикам дар он ҷо маҳкам шуд [1, с. 151].

Баровардан- ба маъноӣ ба воситаи қасе раван шудани амал дар сатҳи предмет: Мирзоро ба болохонае бароварданд, сеошона буд [4, с. 1110]

Андохтан- ба маъноӣ дохил қардан, андохтан: Ёро пеши қозӣ бурданд ва номаъқулии ӯ ба субут расид, ҳоким ёро дасту гардан баста дар охтаҳона андохта...[4, с. 420]. Мир хоҷаи маро ба ҳаре дар хона андохта ва дари он хонаро муқофал сохта ва ҳаҷ қиҳати он маълум нест [4, с.511].

Б) Ҷой ва мавқеи воқеъшавӣ ва паҳншавии амалу ҳолат

Дар сарҷашмаҳои ҳатти давраи мавриди назар як гурӯҳи ибораҳои феълӣ ҷой ва макони воқеъшавӣ ва ё паҳншавии амалу ҳолатро ифода менамоянд. Ба сифати ҷузъи тобеъ асосан исмҳои макон ё ба мафҳуми макон алоқаманд истифода шудаанд. Ибораҳои феълӣ нишон медиҳанд, ки фоил ба ҷойе мебарояд ё объектро ба маконе мебарад. Ба сифати ҷузъи асосӣ феълҳои даромадан ва даровардан сурат мегиранд: дар хайма даромадан [4, с.687], ба маҷлис даромадан [4, с.651], дар хона даровардан [4, с.698], аз бом фуруд омадан [1, с.651], ба маҷлис даровардан [1, с.63], ва ғайра. Мисолҳоро дар ҳаёти ҷумлаҳо бо феълҳои асосӣ нишон медиҳем:

Дар об даромада чун баромадам, он лаълпораро наёфтам [4, с.474]. Эшонро ба сайругашт дароварда...[4, с.1119]. Маро ба маҷлиси худ дароварданд [1, с.63].

Дар «Баҳористон» феълҳои даромадан дар таркиби ибораҳои феълӣ ба маъноӣ раҳсипор шудан низ мустаъмал аст:

Ҷомаи худ баргирифтаанду ба Алишер пайвастам ва ҳар ду савор шудему дар роҳ даромадем [1, с.72].

Дар насри ҳатти ин давра феълҳои баромадан ба маъноӣ боло рафта, баланд шудан мавриди истифода қарор гирифтааст. Албатта, дар ин ҳолат пешванди бар барои ифодаи маъноӣ ҳаракат ба боло хизмат қардааст. Ин нуқта дар «Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» низ ишора шудааст: «Префикси бар маъноӣ ба боло, берун, бар, сатҳ ва қафо ҳаракат доштанро ба вучуд меовард [3, с.228].

Муҳаққиқи таърихи забон Д. Саймиддинов бар он ақидааст, ки «пешванди ава-ҳаракат ё амал ба дароз ва ё боло, ба рӯйи чизе ва ё наздик шудан ба чизе»-ро ифода мекунад[7, 153].

Баромадан- ба маъноӣ боло рафта, баланд шудан: ...охир ҳар рӯз ба бом баромадӣ ва рӯй ба офтоб қардӣ ва гуфтӣ [1, с.23]. Ба минбар баромада вай басте фасеҳ буд ва гуфт [1, с.42].

Дар забони «Бадоеъ-ул-вақоъ» низ ибораҳои феълӣ, ки ҷузъи асосӣ онҳо бо феълҳои баромадан маъноӣ боло рафта, баланд шуданро ифода қардааст, хеле фаровон ба қор рафтааст: Ба болои он кӯҳ баромада даруни он хона давидем, дидем, ки ду қас дар қунҷи хона нишастаанд [4, с.1082]. Ногоҳ шахсе бар рӯйи фарши айвон баромада, бар паси дари гунбад омад [4, с.1039].

Маводи фароҳамоварда собит намуд, ки барои ифодаи маъноӣ макон бо тобиши раван шудан, бар сатҳи амал феълҳои ниҳодан дар таркиби ибораҳои феълӣ ба сифати ҷузъи асосӣ серистеъмол аст.

Ниҳодан-ба маъноӣ гузаштан: Чун он мадеҳ ба охир расид, хоҷа он армакро пеши фақир

нихода фармуданд [4, с.65]. Сар дар пойи ман нихода ҳар кучо менишастам (4, с.98). Рӯзе Чиполшохи хиндӣ қафаси он тӯтиро дар пеши худ нихода буду бо вай гуфтушунид менамуд [4, 796].

Дар «Баҳористон» дар шакли таркибии номӣ рӯй ниходан ба маънои ба самте рафтан, ҳаракат кардан, равон шудан ва дар шакли таркибии рӯ дар гурез ниходан ба маънои аз тарс майли босуръат рафтан аз назди касе ё чизе мустаъмал будааст:

Ногоҳ боғбон огоҳ шуд: чубдасте бардошту рӯй бар эшон нихода [1, с.151]. Аз вай даҳон кушодан ҳамон буду рӯбоҳ рӯ ба гурез ниходан ҳамон [1, с.164].

Дар як гурӯҳ ибораҳо феълҳои ифодакунандаи амал ба сифати чузби асосӣ омада, исмҳои мафҳуми макон чун чузби тобег қароргоҳ ё макони фоил (ё мафъул)-ро мефаҳмонад:

Ва пинҳон аз вай касеро ҳамроҳи вай ба Мадина фиристоданд [4, с. 62]. Аз бом фуруд омадаму мутанаккирвор ба Куфа даромадам [1, с.1024].

Маро ба манзили худ даровард [1, с.63]. Дар ин рӯзҳо аз Шаҳрисабз омада ва дар Пули Сафед мебошад [4, с.196].

Доираи истифодаи феъли нишастан дар таркиби ибораҳои феълӣ хеле васеъ аст. Дар сарчашмаҳои хаттии ин давра феъли нишастан асосан ба маънои соф маконӣ истифода шудааст:

Чун ду фарсанг аз шаҳр баромадам, бар лаби обе дар соя дарахте нишаста, таом мехӯрдм [4, с. 255]. Пеш аз ин [ман] ба ду рӯз дидам, ки Мавлоно Порсо дар пеши Мавлоно Фасех нишаста буду бо ҳам гуфтугӯӣ доштанду ханда мекарданд [4, с.579]. Дар он ҳавлӣ даромадем, дидем, ки дар суфа шахсе нишаста дар ғояти азамат [4, с. 1132]. Бархосту силоҳ баст ва дар хонаи зин нишаст [1, с.72].

Исми пеш, ки аслан дорои маънои масоха мебошад, дар ибораҳои феълӣ маънои маконро нишон дода метавонад. Махсусан, дар ҷумла вобаста ба маънои луғавии феъл маънои маконии ибораи феълӣ барҷаста намоён мешавад. Чунин ҳолатро дар «Баҳористон» мушоҳида кардан мумкин аст: Аъробӣ пеш нишаста ва даст дароз кард [1, с.72].

Феъли нишастан дар таркиби ибораҳои феълӣ дар шакли феъли гузаранда нишондан маънои давомияту амалу ҳоли касро ифода кардааст:

Убайдуллоҳон ҷаноби Кучкунчиҳонро бар тахти хонӣ нишонда, пеши ӯ сар фуруд овард [4, с.47].

Дар забони адабии ҳозираи тоҷик маънои аслии феъли нишастан дар шаклҳои замони феъли таркибӣ хеле суст шуда, чун феъли ёридиҳанда давомнокии амалро мефаҳмонад ва моҳиятан ба феъли ёридиҳандаи истодан наздик мебошад. Бо ёрии ин феъл бештар ҳолату вазъияти фоил ифода меёбад [5, с. 230].

Хулоса омӯхтани хусусиятҳои маъноии ибораҳои феълӣ дар забони адабии тоҷик аҳамияти бузург дорад. Таҳқиқи ҳаматарафаи хусусиятҳои маъноии ин навъи ибораҳо махсусан аз он ҷиҳат зарур ва муфид аст, ки вай барои ҳалли чуқури як қатор масъалаҳои дигари грамматикаи забони тоҷикӣ мусоидат хоҳад кард.

АДАБИЁТ

1. Абдурахмони Ҷомӣ. Баҳористон (нашри интиқодӣ). – М.: Наука, 1987. - 200 с.
2. Гулназарова Ж. Таснифоти маъноии феъл дар «Баҳористон»-и Абдурахмони Ҷомӣ. Душанбе: Шучоиён, 2011.-168 с.
3. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. – Душанбе: Дониш, 1985. -С. 231 - 235.
4. Зайниддин Маҳмуди Восифӣ. «Бадоеъ-ул-вақоеъ»-и (матни интиқодӣ). Ҷ. 1-2. – М., 1961-1351 с.
5. Маъсумӣ Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷ. 2. – Душанбе: Ирфон, 1980. - 347 с.
6. Мирзоев А. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: – Дониш, 1972.-241 с.
7. Саймидинов Д. Вожашиносии забони форсии миёна. - Душанбе, 2001. - 310с.

ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТАДЖИКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности значения глагольных словосочетаний в «Баҳористон» Абдурахмана Ҷамии и «Бадоеъ-ул-вақоеъ» Зайниддина Маҳмуда Восифи –они классифицируя лексико- семантически, а тажже всесторонне анализирваны особенности глагольных словосочетаний.

Ключевые слова: значение, лексика, глагольное словосочетание, грамматическая связь, письменный источник, синтаксические отношения.

THE PECULIARITIES OF THE MEANING OF VERB COLLOCATION IN THE TAJIK LITERATURE LANGUAGE

The peculiarities of the meaning of verbs within verb collocation of «Bahoriston» of Abdurahmon Jomian and «Badoe' –ul- vaqoe'» of Zainiddin Mahmudi Vosifi. Lexical and semantic peculiarities of verb

collocation and their classification are also reviewed in this article as well as.

Keywords: meaning, lexis, verb collocation, grammatical bond, written source, syntactic relation.

Сведение об авторе:

Гафоров А.О. – кандидат филологических наук, доцент кафедры таджикского языка и литературы Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни. Тел. (+992) 901063068

About author:

Ghaforov A.O. - Associate Professor in the Department of Tajik Philology, TSPU named after Sadriiddin Aini, Phone: (+992) 901063068

НОМВОЖАҲОИ ИФОДАГАРИ РАНГҲО ДАР «ХАМСА»-И ҲАКИМ НИЗОМИИ ГАНЧАВӢ (ДАР МИСОЛИ РАНГҲОИ АСИЛИ КАБУД, САБЗ, ЗАРД, САФЕД)

Бобочонова Д.

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Б.Ғафуров

Тавре ки дар яке аз мақолаҳои пешини хеш ибраз намудем, Низомии Ганҷавӣ дар истифодаи вожаҳои ифодакунандаи рангҳо камназир буда, онҳоро бо маҳорати том мавриди истифода қарор медиҳад. Таҳлили вожаҳои ифодагари рангҳо моро ба хулосае расонид, ки онҳоро ба ду гурӯҳи калон дастабандӣ кунем: калимаҳои ифодагари рангҳои асил, аз қабилӣ **сурх, сиёҳ, зард, сабз, сафед, кабуд** ва рангҳои фаръӣ, мучалло ё рангӣ. Баъзеҳо ба гурӯҳи аввал ранги **бунафш**ро низ ворид месозанд [16, с.5]. Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» вожаи «бунафш/бунафш/бинафш» ба таври зайл тафсир ёфтааст: «ранги оби баланд, ранги гули бунафша; нилгун, кабудранг: Ба гирд-андараш зарду сурху бунафш, Зи ҳар гунае баркашида дирафш (Фирдавӣ) [14, ҷ.1, с.138]. Мавриди тазаккур аст, ки **бунафш** ба маънии кабуд, кабудранг истифода шуда, табиатан он ҳамрадифи кабудранг аст. Ҳамин вожа дар «Бурҳони қотей» ва «Ғиёс-ул-луғот» ба маънии «осмонранг» [9, ҷ.4, с.308] ва «кабудранг ва нилгун» [7, ҷ.1, с.143] тафсир ёфтааст. Дар «Фарҳанги форсӣ»-и Муин тафсири **бунафш** хеле ҷолиб аст: «бунафш ранге аст фаръӣ, ки аз таркиби ду ранги асли: қирмизӣ ва обӣ ба даст меояд» [8, с.189]. Ин вожа дар ашъори устод Рӯдакӣ дар шакли «бунафша» омада, номи гиёҳ мебошад ва А.Нуров муаллифи «Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ» онро ба таври зер шарҳ додааст: **Бунафша** بِنَفْشَه як навъ гиёҳи кӯтоҳқад, ки дорой гулҳои хурди бунафш ё обӣ ё зардранг мебошад; дар баҳор аз ҳама гулҳо пеш мешукуфад: Бунафшаҳои тарӣ хайл-хайл сар баркард, Чу оташе, ки ба гӯгирд бардавид кабуд [12, с.62]. Агар хулоса кунем, ранги бунафш на ранги асосӣ, тавре ки баъзеҳо (масалан, К.Шукурова) мепиндоранд, балки ранги фаръӣ ё дорой чанд чило (мучалло), аз чумла кабудранг, обӣ ё қирмизӣ мебошад. Аз ин рӯ, эътирофи мавҷудияти шаш ранги асосӣ ба ҳақиқат мувофиқ аст. Акнун дар зер атрофи чанд ранги асосӣ ва вожаҳои ифодагари онҳо баррасии хешро манзур мегардонем.

Вожаҳои ифодагари ранги кабуд ва рангҳои фаръӣ ё мучалло мансуби он. Кабуд. Гашта ҳар як ба рӯи ӯ шодон, Рӯзаке чанд зери чархи **кабуд** [3, с.228]. Ранги кабуд яке аз рангҳои асосӣ ба шумор меравад ва вожаи ифодагари он аз рӯи мансубияти забониаш калимаи аслии тоҷикӣ ба шумор меравад. Ин вожа дар забони курдӣ *kew* (обӣ), мазандаронӣ *kâu, gâv, gâiv*, килкӣ *kaûd*, ишқошимӣ *kaût* (обӣ) [9, ҷ.3, с.1589], тоҷикӣ *kaûd*, дарӣ *kaud*, форсии муосир *kâud* ва ғайраҳо. Дар «Ғиёс-ул-луғот» ва «Бурҳони қотей» ба маънии **нилгун** тафсир ёфтааст [7, ҷ.2, с.160]. Тафсири «ФЗТ» андаке васеътар аст: 1. нилӣ, осмонӣ, лочвардӣ (ранг): То навбаҳор сабз бувад, осмон - кабуд, То лола соя ҷӯяд, нилуфар офтоб (Анварӣ); 2. хокистарӣ, хокистарранг [14, ҷ.1, с.524].

Дар «Хамса» рӯзи чоршанбе Баҳром дар гунбади пирӯзранг ба духтари подшоҳи иқлими панҷум меҳмон мешавад ва аз забони зеборухи ин манзил ба шунидани афсона мувоҷеҳ мешавад. Ранги гунбади иқлими панҷум пирӯзранг буда, тибқи тафсири «ФЗТ»: ва ранги пирӯза, пирӯзагун, кабудранг, осмонранг [14, ҷ.2, с.64] маъноро доро будааст. Пирӯзранг калимаи мураккаб буда, дар заминаи усули калимасозии факки изофат аз ранги пирӯза шакл гирифтааст. Калимаҳои **кабудранг, осмонранг**, ки дар тафсири «ФЗТ» омадаанд, низ маҳсули ҳамин усули калимасозӣ мебошанд.

Дар манзумаҳои «Хамса» як гурӯҳ калимаҳои мураккаб, аз қабилӣ **кабудӣ** [2, с.104; 6, с.116], **лочвард** [4, с.72; 4, с.51; 6, с.375], **нилуфарӣ** [6, с.168], **нилуфар** [6, с.68], **алмосгун** [6, с.105], **алмосранг** [6, с.262], **нимазрак** [6, с.193], **нилгун** [6, с.313], **нил** [6, с.63], **симобранг** [3, с.36; 4, с.87], **фирӯзаранг** [4, с.42], **азракӣ** [3, с.71], **миноранг** [3, с.221], **азрак** [3, с.122; 3, с.253; 3, с.325], **минӯранг** [3, с.242] ва ғайра чун ҳамрадифони вожаи **кабуд** барои ифодаи ин ранг мавриди истифода қарор гирифта, шoir бо як услуби ба худ хос аз такрори истифодаи вожаи **кабуд** гурез намудааст. Вай бо ин

амали хеш муваффақ гардидааст, ки таркиби лугавии осори хешро рангин ва қозиб намояд. Масалан: **лочвард** бо иловаи пасванди -й **лочварди**ро истифода бурдааст. **Лочвард** дар «Хамса» барои ифодаи ду маънӣ: 1. санги қиматбаҳо - Заврақи боғ аз алами сурху зард, Панҷараҳо сохта аз лочвард [4, с.51]; 2. маънии ранг: кабудранг: Ҳаст дар ин доираи лочвард, Мартабаи мард ба миқдори мард [4, с.72]. Дар «ФЗТ» калимаи **лочвард/ложвард** ба се маънӣ тафсир ёфта, муаллифон аз Ҳаким Фирдавсӣ санад овардаанд: 1. сангест кабудранг, ки аз он нигини ангуштаринг месозанд ва соида хока карда, дар наққошӣ ва лавҳакориҳо ба қор мебаранд; қисми бехтарини он лочварди бадахшонист: Биёростандаш ба дебои зард, Ба ёкуту пирузаву **лочвард** (Фирдавсӣ); 2. ба ранги лочвард, лочвардӣ, кабуд: Яке сахт савганди шоҳона хӯрд, Ба рӯзи сапеду шаби **лочвард** (Фирдавсӣ); 3. рангпариди, рангқанда: Ба наздики Баҳром рафт он ду мард, Забонҳо пур аз банду рух **лочвард** (Фирдавсӣ) [14, ч.1, с.608]. **Лочвардӣ** бошад, аз **лочвард** сохта шуда, тибқи тафсири «Бурҳони қотей» **лочвард** لاجورد ба фатҳи вов ва сукуни ро ва дол бе нуқта. Сангест, ки кабуд, ки аз он нигини ангуштар созанд ва силоя карда, ба чихати мазаҳабон (مذہبان) ва наққошон ба амал оваранд ва тафреҳ ва тақвият кунад ва бадахшии он бехтар аз дизморӣ (دزمارى) бошад [9, ч.3, с.1874].

Нил, нилуфар/нилуфарӣ, нилгун - Чу гулногун кисвати офтоб, Кабудӣ гирифт аз хуми **нил** об [6, с.63]; Бухор аз бари шӯълаи озарӣ, Чу бар сурхгул шаъри **нилуфарӣ** [6, с.168]; Фусунгар хум аст ин хуми **нилгун**, Ки сад гуна ранг ояд аз вай бурун [6, с.313]. Аз номҳои зикргардида як вожа аз рӯи сохташ сода буда, дар таркиби вожаҳои дигар он мавқеи асосиро ишғол мекунад. Вай чун омоним маъниҳои зеринро ифода мекунад: **Нил I** калимаи ҳиндӣ. 1. номи гиёҳе, ки дар мамлакатҳои гарм мерӯяд ва аз фушурдаи он ранги нилӣ мегиранд; индиго; 2. ранги кабудӣ баланди сиёҳтоб, ранги лочвардӣ, ки аз фушурдаи гиёҳи нил ҳосил мешавад ва онро ранги нилобӣ ҳам меноманд; **Нил II** номи дарёи бузурге дар Африқо [14, ч.1, с.854]. Дар «Бурҳони қотей» (поварак) оид ба таърихи он чунин оварда шудааст: нила, аз санскрит **nīla**, муарраби он аз форсӣ **нилач** (نیلخ)... Ин калимаро ба **indigo** (фар) итлоқ кардаанд... [9, ч.4, с.2231]. **Нилуфар** бошад, калимаи ҳиндӣ буда, ду маънӣ дорад: 1. навъе аз растании обӣ, ки баргҳояш калон, гулаш сафед ё зардранг буда...; 2. гули ошики печон...; нилуфарӣ, ба ранги нилуфар... [14, ч.1, с.854]. Таърихи **нилуфар** (нилукул, нилуфал, нилупарак, нилфар, нилпар) чунин аст: дар паҳлави **nīlāra**, аз санскрит **nīlāra** мебошад [9, ч.4, с.2232]. **Нилуфарӣ** - Бухор аз бари шӯълаи озарӣ, Чу бар сурхгул шаъри **нилуфарӣ** [6, с.168]. Дар «Фарҳанги осори Ҷомӣ» **нилуфарӣ** чунин шарҳ ёфтааст: 1. нилуфарранг, кабудранг, нилгун: Нақӯшад чу хур дар гиребондорӣ, Напӯшад чу маҳ чома **нилуфарӣ**; 2. сиёҳу кабуд кардан (тану бадан): Чу бошад офтоби ховарӣ ёр, Маро набвад ба чуз **нилуфарӣ** қор [11, ч.1, с.477]. Ин вожа дар «ФТР» ба таври зер шарҳ ва ба русӣ тарҷума шудааст, ки ду маъноро ифода мекунад: нилуфарӣ 1. фиолетовый; 2. лазурный [15, с.420]. Аз ин ду маънии **нилуфарӣ** дар «ФЗТ» танҳо як маънӣ зикр шудааст: **нилуфарӣ** نیلوغرى ба ранги нилуфар [14, ч.1, с.854]. Дар «Фарҳанги калимасозии феъл дар «Хамса»-и Низомии Ганҷавӣ» вожаи **нилгун** оварда шуда, **нилуфарӣ** бошад, зикр наёфтааст [10, с.33]. Ва мавриди таъкид аст, ки **нилгун** чун калимаи мураккаб бо феълҳои мураккаб ҳеҷ иртибот надорад. Ин калима ба усули факки изофат шакл гирифтааст (гунаи нил), вале чузҳои он феъл нестанд.

Азрак/азрақӣ/нимазрак. Аз вожаи **азрак азрақӣ** ва **нимазрак** шакл гирифтаанд. **Азрак** дар «ФЗТ» ба гунаи зер шарҳ ёфтааст: вожаи арабӣ, маънои ранги кабуд ва кабудчатоб, осмонранг, нилгун [14, ч.1, с.47]. Дар осори ниёгонамон калимаи **азрак** истифодаи васеъ дошта, дар таркибу ибораҳо маънию тобишҳои гуногуни ранги кабудро ифода мекунад ва Низомӣ низ онро борҳо истифода кардааст: **гули азрак** (чомаи сӯфӣён - Ҳар тараф офтоб бардорад, **Гули азрак** дар ӯ назар дорад (Низомӣ), **чархи азрак** (осмон, осмони кабуд - Тарҳ карда рухи Хаварнакро, Фарш афканда **чархи азрак**ро (Низомӣ). Инчунин, дар «ФЗТ» калимаҳои **азраклибос** (кабудлибос, кабудпӯш; киноя аз сӯфӣ, аҳли тасаввуф), **азракпӯш** (1. кабудпӯш, нилгунпӯш, чомакабуд - Субҳидам з-осмони **азракпӯш**, Чун ҳаво баст азрақӣ бар дӯш (Низомӣ), **азракфом** (кабудранг, осмонранг, нилгун), **азракчашм** (кабудчашм; зогчашм; гурбачашм), **азрақӣ I** мансуб ба азрак, кабудранг; **азрақӣ II** кабудрангӣ, нилгунӣ - Ёфтӣ аз сабил н-овардӣ, **Азрақию** сафедию зардӣ (Низомӣ) [14, ч.1, с.47].

Тавре ки аз мисолҳои оварда маълум гардид, калимаи **азрак** дар сохтани калимаҳои нав дар осори гузаштагонамон хеле фаъол будааст.

Дар «Хамса», бавижа дар «Ҳафт пайкар», чанд вожаи мураккаби ифодагари ранги кабуд ва ҷилоҳои он бо истифодаи чузӣ «ранг» дар усули факки изофат шакл гирифтаанд: **фирӯзранг** (ранги фирӯза) - Гоҳ бад-ин ҳуққаи **фирӯзранг**, Мухра яке даҳ бадар орад з-чанг [4, с.42]; **миноранг** (ранги мино) - Бомдодон, ки чархи **миноранг**, Гарди ёкут бардамид ба санг [3, с.221]. **Фирӯзранг** маънии кабудрангро ифода мекунад. **Миноранг** бошад, аз ду чузъ **мино** - дар «ФЗТ» бо ду маънӣ омадааст: مینا обгина, шиша (ҳамчун қисм, модда)...; 2. маҷ. кабуд осмонранг... [14, ч.1, с.690]. **Миноранг** (ранги мино) - 1. осмонранг, ба ранги кабуд; 2. сабзранг [14, ч.1, с.690].

Калимаҳои ифодагари ранги сабз. Дар манзумаҳои «Хамса», махсусан дар забони «Ҳафт пайкар», «Искандарнома», «Шарафнома», «Иқболнома» аз вожаҳои ифодагари сабз ва ҷилоҳои он Ҳаким Низомӣ ба таври фаровон истифода бурда, табиати фусунгари сарсабзро бо маҳорати том тасвир намудааст. Ранги сабз яке аз рангҳои асли маҳсуб ёфта, инчунин барои ифодаи рангҳои фаръӣ ва мучаллои сабз вожаҳои зиёдеро шоир дар осораи мавриди истифода қарор дода, ба забони манзумаҳои таровати тоза бахшидааст.

Қобили зикр аст, ки ранги сабз дар фарҳанги мардуми дунё, аз ҷумла тоҷикон, нишонаи ҳаёт, сарсабзӣ, зинда шудани табиати фусунгар, ҳама гуна пешравию нумӯ маҳсуб меёбад. Вожаи **сабз** баромади тоҷикӣ дошта, ба эътирофи профессор Д.Саймиддинов, «рангҳо (аз ҷумла сабз - Д.Б.) чун дигар сифатҳо дар забони форсии миёна дар ҳамон маънои бунёд аз эронии бостон идома пайдо кардаанд» ва «яке аз гурӯҳҳои асосии сифатҳо маҳсуси нишонаҳои зоҳирии ашёҳо ва ё хосиятҳои ошкоршавандаи онҳо мебошад, ки онҳоро ба таври умум метавон чунин тасниф кард: аз рӯи ранг *spēd/arus* «сафед», *siyā* «сиёҳ», *sabz/zargōn* «сабз», *hašēn* «хокистарӣ», *suxr/karmīr* «сурх», *zard* «зард» ва ғ.» [13, с.110]. Дар забонҳои гуногуни эронӣ **сабз** шаклҳои зеринро дорад: паҳлавӣ *sapz*, килкӣ *sābz*, фаризандӣ ва натавзӣ *zawz*, саинонӣ ва сангарӣ *sowz*, сархобӣ *sawz*, лосгардӣ *sōwz*, шаҳмирзодӣ *sābz*, ишкошимӣ *sabz*, курдӣ *sauz*, *seuz*, табарӣ *suz*, мозандаронӣ *soz*: ҳар чиз, ки ранги он монанди ранги алаф ва баргҳои дарахт дар фасли баҳор бошад, ҳар гиёҳ ва ё дарахт шодоб ва тар ва тоза, зидди хушк ва маҷозан шамшер ва ханҷарро гӯянд [9, ҷ.2, с.1081].

Сабз - Чунки рӯзи душанбе омад шох, Чатри сарсабз баркашид ба мох. Шуд барафрӯхта чу сабзчароғ, **Сабз** дар **сабз** чун фариштаи боғ. Рахтро чун сабзгунбад бурд, Дил ба шодию хурраи биспурд [3, с.193]. Дар «ФЗТ» **сабз** бо ду маънӣ шарҳ ёфтааст: **Сабз** 1. ба ранги барги тари наботот; 2. гандумрин, сабзина [14, ҷ.2, с.163]. Дар «Хамса» як даста калимаи вожаҳои ифодакунандаи ранги сабз истифода шудаанд: **зангор** [6, с.273], **зангоргун** [6, с.66], **зумуррадгун** [5, с.339], **сабзӣ** [3, с.208], **сабзчароғ** [3, с.193], **сабзгунбад** [3, с.195], **сабзоранг** [3, с.193], **сабзпӯшӣ** [3, с.31], **рангсабзӣ** [3, с.208], **сабзранг** [5, с.339] ва ғайра.

Зангор - Магар чони хушқаш бад-ӯ тар шавад, Ки **зангори** гавҳар ба гавҳар шавад [6, с.273]. Ин вожа аз ҷониби устод С.Айнӣ ба таври зерин шарҳ дода шудааст: 1. ранги сабзи баланд; 2. як хел ранги сабзе, ки вайро аз занги мис тайёр кунанд; 3. гирифтӣ ба андӯхи саҳт (Ин бача маро зангор кард) [1, с.118]. Тафсири «ФЗТ» андаке тафовут дорад: 1. қисми зангадаи оҳан, мис ва ғ. 2. маҷ. сабз, кабуд [14, ҷ.1, с. 437]. Устод С.Айнӣ, ки аз шарҳашон воқиф гаштем, ба таври қотей **зангорро** ранги сабз ва сабзи баланд маънидод кардаанд, ки ҳақ бар ҷониби эшон аст [1, с.118].

Зангоргун - Баромад як яке абри **зангоргун**, Фуру рехт аз дида дарёи хун [6, с.66]. Ин вожа аз ҷониби А.Нуров чунин тафсир шудааст: сабзранг, кабудранг... зангорӣ низ ба маънии сабзранг, сабз тафсир кардани луғатнигори машҳур воқеӣ мебошад [11, с.255]. Дар байти аз Низомӣ истинодшуда (абри зангоргун) низ маънии абри кабудрангро ифода намудааст.

Зумуррадгун, зумуррадгӣш, зумуррадвор дар таркибашон вожаи **зумуррад** (калимаи иқтибосии юнонӣ ба назар мерасад, дида шуда, дар «ФЗТ» ба таври зерин шарҳ ёфтааст: **зумуррад/зумуррад/зумуррад** - санги гаронбаҳои сабзранг [14, ҷ.1, с.462]. Калимаҳои мазкур ба маънии сабзранг омада, Низомӣ онҳоро бисе устодона мавриди истифода қарор дода, аз такрори вожаи **сабз** худдорӣ кардааст. Тавачҷух кунед: Кашида бар сари ҳар кӯҳсоре, **Зумуррадгун** бисоте марғзоре [4, с.175]; Сурмаи бинанда чу наргиснамош, Савсани афъӣ чу **зумуррадгӣш** [4, с.50]; Чун бар ин сабзай **зумуррадвор**, Боғи анҷум фишон барги баҳор [5, с.239].

Вожаҳои ифодагари ранги зард. **Зард** - Дид ганчинае ба зар дарх(в)ард, Кардаш аз зебои заррин зард [3, с.193]. **Зард** яке аз рангҳои асил маҳсуб меёбад. Дар «Фарҳанги форсӣ»-и Муин ин гуна шарҳи маънии вожаи **зард** пешниҳод гардидааст: ۱, ۲; *zard* (паҳлавӣ *zart*). Ҳар чизе, ки ба ранги зар (тилло), лимӯ ё заъфарон бошад; заъфаронӣ, ранги асфар (арабӣ) - зард [8, с. 530]. Устод Айнӣ ранги зардро ранги маълум (асил - Д.Б.) шарҳ додаанд. Дар «ФЗТ» бошад, **зард** низ тафсир гардидааст: зард зардранг, бо ранги зардаи тухми мурғ, ба ранги тилло [14, ҷ.1, с.440]. Дар «Бурҳони қотей» **зард** чун моддаи алоҳидаи луғавӣ мавриди тафсир қарор нагирифтааст. «Ғиёс-ул-луғот» низ тафсири **зардро** пешниҳод кардааст ва дар шарҳи он маънои рангро ифода кардани **зард** нишон дода намешавад: ۱, ۲; *zard* (луқма фуру бурдан ба гулу ва зирех бофтӣ); ва ба замматайн (яъне зуруд) ба маънии зирех (аз «Мунтахаб» ва «Суроҳ»); ва дар «Сироч» **зард** ба маънии бисёр хурдан. Ва чун лафзи арабист ба зои форсӣ ғалат бошад. Ва биззам ва сукуни дувум ва ташдиди дувум (яъне зурд ва зуррад) низ ғаллаи маъруф, ки ба хиндӣ чувар гӯянд. Бад-ин маънӣ зурт ва зуррат (ба тои фавқонӣ) низ омада [7, ҷ.1, с.392]. Дар ашъори Рӯдакӣ **зард** ба маънии «зардранг» омадааст [12, с.112]. Аз таҳлили профессор Д.Саймиддинов бармеояд, ки калимаи **зард** ба маънои ранг баромади эронӣ дошта, дар авесто шакли *zairita*, форсии миёна *zard* дорад [13, с.110]. Имрӯз низ дар забони дарӣ-форсӣ-тоҷикӣ зард истифода мешавад.

Дар «Хамса» барои ифодаи зард ва рангҳои фаръии мансуби зард калимаҳои зерин ба назар расиданд: **заъфаронгуна** [6, с.204], **заъфаронӣ** [3, с.193], **заъфарон** [3, с.193], **зардӣ** [3, с.147], **нимзард** [6, с.153], **сандарусӣ** [4, с.177], **анчирфом** [4, с.129], **чаъфарӣ** [4, с.103], **зарринрасан** [4, с.57], **асфар** [3, с.198] ва ғайраҳо.

Заъфарон - Он чӣ бинӣ, **заъфарон** зард аст, Ханда бин, з-он ки **заъфарон** х(в)ар даст [3, с.193]; **заъфаронӣ** - Зардияст он ки шодмонӣ аз ўст, Завқи ҳалвои **заъфаронӣ** аз ўст [3, с.193].

Заъфаронгуна - Намуданд, к-ин **заъфонгуна** хок, Кунад мардро бесабаб ханданок [6, с.204]. Тавре ки мушоҳида кардем, дар таркиби ин се калима вожаи заъфарон ба назар мерасад. Дар «ФЗТ» ин вожа ба таври зер шарҳ ва маънидод гардидааст: **заъфарон** гиёҳе гулҳои зарди хушбӯй дорад ва ба хӯрок барои таъму рангу бӯй ба кор бурда мешавад [14, ҷ.1, с.444]. Шарҳи «Бурҳони қотей» боз васеътар буда, Муин дар повараки он менависад: **шафран** номи дигари **заъфарон**. Гиёҳи заъфарон гиёест пиёздор. Барҷастагии ҳамон пиёз заъфарон мебошад ва куллолаи саршоҳаи он норанҷиранг моил ба сурхӣ ва муаттар аст ва ҳамин риштаҳое, ки ба номи заъфарон ба масраф мерасад [9, ҷ.2, с. 1021]. **Заъфарӣ** (мувофиқи шарҳи «Бурҳон...») бар вазни **чаъфарӣ**, яъне **заъфаронӣ** бошад, ки он ранги зард аст [9, ҷ.2, с.1021]. Дар «ФЗТ» вожаи **заъфаронрез** манзур гардида, зарди баланд, заб-зард маънидод гардида, аз Низомии Ганҷавӣ байте истинод оварда шудааст: **Аз он меваи заъфаронрез шуд, Ки чун заъфарон шодиангез шуд (Низомӣ)** [14, ҷ.1, с.444]. **Заъфаронгуна** - Намуданд, к-ин **заъфаронгуна** хок, Кунад мардро бесабаб ханданок [6, с.204] - калимаи мураккаб буда, ба усули калимасозии факки изофат (гунаи заъфарон) шакл гирифта, маънии ранги заъфарон, зардро ифода намудааст.

Сандарусӣ - Дар зери тахта нарди обнӯсӣ, Ниҳон шуд каъбатайни **сандарусӣ** [4, с.177]. **Сандарус** (сундуру) мувофиқи шарҳи «Ғиёс-ул-луғот» «ва он самғест (моддаи шилмшакл - Д.Б.) зардранг, ки онро қаҳрубо гӯянд; ва дар «Бурҳон» билфатҳ (яъне сандарус); ва дар «Сироч» навишта, ки **сундарус** самғест зардранг, ки равгани камон ва ғайра аз он созанд ва он шабеҳ ба қаҳрабо бошад, балки қаҳрабод, ки дар ин диёр мутаориф аст аз он сохта мешавад», мебошад [7, ҷ.1, с.438]. **Сандарус** калимаи юнонӣ буда, ду маъниро доро мебошад: 1. навъе аз моддаи шилиммонанди зардранги шабеҳ ба қаҳрабо, ки аз дарахт ҳосил мешавад...; 2. киноя аз зард; зарди мойил ба сурхӣ... [14, ҷ.2, с.190].

Анчирфом - Бар чигари пухтаи **анчирфом**, Сирка фурушанд чу ангури хом [4, с.129]. Ин калимаи мураккаб (фом+анчир) буда, бо усули калимасозии факки изофат шакл гирифтааст. **Фом**, ки чузби дуҷуми ин калимаи мураккаб аст, дар «Бурҳони қотей» ва «ФЗТ» шарҳи пурра ва комил ёфтааст: **фом** бар вазн ва маънии **вом** аст, ки ба арабӣ **қарз** ва **дин** хонанд. Ва ба маънии **лавн** ва **ранг**. Ва шабеҳ ва монанд ва назир ҳам омадааст [9, ҷ.3, с.1437]. **Фом** дар «ФЗТ» ба ду маънои омонимӣ оварда шудааст: **Фом I** ранг; **Фом II** шакли дигари **вом**; **фом тӯхтан** (пардохтан, қарзро адо кардан - Д.Б.) [14, ҷ.2, с.439]. Муин дар повараки «Бурҳони қотей» таъя ба Ҳеннинг менигорад, ки «калимаи **фом** фақат ба сурати чузви дувуми калимоти мураккаб ба кор меравад. Бо эҳтимоми қавӣ мустаор аз калимаи суғдии **В'т** «ранг (дурахшон)», ва низ ба маънии «субх» ва низ феъли муштак аз исм аст - **В'т** дурахшидан (рангҳо), ҳамрешаи форсии ин калима «**бом**» (субх) аст. Дар таркиботи **мушқуфом** (ба ранги мушк), **сапедфом** (сафедранг), **гулфом** (гулранг), **сиёҳфом** (сиёҳранг) омада» [9, ҷ.3, с.1437]. Ҳамин тавр, **фом** дар ташаккули як даста вожаҳои мураккаб сахм гирифта, маънои рангро ифода намудааст. Низомӣ низ аз ин қабил калимаҳо дар тасвири лаҳзаҳои гуногун устодона истифода бурдааст.

Вожаҳои ифодагари ранги сафед. Дар «Хамса» як гурӯҳ вожаҳои ранги сафедро ифодакунанда хеле моҳирона мавриди қорбурди Ҳаким Низомии Ганҷавӣ қарор гирифтаанд. Ранги сафед аз чумлаи рангҳои аслии забонамон маҳсуб меёбад. Дар рӯзи одина Баҳром меҳмони духтари подшоҳи иқлими ҳафтум мегардад, ки дар гунбади сапед сокин буд. Бояд тазаккур дод, ки ҳафт гунбад асосан бо ҳафт ранги асил (сиёҳ, зард, сабз, сурх, пирӯзранг, сандалӣ, сапед) тасвир ёфтаанд.

Сафед/сапед - Ганҷбарсар машав чу абри **сафед**, Пойбарганҷ бош чун хуршед [3, с.57]; Пайкари ҳар яке **сапед** чу шир, Ҳама дар чомаи сиёҳ чу қир [3, с.153]. **Сапед/сафед** бар вазн ва маънии сафед аст ва ба арабӣ баъз хонанд... Дар повараки «Бурҳони қотей» М.Муин таърихи баромади онро ба таври зер муайян кардааст: **аспед=асфед=сафед=сапӣ**, **авесто** - **sraeta** (сапед), **пахлавӣ** - **srēt**, **шакли чанубӣ-ғарбӣ** - **saita** аз **sēt** буда, **арманӣ** - **spitak**, **хиндӣ бостон** - **çvēt** (дурахшон, сафед), **курдӣ** - **spirī**, **афғонӣ** - **spin**, **балучӣ** - **ispēt**, **safeth**, **сариколӣ** - **speid**, **сангличӣ** - **isped**, **шугнӣ** - **suféd**, **мунҷӣ** - **surī**, **килкӣ** - **safid**, **фаризандӣ** - **aespej** ва ғайраҳо [9, ҷ.2, с.1093]. Дар забонҳои тоҷикӣ, форсӣ, дарӣ - сафед ва сапед. Як гурӯҳ калимаҳои вожаҳо чун муродифи **сафед/сапед** дар «Хамса» қорбурд шудаанд ва онҳо дар забони асар ҷилои хоса зам намудаанд. Аз қабилӣ, **симранг** [6, с.291], **сапедӣ** [3, с.226], **моҳтобӣ** [3, с.36], **ойинавор** [3, с.71], **чу шир** [3, с.153], **румӣ** [3, с.71], **алмосгун** [6, с.105], **алмосранг** ва ғайраҳо.

Румӣ - Ба ҳаво дар ниқоби якрангӣ, Гоҳ **румӣ** намуду гаҳ зангӣ [3, с.71]. Маънии дуҷуми ин

вожа дар «ФЗТ» ин аст: 2. киноя аз ранги сафед; румӣ ва зангӣ а) киноя аз ранги сафед ва сиёҳ; б) рӯзу шаб; лақаб ва тахаллуси Мавлоно Ҷалолиддин, муаллифи «Маснавии маънавӣ» [14, ҷ.2, с.151].

Симранг - Падидаи омад он чашмаи **симранг**, Чу симе, ки болоя аз нофи санг [6, с.291]. Ин вожа ба усули фақки изофат шакл гирифта (ранги сим) ва маънии сафедрангро дорад. Дар «ФЗТ» ин вожа дар шакли **симранг** - ранги сим манзур шудааст: нукраранг, сафедранги тобон [14, ҷ.2, с.238]. Дар «Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ» чанд калима бо иштироки «сим», «симин» манзур гардидаанд, ки дар осори устод Рӯдакӣ истифода шудаанд: **симзада** (маҷ. сафед), **симин** (маҷ. сафеддандон...), **симиндандон** (нукрадандон; сафеддандон...), **симрада** (радаи сим...) [12, с.222].

Моҳтобӣ - Зӯҳраро аз фӯрӯғи **моҳтобӣ**, Бурқас баркашид симобӣ [3, с.36]. Шоир сафедро чун моҳтоб шабех кардааст, ки маънояш рӯшан аст.

Алмосгун/алмосранг - Ду даст оварид ба кӯшиш бурун, Ба хар даст шамшери **алмосгун** [6, с.105]; Як хишти пӯлоди **алмосранг**, Бароварду зад бар диловар наҳанг [6, с.262]. Калимаҳои маъмур дар заминаи усули фақки изофат сурат гирифтаанд: **гуни алмос**, **ранги алмос**. Худи **алмос** дар луғати устод Айни ба таври зайл шарҳ ёфтааст: санги қиматбаҳои шишаранги бағоят сахт аст... [1, с.27]. Аз ин рӯ, калимаҳои боло ба маънии сафедгун ва сафедрангро истифода шудаанд.

Хулоса, аз навиштаю таҳлили боло бармеояд, ки Ҳаким Низомии Ганҷавӣ дар истифодаи вожаҳои ифодагари рангҳои асил ва муродифҳои онҳо - рангҳои фаръӣ ва мучалло устоди комил ва наққоши беҳамто ба шумор меравад. Инчунин, қобили зикр аст, ки ҳамаи вожаҳои ифодагари рангҳои асил голибан калимаҳои аслии форсии тоҷикӣ маҳсуб меёбанд.

АДАБИЁТ

1. Айни С. Кулӣёғ. Ҷ.12. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. - Душанбе: Ирфон, 1976. - 564 с.
2. Ганҷавӣ Н. Кулӣёғ. Ҷ.2. Лайлӣ ва Маҷнун. - Душанбе: Ирфон, 1982. - 368 с.
3. Ганҷавӣ Н. Кулӣёғ. Ҷ.3. Ҳафт пайкар. - Душанбе: Ирфон, 1983. - 416 с.
4. Ганҷавӣ Н. Ҳамса. Махзан-ул-асрор. - Душанбе: Адиб, 2012. - 480 с.
5. Ганҷавӣ Н. Ҳамса. Лайлӣ ва Маҷнун. - Душанбе: Адиб, 2012. - 480 с.
6. Ганҷавӣ Н. Ҳамса. Искандарнома. - Душанбе: Адиб, 2012. - 480 с.
7. Ғиёсуддин, Муҳаммад. Ғиёс-ул-луғот. Таҳияи матн бо пешуфтор, мулҳақот, тавзеҳот ва феҳристи Амон Нуров – Душанбе: Адиб, ҷ.1, 1987.- 480с.; ҷ.2, 1988.- 416с.; ҷ.3, 1989.- 304с.
8. Муин М. Фарҳанги форсӣ (якҷилдӣ, ҷопи ёздаҳум). - Техрон, 1387. - 1339 с.
9. Муҳаммадхусайн, Бурҳон. Бурҳони қотей (дар панҷ ҷилд). – Техрон: Амири Кабир, 1391. - Ҷ.2. - 1219 с.
10. Низомова С. Фарҳанги калимасозии феъл дар «Ҳамса»-и Низомии Ганҷавӣ. - Душанбе, 2004. - 74 с.
11. Нуров А. Фарҳанги осори Ҷомӣ (дар 2 ҷилд). - Душанбе, 1983. - Ҷ.1. - 536 с.
12. Нуров А. Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ. - Душанбе: Маориф, 1990. - 368 с.
13. Саймиддинов Д. Вожашиносии забони форсии миёна. - Душанбе, 2001. - 310 с.
14. Фарҳанги забони тоҷикӣ (дар ду ҷилд). – М.: Советская энциклопедия, 1969. - Ҷ. 1. – 952 с.; Ҷ. 2. – 952 с.
15. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (нашри дувум, бо илова, такмил ва ислоҳ. Зери таҳрири Д.Саймиддинов ва дигарон). - Душанбе, 2006. - 814 с.
16. Шукурова К. Рангҳо. - Душанбе: Ирфон, 1977. - 45 с.

СЛОВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ ЦВЕТ В «ХАМСЕ» ХАКИМ НИЗАМИ ГЯНДЖАВИ (НА ПРИМЕРЕ НАСТОЯЩИХ ЦВЕТОВ – СИНИЙ, ЗЕЛЁНЫЙ, ЖЁЛТЫЙ, БЕЛЫЙ)

Изучение и исследование языка творчества наших предков, а именно наших классиков, в том числе творчества Хаким Низами Гянджави считается одной из основных проблем лингвистической науки. В данной статье подвергается отзыву, посвященной изучением «Хамсы» Низами, изучается группа слов, обозначающих цвет и их позиция в лексическом составе данного неповторимого художественного произведения. В данной статье автор разделяет цветы на две группы: настоящие и отполированные, а также анализирует группу слов, выражающих синего, зелёного, жёлтого и белого цветов. Автор приходит к такому выводу, что для обозначения настоящих цветов имеют особое место слова таджикско-персидского происхождения, в том числе синий, зелёный, жёлтый, белый. Вторая группа слов обозначающих цветов по своему происхождению и по структуре являются неодинаковыми.

Ключевые слова: слова, цвет, настоящие цветы, цветы побочного блеска (муджалло), синий, зелёный, жёлтый, белый «Хамса», «Семь красавиц», Низами Гянджави.

WORDS EXPRESSING COLOUR IN "KHAMSA" OF HAKIM NIZAMI GANJAVI (AT

THE EXAMPLE OF NATURAL BLUE, GREEN, YELLOW AND WHITE COLOURS)

Studying and researching of our ancestors' creation, especially the poetry of our classical poets, as Nizami Ganjavi is one of the important problems of literary criticism. A group of names of colours and their position in "Khamasa" of Nizami Ganjavi has been analyzed In this article. In the article the colours classified into two groups: natural and polished colours and analysed four colours. We learned that for expressing of natural colours had been used original Persian-Tajik language, yellow, blue, white and green. Names of a group of polished colours are different and unoriginal.

Keywords: names, colours, natural colours, polished colours, blue, green, yellow, white "Khamasa", "Seven beauties", Nizami Ganjavi

Сведения об авторе:

Бободжанова Дилбардзон Абдумуминовна - кандидат филологических наук, доцент общеуниверситетской кафедры таджикского языка Худжандского государственного университета имени академика Б.Г.Гафурова (Республика Таджикистан, г.Худжанд), E-mail: bobojonova1977@mail.ru

About the author:

Bobojonova Dilbarjon Abdumuminovna - Candidate of Science in Philology, Assistant Professor the all-University Department of Tajik language, Khujand State University named after academician B.G.Gafurov (Republic of Tajikistan, Khujand), E-mail: bobojonova1977@mail.ru

НАҚШИ УНСУРҲОИ ТАСВИР ДАР ТАРКИБСОЗӢ

Анварӣ С.

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҳақим Носири Хусрав дар таркибсозӣ хунари волои хешро нишон додааст. Аз ҷумла, таркибҳое, ки бо вожаи **сухан** сохтааст, дар таърихи забони форсӣ–тоҷикӣ назир надоранд, яъне дар ин амр маҳорати худро ба намоиш гузоштааст. Ин хунари мутафаккиро донишмандон эътироф кардаанд. Эдвард Браун ба ин ҷихати сухани Носири Хусрав чунин баҳо додааст: «Шеърҳои Носири Хусрав намунаи ибтидор, доноӣ ва ҷуръат...», «аз лиҳози истеъмоли маҳҷур ва вижагиҳои сарфу наҳвӣ комилан қадимист ва аз ин ҳайс бисёр шабеҳ аст ба тафсири куҳан–куръон» [1, с.334].

Ин паҳлуи хунари шоир аз назари муҳаққиқони фарҳеҷтаи Эрон Мучтабо Минавӣ ва Маҳдии Муҳаққиқ низ дур намондааст: «Аз муҳимтарин осори ӯ «Девони ашъор»-и ӯст, ки ганҷинаест аз ашъори фасеҳ, балег ва афкори волову амиқ ва таркиботу истилоҳот ва таъбироти ширини форсӣ» [2, с.5-8].

Воқеан, забони «Девони ашъор»-и Носири Хусрав аз лиҳози таркибот ва таъбирот аз дигар осор тафовут дорад ва ба ин ҷихати забони ӯ устодон Абдулқодир Маниёзов ва Худой Шарифов дар китоби пурмуҳтавои худ – «Ҳақими суҳанвар» [3] нуқоти ҷолиб баён кардаанд.

Мусалламан, ашъори шоир ҳовии таркибҳои зиёдест, ки тавассути унсурҳои тасвир ба вучуд омадаанд. Мутафаккир аз унсурҳои монандқунанда фаровон қор гирифтааст. Чун ба ҷақидаҳои хомаи шоир назар меафканем, мебинем, ки суҳан ҷойгузини ашъо мегардад ва манзару фасоҳати баён афзун мешавад. Монандқунандаҳо чизҳоеанд, ки ҳар қадом сифату ҳосияту моҳияте доранд ва аз:

кимӣи саодат

*Ки кимӣи саодат дар ин ҷаҳон суҳан аст,
Бузургмеҳр чунин гуфта буд бо Қасрӣ [4, с.490].*

мушк

*Мушк аст суҳан, нофаи ӯ хотири доно,
Маънӣ бувад он мушк, ки аз нофа бароранд [4,с.201].*

зар

*В-ар ӯро қону зарри беқарон аст,
Маро неқусуҳан зар асту дил қон [4,367].*

дурру марҷон

*Гар ӯ дурру марҷон ганҷ дорад,
Маро дар қон суҳан дур(р) асту марҷон [4,с.367].*

асал

*Ба гӯш-дар суҳани Хучҷат, эй писар, асал аст,
Ҷуз аз суҳан нахӯрад қас ба роҳи гӯш асал [4, с.297].*

ШОХИН

*Чун ман сухан ба шоҳин барсанҷам,
Офоқу анфусанд мавозинам [4, с. 320].*

КАРГАСЕ ПИРИ ПАРКАНДА

ТОВУСИ БО ПАРРУ БОЛ

*Сухан каргасе тиру парканди буд,
Ба ман гаит товуси бо парру бол [4, с.301].*

МУРҒ

*Сухани Ҳуҷҷат мургест, ки бар доно
Панд борад ҳама аз парраиу минқораи [4, с.258].*

ТУХМ

*Чаҳон замини сухан тухму ҷонат деҳқон аст,
Ба киши бояд маиғул буд деҳқонро [4, с.59].*

ПУДУ ТОР

*Дебои мунаққаси ба ту бофанд валекин
Маъни-и бувад нақшиу сухан пуду сухан тор [4, с.219].*

ГИРИФТА ТО ОБДОДАСИНОНУ ПАЙКОН

*Дев ҳаргиз оби рӯйи ман набарад, з-он-к
Рӯй бад-ӯ дорад обдодасинонам.*

*Тири маро ҷуз сухан набошиад пайкон,
Тири қаламро синон бас аст камонам [4, с.343].*

Ҳама ҷиҳоту абъоду қиматмандии суханро таҷассум месозанд ва муқоиса ва андозагириҳои шоир бас сода, барҷо, мувофиқ ва зеҳнишин афтодаанд, ки, ба андешаи мо, ниёз ба тавзеҳе аз ин беш надоранд.

Дар тасвири Носири Хусрав сухан чизест мучазу пироста, зебову пироста, нируманду тавонманд.

Носири Хусрав ҳаммонанди саромади адабиёти порсии дарии тоҷикӣ Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ таркиби **марди суханро** ба мафохими **суханвар**, **донишманд**, **суханшинос** истифода бурдааст:

*Чаҳд кун, то ба сухан мардум гардиву бидон,
Ки ба ҷуз марди сухан халқ ҳама хору гиёст [4, с.104].*

Шоир ба василаи эҷоди таркибҳои изофӣ ба тани сухан ҷон бахшида:

*Андар тани сухан ба мисоли хирад
Маънии хубу нодираро ҷон кунам [4, с.351].*

ӯ ин корро ба хошири таҷассуми мавзӯ кардааст. Ташбеҳот ва истиороти муканное [10,509], ки ёфтааст, мушаббахро ҷисмдор менамоёнанд ва «маънии хубу нодира» ба вучуд меояд, амсоли **дасти сухан** ва **модари сухан**:

*Дасти сухан бубасту ба ман додаи,
Ҳаргиз ҷунин накард кас ихсоне [4, с.513].*

*Ҳӯрдам зи модарони сухан ҳар як
Шире дигар зи дигар пистоне [4, с.515].*

Таркибҳои изофии намунаовардари, ки бар асоси ташбеҳҳои игроқофарин сохта шудаанд, ин гуна метавон гурӯҳбандӣ кард:

1) ташбеҳ барои зебо, хушрӯ ва пурбаҳо нишон додани мушаббаҳ. Аз ин ҷиҳат шоир мушаббаҳбихиеро аз миёни ашъи бас гаронарзиш (**зарри сухан**) бармегузинад ва ё ташбеҳоте бо вожаи **арӯс** меорад, ки мафҳуми зебоиро мерасонанд:

*Олам кон буваду ман-и зарру кунун ман
Зарри суханро ба нафси нотқиқа конам [4, с.342].*

*Арӯси суханро надодааст кас
Ба ҷуз Ҳуҷҷат ин зебу ин болу ёл [4, с.301].*

2) ташбеҳи игроқофарин расоӣ ва ҳадафмандиро мефаҳмонад:

*Ҳар кӣ ба тири сухан-т хаста шуд,
Хастаги-и нохушу беҳилат аст [4, с.120].*

3) ташбеҳи игроқофарин маънии дастболоӣ, донишмандӣ ва хунарвариро медиҳад:

Хайли суханро раҳиву бандаи ман кард,

Он ки зи Яздон ба илму адл мушор аст [4, с.107].

4) ташбеҳи игроқофарин бар вуфуру афзунӣ далолат менамояд:
*Рӯзу шаб аз баҳри сухан ҳамчунин
Дур(р) ҳаме чӯю ҳаме барфишон [4, с.362].*

*Чун дилам анбори сухан шуд, бас аст
Фикрати ман хозани анбори хеш [4, с.260].*

5) ташбеҳи игроқофарин, ки тамомияту камолро мефаҳмонад:
*Низоми суханро Худованди ду ҷаҳон
Дили Унсурӣ доду табъи Ҷарирам [4,337].*

6) ташбеҳи игроқофарин далел ба бархӯрдорист:
*Маҷлисаат бӯстонастиву рафиқонро
Аз дарахти сухани хуб симор астӣ [4, с.529].*

7) ташбеҳи игроқофарин мафҳуми воситаи иҷрои кор ё расидан ба мақсадро ишорат менамояд:

*Сухан ба манзилати марқаб аст ҷони туро,
Бар-ӯ тавонӣ рафтан ба сӯйи шаҳри Ҳадӣ.
Дари Ҳадо нагишояд магар калиди сухан,
Ҳаму гушояд дарҳои офату балвӣ [4, с.489].*

8) ташбеҳи игроқофарин бар навию лаззат таъкид менамояд:
*Очори сухан чист? - Маъонию иборат!
Нав, нав сухан ори, чу фароз омадат очор [4, с.240].*

9) ташбеҳи игроқофарин мафҳуми сабзиву тозагиرو мерасонад:
*Бар ҷомаи суханҳо-и
Ҷуз маънӣ астар нест [4, с.117].*

Носири Хусрав аз изофаҳои истиораӣ ва ташбеҳҳои игроқофарин гарази тазйини мушаббах ва дилангез нишон додани он дуруст кор гирифтааст. Ин гуна тасвирҳо бар шева ва фусҳати баёни шоир созгор уфтодаанд ва, аз ин рӯ, забони ашъори эшон бас рангину ҷаззоб сурат гирифта.

АДАБИЁТ

1. Бертелс Е.Э. Таърихи адабиёти форсӣ–тоҷикӣ / Е.Э.Бертелс. – Москва, 1960. – 556 с.
2. Минувӣ Мучтабо, Муҳаккиқ Маҳдӣ. Девони Носири Хусрав. Нашри Эрон / Мучтабо Минувӣ, Маҳдӣ Муҳаккиқ.–Техрон: Муассисаи интишороти ва ҷопи донишгоҳи Техрон, 1378. – 579 с.
3. Маниёзов Абдулқодир, Шарифов Худой. Ҳакими суханвар. Ба алифбои арабӣ / Абдулқодир Маниёзов. Худой Шарифов.–Душанбе: Чопхонаи Пайванд,1384. – 259 с.
4. Хусрав Носир. Девон. Нашри Эрон / Носири Хусрав. Нашри Эрон/ Бо муқаддимаи Сайид Ҳасан Тақизода. –Техрон: Интишороти Асотир, 1378. – 816 с.

РОЛЬ СРЕДСТВ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СЛОЖНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Носир Хусрав показал свое мастерство в формировании сложных компонентов. Эту сторону языка поэзии признали такие исследователи истории литературы, как Эдвард Браун, Е.Э. Бертельс, Муджтабо Минуви, Махди Муҳаккиқ и Худой Шариф. В статье обсуждается эта сторона языка поэзии Носира Хусрава, а также речь идет о свойстве сравнения. Известные словосочетания, употребляемые поэтом на основе аллегории, до его времени не имели свое место в истории литературы.

Ключевые слова: роль, элемент, изображение, структура, мастерство, прибавление, сокращение, словарная единица.

THE ROLE OF MEANS OF IMAGE IN THE FORMING OF COMPLEX COMPONENTS

A role of means of image in forming of complex components Nosiri Khusrav showed the mastery in forming of difficult components.

This side of language of poetry was confessed by such researchers of history of literature, as Edward Brown E.E. Berteleev, Mujtabo Lisnivi,, Mahdi Muhakkik and Khudoj Sharif. In the article it comes into

question side of language of poetry of Nosiri Khusrav , and also speech about property of comparison. Well-known word-combinations used by a poet on the basis of allegory does not take place in history of literature to his time.

Keywords: role, element, image, structure, mastery, addition, dictionary unit.

Сведения об авторе:

Анварӣ Сулаймон - кандидат филологических наук, доцент кафедры таджикского языка и методики преподавания языка и литературы Таджикского национального университета. Тел.: (+992) 2-254737., (+992) 936003310

About the author:

Anvari Sulaymon - Tajik National University, candidate of philological science, associated professor of the department of Tajik language and the method of teaching Tajik literature and language. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue 17. Phone: (+992) 225-47-37

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЁН И ПРОЗВИЩ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Баротзода Ф.К.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Каждый человек, появившись на свет, получает имя, и - это не только название, наименование вещи, человека, но и *репутация, слава*. Отметим, что *репутация* понимается как доброе имя. У многих народов этот процесс сопровождается многочисленными обрядами, один из наиболее значимых – имя наречение, соответственно, отношение к личным именам у каждого народа отражает господствующие в социуме в конкретный период его развития ценности и идеологию. При этом, в русском и английском языках имя может быть эквивалентно понятию известный человек, а в таджикском языке имя еще и титул, звание, а в переносном значении может быть использовано как мотив, повод, основание. Лишь в английских словарях зафиксировано значение имени как слов для оскорбления (call somebody names). В первую очередь имя ассоциируется с чем-то положительным, отражает достижения человека и его признание обществом. Русская народная мудрость гласит: *С именем – Иван, а без имени – болван*.

В таджикском языке, как и во многих других языках мира, где существует трехкомпонентная система именовании, наряду с именем, отчеством и фамилией, широко употребляются и прозвища. Д.И. Ермолович в своей книге (Имена собственные на стыке языков и культур) сказал: *«Будучи вспомогательными компонентами имен, они рассматриваются наряду с псевдонимами, титулами и почетными званиями, уменьшительно-ласкательными именами. Известно, что возникновение прозвищ имеет исторический характер, но следует подчеркнуть, что они возникли вслед за именем. Золотым веком отчества можно считать советский период, когда трехчленная формула именовании «имя личное + отчество + фамилия» стала общепринятой официальной для всех народов СССР (в том числе и для Таджикистана) [1, с.55]. Интересно отметить, что в заграничных паспортах отчество не фиксировалось в иностранной транслитерации (очевидно, из-за юридической избыточности для иностранных государств).*

Законодательство Советского Союза требовало, чтобы в документах каждого гражданина были зафиксированы его имя, отчество и фамилия. И если представители тюркских народов (азербайджанцы и казахи) могли записывать отчество в народной форме: азерб. – оглы / оглу (для сына) и кызы / гызы (для дочери) (слова сын и дочь в притяжательной форме 3 лица единственного числа): Эльнур Ибрагим оглу, Алия Эльнур кызы, то в Таджикистане отчества образовывались при помощи прибавления суффиксов –ович / –овна, –евич / –евна: Нуриддинов – Нуриддинович, Нуриддиновна.

Хотя отчества существовали у таджиков еще в древности. В начале периода господства ислама наблюдались арабские патронимические элементы «абу», «ибн», «бен» (сын), «бинт» (дочь): например, *Абулхасан Али бинни Чулуг Фаррухӣ известный поэт XI-ого века; Абу Рейхаан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни — средневековый персидский учёный-энциклопедист и мыслитель; Абу Мансур Мухаммад ибн Ахмад, персидско-таджикский поэт. Псевдоним — Дақиқӣ. Один из крупнейших поэтов второй половины X века [2, с.31].*

В таджикском художественном литературе еще можно отметить прозвищ и кличек выдающихся поэтов и учёных наименовавшихся именах городов, региона и долинах. Например: *Низомӣ Ганҷавӣ – таджикско-персидский поэт который был из города Ганча (Азербайджан); Мулло Мухаммадраҷаби Ҳисорӣ – поэт XIX века; Ҳофиз Шерозӣ – таджикско-персидский поэт и великий лирик мировой литературы который жил в XIV-ом веке; Мирзо Мухаммадали*

Исфаконӣ – поэт XVII-ого века [3, с.853]

Вопрос имени, кличек и прозвищ интересует умы ученых разных сфер испокон веков, среди которых значительные труды принадлежат языковедам. Эта тема актуальна и тем, что имя человека сопровождает его всю жизнь, и является своеобразным заменителем человека, его представителем, как в узком семейном кругу, так и в более широких сферах общения, в официальных документах. Не малую роль играют в жизни человека и прозвища, так как в центре этого явления находится человек, личность.

Немаловажным вопросом в данном контексте является и выяснение происхождения и истории формирования имен и прозвищ. Важно понять, откуда появились прозвища, какую роль они играют в жизни человека, что они обозначают и какую сторону характера человека, внешности, родовых признаков открывают прозвища. Об этой важной части для жизни человека, написано немало научных трудов, где каждый исследователь выразил свое мнение.

Прозвище, кличка – неофициальное второе имя человека и в силу особых функций тесно связаны с социологическим, историческим, этнографическим и другими аспектами изучения.

Изучение антропонимики можно разделить на историческую и современную эпоху. Проблемам возникновения и развития таджикских антропонимов посвящены статьи антрополога Олима Гафурова. В своей статье «Рассказы об именах» (1968), «Лев и Кипарис» (1971), «Шархи исму лакабҳо («Толкование имён и прозвищ» (1981), «Имя и история» (1987) автор анализирует средневековые религиозные и почётные имена и синхронно классифицирует на персидско-таджикские, арабские, тюркские.

В статье «Лакабгузории салотини Ғазнавӣ» (1971) антрополог К.Э. Босворт анализирует имена и прозвища газневидского периода.

Важно упомянуть статьи С.Ф. Ольденберга (1918), который описывал прозвища жителей Восточных городов Туркестана, известного ираниста М.С. Андреева «Прозвища жителей различных селений в Матче (верховья р. Зеравшан)», Н.А. Белгородского (1932), который описал семантические и социальные аспекты персидских имён, прозвищ, титул и фамилий.

В работе А. Каландарова «Мавқеи услубии ному лакаб» («Стиль изложения имени и прозвищ», 1974) проанализированы имена и прозвища персонажей из произведений С. Айни.

В таджикском языкознании исследованием имен и прозвищ таджикской диалектологии и антропонимики занимались также известный иранист, востоковед профессор Алберт Леонидович Хромов и член - корреспондент Академии наук Республики Таджикистан – Раззок Гаффоров, Джамолхон Мурувватов, Султон Вохидов. Проблемам современной таджикской антропонимики посвящены монографические, в том числе и кандидатские и докторские диссертации А.Гафурова, Ш.Хайдарова, М.Косими и А.Мирбобоева и др. где исследованы проблемы становления и формирования таджикской антропонимии.

Сопоставительно-типологическому лингвистическому исследованию была подвергнута Антропонимическая система русского и таджикского языков в диссертационной работе Д.Д. Мирзоевой [4, с.65] с.

Хайдаров, Шомат в 1991 году в диссертации который проделал огромнейшую работу по исследованию региональной антропонимии таджиков Аштского района. [8, с.3-23]

Исторические пути, этапы и источники шугнанских антропонимов рассмотрены в работе Ш.Ш. Гуламадшоева, который предложил аргументированы суждения о систематизации личных имен шугнанского языка в соответствии с ее реализацией в аспекте логико – грамматического членения и лексико – семантической концептуализации.

Одно из определений клички дается в работе Дьяченко В.В., где кличка может использоваться как прямое обращение к ее носителю, а прозвище - нет. Однако часто с понятием клички связывают уличную и криминальную среду. В криминальной среде кличка, или прозвище, является очень важным апеллятивом, поэтому вопросу как указывает И.В. Бестужев-Лада для уголовника кличка является самым дорогим именем однако, в более поздние советские времена кличка стала выполнять более социально-различительные функции.

Основная функция прозвищ – коммуникативная, а в частности – маркирующая человека в обществе, где антропонимы являются важным маркером, выделяющим личность в социуме и определяющим его как индивидуальную языковую личность.

Исследователи подчеркивают два аспекта в семантике прозвищ, которые затрагивают ономастическое и до-ономастическое значение данной группы антропонимов. Если обратимся к «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, где дается следующее определение: В «Словаре ономастической терминологии» даются следующие определения этих антропонимов: «Личное имя – вид индивидуального антропонима. В русской традиции основное, официальное имя, данное человеку при рождении» [6, с.69]. «Отчество – вид антропонима. Именованное, произведенное от имени отца»; «Фамилия – вид антропонима.

Наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определенной семье или выбранное для себя взрослым человеком».

Прозвища активно номинируя личность, характеризуют его с разных сторон в неформальной, бытовой коммуникации, так как связаны с образными и эмоциональными оценками, часто непосредственно характеризующих человека. Благодаря им можно установить социализацию личности, развитие личностных особенностей, формирование отношений в коллективе. Как известно, прозвища бытуют в разных сферах социума, что позволяет исследовать их разноаспектное.

Итак, прозвища сегодня - неотъемлемая часть бытовой коммуникации. Это сформировавшаяся, но динамично развивающаяся антропонимическая категория, используемая с целью выделить человека в коллективе. Изучение прозвищ связано с культурой общественного сознания, коллектива, в котором они бытуют, с культурой личности в частности. Культура личности проявляется в фактах использования тех или иных прозвищ в различных коммуникативных ситуациях.

В центре исследовательской мысли - человек, его личностные параметры и ориентиры. В этом свете, безусловно, антропонимика как наука об именовании человека, идентификации его в социуме, большом и малом, представляет собой весьма перспективную область для работы. В связи с изучением языковой личности и языковой картины мира возрастает роль изучения имен собственных, в частности - антропонимов, которые являются, несомненно, одним из важнейших компонентов, составляющих видение мира человеком, частью и языковой, и концептуальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
2. Маъсумӣ Н.А., Шукуров М.Ш., Капранов В.А., Ҳошим Р. Фарҳанги забони тоҷикӣ, Қисми 1 Нашриёти «Советская Энциклопедия» / Маъсумӣ Н.А., Шукуров М.Ш., Капранов В.А., Ҳошим Р. – Москва, 1969. – 952 с.
3. Маъсумӣ Н.А., Шукуров М.Ш., Капранов В.А., Ҳошим Р. Фарҳанги забони тоҷикӣ, Қисми 2 Нашриёти «Советская Энциклопедия» / Шукуров М.Ш., Капранов В.А., Ҳошим Р., Маъсумӣ Н.А. – Москва, 1969. – 952 с.
4. Мирзоева Д.Д. Лингвистические исследования таджикских и русских антропонимов в сравнительно - сопоставительном плане: автореф. дис. ... канд. филол.наук / Д.Д. Мирзоева. – Душанбе, 2002. – 145 с.
5. Полякова Е.Н. Лексика говорения в пермских прозвищах конца XVI - начала XVIII в. // Е.Н.Полякова // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. – Вологда, 1994. – 132 с.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Наталья Владимировна Подольская. – М.: Наука, 1988. – С. 187 – 69 .
7. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 294–358.
8. Хайдаров Ш. Антропонимия таджиков северо-западной части ферганской долины (на материале Аштского района), 10.02.02 — Языки народов СССР (таджикский язык): автореф. дис. ... канд. филол.наук / Шомат Хайдаров. – Душанбе, 1991. – 24 с.
9. Хесни Ф. Сайланма эсэрлэр / Ф. Хесни. – Казан: Хэтер нэширияты, 2002. – 48 с.
10. Эмир М. Саф куцел // М.Эмир // Эсэрлэр. 2 и 3 том. – Казан: Т.к.н., 1987. – 18 с.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЁН И ПРОЗВИЩ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена вопросу об изучении личных имён и прозвищ в таджикском языке. Каждый человек, появившись на свет, получает имя, и - это не только название, наименование вещи, человека, но и репутация, слава. Отметим, что репутация понимается как доброе имя. У многих народов этот процесс сопровождается многочисленными обрядами, один из наиболее значимых – имя наречение, соответственно, отношение к личным именам у каждого народа отражает господствующие в социуме в конкретный период его развития ценности и идеологию. При этом, в русском и английском языках имя может быть эквивалентно понятию известный человек, а в таджикском языке имя еще и титул, звание, а в переносном значении может быть использовано как мотив, повод, основание.

В таджикском языке, как и во многих других языках мира, где существует трехкомпонентная система именовании, наряду с именем, отчеством и фамилией, широко употребляются и прозвища. Прозвище, кличка – неофициальное второе имя человека и в силу особых функций тесно связаны с социологическим, историческим, этнографическим и другими аспектами изучения.

Ключевые слова: прозвища, функция, человек, развития, язык, мир, система, процесс, изучения, английский, русский, таджикский.

THE ISSUE OF LEARNING OF PERSONAL NAMES AND NICKNAMES IN THE TAJIK LANGUAGE

This article is devoted to the study of personal names and nicknames in the Tajik language. Each person, having appeared on light, receives a name, and is not only the name, of a thing, the person, but also reputation and glory. It should be note that reputation is understood as a good name. In many nation, this process is accompanied by numerous rituals, one of the most important - the name calling, respectively, the attitude to personal names of each nation reflects the dominant values and ideology in society at a particular period of its development. Thus, in Russian and English languages, the name may be equivalent to the concept of well-known people, and in the Tajik language, the name of another title, rank, and in a figurative sense can be used as a motive, reason, grounds.

In the Tajik language, as in many other languages of the world, where there is a three-component naming system, along with the name, patronymic and surname, nicknames are widely used. A nickname is an unofficial second name of a person and due to its special functions is closely related to sociological, historical, ethnographic and other aspects of study.

Keywords: nickname, function, person, development, language, world, system, process, learning, English, Russian, Tajik.

Сведения об авторе:

Баротзода Файзиддин Камолiddин – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, tel: (+992) 934555066.

About the author:

Barotzoda Faiziddin Kamoliddin, Ph. D. in Philology, Associate Professor, Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ainy, Tel: (+992) 934555066.

ЗАБОНИ ТОЧИКӢ ДАР МАСИРИ ГУФТУГӢИ ТАМАДДУНӢО

Нозимов А.А.

Филиали донишгоҳи МИСИС

Шахлои А.Т.

Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон

Аз рӯзи таърихи қабули Қонуни забони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки мо онро Рӯзи забон номидем, солҳо гузаштанд. Забон дар ҳама давру замонҳо яке аз сарчашмаҳои асосии истиқлолияти миллӣ ва омили муҳими ташаккули миллат мебошад. Дар ин замина ханӯз беш аз ҳазор сол пеш ба сулолаи Сомониён муяссар шуда буд, ки дар қаламрави Мовароуннаҳру Хуросон бори нахуст дар таърих давлати мутамарказ ва миллии тоҷиконро бунёд намояд. Бо талошу заҳматҳои шахсиятҳои бузурги илму адаб забони тоҷикӣ дар тӯли тамоми таърихи миллати мо давра ба давра ташаккул ва таҳаввул пайдо карда, ҳамзамон куҳантарин ва асилтарин унсурҳои таърихӣ ва миллии худро аз он даврон то ба имрӯз хифз намудааст. Имрӯз давлати соҳибистиқлоли Тоҷикистон бо забони давлатӣ санадҳои ҳуқуқии миллӣ ва байналмиллалиро, аз ҷумла созишномаҳо ва қарордодҳои муҳимро ба имзо мерасонад. Забони тоҷикӣ имрӯз на танҳо дар умури коргузорӣ, балки дар робитаҳои хориҷии кишварӣ мо бо дигар давлатҳои ҷаҳон низ ба таври васеъ мавриди истифода қарор дорад.

Ин равандҳо моро водор месозад, ки ба хоҳири рушди забони давлатӣ, ташаккули ҳамачонибаи он баҳусус дар баҳши луғоту истилоҳоти навин ва танзиму ҳамгунасосии онҳо пайваста кӯшиш намоем. Чунки ҳоло замоне фаро расидааст, ки забони тоҷикӣ ҳамчун забони давлатӣ бояд ҷавобгӯи ниёзҳои ҷомеа ва даврони муосири муносибатҳои ҷамъиятӣ бошад ва тамоми таҳаввулоти сиёсӣ ва иқтисодӣ ва иҷтимоиву фарҳангии ҷомеаро дар худ инъикос намояд. Дар ин асно масъалаи муҳимтарин дар тӯфони ҷаҳонишавии муосир хифзи асолати фарҳангии миллӣ мебошад, ки мавҷудияти маънавии халқҳо ба он марбут аст. Баъзе донишмандони бонуфузи ғарбӣ, масалан Хабермас ба хулоса омадаанд, ки ҷомеаи ҷаҳонӣ имрӯз дорои бозори фарҳангии глобалӣ буда, ҷомеаи ҷаҳонии шаҳрвандӣ дар ҳолати оғози ташаккул мебошад. Яке аз масъалаҳои ҷиддӣ дар баҳсҳои илмӣ муосир глобализатсияи фарҳанг аст. Ҷиҳати ташвишовари ин раванд паҳн шудани фарҳанги аввомона аст, ки ба арзишҳои бузурги ахлоқӣ ва эстетикӣ миллӣ, ҳосатан миллатҳои аз ҷиҳати иқтисодӣ ва иттилоотӣ камқудрат хатар эҷод карда, ба насли ҷавон таъсири манфии он бештар эҳсос

мешавад. Ин масъала ба худшиносии фардӣ ва чомае вобаста буда, дар кишварҳои гарбӣ таваҷҷӯҳи олимону фарҳангшиносонро дар солҳои охир бештар ҷалб кардааст. Азбаски дар ҷаҳони муосир миёни забонҳои мухталиф тазодҳои зиёд ба назар мерасанд ва онҳо сабабгори ихтилофҳо низ мегарданд, масъалаи мазкур таҳқиқи ҷиддиро тақозо мекунад. Масъалаи гуфтугӯи тамаддунҳо дар қиболи бархӯрди тамаддунҳо ба миён омад ва он таваҷҷӯҳи олимону сиёсатмадоронро ба худ ҷалб кард.

Илме, ки истилоҳотро меомӯзад, чун худ забони таҳқиқшаванда кадр қиммат дорад ва зарур аст. Дар ҷамъият забоне баҳри иҷрои вазифа имкониятҳои бештар дорад, ки илми забоншиносии он инкишоф ёфта бошад ва сохти грамматикӣ он такмилиёфта ва таҳқиқшуда бошад. Ба ин гуфтаҳо андешаи донишманди илми забоншиносии тоҷик Қосимова М. Н. далел шуда метавонад: «... Вақти он расидааст, ки гузаштаре омӯхта, дастраси умум гардонем ва нишон бидиҳем, ки дар гузашта низ илми забоншиносӣ бо истилоҳоташ мавҷуд будааст ва илми забоншиносии имрӯзи тоҷик дар ҷойи хушқу холи бунёд нагардидааст» [5, с.350]. Дар ҳақиқат масъалаи омӯзиши истилоҳот ва қабул намудани меъёри муайян барои корбурди онҳо дар забоншиносӣ масъалаи муҳим ба шумор меравад.

Халқи мо таърихи қадимаи давлатдорӣ ва фарҳанги ҷаҳоншумул дошт. Ба ақидаи олимони мо, аз ҷумла академик Бобочон Ғафуров, халқи тоҷик дар замони Сомониён, ки онро давлати миллии тоҷикон номида мумкин аст, ташаққул ёфтааст. Аз ҷониби дигар бузургони илму адаб ҳамеша таъкид кардаанд, ки миллатчиён дар байни фарҳанги худ ва фарҳанги дигарон девор эҷод карда, дар амал фарҳанги худро маҳв месозанд. Бинобар ин бояд ҳамеша дар назар дошт, ки ҳеҷ миллате дар танҳои комил зиндагӣ карда наметавонад, робитаҳои иқтисодӣ, тижоратӣ, илмӣ, адабӣ, фарҳангӣ ва ҳатто оилавӣ миллатҳои ҳамсояро бо ҳам дар таъсири мутақобила қарор медиҳанд, ки ба ин васила фарҳанги ҳамдигарро ғанӣ мекунанд. Халқи мутамаддин ва фарҳангӣ ин асло ҳеҷ гоҳ инкор намекунад, ҳатто барои пеш бурдани маданияти халқҳои дигар мусоидат мекунад. Ин дар мисоли аксари заъиёни тоҷики асрҳои XIX-XX мушоҳида мешавад, ки онҳо ба ғайр аз забони модариашон тоҷикӣ (форсӣ, дарӣ) ба забонҳои арабӣ, туркӣ, ўзбекӣ, паштуӣ низ асарҳо офаридаанд ва намунаи барҷастаи заковату дӯстию хусни баён будаанд. Бо таъя ба ин таҷрибаи башардӯстонаи ниёғони мо, давлатҳои имрӯзаи аз лиҳози фарҳанги илмию техникӣ пешрафта истилоҳҳои умумиро дар забонҳои хеш ҷой додаанд, ки он муоширати илмӣ – техникиро бамаротиб самараноктар гардонидаст. Далели ин гуфтаҳо суханони устод Ғ. Ҷӯраев мебошанд, ки чунин гуфтаанд: «Дигаргуниҳои ҳаёти нав, тараққиёти рӯзафзуни илму техникаи шӯравӣ ба забони миллатҳои гуногуни мамлакатамон дохилшавии калимаҳои русӣ-интернатсионистиро хеле тезонид» [13, с.151]. Ҷараёни дохилшавии калимаҳои русиро Н. Маъсумӣ яке аз хусусиятҳои характерноки забон ҷиҳати такмили таркиби луғавӣ доништа, чунин фармудааст: «Пайдоиши матбуот, воситаҳои навӣ истехсолӣ, навигарҳои техника, кашида шудани роҳи оҳан, миқдоран кам бошад ҳам, кушода шудани мактабҳои русӣ ва ғайра, калимаҳои русиро ҳамчун натиҷаи зарурати ҳаёти ба забони тоҷикӣ дохил мекард» [6, с.214].

Дар самти илмҳои дақиқ истилоҳоти физикӣ *амплитуд-домана, индуксионӣ-илқоӣ, дифраксияи мавҷҳо-пароши мавҷҳо, дуализми «заррамавҷ»-дугунагии мавҷ, индуксияи электромагнитӣ-илқоӣ электромагнитӣ, индуктивият-зарби худ-илқо, фотоэффект-фотопадид, мавҷҳои коҳеренӣ-мавҷҳои ҷўрфаз, спектр-тайф, энергосистема-шабакаҳои умумии барқ, инертсия-шастии ҳаракат* дар соҳаи физика қобили қабул буда, хуб мешуд, ки то мавриди истеъмоли пурра гаштани ин истилоҳот тарҷумаи тоҷикӣ онҳо дар дохили қавс навишта шавад. Дар баъзе маврид истилоҳоте дучор меоянд, ки дар забони илми кулли дунё бетағйир қабул гаштаанд. Бинобар ин, бештар мешуд, ки барои соддаю оммафаҳм шудани истилоҳоти соҳаҳои гуногуни илм калимаҳои байналмиллалӣ ба меъёрҳои илми забоншиносии муосир мувофиқбуда қабул карда шаванд. Масалан калимаи **алфавит** (аз калимаи лотинии alphabet – яъне «алфа» ва «бета») – истилоҳи забоншиносӣ буда, зарурате барои тарҷума шудан надорад ва бо забони тоҷикӣ ҳам фаҳмо аст. Истифодаи калимаҳои байналмиллалӣ энерҷӣ, автомобил, атом, протон, нейтрон, электрон ва ғ. к. дар забони тоҷикӣ танҳо ба манфиати кор хоҳад буд ва тарҷумаи тахтулафзӣ онҳо забонро душворфаҳм ва имкониятҳои онро ҳамчун воситаи муошират маҳдуд мегардонад. Ба истиснои баъзе калимаҳо, ки тарҷумаи тоҷикӣ онҳо дар забони адабии ҳозира мавриди истифода қарор дорад. Масалан калимаи **абзатс** – сарҳат, **конститутсия** – сарқонун, **студент** – донишҷў, **аванс** – пешпардохт ва ҳоказо.

Калимаҳоеро, ки аз дигар забонҳо иқтибос шудаанд ё ин ки аз элементҳои забони лотинӣ ё юнонӣ сохта шудаанд ва дар дигар забонҳо мавриди истифодаанд, шартан «калимаҳои байналмиллалӣ» номида луғати «Калимаҳои байналмиллалӣ»-ро тартиб дода нашр намудан лозим аст. Чунин луғат таҳти унвони «Словарь иностранных слов» бо забони русӣ солҳои 1964, 1979 ва бори дигар соли 1989 дар ш. Москва ба таъ расидааст, вале он ба талаботи имрӯзаи

илму техника ва фарҳанги муосир ҷавобгӯ нест. Хуб мешуд, ки чунин луғати мукамал бо забони тоҷикӣ ба таъб расад ва он фарогири бисёр калимаҳои байналмиллалӣ вориди забони илмгардида бошад.

Вазифаи асосии луғати мазкур тафсири мухтасари калимаҳое хоҳад буд, ки дар адабиёти бадеӣ, публицистӣ ва илмӣ – оммавӣ воমেҳӯранд. Калимаҳои нав, истилоҳоти навро, ки дар даҳсолаи охир аз забонҳои хориҷӣ вориди забони тоҷикӣ гаштаанд, метавон дар ин луғат ҷамъоварӣ намуд ва шарҳу тафсир дод. Он барои оммаи васеи хонандагон як китоби рӯимизӣ хоҳад шуд.

Тафсири калимаҳое, ки ба ин ё он соҳаи илму техника мансуб аст, бояд аз тарафи мутахассисони ҳамон соҳа сурат гирад. Дар чунин равиши кор иштироки мутахассисони соҳаҳои гуногуни илм барои таҳрири калимаҳо зарур аст. Масалан, ҷалби мутахассисони соҳаҳои зерин: адабиёт, забон, таърих, физика, химия, математика, астрономия, биология, тиб, ҳарбӣ, варзиш, археология, санъат, дин, педагогика, иқтисодиёт, геология ва минералогия, илмҳои техникаӣ ва ғ. к. дар таҳияи чунин луғат бамаврид мебуд.

Қайд намудан лозим аст, ки барои қабули баъзе калимаҳо хусусиятҳои савтии забони тоҷикиро ҳатман бояд ба назар гирем. Масалан, калимаи **албом**. Талаффузи тоҷикии онро метавон ҳамчун **албум** қабул кард. Дар ин радиф калимаҳои **энергия – энерҷӣ, парламент – парлумон, Корея – Куриё, Россия - Русия** ва мисли инҳоро низ мисол овардан мумкин аст.

Барои дар мақоми забони илм қарор додани забони тоҷикӣ бояд пеш аз ҳама ба низоми таҳсилоти миёна ва олий таъбия карда шавад. Зеро соҳаи мазкур асоси рушди забони адабӣ ва ҳамзамон забони илм мебошад. Имрӯз замоне расидааст, ки барои таҳияи китобҳои дарсӣ ва ҳамгунсозии истилоҳоти онҳо тадбирҳои ҷиддӣ бояд андешид.

Ниёгони мо аз гузаштаҳои дур ин забонро ҳамчун падидаи миллӣ ҳифз карда, онро то замони мо ба мерос гузоштаанд ва мо низ бояд ин ганҷи бебаҳоро барои наслҳои оянда бо ҳамин покиву шевоӣ ба мерос гузорем. Дар ҳифзи асолати забони нобу шоиронаи тоҷикӣ аз падару модарон сар карда то мураббӣни муассисаҳои томақтабӣ, муаллимону устодони мактабҳои таҳсилоти миёнаву олий, аҳли зиё ва умуман тамоми ҷомеа бояд ғамхор ва саҳмгузор бошанд.

Дар охир, қайд намудан лозим аст, ки барои ҳалли мушкилоти истилоҳиносии ва истилоҳнигорӣ, густариши забони давлатӣ ҳамчун забони илм дар арсаи ҷаҳон хуб мешуд луғати калимаҳои байналмиллалӣ бо тафсири забони тоҷикӣ тартиб дода шавад.

АДАБИЁТ

1. Аминов С. Забони модарӣ. Китоби дарсӣ барои синфи 7. / С. Аминов. – Душанбе, 2009. - 236 с.
2. Бахриев С. Х. и др. Лабораторные работы по начертательной геометрии. / С.Х. Бахриев и др. - Душанбе, 1986. – 80 с.
3. Каримов Э. Краткий немецко-таджикский словарь строительных терминов. / Э. Каримов. – Душанбе, 1995. – 48 с.
4. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. – Душанбе, 1989, Т.2, 560; 2004, Т.3, 524 с.
5. Қосимова М.Н. Мухтасар оид ба истилоҳоти забоншиносии пешин /М. Н. Қосимова. – Душанбе, 2003. - 113 с.
6. Маъсумӣ Н. Ҷаҳонбинӣ ва маҳорат. / Н. Маъсумӣ . – Душанбе: Ирфон, 1966. – 290 с.
7. Программы средней общеобразовательной школы. Профессиональное обучение, 10-11кл. – Душанбе, 1989. – 192 с.
8. Словарь иностранных слов. – Москва, 1989. – 829 с.
9. Суперанская А. В., Общая терминология. / А.В. Суперанская. – Москва, 2005.
10. Фарҳанги забони тоҷикӣ. – Душанбе, 2008. – Ҷ.1. – 951 с.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.11. – Душанбе, 2008. – 949 с.
12. Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ. – Душанбе, 2009. – 574 с.
13. Ҷураев Ф. Системаи лексикаи лаҳҷавии забони тоҷикӣ. / Ф. Ҷураев. – Душанбе, 2017. – 312 с.

ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье приведены место и положение таджикского языка в период мировой глобализации. Показаны проблемы и способы принятия разных иностранных слов в таджикском языке. Виды применения терминов в различных областях науки. В статье показаны приемлимые слова, принятия которых должны соответствовать фонетическим особенностям таджикского языка.

Ключевые слова: таджикский язык, слова, терминология, социология, глобализация.

TAJIK LANGUAGE IN THE SPHERE OF GLOBALIZATION

This article is devoted to the place and position of Tajik language in the globalization period. Problems

and methods of admitting different foreign words in the Tajik language are shown. Kind of usage terms in the different fields of science. In the article receiving words admissions of which must be compliance to phonetics property of Tajik language are shown.

Key words: *tajik language, words, terminology, social position, globalization*

Сведения об авторах:

Нозимов Абдуҳамид Абдуалимович – доктор филологических наук, профессор. Тел.: (+992) 907 725 666, E-mail: aa.nozimov@mail.ru

Шахлои Абдуализодаи Тохирӣён – кандидат филологических наук. Тел.: + 992 884 088 123, E-mail: shahlo_yak@mail.ru.

About authors:

Nozimov Abduhamid Abdualimovich – Doctor of Philological Sciences. Phone: (+992) 907725666, E-mail: aa.nozimov@mail.ru

Shahloi Abdualisodai Tohiriyon – Candidate of Philological Sciences. Phone: + 992 884 088 123, E-mail: shahlo_yak@mail.ru.

КОМПОЗИТҲОИ МУТАЗОДИ НАЗМИ МИРЗО БЕДИЛ

Олимҷонов М.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров

Мутазод ё худ антоним калимаҳоеанд, ки маъноҳои хилофи ҳамдигарро ифода мекунанд ва ба гурӯҳи антонимҳо вожаҳои мансубанд, ки дар онҳо нишонаи аломати чизе мушоҳида мешавад. Аз ин рӯ, аксар калимаҳои ифодагари мафҳумҳои сифатӣ, миқдорӣ, замонавӣ мутазоди худро доранд, чун сиёҳ-сафед, дароз-кӯтоҳ, шаб-рӯз, бисёр-кам ва ғ. [ниг. 12, с.65; 8, с.86]. Дар адабиёти мавҷудаи илмиву таълимӣ [ниг. 6; 8; 10; 12] асосан мутазодшавӣ ва воситаҳои мутазодсозии калимаҳои содаву муштак баррасӣ гардида, мутаассифона, доир ба мутазодгардии композитҳо хомӯширо ихтиёр намудаанд. Муоинаву мутолиаи адабиёти классикӣ ва маҳсусан назми Абулмаонӣ собит месозад, ки композитҳо низ дар вазъияти мутазод қарор дошта метавонанд, зеро мутазодҳо “инъикосгари қонунияти ягонагии олам ва муборизаи ба ҳам зидҳои паҳлуҳои мухталифи он буда, тазодҳои олами воқеиро дар шакли воситаҳои ифоданоки луғавӣ акс мекунанд” [8, с.85]. Дар мақолаи мазкур мутазодшавии композитҳое мавриди баррасӣ қарор мегирад, ки аз калимаҳои арабӣ+тоҷикӣ ташаккул ёфтаанд.

Мутазодшавии композитҳои қолаби “исм+исм”. Мирзо Бедил тавассути калимаҳои мутазод ба ифодаи тазоди зиндагӣ ва ҳодисаву воқеаҳои он муваффақ шудааст. Композитҳои зерин дар ҳолати мутазод қарор доранд: *вафодушман - вафодӯст; саҳвкор - сеҳркор; мурувватдушман - мурувватишно; тарабдушман - тарабдӯст; уқубатхона - ҳаловатхона - улфатхона* ва ғ.

Маводи гирдоварда нишон медиҳад, ки композитҳо дар натиҷаи ивази компонентҳо хусусияти мутазодӣ касб намудаанд. Аз ин ҷиҳат онҳоро ба ду даста ҷудо кардан мумкин аст:

1. Композитҳое, ки дар натиҷаи ивази компоненти аввал хусусияти мутазодӣ касб намудаанд, чун *саҳвкор - сеҳркор; уқубатхона - ҳаловатхона – улфатхона* ва ғ.

Вожаи арабии *саҳв* дар фарҳангҳо хато, ғалат, иштибоҳ [11, ҷ.2, с.225; 4, ҷ.2, с.1734] ва калимаи арабии дигар – *сеҳр* афсун, ҷоду маънидод шудааст. Аз муоинаи тафсири калимаҳо мушоҳида мегардад, ки онҳо маънои муқобили ҳам доранд, пас дар таркиби композитҳо низ ҳамин хусусияти худро нигоҳ доштаанд. Воҳиди маҳраҷии композитҳо ибораи изофӣ маҳсуб ёфта, калимаҳои мавриди таҳлил дар маснавиҳои шоир (“Муҳити аъзам” ва “Ирфон”) ба қор рафтаанд:

Мабодо, аз ин саҳвқори шикаст,

Назокат тапад дар гувори шикаст [2, ҷ.3, с.676].

Аз лаби сеҳрқор гаит тараф

Ҳар табассум ба сад ҷалочили даф [2, ҷ.3, с.296].

Дар таркиби композитҳои *уқубатхона - ҳаловатхона - улфатхона* компонентҳои аввал – *уқубат* ба маънои азоб, ҷабр, озор; шиканча [11, ҷ.2, с.402; 4, ҷ.2, с.2003] бо калимаҳои *ҳаловат* ба маънои ширинӣ, лаззат [11, ҷ.2, с.721; 4, ҷ.1, с.1041] ва *улфат* ба маънои дӯстӣ, ошноӣ, ихтилот, унс пайдо кардан [11, ҷ.2, с.388; 4, ҷ.1, с.218] дар муносибати тазодӣ қарор доранд. Композитҳои мазкур дар ғазалиёти шоир ба қор рафтаанд. Калимаи *улфатхона* ҳам дар ғазалиёти шоир ва ҳам як маротиба дар маснави “Тилисми ҳайрат” истифода шудааст:

Дар уқубатхонаи нанги дуӣ афтадаем,

Мову ту, чандон ки меболад, азобам мекунад [2, ҷ.1 (б.а.), с.573].

*Ба ҳар чо неъмате ҳаст, инфиоле дар камин дорад,
Ҳаловатхонаи дунё мағас дар анғубин дорад [2, ҷ.1 (б.а.), с.497].*

Зиёратгоҳи яктоист улфатхонаи дилҳо,

Нагардад гофил аз оина, ё Раб, чашими ҳақбинат [2, ҷ.1 (б.а.), с.226].

2.Композитҳое, ки дар натиҷаи ивази компоненти дувум бо ҳам мутақобил шудаанд. Муҳаққиқи рус Е.А.Василевская бар ин фикр аст, ки дар ҷараёни калимасозӣ ҷуфти мутақобили композитҳо асосан дар натиҷаи ивази компоненти аввали калимаи мураккаб ба вучуд меояд (3, с.104), вале маводи забони адабиёти классикӣ, махсусан назми Мирзо Бедил собит мекунад, ки дар забони тоҷикӣ ҷуфти антонимӣ дар натиҷаи ивази компоненти дувуми композит низ ташаккул меёбад, мисли **вафодушман - вафодӯст; мурувватдушман - мурувватишно; тарабдушман – тарабдӯст** ва ғ. Дар композитҳои мазкур ҷузъи аввали композит бе тағйир монда, компоненти дувум иваз шудааст: душман-дӯст; душман-ошно. Калимаҳои мураккаби **вафодушман** ва **вафодӯст** дар фарҳангҳои тафсири [11; 4; с.9] дучор наомаданд ва эҳтимоли он дорад, ки аз сохтаҳои Абулмаонӣ бошанд. Композитҳо дар маснавиҳои “Муҳити азам” ва “Тури маърифат” ба кор рафтаанд:

Агар дар шикастан вафодушманӣ,

Ба мардӣ ҷаро тавбаро наиканӣ [2, ҷ.3, с.680].

Рафиқони адабсанҷи вафодӯст,

Ба рангу бӯи гул як мағзу сад нӯст [2, ҷ.3, с.577].

Дар композитҳои **мурувватишно - мурувватдушман** ва **тарабдушман - тарабдӯст** воҳиди махраҷӣ иборати изофӣ махсуб меёбад, ки дар натиҷаи ҳодисаи факки изофат композитҳо дар ҷараёни калимасозӣ тағйири ҷой намудаанд. Калимаҳои мавриди таҳлил дар фарҳангҳои тафсири [11; 4; 9] дучор наомаданд. Басомади калимаи мураккаби “мурувватдушман” дар назми Мирзо Бедил нисбат ба дигар композитҳои мавриди таҳлил бештар аст: се маротиба ҳам дар ғазалиёт ва ҳам маснавиҳои “Ирфон” ва ҳамчунин рубоӣҳои шоир ба кор рафтааст. Калимаҳои мураккаби дигар якмаротибагӣ мавриди истифода қарор гирифтаанд.

Ба табъи хокиён ранги вафо нест,

Мизоҷи дун мурувватишно нест. [2, ҷ.3, с.456]

Оҳ аз ин ҷилвафурӯшони мурувватдушман,

К-аз тағофул ҷӣ қадар оина оҳан карданд. [2, ҷ.1 (б.а.), с.554]

Май нӯш, ки ҳосиди тарабдушмани ту

Аз дидаи халқ рафт ҳамчун рамазон. [2, ҷ.2, с.160]

Бар тарабдӯстон ҷу файзи баҳор

Гар ҳама ранг дошт, кард исор. [2, ҷ.3, с.124]

Маълум мешавад, ки калимаҳои мураккаби навъи арабӣ+тоҷикӣ қолаби исм+исм аксар маврид дар ҳолати мутақобил қарор гирифтаанд. Воҳиди махраҷии композитҳо ибора ва махсусан ибораҳои изофӣ буда, компонентҳо дар натиҷаи фуру рафтани банди изофӣ асосан бо тағйири ҷой ва гоҳе бидуни тағйири ҷой композитҳоро созмон додаанд. Ин қолаб дубара буда, исму сифат ба бор меорад.

Мутақобили композитҳои қолаби “исм+асоси замони ҳозираи феъл”. Маводи гирдоварда нишон медиҳад, ки композитҳои қолаби мазкур низ дар муносибати тазодӣ қарор дошта метавонанд, чун **айбнамо - айбнӯш - айбҷӯ; раҳмандеш - укубатандеш; васлпараст - тафриқпараст; узлатпараст - улфатпараст; шираторо - зафлаторо; сеҳрпарвар - ситампарвар; адабпарвар - сифлпарвар; мавқеъишнос - мавқеъношнос; ҳақишнос - ҳақношнос.** Композитҳо дар натиҷаи а) ивази компоненти феълии калимаи мураккаб; б) ивази компоненти номии композит ва в) ба композит илова намудани пешванди инкорӣ хусусияти мутақобил гирифтаанд. Чунончи, композитҳои **айбнамо - айбнӯш - айбҷӯ** дар натиҷаи ивази компоненти феълии композитҳо (намудан ба пӯшидан) аз ҷиҳати маъно бо ҳам зид шудаанд. Калимаи **айбнӯш** дар назми Абулмаонӣ нисбат ба **айбнамо** басомади бештар дорад. Дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” калимаи **айбнӯш** чунин тафсир шудааст: “рупӯшкунандаи нуқсон, пинҳонкунанда ва бахшандаи гуноҳ” [11, ҷ.1, с.49], вале калимаи **айбнамо** дучор намешавад. Дар “Луғатнома”-и Деххудо ҳар се композит ба ин маънӣ: “айбнӯш - айбпӯшанда, он ки саҳву хатои дигаронро мепӯшонад ва иғмос мекунад; хатопӯш, сатторулуб, муқобили айбҷӯ” [4, ҷ.2, с.2030]; “айбнамо(й) - айбнамоянда, он ҷӣ ва он кӣ айбу нуқсро бинамоёнад” [4, ҷ.2, с.2031]; “айбҷӯ(й) - айбҷӯянда, айбҷӯ, касе, ки ковиши маойибу бадии мардумон кунад, то онро ошкор созад” [4, ҷ.2, с.2030] мушоҳида мешавад. Аз ин композитҳо дар назми Мирзо Бедил калимаи **айбнамо** танҳо як маротиба ба қайд гирифта шуд. Композитҳои дигар нисбатан серистифодаанд:

Дар зикри савониҳе, ки он айбнамоист,

Ҳарчанд бувад илм, хомӯшии авлост [2, ҷ.2, с.303].

Табъи золим аз риёзат айбнӯши олам аст,

Оҳани қотил ҷу лозар гаит, сӯзан мешавад [2, ҷ.1 (б.а.), с.550].

Дар ҳарими хилвати дил айбҷӯро роҳ нест,

Ҳалқаро аз иғхчашии ҷо буруни дар бувад [2, ҷ.1 (б.а.), с.669].

Маводи назми Мирзо Бедил нишон медихад, ки шоир бо ниғаҳдошти чузъи феълӣ ва ивази компоненти якум ба мутазаодгардии калимаҳои мураккаб муваффақ шудааст, чун **раҳмандеи - уқубатандеи, васлпараст - тафриқпараст**. Вожаи **раҳм** дар фарҳангҳо меҳрубонӣ, раҳмдилӣ, шафқат (ниг. 11, ҷ.2, с.133) ва калимаи **уқубат** - азоб, ҷазо, озор [11, ҷ.2, с.402] тафсир шудааст. Чун чузъҳои номӣ аз рӯи маъно муқобили ҳаманд, композитҳои бо ин асосҳо ташаккулифта низ мутазаоданд. Композитҳои мазкур басомади зиёд надоранд; калимаи якум як маротиба дар маснавии “Ирфон” ва композити дувум дар рубоии Абулмаонӣ ба қайд гирифта шуд:

Гардиши ранги он тазаллумкеш

Зад муҳарраф ба таъби раҳмандеи [2, ҷ.3, с.312].

Оини мурувват аз ситамкеш маҳоҳ,

Чуз изо аз уқубатандеи маҳоҳ [2, ҷ.2, с.564]

Агар калимаи **васл** маънои “пайвастан, пайванд кардани чизе ба чизе, часпондан, часпидан, бастан, банд кардан”-ро дошта бошад [ниг. 11, ҷ.1, с.227], пас вожаи **тафриқ**, баръакс, маънои “ҷудо кардан, ҳисса-ҳисса кардан”-ро дорад (ниг. 11, ҷ.2, с.340). Пас, чун калимаҳои **васл** ва **тафриқ** аз рӯи ифодаи маъно мутазаоданд, мантиқан композитҳои **васлпараст** ва **тафриқпараст** низ аз рӯи маъно муқобили ҳамдигаранд. Дар назми Абулмаонӣ композитҳои мазкур басомади баробар доранд; якмаротибагӣ ба кор рафтаанд:

Бедил, ба гумон маҳви яқинам, чӣ тавон кард?

Камфурсатӣ аз васлпарастон чӣ паём аст [2, ҷ.1 (б.а.), с.251]?

Бедил, ба ҳаёли гайр моил наишавӣ

Тафриқпарастии ҳақу ботил наишавӣ [2, ҷ.2, с.582]...

Вожаи **узлат** дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” “гӯшанишинӣ, хилватгузинӣ, мардумгурезӣ” [11, ҷ.2, с.385] маънидод гардидааст, вале калимаи **улфат**, баръакс, “1. дӯстӣ, ошноӣ, ихтилот, унс пайдо кардан; 2. ҳамнишин, ҳамсӯҳбат, ҳамкоса” тафсир шудааст [ниг. 11, ҷ.2, с.588]. Пас, композити **узлатпараст** шахсест, ки дӯстдори хилват ва ҳамчунин мардумгурез аст, вале **улфатпараст**, баръакс, шахсест, ки дар пайи дарёфти сӯҳбати дӯсту ҳамнишини хуб аст. Мирзо Бедил бо ивази ҳиссаи номии композит калимаҳои мутазаодо ба вучуд овардааст. Композити **улфатпараст** як маротиба дар ғазали шоир ва калимаи **узлатпараст** низ як маротиба дар маснавии “Муҳити аъзам” ба қайд гирифта шуд:

Фузулиҳои уммед ин қадар чон меканад, варна

Дили улфатпарастии яъс аз шодӣ чӣ гам дорад [2, ҷ.1 (б.а.), с.537].

Ба узлатпарастии бисоти ҳаё,

Ба хомӯшиандеи ҳарфи хато [2, ҷ.3, с.690].

Калимаҳои мураккаби **ишраторо - гафлаторо** низ дар натиҷаи ивази компоненти аввал маънои мутазаодӣ гирифтаанд. Вожаи **ишрат** “бо ҳамдигар бо хушӣ ва хушдилӣ зиндагонӣ кардан, бо хушию хурсандӣ зиндагӣ кардан, хушдилӣ, шодӣ” (11, ҷ.1, с.516) маънидод шудааст. Калимаи **гафлат** “беҳабарӣ, фаромӯшӣ; бегадбирӣ, бепарвоӣ” (11, ҷ.2, с.650) тафсир дорад. Ҳар ду композит дар маснавиҳои “Тури маърифат” ва “Муҳити аъзам” ба кор рафтаанд:

Ниҳоли ишраторояи нумӯ ёфт,

Баҳор аз тавфи хокаи обрӯ ёфт [2, ҷ.3, с.479].

Яке ҳуштардозии рамзи аласт,

Яке гафлаторои авҳому маст [2, ҷ.3, с.621].

Калимаҳои **сехрпарвар** бо **ситампарвар** низ дар муносибати мутазаодӣ қарор доранд. Ин композитҳо низ басомади зиёд надоранд ва як маротибагӣ ба кор рафтаанд:

Зи афсуни ин сехрпарвар матурс,

Дилам сӯхт, аз доғи дигар матурс [2, ҷ.3, с.720].

Фарёд, ки наққоши ситампарвари мо

Ранге нагузоит аз ташии дар бари мо [2, ҷ.2, с.244].

Композити “**адабпарвар**”-ро Деҳхудо “мушаввики адаб, муварричи фарҳанг” (4, ҷ.1, с.106), вале “**сифлапарвар**”-ро “дунпарваранда, ки фурӯмоёгонро бинвозад ва чавонмардонро хор дорад” (4, ҷ.2, с.1694) маънидод мекунад. Ба ин маънӣ ин ду композитро метавон мутазаоди матнӣ номзад кард. Дар назми Абулмаонӣ **адабпарвар** истифодаи бештар аз **сифлапарвар** дорад:

Ба маҳфиле, ки адабпарвар аст нолаи Бедил,

Наҷаста дуди ситанд аз зубори сӯхтагиҳо [2, ҷ.1 (б.а.), с.32].

Чархро аз сифлапарвар хондани кас нанг нест,

Тӯҳмати камҳимматиҳо низ ҳиммат мекашад [2, ҷ.1 (б.а.), с.650].

Композитҳои **мавқеъишинос - мавқеъношинос** ва **ҳақшинос - ҳақношинос** дар натиҷаи иловаи пешванди инкорӣ ба чузъи феълӣ бо ҳамдигар аз рӯи маъно мутазаод гардидаанд. Калимаҳои **мавқеъишинос - мавқеъношинос** дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” ба назар нарасиданд. Композити **мавқеъишинос**ро Деҳхудо чунин маънидод мекунад: “шиносандаи мавқеъ, он кӣ замону макони

муносиби амр ё мавзӯро бишносад: вақтшинос” [4, ҷ.2, с.2859]. Мантиқан, *мавқеъношинос* антоними ин маъност. Дар назми Абулмаонӣ ба ин маънӣ дар истифодаанд:

Аз азал мавқеъношиносон рабти улфат додаанд,

Оина бо зонуи зан тез дар паҳлӯи мард [2, ҷ.1 (б.а.), с.667].

Душмани амн аст мавқеъношиноси дам задан,

Зиндагӣ бар худ мақун чун мурғи беҳангом талх [2, ҷ.1 (б.а.), с.426].

Дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” вожаи *ҳақишинос* ба ду маънӣ тафсир шудааст: “1.вафодор, кадрдон, сипосгузор; 2. ҳақбин, ҳақиқатбин” [11, ҷ.2, с.741]. Деххудо ба ин маъно чунин илова менамояд: “посдорандаи ҳақ, соҳибҳақ” [4, ҷ.1, с.1039]. Композити *ҳақношинос* дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” дучор намешавад, вале дар Деххудо ба ин маънӣ тафсир шудааст: “ҳақнашнос, кофар, кунуд, носипос, бесипос, кофари неъмат” [4, ҷ.1, с.1037]. Дар назми Мирзо Бедил композитҳои мавриди таҳлил ба маънии фавқ дар истифодаанд:

Ҳақишиноси гафлат ҳам занги дил намехоҳад,

Оина ҷило додан шукри худнамоиҳост [2, ҷ.1 (б.а.), с.372].

Ки эй ҳақношиноси хунгирифта,

Ками худро зи чаҳл афзун гирифта [2, ҷ.3, с.452].

Маълум мешавад, ки Мирзо Бедил бо баробари ташаккули композитҳои нав силсилаи калимаҳои зидмаъно ва ё мутақозир ба вучуд меоварад. Заминаи асосии ташаккули мутақозир ивази компонентҳои композит ва ё иловаи пешванди инкорӣ маҳсуб меёбад. Як вижагии қорбурди композитҳои мутақозир дар назми Абулмаонӣ он аст, ки онҳо дар матн вазиғаҳои гуногуни луғавӣ-грамматикиро адо намудаанд.

АДАБИЁТ

1. Айнӣ, Садриддин. Мирзо Абдулқодири Бедил. / Садриддин Айнӣ. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1954. – 340 с.
2. Бедили Дехлавӣ. Куллиёт. Ҷилдҳои 1-4. Тасҳеҳи Холмуҳаммади Хаста, Халилуллоҳи Халилӣ. Ба кӯшиши Баҳман Халифа Баноравонӣ. / Бедили Дехлавӣ. – Техрон: Талоя, 1389. Ҷилди 1 (бахши аввал). Ҷазалиёт. – 798 с.; Ҷилди 1 (бахши дувум). Ҷазалиёт. – 1600 с.; Ҷилди 2. Таркиббанд; Тарҷеъбанд; Қасоид; Қитъаот; Рубоӣёт – 650 с.; Ҷилди 3. Маснавиҳо. – 812 с.; Ҷилди 4. Чаҳор унсур; Руқаот; Нуқот. – 582 с.
3. Василевская Е.А. Словообразование в русском языке. / Е.А. Василевская. – М.: Учпедгиз, 1962. – 132 с.
4. Деххудо, Алиакбар. Фарҳанги мутаваассити Деххудо. Дар ду мучаллад. (зери назари дуктур Саъидҷафари Шаҳидӣ). / Алиакбар Деххудо. – Техрон: Муассисаи интишорот ва чопи Донишгоҳи Техрон, 1385. Ҷ.1-2. – 3224 с.
5. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. / А.И.Ефимов. – М.: Просвещение, 1969. – 260 с.
6. Забони ҳозираи тоҷик. Лексика. – Душанбе, 1981.
7. Камолиддинов Б. Хусни баён. Қисми 1. / Б.Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 120 с.
8. Мачидов Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Ҷ.1. Луғатшиносӣ. / Ҳ.Мачидов. – Душанбе: Деваштиҷ, 2007. – 255с.
9. Муин, Муҳаммад. Фарҳанги форсӣ. Дар шаш мучаллад. / М.Муин. – Техрон: Амири Кабир, 1375. Ҷ.1-4. – 5277с.; Ҷ.5-6. – 2351с.
10. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. / М.Д.Степанова, И.И.Чернышева -М.: Высшая школа, 1962. -309с.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Дар 2 ҷилд (дар зери таҳрири М.Ш.Шуқуров, В.А.Капранов, Р.Ҳошим, Н.А.Маъсумӣ). -М.: Советская энциклопедия, 1969. Ҷ.1. -951с.; Ҷ.2.-949с.
12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. / Н.М.Шанский. -М.: Просвещение, 1972. -326с.

АНТОНИМИЧЕСКИЕ КОМПОЗИТЫ В ПОЭЗИИ МИРЗО БЕДИЛЯ

В данной статье речь идёт о антонимических композитах в поэзии одного из великих представителей индийского стиля Мирзо Бедиль, которые состоят из компонентов “арабское слово+таджикское слово”. В статье рассмотрены модели композитов “имя существительное+имя существительное” и “имя существительное+основа настоящего времени”. Автор утверждает, что композиты в трёх случаях стали антонимами: а) за счёт замены первого компонента; б) за счёт замены второго компонента и в) за счёт добавления отрицательного префикса “но-” в композитах.

Ключевые слова: Бедиль, словарный состав, антоним, антонимические пары, контекстуальные антонимы, композит, компонент, модель.

ANTONYMOUS COMPOSITES IN MIRZO BEDIL'S POETRY

The article under consideration dwells on antonymous composites in a poetry one of the great representative of Indian style Mirzo Bedil, which consist of “Arabic word + Tajik word” elements. The article dwells on the elements of composites “noun + noun” and “noun + basis of the present tense”. The author contends that composites in three cases became antonyms: a) at the expense of substitution of the first element; b) at the expense of substitution of the second element; c) at the expense of adding negative prefix “no-” in composites.

Keywords: *Bedil, vocabulary, antonym, antonymous pairs, contextual antonym, composite, element, model.*

Сведение об авторе:

Олимджонов Мусо Обидович - доцент кафедры таджикского языка ГУЗ «Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова» (Республика Таджикистан, г.Худжанд) E-mail: olimi73@mail.ru

About the author:

Olimjonov Muso Obidovich - Associate Professor, Department of Tajik Language, State Educational Institution Khujand State University named after Academician B. Gafurov (Republic of Tajikistan, Khujand) E-mail: olimi73@mail.ru

ВАЗИФАҲОИ СЕМАНТИКИИ ЧОНИШИНИ *SICH* ДАР ТАРКИБИ ФЕЪЛҲОИ ТАЪЙИНИИ ОЛМОНИ ВА МУРОДИФОТИ ТОЧИКИИ ОН

Холова Ш.К., Сайфуллоев Х.Г.

Донишгоҳи давлатии омӯзгорони Тоҷикистон ба номи С.Айнӣ

Чонишини *sich* метавонад бо феъл робитаи зичтар барқарор созад ва, тибқи истилоҳи Н.М.Александров, феълҳои рефлексивӣ (таъйинӣ, таъкидӣ) ташкил диҳад (*sich schämen, sich erholen*). Дар он нишондиҳандаи *sich* объектро ифода наменамояд, мутаносибан вазифаҳои субститутисия ва трансформатсияи ҳамоҳангсозанда иҷро намегарданд. Ниг.: *Die Mutter schämt das Kind** ва *Die Mutter schämt sich und das Kind** аз лиҳози грамматикӣ ҷумлаҳо сахҳ нестанд. Нишондиҳандаи *sich* дар нақши граммема амал мекунад ва вазифаи калимасозиро анҷом медиҳад. Семаҳоеро, ки дар нишондиҳандаи *sich* дар ҳолати истеъмоли нопурра татбиқ меёбанд, маъноӣ мувофиқати феъл + *sich-ро* бо маъноӣ феъли дахлдор бидуни *sich* ошкор кардан мумкин аст.

Дар забони олмонӣ, ҳамчунон ки дар тоҷикӣ мебошад, гурӯҳи мувофиқати феъл бо *sich* вуҷуд дорад, ки дар он феъл озодона қорбасти шудан наметавонад (Reflexivatantum): *sich sehnen* (ғусса хӯрдан, ба амале кӯшиш кардан), *sich umsehen* (ба ақиб рӯ гардондан), *sich ereifern* (ба ғазаб омадан, ранчидан, бо изтироб сухан гуфтан) ва ғайра. Дар баъзе ҳолатҳо мувофиқатҳои таъйинӣ аз истеъмол бароомадаанд ва дар луғати этимологӣ дида мешаванд (DV): *sehnen* (ғамгин будан, музтариб шудан), *umsehen* (рӯ ба ақиб тофта нигаристан). Ба Reflexivatantum ҳамчунин феълҳои мутаалиқанд, ки танҳо дар шакли шахси 3-юм истифода мегарданд, дар онҳо муаян кардани падежи таъйинии нишондиҳандаи *sich* имконпазир нест: *sich bewahrheiten* (худро ҳақ баровардан), *sich bewölken* (бо абрҳо фаро гирифта шудан), *sich jähren* (хучум кардан, оид ба санаи воқеа), *sich ereignen* (рӯй додан, воқеъ шудан). Амалиёт ё ҳолатҳои шахс, ки ба василаи феълҳои номутобик бо *sich* ифода меёбанд, дар доираи субъект маҳдуданд ва унсурҳои *sich* метавонад ҳамчун грамматикӣшуда қабул гардад, яъне он ҳомили сема (майдон) аст.

Дар миёни феълҳои мутаалиқанд, ки бо *sich* мувофиқат менамоянд, феълҳои амали ҷисмонӣ гурӯҳҳои сериуморро ташкил медиҳанд [Басиров, 47].

Минбаъд мувофиқати феъл + *sich-ро*, ки дар онҳо *sich* вазифаи вожасозиро иҷро менамояд, тибқи анъанаи барқароршуда, мо феълҳои таъйинӣ хоҳем номид.

Феълҳои таъйиние, ки амалҳои мухталифи ҷисмониро ифода мекунанд, ба якҷанд зергурӯҳ тақсим мешаванд:

Феълҳои навъи *sich schneuzen* (атса задан), *sich abwenden* (рӯй гардондан), *sich recken* (ёзидан). Зимни феълҳои ғайритаъйинӣ танҳо объекти ҷондор имконпазир аст, миқдори объектҳои феълҳои ғайритаъйинӣ бо шарт маҳдуд мегардад: ба сифати объект як қисми бадани инсон амал мекунад; амал танҳо ба субъект нигаронида мешавад. Ниг.: *schneuzen (sich (D) die Nase)* - бинӣ афшондан -> *sich schneuzen* - биниафшонӣ кардан; *abwenden (die Augen, Gesicht, Blick)* - гардондан (чашм, рӯ, нигоҳ) -> *sich abwenden* - худро гардондан, рӯ гардондан; *recken (die Glieder, Arme, Hand)* - дароз кардан, ёзондан (дасту по, даст, панча) -> *sich recken* - худро кашидан; *strecken (die Glieder)* - ёзондан (дасту по) -> *sich strecken* - худро кашидан.

Дар феълҳои таъйинии ин навъ *sich* семаи (майдони) ҷисмо татбиқ менамояд:

Er streckte sich in seinem Sessel lang, kreuzte die Arme über die Brust, räusperte sich umständlich (von der Grün, 71) (er streckte sich in seinem Sessel lang – вай худро дар курсии роҳат ёзонид, вай дар курсии роҳат ёзид);

"Ist halt ein bisserl zu heiss gewesen in der letzten Zeit". sagte Beierl. er schneuzte sich in ein grosses rotkarriertes Taschentuch (von der Grün, 101) (er schneuzte sich in ein Tuch - вай ба рӯймолча биниафшонӣ кард, вай ба рӯймолча бинӣ афшонд).

2. Феълҳои таъйиние, ки расиши (робитаи) қисми инсонро бо объект ифода мекунанд. Дар нақши объект аксар вақт шайъи бечон ё як қисми бадани одам амал менамояд [Корнева, 12].

Феълҳои *sich stützen* (таъя кардан), *sich festhalten* (худро нигоҳ дошта истодан), *sich lehnen* (хам шудан), *sich abtreten, sich abstossen* (тела дода шудан), *sich klammern* (аз чизе доштан, қапидан), *sich losen* (канда шудан) феълҳои таъйиние субъектро назардошт мекунанд: *stützen* - einer Sache durch eine Stütze Halt geben – таъягоҳ додан -> *sich stützen* - sich einer Sache, Person als Stütze bedienen – чизеро ҳамчун таъягоҳ истифода бурдан, таъя кардан; *festhalten* - j-n, etw. zurückhalten, nicht loslassen – касеро, чизеро нигоҳ доштан, -> *sich festhalten* - etw. , j-n fest anfassen, um sich daran zu halten (am Geländer, an der Hand, an j-m) – чизеро қапидан, то ки худро нигоҳ бидорӣ, аз чизе доштан (аз панҷара, аз дасти касе); *lehnen* - etw. in schräger Lage an etw. stützen – ягон чизро ба поён хам кардан (аз тағ таъя гузоштан) -> *sich lehnen* - sich in schräger Lage an etw. stützen – худро қониби поён таъя додан; хам шудан; *abstossen* - etw. wegstossen – чизеро тела додан (аз худ) -> *sich abstossen* - sich durch einen Stoss von etw. weg bewegen – худро тела додан, бо тела худро аз ҷой ҳаракат кунондан. Ҷумлаҳои шомили феълҳои ин гурӯҳ ба объект ишора мекунанд:

Die Mutter *stützte sich auf den Stein* (von der Grün, 57) (Модар ба санг таъя кард); Die Schere gab mir ein kaltes Gefühl von Sicherheit, ich *hielt mich an ihr fest*, meine Unruhe, meine Wut. meine Ohnmacht verloren sind (von der Grün, 114) (... ман онро (қайчиро) сахт қапидам); Ich *stiess mich mit einem Ruck von der Glaswand ab*, sah je drei vor zwei Schaltpulten sitzen, schracken nicht auf vor meiner Kehrtwendung... (von der Grün, 140) (ман лаҳзае аз девори шишагин канда шудам).

Феълҳои *sich stossen* амали ғайриихтиёро наро ифода мекунад ва субъект нофеъл аст: *stossen* - einmal kurz an j-n, etw. anprallen – ба касе ё чизе бархӯрдан -> *sich stossen an (D)* - mit einem Körperteil mit etw. heftig in Behrührung kommen, an etw. anprallen und sich dabei Schmerz oder eine Verletzung zufügen – тавассути ягон қисми бадан ба чизе сахт бархӯрдан, ба чизе бархӯрда, ҳамзамон дард ёфтдан, осеб дидан, ниг.: русии: стукнуться.

Ich *habe mich am Schrank gestossen* - (ман ба ҷевон бархӯрдан). Зимни мувофиқати *sich* бо феълҳои ин зергурӯҳ семаҳои «чисм» ва «аз они худ» аҳамият пайдо мекунанд. Ниг.: et*, *lehnen* – чизеро ба поён хам кардан ва *sich lehnen* – қисми худро ба чизе таъя додан.

3. Феълҳои таъйинӣ ва тағйирёбии ҳолатҳо дар фазо [Helbig, 51]. Феълҳои ғайритаъйинии мувофиқ ба феълҳои лексикӣ-семантикӣ (ФЛС) мансубият доранд, ҷойивазкунии объект: *rollen* - etw. wickeln – ба лӯла печондан -> *sich rollen* - sich um sich selbst, um seine Achse drehend (fortbewegen) – гирди меҳвари худ ҷарх зада, худро ҷой иваз кунондан, гирд гаштан; *umdrehen* - etw., sich in eine andere Richtung oder Lage bringen – чизеро, худро ба дигар қониб ё ҳолат овардан -> *sich umdrehen* - eine Wendung (um 180) machen – ба 180 дараҷа тоб хӯрдан, *bewegen* - etw. aus der Ruhelage bringen, den Ort, die Lage von etw. verändern – чизеро аз ҳолати оромӣ баровардан, ҷойи чизеро иваз кунондан -> *sich bewegen* - sich an einen anderen Ort, in eine andere Lage begeben – худро ба ҷойи дигар фиристодан, вазъияти дигар гирифтдан; *walzen* - etw. Grosses, Schweres, j-n um seine Achse drehend irgendwohin bewegen – ягон чизи калон ё касеро дар меҳвари худ давр занонда, ба тарафе ҳаракат додан -> *sich wälzen* - sich schwerfällig irgendwohin bewegen - худро ба сӯе ҳаракат кунондан, ноҳинҷорона, бо мушкилӣ ҳаракат кардан; *erheben* - etw., j-n hochheben – чизеро, касеро боло бардоштан -> *sich erheben* - von seinem Sitzplatz, Lager aufstehen – худро бардоштан (бархестан) аз ҷой, аз бистар; *biegen* - etw. , sich aus seiner bisherigen (geraden) Form in eine andere krümmen – чизеро, худро аз шакли пешина (рост) ба дигар шакл тофтдан -> *sich biegen* ~ хам шудан; *werfen* - etw. , j-n mit schwungvoller kräftiger Bewegung (des Armes) durch die Luft irgendwohin, von sich bewegen – бо ҳаракати сахти даст, дар фазо қулоч кашида, чизеро, касеро аз худ ба ҷое тағйири ҷой кунондан -> *sich werfen* - den ganzen Körper mit Schwung auf, in etw. fallen lassen – барои тамоми баданро якбора ба рӯи чизе афтодан маҷбур кунондан (ё иҷозат додан). Феълҳои таъйинии ин зергурӯҳ ҷойивазкунии мустакилонаи объектро ифода мекунанд: худи субъект ҳамагии қисмашро (феълҳои *sich rollen, sich bewegen, sich wälzen*) ё ягон қисми онро (*sich biegen*) ҷой иваз мекунонад. *Sich* дар ин мавридҳо семаҳои (майдонҳои) «чисм» ва «аз они худ»-ро маҳфуз медорад:

Er *erhob sich brüsk*, stellte den Fernseher ab (von der Grün, 48) (вай якбора бархост...); Ich konnte nicht schlafen, ich *wälzte mich von einer Seite auf die andere*, stöhnte, verfluchte Bett und Hitze (von der Grün, 48) (...); Ich *warf mich in den Sessel*... (von der Grün, 157) (ман худро ба курсии роҳат партофтам); Lissi, das sah ich deutlich, bezwang nur mit Mühe das Lachen, sie *bog sich buchstäblich vor Lachen* (von der Grün, 26) (Лисси... ба маънои ҳақиқиаши аз ханда ба поён хам хӯрд).

Семаҳои «чисм» ва «аз они худ» дар *sich* ҳамчунин дар феълҳои зерин вомехӯранд: *sich*

abtrocknen (тани худро пок намудан), *sich anstrengen* (таранг шудан, бадани худро таранг кардан), *sich vergiften* (бо сабаби истеъмоли захр ғайри ихтиёри худ бемор шудан, организми худро захролуд кардан), *sich geradehalten* (бадани худро, тахтапушти худро рост карда ништастан ва рост истодан), *sich erkälten* (чисми худро, организми худро шамол хӯрондан). Амале, ки бо феълҳои *abtrocknen*, *anstrengen*, *geradehalten* ифода меёбад, наметавонад ба дигар одам нигаронида шуда бошад, танҳо ба чисми худ ё ба ягон қисми он. Дар феълҳои *sich vergiften*, *sich erkälten sich* беихтиёрон будани амал таъкид карда мешавад.

Дар асоси семаи «чисм» метавонад семаи «мансубияти як қисми бадан ба субъект» фаҳмонда шавад. Ин маънӣ дар *sich (D)* в дар феълҳои ҳолати чисмони инсон: *sich (D) erfrieren*, *sich (D) abfrieren* татбиқ меёбад. Маънои онҳоро мефаҳмонем: *erfrieren* - durch übermassige Frosteinwirkung sterben – аз хунукхӯрии бениҳоят мурдан (яҳ кардан), *durch übermassige Frosteinwirkung abgestorben* – чизеро хунук занондан -> *sich (D) erfrieren* – ягон узви худро хунук занондан; *abfrieren* - durch Frost absterben – хунук занондан, яҳ кардан -> *sich abfrieren* – ягон узви худро яҳ занондан. Мисолҳо меорем: *Er hat sich die Finger erfroren/Ihm sind die Finger erfroren* - Вай панҷаҳои худро хунук занонд/Панҷаҳои вайро хунук зад; *Er hat sich die Füsse abgefroren/Die Füsse sind ihm abgefroren / Die Füsse sind abgefroren* – Вай пойҳои худро хунук занонд / Пойҳои вайро хунук зад.

Ҳамин тавр, феълҳои таъйинии мисоловардашуда қиёсан бо феълҳои ғайритаъйинии ибтидоӣ дар сохтори дигари синтаксисӣ истифода бурда мешаванд, аз ин сабаб, сарфи назар аз наздикии маъноӣ феъли таъйинӣ ва ғайритаъйинӣ, онҳо наметавонанд ба ибораҳои таъйинӣ мутааллиқ доништа шаванд. Рефлексивҳо амалеро, ки танҳо дар муносибат бо субъект имконпазир аст, ифода мекунад, субъект дар ин зимн сабаби амал намебошад, он нофаъл аст. *Sich* ба мансубияти як қисми бадан ба субъект ишора мекунад ва бо тафовут аз ХУД дар ибораҳои мушобеҳи тоҷикӣ ихроҷ карда намешавад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Н.М. Проблема возвратных глаголов // Иностранные языки в школе, 1979, № 6. - С. 40- 41.
2. Басыров, Ш.Р. Немецкие рефлексивные глаголы. Диссертация на соискание уч. ст. кан. филолог, наук. – Ленинград, 1988. – 190 с.
3. Гаффаров Р. Ифодаи пурқунандаҳо бо чонишинҳои энклитики. // Мактаби совети, 1974, № 8. - С. 13-21.
4. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. - Душанбе: Дониш. 1985. К. 1: Фонетика ва морфология. - 355 с.
5. Корнева Е.В. Возвратность как семантическая категория (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дисс. канд. филол. наук. - Воронеж, 1996.
6. Лашкарадзе, А.С. Семантика возвратных глаголов в современном немецком языке. Диссертация на соискание уч.ст. канд. филол.наук. – Тбилиси, 1953. – 120 с.
7. Helbig G. Zum „Reflexiv-Passiv“ und zum „Medio-Passiv“ im Deutschen // Deutsch als Fremdsprache -41. Jahrgang 2004, Heft 1, München/Berlin, S. 1 - 64.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕСОИМЕНИЯ *SICH* В СОСТАВЕ НЕМЕЦКИХ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Местоимение sich может вступать в более тесную связь с глаголом и образовывать рефлексивные (возвратные) глаголы. В них показатель sich не обозначает объекта, соответственно не выполняются тесты субституции и координатной трансформации. Показатель sich выступает в роли грамлеммы и выполняет словообразовательную функцию. Семы, которые реализуются у показателя sich в случаях неполнозначного употребления, можно выявить, сопоставив значение сочетания глагол + sich со значением соответствующего глагола без sich.

В немецком языке, как и в таджикском, обнаруживается группа сочетаний глагола с sich, в которых глагол не может употребляться свободно (Reflexivatantum). К Reflexivatantum принадлежат также глаголы, употребляющиеся только в форме 3- го лица, в них невозможно определить падеж возвратного показателя sich. Действия или состояния лица, передаваемые несопоставимыми глаголами с sich, замкнуты в сфере субъекта, и элемент sich может рассматриваться как грамматикализовавшийся, то есть он несет сему. Среди глаголов, сочетающихся с sich, многочисленную группу образуют глаголы физического действия.

Таким образом, приведенные возвратные глаголы употребляются в иной синтаксической структуре по сравнению с исходными невозвратными глаголами, поэтому, несмотря на близость

значения возвратного глагола и невозвратного, они не могут быть отнесены к возвратным конструкциям.

Ключевые слова. Рефлексивный глагол, рефлексивное местоимение, субъект, объект, субституты. Сема, грамма, транспозиция, трансформация, синтаксическая структура, возвратная конструкция.

SEMANTIC FUNCTIONS OF SICH MESOIMENIA IN THE COMPOSITION OF GERMAN REFLECTIVE VERBS AND THEIR EQUIVALENTS IN TAJIK LANGUAGE

The pronoun *sich* can be more closely related to the verb and form reflexive (reflexive) verbs. In them, the indicator *sich* does not denote an object, respectively, tests of substitution and coordinate transformation are not performed. Indicator *sich* acts as a grammeme and performs a word-formation function. Semes that are realized in the indicator *sich* in cases of incomplete use can be identified by comparing the meaning of the combination of the verb + *sich* with the meaning of the corresponding verb without *sich*.

In German, as in Tajik, there is a group of combinations of the verb with *sich*, in which the verb cannot be used freely (*Reflexivatantum*). *Reflexivatantum* also includes verbs that are used only in the form of a third person, and it is impossible to determine the case of the return indicator *sich* in them. The actions or states of a person transmitted by incompatible verbs with *sich* are closed in the sphere of the subject, and the element *sich* can be considered grammaticalized, that is, it carries this. Among the verbs that are combined with *sich*, the verbs of physical action form a large group.

Thus, the above reflexive verbs are used in a different syntactic structure compared to the original non-reflexive verbs, therefore, despite the similarity of the meaning of the reflexive verb and the irreducible verb, they cannot be referred to reflexive constructions.

Keywords. Reflexive verb, reflexive pronoun, subject, object, substitutes. Sema, gramma, transposition, transformation, syntactic structure, recurrent design.

Сведения об авторах:

Холова Шаббода Камчиновна – аспирант кафедры немецкого языка Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. Тел.: (+992) 93 8808825.

Сайфуллаев Хайрулло Габдуллаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, тел.: (+992) 907904250, электронная почта: sayfi_48@yahoo.de

About the authors:

Kholova Shabboda Kamchinovna - Assistant of German Language Department of the Sadrididdin of the Sadrididdin Aini Tajik State Pedagogical University. Tel: (+992) 93 880 88 25.

Sayfullaev Khairullo Gabdullaevich - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of German Language and Methods of Teaching at the Tajik State Pedagogical University named after Sadrididdin Aini, tel: (+992) 907 904 250, E-mail: sayfi_48@yahoo.de

МУЛОҶИЗАҶОИ ҚАБЛӢ ДОИР БА ТАҲҚИҚИ ЗАБОН ВА УСЛУБИ ШОИРИ ХАЛҚИИ ТОҶИКИСТОН БОЗОР СОБИР

Нозимов А.А.

Филиали донишгоҳи МИСИС

Шахлои Абдуализодаи Тохириён

Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон

Мардуми ҷаҳон бо зиёда аз шаш ҳазор забони гуногун муошират мекунанд. Яке аз муҳимтарин ва зеботарин забонҳои дунё забони ноби тоҷикист. Забони тоҷикӣ аз дигар забонҳои дунё бо хусну малоҳат ва назокати алоҳидаю хосаш фарқ мекунад. Муҳаққиқон ватани забони тоҷикиро Мовароуннаҳру Хуросон ва Эрони шарқӣ медонанд, ки баъд дар дигар марзу бумҳои сарзаминҳои форсизабон густариш ёфтааст. Онро натиҷаи омезиши чандин забонҳои наҷоди ориёӣ, аз ҷумла авестой, паҳлавӣ, суғдӣ, бохтарӣ, хоразмӣ доништаанд. Асрҳои IX-X-ро давраи нави ташаккули забони форсии дарӣ ва марҳалаи рушду камол дар давлати Сомониён медонанд. Ин забон соҳиби илму маърифати беш аз сеҳазорсола буда, аз имтиҳонҳои сангини таърих сарбаландона гузашта, намунаи барҷастаи пайдории миллат шуда омадааст. Миллати

точик дар тӯли таърихи зиёди мавҷудияташ фарзандони фарзонаеро ба миён овардааст, ки аз натиҷаи заҳмати онҳо тамоми мардуми ҷаҳон баҳравар шудаанд. Фарзандони асили миллат бори гарони маънавияту забони кишварро бо вучуди мушкиливу душвориҳои таърихӣ бар дӯш гирифта тавонистанд. Ин аст, ки донишмандон, аз ҷумла забоншиносону адабиётшиносон дар таҳқиқи осори гаронбаҳои адибони барӯманди чи гузаштаву чи имрӯз корҳои назаррасе ба анҷом расонидаанд, ва ин раванд пайваста идома дорад. Асарҳои алломаҳои бузурге чун Рудақӣ, Фирдавӣ, Ибни Сино, Хайём, Низомии Ганҷавӣ, Абдурахмони Ҷомӣ, Саъдии Шерозӣ, Ҳофизи Шерозӣ, Абдулқодири Бедил аз адабиёти классикии форсу тоҷик ва Садриддин Айний, Абулқосим Лоҳутӣ, Мирзо Турсунзода, Сотим Улуғзода, Ҷалол Иқромӣ, Раҳим Ҷалил, Лоик Шералӣ ва дигарон аз адабиёти муосир, аз тарафи олимони адабиётшиносу забоншинос таҳқиқу пажӯҳиш шудаанд. Тадқиқоти лексикологӣ доир ба паҳлуҳои гуногуни забон, дар асарҳои олимони шинохтаи тоҷику рус: Б. Ниёзмұхаммадов, Н. Маъсумӣ, Д. Тоҷиев, Х. Каримов, М. Фозилов, М. Мұхаммадиев, Р. Ғаффоров, Т. Бердиева, С. Арзуманов, Қ. Тоҳирова, А. Каримова, В. Капранов, Ғ. Ҷураев ва дигарон дида мешаванд. Мутаассифона, дар бораи эҷодиёти шоири шинохтаи халқи тоҷик Бозор Собир тадқиқоти забоншиносие ба назар намерасид, ҳарчанд, ки доир ба эҷодиёти ин шоири шаҳир мақолаҳои зиёде ба нашр расида бошанд ҳам, вале ҳамаи онҳо ба тадқиқи ҷиҳати адабиётшиносии эҷодиёти шоир бахшида шудаанд (Абдунаби Сатторов, Отаҳон Сайфуллоев, 1980, Камол Қурбон, 1989, Сафар Абдулло, 2005, Ҷамолиддин Саидов, Адиба Азизова, 2013). Аз ин ҷост, ки эҷодиёти шоир аз нигоҳи забоншиносӣ ҳанӯз чун ҷазираи кашфношуда боқӣ монда, кашфу таҳқиқи хосаро интизор аст. Бо ин сабаб мо тасмим гирифтаем, ки танҳо як ҷиҳати забону услуби назми Бозор Собир – қабати луғавию маъноии онро мавриди таҳқиқ қарор диҳем, то хонандагон бо паҳлуҳои гуногуни сеҳри қалами шоир шинос шаванд.

Бояд гуфт, ки қабати луғавию маъноӣ, ё ба истилоҳ лексикую семантикӣ, ки синонимҳо (муродифоти луғавӣ), омонимҳо (калимаҳои ҳамшаклу гуногунмаъно), антонимҳо (воҳидҳои луғавӣи зидмаъно) ва полисемия (сермаъноӣ) - ро дарбар мегирад, чи ба сурати ҷудогона ва чи зимни пажӯҳишҳои услубшиносӣ дар забоншиносии тоҷик кайҳост, ки мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Тадқиқотеро, ки дар онҳо масъалаи синонимҳо акс ёфтааст, ба сурати зайл ҷамъбаст кардан мумкин аст:

1. Пажӯҳишҳои мутахассисони забоншиносии тоҷик. Масъалаи қабатҳои луғавию маъноӣ, хусусан синонимҳо дар мисоли насру назми адибон чи ҷудогона ва чи зимни пажӯҳишҳои лексикаю фразеологияи осори адибон ба таври васеъ баррасӣ гардидааст, ки дар ин ҷо таҳлили онҳо ҳаҷми мақоларо хеле меафзояд. Бинобар он фақат аз ҷанде метавон ёдовар шуд, ки ба мавзӯи баҳси мо алоқамандӣ доранд. Инҳо асару мақолаҳои М. Мұхаммадиев «Синонимҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик (Ҳиссаҳои номии нутқ)» (1962), «Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик» (1968), Н. Маъсумӣ «Очеркҳо доир ба инкишофи забони адабии тоҷик» (1959), Р. Ғаффоров «Забон ва услуби романи «Одамони ҷовид»-и Раҳим Ҷалил» (1966), Б. Камолиддинов «Забон ва услуби ҳикояҳои Ҳаким Карим» (1967), Х. Ҳусейнов «Забон ва услуби повести «Одина»-и Садриддин Айний» (1973), А. Абдуқодиров «Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода» (1988) ва ғайра мебошанд. С. Ҳошимов дар мақолаи «Баъзе хусусиятҳои синонимҳо дар «Гулистон»-и Саъдии Шерозӣ» гуфтааст: «Интихоби истеъмоли калима, равшаниии ифодаи фикр ба ҷаҳонбинӣ, завқ, боигарии луғавӣ ва маҳорати сухандонии адиб вобаста аст» [6, с.13]. А. Давронов «Синонимҳо «Қобуснома»-и Унсурулмаолии Кайковус» (1974), С. Сабзаев «Хусусиятҳои луғавӣи «Кашф-ул-маъҷуб»-и Абулҳасан Алӣ ибни Усмон» (1982).

2. Луғатҳо. Табиист, ки дар фарҳангҳои чи гузашта ва чи имрӯза миқдори муайяни калимаҳои синонимӣ бо ишораи ниг. ва ё бе ишора фароҳам омадаанд. Вале дар луғатнигорӣ форсу тоҷик тартиб додани луғатҳои синонимӣ ҳодисаи ҷудогона ба шумор меравад. Дар ин бобат ҳам ташаббуси аввал ба забоншинос М. Мұхаммадиев тааллуқ дорад. Ӯ дар «Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ» (1993) миқдори муайяни калимаҳои ҳаммаъноро гирд овардааст, ки он барои аҳли тадқиқот сарчашмаи муҳим ба шумор меравад.

3. Китобҳои дарсӣ доир ба лексикология. Дар китобҳои дарсӣ, аз ҷумла, дар «Забони адабии ҳозираи тоҷик» (барои мактабҳои олии) фасли алоҳидае бо номи «Синонимҳо ва вазифаҳои онҳо» ҷудо карда шудааст. Ғайр аз ин Ҳ. Мачидов дар ҷилди 1-уми китоби «Забони адабии муосири тоҷик» доир ба лексикология маълумотҳои дақиқ додааст.

Ҳамин тавр таҳлили забоншиносии эҷодиёти Бозор Собир дар забоншиносии муосир аз масъалаҳои рӯзмарра ва мубрам ба шумор меравад. Чи тавре ки аз таҳлили мухтасари адабиёти илмию методӣ маълум шуд, масъалаи мазкур дар забоншиносии тоҷик ҳоло ба тадқиқ нарасидааст ва омӯзишу тадқиқи он акнун сар мешавад.

Забони шеъри Бозор Собир содаю оммафаҳм аст. Ӯ дар миёни халқи заҳматкаш зода шуда, тарбия ёфтааст. Мухити пурмуҳаббати атрофи ӯ яке аз деҳаҳои ҷанубии Ҷумҳурии буд ва ин аст,

ки вожаҳои лаҳҷавӣ ин маҳал дар шеърҳои шоир мавқеи зиёд доранд. Дар ашъори шоир вожаҳои лаҳҷавӣ бо синонимҳои фаровон истифода бурда шудаанд. Масалан калимаи **досақ** \ **досак** дар шеъри зеринба маънои **парасту** қорбурд шудааст:

*Мебарад мӯр, мебарад мӯраи,
Резаҳои дили маро ҳар сӯи,
Мебарад, мебарад парастуяи,
Аз лаби ҷӯ гили маро ҳар сӯи [2, с.66].*

Дар мавриди дигар синоними ин калима **досақ** истифода бурда шудааст, ки лаҳҷавӣ аст:

*Досақҳо ҳама рӯз,
Ҳама нуриӯртар аз хотири ман,
Ҳоҳам имрӯз ба ҳамроҳи шумо синасафедони баҳор,
Бикӯшоям пару бол [3, с.24].*

Ин калима хоси як маҳал аст. «Инсон дар таҷрибаи ҳаёташ ин ё он аломат, хосияти предмет ва ҳодисаро ба мушоҳида гирифта дар ҳар маҳал онро мувофиқи фаҳмиш ва завқи худ номбар мекунад. Ин боиси ба вучуд омадани силсилаи чандин воҳидҳои синонимӣ дар доираи ину он шева\забон мегардад» [7, с.154]. Вожаи **досак** низ бо сабаби ба дос монанд будани думи паранда пайдо шудааст. Шоир барои ғанитар гардонидани забони шеър ин калимаи лаҳҷавиро истифода бурдааст.

Бо мақсади омӯхтани забон ва тарзи баён, мавқеи истифодаи синоним, омоним ва антонимҳо дар эҷодиёти Бозор Собир, инчунин махсусиятҳои услубии забони шоир мо тасмим гирифтём дар назди худ чунин вазифахоро гузорем ва ба иҷро расонем:

- ошқор сохтани мавқеъ ва тарзи истифода, миқдори синонимҳо дар эҷодиёти Бозор Собир;
- нишон додани мавқеъ ва тарзи истифода, миқдори антонимҳо;
- таҳлилу тадқиқ намудани мавқеъ, тарзи истифода ва миқдори омонимҳо дар эҷодиёти

Бозор Собир;

- муайян кардани тарзу роҳ ва воситаҳои истифодаи калимаҳо;
- муайян кардани мавқеи сермаъноӣ ва хусусиятҳои услубии эҷодиёти Бозор Собир.

Аввалин шеъри Бозор Собир соли 1960 чоп гардидааст. Нахустин маҷмӯаи шоир бошад, бо номи «Пайванд» соли 1972 ба таъб расидааст. Баъдҳо маҷмӯаҳои «Оташбарг»(1974; 1984 бо алифбои ниёгон), «Гули хор»(1978), «Мижғони шаб»(1981), «Офтобниҳол»(1982), «Бо чамидан, бо чашидан...»(1987), «Чашми сафедор» (1991), «Аз Ватан вақте ки мерафтам» (1998), «Аз Гули хор то Симхор» (2003), «Хуни қалам»(2008) ба нашр расидаанд. Соли 2013, маҷмӯаи дигари ашъори шоир бо номи «Лолаи сиёҳ» дастраси ҳаводорони шеър гардид.

Бозор Собир шеърҳои зиёде аз эҷодиёти шоирони шинохтаи ҷаҳонӣ, чун Ч.Байрон, С.Есенин, А.Рембо, М.Валеко, П.Неруда, Э.Межелайтис, Фет тарҷума намудааст. Шеърҳои шоир ба забони русӣ ва як қатор забонҳои дигар тарҷума ва чоп шудаанд.

Ба анҷом расонидани тадқиқоти муқаммале доир ба қабатҳои лексикӣ -семантикӣ ва хусусиятҳои услубии эҷодиёти Бозор Собир:

- барои қорҳои минбаъдаи илмӣ кӯмак хоҳад расонд;
- маводи ҳосилшуда метавонад мавриди истифодаи наشري энциклопедияҳо, тазкираҳо

қарор гирад;

- ҳамчун дастури таълимӣ дар соҳаи илми забоншиносӣ қарор гирад;
- саҳифаҳои наверо барои ҳаводорони каломӣ бадеъ ва муҳлисони шеър шоирӣ кушода

гардонад.

Хулоса, масъалаҳои тағйироти гуногуни семантикии забони эҷодиёти Бозор Собир, ки характери ба худ хос доранд, имрӯз зарур аст, ки мавриди пажӯҳиши муқаммал қарор гирад. Роҳҳои ғанигардонии забони адабии тоҷик бо роҳи истифода аз диалектизмҳо, мавқеъ ва тарзи истифодабарии синоним, омоним ва антонимҳо, услуби эҷодиёти шоир барои муаллимон, аспирантон, донишҷӯёни факултаҳои филология аҳамияти амалӣ дошта метавонад.

АДАБИЁТ

1. Абдуқодиров А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода. \А. Абдуқодиров. Рис. номз. илм. филология. – Душанбе: Дониш, 1988. – 125 с.
2. Бозор С. Аз гули хор то симхор. \С.Бозор. – Москва: Интрансдорнаука. - 2003. – 230 с.
3. Бозор С. Пайванд. \С. Бозор.-Душанбе:Адиб.-1972. - 92 с.
4. Нурмаҳмадов Ю.Ш. Лексические категории и их стилистические особенности в творчестве Лоика Шерали: автореф. канд. дисс \Ю.Ш Нурмаҳмадов. – Душанбе, 2007. – 26 с.
5. Пармони Носирӣ. Баргузидаи ашъори устод Бозор Собир.\ Носирӣ Пармони. – Техрон. 1373. –С. 7-24.
6. Ҳошимов С. Баъзе хусусиятҳои синонимҳо дар «Гулистон»-и Саъдии Шерозӣ\ \С.Ҳошимов // Масъалаҳои филологияи тоҷик. – Душанбе: УДТ, 1971. –С. 19-27.

7. Чўраев Ғ. Системаи лексикаи лаҳҷавии забони тоҷикӣ (дар асоси маводи шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ). Рис. докт. илм. филология. \Ғ. Чўраев. – Душанбе, 1992. – 330 с.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКА И СТИЛЯ РЕЧИ НАРОДНОГО ПОЭТА ТАДЖИКИСТАНА БОЗОРА СОБИРА

В статье приведены предварительные сообщение о степени изучения языка и стиля речи народного поэта Таджикистана Бозора Собира опираясь на посвящённых этой теме трудов: 1. Исследования таджикских языковедов и побратимого русского народа; 2. Словари; 3. Учебники по лексикологии. Автор отмечая поставленные перед собой цели и задачи, информирует читателя о теоретической базе исследования: сборники стихов поэта а также стихотворения, переведённые поэтом с русского языка на таджикский. В статье показана научная новизна, теоретическая и практическая значимость проведенного исследования.

Ключевые слова: лексикология, поэзия, стиль речи, исследование.

PRELIMINARY ANALYSIS OF THE LANGUAGE PROFICIENCY LEVEL AND SPEECH STYLE OF THE NATION POET OF TAJIKISTAN BOZOR SOBIR

The article is devoted to the preliminary analysis of the language proficiency level and speech style of the nation poet of Tajikistan Bozor Sobir based on the sources: 1. Investigation of the Tajik and the Russian linguists; 2. Dictionaries; 3. Textbooks on lexicology.

Taking into account the aim and tasks to be considered the author is informing a reader to the theoretical base of research: collection of the poet's poems, which have been translated from Russian into Tajik.

The scientific news, theoretical and practical value of research has been shown in the article.

Key words: lexicology, poems, style of speech, investigation.

Сведения об авторах:

Нозимов Абдухамид Абдуалимович – доктор филологических наук, профессор. Тел.: (+992) 907725666 электронная почта: aa.nozimov@mail.ru

Шахлои Абдуализодаи Тохириён – кандидат филологических наук. Тел.: (+ 992) 884 088 123 электронная почта: Shahlo_yak @mail.ru.

About authors:

Nozimov Abduhamid Abdualimovich – Doctor of Philological Sciences. Phone: (+ 992) 907725666, E-mail: aa.nozimov@mail.ru

Shahloi Abdualisodai Tohiriyon – Candidate of Philological Sciences. Phone: + 992 884 088 123, E-mail: Shahlo_yak @mail.ru.

ХУСУСИЯТҲОИ ТАРҶУМАИ МАСАЛҲОИ И.А.КРИЛОВ БА ЗАБОНИ ТОҶИКӢ

Валшев Н.У.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Нилуфари Ф.А.

Донишгоҳи давлатии Бохтар ба номи Н. Хусрав

И.А.Крилов адиби нотақрору номовари рус мебошад, ки осори тамсилии ӯ ба азамати адабиёти рус афзуда, бо ғановату шеваи баёни хеш табиатан як рукни адабиёти умумибашарӣ маҳсуб мешаванд. Масалҳои ин шоири рус ба таҷрибаҳои умумиадабӣ ва анъанахову собиқаи ин жанр таъя доранд. Касе инкор накардааст, ки И.А.Крилов масалҳои табиатан хоси русӣ офаридааст. Масалан, тавре Н. А. Арбузов навиштааст, достонҳои Крилов бо содагӣ ва услуби ниғориш, тасвири олами набототу ҳайвонот ва табиату мизочи маҳз русӣ воқеан моли маънавии халқи рус мебошанд [1, с.104]. Аммо ҳамзамон касе инкор намекунад, ки дар ағлаби сужет ва оҳангҳои ин суҳанвари мумтоз таъсири шоири фаронсавӣ Лафонтен баръало дида мешавад. Чунон ки медонем, дар навбати худ онҳоро бештар аз Шарқ ба муҳити Аврупо бурдааст. Ҳақ ба ҷониби Игор Иглинский мебошад, ки хангоми ба ҷопи оммавӣ омода кардани масалҳои шоири рус гуфта буд: “Ҳатто он масалҳо, ки сужети онҳоро И.А.Крилов аз нависандаи фаронсавӣ Лафонтен аз худ карда буд, ба шарофати иқтидори истеъдоди вай ба асарҳои аслию нотақрори русӣ табдил ёфтаанд. Кас ҳеч намехоҳад, ки онҳоро ба Лафонтен нисбат диҳад” [2, с.56].

Ин ҳақиқати маҳзест, ки исбот мекунад онҳо моли адабиёти русанд. Аммо табиату мантиқи тараққиёти ҷамъияти инсонӣ ва тамаддуни умумибашарӣ бозгӯи он аст, ки агар касе аз каси дигар, халқе аз халқи дигар, ҷомеае аз ҷомеаи гузашта наомӯзад, пешравӣ намешавад ва ҳама

муқаддасот аз байн меравад. Михайлов А.Н навиштааст: «Дунё ва одам дар он бо пешбурди анъанаҳои нек, омӯзишу пазириши таҷрибаҳои пешқадами зебоӣ зинда мебошад ва ғановати маънавӣ дар доираи як мамлақату як халқ, як давраву ягон минтақаи олам маҳдуд монда наметавонад» [3, с.44].

Бояд тазакурр дод, ки имрӯз мо тавассути И.А.Крилов низ ба худшиносии миллии тоҷикӣ роҳ мебарем ва фардо аз ин таҷрибаи мо сари масъалаҳои ҳудогоҳӣ ва ҷаҳоншиносӣ халқи дигаре истифода хоҳад кард ва ҳамин тавр “ин олам гирдгардон аст”, чунон ки ба қавли устод Рӯдакӣ “гирдгардон буд”. Рябов Г.И. навиштааст: «Гап дар сари маҳорат ва тарзу усулҳои истифода аз таҷрибаи халқҳои дигар аст» [4, с.87].

Пас, агар гӯем, ки масалҳои Крилов дар радифи панду андарзи Рӯдакӣ ва Саъдӣ, дostonҳои қаҳрамони “Шоҳнома” ва ишқияҳои Ҷомӣ, афсонаҳои гурасрори Пушкин ва ҳикояҳои психологӣ Чехов аз солҳои 30-юм ба муҳити адабию тарбиявии Тоҷикистон комилан ворид гардида, дар қори таълим ва саводомӯзии умумӣ то алҳол саҳми арзанда гирифта меоянд, хато намекунем.

Мероси адабии Крилов ва хосса масалҳои ин адиби русро падидаи маданияти рус шинохтан кам мебошад. Зеро дар масалнависи, чунон ки ишора шуд, Крилов ба ду сарчашмаи бузург таъя дорад. Яке аз онҳо анъанаи масалнависи ғарбист, ки дар навбати худ аз Юнони қадим ибтидо гирифтааст. Анъанаҳои масалнависи поязуори ин жанри адабӣ Эзоп интишори умумичаҳонӣ доранд ва аз ин таъсир Крилов низ бе баҳра нест.

Дигаре анъанаҳои Шарқ аст, ки ба воситаи Ғарб то ин масалнавис расидаанд, зеро Крилов онҳоро ба воситаи тамсилу ҳайвонотномаҳои қадимаи ҳинду форсӣ, ки дар навбати худ аз таҷрибаи масалғӯи Эзоп низ бе баҳра намондаанд, пазируфтааст.

Масалу ҳайвонотномаҳои форсии тоҷикӣ бошанд, навтарин намунаҳои ташаккули таркибҳои юнонию шарқӣ анъанаҳои ин жанр дар асрҳои миёна мебошанд. Масалан, сюжетҳои ҳиндӣ “Калила ва Димна”, ки дар замони салтанати Сосониён аз ҳиндӣ санскрит ба паҳлавӣ гардонид шуда, баъдан Ибни Муқоффаъ онҳоро ба арабӣ рӯи қоғаз оварда буд. Дар замони Сомониён “Калила ва Димна”-и Ибни Муқоффаъ ба наср ва баъдан дар шакли манзум ба тоҷикии дарӣ баргардонид мешавад.

Дар масалҳои форсӣ-тоҷикӣ манбаъҳои юнонии эзопӣ ва ҳиндӣ ба ҳам омаданд ва зиёда аз ин онҳо маҳсулиятҳои миллии тоҷикӣ ҳам пайдо кардаанд. Ҳамин таҷрибаи тозаи масалсароии форсии тоҷикӣ масалнависи бузурги фаронсавиро ба ваҷд овардааст.

Ошқор аст, ки сужети бисёр масалҳои Крилов ба забони тоҷикӣ басо гуворост, зеро онҳо моро ба қарри асрҳо мебаранд. Аз ин хотир тарҷума ва нашри онҳо ба забони тоҷикӣ, хосса дар шароити имрӯз ба манфиат мебошад. Бо таъя ба ин ки аксари онҳо ифодагари дарди имрӯзаи мо буда, вазъи имрӯзаи сиёсӣ иҷтимоӣ мамлақати соҳибистиқлоли тоҷиконро ифода мекунанд, аҳамияти амалии масалҳои шоири рус боз ҳам меафзояд. Аз ҷумла, масалҳои таърихӣ вай имрӯз оҳанги ҳозиразамон пайдо кардаанд. Чунончи, масали “Ниҳол”, ки рӯҳи замонавӣ дорад ва набзи имрӯзаи мамлақату рӯҳияи мардумро равшан ифода мекунанд. Ба хотири осудагӣ оромии яклаҳзаинаи худ дарахте аз табарзан хоҳиш намудааст, ки тамоми ҷангали атрофи ӯро бурида партояд. Хуллас, дарахту ниҳолакони атрофи вайро бурида партофтаанд ва қор ба ҷое расидааст, ки дигар як шамолаки муқаррарӣ ҳам ин ниҳоли танҳоро аз байн бурда метавонад. Барои аз по афтодан ба вай як пуф кифоя мебошад. Ин ҷо хулосаи мантиқӣ басо равшан ифода ёфтааст: Одам бо дӯсту муттақо ва мурғони болопарвози ҳаво бо болу пари худ пуриктидоранд, инсон бо ҳамсоии нек ва пушту паноҳи бародараш орому осуда буда метавонад.

Инак, аз ибтидои асри ХХ масалҳои Крилов дар тарҷума ба забони тоҷикӣ ҷоп гардида, минбаъд муаллифи худро басо шуҳратёб гардониданд. Саҳми онҳо ба ташаккули адабиёти кӯдакон ва наврасон, ба тарбияти насли наврас басо зиёд мебошад. Вақте адабиёти миллии кӯдакон ва наврасон ба маънии имрӯзаи ин мафҳум вучуд надошт, осори Крилов дар радифи дигар асарҳои бачагонаи адибони рус ва ҷаҳон ба адабиёти тоҷик бе малол ворид гардиданд.

Соли 1944, дар айни авҷи таъқиби фашистон, нашриёти давлатии Тоҷикистон “Масалҳои мунтахаб”-и И.А.Криловро бо миқдори 10 000 нусха ва бо суратҳо аз ҷоп баровард. Баъдан қариб 35 сол лозим шуд, ки китоби навбатии Крилов ба тоҷикӣ ҷоп шуда барояд. Нашриёти “Маориф” соли 1977 барои бачагони синни хурди мактабӣ бо номи “Маймун ва айнак” 34 масали ин шоири русро аз ҷоп баровард. Китоби расмдоре, ки бо теъдоди 50 000 адад ба дасти хонандаи хурдсол расид, аз ҳисоби навтарин тарҷумаҳо бо қалами шоирони тоҷик Баҳром Фирӯз ва Ҳикмат Раҳмат муқаммал карда шуд. Шоистаи зикри хос мебошад, ки як идда тарҷумаҳои Ҳикмат Раҳмат бо таҳрири адабиётшиноси тоҷик Х. Шодиқулов аз ҷоп баромад.

Ҳамон вақт аз номи шоири рус И.А.Крилов шоири тавонои бачаҳо Суҳайлӣ Ҷавҳаризода дар тарҷумаи масали “Қу, моҳӣ ва харчанг” бо таъкид меғӯяд:

*Чу сози нест дар байни рафиқон,
Наёбад кори онон ҳеч сомон,
Шавад балки аз он кулфат фаровон...*

Крилов тавассути масалҳои пурҳикмати худ худситоӣ (“Саъба”), ҷоҳили ва аҳмақӣ (“Маймун ва айнак”, “Хар ва булбул”), худписандиву мағрурӣ (“Гург ва рӯбоҳ”, “Гург ва барра”), хушомадзаниро (“Куку ва хурӯс”) мазаммат менамояд.

Дар давоми беш аз сад соли гузашта, ки масалҳои Крилов маҳбуби халқи тоҷик гардиданд, аз 205 масали тарҷумашудаи вай 86-тои он маҳсули қалами Ҳикмат Раҳмат мебошанд. Гуфтан мумкин аст, ки маҳбубияти И.А.Крилов ҳамон меафзояд, зеро ба пиндошти мо, касе аз масалнависони русу дигар халқҳо дар ин жанр ба пояи ӯ расида натавонистанд.

Ҳамин тавр, хонандаи тоҷик масалҳои И.А.Крилово бо шавқу завқ мутолиа намуда, бисёр чизхоро меомӯзад ва дар айни замон бе ихтиёр ба хотир меоварад, ки шоири шуҳратманди рус аз адабиёти классикии тоҷик низ таъсир пазируфтааст. Аз ин ҷост, ки мазмуни бисёр масалҳои ӯ баъзе шеърҳои классикони адабиёти тоҷик Шайх Саъдӣ, Убайди Зоконӣ, Мавлоно Ҷомӣ ва дигаронро ба хотир меоваранд.

АДАБИЁТ

1. Арбузов Н.А. Характеристика творчества И.А.Крылова. – М.: Высшая школа, 2007. – 265 с.
2. Иглинский И. Особенности творчества И.А.Крылова. – М.: Наука, 2001. – 134 с.
3. Михайлов А.Н. Анализ творчества русского поэта. – М.: Наука, 1999. – 205 с.
4. Рябов Г.И. Особенности перевода художественных произведений. – М.: Наука, 2002. – 165 с.
5. Смирнов А.М. Характеристика басни русского поэта. – М.: Наука, 2003. – 231 с.
6. Тимофеев А.В. Теория литературы. – М.: Наука, 2005. – 213 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БАСНИ И.А.КРЫЛОВА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

В этой статье автор говорит о творчестве известного поэта И.А.Крылова. На основе обширного материала автор исследует переводы произведений русского поэта И.А.Крылова на таджикский язык.

Надо отметить, что в этой статье впервые анализируются переводы басни русского поэта И.А.Крылова на таджикский язык. Начиная с 1944 года государственное издание Таджикистана выпустил книгу «Избранные басни» И.А.Крылова в количестве 10000 книг.

Затем в 1977 году выходит очередной книги И.А.Крылова на таджикский язык. Издание «Маориф» в 1977 году выпустил книгу под названием «Обязана и очки» для детей маленького возраста в количестве 34 басни великого русского баснописца И.А.Крылова.

С различными рисунками и с изданиями 50000 количествами выход для маленьких детей в переводе известных таджикских поэтов Бахрома Фируза и Хикмата Рахмата. Надо отметить, что очень много басни русского поэта выходит в переводе таджикского поэта Хикмата Рахмата в комментарий известного таджикского литературоведа Х.Шодиккулова. Все стихи и басни исследуются на таджикском языке

Ключевые слова: перевод, И.А.Крылов, басня, таджикский язык, русский поэт, книга, таджикские поэты.

FEATURES OF THE TRANSLATION OF THE FABLE OF I.A. KRYLOV INTO TAJIK LANGUAGE

In this article, the author talks about the work of the famous poet I.A. Krylov. Based on extensive material, the author explores translations of the works of the Russian poet I.A. Krylov into Tajik. It should be noted that this article for the first time analyzes the translations of the fable of the Russian poet I.A. Krylov into the Tajik language. Since 1944, the state publication of Tajikistan has published the book "Selected Fables" by I. Krylov in the amount of 10,000 books

Then, in 1977, another book by I.A. Krylov was published in Tajik language. The publication "Maorif" in 1977 released a book entitled "Obligatory and glasses" for young children in the amount of 34 fables of the great Russian fabulist I. Krylov.

With various drawings and editions of 50,000 quantities, a way out for young children in the translation of the famous Tajik poets Bahrom Firuz and Hikmat Rakhmat. It should be noted that a lot of the fables of the Russian poet are published in the translation of the Tajik poet Hikmat Rakhmat in the commentary of the famous Tajik literary critic H. Shodikulov. All poems and fables are studied in Tajik

Keywords: translation, I.A. translation, I.A. Krylov, fable, Tajik, Russian poet, book, Tajik poets

Сведения об авторах:

Валиев Нурали Умарович - Зав.кафедрой русской и мировой литературы Таджикского государственного педагогического университета имени Садрриддина Айни Тел. (+992) 909 09 16 12 nurali_56 E – mail: hhhh@mail.ru

Нилуфар Фатхуллои Абдуллозода - Ассисент кафедры русского языка и литературы Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава Тел. (+992) 918 13 42 44

About the authors:

Valiev Nurali Umarovich - Head of the Department of Russian and World Literature, Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini Tel (+992) 909 09 16 12 E – mail nurali_56 hhhh@mail.ru

Nilufari Fathulloi Abdullozoda - Assistant at the Department of Russian Language and Literature at Nosir Khusrav Bohtar State University Tel. (+992) 918 13 42 44

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Салохитдинов В.Ю.

Институт государственный управления при Президенте Республики Таджикистан

Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т.е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего. С грамматической точки зрения предложение представляет собой внутреннее единство слов и словосочетаний, становящихся членами предложения, порядка их расположения и интонации.

В синтаксисе как таджикского, так и английского языков обычно различаются простое предложение и сложное предложение. Зачастую простое предложение представляет собой очень сложную структуру. Простое предложение имеет не только разнообразные формы своего построения, разные типы, но и может быть осложнено наличием обособленных и однородных членов. Различие между простым предложением и сложным является структурным. Простое предложение организуется посредством единой концентрации форм выражения категорий времени, модальности и лица; в сложном предложении может быть несколько органически связанных друг с другом конструктивных центров этого рода. Внутреннее единство мысли, выражаемой сложным предложением с помощью интонации, а также средств синтаксической связи, соединяет эти части в одно синтаксическое целое, в единство предложения. В целом значение сложного предложения не просто складывается из суммы значений входящих в него частей, которые по- своему строению близки к простым предложениям. Сложным называется предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей (двух или больше), которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простыми предложениями. Хотя части сложного предложения по внешнему строению однородны с простыми предложениями, но в составе целого они не имеют смысловой и интонационной законченности, характерной для категории предложения, и, следовательно, не образуют отдельных предложений.

Условно все сложные предложения принято делить на сложносочиненные и сложноподчиненные. Однако современные исследователи синтаксического строя языка рассматривают и бессоюзные сложные предложения. При этом они утверждают, что в бессоюзных предложениях взаимозависимость частей не переходит в грамматически выраженное подчинение. В бессоюзных сложных предложениях связь частей и синтаксическая целостность всего сложного единства выражается ритмомелодиическими средствами и соотносительностью строения их основных конструктивных единиц. Бессоюзные сложные предложения отличаются от других типов сложных предложений своей компактностью и широкими возможностями сцепления и объединения простых предложений. В способах связи частей бессоюзного предложения большую роль играют лексические элементы и интонация, которые выступают в качестве своеобразного синтаксического средства объединения простых предложений в сложное целое. В качестве средств синтаксической связи могут использоваться местоименные слова и слова отвлеченного значения. Таким образом, целью данного исследования мы ставим изучение характера и выявление структурно-семантических типов бессоюзных сложных предложений в таджикском и английском языках. Бессоюзные соединения (сочетания) предложений – это особые синтаксические образования, в большей или меньшей

степени соотносительные со сложными предложениями, но отличающиеся от них отсутствием союзной или местоименной связи между частями. Объединение предложений в бессоюзное сочетание осуществляется посредством интонации и, в одном случае, при помощи специального грамматического оформления сказуемых.

Предложения, входящие в бессоюзное сочетание, характеризуются смысловой взаимосвязанностью либо единством текстообразующей функции, т.е. совместным участием в образовании некоторой относительно законченной части текста и одинаковым отношением к этому образуемому ими целому.

Бессоюзный способ соединения предложений ограничен преимущественно рамками разговорной речи. Смысловая емкость и яркая стилистическая окрашенность бессоюзия создают также условия для его использования в художественной литературе как эстетического, изобразительного приема. Конструктивные возможности бессоюзия при этом иногда расширяются, а некоторые принципы бессоюзного соединения предложений становятся характерными приметам газетной, научной, нейтрально-повествовательной речи. В результате столкновения двух начал – разговорного и книжного – картина стилистических функций бессоюзия может оказаться иногда достаточно сложной; соответственно возникает необходимость дифференцированного подхода к оценке каждого отдельного типа бессоюзного соединения.

Одни исследователи (А.М.Пешковский) уподобляли БСП союзным и распределяли их между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. Согласно точке зрения А.М. Пешковского, при бессоюзной связи интонация компенсирует отсутствие союза. Действительно, во многих случаях такая соотносительность наблюдается. Например, в таджикском языке: “*Ҳар кӣ н-омухт аз гузашти рӯзгор, Низ н-омӯзад зи ҳеч омӯзгор* (Рудаки, рубои, 45) - “*Тот, кто не научился у жизни (ничему), Не научится ни у какого учителя*”; “*Ҳар киро роҳбар заған бошад, Гузари ӯ ба маргазан бошад*” (Каландаров, 411) – “*У кого руководитель коршун, путь того – на кладбище*”; “*Ду дил як шавад, бишканад кӯхро*” (Низомӣ, 46) – “*Если два сердце объединятся, они разрушат гору*”. Приведем примеры на материале английского языка: “*I have fallen like a poor stray shadow on your way, I have married you to poverty and trouble, I have scattered your means to the winds*” (Dickens Charles, Bleak House, 89) – “*Я пересек твой путь, словно какая-то бедная заблудшая тень; я взял тебя замуж и принес тебе только бедность и горе; я промотал твоё состояние*”; “*The banners take also significant area on the display, block and overfill the display causing the trouble to the user and this may result in making the negative impression of the advertiser*” (Feist Raymond, Krondor, Tear of the Gods, 123) – “*Баннеры также занимают ценное место на экране, загромождают и переполняют экран, чем раздражают пользователя, а это может привести к отрицательному отношению к рекламодателю*”.

Однако такая соотносительность бессоюзных и союзных предложений существует далеко не во всех случаях, есть такие БСП, которые не имеют соотносительных союзных предложений. Например, в таджикском языке: “*– Барои он ки аввалин гуиҳои ман тоқати шунидани алфози бегонаро надоранд, сониян шумо намегузored, вазифаи хизматнамро иҷро кунам. Дастанро сар диҳед*” (Ш. Мӯсо, Хикояҳо, 87) – “*Во-первых, я не намерен выслушивать ваши слова, во-вторых, вы отвлекаете меня от работы. Отпустите мою руку*”; “*Азамат нигоҳ аз дари бастаи дӯкон ба ед меоварад: “Як ҳафта шуд, ки як тини пучак нақандаам. Ҳисобот гуфта, намонданд, ки аз ҳучраам бароям. Хайрия, ки раси ба хориҷ рафту озод шудам*” (Ш. Мӯсо, Хикояҳо, 97) – “*Азамат, не отрывая глаз от лавки, вспомнил: «Неделя прошла, а он не заработал и копейки. Из-за ревизии его не пускали в его офис. Хорошо, что директор уехал за границу*”. Далее приведем примеры на материале английского языка: “*Tom shrugged. “I wouldn't be a proper protector to Lord Rahl if I let such a suspicious person as you roam around, trying to do harm, without doing my best to find out what you were up to*” (Goodkind, Terry, The pillars of creation, 80) – “*Том кивнул: Плохим бы я был защитником лорда Рала, если бы позволил такой подозрительной особе, как ты, рыскать вокруг да около, пытаясь напакостить ему, и не зная о твоих планах*”; “*She had a sudden fear: she found herself remembering all those tales of mortals straying off into Faerie—gone for an hour or a day or a week, only to find that years had passed in their own world while they were gone.*” (De Lint, Charles, The Little Country, 34) – “*Джоди охватила паника: она сразу вспомнила истории о том, как смертные отправлялись в Волшебное Царство всего на час, день или неделю, а вернувшись, понимали, что в их мире успели пройти долгие годы.*”. В эти предложения невозможно вставить союз без проведения других преобразований.

Другой подход к БСП содержится в работах Н.С. Поспелова и др. ученых, разделяющих его точку зрения (Л.Ю. Максимов, В.А. Белошапкина и др.). БСП рассматриваются как полипредикативные единицы, представленные особыми структурными и семантическими разновидностями. При отсутствии союза возрастает роль других формальных показателей (не

только интонации). Это местоименно-указательные слова (Т-слова), синсемантические слова, требующие восполнения, лексические соотношения, синтаксический параллелизм, соотношение видо-временных и модальных форм глаголов-сказуемых.

Тем не менее, бессоюзное сложное предложение – это сложное предложение, предикативные части которого взаимосвязаны по смыслу и строению, а также соединены без помощи союзов или относительных слов ритмомелодическими средствами, порядком следования частей. В связи с этим, различаются следующие типы предложений: 1) бессоюзные сложные предложения однородного состава (с однотипными частями). По выражаемым ими значениям (одновременность или последовательность событий, сопоставление или противопоставление действий и т. д.) и по некоторым структурным признакам (перечислительная интонация или интонация противопоставления, однотипность видо-временных форм глаголов-сказуемых, возможность вставки сочинительных союзов) предложения этого типа могут быть соотнесены со сложносочиненными предложениями; ср.: в таджикском языке: “*Даст афионд, ангушт ба даҳон бурд. Аввал сӯзиши ангушт иидаат ефт, синас наст шуд*” (Ш. Мӯсо, Ҳикояҳо, 87) – “*Махнул рукой, приподнес палец к губам. Боль на пальцах сначала была невыносимой, после стала меньше болеть*”. В английском языке: “*It was easy for me to find out, I did soon find out, that Drummle had begun to follow her closely, and that she allowed him to do it*” (Dickens, Charles, Great Expectations, 90) – “*Вскоре я убедился, – это было нетрудно, – что Драмл за ней ухаживает и что она это терпит*”.

2) бессоюзные сложные предложения неоднородного состава (с разнотипными частями). По выражаемым ими значениям (отношения обусловленности, причинно-следственные, изъяснительные и др.) и по некоторым структурным признакам (интонация, порядок следования предикативных частей единого целого, лексический состав первой части и др.) предложения этого типа могут быть соотнесены со сложноподчиненными предложениями; ср.: в таджикском языке: “*Хуштар зи китоб дар ҷаҳон ере нест, дар ғамкадаи замона ғамхоре нест. Ҳар лаҳза аз ӯ ба ғӯшаи танҳои, сад роҳате асту ҳаргиз озоре нест*” (Ҷомӣ, 89) – “*Нем в мире друга лучше, чем книга, в обители печали нет лучшего утешителя, чем она. Каждое мгновение в уединении она приносит сто радостей и никогда ни одного мучения*”. В английском языке: “*And she will find out, she will, and will come to sit beside me of her own accord, humble, timid, ingratiating, seeking my glance, radiant at my smile.*” (Lockhart, Andrew, Network Security Hacks, 45) – “*И она узнает - узнает и сядет подле меня сама, покорная, робкая, ласковая, ища моего взгляда, радостная от моей улыбки*”.

В бессоюзных сочетаниях предложений устанавливаются разнообразные смысловые отношения. В общих чертах эти отношения близки к отношениям, выражающимся в сложном предложении средствами сочинительной или подчинительной связи, как уже было показано выше, однако, полного совпадения здесь нет. Различия состоят в следующем:

1) Значения бессоюзных соединений менее дифференцированы. Без опоры на дополнительные средства здесь, как правило, могут быть выделены только самые общие типы отношений, которые в сложном предложении дифференцируются несколькими, порой далекими друг от друга союзами. Так, например, значение обусловленности при бессоюзии может включать в себя, помимо разных видов условности и уступительности, временную взаимообусловленность и функциональную зависимость одного признака от другого: *Аз гурғ тарсӣ, саҳро нарав – Волков боишья – в степь не ходи; Аз моҳӣ тарсӣ ба об надаро - Боишья рыбы – не лезь в воду; Аз асп-дав, аз соҳибаи - ҷав - От лошади – бег, от хозяина – ячмень.* Данный тип бессоюзных предложений был выявлен нами в таджикском языке.

А также неопределенность и обобщенность, которые в сложном предложении передаются средствами относительного подчинения; ср. варианты пословиц: в таджикском языке:

Таким образом, соотносительность союзной связи и бессоюзия не является полной. А бессоюзие в сложном предложении можно без преувеличения назвать особым типом синтаксической связи.

В зависимости от значений частей бессоюзных сложных предложений и типа интонации как важнейшей формальной стороны их построения мы выделили различные виды бессоюзных сложных предложений на основе исследований видных отечественных грамматистов: 1) бессоюзные сложные предложения со значением» перечисления: в таджикском языке: “*Ман ҷойнишин мегуфт, ғап ғати ман мегуфт. Гапҳои насту баланд зад, таҳқир кард*” (Ш. Мӯсо, Қасоси занбаста, 114); в английском языке: *A woman’s work is never done!*”, said Leila. She added: “*As soon as I finish washing the breakfast dishes, it’s time to start preparing lunch. Then I have to go shopping and when the kids are back home I have to help them with their homework.*” (Greene, Henry Graham, The

Heart of the Matter, 90) –

“Женский труд никогда не заканчивается!”, – Сказала Лейла. Она добавила: *“Как только я заканчиваю мыть посуду после завтрака, приходит время готовить обед. Потом я должна идти по магазинам и, когда дети возвращаются домой, я должна помогать им с домашним заданием”*. 2) бессоюзные сложные предложения со значением сопоставления или противопоставления: в таджикском языке: *“Ба кӯҳ дард гӯӣ, дард мешунавӣ”* – *“Скажешь горе о боли – эхом отдается боль”*; *“Аз бисёрери бемаза, ками бомаза беҳ”* – *“Чем много, да невкусно, лучше мало, да вкусно”*; *“Аз бод – борон, аз бозӣ – ҷанг”* – *“Ветер приносит дождь, игра – драку”*. Далее приведем примеры на материале английского языка: *“A nod’s as good as a wink to a blind horse”* – *“Кивать слепой лошади – то же самое, что ей подмигивать”*.

Во многих языках мира, таджикский и английский языки не стали исключением, грамматисты выделяют множество способов образования и оформления бессоюзных сложных предложений, однако, при всем многообразии лексико-грамматических особенностей БСП, они никак не могут быть адекватно соотнесены с тем или иным типом сложных предложений и, потому выделяются в отдельный тип сложных синтаксических конструкций. Однако, если в английском языкознании в бессоюзных сложных предложениях сочинение и подчинение либо вовсе не дифференцируются, либо те или иные типы таких предложений лишь соотносятся с соответствующими сложносочиненными или сложноподчиненными союзными предложениями, то в таджикском языкознании БСП наоборот подразделяются на сочиненные и подчиненные. Это обусловлено спецификой строя таджикского языка, в котором союзный тип связи, не будучи исконным, носит, как правило, факультативный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Теоретическая грамматика турецкого языка. – М., 1983.
2. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высшая школа, 2000.
3. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учебник. – М.: Агар, 2000. – 416 с.
4. Зайцева Л.П. Типы бессоюзных сложных предложений в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л., 1955. – 22 с.
5. Иофик Л.Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
6. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 569 с.
7. Лядова Ю.В. Учение о сложном предложении в современном русском языке // Филологические науки в МГИМО: Сб. научных трудов/ Отв. ред. Г.И.Гладков. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – С.39–50.
8. Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. // Вопр. синтаксиса современного русского языка. – М.-Л., 1956. – С.338–345.
9. Русская грамматика. Т.2: Синтаксис. – М., 1982.
10. Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 666 с.
11. Фарҳанги забони тоҷикӣ. М.: Советская энциклопедия, 1969. Ч. 1-

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В работе анализируются специфические особенности бессоюзных сложных предложений в таджикском и английском языках. Автор выделяет основные структурно-семантические типы бессоюзных сложных предложений, принципы их классификации в разноструктурных языках. Рассматриваются взгляды ученых, которые внесли значительный вклад в изучение синтаксиса бессоюзного сложного предложения в лингвистике.

Ключевые слова: целостная единица речи, грамматический строй, модальность, таджикский язык, разноструктурные языки.

Сведения об авторе:

Салохиддинов Восиф Юсуфалиевич - Институт государственного управления при Президенте Республики Таджикистан тел: (+992) 935054686

About the autor:

Salokhiddinov Vosif Yusufaliyevich - Institute of public administration at the President of the Republic of Tajikistan Phone: (+992) 935054686

ЭТИМОЛОГИЯИ ЭЛЕМЕНТҲОИ ХИМИЯВИИ ЗЕРГУРҶИ АСОСИИ ГУРҶИ
ПАНҶУМИ ҶАДВАЛИ ДАВРИИ Д.И.МЕНДЕЛЕЕВ

Дар қарни технологияҳои нав химия яке аз фанҳои муҳим мебошад, ки онро илми асри XXI низ меноманд. Омӯзиши пурратари мафҳумҳои химия ба бедор намудани шавқ ва хуб аз худ намудани ин фанни мушкул, вале шавқовар водор месозад. Дар китобҳои барои хонандагони мактабҳои таҳсилоти ҳамагонӣ тавсияшуда амалан истилоҳҳои этимологӣ вучуд надоранд [1 с.3], ки ин азхудкунии истилоҳҳои лотинии номҳои элементҳои химиявиро душвор месозад. Аз ин лиҳоз мо мақсад гузоштем, ки таърихи пайдоиш ва маънои номи элементҳои химиявии чадвали даврии Д.И.Менделеевро, дар мисоли элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷум, ошқор намоем. Қаблан мо этимологияи элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳҳои якум ва дуҷуми чадвали даврии Д.И.Менделеевро пешкаш кардаем [4]. Дар ин мақола масъалаҳое, ки мо дар раванди таҳлил баррасӣ кардаем инҳоянд:

- муайян намудаем, ки номҳои элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷум аз кадом забон сарчашма мегиранд;
- муайян намудаем, ки аз рӯи кадом принцип дар забонҳои гуногун элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷум номбар шудаанд;
- муайян намудаем, ки маънои номҳои элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷум чиро ифода мекунанд;
- муайян намудаем, ки ҳамгироии элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷуми чадвали даврии элементҳои химиявии Д.И.Менделеев ва соҳаҳои гуногуни ҳаёти имруза чигунаанд.

Номҳои элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷум дар луғатҳои лингвистикӣ пурра оварда нашудааст [5], вале зарурати дониستاني вай дар он аст, ки шахс таърихи пайдоиши истилоҳи химиявиро фаҳмида, алоқаи химиявиро бо забоншиносӣ, таърих, физика дарк менамояд.

Таҳқиқоти мо ба химия вобаста аст, вале нақши асосӣ ба забоншиносӣ равона карда мешавад, аниқтараш ба ду қисмати забоншиносӣ-этимология ва ономастика. Этимология, ҳамчун илм дар бораи ҳақиқати пайдоиши истилоҳ, баъзан барои калимаро аз нав шунидан, онро аз мазмунаш фаҳмидан кӯмак мерасонад. Кори мазкур ба таҳқиқи этимологияи номҳои элементҳои химиявӣ бахшида шудааст, ки ба омӯзиши пурратари номҳои элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷуми чадвали даврии Д.И.Менделеев, инчунин зиёдшавии шавқ ба химия мусоидат мекунанд. Чадвали даврии Д.И.Менделеев маълумотҳои зиёд дорад, ки танҳо дар як варақ ҷой дода шудааст. Бисёр номҳои элементҳои химиявӣ асосан аз забони юнонӣ ва лотинӣ омадаанд. Номҳои элементҳои химиявиро аз рӯи се принциби асосӣ мегузоштанд:

1. Аз рӯи номи ҷойҳо, ки ба ин элементҳо алоқаманданд, ё бахшида ба номи ягон давлат бошанд;
2. Аз рӯи номи олимони;
3. Аз рӯи хосияти элементҳои химиявӣ, ё аз рӯи хосияти пайвастиҳои онҳо.

Омӯзиши истилоҳҳои этимологияи химиявӣ имконияти алоқаи байнифаннии химияро на танҳо бо таърих, балки бо забонҳои дигар ба амал оварда, инкишоф медиҳад. Дар зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷум элементҳои нитроген, фосфор, арсен, сурма ва висмут ҷойгир шудаанд, ки истилоҳҳои (аломати) химиявӣ ва номҳои онҳо бо забонҳои тоҷикӣ, лотинӣ, русӣ ва англисӣ дар чадвал оварда шудааст.

Чадвал

Истилоҳи химиявӣ ва номҳои элементҳои зергурӯҳи асосии гурӯҳи панҷуми чадвали даврии забонҳои тоҷикӣ, лотинӣ, русӣ ва англисӣ

Истилоҳи химиявӣ	Нитроген	Фосфор	Арсен	Сурма	Висмут
Аломати химиявӣ	N	P	As	Sb	Bi
Номи тоҷикӣ	Нитроген	Фосфор	Арсен	Сурма	Висмут
Номи лотинӣ	Nitrogenium	Phosphorium	Arsenium	Stibium	Bismuthum
Номи русӣ	Азот	Фосфор	Мышьяк	Сурьма	Висмут
Номи англисӣ	Nitrogen	Phosphorus	Arsenic	Antimony	Bismuth
Транскрипт	[ˈnaitrədʒən]	[ˈfɒsfərəs]	[ˈaɪsnɪk]	[ˈæntɪməni]	[ˈbɪzmʊθ]

Нитроген. Соли 1772 Генри Кавендиш таҷрибаи зеринро гузаронид: \bar{U} чандин маротиба аз болои ангишти тафсон ҳаво гузаронида, сипас онро бо ишқор коркард намуд. Дар натиҷаи чунин коркард боқимондае ҳосил шуд, ки онро Кавендиш ҳавои хафақунанда (ё мефитикӣ) номид. Аз нуктаи назари химияи ҳозиразамон маълум аст, ки дар раванди реаксия бо ангишти тафсон оксигени ҳаво ба гази карбонат табдил ёфта, сипас аз тарафи ишқор фуру бурда мешавад. Ҳамзамон гази боқимондаи ҳаво бештар ба нитроген шабоҳат дошт. Ҳамин тариқ Кавендиш нитрогенро ҳосил кард, вале \bar{u} фаҳмида натавонист, ки ин моддаи соддаи нав (элементи химиявӣ) аст ва онро ҳамчун ҳавои мефитикӣ шарҳ дод (аз забони англисӣ merphitic-«зараррасон»). Дар ҳамон сол Кавендиш оиди ин таҷриба ба химикаи дигар Жозеф Пристли хабар дод [6, с.41].

Ҳақиқати зерин аҷиб аст, ки \bar{u} тавонист нитрогенро бо оксиген бо ёрии чараёни барқ пайваст кунад. Баъд аз фуру бурда шудани оксидҳои нитроген дар боқимонда як миқдор газро ҳосил намуд, ки мутлақо инертӣ буд. Вай аз рӯи ин хосияташ ба нитроген монанд буд, вале онро Кавендиш муайян карда натавонист. Ин элементҳои химиявии нав - гази инертӣи аргон буд.

Жозеф Пристли ҳамзамон як қатор таҷрибаҳо гузаронид, ки дар онҳо оксигени ҳаворо дар шакли гази карбонат ҷудо карда, нитрогенро ҳосил кардани мешуд. Вале аз сабаби тарафдори назарияи флогистон буданаш, ки дар он вақт ҳукмронӣ мекард, натиҷаҳои ҳосилшударо нодруст шарҳ дод: \bar{u} чунин шуморид, ки ҳавои флогистонӣ ҳосил кардааст (яъне аз флогистон сер) [6, с.41].

Моҳи сентябри соли 1772 химикаи шотландӣ Даниэл Резерфорд диссертатсияи магистрии худ «Оиди ҳавои ба қавли худаш гумон карда шуда ва мефитикӣ» - ро аз нашр баровард, ки дар он нитрогенро ҳамчун ҳавои зарарнок, захрнок шарҳ дод ва тахмин кард, ки ин элементҳои химиявии нав аст. Инчунин хосиятҳои асосии нитрогенро низ шарҳ дод. (бо ишқорҳо таъсир намекунад, сӯзишро нигоҳ намедорад, барои нафаскашӣ нолозим аст). Резерфорд инчунин тарафдори назарияи флогистон буд, аз ҳамин сабаб натавонист фаҳмад, ки чӣ ҳосил кардааст.

Дар ҳамин вақт нитрогенро Карл Шееле ҳосил кард: тобистони соли 1772 \bar{u} нитрогенро бо усули Кавендиш ҳосил карда, онро мудати панҷ сол назорат кард, сипас натиҷаҳои таҷрибаҳои худро нашр намуд. Дар ин интишор Шееле аввалин шуда ҳаворо ҳамчун омехтаи газҳои ҷудогона шарҳ дод: «Огненный воздух» (оксиген) ва «Воздух с примесями» (нитроген). Аз сабабе, ки Шееле наشري натиҷаҳои таҷрибаҳои худро боздошт, то ҳол оиди он ки кадом олим аввалин шуда нитрогенро кашф кардааст, баҳс меравад.

Номи нитроген аз калимаи франсавӣ azote гирифта шудааст ва аз рӯи тафсири олими машҳури юнони қадим ἄζωτος – маънои «Беҳаёт» - ро дорад. Ба ивази номҳои пешинаи нитроген («флогистикӣ», «мефитикӣ» ва «ҳавои ғашдор») соли 1787 Антуан Лавуазе пешниҳод намуд, ки ба вай номи «nitrogenium» дода шавад. Ин пешниҳод дар қори «Усули номгузориҳои химиявӣ» нашр шуд [7, с.17]. Чи тавре, ки дар боло нишон дода шудааст дар он вақт алақай маълум буд, ки нитроген на сузишро нигоҳ медорад ва на барои нафаскашӣ лозим аст. Аммо баъдан маълум шуд, ки нитроген барои ҳамаи организмҳои зинда хеле зарур аст. Номгузориҳои пешкашшуда дар забонҳои франсавӣ ва русӣ боқи монд. Ин варианти номгузорӣ баъд аз наشري китоби Герман Гесс «Асосҳои химияи тоза» (соли 1831) устувор шуд [8, с.43].

Худи калимаи «нитроген» (бе тараф бо газ) аз қадим маълум буда, аз ҷониби философони ва алхимикони асри миёна барои ифодаи «материяи аввалини металлҳо» бо номи «меркурӣ» дар философони, «меркурии дучанда» дар алхимикони истифода мешуд. «Материяи аввалини металлҳоро» алхимикони «алфа ва омега» - и ҳамаи мавҷудот меҳисобиданд. Аз Апокамепсис: «Ман худ Алфа ва Омегаам, аввал ва охир» ва калимаи онро ифодакунанда аз ҳарфҳои аввалаву охири алифбои се забон: лотинӣ, юнонӣ ва яҳудии қадим сохтанд: а, альфа, алеф ва зет, амега, тов-АААЗОТ. Ташаббускорӣ сохтани номгузориҳои нави химиявӣ Гитон де Морво дар «энциклопедия» - и худ (соли 1787) маънои алхимикӣ мафҳумро қайд карда буд [9, с.112]. Муосирони зиёди Лавуазе номгузориҳои элементро нобаробар меҳисобиданд, инчунин Жан-Антуан-Шаптал номи «nitrogene»-ро пешниҳод кард (аз франсавӣ) - «селитра ба вучуд оваранда» (ва онро дар китоби худ (элементҳои химиявӣ) истифода кард [5, с.57]. То ҳол пайвастиҳои нитрогенро «Нитратҳо» меноманд [9, с.290]. Дар забони франсавӣ номи «нитроген» он қадар машҳур нест, вале дар забони англисӣ, испанӣ, маҷористонӣ ва норвегӣ ҳосилаҳои ҳамин калима истифода мешаванд. Дар забони немисӣ номи stickstoff истифода мешаванд, ки маънои «моддаи хафақунанда» - ро дорад, қиёсан дар норвегӣ низ калимаҳои аз руи мафҳум монанд дар якҷанд забонҳои славянӣ истифода мешаванд, масалан, хорватӣ ва словенӣ delsik (буғиқунанда) [5, с.42].

Номи «нитроген» ба ғайр аз франсавӣ ва русӣ дар итолиёвӣ, туркӣ ва як қатор забонҳои славянӣ, инчунин дар бисёр забонҳои мардуми ИДШС (СССР) қабул шудааст. Пеш аз қабул намудани ишораи N дар Россия ва дигар давлатҳои ишораи Az истифода мешуд, ки инро

масалан дар мақолаи А.М. Бутлеров оиди аминҳо (дар соли 1864) дидан мумкин аст [5, с.42].

Фосфор аз ҷониби алхимикки гамбургӣ Хеннинг Бранд соли 1669 кашф шудааст. Монанди дигар алхимикон Бранд кушиши ёфтани санги файласуфиро дошт, аммо моддаи нурбароранда ҳосил кард. Бранд ба таҷрибаҳое, ки бо пешоби одам вобаста буд диққат меод, зеро тахмин мекард, ки он ранги тиллоӣ дорад, метавонад тилло ё худ чизе барои ёфтани он дошта бошад, Сараввал ӯ пешобро дар муддати якчанд рӯз нигоҳ дошт (то нест шудани бӯи бад), сипас то ҳолати ширеш ҷӯшонид. Ин ҳамираро дар ҳарорати баланд гарм карда то пайдошавии хубобчаҳо овард, Вай умед дошт, ки онҳо конденсатсия шуда, метавонанд ба тилло табдил ёбанд. Баъд аз як чанд соат ҷӯшонидани бошиддат зарраҳои моддаи сафеди муммонанд ҳосил шудаанд, ки хеле равшан месӯхтанд ва илова бар ин дар торикӣ нур мебароварданд. Бранд ин модаро *phosphorus mirabilis* (аз лотинӣ «намоёндаи равшании мӯъҷизаофар») номид. Аз ҷониби Бранд кашф кардани фосфор аввалин кашфиёти элементи нав аз давраи антиқа буд [10, с.256].

Баъд аз якчанд вақт фосфор аз ҷониби химикки дигари немис-Иогани Кункел ҳосил карда шуд. Навобаста аз Бранд ва Кункел фосфор аз ҷониби Р.Бойл низ ҳосил карда шудааст, ки онро дар мақолаи «Усули тайёркунии фосфор аз пешоби одам», ки 14 - октябри соли 1680 пешниҳод карда шуд ва соли 1693 чоп карда шуд, шарҳ дода буд. Усули мукамалтари ҳосилкунии фосфор соли 1743 аз ҷониби Андреас Маргграф чоп карда шуд. Маълумоте вучуд дорад, ки мувофиқи он фосфорро алақай алхимикони араб дар асри XII ҳосил карда метавонистанд. Моддаи содда будани фосфорро Лавуазе тасдиқ карда буд. Модификатсияи аллотропияи аморфӣи фосфорро («Фосфори сурх»-ро) Р.А.Шрёттер дар миёнаи асри XIX бо гармкунии фосфори сафед бе иштироки оксиген ҳосил кардааст.

Соли 1669 Хеннинг Бранд ҳангоми гармкунии омехтаи реги сафед ва пешоби буғроншуда моддаи дар торикӣ нурдиҳанда ҳосил намуд, ки аввалан «оташи сард» ном дошт. Номи дуввуми «фосфор» аз калимаҳои юнонии «φός»-равшанӣ ба амал омадааст. Дар ривоятҳои юнони қадим номи фосфор ё эосфор, юнонии қадим (ἠσφόρος) посбони ситораи субҳ дошт.

Арсен яке аз элементҳои қадим ба ҳисоб меравад, ки аз тарафи одам истифода мешуд. Сулфидҳои арсен As_2S_3 ва As_4S_4 аурипигмент («Арсеник») иреалгар ном доштанд, ба римӣҳо ва юнониҳо маълум будаанд. Ин моддаҳо захроноканд

Арсен яке аз элементҳои осон, ки дар табиат дар шакли озод вомехӯрад. Онро метавон бо осонӣ аз пайвастиҳо ҷудо кард. Аз ҳамаи сабаб таърих намедонад, ки аз ҷониби кӣ арсен маротибаи аввал кашф карда шудааст. Бисёриҳо нақши нафари кашфкардаи онро ба алхимик Алберт Вебеки хос медонанд. Дар қорҳои Паратселс низ ҳосилкунии арсен, дар натиҷаи реаксияи арсеник бо пӯчоки тухм, шарҳ дода шудааст. Таърихдонони зиёд тахмин мекунанд, ки арсени металлӣ хеле бештар ҳосил карда шуда буд, вале онро навӣ симоби худрӯй меҳисобиданд. Инро чунин фаҳмонидан мумкин: сулфиди арсен ба минерали симобӣ хеле монанд буд. Ҷудокунӣ аз он хеле осон аст (ба мисли ҷудокунии симоб). Арсен дар Аврупо ва Осиё аз асрҳои миёна маълум аст. Чинӣҳо онро аз маъдан ҳосил мекарданд. Дар муқоиса бо аврупоӣҳо онҳо метавонистанд шахси аз арсен захролудшударо ташхис намоянд. Вале ин усули ташхис то замони ҳозира нарасид. Аврупоӣҳо ташхиси шахсро, ҳангоми захролудшавӣ бо арсен, баътар ёд гирифтанд. Инро маротибаи аввал Хеймс Марш ба иҷро расонид ва то имрӯз истифода карда мешавад.

Арсен баъзан дар маъданҳои қалъагӣ вомехӯрад. Дар адабиёти чини асри миёна ҳолатҳои шарҳ дода шуданд, ки об ё ин ки шаробро аз зарфҳои қалъагин нушидаҳо ба ҳалокат расиданд, зеро таркиби он арсен дошт. Солҳои тулонӣ одамон худи арсен ва оксиди онро фарқ намекарданд, онҳоро ҳамчун як модда меҳисобиданд. Ин нофаҳмӣ аз тарафи Георг Брандт ва Антуан Лоран Лавуазе бартараф карда шуд. Онҳо тасдиқ намуданд, ки ин моддаҳо гуногунанд ва арсен элементи мустақили химиявӣ аст, Оксиди арсен аз қадим барои нест кардани хояндаҳо истифода мешуд.

Номи арсен дар забони русӣ аз калимаи «мышь» ба амал омадааст, яъне арсенро барои нест кардани мушҳо ва каламушҳо истифода мебарданд [11, сах. 86]. Номи юнониаш *ἀρσενικόν* аз форси *زرنيخ* «пигменти зард» ба амал омадааст. Этимологияи мардумӣ аз калимаи юнонии қадимӣ *ἀρσενικός* – истифода мебарад. Номи лотинии *arsenicum* иқтибос аз юнони *ἀρσενικόν* мебошад. Соли 1789 А.Лавуазе арсенро ба рӯйхати элементҳои химиявӣ бо номи *arsenic* дохил намуд [12, с.23].

Сурма аз қадим маълум аст. Дар давлатҳои Шарқ қариб 3000 сол то мелод барои сохтани зарфҳо истифода мешуд. Дар Мисри қадим алақай дар асри XIX то мелод хокаи дурахши сурмагӣ (Sb_2S_3) зери номи *mesten e stem* барои сиёҳ кардани абрувон истифода мешуд. Дар Юнони қадим он ҳамчун *στῖψι* ва *στῖφι* истифода мешуд, аз инҳо номи лотинии *stibium* ҳосил шуд [12, сах.245]. Дар асрҳои XII-XIV то мелод номи *antimonium* пайдо шуд. Шарҳи муфассали

хосиятҳо ва роҳҳои ҳосилкунии сурма ва пайвастиҳои он аввалин маротиба аз тарафи академик Василий Валентин (Германия) соли 1604 дода шуд. Соли 1789 А.Лавуазье сурмаро ба рӯйхати элементҳои химиявӣ зери мафҳуми *antimoine* (англисии ҳозира *antimony*, *испанӣ ва италиянӣ antimonio*, *олмонӣ antimon*) дохил намуд. Калимаи русии «сурма» аз забони туркӣ ва тотории *sürmâ* ҳосил шудааст, ки бо он хокаи дурахши сурби PbS ишора мешуд, инчунин барои сиёҳкунии абрувон хизмат мекард (аз рӯи дигар маълумотҳо, «сурма»-аз забони форсӣ «сурме»-металл) гирифта шудааст.

Калимаи латинии Bismuthum ё *bisemutum* таҳминан аз калимаи олмонии *weisse Masse* “массаи сафед” ба амал омадааст [13, с.26]. Дар асрҳои миёна висмут тез-тез аз ҷониби алхимикон дар вақти таҷрибаҳо истифода мешуд. Геологҳои маъданро пайдокунанда онро *tectum argenti* меноманд, ки маънои “истехсоли нукра” - ро дошт, дар ин раванд онҳо висмутро қисман нукра меҳисобанд.

Висмутро на танҳо дар Аврупо истифода мебарданд. Онҳо висмутро дар раванди истеҳсоли силоҳҳои сард низ истифода мекарданд. Аз висмут шамшерҳои зебо, ки ҷилоаш аз сабаби оксидшавии рангоранг дар натиҷаи ба вучудоии қабати тунуки оксиди висмут дар сатҳи металл буд, ҳосил мекарданд. Вале висмут ба элементи мустақил дохил нашуда буд, чунин меҳисобиданд, ки он навъи сурб, сурма ё қалъагӣ мебошад. Аввалин маротиба оиди висмут дар қорҳои минеролог ва металлург Георгийус Агрикол соли 1546 номбар шуд. Соли 1739 аз ҷониби химикони немис Потт И.Г. муайян карда шуд, ки висмут элементи химиявии ҷудоғона аст. Баъди 80 сол химикони швед Берселиус аввалин бор ин элементро ҳамчун “Ві” ба номенклатураи химиявӣ дохил кард [14, с.294].

АДАБИЁТ

1. Зубайдов У.З., Иброҳимов Х., Тошов А., Азизов А., Ҳакимхучаев С. Химия (китоби дарси барои синфи 8). – Душанбе, 2010. – 248 с.
2. Солиев Л., Иброҳимов Х., Ҳакимхучаев С. Химия (китоби дарси барои синфи 9). – Душанбе, 2013. – 224 с.
3. Бобиев Ф.М., Зубайдов У., Тӯхтаев Б. Химия (китоби дарси барои синфи 11). – Душанбе: ЧДММ Ноширон, 2011. – 240 с.
4. Чумаев М.Т., Солиева У.Л., Утаев М. Этимологияи элементҳои химиявии зергурӯҳи асосии гурӯҳи якум ва дуоми чадвали даврии Д.И.Менделеев. Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ. – Душанбе, 2019, № 1 (78), –С. 106-110.
5. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) // 1990, С.688. ISBN: 5-85270-031-2.
6. Рулёв А. Парадоксальный тривиальный азот // Наука и жизнь. – 2019, № 3, – С.40-43.
7. Guyton de Morveau L.B., Lavoisier A.L., Berthollet C.L., de Fourcroy A.F. // Methode de nomenclature chimique. – Paris, 1787, P. 36.
8. Малина И.К. Безжизненный ли азот? // Книга для чтения по неорганической химии.: Пособие для учащихся. –М.: Просвещение, 1975. Ч.II. С. 42-52.
9. Солиев Л. Донишномаи химия (Барои наврасон ва ҷавонон). –Душанбе, 2016. –С. 416.
10. Химическая энциклопедия / Редкол.: Зефирова Н.С. и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т.5. –С.783. ISBN 5-85270-310-9.
11. Большой энциклопедический словарь. –М.: 2014, –С. 657.
12. Walde A., Houfman J.B. //Lateinisches etymologisches Worterbuch. Heidelberg: 1938. Vol.2. –P.591.
13. Chemistry of arsenic, antimony and bismuth. -1998. –P.41. ISBN 978-0-7514-0389-3.
14. Дрица М.Е. Свойства элементов. Металлургия, 1985. –С. 672.

ЭТИМОЛОГИЯ ХИМИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ГЛАВНЫХ ПОДГРУПП ПЯТОЙ ГРУППЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ Д.И.МЕНДЕЛЕЕВА

Статья посвящена истории открытия (этимологии) химических элементов главных подгрупп пятой группы периодической таблицы. Цель статьи помочь читателям, в особенности начинающим химикам, освоить более глубокое понимание значения названия элементов главных подгрупп пятой группы. Исследование основано на анализе этимологических словарей и книг по истории названий химических элементов.

Ключевые слова: химический элемент, этимология, английский язык, истории происхождения, периодическая таблица

THE ETYMOLOGY OF THE CHEMICAL ELEMENTS OF THE MAIN SUBGROUPS OF THE FIFTH GROUP OF THE PERIODIC TABLE D.I. MENDELEEV

The article is devoted to the history of the origin (etymology) of the chemical elements of the main subgroups of the fifth group of the periodic tables. The aim of the article is to help readers, especially chemists, to more deeply understand the meanings of the names of the elements of the main subgroups of the first and second groups of terms. The study is based on an analysis of etymological dictionaries and books on the history of the names of chemical elements.

Key words: *chemical element, etymology, English, history of origin, periodic table.*

Сведения об авторах:

Солиева Умеда Лутфуллоевна - соискатель кафедры английской филологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. Тел. (+992) 985762303, E-mail: umeda.soliyeva@bk.ru

Жумаев Маъмурдзон Тагоймуротович – кандидат химических наук, доцент кафедры общая и неорганическая химия Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. Тел. (+992)-90444100, E-mail: jumaev_m@bk.ru

Утаев Маъмурдзон Махмадалиевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Английской филологии» Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. Тел. (+992) 934000788, E-mail: mahmadullo67@mail.ru

About the author:

Solieva Umeda Lutfulloevna – the applicant department of the English philology Tajik State Pedagogical University. Tel. (+992) 985762303,

E-mail: umeda.soliyeva@bk.ru

Jumaev Ma'ruffjon Tagoymurotovich – Ph. D. in chemistry, docent department of General and inorganic chemistry Tajik State Pedagogical University. Tel. (+992) 904444100, E-mail: jumaev_m@bk.ru

Utaev Ma'murdzhon Makhmadalievich - Ph. D. in pedagogy, docent department of the English philology Tajik State Pedagogical University. Tel. +992 934000788, E-mail: mahmadullo67@mail.ru

ПРОЦЕССЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ: ОМОНИМИЯ ОДИНОЧНОЙ И ПАРНОЙ ЗАПЯТЫХ

Валиев Н.У.

Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни

Боронова С.Б.

Таджикский государственный институт языков им.С.Улугзаде

Пунктуация – особый раздел в составе русского языка. Она зачастую не так пишется и поэтому правописание выделяется в особую пунктуационную проблему.

Традиционно пунктуация не выделяется в особый раздел русского языка: проблемы, связанные с её употреблением, рассматриваются в общих разделах правил, посвящённых становлению отдельных знаков препинания. Это, прежде всего разделы об употреблении запятой, точки с запятой, двоеточия и т. д. Однако и здесь омонимия одиночной и парной запятых занимают особое место, так как зачастую не подчиняются общим законам русского правописания. Им посвящаются отдельные пункты правил или примечания, они попадают в исключения или же их написание вообще не регулируется правилами. Пунктуация излагается на синтаксической основе и даёт возможность вместе с усвоением пунктуационных правил углублять знания по синтаксису русского литературного языка.

Сформировать грамотное письмо у студентов, задача не из легких. Общий уровень грамотности учащихся, к сожалению, из года в год снижается. Причина снижения уровня пунктуационной грамотности заключена в самом подходе в школах к изучению пунктуации и в общем уровне знаний наших учащихся по этой дисциплине. Очень часто студенты представляют пунктуацию как свод правил, где нет никакой логики, а есть одна зубрежка; знаки препинания для них – «мертвые» знаки. Хаотичными и разрозненными оказываются и их представления о синтаксических конструкциях, между которыми ставятся знаки препинания. Такая фрагментарность и разрозненность знаний приводит учащихся к тому, что они не умеют определить и выделить пунктуационно – смысловые отрезки, увидеть границы этих отрезков (где начало, а где конец), выбрать правильный знак препинания, и приводит, в конечном счете, к пунктуационным ошибкам. Студенты должны четко представлять себе, как организована пунктуационная система современного русского языка. Центр ее составляют 12 знаков препинания, которые внутри системы противопоставлены по двум основным функциям: разделительной, представленной одиночными знаками препинания, и выделительной, представленной парными знаками.

Пунктуация — совокупность правил о постановке знаков препинания. Знаки препинания — это письменные сигналы различных смысловых отношений между частями высказывания; в устной речи эти отношения выражаются с помощью интонации. Смысловые различия, передаваемые с помощью разных по структуре синтаксических конструкций, и лежат в основе большинства правил русской пунктуации. Так, между частями сложносочинённого предложения, каждая из которых выражает

относительно законченную мысль, ставится запятая; как правило, разделяются запятыми главные и придаточные части сложноподчинённого предложения; интонационно выделяемые обособленные члены предложения — определения, обстоятельства,— обычно несущие в предложении определённую смысловую нагрузку, также выделяются запятыми или тире и т. д.

Очень велика роль знаков препинания в бессоюзном сложном предложении. Так, например, двоеточие ставится в бессоюзном сложном предложении, если второе предложение (или группа предложений) указывает причину того, о чём говорится в первом; тире ставится в бессоюзном сложном предложении, если первое предложение указывает условие того, о чём говорится во втором.

Разделительные знаки препинания различаются позицией, которую занимают в предложении. Точка, вопросительный и восклицательные знаки, а также многоточие «обрыва» фиксируют границу предложения, т.е. отделяют одно предложение от другого. Это знаки конца предложения. Одиночная запятая, точка с запятой, двоеточие, одиночное тире и многоточие «разрыва» разделяют или отграничивают одну синтаксическую структуру от другой в середине предложения. Понятие позиции середины предложения условно. Оно охватывает рамки «после первого слова – перед последним словом текста предложения». Разделительные знаки препинания всегда одиночны. При усложнении структуры они могут повторяться, т.е. употребляться в одной и той же разделительной функции больше одного раза, но при этом сохраняют свою одноэлементность.

К выделительным знакам препинания относятся парная запятая, парное тире, скобки, парное многоточие. Основное их назначение – выделить, т.е. отграничить с двух сторон находящуюся между ними синтаксическую конструкцию. При таком подходе знакам препинания русского языка учащиеся неизбежно столкнутся с понятием пунктуационной омонимии, когда в пределах одной системы работают графически тождественные, но разно функциональные знаки: одиночное многоточие – двойное многоточие; одиночное тире – парное тире и, конечно же, одиночная запятая и парная запятая. Студенты столкнутся с явлением, о котором прежде и не подозревали и которое объяснить им окажется возможным только благодаря системному подходу в изучении пунктуации. Явление пунктуационной омонимии, ее природу и свойства целесообразнее рассматривать на примере поведения запятых по двум причинам.

Первая причина. Запятая – самый частотный знак в русском языке. Именно запятые доставляют студентам больше всего хлопот. В пунктуационных правилах и справочниках парная запятая фактически не находит выражения; принято говорить о запятой, которая «отделяет», и о запятых, которые «выделяют». Как показывает практика, часто встречающиеся пунктуационные ошибки учащихся связаны именно с употреблением запятой, с различением двух типов запятых – разделительной (одиночной) и выделительной (парной). Вторая причина. Запятые разделяют или выделяют самые употребительные синтаксические конструкции в русском языке. Одиночная запятая а) разделяет или отделяет две равноправные синтаксические конструкции, такие, например, как однородные члены предложения, части сложносочинённого предложения. В свою очередь, парная запятая б) выделяет неравноправные (зависимые) синтаксические конструкции: обособленные слова и обороты, вводные слова, обращения, придаточные части в сложноподчинённом предложении. Например:

а) Это был статный, красивый юноша; Ветер шумел, и листья падали с деревьев; б) Деревья, сломленные бурей, преграждали дорогу; До места высадки, впрочем, оставалось не долго; Ты с басом, Мишенька, садись против альта; Я, чтобы отвлечься, развернул письмо. Естественно, что эти два типа запятых (одиночная и парная) в тексте могут смешиваться друг с другом, так как они графически одинаковы. И когда в тексте предложения встречается знак «запятая», то не представляется возможным с ходу, сразу ответить на вопрос: какая эта запятая? Одиночная? Парная? Учащиеся воспринимают ее как просто «запятая».

Для того чтобы ответить на вопрос: что это за знак? – необходимо продолжить чтение текста дальше, разобраться в его синтаксической структуре и в соответствии с этой структурой уяснить, какой знак препинания должен быть в тексте. Например, определяем, что в составе простого предложения употреблен обособленный причастный оборот, - следовательно, мы имеем дело с парной запятой. Если же после запятой в тексте идут однородные члены предложения, мы имеем дело с одиночной запятой.

В составе сложного предложения действует тот же самый механизм. Если запятая разделяет две равноправные части в сложносочинённом предложении, - перед нами одиночная запятая. Если запятая выделяет или отделяет неравноправные части сложноподчинённого предложения, - парная запятая.

Даже те студенты, которые безошибочно справляются со знаками препинания, не всегда справляются с пунктуационным оформлением созданного текста особенно важно учитывать при написании сочинения. Это объясняется тем, что при написании сочинения ни на слух, ни зрительно нельзя разобраться в предложении до окончательного создания и записи его.

Различие в употреблении двух типов запятых связано с позицией, которую они занимают в

предложении. Одиночная запятая употребляется всегда в «сильной» позиции, т.е. в пространстве предложения, не включающем в себя ни первого, ни последнего слова:

Дни стояли теплые, но пасмурные; Была зима, но дни стояли теплые.

Позиция начала или конца предложения ей несвойственна, в отличие от парной запятой, которая может употребляться в трех разных позициях: в начале – в середине – в конце предложения. Ср.:

Когда стемнело, я зажег лампу; Я, когда стемнело, зажег лампу; Я зажег лампу, когда стемнело.

Такой тип варьирования парной запятой называется позиционным. Позиционное варьирование парной запятой в сильной и слабой позициях – явление обязательное и регулярное.

Другой тип варьирования парной запятой – контактное. Это взаимоотношение запятой, с каким либо другим знаком препинания. Оно может быть двойким.

Первый возможный вариант, когда оба знака при пунктуационном столкновении в одном пробеле сохраняются.

Сад, заросший кустарником, - это любимое место ребяташек.

Второй возможный результат. В одном пробеле может возникнуть процесс поглощения, когда во взаимодействие вступают два знака и в результате один знак остается, а другой исчезает (поглощается). В предложении Я не сразу сообразил, что произошло в конце следовало бы поставить два знака – запятую, которая закроет придаточное, и точку, которая обозначит конец предложения [...]. Однако реально в тексте мы получим лишь точку:

Я не сразу сообразил, что произошло.

Я не сразу сообразил, что произошло.

В данном случае сработал закон поглощения.

Незнание учащимися закономерностей функционирования и варьирования знака препинания приводит к пунктуационным ошибкам. Тем более, что классификация пунктуационных ошибок, принятая в методической литературе, прежде всего распространяется именно на употребление и различение одиночной и парной запятой: 1) отсутствие разделительной или выделительной запятой; 2) лишний знак – разделительный или выделительный; 3) смешение запятой не только друг с другом, но и с другими знаками препинания.

Отсутствие выделительной запятой, например, встречается при обособленных оборотах или придаточных предложениях. В этом случае учащийся или не выделяет целиком структуру, или выделяет только одним элементом, что приводит к неразличению функций разделения и выделения, а значит, пунктуационной ошибке. В предложении: «Герой не уверен, сможет ли он так поступить» абитуриентом была пропущена парная запятая – ее левый элемент: «Герой не уверен сможет ли он так поступить». В предложении *Следующий образ, который мы встречаем в романе, - это образ Сони* абитуриентом была нарушена сочетаемость знаков и запятая перед тире (ее правый элемент) оказалась пропущенной: «Следующий образ, который мы встречаем в романе – это образ Сони».

Отсутствие разделительной запятой наблюдается при разделении однородных членов предложения или частей в сложносочиненном предложении. Например:

«Встреча с барсом несла Мцыри гибель, и сам он сейчас вступит в свой смертельный бой».

В этом предложении студент не поставил разделительную одиночную запятую:

«Встреча с барсом несла Мцыри гибель и он вступит в свой смертельный бой».

В работах может встречаться и лишний знак – разделительный или выделительный, например, в предложениях с однородными членами или при «ложном обособлении»:

«Они не могли примириться с существующим строем, как в социальном, так и в политическом плане».

Характерно также и смешение запятой не только друг с другом, но и с другими знаками препинания. [8, с. 34]

Одиночная и парная запятые являются наиболее частотными знаками препинания в русской пунктуации, поскольку они отделяют или выделяют наиболее употребительные синтаксические конструкции. Поэтому понимание различий между разделительными и выделительными знаками препинания, понимание пунктуационной омонимии одиночных и парных запятой и закономерностей их функционирования в тексте – всё это является одной из важнейших и наиболее сложных проблем обучения. Тем более что в пунктуационных правилах и справочных пособиях явление пунктуационной омонимии не находит выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакеева Н.З., Методика преподавания русского языка в национальной школе. – Л.: Просвещение, 1986. – 234 с.
2. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 2003. – 67с.
3. Митрофанова О.Д. Структура научного текста и обучение монологической речи. – М., 2001. – 123 с.
4. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – 346 с.

5. Пешковский А.М. Роль выразительного чтения. – М., 1959. – 290 с.
6. Солнцев М.В. Язык как системно – культурное образование. – М., 2015. – 78 с.
7. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 2003. – 340 с.
8. Солнцев М.В. Язык как системно – культурное образование. – М., 2015. – 78 с.
9. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 2003. – 340 с.
10. Шапиро А.Б. Современный русский язык. – М., 1974. – 460 с.
11. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1984. – 478 с.

ПРОЦЕССЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ: ОМОНИМИЯ ОДИНОЧНОЙ И ПАРНОЙ ЗАПЯТЫХ В СТАТЬЕ РАССМАТРИВАЕТСЯ ОДИНОЧНАЯ И ПАРНАЯ ЗАПЯТЫЕ

которые являются наиболее частотными знаками препинания в русской пунктуации, поскольку они отделяют или выделяют наиболее употребительные синтаксические конструкции. Поэтому понимание различий между разделительными и выделительными знаками препинания, понимание пунктуационной омонимии одиночных и парных запятых и закономерностей их функционирования в тексте - всё это является одной из важнейших и наиболее сложных проблем обучения. Тем более что в пунктуационных правилах и справочных пособиях явление пунктуационной омонимии не находит выражения.

Ключевые слова: пунктуация, омонимия, закономерность, одиночная и парная запятые, сложное предложение, проблема.

THE INTERACTION PROCESSES OF PUNCTUATION: THE HOMONYMY OF SINGLE AND DOUBLE COMMAS

The article deals with single and double commas, which are the most frequent punctuation marks in Russian punctuation, since they separate or highlight the most common syntactic constructs. Therefore, the understanding of the differences between the dividing and punctuation marks, the understanding of punctuation homonymy of single and double commas and the patterns of their functioning in the text - all this is one of the most important and most complex learning problems. Moreover, in the punctuation rules and reference books, the phenomenon of punctuation homonymy does not find expression.

Key words: punctuation, homonymy, regularity, single and double commas, complex sentence, problem.

Сведения об авторах:

Валиев Нурали Умарович - зав. кафедрой русской и мировой литературы Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни

Боронова Светлана Бурхоновна – кандидат пед. наук, старший преподаватель кафедры методики преподавания Таджикского государственного института языков им. С. Улугзода.

About authors:

Valiev Nurali Umarovich - Head of the Department of Russian and World Literature of the Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini

Boronova Svetlana Burhonova - candidate pedagogical Science, Senior Lecturer of the Department of Teaching Methodology of the Tajik State Institute of Languages named after S. Ulugzoda.

МАВКЕИ МУРОДИФОТИ ЛУҒАВӢ ДАР ОСОРИ ПУБЛИТСИСТИИ С. АЙНӢ

Мирзоева М.М.

Донишгоҳи милли Тоҷикистон

Ниҳмонова Р.М.

Донишгоҳи аграрии Тоҷикистон ба номи Ш. Шотемур

Интихоб ва истифодаи ба мавқеи калима аз силсилаи муродифоти луғавӣ ба соҳибзабонон имкон медиҳад, то фикрашонро беғалат баён кунанд. Аз ин рӯ ин масъала аз қадимулайём таваҷҷуҳи муҳаққиқон ва аҳли қаламро ба худ ҷалб кардааст. Муродифоти луғавӣ дар асари бадеи мавқеи ниҳоят устувор дорад, зеро нависанда кӯшиш мекунад, матлабашро дақиқ ва нишонрас ифода намояд. Дар ин ҷода қалами устод Айнӣ ниҳоят бурроист. Дар осори публитсистии адиб муродифот баъди барҷаста инъикос намудани ҳодисаву воқеаҳои таърихӣ ва қушода додани характери қаҳрамонони асар нақши муҳим бозиданд.

Дар осори публитсистии С. Айнӣ, ки бештар ҳодисаҳои гуногуни тоинкилобӣ ва баъдазинкилобиро фаро мегиранд, воҳидҳои фразеологӣ, муродифот ва дигар санъатҳои суҳан

бамавқеъ ба кор бурда шудаанд, ки барои баланд бардоштани қувваи тасвир ва ифода намудани тобишҳои нозуки фикр нақши бузург мебозанд.

Бояд зикр кард, ки дар муродифоти луғавӣ маъноӣ як калима бо ҳамин гуна маъноӣ луғавӣ бо калимаи дигар қаробат пайдо мекунад. Чи тавре ки аз сарчашмаҳо маълум аст, маъноӣ луғавӣ калима чор навъ мешавад: мафҳумӣ, эҳсосотӣ, модалӣ ва ишоратӣ. Аз ин се навъи аввал дар чараёни ҳаммаъношавии калимаҳо иштирок мекунад. Дар ин хусус муҳаққиқ Ҳ. Мачидов дар “Забони адабии ҳозираи тоҷик. Луғатшиносӣ” гуфта гузаштааст ва мо такрори онро ҷои намедонем, зеро муҳаққиқони минбаъда низ дар таъҷиб ба ин сарчашма онро қайд кардаанд.

Устод Айни муродифоти луғавиро вобаста ба объекти тасвир интихоб мекунад. Дар мисоли зерин муродифоти луғавӣ барои нишон додани хислату характери мардуми одӣ пайхам кор фармуда шудааст:

Аммо султон Муҳаммад афсӯс, ки аз *далерӣ*, чанговарӣ, *нотарсӣ* ва ватандӯстии аҳоли ғайри бурда натавонист [6, с.31].

Дар ин ҷумла калимаҳои *далерӣ* ва *нотарсӣ* бо ҳам муродиф гардидаанд. Калимаи *далерӣ* бо маъноҳои диловарӣ, часурӣ ва нотарсӣ ифода шудааст [5, с. 316].

Чунон ки аз мисолҳо бармеояд, устод Айни дар истифодаи муродифоти луғавӣ аз калимаҳои ҳамроҳ истифода мебарад. Вожаҳои *далерӣ*, *нотарсӣ* дар ҷумлаи боло бо обуранги ҳиссии мусбат омадаанд. Калимаҳои мазкурро нависанда пайхам истифода намуда, ватандӯстӣ ва нотарсии қаҳрамонони асарро баръало таҷассум намудааст. Калимаи *далерӣ* бештар дар услубҳои бадеӣ публицистӣ кор фармуда шавад, вожаи *нотарсӣ* дар нутқи гуфтугӯӣ низ корбаст мешавад.

Дар публицистикаи адиб ба ҳайси муродиф калимаҳои маъмули арабӣ низ кор фармуда шудаанд, ки онҳо вазъияти ҳамонвақтаро хуб ифода намудаанд:

Ҳамонрӯз ин ғоҷа дар шаҳри Хучанд ва атрофи он овоза шуда калону хурд ба *тазъик* ва *фишори* маъмурони Чигатой нигоҳ накарда ҷомаҳои сиёҳ пӯшида, миёнашонро аз рӯй баста, чунонки падарашон кушта шуда бошад, барои падари қаҳрамонашон Темурмалик мотам гирифтанд [6, с.80].

Нависанда дар ин матн ҳам ҳолати қаҳрамонро дақиқ ифода кардааст ва ҳам моҳирона аз такрори ноҷо худдорӣ намудааст. Калимаҳои *тазъик* ва *фишор* аз ранҷи ҳукуматдоронро нисбат ба сокинони шаҳр таъкид менамоянд. Вожаҳои *тазъик* ва *фишор* ифодакунандаи ҳолати танги персонажҳои матнро таҷассум менамоянд. Калимаи *тазъик* хусусияти архаистӣ гирифта доираи истифодааш танг гардидааст. Воҳиди луғавӣ *фишор* маъноӣ мӯътадил дошта, дар ҳамаи услубҳои нутқ ба кор бурда мешавад. Азбаски доираи маъноӣ калимаи *фишор* васеъ аст, он нисбат ба *тазъик* бо маъноҳои хос ва доираи истифода фарқ менамояд. Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» вожаи *фишор* чунин шарҳ дода шудааст: *тазъик*, зӯр ва вазнинӣ, ки аз чизе нисбат ба чизе воқеъ мешавад [5, с.436].

Калимаи *тазъик* маъноӣ касеро дар ҷойи танг андохтан, танг кардан; *фишор*; ба *тазъик* кашидан, *фишор* додан; исроркорона талаб кардан [4, с. 307] дорад. Ин ҷо адиб маъноӣ калимаи аввалро таъкид намудааст.

Нависанда баъзан калимаҳои адабиро ҷуфт кор мефармояд. Дар назари аввал чунин менамояд, ки ҳар ду ба як маъно далolat мекунад, аммо устод ҳар як вожа бо эҳтиёт кор мефармуд. Ба монанди:

Хучандиён дар он ҷо ду қабр кофтад ва мурдаҳоро монанди шахидшудагон ношуста бо либоси хунолудашон гӯрондан хостанд. Аммо бинобар эҳтиёт пеш аз гӯронидани мурдаҳо *ҷайбу кисаҳои* онҳоро кофта диданд, ки шояд васиятномае барояд [6, с.80].

Вожаи *ҷайб* ба маъноӣ гиребон, кисабағал, умуман киса (маҷозан) далolat кунад, калимаи *киса* низ се маъно дорад: 1. Ҳалтачае, ки дар ягон ҷойи либос дӯзанд (барои пуландозӣ); 2. Ҳалтачае, ки бо вай худро дар ҳаммом пок кунанд; 3. Ҷуволча [Луғати Айни 1976: 158]. Аз шарҳи калимаҳо маълум мешавад, ки аз нигоҳи фарогирии маъноӣ онҳо аз ҳамдигар фарқ мекунад. Калимаи *киса* серистеъмол, *ҷайб* нисбатан камистеъмол аст. Дар забони мардумӣ дар шакли *ҷебак* низ дучор меояд.

Истифодаи ҷанд муродиф аз ҷониби устод бо мақсади пурра ва дақиқ ифода кардани матлаб сурат мегирад.

Баъд аз он аз манн ҳарчи мепурсида бошӣ, пурсидан гир!

–Хуб, –гуфт Қатанӯғлон, – ҳарчо ки мехоҳӣ, бинишин, лекин ба пурсишҳо *рост* ва *дуруст* ҷавоб деҳ! [6, с.78].

Дар ин матн калимаҳои *рост* ва *дуруст* бо ҳам муродиф гардида, мақсади муаллифро ба пуррагӣ ифода намудаанд. Синонимҳои мазкур аз ҷиҳати тобиши маъноӣ ва хусусиятҳои нозуки маъноӣ аз ҳам фарқ менамоянд. Вожаи *дуруст* дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ба маъноҳои

зерин омадааст: 1) тамом, комил, бутун; сохтан; таъмир кардан, бенуксон гардонидан; 2) сахех, рост; ҳақ, савоб [5, с.404].

Вожаи *рост* (мукобили *дурӯғ*) ба маънои дуруст, сахех, ҳақ далолат мекунад. Ин ҷо низ нависанда барои пурра ифода кардани маънои сахех ду муродифро пайхам кор фармудааст.

Муродифоти луғавии осори публитсистии адиб аз нигоҳи мазмун мухталиф аст. Як қисми онҳо обуранги замон доранд ва калимаҳои таърихан маҳдудшуда мебошанд. Дар мисоли зерин калимаҳои *хироҷ* ва *андоз* бо маънои умумии навъе аз боч ҳаммаъно шудаанд:

Худотҳо ба замми ин ки ба тариқи мерос ё харида гирифтанд ва ё ғасб карда гирифтанд ба чанд деҳа соҳиб мешуданд, аз «деҳқонон» (аз заминдорони калон ва соҳиби деҳа) *хироҷ* ва *андоз* ҳам мегирифтанд [6, с.84].

Хироҷ калимаи арабӣ буда, маънои андоз аз замин ва маҳсули замин; андози саронаро ифода мекунад [4, с.466].

Он истилоҳи заминдорӣ ва аз истеъмол баромада аст (кухнашуда). Дар замони воқеияти амал ин навъи андоз маъмул буд. Вожаи *андоз*, ки бар шарҳи он омадааст, мансуби забони арабист. Он 1) андохт, андохтан, андозиш; 2) қасд, майл, азму оҳанг, хоҳиш; 3) миқдор, миқёс, чен, андоза; **андозу мар** андоза ва шумор, ҳадду шуморро [5, с.75] ифода менамояд. Ин вожа ҳамчун истилоҳ мавриди муайяни истеъмоли дорад, аммо ба маъноҳои дигараш серистеъмол буда, дар ҳама услубҳои ҷорӣ нутқ ва забони гуфтугӯӣ ба андозаҳои мухталиф истифода мешавад. Синонимҳои *хироҷ* ва *андоз* аз ҷиҳати тобиши маъно аз ҳам фарқ менамоянд, бинобар ин онҳоро дар ҷойи якдигар истифода бурдан ғайриимкон аст.

Фикри соиб ва хатти ҳаракати дуруст пайдо намешавад инсонро, магар ба воситаи илму дониш [1, с.11].

Устод Айни дар офаридаҳои аз калимаҳои сирф адабӣ низ истифода мебарад. Дар мисоли боло вожаҳои *соиб* ва *дуруст* бо маънои рост ва сахех ҳаммаъно шудаанд. *Соиб* дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» чунин шарҳ дода шудааст: расанда ба ҳадаф; дуруст ба мақсад расанда; дуруст, сахех, рост [4, с.257] Ин калимаҳо ба хоҳири пурра кардани маънои ҳамдигар кор фармуда шудаанд, аммо бинобар тобишҳои фарқнокӣ маънои ҳамдигарро иваз карда наметавонанд.

Нависанда на танҳо аз калимаҳои сирф адабӣ, балки бештар аз муродифҳои маъмул ҳам истифода мебарад. Чунончи:

Ба ҳар коргар ошкор аст, ки ин *асорат* ва *бандагии* коргарони Олмонро ранҷбарони Англис ва Франция ва ё давлатҳои дигар имло накардаанд, балки як даста империалистҳои ғосиб, ки сардори онҳо Вилсон, Ллуйд Чурч ва ғоратгарони дигар аст, имло карданд [1, с.10].

Дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» калимаи *асорат* ҷой дода шуда, чунин шарҳфтааст: асирӣ, гирифтӣ, бандгӣ [5, с.92]. Вожаҳои *асорат* ва *бандагӣ* дар матн бо якдигар муродиф гардида, бо ҷилоҳои дигари маъноӣ, дараҷаи истеъмол, обуранги услубӣ ва ҳисси аз ҳамдигар тафовут доранд. Бо ёрии синонимҳои мазкур нависанда ҳолати нугувор ва зиндагии пурмашақати коргаронро тасвир намудааст. Калимаи *асорат* камистеъмол буда, нависанда барои таъкиди маъноӣ ин вожаҳо онҳоро корбаст кардааст.

Маводи амалии осори публитсистии адиб нишон медиҳад, ки аксари муродифҳои луғавии он дар тасвири ҳодисаҳои таърихӣ ҳамон давра истифода гардидаанд. Як қисми он калимаҳои характери архаистӣ пайдо карда, қисми дигарашон то имрӯз корбаст мешаванд. Чунончи, калимаҳои *рӯзнома* ва *ҷарида*:

Бародарон! Ҳар ҳафта як соат умратонро ба хондани *рӯзнома* сарф кунед, бақадри иқтидоратон аз *ҷаридае*, ки ба забони худатон нашр мешавад, истифода намоед, дар бадали ин як соат, умре, ки ба беҳабарӣ гузарондед, талофӣ намоед [1, с.14].

Ҷарида характери таърихӣ дошта, бо ҳамон маънои таърихиаш кор фармуда мешавад. Чунон ки аз матн бармеояд, нависанда аз калимаҳои истифода бурдааст, ки дар ҳамон давра мавриди истеъмоли омма қарор доштааст. *Ҷарида* калимаи арабист ва маъноҳои 1) танҳо, ба таври мучаррад, яққа; 2) забардаст, забардасти беназир; 3) дафтар; 4) дафтар; китоб; дафтари китоби шеър; 5) саф, қаторро ифода мекунад [5, с.774]. Калимаи *рӯзнома* серистеъмол ва муштаракуслуб аст. Вожаи мураккаби ҷиҳати *рӯзнома* маънои дафтаре, ки дар он ҳисоб ва қорҳои ҳаррӯзаи қасе сабт мешавад, ифода менамояд [5, с.159]. Ҳар ду исм буда, дар матн бо ҳам ба маънои газета муродиф шудаанд. Аз мисоли мазкур бармеояд, ки нависанда дараҷаи фаҳмиш ва саводнокии хонандашро ҳам ба назар мегирад, вагарна яке аз муродифҳои маъноӣ матлубро дода метавонист.

Муродифҳои барои инъикоси вазъияти ҳукмфармобудани низ хизмат кардаанд. Чунончи, дар мисоли зерин:

Аз инҷост, ки мо – туркистонӣ, аз *бешмӣ* ва *чаҳолат* аввал шаҳр-шаҳр, қаря-қаря ва фирқа-фирқа шуда якдигарро задем, якдигарро куштем, хонаи якдигарро *тороҷ* ва *яғмо* кардем, *ирзу номусия* якдигарро барбод додем, оқибат ба зерин бандагии давлати мустабиддаи рус афтодем

[1, с.14).

Чунон ки аз мисоли боло бармеояд, дар он вожаҳои *беилмӣ* ва *чаҳолат* инчунин *тороч* ва *яғмо* бо якдигар муносибати муродифӣ пайдо намудаанд. Нависанда бо пахлуи ҳам овардани синонимҳои луғавӣ норозигӣ ва эҳсосоти ногувори гӯяндаро инъикос намудааст.

Чаҳолат калимаи арабист ва нодонӣ, беҳабарӣ, ғафлатро ифода мекунад [5, с.777]. Он хоси забони адабист, аммо доираи истифодааш тангтар аст. *Беилмӣ* вожаи тоҷикӣ буда, 1. бедонишӣ, бесаводӣ, бемаърифатӣ, чаҳолат; 2. беақлӣ, бефаҳмиро ифода мекунад ваба нутқи гуфтугӯӣ мансуб аст. Ҳар ду исми абстрактанд ва ҳолати номатлубро ифода мекунанд.

Устод Айнӣ истифодаи чуфт-чуфти муродифотро меписандид, зеро матлаби хешро тавассути онҳо нишонрас ифода карда метавонист. Муродифоти чуфтистеъмоли *ирзу номус* маънои якдигарро пурра кардаанд: *ирз* калимаи адабии китобӣ аст ва маънои обрӯ, шараф, номусро ифода мекунад, аммо *номус* ба чанд маъно далоят мекунад: 1. покӣ; 2. боҳурматӣ; 3. неқномӣ, обрӯ; 4. нанг аз корҳои нописанд; 5. тадбир ва сиёсат (ин маънӣ имрӯз маъмул нест) [Луғати Айнӣ 1976: 268]. *Ирз* камистеъмол, *номус* серистеъмол мебошад. Аввали хоси услуби бадеиву публицистӣ, аммо дувумӣ муштаракуслуб аст.

Мисоли дигар: Акнун шумо дар зарфи ду сол чӣ миқдор тазминот додани Самарқандро *ҳисоб* ва тарқим намоед, ба тарафи дигар *шумурда* рақам занед, ки дар ин ду сол танҳо ба маориф ва мактабҳои Самарқанд чӣ қадар пул сарф шудааст, баъд аз он мебинед, ки тафовут аз кучо то ба кучост? [1, с.16].

Дар ин матн калимаҳои *ҳисоб* *намудан* ва *шумурдан* ҳамчун истилоҳи иқтисодӣ омадаанд. Калимаи *ҳисоб* маъноҳои 1) шумор, миқдор; паймоиш; 2) андоза, ҳад, ҳудудро [4, с.747] ифода мекунад. Вожаи *шумор* ба маъноҳои ҳисоб; адад ва миқдор далоят менамояд [5, с.604]. Ин калимаҳо ҳам дар забони хаттӣ ва ҳам шифоҳӣ кор фармуда мешаванд. С. Айнӣ ин муродифоро дар як матн ба хоҳири худдорӣ аз такрори калима истифода бурдааст. Нависанда дар ҳама офаридаҳои мекӯшид, ки аз такрори бемавриди сухан худдорӣ намояд. Бинобар ин дар матн боло аз вазнҳои гуногуни калима истифода кардааст: тарқиби феълии *тарқим* *намудан* ва *рақам задан*. Тавассути муродифоти мазкур адиб бо рақам дақиқ шумурда шудани амалро дар назар дорад.

С. Айнӣ барои дақиқ ифода кардани вазъияти ба амал омада силсилаи калимаҳои ҳаммаъноро дар як матн кор мефармояд:

Дар сурате ки *маблағҳо*, *пул* сарф шуда, як адад рӯзнома ба таъб мерасад, ба як самани каме, ки мисли маҷҷонист, қасе гирифта намехонад [1, с.16].

Маблаг як миқдори муайяни пули нақда, як қадар, миқдоре, дараҷа, андоза, дараҷаи камолот, расоӣ, дараҷаи баланди чизе [5, с.612] мебошад. Калимаи *пул* зару нуқра ва фулузоти дигари сикка зашуда, ки дар тичорат, хариду фурӯш додугирифт, андозаи арзишро ифода мекунад [5, с.90-91] Чунон ки аз шарҳи луғат бармеояд, ин калимаҳо танҳо бо тобиши умумӣ ҳаммаъно шудаанд, гарчи аз нигоҳи қурб фарқ мекунанд. Ин калимаҳо ба ҷойи ҳамдигар кор фармудан мумкин нест, зеро бо ҷилоҳои дигари маъноӣ, дараҷаи истеъмол, обуранги услубӣ ва ҳисси аз ҳамдигар тафовут доранд. Калимаи *маблағ* (пули нисбатан калонтар) мафҳуми умумӣ ва *пул* қисмати асбӯр (пули ночиз) буда, ниҳоят серистеъмоланд. Як усули истифодаи калимаҳои ҳаммаъно аз ҷониби устод, ки дар осори публицистияш мушоҳида мешавад, шарҳи калима бо муродифи он мебошад.

Нависанда барои пурра ифода кардани матлаб низ синонимҳоро пайиҳам меорад, ки инро метавон дар мисоли зер мушоҳида кард:

Ин бало он балоест, ки аз аввали хилқати бани одам то ҳол, дар ҳар асру замон фарзандони одам ва тамоми ҳайвонот гирифторм омадаанд. Инбало – *қаҳт*, *ғуло*, *гуруснагӣ* ва *хушксолист* [6, с.179].

Калимаи *қаҳт* арабист ва маънои 1) хушксолӣ, гуруснагӣ, набудани ғаллаву дона; 2) камӣ ва ноёбии чизеро дорад [4, с.684]. Дар матн болобовожаи *хушксолӣ* ва *гуруснагӣ* ҳаммаъно гардида, сухани нависандаро нишонрастасвирнамудааст. Ин калимаҳо дар лаҳзаҳои муайяни нутқ (дар танқисӣ, нодорӣ) истифода мешаванд. Калимаҳои болоро ба ҷойи ҳамдигар кор фармудан мумкин нест, зеро бо тобиши маъно, доираи истеъмол, обуранги услубӣ аз ҳам фарқ мекунанд. Бо мақсади пурратар ва дақиқ тасвир кардани вазъияти ба амал омада нависанда калимаҳои мазкурро ба кор бурдааст.

Дар мисоли дигар устод Айнӣ на танҳо аз муродифоти луғавӣ, балки аз вариантҳои ВФ истифода бурдааст:

Русияе, ки дар роҳи инқилоб ва озодӣ ба тамоми ақсулҳаракатчиёни дохилӣ ва хоричӣ мубориза карда, ба ҳамаи душманони худ ғалаба намуда, меҳнатро аз *сарват* ва *сармоя* халос кард, имрӯз дар панҷаи балои осмонӣ ва фалокати ногаҳонӣ гирифторм аст [6, с.179].

Дар матн боло вожаҳои *сарват* ва *сармоя* бо ҳам муродиф гардида, барои таъкиди матлаб

истифода шудаанд. Бояд қайд, кард ки устод С.Айнӣ чунин усулро, аз як тараф, ба хотири худдорӣ аз такрор истифода карда бошад, аз тарафи дигар, бо мақсади пурра ифода кардани воқеаи баамаломата ба кор бурдааст. Калимаи *сармоя* дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» чунин шарҳ дода шудааст: 1) асос, сабаб ва боиси асосӣ; 2) сарват, пулумол, дорой, давлат; 3) як миқдор пул ва моле, ки савдогарон хариду фурӯшро бо он сар мекунанд [5, 208]. *Сарват* бошад боигарӣ, дорой, тавонгарӣ ва давлатмандиро ифода мекунад. [5, с.202]. Калимаҳои мазкур як маъниро ифода кунанд ҳам, бо тобишҳои маъноӣ аз ҳам фарқ менамоянд, ки инро шарҳи луғат ҳам исбот менамояд. Онҳо дар ҳама услубҳои нутқ ба андозаи гуногун ба кор бурда мешаванд. Дар матни боло вариантҳои ВФ-и *дар панҷаи балои осмонӣ ва фалокати ногаҳонӣ гирифт* будан ҳолати Русияи ҳамонвақтаро хеле образнок ифода кардаанд. Устод Айнӣ қариб дар ҳама асарҳои ба хотири сарфаи нерӯ ва худдорӣ аз такрор ду варианти ВФ-ро дар як қолаб омезиш медиҳад.

Нависанда силсилаи калимаҳои ҳаммаъноро барои муайян намудани ҳислату характер, симо ва шакли зоҳирии шахс кор мефармояд. Бад-ин васила тавассути муродифот симои персонажро як андоза кушода медиҳад:

Бертолд Шпуллер дар робита ба қазияи *рӯйи* зишт ва ниқоби Муқаннаъ зимни арзёбии худ навиштааст: «вале вай, ки аз як чашм нобино буд ва *манзари* бисёр нозебое дошт пайваста «ба ин далел, ки мардум тоби ламъони *симои* вайро на доранд» ниқоби зарин (ё сабзранг бар *чехраи* худ мезад) ин тасаввур, ки дар байни тӯдаҳои дигар аз низ мутадовул буда ва сабаб шуд, то ин ки баъдан тимсоли пайгамбари ислом ҳазрати Муҳаммад *басурати* ниқобдор тарсим мешуд, то ин ки маҷбур ба тасвири *симои* он ҳазрат набошанд [6, с.8].

Устод Айнӣ баъзан калимаҳоро кор фармудааст, ки танҳо бо як маъноӣ умумӣ муродиф шуда метавонанд. Масалан, калимаҳои *базм* ва *тӯй*:

Ҳукумати Шӯроӣ майхӯрӣ, қиморбозӣ, *базм*, *тӯйи* мусрифона, кӯбкорӣ ва амсолашро ба сурати қатъӣ манъ кард [1, с.17].

Чунонки аз матни боло бармеояд, дар он вожаҳои *базм* ва *тӯй* синоним гардидаанд. *Базм* зиёфате, тӯе ё маҷлиси айшунӯш мебошад, ки дар он мусиқӣ ва рақс низ ҳаст [5, с.131]. *Базм*ро ба ҳар муносибат (зодрӯз, солгард, гаҳворабандон, нишасти дӯстона) оростан мумкин аст, аммо тӯй маросими мушаххас мебошад (хатна тӯй, домодию арӯсӣ). Калимаи *тӯй* нисбат ба *базм* маъмултар аст. Ҳар ду матлаби нависандаро пурра ифода карда, ба маъноӣ шодмонӣ муродиф шудаанд.

С. Айнӣ дар интиҳоб ва истифодаи калимаҳо нозукбин буда, калимаҳоро чунон моҳирона корбаст кардааст, ки метавон воқеаҳои замони мушаххасро тасаввур намуд. Дар матни зерин адиб калимаҳои се силсилаи муродифоро кор фармудааст, ки, аз як тараф, ҳадафи нависанда ҷолиб тасвир гардидааст, аз тарафи дигар, аз такрори бемавриди сухан худдорӣ шудааст.

Маҳмуди Ялавоҷ *тарсид* ва *бим* он буд, ки султон ўро қатл кунад ва аз *хавфу* бим ба хушомадгӯӣ даромада гуфт:

– Сипоҳи Чингизхон нисбат ба лашкари султони оламиён мисоли *рӯйношишамъ* аст пеши *нури* хуршеди оламафрӯз ва ё монанди *чехраи* шаб аст пеши *шамоили* рӯз ... [6, с.23].

Дар ин порча калимаҳои *хавф* – *бим*, *рӯйноӣ* – *нур*, *чехра* – *шамоил* муродиф шудаанд. Калимаи *хавф*, ки ба маъноҳои 1) тарс, бим, воҳима [5, с.453] истифода мешавад, бо ҳама маъноҳои худ дар нутқи гуфтугӯйиву хаттӣ нисбатан серистеъмол аст. Ба маъноӣ «*бим*» дар услуби бадеӣ корбаст мегардад.

Вожаҳои *рӯйноӣ* ва *нур* синоними якдигар буда, равшаниро ифода менамоянд. Аммо дар ин ҷумла калимаҳои мазкур нисбат ба бузургӣ ва ҳашамати лашкарон истифода шудаанд. *Чехра* ва *шамоил* синоними якдигар буда, калимаи *чехра* бештар дар услубҳои бадеӣ ва публицистӣ истифода мегардад ва дорои обуранги мусбат мебошад, аммо гӯянда онро ба сипоҳи Чингиз нисбат медиҳад, ки он образи манфист. Вожаи *шамоил* дорои обуранги ҳиссии манфӣ буда, бештар дар ҳаққи қаҳрамонони манфӣ кор фармуда мешавад. *Шамоил* дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» чунин шарҳ дода шудааст: 1) ҳислатҳои нек; 2) афту башара, шаклу сурат, намуди зоҳирӣ [4, 564]. Ин калимаҳо аз ҷиҳати тобиши маъноӣ фарқ намекунанд, аммо аз нигоҳи доираи истеъмол тафовут доранд. Калимаи *шамоил* камистеъмол буда, бештар дар забони адабӣ кор фармуда мешавад, *чехра* доираи истеъмоли васеъ дошта, хоси ҳам услуби бадеист ва ҳам нутқи гуфтугӯйист. Дар алоҳидагӣ ин калимаҳо маъноӣ рӯйро мӯътадил ифода мекунанд, аммо калимаи *шамоил* дар мисоли боло обуранги ҳиссии манфӣ пайдо кардааст. Ин калимаҳо бо тобиши маъноӣ умумӣ ҳаммаъно гардида бошанд ҳам, якдигарро дар матн иваз карда наметавонанд. Ин мисолҳо боз ҳам кӯшиши худдории адибро аз такрори калимаву ифодаҳо нишон медиҳад.

Дар мисоли зерин таркиби феълӣ *тақдир ёфт*ан бо феълӣ таркибии *сарфароз гардид*ан бо маъноӣ кадршиносӣ шудан муносибати ҳаммаъноӣ пайдо кардаанд:

Ман, ки зиндагонии XXX- солаам дар шароити Бухорои амирӣ ва донишомӯзии

пурмашаққатам бо тақҳири рӯҳии аз ҳад зиёд ва бо азоби ҷисмони тоқатнопазир натиҷаманд шуда буд, дар шароити советӣ хидмати ночизонаи илмиам аз будаи зиёд *тақдир ёфта*, ба унвони ходими хизматнишондодаи илм ва академики фахрӣ *сарафроз гардидам* [1, с.340].

Феълҳои *тақдир ёфта* ва *сарафроз гардиданро* нависанда дар мавриди ифодаи кадрӣ қимати заҳматҳои илмиаш ва баҳои баланд додан ба меҳнати худ қор мефармояд. *Тақдир ёфта* имрӯзҳо чандон истифода намешавад, он бештар дар шакли *тақдир қардан* қорбасти мегардад. Ин феълӣ таркибӣ дар қатори фразеологизмҳои «Фарҳанги ибораҳои рехта» зикр шудааст, ки чунин маънӣ дорад: ба қасе ё чизе баҳои нағз додан, писандидан [2, с.185]. *Сарафроз гардидан* низ дар «Фарҳанги ибораҳои рехта» дар шакли *сарфароз гардидан* ба маънии 1. сазовор, мушарраф шудан. 2. сарбаланд шудан қайд гардидааст [2, с.88] Азбаски дар замони таълифи фарҳанг ҳудуди фразеологияи тоҷик муайян нагардида буд, чунин феълҳои таркибӣ ҳам ба он дохил шуданд.

Ҳамин тариқ, муродифоти луғавии осори публицистии адиб бо мақсадҳои гуногуни услубӣ ба қор бурда шудаанд. Онҳо дар публицистикаи адиб 1) ба хоҳири гурез аз тақдор; 2) дақиқ ифода қардани мағлаб; 3) пурра қардани маънои қалимаҳои муродифӣ; 4) таъкиди маъно; 5) инъикоси воқеаҳои таърихӣ хизмат қардаанд.

АДАБИЁТ

1. Айни, Куллиёт. – Душанбе: Ирфон, 1963. - Ҷ.9.
2. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозири тоҷик. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963. – Ҷ.1. – 952 с.
3. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозири тоҷик. – Душанбе : Ирфон, 1964. - Ҷ. 2. – 802 с.
4. Фарҳанги забони тоҷикӣ. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1964. - Ҷ.2. – 950 с.
5. Фарҳанги забони тоҷикӣ (дар зери таҳрири М. Ш. Шуқуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Маъсумӣ). – М.: Советская энциклопедия, 1969. – Ҷ. I. – 951 с.
6. Айни, Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Исёни Муқаннаъ. Очеркҳои адабӣ-таърихӣ/Айни С. – Душанбе: Маориф, 1978. – 168 с.

МЕСТО ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. АЙНИ

В статье речь идёт о выборе и уместном употреблении слова из синонимического ряда, который предоставляет носителям языка безошибочно выразить мысль. Поэтому этот вопрос издавна привлекал внимание исследователей и журналистов. Лексическая синонимия занимает прочное место в художественном произведении, так как писатели всегда стремятся точно и целенаправленно изложить свою позицию. В публицистических произведениях устода Айни синонимы употреблены для эффективного и выразительного освещения исторических событий и выявления черт характера героев. Для осуществления своих целей писатель выбирает лексемы из всех лексических пластов словарного состава таджикского языка. В публицистике писателя использованы не только исконные, но и арабские, немецкие, французские заимствованные слова. Оказывается, что в выборе и употреблении слов-синонимов устода Айни относился с осторожностью. В процессе анализа фактического материала автор указывает на причину выбора слов писателем. Анализ материала показал, что в публицистике писателя лексические синонимы употреблены с целью избегания повтора, точного выражения мысли, дополнения значения слов-синонимов, подчеркивание значения слова, освещение исторических событий.

Ключевые слова: таджикский язык, выбор слова, лексическая синонимия, смысловой оттенок, лексическое значение, стилистическая окраска, временная окраска, избегание повтора.

THE PLACE OF LEXICAL SYNONYMY IN THE JOURNALISTIC WORK OF S. AINI

The article is about the choice and appropriate use words from a synonymous series that allow native speakers to accurately express a thought. Therefore, this question has attracted a long attention of researchers and journalists. The lexical synonymy has a strong place in a work of fiction as writers always strive to accurately and purposefully express their position. In journalistic works of S. Aini synonyms are used to effectively and expressively cover historical events and identify character traits of heroes. The writer chooses tokens from all the lexical synonymy strata of the vocabulary of the Tajik language for the implementation his goals. In journalistic works of writers using not only original but also Arabic, German, French borrowed words are used. It turns out that S. Aini was wary of choosing and using synonyms. In the process of analysis of actual material the writer indicates the reasons of choosing words by writers. The analysis of material indicated that in journalistic works of writer the lexical synonymy used by way of to avoid repetitions, accurate expression of thought, additions to the meaning of synonyms, underline the meaning of words, lighting the historical events.

Keywords: the Tajik language, the choice of words, lexical synonymy, the meaning shade, lexical meaning, the stylistic colour, to avoid repetitions, temporary colour.

Сведения об авторах:

Мирзоева Мохира Мадиброхимовна – доктор филологических наук доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Таджикский национальный университет Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17. Тел.: (+992) 937-11-30-28.

Нихомнова Рангина Мухаммадджоновна – Таджикский аграрный университет им. Ш.Шотемура, ассистент кафедры английского языка. Адрес: 734003. Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Рудаки 146. Тел.: (+992) 915-14-00-70.

About the authors:

Mirzoeva Mohira Madibrohimovna - the Tajik National University .Doctor of Philology, Docent of Department of stylistics and literary editing. Phone. (+992) 937-11-30-28..Address: Republic of Tajikistan, Dushanbe city, Rudaki street, 146.

Nihmonova Rangina – assistant of the Department of English at the Tajik Agrarian University named after Shirinshoh Shohtemur. Phone. (+992) 915140070. Address: 734025 Dushanbe city, Firdousi district, Firdousi street, 5117.

ХУСУСИЁТИ ИСМҲОИ МАФЪУЛИ АРАБӢ ДАР “ЗАЙН-УЛ-АХБОР”-И ГАРДЕЗӢ

Тураев А.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Исми мафъули феълҳои салосӣ (сехарфа)-и мучаррад **فَعَلَ** **فَعِلَ** **فَعَلَّ** (фаъала, фаъила, фаъула) бар вазни **مَفْعُول** (мафъулун) сохта шуда, амали иҷрошудаи феълро мефаҳмонад [1, с.184]. Ин навъи исми мафъули арабӣ дар забони тоҷикӣ аз серистеъмолтарин калимаҳои иқтибосии арабӣ ба шумор рафта, баъзеашон то дараҷае дар забонамон ҳазм шудаанд, ки барои ҳар тоҷик қобили фаҳм шудааст. Чунончи: **маъруф**, **масъуд**, **махсус**, **марбут**, **мавҷуд**, **махсуб**, **махрум** ва ғайра.

Вале дар исмҳои мафъули бобҳои ғайрисалоси мучаррад бар вазни феъли замони ояндаи маҷҳули он боб чойи ҳарфи ё-и музориаро ҳарфи мими мазмуа мегирад. Мисол: **مُكْرَمٌ، مُكَبَّرٌ، مُرْتَكَبٌ**. (мустақбалун, мутаомалун, мутазаваҷун, муртакабун, мукаббарун, мукрамун).

Ногуфта намонад, ки як хусусияти дигари забони арабӣ дар он аст, ки дар асл исмҳои мафъул аз феълҳои гузаранда сохта мешавад ва агар хоҳем аз феълҳои монда исми мафъул созем, аввал мо бояд бо пешояндҳои **”فِيهِ”** - (фиҳ) ва **”بِهِ”** (биҳ) феъли мондари ба феъли гузаранда табдил диҳем. Мисол: **رَغِبَ** феъли монда буда, исми мафъули он **مَرغُوبٌ فِيهِ** мебошад. Дар ин гуна мафъулҳо тағйироти сарфӣ фақат дар қонишинҳо дучор мешавад на дар решаи калима.

Дар забони арабӣ исми мафъул дар муқоиса ба забони тоҷикӣ фарқ карда, намудҳои исми мафъул 5-то мебошад. Аз он ҷумла: 1) - мафъулун мутлақ 2)-мафъулун биҳ; 3)-мафъулун фиҳ; 4)-мафъулун лаҳ; 5)- мафъулун мааҳ;

1. **Мафъулун мутлақ исме мебошад, ки барои таъкид ва возеҳ кардани исм ва ё баён кардани адади он баъд аз феъл навишта мешавад.** Мисол: қатала ал-ҳорису ал-лисса қатлан — **قَتَلًا قَتَلَ الْجَارِسُ**. Дар ин мисол мафъулун мутлақ барои таъкид омадааст, яъне “Посбон воқеан ҳам дуздиро кушт”. Қола қавлан чамилан — **قَالَ قَوْلًا جَمِيلًا** (сухани зебо гуфт) Дар ин мисол пурқунанда исми пеш аз худ омадари эзоҳ намудааст.

Ин навъи мафъули забони арабӣ дар муқоиса бо забони тоҷикӣ ба қоидаи **ҳоли тарзи амал** мувофиқ аст. Ҳоли тарзи амал тариқи иҷрои амал, ҳолат ва аломати амалро мефаҳмонад. Ҳоли тарз ба ду гурӯҳ ҷудо мешавад: **тарзи амал** ва **аломати амал** ҷудо мешавад. Ҳоли тарзи амал хеле сершумор ва серстифода буда, ба чунин гурӯҳҳо тақсим мешавад: тарзи хосса, ҳолат ва воситаи иҷрои амал. Ҳоли тарзи хосса аломату чигунагии амалро мефаҳмонад [3, с.272]. Мисол: Кӯдакони боғча рақсунон ва давон-давон ба боғча дароманд.

2. **Мафъулун биҳ, фарқи пешоянди “биҳ” аз дигар пешояндҳо дар он аст, ки ин навъи пурқунандари дар забони тоҷикӣ пурқунандаи бавосита мегӯянд.**

Мисол: марарту би Зайдин **مَرَرْتُ بِزَيْدٍ** аз назди Зайд гузар кардам [4, с. 97].

Пурқунандаи бавосита предметро нишон медиҳад, ки таъсири амали хабари ҷумла ба он мегузарад, ҳиссаҳои нутқ ба вазифаи пурқунандаи бавосита, бо ёрии пешоянду пасоянд меояд. Пурқунандаи ба восита мисли қоидаи пурқунандаи бавоситаи забони арабӣ ба саволҳои ҷавоб мешавад, ки аз пешояндҳо ва қонишинҳои саволи **“кӣ, чӣ”** сохта мешаванд: дар чӣ, ба кӣ, ба чӣ, аз кӣ, аз чӣ, дар бораи чӣ, ва ғайра [3; с-267]. Мисол биёред?

3. Мафъулун фиҳ - маънои вожаи “**фиҳ**” дар дохилаш будан аст, яъне амале, ки дар як вақти муайн ё дар дохили зарфи муайян иҷро мешавад, мафъулун фиҳ номида мешавад. Мисол: чаласту фил масҷиди *جَلَسْتُ فِي الْمَسْجِدِ* дар дохили масҷид нишастам. Инчунин баъзе вақт бе вожаи “**фиҳ**” чумла навишта мешавад, донандаи илми нахв мувофиқи қоидаи грамматика дарк мекунад.

Мисол: шаҳидту явмал чумуъати *شَهِدْتُ يَوْمَ الْجُمُعَةِ* Ба воқеа рӯзи чумъа шохид шудам, яъне **дар** рӯзи чумъа ман ба воқеае шохид шудам [4, с.130].

4. Мафъулун лаҳ амале, ки аз ягон сабаб ё бо ягон мақсад иҷро карда мешавад, мафъулун лаҳ ном дорад. Мисол: заробту Зайдан лигаъдибиҳи *ضَرَبْتُ زَيْدًا لِتَأْدِيبِهِ*

5. Мафъулун мааҳ -амали иҷрошуда аз ҷониби ду шахс ба вуқуъ пайваста, ба воситаи пайвандаки пайваस्तкунандаи “**ва**” чумла сохта мешавад. Дар ин навъи чумлаҳо пайвандаки “**ва**” ҳам вазифаи ҳамроҳи, ҳам вазифаи пайвандакро дорад. Барои мисол: заробту Зайдан ва Амран- *ضَرَبْتُ زَيْدًا وَ عَمْرًا* - Зайдро бо ҳамроҳии Амр задам. Дар «Зайн-ул-ахбор» исми мафъули феълҳои мучаррад нисбат ба дигар исмҳои мафъули феълҳои мазид, ки вазнҳои муайяни сохтор доранд, аз ҷиҳати микдору дараҷаи истеъмол аз шаклҳои дигари исмҳои иқтибосии арабӣ фарқ мекунад [38, с. 21-22]

Исмҳои мафъули дар асар мушоҳидашуда аз ҷиҳати маъно ва тағйири он, дараҷаи истеъмолашон дар забони имрӯзаи тоҷик ҷолиби таваҷҷӯҳанд. Қисми зиёди исмҳои мафъуле, ки дар «Зайн-ул-ахбор» ба қор бурда шудаанд, аз истеъмоли забони имрӯза баромадаанд:

Аммо баъзе исмҳои мафъул аз қадим ба таркиби луғавии забони тоҷикӣ дохил шуда, дар назму насри ниёгон хеле зиёд ба назар мерасанд:

Чое ки гузаргоҳи дили маҳзун аст,

Он чо ду ҳазор найза боло хун аст (Рӯдакӣ).

Буд сарҳангро деҳе маъмур,

Чойгоҳе зи чашми мардум дур (Низомӣ).

Дилам бичӯ, ки қадат ҳамчу сарви дилҷӯест,

Сухан бигӯ, ки каломат латифу мавзун аст (Ҳофиз).

Китобе бин ба килки сидқ марҳум,

Ба номи оишқу маъшуқ мавсум (Ҷомӣ).

Ин навъи калимаҳои иқтибосии арабӣ дар осори назму наср ва инчунин дар китобҳои таърихӣ дар қарнҳои гуногун низ хеле серистеъмол будаанд. Ба гуфтаҳои боло асари Муҳаммад Абдулҳайи Гардезӣ гувоҳи медиҳад. Чунин исмҳоро аз лиҳози дараҷаи истеъмол ба се гурӯҳ ҷудо кардан мумкин аст:

1) Исмҳои, ки дар ҳамаи фарҳангҳои имрӯза шарҳ ёфта, дар забони адабии имрӯзаи тоҷик маъмулу машҳуранд: маҳмуд *مَحْمُودٌ* (4, с.412) сутуду ситоишшуда, мавриди сипосгузорӣ қарор гирифта, ситоянда, шукургузор; **масъуд** *مَسْعُودٌ* (8-234) хушбахтгардида, саодатманд, некбахт, хуштолеъ; **мақсуд** - *مَقْصُودٌ* (234) қасдқардашуда, мақсуд, мақсадгузошта; **маъмур** - *مَأْمُورٌ* (456) – амрқардашуда, фармонбардор, мутеъ; **маълум** - *مَعْلُومٌ* (15-349) донисташуда, номдор, машҳур; **машғул** - *مَشْغُولٌ* (52-364) –ишғол қардашуда, бо коре бандшуда; **маҳбус** - *مَحْبُوسٌ* (52) ҳабс қардашуда; калимаҳои мазкур дар аксари саҳифаҳои китоб истифода шудаанд, мо барои мисол як чандтои онҳоро овардем.

Лашкари Амир Маҳумуд андар уфтоданд ва кишти қарданд ҳарчи мункиртар ва бисёр қуффор кушта шуданд (412). Абдуллоҳ ибни Омир андар санаи салоса ва арбаина Ҳармаҷошиъ ибни **Масъудро** ба Сиистон фиристод (234). Абдуллоҳ ибни Омир ибни Қурайза чун Муовия ба **мақсуд** расид, ба Хуросон фиристод ва ончо бимонд то Абдуллоҳ ибни Самаратулуммавӣ биёмад (234). Пас андар Мадина даромад ва ҳар кас хонаи хеш арз қард, расул фармуд салаллалоҳу алайҳи ва саллам, ки шутури ман **маъмур** аст. Пас Абуали ҷағонӣ мар машойих ва маъдилон ва аъёни Нишопурро ба Бухоро фиристод, то узри Абуали боз намояд ва **маълум** гардонад, ки ӯ аз ончи амир Ҳамид зан (гумон) бурд (349). Аҳли Хуросон ба ғорат **машғул** шуданд (364). Исфандиёр ба ин вақт **маҳбус** буд (52).

Калимаҳои иқтибосии **машғул**, **маҳбус**, **маъмур**, **маълум**, **масъуд** ва ғайра бо ёрии феълҳои ёвари *шудан* (*гардидан*), *қардан* (*намудан*, *сохтан*) феълҳои таркибӣ месозанд: **машғул шудан**, **маҳбус шудан** (*қардан*), **маъмур шудан**, **маълум шудан** (*қардан*), **масъуд шудан** (*қардан*).

Имконоти грамматикӣ алоқаи чунин калимаҳо низ бо калимаҳои дигар фузунтар гардидааст: машғули қор, ба қор машғул шудан [1, с.58,104].

Исмҳои, ки дар асар як дараҷа серистеъмолаанд, вале доираи қорбурди онҳо дар забони адабии имрӯзаамон маҳдуд гардидааст. Шарҳи чунин исмҳо дар фарҳангҳо зикр шудааст: **марқум** - *مَرْقُومٌ* (12-15) шумурдашуда, қайдқардашуда; машҳуд - *مَشْهُودٌ* (16) фаромӯшнашаванда, хотирнишин, номдор, намоён; **мафқуд** - *مَفْقُودٌ* (21) – гумшуда, аз байн рафта; **манқул** - *مَنْقُولٌ* (23-117)

бардошташаванда, қобили ҳамл, нақлшаванда; **мағшуш** - مَغشوش (24) фирефта, гүлхурда, калбакӣ, сохта, нохолис, боғараз; **мамсух** - مَمْسُوخ (25) вайроншуда, тахрифшуда, маъюбу маслук; **мачрух** - مَجْرُوخ (54) – чароҳатдоршуда; **макхур** - مَقْهُور (68-380) дучори қаҳру хашмшуда, шикастхурда; махзум- مَخْزُوم (106) сӯроҳкарда, шикофта; маъмун - مَمْمُون (160-296) – паймондор, амонатдор, устувор, бехатар, содиқ, эътимоднок; махлуъ - مَخْلُوع (262-296) аз чо бечошуда, дуркардашуда, барканор, сарнагун шуда; махуф- مَخُوف (412)- тарсноқ, воҳиманок, даҳшатнок, бадвоҳима; **маъхуд** - مَغْهُود (447) аҳду паймон кардашуда, муқаррарӣ, маълум, машхур;

2) Исмҳои мафъуле, ки аз истеъмоли забони имрӯза баромада, дар фарҳангҳо қисме аз онҳо зикр шудааст: **маънус** - مَوْنُوس (13) оддӣ, маъмули, хӯкарда, хӯгирифта; **мазбура** - مَزْبُورَة (12-16) ёдшуда, ёдрасшуда, навишта; мағлута - مَغْلُوطَة (24) - хато, дурӯғ, нодуруст, носаҳеҳ; маъзул- مَغْزُول (243-366) дуршуда, каноргирифта, чудошуда аз вазифа, аз мансаб;

Вобаста ба шароити зиндагӣ, тараққиёти ҷамъият ва ҷараёни тағйироти доимии забон дар баъзе калимаҳо тобиши нави маъноӣ ба вучуд омада, маъноҳои асосии калимаҳо архаизми семантикӣ шудаанд. Чунончи, калимаи «**мавқуф**», ки маънии асосиаш – боздоштшуда, нигоҳ дошташуда, қатъшуда, мавқуф, барканоршуда, вобастагӣ (аз касе, чизе) аст [13, с.964] дар асар ба маънии **вобаста бар** омадааст: Ва Али ҳоҷиб ӯро андар харпушта **мавқуф** кард, ва силоҳе, ки бар вай оварда буданд бисутуд (418). Ин калима дар луғати Айни ба маънои «аз ҳаракат боздошташуда» шарҳ ёфтааст [1.3, с.188], аммо дар осори Ҷомӣ маънои **мунтазир**, **нигаронро** мефаҳмонад:

*Сабза мавқуфи баҳор омад ба зерӣ гул, бале,
Хуфтагони бог доранд интизори растаҳез [1, с.14 - 351].*

Калимаи **мавлуд**, ки дар забони муосири тоҷик ба маънои «рӯзи таваллуд» мустаъмал аст, дар «Зайн-ул-ахбор» ба маънои *зоидашуда*, *фарзанд* қорбааст шудааст ва ба чунин маъно дар луғати Айни низ омадааст (3,-с188): **Ҳар мавлуд бар фитрати имон ва ислом зода шавад, магар ки падару модари ӯ ӯро маҷусӣ ва насронӣ ва яҳудӣ гардонанд** (49). Исмҳои мафъули **маъхуд** - «аҳду паймон кардашуда» дар асар ба маънии **муқаррарӣ** истифода шудааст: Мақолаи дуввум андар ҷадвалҳои ид ва асбоби он: чунин гуянд, ки ҷамъкунандаи ин китоби Зайнулаҳбор, идҳое, ки **маъхуди** ҳар уммате, аст хабарист, ... ва расмист на бурҳони [8. с-447].

Аз нигоҳи семантикӣ вожаҳои иқтибосии арабӣ баъди иқтибос шуданашон ба ду маъно қор фармуда шудаанд, яъне ҳам исми хос, ҳам исми мафъул ингуна вожаҳо дар Зайн-ул-ахбор дар якҷанд чо зикр шудааст.

Калимаи **мансур**, ки маънии аслиаш «*ёрдамкардушуда*» мебошад (8-359) дар асар ба маънии «*номи инсон, исм*» қорбааст шудааст: Киро савоб бошад нишондан, чун ин ҷавоб рафта буд боз нома расид, ки Сомониён ва Ҳашм бар онанд, ки **Мансурро** бояд нишонд (355); **маъруф** - مَعْرُوف (8-21) шинохташуда, ба ҳама маълум; **масъуд** - مَسْعُود (8-234) хушбахтгардида, саодатманд, неқбахт, хуштолеъ;

Аз фаҳвои матолиби ин китоб бар меояд, ки дар навиштани Зайнулаҳбор махсусан ду китоби **маъруфи** Берунӣ яъне китоби “Ҳиндӣ” ва осори “Боқия”-ро дар назар дошт, агарчи нома аз ин кутуб дар Зайнулаҳбор наёмада, ҳам ӯ шояд дар фасли вуллоти Хуросон аз китоби мафқуди Абуали Саломӣ мутаваффоӣ 300 хичри, ки “Аҳбори вуллоти Хуросон” бошад истифода карда бошад (21). Чун Амир Махмуд раҳимахуллоху фармон ёфт, аҳд ва ливои Хуросон ба Амир Бусаид **Масъуд** ямини давлат фиристод (209).

Махмуд - مَخْمُود (4-412) - сугуду, ситоишшуда, мавриди сипосгузор қарор гирифта, ситоянда, шуқургузур; **марҳум** - مَرْحُوم (13-22) он, ки нисбати ӯ меҳрубони зиёд шудааст, фавтида, вафоткарда, майит, мурда; **маъмур** - مَأْمُور (456) амр кардашуда, фармонбардор, мутеъ;

Исмҳои мафъули навъи дуҷум

Исмҳои мафъули феъли мазиди навъи дуҷум - مَفْعَل (фаъъала) бар вазни مُفْعَل (муфаъъалун) сохта мешавад, ки дар забони насри тоҷикӣ то охири асри XIX ва ибтидои асри XX хеле зиёд истифода шудааст. Дар асар нисбат ба дигар исмҳои мафъули феълҳои мазид серистеъмомтаранд.

Ин навъи исми мафъул дар осори ниёгон низ зиёд истифода шудааст. Агар дар “Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ” 5то ин навъи исми мафъул (мунаққар, мураттаб, мушавваш, мушаххар, муқаддам) ба назар расад, дар “Фарҳанги осори Ҷомӣ” шумораи онҳо ба 63 мерасад. Дар “Луғатномаи осори Айни” 56 исми ин навъ мушоҳида шуд. Дар китоби “Назарияи иқтибос” профессор Т. Бердиева 54 исми мафъули ин навъро шарҳ додааст [16, с.85 – 86].

Қисми зиёди исмҳои мафъули дар асар мушоҳидашуда аз истеъмом баромадаанд, танҳо як қисмашон дар забони имрӯзаӣ тоҷикӣ мавқеи худро нигоҳ доштаанд ва то ҳозир дар истеъмоманд. Ба ин гурӯҳ калимаҳои иқтибосии зерин дохил мешавад: **мурассаъ** - مَرَصَّع (50-98) орошташуда бо сангҳои қиматбаҳо; **мусаллат** - مُسَلَّط (59-477) таъин кардашуда барои назорат; **мулаққаб** - مُلَقَّب (117,268) – лақаб додашуда, лақабдор; муфаззал - مُفَضَّل (245-247)- бисёр бахшанда,

саховатманд, писандида, дӯстдошта; муҳаммад - مُحَمَّدٌ (246-263)- ситоишшуда, писандида, сутуда, сазовори ситоиш; **музаффар** - مَظْفَرٌ (330) таъин кардашуда, вазифа додашуда;

Ва панҷумро ниғини ёкути сурх буд ва ҳалкаи ӯ **мурассаъ** ба марворид ва нақши ӯ хира хирме ва баду хазина чавохир ва чомаҳона ва пероя ва байтулмол муҳр карде (98). Акнун ихтиёр кун аз ин се чиз як чиз: ё ҳафт сол муқими қаҳт бошад ва ё душман бар ту **мусаллат** шавад ва ё туро аз вилояти ту берун кунад, ва се моҳ аз хони мони хеш ғойиб боши (477). Лашқараш Ҳасан ибни Қуҳтубаро бар худ амир карданд ва ба Куфа дароманданд. Абдулло ибни Муҳаммад ибни Аибни Абдулло ибни Аббосро, ки ба Сафоҳ **мулакқаб** аст, ба хилофат баду байъат карданд (268). Ва чун Валид Абдулмалик биншаст, Ҳачҷоч **Муфаззал** ибни Алмиҳлабро маъзул кард аз Хуросон, ва фарзандони Миҳлабро андар матолибат кашид, ва Ҳин духтари Миҳлабро ки зани Ҳачҷоч буд талоқ кард (247). Даъват кард ба оли **Муҳаммад** саллаллоху алайҳи ва саллам ва канда кард (263). Ва чанд тан аз хаворичиён берун омаданд ва пеши ҳаряк лашқар фиристод, ҳама Мансур ва **Музаффар** боз омаданд, ва дар ҳар коре қасд накард, илло мақсуди ӯ ҳосил шуд (330).

Дар забони ҳозираи тоҷик баъзеи ин навъи исмҳои мафъули арабӣ ҳамчун номи шахс ҳамчун исми хос истифода мешаванд. Чунончи, калимаи **музаффар** дар «Ғиёсуллуғот» ва «Фарҳанги забони тоҷикӣ» қариб якхел маънидод шудааст: **муфаззал** – бар вазни мунаввар; **мукаффаъ** ин калимаҳо маъноҳои аслии худашонро тағйир надода то имрӯз дар истифода мебошанд. Аммо баъзе аз онҳо ҳоло дар байни мардум камистемол шудаанд. Дар луғати Айни калимаи музаффар – ба маънои ғолиб, дастболо, соҳиби зафар маънидод шудааст, ки дар забони имрӯза ба ҳамин маъно истиемол мешавад. Калимаи **муваззаф** дар забони матбуоти тоҷик вақтҳои охир серистемол гардид.

Исмҳои мафъули зерин, ки дар асар корбаст шудаанд, дар забони адабии имрӯза истифода намешаванд: **мукаффаъ** – مُكْفَعٌ (7) пурҷӣ, таранҷида, хушқида, марде, ки ҳамеша сараш ба поён бошад

Ин гуна калимаҳо мисли сифатҳои аслии аломатҳои морфологии исмиро гирифта, ба мафҳуми шахс далолат кардаанд. Калимаҳои **муфаззалон**, **муваззафон**, **мураҳхасон**, **муқаррабон** дар як маврид мафҳуми шахсро пайваста ба аломату хусусият ифода мекунанд ва ин ҳам як омил мӯҷазбаёнист:

Навъи мазкури исмиҳо дар осори назми суннатии форсу тоҷик низ чандон камистемол нест:

Мушаваши аст дилам аз карашмаи Салмо,

Чунон ки хотири Маҷнун зи турраи Лайло (**Рӯдакӣ**).

Ба дилам гарди ситамҳост, худоро матисанд,

Ки **муқаддар** шавад оинаи меҳрогинам (**Ҳофиз**).

Талқини дарси аҳли назар як шиорат аст,

Кардам шиоратеву **муқаррар** намекунам (**Ҳофиз**).

Мунағғас бувад айши он тандуруст,

Ки бошад ба паҳлӯи бемори суст (**Саъдӣ**).

Музаҳҳаб тоҷҳо, заррин камарҳо,

Мурассаъ ҳар як аз раҳшон гӯҳарҳо (**Ҷомӣ**).

Аз матнҳои боло маълум мешавад, ки калимаҳои иқтибосии арабии мазкур дар забони тоҷикӣ (форсӣ) хеле реша давонда будаанд, аз ҳамин сабаб дар таркиббандии феъл ва ҳатто дар таркиби ибораҳои рехта истифода шудаанд: *дили касе мушаваши шуд*, *айши касе мунағғас гардид* ва ғайра.

Аз исми мафъуле, ки дар «Зайн-ул-аҳбор» мушоҳида шуд, як қисмашон аз истеъмоли забони ҳозираи тоҷик баромадааст.

Дар забони муосири тоҷик ба ҷои исми мафъули мазкур шаклҳои масдарии онҳо маъмуланд: муқаррар – такрор, мулакқаб – лақаб, мусаввар – тасвир, муқаддар – тақдир, муқаддар – тақдир, муқарраб – қариб ва ғайра.

Исми мафъули навъи сеюм

Исми мафъули феъли мазиди навъи сеюм, ки бар вазни مُفَاعَلٌ (муфъалун) сохта мешавад, дар «Зайн-ул-аҳбор» умуман истеъмоли нашудааст. Профессор Т. Бердиева дар маводи матбуоти солҳои бистум ҳамагӣ як исми мафъули ин навъ – **муҳотабро** овардааст. Аз ин бармеояд, ки ин гуна калимаҳо мавқеи худро дар таркиби луғавии забони тоҷикӣ нигоҳ дошта натавонистанд.

Исми мафъули навъи чорум

Исми мафъули навъи чорум, ки бар вазни مُفْعَلٌ (муфъалун) сохта мешавад дар асар нисбат ба навъи дуум камистемол аст. Ҳаштод фоизи исми мафъуле, ки дар забони «Зайн-ул-аҳбор» мушоҳида шуд, ҳоло аз истеъмоли баромадаанд.

Мубад - مُوبَدٌ (52) муртадун - مُرْتَدٌ (251) радқардашуда, аз дин баромада;

Аввал мубади **мубадон** он буд (52).

Ва Гургон бикшод ва чун бозгашт, гургониёни дигар муртад шуд.

Исми мафъули навъи панҷум

Исми мафъули навъи панҷум, ки бр вазни *مُتَفَاعَلٌ* (мутафаъалун) сохта мешавад дар асар ҳамагӣ се исми мафъули навъи панҷум: мутасаввар *مُتَّصِرٌ* (96-14) *тасаввуршуда*; мутақаддам *مُتَقَدِّمٌ* (19) пешиниён, пешомадагон, узаштагон; мутааххар *مُتَّأَخَّرٌ* (19) омадааст. Дар фарҳангҳои ашъори Рӯдакӣ ва осори Ҷомӣ чунин навъи исми мафъул тамоман истеъмом нашудааст. Исмҳои мазкур на дар «Ғиёсуллуғот» ва на дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» шарҳ наёфтаанд. Дар «Луғатномаи осори Айнӣ» танҳо як калима – мутасаввар оварда мешавад. Профессор Т. Бердиева дар асари худ «Назарияи иқтибос», ки ба омӯзиши забони матбуоти солҳои 20ум бахшида шудааст, доир ба исми мафъули ин навъ умуман маълумот на додааст ва намунае ҳам далел на овардааст. Маълум мешавад, ки ин навъи исми арабӣ дар забони тоҷикӣ хеле камистеъмом будааст, бинобар ин дар «Зайн-ул-ахбор» низ кам истифода шудааст. Калимаи мутасаввар дар ҷумлаи зерини асар омадааст: Миот ва улуро ҳазф карданд ва мекунад, он ҳам ағлаби шарри муҳовара ё ба мавориде, ки ба қароини ҳолия хавфу ҳалат ва лубси мутасаввар набошад.

Бояд қайд кард, ки дар ҳақиқат на ҳамаи иқтибосоти арабӣ оммафаҳм аст. Исмҳои мафъули навъи панҷум аз ҳамин қабиланд. Азбаски шакли чунин исми арабӣ мураккабтар буда, як андоза душворгӯ аст, шояд ба озмоиши забони тоҷикӣ тоб оварда натавониста аз истеъмом тамоман баромада бошанд. Дар калимаҳои мутасаввар, мутақаддам ҳамсадоҳои «в» ва «д» ду бор такрор гардида, ба ҳам наздик воқеъ шудаанд, дар натиҷа танаффури ҳуруф ба миён омада, калимаро душвор талаффуз кардааст.

Исми мафъули навъи шашум ва ҳафтум

Тадқиқи забони асар нишон дод, ки исми мафъули навъи шашум ва ҳафтум, ки бар вазнҳои *مُتَفَاعَلٌ* (мутафаъалун) ва *مُنْفَعَلٌ* (мунфаъалун) сохта мешаванд, дар «Зайн-ул-ахбор» танҳо як калима мунтахабот *مُنْتَخِبَاتٌ* (21) интихобкардашудаҳо, мунтахабон; Аммо китобе, ки дар бархе матолиб бисёр шабеҳ ба Зайнулаҳбор аст, Табйиулҳаявон, Шарифуззамон, Тоҳири Марвази таълиф ҳудуди 514 ҳ бошад, ки мунтахаботи онро дар бораи Чин – Турк-Ҳинд-устод Фақид минорский дар санаи 1942 м, аз Лондон ба тарҷума ва шарҳи англисӣ чоп кардааст (аз руи нусхаи воҳида хатти китобхонаи Индиёофис). Аз баске, ки шакли танҳои калимаи “Мунтахаб” дар асар истифода нашудааст, мо барои мисол шакли ҷамъи онро овардем. Калимаи мунтахабот бо ҳарфи алиф ва те “ات” дар шакли ҷамъ омадааст, ба навъи шашуми исми мафъул дохил мешавад.

Исми мазкур дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» ва фарҳангҳои ашъори Рӯдакӣ ва Абдурахмони Ҷомӣ дарҷ наёфтааст. Аз ин бармеояд, ки исми мафъули навъҳои шашум ва ҳафтум дар таркиби луғавии забони тоҷикӣ мавқеъ пайдо карда натавонистааст.

Исми мафъули навъи ҳаштум

Исми мафъули навъи ҳаштум бар вазни *مُفْتَعَلٌ* (муфтаъалун) сохта мешавад.

муқтазо- *مُقْتَضَى* (13-14)- мвриди ниёз, вочиб, лозимӣ: Тобии Ҳинди собиқ Аззикри Гӯё ба муқтазои Холиф таъриф ва барои инки чизи нофизии гуфта бошад, дар саҳифаи якум аз дебоча мегӯяд [13].

Исми мафъули навъи ҳаштум

Исми мафъули навъи даҳум, ки бар вазни *مُسْتَفْعَلٌ* (мустафъалун) сохта мешавад, дар асар камистеъмом аст.

Мустаҳак - *مُسْتَحَقٌ* (133) маблағи пардохтшаванда; мустаъмал - *مُسْتَعْمَلٌ* (443-446) корфармуда, истифодашуда, нимдошт, обшуда;

Амр ибни Ос ӯро гуфт: ту на мустаҳакки ин кор буди ва бад-ин, ки расидӣ, бо иттифок расиди, агар раъйтро таълиф кунӣ, ин бар ту ва бар фарзандони ту бимонад ва агар ситам кунӣ, аз ту бишуд, ва ҷони ту андар ин бишавад... (133).

Боби ҳаштум андар истихрочи ҷаҳор таърих аз якдигар, бидонки таъриххое, ки мустаъмал аст ва ҳама мунаҷҷимон ва аҳли ҳисоб онро истиъмол мекунад. (443).

Сабаби камистеъмолии он шояд дар доираи забони адабии китобӣ маҳдуд монда, дар забони шиғоҳии мардум интишор наёфтани он бошад. Муҳаммад Абдулҳай дар асар ҳамагӣ ду исми мафъули навъи даҳумро истифода бурдааст.

Хулоса, аз омӯзиши забони асар маълум мешавад, ки исми мафъули арабӣ дар «Зайн-ул-ахбор» мавқеи хосаеро ишғол мекунад. Исмҳои мазкур дар гузашта, дар давраи муайяни таърихӣ серистеъмом гардида, ҳоло қисми зиёдашон аз истеъмоли умум баромадаанд.

Гарчанде ин навъи иқтибосот дар забони асар як дараҷа серистеъмом бошад ҳам, дар забони муосири тоҷик дар ивази чунин исми бештар муродифҳои тоҷикишон корбаст мешаванд. Ҳамон қисми исми мафъули арабие боқӣ монданд, ки қобилияти

умумишавӣ доштаанд ва забони тоҷикӣ онҳоро мувофиқи эҳтиёҷоти табиӣ худ дар ифодаи мафҳумҳои гуногун ба кор мебарад.

АДАБИЁТ

1. Айни, С. Ёддоштҳо. Ҷ.1. – Сталинобод: Нашр. Дав. Тоҷ, 1958. – 294 с.
2. Айни С. Куллиёт. Ҷ.2. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 563 с.
3. Бердиева Т. Назарияи иқтибос. – Душанбе: ДДТ, 1991. – 128 с.
4. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М.: ГИС, 1957. – 1187 с.
5. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. – М: Наука, 1972. – 441 с.
6. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.2. – Душанбе: Дониш, 1986.
7. Исаева Ф.А., Муминов Х.К. Грамматикаи мухтасари забони арабӣ. – Душанбе, 1972. – 133 с.
8. Нуров А. Фарҳанги ашъорӣ Рӯдакӣ. Ҷ.1. – Душанбе: Маориф, 1983. – 536 с.
9. Сайидрахмон Сулаймонӣ. Фарҳанги Арабӣ-Тоҷикӣ. – Душанбе: ЭР-граф, 2005. – 1202 с.
10. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1. – М.: Сов. Энцикл., 1969. – 536 с.

۱۱. نور الدين عبد الرحمان الجام. ملا جامی (الفوائد الضيائية) شرح كافية ابن الحاجب هجرين الثالث ۱۳
۱۲. محمد بندرکی. فرهنگ المنجد عربی بفارسی ایران: بیام، جلد اول

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКИХ ОБЪЕКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «ЗАЙН-УЛ-АХБОР»- ГАРДЕЗИ

В настоящей статье автором анализируются особенности употребления арабских объектных существительных в «Зайн-ул-ахбор» Гардези. Подчеркивается, что арабские объектные существительные по своим структурным особенностям подразделяются на 5 групп, каждая из которых в составе предложения выполняет определенную синтаксическую функцию.

На основе многочисленных примеров из текста произведения Гардези доказывается, что в данной книге Употребляются заимствованные в таджикском языке арабские объектные существительные является то, что объектные существительные трехбуквенного типа начинаются с буквами «ميم» и «ا», а нетрехбуквенного типа начинаются с буквами «ميم» и «y».

В автор статьи приходит к выводу, что некоторые объектные существительные употреблены. В персидско – таджикских классических текстах, некоторые другие в той или иной мере функционируют в словарном составе современного таджикского литературного языка.

Ключевые слова: объектные существительные, арабский язык, трехбуквенные, таджикский язык, заимствование, употребительные слова, прямое дополнение, архаизмы, типы дополнений, сравнение, особенности лексемье, нетрехбуквенные глаголы, косвенное обстоятельство.

FEATURES OF ARABIC OBJECT NOUNS IN GARDEZI'S "ZAYN-UL-AHBOR"

In this article, the author analyzes the features of the use of Arabic object nouns in Zayn-ul-ahbor Gardesi. It is emphasized that the Arabic object nouns according to their structural features are divided into 5 groups, each of which as part of the sentence performs a certain syntactic function.

Based on numerous examples from the text, Gardezi's work proves that in this book Tajik object nouns borrowed in Tajik are used, the three-letter type object nouns begin with the letters "mime" and "a", and the non-three-letter type begins with the letters "mime" and "y".

The author of the article concludes that some object nouns are used in the Persian - Tajik classical texts, some others to one degree or another function in the vocabulary of the modern Tajik literary language.

Keywords: object nouns, Arabic, three-letter, Tajik, borrowing, common words, direct complement, archaisms, types of complementary, comparison, lexeme features, non-three-letter verbs, indirect circumstance.

Сведения об авторе:

Тураев Алиджон Худойназарович - соискатель кафедры теории и практики языкознания Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддин Айни. E-mail: alijon2017@mail.ru; тел: (+992) 938770732

About the author:

Turaev Alijon Khudoynazarovich - applicant of the "Theory and Practice of Linguistics" Department of the Tajik State Pedagogical University named after Sadrididdin Aini E-mail: alijon2017@mail.ru; тел: (+992) 938770732

ОМОНИМИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТАДЖИКСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Исследователи-терминологи в первую очередь от термина требуют, что бы он был однозначным. Из этого следует вывод, что в терминологии не желательны такие лексико-семантические явления как синонимия, омонимия и полисемия, но тем не менее наш анализ фонетических терминов таджикского и французского языков установил, что эти явления присутствуют в фонетической терминологии сопоставляемых языках. Обладая сложной структурой значений фонетическая система сопоставляемых языков исследуемых терминов обладают такими явлениями как внутритраслевой так и межотраслевой омонимии. Основа различия между омонимией каждой изучаемой специальной лексемы заключается в особенностях их значения. В явлении омонимии выступают те лексемы, у которых звуковой строй формы тождественны, но имеют разную семантическую структуру.

Процесс исследования лексико-семантических процессов терминов фонетической терминологии данных языков способствовало к расширению наших представлений о данной области знаний и показало нам всю многообразность данных терминологических систем. Терминов следует рассматривать не только как средство коммуникации между специалистами но и как продукта человеческого сознания, так как термины являются передовыми знаками которые выражают информацию о научном мире создаваемые в мысли ученого исследователя. Семантика термина особенно детально исследуется учеными-лингвистами. Отличительный характер проявления семантических процессов в терминологии от общелитературного языка многократно утверждается в научной литературе. На наш взгляд при упорядочении терминологии следует бороться с семантическими процессами внутри определенной области знания. Устранят все их проявления невозможно, так как один и тот же термин может входит в систему разных терминологий, также одновременно выступать в роли общеупотребительного слова.

Наряду с другими семантическими процессами как полисемия, синонимия и антонимия в фонетической терминологии французского и таджикского языков также наблюдается и омонимия. Термины в сопоставляемых языках составлены из общелитературной лексики и как слово они входят в такие отношения как омонимия. В анализируемой терминологии обнаружены и внутренняя омонимия когда, в нашем случае термин кроме фонетики входит и в другие области языкознания, и выражает разумеется разные понятия, и межотраслевая омонимия когда термин кроме выражения фонетических понятий также используются для выражения понятий других наук и областей. Примерами внутренней омонимии могут быть следующие термины французского языка:

«Grave – гравис, задаи мушкил, задаи заиф (гравис, тяжелое ударение, тупое ударение)»: 1) en orthographe, l'accent grave est un signe diacritique indiquant en français, en combinaison avec e (è), la voyelle ouverte [ɛ], dans dès, règlement, ou en combinaison avec a, u, pour distinguer des homonymes (là/la, où/ou) (аксент грав это диакритический знак указывающий во французском языке в комбинации с e (è) на открытый гласный [ɛ] например в словах dès (с), règlement (постановление) или в комбинации с a, u, для обозначения омонимов (là (там)/la (определённый артикл женского рода единственного лица), où (где)/ ou (или))); 2) en phonétique, un son grave est un son dont le spectre acoustique présente une concentration de l'énergie dans les basses fréquences (в фонетике низкий звук это звук который в акустическом спектре представляет сплочение энергии в низких чистотах) [12, с.115];

«Moyen – мобайнй (средний)»: 1) le terme de moyen désigne un stade intermédiaire dans l'évolution d'une langue entre un état dit ancien et un état dit moderne (термин средний обозначает промежуточный период эволюции одного языка между старым и современным); 2) en phonétique, une voyelle moyenne est une voyelle produite avec le dos de la langue s'articulant vers le milieu de la voûte palatine à la limite du palais dur et du palais mou, par opposition aux voyelles antérieures et aux voyelles postérieures (в фонетике средний гласный является гласной произведённой в спинке языка артикулирующий к середине нёбной дуги на краях твёрдого и мягкого нёба, на оппозициях передних и задних гласных); 3) en rhétorique, moyen se dit d'un style tempéré propre aux genres qui excluent la noblesse des sentiments; c'est le style de la satire et de la comédie (в риторике средний обозначает чисто умеренный стиль в жанрах которые исключают возвышенность чувств: это – сатира и комедия); 4) en syntactique, le complément de moyen est le complément prépositionnel indiquant au moyen ou à l'aide de quoi une action est accomplie (в синтаксисе, инструментальным дополнением является предложное дополнение указывающие средство или помощь с чем действие совершилось) [12, с.167];

«Réduction – редуксия, тахфиф (редукция)»: 1) en lexicologie, on appelle réduction la transformation d'un mot en mot plus court par abrègement, аросоре, évolution phonétique, etc (в лексикологии редукцией называют преобразования одного слова в более короткого путём сокращения, опокопой (усечением конечного звука, буквы, слога), фонетического изменения); 2) en phonétique, le terme de réduction désigne la dégradation d'une voyelle en syllabe inaccentuée qui se traduit généralement par la centralisation de la plupart des voyelles inaccentuées, comme en anglais ou dans certains dialectes italiens méridionaux (в

фонетике термин редукция обозначает ослабление гласной в безударном слоге который обычно выражается через централизацию большинство безударных согласных, как в английском или в некоторых южных итальянских диалектах) [12, с.195];

«Voix – садо, овоз (голос)»: 1) en morphologie, la voix est une catégorie grammaticale associée au verbe et à son auxiliaire, et qui indique la relation grammaticale entre le verbe, le sujet ou l'agent et l'objet (в морфологии, залог – это грамматическая категория глагола и его вспомогательных средств указывающая грамматические отношения между глаголом, сюжетом или субъектом действия и объектом); 2) en acoustique, la voix est l'ensemble des ondes sonores produites dans le larynx par la vibration des cordes vocales sous la pression de l'air subglottique (в акустике, голос это система звуковых волн производящие в гортани колебанием голосовых связок под давлением подгортанного воздуха); 3) en phonétique, voix s'emploie comme synonyme de voyelle et de voisement (в фонетике, голос – используется как синоним гласного и голосового звука) [12, с.224];

Межотраслевая омонимия французских терминов:

«Tenue – нигоҳдорӣ, нигоҳ доштан (и) (выдержка)»: 1) la tenue d'un phonème est la seconde phase de son articulation, pendant laquelle les organes phonateurs sont dans une position à peu près stable, propre à l'émission de ce phonème (выдержка фонемы – это вторая фаза артикуляции (произношении) звука, во время которой фонационные органы стоят в почти стабильной позиции, подходящий для передачи (произношения) этой фонемы). 2) Musique. Emission prolongée d'un son (Музыка. Передача долгого (протяжного) звука) [12, с.287];

«Accommodation – аккомодатсия (аккомодация)»: 1) en phonétique, accomodation c'est le synonyme d'assimilation (в фонетике, аккомодация это синоним ассимиляции). 2) Physiol. Aptitude de l'œil à subir des changements, pour assurer une bonne vision (Физиолог. Способность глаза выдерживать изменения, чтобы удостовериться о хорошем зрении). 3) Psycho. Modification des activités mentales (surtout chez l'enfant), en vue de s'adapter au milieu, à des situations nouvelles (Психолог. Модификация умственных (мысленных) упражнений (особенно у детей) с целью адаптирования в среде в новых ситуациях) [12, с.45];

«Spectrographe – спектрограф (спектрограф)»: 1) On appelle spectrographe, un appareil analyseur du son qui permet de décomposer une onde sonore en ses partiels, en les isolant les uns des autres à l'aide de filtres acoustique (спектрографом называется аппарат анализатор звука который позволяет расчленять звуковую волну по частям изолируя их друг от друга с помощью акустического фильтра) 2) Phys. Appareil permettant d'enregistrer un spectre (photographiquement ou par d'autres procédés), après avoir produit et sélectionné des radiations visibles ou invisibles (Физ. Аппарат позволяющий записывать спектр (фотографически (через фотографии) или другими методами) после произведения или отбора видимые или невидимые радиации) [12, с.324];

Примеры внутренней омонимии таджикских фонетических терминов:

«Таркиш – explosion – (взрыв)»: 1) в лингвистике: (фонетике): дар зери фавраи ҳаво якбора кушода шудани монеаи пурра, ки дар натиҷаи ба ҳама расидани узвҳои ғайрифавроли нутқи ташкил гардида буд (мгновенное размыкание под давлением струи воздуха, полной препятствий, образуемой смыканием активного и пассивного артикуляторов); 2) яъне таркиш (то же, что слово эксплозия) [3, с.128-130];

Межотраслевая омонимия таджикских фонетических терминов:

«Асос – base (база)»: 1) в лингвистике: яъне асос (то же, что основа); 2) қисми асосии калима, ки мураккаб аст (основная часть слова со сложной структурой); 3) (в семитологии) маҷмуи ду (се) ҳамаҷаҳо, ки маънои якуми луғавии калима дар он ниҳон аст (совокупность двух или трех согласных, в которых имеется исходное лексическое значение слова); 4) в архитектуре: таҳкурсии бино, сутунҳо (основание сооружения, колонны; «асос» в военном деле: нуктаи таҷағҳои қувваҳои мусалаҳи кишвар дар ҳудуди худ ва берун аз он (опорная точка вооруженных сил страны на своей или чужой территории) [3, с.128-132];

«Кулла – sommet (вершина)»: 1) в математике, географии: аз ҳама боло, қисми болоӣ (самый верх, верхняя часть) 2) в лингвистике (фонетике): ҳолати аз ҳама тезтар, шиддатноктар ва возеҳ ба вучуд овардани талаффуз (наиболее острая, интенсивная и наиболее ясная воспроизводимая стадия произношения);

«Таваққуф/танфис – pause (пауза)»: 1) в музыке: таваққуфи кӯтоҳ дар садодихӣ (краткий перерыв в звучании); 2) в фонетике: таваққуфи муваққатии (таъхир, танаффус, фосила) садодихӣ, ки дар ҷараёни он узвҳои нутқи қабулқунанда ғайроият намеқунанд ва ҷараёни нутқи қатъ мегардад (преходящая остановка (перерыв, приостановка, интервал, задержка) звучания, в процессе которой артикуляторы не артикулируют, и, которая прекращает поток речи);

«Ғузариш – transition (переход)» 1) в строительстве: роҳрав ва ҷойи дигаре, ки як хонаро ба хонаи дигар пайваст мекунад (галерея, коридор или другое место, объединяющее одно помещение с остальным); 2) в фонетике: 1) тағйирёбии маънои узвҳои нутқи, ки баъдан сабаби ивазшавии талаффуз

ва ё ҳолати ором ва ғаъолият мегардад (тавлиди овозҳо) (модификация положения артикуляторов, определяемая последовательной заменой артикуляций или сменой состояний покоя и деятельности (формирования звуков); 2) «гузариш (переход)» тағйири овоз дар чараёни рушди забон (модификация звука в ходе развития языка; 3) гирифтани баъзе хусусиятҳои семантикӣ-синтаксисии ҳиссаҳои мазкури нутқ, ки ба дигар ҳиссаҳои нутқ хос аст (получение некоторыми членами данной части речи семантико-синтаксических свойств, присущих для остальных частей речи) [3, с.128-133].

Фонетические термины французского языка «Réduction – редукция, тахфиф (редукция)», «Tenue – нигоҳдорӣ, нигоҳ доштан (и) (выдержка)», «Accommodation – аккомодатсия (аккомодация)», «Spectrographe – спектрограф (спектограф)», «Voix – садо, овоз (голос)» и «Moуен – мобайнӣ (средний)» имеющие эквивалентов в таджикском языке как и таджикские термины «Гузариш – transition (переход)», «Таваққуф/танфис – pause (пауза)», «Кулла – sommet (вершина)», «Таркиш – explosion – (взрыв)» и «Асос – base (база)» имеющие французские эквиваленты в обоих языках имеют омонимичные значения. Французский термин «Grave – гравис, задаи мушқил, задаи заиф (гравис, тяжелое ударение, тупое ударение)» не имеет таджикского эквивалента.

Во французском корпусе обнаружено 15 термина с внутренней и межотраслевой признаков омонимии, что составляет 17 % от всего массива рассматриваемых терминов. Таджикские термины составляют 12% от всего массива рассматриваемых терминов. В фонетической терминологии таджикского и французского языков межнаучная омонимия имеет более распространенный характер. Она функционирует наличием двух свойственной ей признаками, так: закреплением за терминами разных определений и способностью терминов-омонимов входить и вращаться в разных терминосистемах. По итогам анализа фонетической терминологии наблюдается, что количество зарегистрированных явлений омонимии в терминологии фонетики слишком мало.

Следовательно, такое семантическое явление как омонимия в фонетической терминологии сопоставляемых языков не имеет достаточным продуктивным и образовательным свойствами и не может выступать в качестве средства формирования новых терминов в области фонетической лексики. Таким образом в сопоставляемых языках явление омонимии зафиксировано, причем обоим языкам свойственна и внутренняя и межотраслевая омонимия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова. О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Блинова О. И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 28-37.
3. Джаматов. С. Становление и развитие лингвистической терминологии таджикского и английского языков. – Душанбе: Дониш, 2017. – 412 с.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
5. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
6. Лотте. Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 159 с.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
8. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева. – М.: Иноиздат, 1960. – 436 с.
9. Суперанская А.В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
10. Хаскашов. Т. Фонетика таджикского современного литературного языка / Т. Хаскашов. – Душанбе: Просвещение, 1989. – 200 с.
11. Шигоревская. Н.А. Теоретическая фонетика французского языка. – М.: Высшая школа, 1982. – 271 с.
12. Dubois J. Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. – Paris: Larousse, 1994. – 516 p.

ОМОНИМИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТАДЖИКСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

В данной статье рассматривается омонимия фонетических терминов таджикского и французского языков как один из видов лексико-семантических процессов, необходимых для построения терминосистемы предметной области «фонетика». Обладая сложной структурой значений фонетическая система сопоставляемых языков исследуемых терминов обладают такими явлениями как внутриотраслевой так и межотраслевой омонимии. Основа различия между омонимией каждой изучаемой специальной лексемы заключается в особенностях их значениях. В явлении омонимии выступают те лексемы, у которых звуковой строй формы тождественны, но имеют разную семантическую структуру. Из всего объема рассматриваемых терминов материал показывает, что во французском корпусе обнаружено 15 термина с внутренней и межотраслевой признаков омонимии, что составляет 17 % от всего массива рассматриваемых терминов. Таджикские термины составляют 12% от всего массива рассматриваемых терминов. В фонетической терминологии таджикского и французского языков межнаучная омонимия имеет

более распространённый характер. Она функционирует наличием двух свойственной ей признаками, так: закреплением за терминами разных определений и способностью терминов-омонимов входить и вращаться в разных терминосистемах.

Ключевые слова: язык, таджикский язык, французский язык, термин, терминология, терминосистема, омонимия, внутриотраслевая омонимия, фонетика, фонетические термины, фонетическая терминология, явление, сопоставление, различие, лексико-семантические процессы, стилистические функции, межнаучная омонимия.

HOMONYMY IN THE PHONETIC TERMINOLOGY OF THE TAJIK AND FRENCH LANGUAGES

This article discusses the homonymy of the phonetic terms of the Tajik and French languages as one of the types of lexico-semantic processes necessary for constructing the term-system of the subject area "phonetics". Having a complex structure of meanings, the phonetic system of the studied terms in comparing languages have such phenomena as intrasectoral and intersectoral homonymy. The basis of the distinction between the homonymy of each studied special lexeme lies in the peculiarities of their meanings. In the phenomenon of homonymy, those lexemes appear in which the sound structure of the form is identical, but have a different semantic structure. From the total volume of the considered terms, the material shows that 15 terms with intra- and intersectoral signs of homonymy were found in the French corpus, which makes up 17% of the whole array of the considered terms. Tajik terms make up 12% of the total array of the terms. In the phonetic terminology of the Tajik and French languages, interscientific homonymy is more common. It functions by the presence of two features peculiar to it, like this: by assigning different definitions to the terms and the ability of the homonyms to enter and vary in different terminology systems.

Keywords: language, Tajik language, French, term, terminology, terminology, homonymy, intrasectoral homonymy, phonetics, phonetic terms, phonetic terminology, phenomenon, comparison, distinction, lexical-semantic processes, stylistic functions, inter-scientific homonymy.

Сведения об авторе:

Ганиева Мохира Ахмаджоновна - соискатель кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета им. Садритдина Айни, тел.: (+992) 934458663, электронная почта gmohira719@gmail.com.

About the author:

Ganieva Mohira Ahmadjonovna - researcher in the Department of Linguistics and Comparative Typology, Tajik State Pedagogical University named after Sadridin Aini, tel.: (+992) 934458663, E-mail: gmohira719@gmail.com.

МОНАНДИ ВА ГУНОГУНИИ ВОҲИДҲОИ ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАБОНҲОИ ТОЧИКӢ ВА ФАРОНСАВӢ (ДАР ЗАМИНАИ РОМАНИ "ДУХТАРИ ОТАШ"-И ҶАЛОЛ ИКРОМӢ)

Бойматова Д.М.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Маълум аст, ки воҳидҳои фразеологӣ фасеҳтарин василаи ифодаи ҳар як забон мебошанд. Онҳо бо обурангию муассирии худ фарқ мекунанд. Воҳидҳои фразеологӣ усули тафаккур ва фарҳанги ҳар халқро дар худ таҷассум мекунанд. Бояд қайд намуд, ки мақсади аввалиндарҷаи воҳидҳои фразеологӣ ин баён намудани маълумот мебошад. Аз ин нуктаи назар бар меояд, ки бо тарҷумаи воҳидҳои фразеологӣ танҳо забоншиносон ва мутарҷимони бехтарин метавон сару қор дошт. Равияи мазкури забоншиносӣ дар илми тарҷума нақши муҳим мебошад. Нависанда будан ин эҷод аст, вале эҷод дар асоси эҳсос ба вучуд меояд, воҳидҳои фразеологӣ бошанд ба нависанда барои баён қардани эҳсосоти ҳисқардаи худ дар қоғаз кӯмак мерасонад, бе воҳидҳои фразеологӣ нависанда ба навистан ва тарҷумон бошад ба тарҷума қардани асар қобил нест.

Фразеологияи муқоисавӣ – як қисми ояндадор ва зуд тараққиёбандаи илми фразеология буда, ба омӯзиши фразеологияи ду ва зиёда забонҳо бо мақсади ошқор қардани асоси мувофиқат ва тафовут миёни онҳо равона шудааст. Доираи таҳқиқи ин бахш мунтазам васеъ гардида, бештари забонҳо мавриди муқоиса қарор мегиранд. Б.А.Серебренников ба аҳамияти методи омӯзиши забонҳои муқоисавӣ-типологӣ ишора қарда, чунин қайд намудааст:

«Омӯзиши таъсири мутақобила яке аз масъалаҳои муҳимми илми забоншиносӣ ба ҳисоб меравад. Муҳимияти ин масъала боиси таъсири мутақобилаи забонҳои қомилан факти амалӣ ва воқеии ҳақиқат аст, ки онро илми забоншиносӣ меомӯзад». [4, с.6]

Дар мақолаи мазкур масъалаи баррасии монандӣ ва гуногунии воҳидҳои фразеологияи

забонҳои тоҷикӣ ва фаронсавӣ дар намунаи романи «Духтари оташ»-и Чалол Иқромӣ мавриди баррасӣ қарор дода мешавад. Чалол Иқромӣ дар роман аз ганҷинаи забони халқ ибора ва ифодаҳои машхурро интихоб намуда, вобаста ба тасвири ҳодисаҳои воқеӣ, амалиёти қаҳрамонҳо чун воситаи босазои тасвир истифода менамояд. Ин гуна ибораҳо асосан дар ҳамаи шакли тайёр ва дар забон маъмули худ истифода бурда шудаанд. Бояд гуфт, ки дар романи «Духтари оташ»-и Чалол Иқромӣ ҳамаи навъи воҳидҳои фразеологӣ, яъне ҳам ибораҳои рехтаи фразеологӣ ё идиомаҳо, ҳам ифодаҳои фразеологӣ ё фраземаҳо ва ҳам ибораҳои тасвирии фразеологӣ ё фразеологизмҳои ғайри идиоматикӣ ба мушоҳида мерасанд. Вале бояд қайд намуд, ки тарҷумани воҳидҳои фразеологӣ аз як забон ба забони дигар мушқилоти зиёд ба бор меорад. Бинобар ин, ҳангоми ба забони фаронсавӣ тарҷума шудани романи «Духтари оташ» мутарҷим ҳангоми тарҷумани воҳидҳои фразеологӣ гоҳе ба тарҷумани хуб ва муодилебӣ муваффақ шуда, гоҳе камтар муваффақ гардидааст ва гоҳе тамоман аз тарҷумани воҳидҳои фразеологӣ сарфи назар кардааст. Мақсади асосии тарҷумани воҳидҳои фразеологӣ дар он аст, ки тарҷумон ҳангоми тарҷума фасоҳати воҳиди фразеологиро гум накарда, маънои онро ба ҳонанда ва ё шунаванда расонда тавонад. Дар тадқиқоти мазкур дар натиҷаи таҳлили муқоисавии воҳидҳои фразеологӣ романи «Духтари оташ»-и Чалол Иқромӣ мо тарҷумани фаронсавии воҳидҳои фразеологӣ романи мазкурро ба се қисмат тақсим намудаем;

А) ҳаммаъноии воҳидҳои фразеологӣ тоҷикӣ дар забони фаронсавӣ;

Б) тарҷумани воҳидҳои фразеологӣ тоҷикӣ ба забони фаронсавӣ аз рӯи маъно;

В) тарҷумани таҳтуллафзӣи воҳидҳои фразеологӣ тоҷикӣ ба забони фаронсавӣ;

Барои исботи гуфтаҳои боло дар зер намунаҳо оварда мешавад.

Дар мисоли зерин нависанда воҳиди фразеологӣ «то шамол набошад, шохи дарахт намечунбад»-ро истифода бурдааст, ки дар Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик чунин «ҳеч чиз бе сабаб намешавад, ҳар як гап, кор сабабе дорад» [6, с.430] маънидод карда шудааст.

«— Камалиддин тангдил шуда буд, - Модоме ки барг мечунбад, пас шамол ҳаст». [2, с.422]

Тарҷумани фаронсавӣ:

«— Que devons-nous faire? interrompit Kamoleddine avec impatience. Je suis sûr que ces bruits ont un fondement. Il n'y a pas de fume sans feu. Il faut se hâter d'éteindre ce feu». [8, с.485]

Воҳиди фразеологӣ дар боло зикршуда ба забони фаронсавӣ чунин «il n'y a pas de fumée sans feu», яъне «дуд бе оташ намешавад» тарҷума шудааст. Дар забони тоҷикӣ низ воҳидҳои фразеологӣ «момоме ки барг мечунбад, пас шамол ҳаст» ё ки «то шамол набошад, шохи дарахт намечунбад» ва «оташ бе дуд намешавад» мавҷуд ҳастанд, ки онҳо ҳаммаъно мебошанд, яъне тавре дар боло қайд намудем маъноии «ҳеч чиз бе сабаб намешавад»-ро дорад.

Мисоли дигар:

«— Обро лой карда, моҳиро доштан меҳоянд. Як дӯғу ғазаб карда, халқро мешӯронанду амиро метарсонанд». [2, с.344]

Дар мисоли боло нависанда воҳиди фразеологӣ «обро лой карда моҳӣ гирифтани (доштан)»-ро истифода бурдааст, ки маъноии «дар байни қасон низоъ ва иштибоҳ андохта, аз он фоида бурдан; бо роҳи фиреб ба мақсади худ муваффақ шудан» [5, с.747]-ро дорад.

Тарҷумани фаронсавӣ:

«— Vous verrez! On veut jeter de la poudre aux yeux... On fait du bruit, on éveille les passions, on fait peur à l'émir, et c'est ce qu'il leur faut!» [8, с.407]

Воҳиди фразеологӣ «обро лой карда моҳӣ доштан» ба забони фаронсавӣ чунин «jeter de la poudre aux yeux» тарҷума шудааст. Воҳиди фразеологӣ фаронсавӣ «jeter de la poudre aux yeux» айнан ба маъноии бо роҳи фиреб ба мақсади худ муваффақ шудан истифода бурда мешавад. Метавон гуфт, ки мутарҷим аз ӯҳдаи ёфтани ҳаммаъноии воҳиди фразеологӣ «обро лой карда моҳӣ доштан» дар забони фаронсавӣ баромадааст.

Мисол:

«— Поёни шаби сияҳ сафед аст! — гуфт Ҳайдаркул як навъе карда ба забони туркӣ». [2, с. 395]

Дар мисоли мазкур мақоли «поёни шаби сияҳ сафед аст» истифода шудааст.

Тарҷумани фаронсавӣ:

«— Après la nuit vient le jour, fit Khaïdarkoul. Pour nous aussi, l'aube viendra!». [8, с.461]

Дар тарҷумани фаронсавии мақоли тоҷикӣ «après la nuit vient le jour», яъне «баъд аз шаб рӯз меояд» тарҷума шудааст. Ҳангоми тарҷума тарҷумон шабро ба ранги сиёҳ ва рӯзро ба ранги сафед киёс кардааст. Тарҷумани фаронсавӣ метавонад маъноии мақоли тоҷикии «поёни шаби сияҳ сафед аст»-ро ифода кунад.

Дар забони фаронсавӣ мақоли «Après la pluie le beau temps» [7, с.8] (тарҷумани таҳтуллафзӣ – баъд аз борон ҳаво хуб аст) – ро мушоҳида кардан мумкин аст, ки ҳаммаъноии мақоли тоҷикии

«Поёни шаби сиях сафед аст» мебошад.

Мисол:

«Шиорашон ҳамин, ки «Ҳам лаъл ба даст ояду ҳам ёр наранчад!» [2, с.404]

Дар мисоли зикршуда зарбулмасали «ҳам лаъл ба даст ояду ҳам ёр наранчад» истифода шудааст, ки дар Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик чунин маънидод карда шудааст: «ҳам мурод ҳосил шавад ва ҳам каси дигаре озор набинад». [6, с.576]

Тарҷумаи фаронсавӣ:

«Ils veulent ménager la chèvre et le chou». [8, с.467]

Зарбулмасали тоҷикии «ҳам лаъл ба даст ояду ҳам ёр наранчад» ба забони фаронсавӣ чунин «ménager la chèvre et le chou» (тарҷумаи тахтуллафзӣ – буз ва карамро нигоҳ доштан) тарҷума шудааст. Дар натиҷаи таҳқиқоти худ метавон гуфт, ки тарҷумон дарҳақиқат пайдо намудани ҳаммаъноӣ зарбулмасали тоҷикиро дар забони фаронсавӣ ба муваффақият ноил гардидааст.

Мисол:

«Чӯраҳо як қад парида шах шуда монданд». [2, с.151]

Дар як ҷумла омадани ду ва ё зиёда ибораҳои фразеологӣ ҳамчун ифодаҳои тайёр ва ҷилодиҳандаи забон дида мешавад. Дар ҷумлаи дар боло буда ду воҳиди фразеологӣ истифода бурда шудааст, яъне «як қад паридан» ва «шах шуда монданд». Воҳиди фразеологӣ «як қад паридан» дар Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик чунин маънидод карда шудааст «аз ходисаи ногаҳоние саҳт тарсидан» [6, с.500] ва воҳиди фразеологӣ «шах шуда монданд» бошад маъноӣ «саҳт ҳайрон, гаранг шудан, аз ҳаяҷон ҷӣ кор кардани худро надоништа мондан; карахт шуда мондан» [6, с.500] -ро дорад.

Тарҷумаи фаронсавӣ:

«Les amis du jeune marié s'arrêtèrent stupéfaits» [8, с.184], яъне рафиқони домоди ҷавон ҳайрон истода монданд тарҷума шудааст. Тавре мебинем, дар тарҷумаи фаронсавӣ ҷумлаи тоҷикӣ воҳидҳои фразеологӣ «як қад паридан» ё ки «шах шуда мондан ба назар намерасад». Аз ин гуфтаҳо бар меояд ки дар тарҷумаи мазкур мутарҷим воҳиди фразеологӣ мазкурро аз рӯи маъно, яъне ҳайрон шудан тарҷума кардааст.

Мисоли дигар:

«Ҳар як садо, ҳар як ҳаракат ба вай таъсир мекард, ўро як қад мепаронд». [2, с.51.]

Дар ҷумлаи дар боло гуфташуда воҳиди фразеологӣ «ўро як қад мепаронд» истифода шудааст. Ба нисбати воҳиди фразеологӣ «касоро як қад парондан» чунин тавсиф дода шудааст, яъне касоро нохост тарсондан. Дар натиҷаи таҳқиқот мо ба хулоса омадем, ки ҷумла ва воҳиди фразеологӣ тоҷикии зикршуда ба забони тоҷикӣ тарҷума нашудаанд.

Бояд зикр намуд, ки нависандаи санъаткор вобаста ба нияту услуби дар ин ё он асари пешгирифтаи худ воҳидҳои фразеологӣ ва зарбулмасалу мақолҳоро моҳирона истифода мебарад ва дар шакли навъу маъноӣ нав ба хонанда ба пешкаш менамояд. Истифодаи воҳидҳои фразеологӣ дар асарҳои бадеӣ ба қобилияти нависанда вобаста аст ва ба воситаи онҳо нависанда қувваи эмотсионалӣ ва бадеияти сухани асари худро таъйир медиҳад.

Дар мисолҳои зерин мутарҷим воҳидҳои фразеологӣ «чашм дар роҳ будан», «чашм доштан», «дар роҳи касе чашм дӯхтан»-ро ба маъноӣ интизорӣ кашидан истифода бурдааст.

Мисол:

«—Хайрият омадед, гардам, оим, — гуфт кайвонии кекса ҳамирро мушт карда шуда, — ба шумо чашм дар роҳ шуда мондем». [2, с.21]

Воҳиди фразеологӣ «чашм дар роҳ будан» дар Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик чунин маънидод карда шудааст «ба омадани касе интизор будан, нигарони касе будан». [6, 372 с.]

Тарҷумаи фаронсавӣ:

«— Vous avez eu raison de venir, ma chère, lui dit la cuisinière en pétrissant la pâte, nous vous attendions». [8, 24 с.]

Воҳиди фразеологӣ «чашм дар роҳ будан» чунин «nous vous attendions», яъне мо шуморо интизор мешудем тарҷума шудааст.

Мисоли дигаре, ки дар он воҳиди фразеологӣ «чашм дар роҳ будан» истифода шудааст:

«Миршаб дар меҳмонхонаи худ ҳақиқатан ба вай чашм дар роҳ буд». [2, с.249]

Маъноӣ воҳиди фразеологӣ «чашм дар роҳ будан»-ро мо аллақай дар боло гуфта гузаштем.

Тарҷумаи франсавӣ:

«Le mirchab attendait Moukharramma avec impatience». [8, с.298]

Воҳиди фразеологӣ «чашм дар роҳ буд» ба забони франсавӣ аз рӯи маъно, яъне «Миршаб Мухаррамро бесаброна интизор буд» тарҷума шудааст. Дар тарҷумаи воҳиди фразеологӣ мазкур метавон гуфт, ки тарҷумаон ба муваффақият ноил гаштааст.

Мисоли дигар:

«Дар осмон касе набуд, ки он тангаю тиллохоро чинад, лекин дар замин, дар хавлӣ ва бурени хавлии Оллоёр-би одами бисёре, бача качаи бешуморе чамъ шуда буданд ва хама омадани домодро чашм дошт». [2, с.144]

Дар мисоли зикр шуда воҳиди фразеологии «чашм доштан» истифода бурда шудааст. Воҳиди фразеологии «чашм доштан» чунин маънидод карда мешавад: интизор будан, нигарон шудан; умедвор будан, дар мадди назар доштан. [6, с.374] Таҳқиқотҳои мо нишон дод, ки воҳидҳои фразеологӣ ва ҳатто чумлаи фавку зикр ба забони фаронсавӣ тарҷума нашудаанд.

Чӣ тавре дар боло қайд карда гузаштем дар тарҷумаи фаронсавии романи «Духтари оташ»-и Чалол Икромӣ мутарчими фаронсавӣ аксарияти воҳидҳои фразеологиро тарҷумаи таҳтуллафзӣ кардааст. Барои исботи ин гуфтаҳо дар зер баъзе ибораҳои мушоҳида менамоем, ки тарҷумаи таҳтуллафзӣ шудаанд.

Мисол:

«— Ту, оқсақол, ҳанӯз ба собуни ман чомашӯӣ накардаӣ! — гуфт вай таҳдидомезона». [2, 132 с.]

Дар чумлаи зикршуда воҳиди фразеологии «ҳанӯз ба собуни ман чомашӯӣ накардаӣ» истифода бурда шудааст, ки маъноӣ «қувваи касеро наозмудан, аз дасти касе чиҳо омаданаширо надонистан, чӣ будани касеро надонистан»-ро дорад [6, с.106].

Тарҷумаи фаронсавӣ:

«— Aksakal, tu n'as pas encore nettoyé ton linge avec mon savon, alors que sais-tu de moi?» [8, с.160]

Дар тарҷумаи фаронсавӣ воҳиди фразеологии «ҳанӯз ба собуни ман чомашӯӣ накардаӣ» ҳамчун «tu n'as pas encore nettoyé ton linge avec mon savon» яъне «ту ҳоло бо собуни ман либосатро нашустӣ» тарҷумаи таҳтуллафзӣ шудааст. Шояд барои ба хонанда фаҳмо шудани тарҷума мутарҷим чунин илова кардааст «alors que sais-tu de moi», яъне «пас ту дар бораи ман чиро медонӣ». Дар инҷо маъноӣ аслии воҳиди фразеологии «ҳанӯз ба собуни ман чомашӯӣ накардаӣ»-ро дарёфт кардан мумкин аст.

Мисоли дигар:

«Буз дар ғами чон, қассоб дар ғами чарбу» мегӯянд, рост аст. [2, с.8]

Дар чумлаи фавкузикр зарбулмасали «буз дар ғами чон, қассоб дар ғами чарбу» истифода шудааст, ки маъноӣ «ҳар кас дар бораи манфиати худ фикр мекунад»-ро дорад ва ба забони фаронсавӣ чунин тарҷума шудааст:

«On dit: «La chèvre se soucie de vivre, le boucher se soucie d'avoir du lard» et c'est vrai». [8, с.10]

Дар натиҷаи таҳқиқотҳо мо гувоҳи он гаштем, ки зарбулмасали дар боло зикршуда ба забони фаронсавӣ айнан «La chèvre se soucie de vivre, le boucher se soucie d'avoir du lard», яъне «буз дар бораи зиндагӣ кардан, қассоб дар бораи ба даст овардани чарбу фикр мекунад» тарҷума шудааст, Метавон гуфт, ки дар инҷо зарбулмасали тоҷикии фавкузикр ба забони фаронсавӣ айнан, яъне тарҷумаи таҳтуллафзӣ шудааст.

Нависандаи эҷодкор ба воситаи зарбулмасалу мақолҳо ҷаҳонбинӣ ва хусусиятҳои характерноки қаҳрамонҳои асарро тасвир мекунад. Аз чумла зарбулмасалҳои «буз дар ғами чон, қассоб дар ғами чарбу» ва «ҳар ки ба фикри хеш аст, кӯса ба фикри риш аст» бо ҳамдигар муродиф мебошанд ва як маъно, яъне «ҳар кас пеш аз ҳама ғами худро меҳӯрад, ҳар кас орзу ва эҳтиёҷи худро пеш меронад» [6, с.587 с.] -ро ифода мекунад.

«Ҳар кӣ ба фикри хеш аст, кӯса ба фикри риш аст! мегӯянд, аммо ин оқсақоли кӯса ҳоло ба фикри риши худ ҳам набуд, ҳоло фикру ҳаёли ӯро Дилором-кампир ва набераи ӯ ба худ кашида буданд». [2, с.8]

Нависанда дар романи «Духтари оташ» зарбулмасалҳои «буз дар ғами чон, қассоб дар ғами чарбу» ва «ҳар кӣ ба фикри хеш аст, кӯса ба фикри риш аст»-ро барои ифода кардани характери як қаҳрамони асар яъне оқсақол истифода кардааст, ки дар фикри манфиати худ аст. Чумлаи мазкур ба забони фаронсавӣ тарҷума нашудааст.

Мисол:

«— Дам! — гуфт Мухаррами Ғарч ба таври чиддӣ. — Деворҳо муш доранд, мушҳо гӯш!» [2, с.310]

Дар мисоли фавкузикр воҳиди фразеологии «деворҳо муш доранд, мушҳо гӯш» ба назар мерасад, ки маъноӣ «бо эҳтиёт шудан даркор, сирре, суханеро бояд бо эҳтиёт гуфт, ки касе

шунда фош накунад» истифода бурда мешавад. [5, 346]

Тарчумаи фаронсавӣ:

«— Doucement! Et Moukharrama regarda d'un air significatif. Derrière ce mur il y a des souris et les souris ont des oreilles!». [8, с.372]

Воҳиди фразеологии «деворҳо муш доранд, мушҳо гӯш» ба забони фаронсавӣ чунин «derrière ce mur il y a des souris et les souris ont des oreilles», яъне «дар пушти ин девор мушҳо ҳастанд ва мушҳо гӯшҳо доранд» тарчума шудааст. Чӣ тавре мебинем воҳиди фразеологии зикршуда айнан тарчума шудааст. Ҳангоми тадқиқоти худ мо гувоҳи он гаштем, дар забони фаронсавӣ низ воҳиди фразеологии «les murs ont des oreilles» [9, с.39] мавҷуд буда, маънои «on peut être surveillé, épié sans qu'on s'en doute», яъне «эҳтимол дар зер нозорат будан ё ки таъқиб будан»-ро дорад.

Ҳосили сухан, пас аз таҳлили муқоисавии масъалаи баррасии монандӣ ва гуногунии воҳидҳои фразеологии забонҳои тоҷикӣ ва фаронсавӣ дар намунаи романи «Духтари оташ»-и Ҷалол Иқромӣ мо ба хулосае омадем, дар тарчумаи романи «Духтари оташ»-и Ҷалол Иқромӣ тарҷумони фаронсавии романи мазкур Антуанет Маззи Копиргт ба тарчумаи воҳидҳои фразеологӣ таваҷҷуҳи хос зоҳир карда, кӯшиш ба ҳарч додааст, ки то андозае ба тарчумаи саҳеҳи воҳидҳои фразеологӣ асари номбурда муваффақ шавад. Дар тарчумаи фаронсавии романи «Духтари оташ»-и Ҷалол Иқромӣ баъзе воҳидҳои фразеологӣ ба забони фаронсавӣ ба таври бадеӣ, вобаста ба маъно ва баъзеи онҳо айнан, яъне таҳтуллафзӣ тарчума шудаанд. Дар баробари ин, дар баъзе мавридҳо тарчумаи воҳидҳои фразеологӣ сарфи назар шудааст.

АДАБИЁТ

1. Забони адабии ҳозираи тоҷик (Лексикология, фонетика ва морфология). Қисми 1. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 451 с.
2. Иқромӣ Ҷалол. Духтари оташ / Ҷ. Иқромӣ. – Душанбе: Адиб, 2009. – 560 с.
3. Мачидов Ҳ. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик / Ҳ. Мачидов – Душанбе: 1982. -103 с.
4. Серебренников Б.А. О недостатках сравнительно – исторического метода в языкознании / Б.А.Серебренников. Изв.АН СССР, ОЛЯ. - 1950. №3. – С. 6 – 13.
5. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). / М. Фозилов Ҷилди I – Душанбе: 1963. – 952 с.
6. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ) / М. Фозилов. Ҷилди II. – Душанбе: Ирфон, 1964. – 804 с.
7. Florence Montreynaud, Agnès Pierron, François Suzzoni. Le Robert. Dictionnaire de proverbes et dictons // Montreynaud Florence, Pierron Agnès, Suzonni François. – Italie.: La Tipografica Varese Srl, 2015. – 491 p.
8. Ikromi Djolol. La fille du feu / Dj. Ikromi. -U.R.S.S: Editions du progrès, 1966. – 622 p.
9. Sylvia Impal / De bouche à oreilles. Recueil d'expressions idiomatiques / Impal Sylvia. – Paris, Juin 2009. – 52 p.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТАДЖИКСКОГО И ФРАНЦУЗКОГО ЯЗЫКОВ (НА ОСНОВЕ РОМАНА «ДОЧЬ ОГНЯ» ДЖАЛОЛА ИКРАМИ)

В данной статье рассматриваются сходство и различие фразеологических единиц таджикского и французского языков на основе романа «Дочь огня» Джалола Икрами. Мы постарались привести примеры из романа «Дочь огня» и анализировать их с точки зрения эквивалентности фразеологических единиц таджикского и французского языков, перевод фразеологических единиц таджикского языка на французский язык по смыслу и дословный перевод фразеологических единиц таджикского языка на французский язык.

Ключевые слова: фразеологических единиц, эквивалент, сходство и различие фразеологических единиц, анализ.

THE SIMILARITY AND DIFFERENCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE TAJIK AND FRENCH LANGUAGES (BASED ON THE NOVEL “DAUGHTER OF FIRE” BY JALOL IKRAMI)

This article discusses the similarities and differences of the phraseological units of the Tajik and French languages based on the novel “Daughter of Fire” by Jalol Ikrami. We tried to give examples from the novel “Daughter of Fire” and analyze them from the point of view of equivalence of phraseological units of the Tajik and French languages, translate the phraseological units of the Tajik language into French within the meaning and literal translation of the phraseological units of the Tajik language into French.

Keywords: phraseological units, equivalent, similarity and difference of phraseological units, analyse.

Сведения об авторе:

Бойматова Д.М. - ассистент кафедры французского языка Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айни, Тел: (+992) 988-53-05-56. E-mail: charmant.2011@mail.ru

About the autor:

Boymatova D.M. - assistan of departmente of franche language Tajik State Pedagogical University after named Sadridin Ayni, (+992) 988-53-05-56. E-mail: charmant.2011@mail.ru

РОҶҶОИ КОРБУРДИ ФЕЪЛҶОИ МАҶОЗИИ МАРБУТИ ШИНОВАРӢ ДАР ЗАБОНҶОИ ТОҶИКӢ, РУСӢ ВА АНГЛИСӢ

Холиқов А.Ю.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ калимаҳои марбути *шиноварӣ* на танҳо ба маънои асли, балки ба маънои маҷозии низ зиёд мавриди истифода фаро мегиранд. Шоирон, навистандагон ин мафҳуми ташбеҳии забонро дар шеърҳо, ғазалҳо, рубои, мисраъ, асарҳои мансур ва инчунин дар зарбулмасалу мақолҳо вожагони марбут ба «*шиноварӣ, оббозӣ, гута задан, мавҷи об, киштисаворӣ* ва ғ.»-ро бағоят зиёд истифода намудаанд, ки ин ҳам бошад дар осори эшон назаррас мебошад.

Мисол: Гар шиновар нести пой бар лаби дарё манех.

Дар ин мақоли халқи маъноии *шиноварӣ* на танҳо марбути *оббозӣ намудан*, балки дар муаммоҳои дигари забонӣ ба маъноии маҷозии калимаи ташбеҳ ва ё киноя ба қор бурда мешавад. Ҳарчанд ки дар забони русӣ феълҳои ҳаракаткунанда дар об ду маъниро ба худ касб кардаанд: [1, с.276]: «*плыть – плавать – шино кардан, шиноварӣ, оббозӣ*», дар истифода ба маъноии асли ва ё маҷоз хело ҳам зиёд қорбаст шудаанд.

Мисол: облака плывут – абрҳо шино мекунад, (В.Егоров песня «Облака») ё ин ки солнце – офтоб, луна – моҳтоб, дым плывёт – дуд шино мекунад.

Аз ин мисолҳои фавқ бар меояд, ки дар забони русӣ низ феълҳои ҳаракаткунанда дар вожаи об «*плавать – оббозӣ кардан ё плыть – шино намудан*» на танҳо ҳаракати исмҳои ҷондор ва бечонро дар дохили «об», балки ба маъноии маҷозӣ, ки ба вожаҳои *осмон, абр, ситораҳо, моҳтоб, дуд* ва ғ. ташбеҳ медиҳанд, мавриди истифода қарор додан зарур меояд. Ба ин монанд дар забони русӣ мақолҳои зиёде ба назар мерасанд, ки калимаи «*плавать – шино кардан*» ба монанди забони тоҷикӣ маъноии асли худро дигар намуда, амалеро мефаҳмонад, ки табиати ҳаёти инсонро ифода менамояд.

Мисол: Не идти в воду, пока не научится плавать – Гар шиновар нести пой бар лаби дарё манех [4, с.996]

Дар инҷо маълум мешавад, ки дар забонҳои муқоисашанда зарбулмасали дар боло оварда шуда, ба ҳамдигар шабоҳати наздик доранд. Мо метавонем мисолҳои овардашударо ҳам дар забони тоҷикӣ «*Гар шиновар нести пой бар лаби дарё манех*», ба маъноии асли худ истифода бурда, ҳамчун маслиҳат ба шахси шунаванда бирасонем, то ки дарки маънии гӯяндаро ба худ савқ намояд. Ба маъноии маҷозии бошад метавонд ба амсоли «*Коре ки аз дастат намеояд нақун ва г.*» истифода шавад. Дар забони русӣ низ чунин ба назар мерасад. Метавон ҳамчун маслиҳат истифода намуд, ки дар дигар ҳолат бошад, амалеро шабоҳат медиҳад, амсоли:

В наше время многие политики имеют обыкновение с апломбом рассуждать о том, будто народ не заслуживает свободы до тех пор, пока не научится его пользоваться. Это умозаключение сделало бы честь дураку из старой сказки, который решил не идти в воду, пока не научится плавать.

Дар замони мо бисёре аз сиёсатмадорон, бо кибру гурур аз он суҳан менамоянд, ки гуё одамоне сазовори озоди нестанд, то он даме ки чихел истифода бурдани онро ба худ писанд донанд. Ин хулосабарорӣ аз афсонаи қуҳнае, ки ба мақсади фиреб намудан, ба мисоли, ба назди об нарав, то даме ки шино карданро наомӯрӣ [4, с.996].

Бояд тазакур дод, ки аз мисоли фавқ бармеояд, ки калимаи «*шино кардан – плавать*» - ро на танҳо барои феълҳои ҳаракаткунанда дар об ё ин ки ҳаво ба монанди *офтоб, моҳтоб, абр, абри сиёҳ, туман ва г.* балки дар шеър зарбулмасал, мақолҳову масалҳо истифода намудан мумкин аст. Дар афоризми дар боло омада ба хонанда мефаҳмонад, ки «*коре ки хоси ту нест, ба он ҳамроҳ машав*» ё ба мисоли дигар «*амале, ки ба ту мутааллиқ нест, ба он даст мазан*».

Чихеле ки ба мо аён аст, дар забони англисӣ феълҳои ҳаракаткунанда дар об аз забонҳои

точикӣ ва русӣ дида зиёдтар ба чашим мерасад, чунки таркиби лугавии ин забони пургановат аз ингуна возжағони ҳамшабеху талмехнок бою ганӣ аст. Аз ин лиҳоз, забони англисӣ ба гуруҳи забонҳои «руидёфта» - феълҳои ҳаракаткунанда дар об шомил мешавад. Мисол: *swim* – шино кардан, *sail* – ҳаракат намудан бо заврақ, *drift* – ғутта задан, *float* – ба руи об баромадан, *row* – бал занон равона шудан ва ғ. ҳар яке аз ин феълҳои овардашуда ба ғайр аз маънои аслии худ ба маънои маҷоз низ омада метавонад. Дар асари «Шоҳзода ва Гадо» – и нависандаи англис Марк Твейн феъри *шино кардан* ё ин *ғутта задан* дар *бахр* - ро бо маънои маҷоз оварда шудааст, ки ба хонанда дар хусуси мушкилоте сухан ронда касе намехоҳад ба он *рӯ ба рӯ* шавад ва мушкилии ба миён омада шударо ҳал намояд.

Мисол: The Master of Ceremonies was not present: there was no one who felt safe to venture upon this uncharted sea, or risk the attempt to solve this solemn problem [7, с.21].

Дар мисоли фавқуззикри нависандаи машҳури англис Марк Твейн шаҳодат медиҳад, ки мушкилотро ба монданди *uncharted sea* – *бахри каивнашиуда* ба хонанда тез ирсол менамояд. Дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ бошад ҳағоми тарҷума аз забони англисӣ калимаи *uncharted sea* – *бахри каивнашиуда* дар забони тоҷикӣ ба «дарёи ноаён андузад» ва дар забони русӣ бошад вожаи «плавание» маънидод карда шудааст.

Мисол: Главного церемониймейстера не было, и никто не дерзал пуститься в плавание по этому неведомому морю, никто не отважился разрешить на свой риск столь важную, серьезную проблему [3, с.19].

Девонаши бузург дар ин маҷолис набуд, ҳеч кас ҷуръат намекард, ки худро ба ин *дарёи ноаён андузад* ва ҳеч кас ҷасорат надошт, ки таввақал карда, ин масъалаи муҳим ва ҷиддиро ба сари худ ҳал намояд. ... [2, с.43].

Феъли дигар «*ғутта задан, гарқ шудан – нырять, бросаться в воду - dive*» бошад, на танҳо ба маънои асли, балки ба маънии маҷоз дар зарбулмасалу мақол низ мустаъмал мешавад.

Мисол: Гарқ шудан ба дарё беҳ аз дӯст доштани ҷоҳиле.

Аз зарбулмасали овардашуда маълум мегардад, ки шахси ҷоҳилро на танҳо *дӯст доштан* балки бо *ӯ дӯсти намудан* ҳафнок аст.

Дар забони англисӣ бошад чунин шарҳ ёфтааст:

He who would search for pearls must dive below [5, с.241].

Дар мисоли овардашуда калимаи *dive* – *ғутта задан* дар ҳангоми тарҷума ба забони тоҷикӣ маънои аслии худро дигар намуда, чунин маъноҳоро фаро гирифтааст.

Касе, ки ганҷро мекобад бояд ба зиёд захираат каишад.

ё ин ки:

Бе меҳнат роҳат нест. ё ки Нобурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад, то ранҷ набарӣ ганҷро ба даст намеорӣ.

Дар забони русӣ низ маънои аслии худро дигар намудааст.

Мисол: ≈ без труда нет плода [5, с.241].

Маънои маҷозии феълҳои ҳаракаткунанда чунин амалро ифода менаманд, ки ҳаракатро бе мамониат нишон диҳад. Дар забони русӣ чунин мисолҳоро овардан мумкин аст: *плыть по жизни; плыть по течению*. Ғайр аз ин метавон ишора намуд, ки *деньги плывут ему в руки* [1, 276], аз ин мисол бар меояд, ки шахси моҳир метавонад ба осони қореро ба сомон расонад. Дар забони тоҷикӣ низ масали русӣро чунин талмех додан зарур аст: *дастони ӯ гул аст, (ё ин ки дастони ӯ пур аз хунар аст ё ин ки қадбонугӣ ҳам қори саҳл нест)* дар мисоли тоҷикӣ низ маънои маҷозии масал оварда шудааст.

Дар забони тоҷикӣ феъли «*шино кардан*» бо шабеҳи *зиндагӣ намудан, ҳаёт ба сар бурдан, мушкилот, раҳои аз чизеро ёфтаниро* низ ифода менамояд. Мисол: *Зиндагӣ шиновариши оҳишта дар обҳои ором нест.* Дар масали овардашуда ба мо маълум мегардад, ки *зиндагиро ҳамчун баҳр ташбеҳ кардан* мумкин ва одамони шиноваронро дар он низ. Дар мисоли дигар чунин шарҳ дода шудааст: *То ба об наҷаҳӣ, шиновариши намеомӯзӣ.* *Касе, ки дарёро шино карда гузаишта бошад, дар ҷӯйбор гарқ намешавад,* дар ин мисолҳои оварда шуда, ба мушкилоте ру ба ру шударо ҳамчун *ҷаҳидан* ба об, *шино карда гузаиштан* шабеҳ додан зарур аст:

Дар забонҳои англисӣ ва русӣ чунин мисолҳоро бо феъли ҳаракаткунанда дар об *swim* – *плыть* – *шино кардан* овардан мумкин:

The room swam before her eyes — *комната поплыла у неё перед глазами* – *Хона дар пеши ҷаимонаши шино карда (давр зада) истодааст.*

My head began to swim — *У меня закружилась голова* – *Сарам тоб хурда истодааст* [5, с.342].

Аз мисолҳои фавқ бар меояд, ки дар забони англисӣ бо тарҷумаи забонҳои русӣ ва тоҷикӣ ба чунин хулоса омадан мумкин аст. Дар ду мисоли овардашуда феъли *to swim* – *плыть* – *шино кардан* шабеҳи *шаҳси бемор, хаста, дорои мушкилоти ҳаёти* ва ғ. гуфта шудааст, ки маънои аслии худро қомилан таъғйир дода ба маънои маҷозӣ омадааст.

Ғайр аз ин, маънои феълӣ *пльть* – *ишно кардан* дар забони русӣ на танҳо ба фазо ва замин алоқамандии зич дорад, балки ба маънои маҷозиаши феълӣ *ишно кардан* дигаргунӣ зиёде ба назар мерасад, ки ба об ягон алоқамандӣ надорад.

Мисол: *Прекрасная эсеницина, скользя, пльвёт по паркету - Хонуми зебо хиромида дар болои сахна мерақсад. Толта пльвёт по площади – Гурӯҳи одамон дар майдон (ҳаракат мекунад) мерақсанд. Танцующие пары пльвут по залу – Чуфти раққосон дар толор мерақсанд. Троллейбусы пльвут по запруженным улицам – Троллейбус дар кӯчаи бандишуда истодааст [1, с.274].*

Аз инҷо аён мегардад, ки вожаи *ишноварӣ* - *ишно кардан* - *пльть-пльть* – *swim* ба маъноҳои гуногун омада, ҳаракати одамон, мошинҳоро низ мефаҳмонад

Хулоса, аз мисолҳои мазкур маълум гардид, ки феълҳои ҳаракаткунанда дар об *ишно кардан* – *пльвать* - *to swim* дар се забони муқоисашуда серистеъмол буда, ба ғайр аз маънои аслиашон боз ҳаракати *одамон, ашӯҳо, кишиҳо, ҳайвонот, парандагон* ва ғайраро низ дар дохили об нишон медиҳад, инчунин ба маънои маҷозӣ омада ба маъноҳои *ҳаво, офтоб, моҳтоб, абр, абри сиёҳ, туман, шахси бемор, хаста, дорои мушқилоти ҳаёти* ва дигар маъноҳоро ифода менамояд. Бояд гуфт, ки дар илми забоншиносӣ ва адабиётшиносӣ вожаи метафораро ба чандин маъноҳои ифода намудаанд, яъне ташбеҳ, талмех, маҷоз, киноя ва ба амсоли инҳо мустаъмал менамоянд. Яке аз муаммоҳои мӯъҷазе, ки дар ин мақолаи мазкур дарҷ ёфтааст, вожагони марбути *ишноварӣ*, ғутта задан, ғарқ шудан, ҳаракат намудан ва ба монанди инҳо мавриди пажӯҳиш ва таҳқиқ қарор гирифтаанд. Ба ибораи дигар ифода намоем, он мисолҳое, ки дар боло оварда шудааст дар забонҳои қиёсшаванда ба таври гуногун ва тафовутнок қорбасти мегарданд. Бояд зикр дошт, масоили метафора яке аз масъалаҳои баҳсталаб ва доманадор буда, то ханӯз дар илми забоншиносии муосир ҳаллу ғасли худро наёфтааст, чунки ҳоло ҳам ба омӯзиши амиқ нӣз дорад.

АДАБИЁТ

1. Глаголы движения в воде: лексическая типология / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. – М.: Индик, 2007. – 752 с.
2. Марк Твейн Шоҳзода ва Гадо, маводи электронӣ, 119 с.
3. Марк Твейн. Принц и нищий электронный ресурс, 99 с.
4. Олег Э. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. – М.: Просвещение, 2006. – 996 с.
5. Словарь-справочник лингвистических терминов. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Изд. 2-е. — Москва: Просвещение. 1976.
6. Croft W. Typology and universals [Cambridge Textbooks in Linguistics]. 1st–2nd edition. Cambridge, 1990 /2003.
7. Mark Twain, The prince and the pauper. Electronic version pages 119.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ПЛАВАНИЯ НА ТАДЖИКСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье сравниваются метафорические употребления глаголов плавания на таджикском, русском и английском языках. Во время исследования стало известно, что глагол ишно кардан – пльвать - to swim в этих сравниваемых языках означает не только пльть, еще можно использовать с воздушной средой и земной поверхностью. Метафорический сдвиг в данном примере происходит в результате описания плавного движения по твёрдой земной поверхности будто бы скольжение без каких-либо усилий по поверхности воды, например: Прекрасная эсеницина, скользя, пльвёт по паркету - Хонуми зебо хиромида дар болои фарии мерақсад.

Итак, рассмотрены наиболее часто встречающиеся типы переносных значений глаголов движения ишноварӣ - ишно кардан - пльть – пльвать в таджикском языке, а также использование русских и английских глаголов в сходных типах метафорических употреблений. Следует отметить также пару глаголов движения идти – ходить, которая является употребительной в переносном значении.

Ключевые слова: *пльвать, глагол, движения, метафора, река, жисни, похож, прыгать в воде, больной, животные, птицы, корабль, туман, дым.*

METAPHORICAL USE OF AQUA-VERBS IN TAJIK, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article compares the metaphorical use of aqua-verbs in Tajik, Russian and English languages. During the study, it became known that the verb ишно кардан - пльвать - to swim in these compared languages means not only swimming, it can also be used with the air and the earth's surface. The metaphorical shift in this example occurs as a result of the description of smooth movement on a solid earth's surface, as if gliding without any effort on the surface of the water, for example: A beautiful woman, gliding, floating on a parquet - Прекрасная эсеницина, скользя, пльвёт по паркету - Хонуми зебо хиромида дар болои фарии мерақсад.

*So, the most common types of figurative meanings of verbs of the movement *ишноварӣ* - *ишно кардан* - *плавать* - swim in the Tajik language, as well as the use of Russian and English verbs in similar types of metaphorical uses are considered. It should also be noted a couple of verbs of the movement *go* - *walk*, which is used in a figurative sense.*

Keywords: *swim, verb, movement, metaphor, river, life, like, jump in the water, sick, animals, birds, ship, fog, smoke.*

Сведения об авторе:

Холиков Абдулманон Юсуфович – ассистент кафедры языкознания и сравнительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, Tel: (+992) 93-898-98-62.

About the author:

Kholiqov Abdulmanon Usufovich – assistant chair of linguistics and comparative typology Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ainy, Tel: (+992) 93-898-98-62.

ИСТИЛОҲОТИ ФОНДИИ ОСОРҲОНА ВА ВИЖАГИҲОИ ОНҲО ДАР ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Зарипов А.Н.

Донишгоҳи милли Тоҷикистон

Истилоҳ ва истилоҳсозӣ яке аз бахшҳои муҳим ва бағоят махсуси илми забоншиносӣ ба ҳисоб меравад. Аз ин рӯ омӯзиш ва таҳқиқи ин соҳа амри воқеист. Ҳадаф ва мақсади асосии истилоҳот ҳар чи васеътар, расотар ва равшантару дақиқтар барои аҳли соҳа, баён кардани маъноӣ мафҳумҳои нав мебошад. Дар забоншиносии тоҷик доир ба луғоту истилоҳоти соҳаҳои махсуси ҳаёти ҷомеа як қатор таҳқиқоти муҳим ба вуқӯ пайваستاаст, аммо дар таҳқиқи истилоҳшиносии тоҷик масъалаҳои зиёде норавшан боқӣ мондаанд. Яке аз онҳо баррасӣ ва таҳқиқи истилоҳоти соҳавӣ мебошад, ки бояд бар мабнои осори таълифгардидаи илмӣ ба забони тоҷик, осори адабӣ, маводи матбуоти даврӣ, донишномаҳои умумӣ соҳавӣ ва фарҳангу луғатномаҳои мунташира сурат гирад.

Дар воқеъ ҳар як соҳаи илм вазифаҳои муайян дорад, ки махсус ба назарияву амалия, моҳияту мундариҷаи ҳамон соҳа нигаронида шудаанд ва бе иҷрои онҳо оид ба қонуниятҳои инкишоф ва вазъи умумии истилоҳоти он соҳа як тасаввуроти амиқ ва диди тоза пайдо намудан аз имкон берун аст. Яке аз чунин бахшҳои соҳавӣ, истилоҳоти илмӣ соҳаи осорхонашиносӣ махсуб меёбад. Осорхонашиносӣ, яке аз соҳаҳои мебошад, ки истилоҳоташ дар ҳаёти ҳамаҷуз мардум на чандон мустаъмал аст. Аз таҳлил ва таҳқиқи ин доира бар меояд, ки истилоҳоти соҳаи осорхонашиносӣ нисбат ба дигар соҳаҳои илм бисёр мураккабу мушкилфаҳм мебошанд. Аз ин ҷост, ки омӯзиши онҳо низ яке аз асоситарин вазифаҳои забоншиносии муосир бояд бошад. Худи ҳаёт ва фаъолияти ходимони илмӣ осорхонаҳо тақозо менамоянд, ки истилоҳоти ин соҳа ба таври дақиқу амиқ омӯхта шаванд. Зеро ҳар тамошобине, ки баҳри шиносӣ аз таъриху фарҳанги миллат ба Осорхона ворид мешавад, кушиш мекунад то як дониши нава касб намояд. Ҳама он ашъи гаронарзише, ки дар осорхонаҳо ҳифз ва нигоҳдорӣ мешаванд дорои истилоҳот ва забони хоси таърихӣ фарҳангӣ мебошанд. Аз ин лиҳоз ходимони илмӣ осорхонаҳоро зарур аст, ки истилоҳоти соҳаи мазкурро омӯхта, ба тамошобин бо забони содаю оммафаҳм сухбат намоянд.

Агар мо ба таърихи истилоҳоти осорхонашиносӣ назар афканем, ҳанӯз соли 1965 дар ҷаласаи Конфронси Генералии шурои Байналмилалӣ осорхонаҳо дар шаҳри Нью-Йорк (ИКОМ) масъалаи истилоҳоти осорхонашиносӣ бардошта шуда буд. Вале дар солҳои баъдина ин масъала дар баъзе давлатҳо маҳдуд карда шуд. Дар ин солҳо, яъне дар давраи “раҳиҳои музейнигорӣ” (эмансипации музеографии), якҷанд маротиба барои таҳия ва мурағабсозии истилоҳоти соҳаи осорхонашиносӣ кушишҳо ба харҷ дода шуд, вале аввалин кишваре, ки дар он луғот ва калимаҳои ин соҳа ҷамъоварӣ гардид, Ҷумҳурии демократии Олмон буд. Аз соли 1973 шурӯъ карда, дар онҳо таҳия ва ба шакли фарҳангӣ соҳавӣ даровардани истилоҳоти ин соҳа оғоз гардид, ки дар натиҷа соли 1975 бо унвони «Луғати мухтасари қори осорхонавӣ» (Kleines Wörterbuch des Museumswesens) нашр шуд.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба ин мавзӯ аз ҷониби касе таҳқиқоти амиқу дақиқе рӯи қор наомадааст. Танҳо бори нахуст соли 2010 аз ҷониби ходимони илмӣ «Осорхонаи ҷумҳуриявии таърихӣ-кишваршиносии ба номи А. Рӯдакӣ»-и шаҳри Панҷакент «Луғати мухтасари истилоҳоти осорхонавӣ» (русӣ-тоҷикӣ) ба нашр расид, ки он беш аз 200 истилоҳи соҳаи осорхонашиносиро дар бар мегирад [8, с.3].

Инчунин бояд қайд намуд, ки муҳаққиқи дигари соҳа Шарифзода А.Қ. дар асари худ тахти унвони «Экспозитсия ва экскурсияи осорхона», ки соли 2012 ба нашр расидааст, оид ба хусусиятҳои истифодаи баъзе истилоҳоти осорхонавӣ иброи андешаҳои ҷолиб намудааст.

Бояд қайд намуд, ки осорхонашиносӣ ҳамчун илми мустақил, дорои истилоҳоти хоси худ мебошад. Аз ин лиҳоз омӯзиш ва таҳқиқи ҳамаҷонибаи соҳаи осорхонашиносӣ ба хусус истилоҳоти он, ки яке аз бахшҳои муҳими ин соҳа мебошад, аз аҳамият ҳолӣ нест. Истилоҳоти соҳаи осорхонашиносӣ ҳамчун қабати махсуси лексикаи забони тоҷикӣ мафҳумҳои мушаххас ва дақику амиқро фаро гирифтаанд. Аз ин рӯ мо зарур донистем, ки истилоҳоти соҳаи мазкурро аз рӯи қабатҳои вожагонӣ ба чунин гуруҳҳо ҷудо намоем:

1. Истилоҳоти фондии осорхона
2. Истилоҳоти экспозитсионии осорхона
3. Истилоҳоти санъати тасвирӣ ва амалии осорхона
4. Истилоҳоти бостоншиносии осорхона

Дар ин мақола мо танҳо истилоҳоти фондии осорхона ва виҳагиҳои онҳоро мавриди таҳлилу баррасӣ қарор медиҳем.

Фаъолияти фондӣ, яке аз самтҳои асосии кори осорхона буда, баҳри бақайдгирӣ, нигоҳдорӣ ва омӯзиши ҳама ашё ва коллексияе, ки дар фонди осорхона маҳфузанд, хизмат менамояд. Истилоҳи фонд аз калимаи фаронсавии “*fond*” гирифта шуда, ба маънои “бунёд” ва “асос” ифода ёфтааст. Дар забонҳои тоҷикӣ ва русӣ ба ҳамон шакли фаронсавии “*fond*” мавриди истифода қарор гирифтааст.

Бояд қайд намоям, ки роҷеъ ба мафҳуми фонди осорхона дар қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Осорхонаҳо ва фонди Осорхонаҳо чунин шарҳ гуфта шудааст: «Фонди осорхона - маҷмӯи ашёи осорхонавӣ, ва коллексияи осорхонавӣ, ки ба таври доимӣ дар осорхона қарор доранд ва тибқи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон мавриди истифода қарор мегиранд» [3, с.4]. Фаъолияти кори осорхона дар асоси фонди он инкишоф ёфта, қисми зиёди ашёи фонди осорхона, ҳамчун манбаъ барои гузарондани таҳқиқотҳои илмӣ ва сохтани экспозитсия хизмат мекунад. Фонди осорхона аз фондҳои бойгонӣ (архив) ва китобхонаҳо ба он фарқ мекунад, ки он мустанад гардонидани равандҳои таърихро ба таври комплексӣ дар бар мегирад. Аммо бойгонӣҳо ва китобхонаҳо ҳама гуногуниҳои сарчашмаҳоро дар бар гирифта наметавонанд.

Машхуртарин истилоҳи фондии осорхона, вожаи “*фехрист*” мебошад. Истилоҳи фехрист – муродифи калимаи лотинии «*kataloge*» буда, ба маънои “руйхат” ва “номгӯӣ” омадааст. Дар ҳама луғатномаҳо низ ба ҳамин маънӣ ишора шудааст. Асли вожаи мазкур форсӣ буда, дар забони арабӣ низ ба ҳамин шакл *فہرست* ч. *فہارس* мавриди истифода қарор гирифтааст. Аксари соҳибназарон фехриствисиро маҳорати илмӣ медонанд. Ин риштаи илмӣ метавонад дар муайяну мураттабсозии китобу дастхатҳои нодири соҳаи китобшиносӣ, хуччату навиштаҷотҳои соҳаи санадшиносӣ ва ашёву осори таърихӣ соҳаи осорхонашиносӣ нақши бориз дошта бошад. Ва афроде, ки ба ин амал сару кор доранд, онҳоро “*фехриствис*” ва ё “*фехристнигор*” меноманд.

Дар илми осорхонашиносӣ истилоҳи мазкур яке аз серистеъмолтарин вожа ба ҳисоб меравад, зеро ҳама он нигораҳо ва ашёҳои, ки тариқи комиссияи хариди осорхона ва тариқи экспозитсияҳои илмӣ ба осорхона ворид мешаванд, аввалин коре, ки аз ҷониби кормандони фондии осорхона анҷом дода мешавад, ин ба қайдгирӣ ва фехристбандӣ намудани ашё мебошад. Аз ин лиҳоз ба таври дақиқ гуфта метавонем, ки руйхат ва номгӯи китобу дастхатҳои нодир, аксу мусаввараҳо ва умуман ҳама он ашёву коллексияҳои осорхонавие, ки ба таври муайян тартиб дода шудаанд, “*фехрист*” ё “*каталог*” меноманд. Ҳатто агар ба қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бораи Осорхонаҳо ва фонди Осорхонаҳо назар афканем, таърифи вожаи «фехрист» ба чунин шакл қаламдод шудааст: «Фехристи осорхона - хуччати баҳисобгирие аст, ки маълумоти заруриро дар бораи ҳар як ашёи осорхонавӣ ва коллексияи осорхонавии Фонди осорхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон дар бар мегирад» [3, с.4].

Дар аксар осорхонаҳо бахусус дар Осорхонаи миллии Тоҷикистон шубҳаи махсус зери унвони «Шубҳаи бақайдгирӣ ва фехристнигорӣ» амал мекунад. Ҳадафи асосии ин шубҳа аз он иборат аст, ки ҳама он ашё ва коллексияҳои, ки арзишҳои муҳими илмӣ ва таърихӣ доранд, дар китобҳои воридотӣ ба қайд гирифта, аз рӯи даврабандии таърихӣ (хронологӣ), макони бозёфт, мавод, ва дигар хусусиятҳояшон фехристбандӣ карда мешаванд. Бояд гуфт, ки чунин тарз ва усули фехристбандӣ намудани ашёҳои осорхонавӣ, барои фаъолияти ходимони ин соҳа имконият медиҳад, ки ашёи мавриди ниёзи худро аз миёни дигар ашёҳои мавҷуда ба осонӣ дастрас намоянд.

Бояд гуфт, ки аз ҷониби осорхонашиносон навъҳои гуногуни фехристҳо пешниҳод гардидаанд аз ҷумла: фехристи асосӣ (*каталог генеральный*), фехристи осорхонавӣ (*каталог*

музейный), феҳристи колексияи осорхонавӣ (*каталог музейный коллекции*), феҳристи экспозитсионӣ (*каталог экспозиции*) ва ғайра.

Истилоҳи дигари соҳаи фондӣ вожаи “**коллексия**” мебошад. Асли ин истилоҳ аз калимаи латинии “*collection*” гирифта шуда, ба маънои «чамъоварӣ» омадааст. Муодили вожаи мазкур дар забони фаронсавӣ “*collection*” ва дар забони олмонӣ “*sammlung*” истифода шудааст [4, 32]. Дар забони форсӣ – тоҷикӣ бошад, вожаи мазкур ба шакли «мачмӯа» ё «гирдовардаҳо» мавриди истифода қарор гирифтааст. Коллексия, яъне мачмӯи ашёи осорхонавино гуянд, ки дар фонди асосии осорхона ҷойгир буда, дорои аҳамияти илмию таърихӣ мебошанд, ва ҳамчун воҳиди ягона муаррифӣ мешаванд. Ашё ва коллексияи осорхонавӣ дар асоси якҷанд аломату нишонаҳо гуруҳбандӣ карда мешаванд: аз рӯи мавзӯ, даврабандии таърихӣ, умумияти пайдоиш ё мавҷудият, мансубият ба одам ва ғайраҳо. Албатта, ҳама он ашё ва коллексияе, ки чи моддӣ бошанд ё ғайри моддӣ, маҳакки асосии фаъолияти осорхонаҳо ба ҳисоб мераванд. Аз ин рӯ осорхонаҳо ҳифозат ва нигоҳдории коллексияҳоро ба унвони як бахши муҳими мероси таърихию фарҳангӣ ва илмӣ бар ӯҳда доранд. Истилоҳи “коллексия” дар илми осорхонашиносӣ бисёр роиҷ буда, дар аксар сарчашмаҳои соҳавӣ вожаи коллексия бо вожаи осорхона якҷо «коллексияи осорхонавӣ» ё «коллексияҳои осорхонавӣ» истифода мешавад. Аз ин лиҳоз коллексияҳоро метавон «мачмӯи осори гирдовардашудаи осорхонаҳо» таъриф намуд. Роҷеъ ба ин истилоҳ аз ҷониби олимони ва осорхонашиносон низ фикрҳои ҷолибе пешниҳод гардидааст. Муаррихи фаронсавӣ Луи Рео (Louis Reau) дар бораи вожаи мазкур чунин мегуяд: «Мо чунин дарёфтем, ки осорхонаҳо барои коллексияҳо сохта мешаванд ва бояд ба таври вижа аз дарун ба берун сохта шаванд, яъне зарфро муносиби мазруф шакл диҳем» [4, с.33]. Ҳамчунин метавон дидгоҳи Кристоф Помян (Krzysztof Pomian), яке аз таърихшиноси машҳури Лаҳистон, профессор, директори Осорхонаи Аврупо дар Брюсселро оиди таърифи истилоҳи коллексия мисол овард: «Гуруҳе аз осори табиӣ ё маснуӣ, ки ба таври муваққатӣ ё доимӣ хорич аз ҳавзаи фаъолияти иқтисодӣ, таҳти ҳифозат ва нигоҳдорӣ вижа дар маконе, ки ба ин манзур тарроҳӣ шудааст, нигоҳдошта ва ба намоиш гузошта мешаванд» [4, с.34].

Маврид ба ёдоварист, ки ҳар шахсе, ки дорои чунин ашё ва коллексияҳо мебошад, онро “*collectionner*”, яъне чамъкунандаи коллексия, “ашёдор” ё “мачмӯадор” меноманд. Шурои байналмилалӣ оид ба осорхонаҳо (International Council of Museum), низ таъкид менамоя, ки осорхонашиносон ё ин, ки масъулини осорхонаҳо бояд, бо мачмӯадорон (коллексиянерон) дар иртибот бошанд, зеро яке аз ҳадафҳои асосии осорхонаҳо дарёфт, чамъоварӣ, интиҳоб ва харидори намудани ашёҳои таърихию фарҳангӣ мебошад.

Гуруҳбандӣ - дар осорхонаҳои дорои чамъоварии зиёд ашё аз рӯи шубҳо ба низом дароварда мешаванд ва пас дар дохили шубҳо мувофиқи таснифоти муқарраргардида ба гуруҳҳо ҷудо карда мешаванд. Чунин тақсимкунӣ омӯхтан ва қайд намудани онҳоро дар китобҳои инвентарие, ки барои шароити дурусти нигоҳдориашон кушода мешаванд, осон мекунад. Дар осорхонаҳои таърихӣ-кишваршиносӣ ашё аз рӯи навъҳои манобеъ, коллексияҳо, намудҳои мавод, санъат, техника ва таъйинот ба танзим дароварда мешаванд. Масалан, бо чунин намуд:

1. **Манбаъҳои моддӣ** - ёдгориҳои табиӣ-таърихӣ, ашёи бостоншиносӣ, ашёи этнографӣ (мардумшиносӣ), маснуоти фулузӣ, сафолӣ, ҷубӣ, матоъ, ашёи нумизматикӣ (сиккаҳо, орденҳо, медалҳо, аломатҳо, дафинаҳо, пулҳои қоғазӣ);

2. **Манбаъҳои санъати тасвирӣ** - мусаввара, қаламкашӣ, пайкара, санъати ороишӣ-амалӣ ва аксҳо;

3. **Манбаъҳои ҳатгӣ** - ҳуҷҷатҳои дастнавис ва чопӣ, китобҳои нодир ва ғ.

Дар осорхонаҳои бадеӣ ашёи осорхонавӣ аз рӯи намуди санъат (мусаввара, пайкара, қаламкашӣ, санъати ороишӣ-амалӣ ва ғ.), аз рӯи мавод ва техника (ҷуб, фулуз, устухон, гравюра, расм), гоҳо аз рӯи таъйиноташон (мебел, нумизматика, асбоби равшанидиҳӣ ва ғ.) гуруҳбандӣ карда мешаванд. Бо муқаррар намудани миқдори чунин гуруҳҳо ҳамаи маводи вучуддоштаи осорхона байни қисмҳои муайян тақсим карда мешавад. Барои ҳар як қисм рамзи муайян гузошта мешавад.

Ҳар як қисм китоби инвентарии худро дорад, ки бо рамзи махсус ишора мегардад. Масалан, китоб барои сабти мусаввараҳо метавонад бо рамзи “М”, асарҳои графикӣ бо рамзи “Г”, пайкараҳо – «П», ҷуб – «Ч», коллексияҳои бостоншиносӣ – «Б», аксҳо – «А» ва ғ. Барои мачмӯаҳои калони осорхонавӣ, ки ашё ба шубҳои тақсим карда шудаанд, ҳар як гуруҳи ашё ғайр аз рамзи мазкур боз бо рамзи шуба ишора карда мешавад. Масалан, мусаввара аз шубаи санъати русӣ метавонад чунин рамз дошта бошад: «ШСТ/М».

Ҳамчунин истилоҳоти дигари фондии осорхона ба монандӣ: *ашёи осорхонавӣ, ҳуҷҷатнигорӣ, коллексиякунӣ ё мачмӯабандӣ, бойгоникунӣ, чамъоварӣ, ҳифз, нигоҳдорӣ, пуррагардонӣ, санадкунӣ, даврабандӣ, ҷобачогузорӣ, ҳароратсанҷӣ, мураббатбозӣ, комиссияи харидорӣ,*

китоби воридотӣ, китоби инвентарӣ, шиномномаи илмӣ, тавсифи илмӣ, рақами осорхонавӣ, ва ғайра як қисми таркибии истилоҳоти соҳаи осорхонашиносиро ташкил дода, омӯзиш ва таҳқиқи онҳо барои мутахассисони соҳа як амри воқеист.

АДАБИЁТ

1. Зарипов А.Н. Нақши истилоҳоти осорхонашиносӣ дар забони тоҷикӣ / А. Н.Зарипов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. - 2016. - №4/3 (203). – С.46-50.
2. Зарипов А.Н. Иқтибосоти арабӣ дар истилоҳоти осорхонашиносӣ / А. Н. Зарипов // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. - 2017. - №4/3. – С.125-128.
3. Закон Республики Таджикистан «О музеях и Музейном фонде» от 3 июля 2012 года №838. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.mmk.tj>
4. Куруши Сомониён. Мафохими калидии музейшиносӣ. / Куруши Сомониён, Марзияи Ҳикмат, Маъсума Каримӣ. – Техрон, 1392х. – С. 92.
5. Назарзода С. Таджикская общественно-политическая терминология: История, направления и перспективы / С. Назарзода Душанбе: Дақиқӣ, – 2013, – С.369.
6. Насруллоев М. Н. Иқтибосоти арабӣ дар рисолаи «Сад панд» - и Убайди Зоконӣ / М. Н. Насруллоев // Вестник Таджикского национального университета. - 2009. - №4 (52). – С.58-61.
7. Петер ван Менш. Музеологическая терминология. / Петер ван Менш. // Вопросы музеологии. – 2014. - №1 (9), – С.109-114.
8. Саиди Ю. Краткий словарь музейных терминов (русско-таджикский), / Саиди Ю, Фарходи Н. Душанбе, Образование и Культура, 2010. – С.20.
9. Холшехова С.А. Хусусиятҳои истифодаи калимаҳои иқтибосии ҷунонӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва русии қадим./ С.А. Холшехова //Ахбори ДДҲБСТ. – 2015. - №1 (62). – С.258.
10. Шарипов А. К. Эскурсияи осорхонавӣ / А. Қ. Шарипов // Экспозитсия ва экскурсияи осорхонавӣ. – Душанбе: Адиб, - 2012.- С.117-136.

ТЕРМИНОЛОГИЯ МУЗЕЙНОГО ФОНДА И ЕГО ОСЕБЕННОСТИ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема термина и терминологии, особенно отраслевая терминология в таджикской лингвистике находится в бурной обсуждении и считается одним из важнейших вопросов. С изучением статьи можно прийти к выводу, что автор при исследовании и изучении данной статьи об истории терминологии в области музееведения использовал отечественные и зарубежные источники, подчеркнул, что исследование терминологии музееведения, сегодня, во всем мире считается одним из важнейших задач развития музейного дела. В то же время, в статье автор предлагает интересную идею об одном из основных направлений музейного дела, то есть, о фондовой деятельности и его терминологии и подчеркивает, что фондовая деятельность является одним из основных направлений музейного дела и служит регистрации, сохранению и изучению всех предметов и коллекции, которые находятся в фонде музея.

Ключевые слова: музей, фонд, язык, терминология, словарь, история, сохранение, изучение, сбор, регистрация.

THE TERMINOLOGY OF THE MUSEUM FUND AND ITS FEATURES IN THE TAJIK LANGUAGE

The problem of the term and terminology, especially the branch terminology in Tajik linguistics is in vigorous discussion and is considered one of the most important issues. With the study of the article, it can be concluded that the author used domestic and foreign sources to research and study this article about the history of terminology in the field of museology, stressed that the study of terminology of museology, today, is considered to be one of the most important tasks of museum development worldwide. At the same time, in the article the author offers an interesting idea about one of the main areas of the museum, that is, about the stock activity and its terminology, and emphasizes that the stock activity is one of the main areas of the museum and serves registration, preservation and study of all items and collections that are in the museum fund.

Key words: museum, found, language, terminology, dictionary, history, preservation, study, collection, registration.

Сведения об авторе:

Зарипов Алишер Наджмидинович – Таджикский национальный университет, соискатель кафедры арабской филологии факультета языков Азии и Европы. Адрес:

734025. Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект. Рудаки 17. Телефон: (+992) 934224858 E-mail: orientalic_91@mail.ru

About the author:

Zaripov Alisher Najmiddinovich – Tajik National University, applicant for the Department of Arabic Philology at the Faculty of Languages of Asia and Europe. Address: 734025. Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki avenue 17. Phone: (+992) 934224858 E-mail: orientalic_91@mail.ru

УДК 809.155.0+808.2+804.0

ТАҲЛИЛИ ИБОРАҶОИ РЕХТАИ ПОВЕСТИ «МАКТАБИ КҶҲНА»-И САДРИДДИН АЙНӢ ДАР ЗАБОНҶОИ ТОЧИКӢ, РУСӢ ВА ФРАНСАВӢ

Одилова З.О.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айнӣ

Таҳлили ибораҷои рехта дар ду ва ё якчанд забон, собит месозад, ки ибора ҳамчун ҷузъи муҳими нутқ ниёз ба омӯзиши амиқ дорад. Масъалаи омӯзиши ибора ва шаклҳои он дар илми забоншиносии муосир ҷойгоҳи муҳимро ишғол менамояд. Оид ба ин масъала олимони забоншинос ва адабиётшинос таҳқиқоти мухталифро анҷом додаанд. Вале мушкилоти омӯзиши ибора ханӯз пурра роҳи ҳалли худро наёфтааст. Фарҳангҳои ибораҷои рехта дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва франсавӣ ба дасти мардум кам омада расидааст. Аммо мушкилоти тарҷумаи ибораҷои рехта аз як забон ба забони дигар хеле зиёд ба назар мерасад.

Аз замони пайдоиши тарҷума то ба имрӯз ба қавли шоҳидон ин китоби С. Айнӣ диққати хонандагони зиёди франсавиро ба худ ҷалб кардааст. Хонандагони франсавизабони беҳабар аз лафзи С.Айнӣ намедонанд, ки ин асарҳои ӯ дар қадом шакл ва ба чӣ мазмун дастраси онҳо гаштааст. Бинобар ин, мо сабӣ мекунем, ки ҳамин паҳлуи баргардониҳои франсавии повести “Мактаби кӯҳна”-и С.Айниро тадқиқ бикунем. Тарҷумаи франсавии повестҳои С.Айнӣ мутарҷимон С.Бородин ва В.Вуано аз тоҷикӣ ва русӣ ба амал омадааст [3, с.119]. Аввалан моро зарур аст, ки ба хонандагон оид ба баргардониши русии повести С.Айнӣ “Мактаби кӯҳна” маълумоти таърихӣ бидиҳем.

Повести “Мактаби кӯҳна” дар асл аз шаш қисмат иборат буда, дар он С.Айнӣ таҳсили худро дар мактаби ибтидоӣ ҳикоят кардааст. Барои бачагони хурди мактаби нигаронида шудааст, хеле содда ва фаҳмо буда, тарҷумааш ҳам аз мутарҷими соҳибтаҷриба захмати бузургро тақозо намекунад. Барои С.Бородин, ӯ адиби номдору донандаи хуби урфу одатҳои мардумони Осиёи Миёна буд, тарҷума намудани “Мактаби кӯҳна” барин асари шавқовару барои хонандагони хурди рус ғоидаовар кори душвор набуд. Нависандаи рус хангоми тарҷума кӯшиш кардааст, ки соддагӣ ва равоии асари С.Айниро дар баргардониши русиаш нигоҳ дорад, то ки хонандагонаш онро хуш истиқбол кунанд [3, с.121].

Асари машҳури Садриддин Айнӣ «Мактаби кӯҳна» аз забони тоҷикӣ ба забони русӣ тарҷума шуда, баъдан аз забони русӣ ба забони франсавӣ тарҷума гардидааст. Дар натиҷаи аз русӣ ба фаронсавӣ тарҷума шудани асар бархе аз ибораҳо нодуруст тарҷума шудаанд ва ё ин ки умуман тарҷума нагардидаанд.

Барои мисол, иборати рехта бо забони тоҷикӣ: Пас гашта даромада, рӯ ба рӯи мактабдор ба **ӯ чашм дӯхта истодам** [1, с.19].

Бо забони русӣ: Вернувшись, я встал перед ним [2, с.23].

Бо забони фаронсавӣ: «Je reviens et me plantai devant lui» [5, с.22].

Маънои иборати «**чашм дӯхтан**» ба маънои «нигоҳ кардан, интизор шудан» омадааст. Агар ин ҷумларо дар забони русӣ дида бароем, тарҷумаи таҳтуллафзии он чунин аст: «Баргашта истода, ман рӯ ба рӯи ӯ истодам», яъне дар ҷумлаи забони русӣ иборати “чашм дӯхтан”-ро тарҷумон сарфи назар намудааст. Яъне, тарҷумон маънои ҷумларо овардааст. Акнун ба иборати забони франсавӣ менигарем ва мебинем, ки тарҷумааш чӣ гуна аст: Ман баргаштам ва дар назди ӯ ҷойгир шудам, ин ибора на дар забони русӣ ва на дар забони франсавӣ дида мешавад, яъне онҳо ибораро тарҷума накарда маънои онро навиштаанд.

Мисоли дигар бо забони тоҷикӣ: Ман ҳам ба ҷои худ рафта “чим, хе, хе” гуён ба такрор даромадам. Лекин ҳоло ҳам чашмавро аз афту андоми мактабдор, хусусан аз **риши бузвори** он намеканд [1, с.24].

Бо забони русӣ: Я вернулся на своё места и принялся повторять «джим, хе, хэ», всё ещё не отрывая глаз от учителя и особенно от его **козлиной бородки** [2, с.28].

Бо забони фаронсавӣ: Je revins à ma place et me mis à répéter: «Djim, khé, khè», sans quitter du

regard le maitre et, surtout, **sa barbiche de bouc** [5, с.26].

Маънои ибораи «**риши бузвор**» ба маънои «риши дароз, риши дароз хамчун риши буз» омадааст. Ин ибора дар ҳар се чумла якхела омадааст, яъне чӣ хеле ки дар забони тоҷикӣ аст, хамин гуна низ дар забони русӣ ва франсавӣ тарҷума шудааст.

Бо забони тоҷикӣ: Шаккоқӣ нақун! –гуфт ба ӯ мактабдор, –дуо нафъ накардан надорад, ӯ аз беихлосии худаш мурдааст. Агар ихлос медошт, халос мешуд, “**ихлосу халос**” гуфтаанд [1, с.26].

Бо забони русӣ: Не богохульствуй,- ответил учитель.- Молитва не могла не помочь! Она умерла от своего неверия. Если бы она имела веру, она бы спаслась. Ибо сказано: «Вераи спасение» [2, с.31].

Бо забони фаронсавӣ: Ne blasphème pas, répondit celui-ci. La prière ne pouvait pas l'aider! Elle est morte à cause de son manque de foi. Si elle avait eu la foi, elle aurait été sauvée. Car il est dit: «La foi estle salut» [5, с.28].

Ибораи «**ихлосу халос**» ба маънои «ихлос кунӣ халос меёбӣ», яъне агар шаҳс бемор бошад ба духтуре ё домуллое ихлос намояд гуфтаҳои ӯро иҷро кунад сикҳату саломат мешавад. Чумлаи забони русӣ бо забони тоҷикӣ мувофиқат мекунад. Танҳо агар ибораҳои тарҷума намоем каме дигаргун аст. Масалан, дар чумлаи забони русӣ “Вера и спасение” тарҷумаи он дар забони тоҷикӣ ин гуна аст: “Эътиқод ва халосӣ”. Акнун ба ибораи забони франсавӣ менигарем ва мебинем, ки тарҷумааш чӣ гуна аст. «La foi estle salut», яъне боварӣ ва халосӣ. Тарҷумонон аз ӯҳдаи ибора дар ҳар ду забон ба хубӣ баромадаанд, дар ҳар се чумла ибораҳо як маъноро доро мебошанд. Танҳо дар чумлаи забони франсавӣ ба ҷои мактабдор, яъне муаллим ҷонишини celui-ci-ин омадааст.

Бо забони тоҷикӣ: Бачагон чунон саргарми **чушу хуруш** буданд, то ба мактаб даромада ҷӯби дарозро ба дасти худ гирифта ба сари бачагон кӯфтани ӯ ҳеч кас хабардор нагардад [1, с.32].

Бо забони русӣ: Ребята были **так увлечены**, что никто его не заметил, пока он не взял своей длинной палки и не принялся колотить ею по головам учеников [2, с.36-37].

Бо забони фаронсавӣ: Les enfants étaient tellement absorbés par le jeu que personne ne le remarqua avant qu’il n’eut pris son long baton, et qu’il frappat sur la tête des élèves [5, с.33].

“Чӯшу хуруш”-яъне маънои бо саргармӣ, бо шавқи баланд, бо шавқу ҳавасро доро мебошад. Бо забони русӣ “так увлечены”-тарҷумаи ин ибора бо забони тоҷикӣ ҳаммаъно мебошад. Яъне, саргармӣ, шавқу ҳавас, шавқу завқ, шавқу мароқ, иштиёқ мебошад. Дар забони франсавӣ чунон аст. Дар забони франсавӣ tellement absorbés-чунон машғул, банд буданд омадааст, яъне тарҷумон ибораи чушу хурушро тарҷума накарда сарфи назар намудааст.

Бо забони тоҷикӣ: Танҳо ман, будам, ки дар берунтари маърака истода **як чашмамо ба бозӣ дӯхта** бошам ҳам, **чаши дигарамро аз дар** намекамдам [1, с.32].

Бо забони русӣ: Лишь я, стоявший поодаль от поля битвы, **хотя и смотрел одним глазом на птиц**, все же **не отрывал глаз от двери** [2, с.37].

Бо забони фаронсавӣ: Moi seul, qui me trouvais à l’écart du champ de bataille, le vis, car, bien que je regardais d’un œil les oiseaux, je ne quittais pas la porte de l’autre [5, с.33].

“**Як чашмамо ба бозӣ дӯхта**” “**чаши дигарамро аз дар намекамдам**”-яъне каме ба бозии бачаҳо нигоҳ мекардам ва каме ба дар нигоҳ мекардам. Чашмо дӯхта ва канда намешавад, маънои он назар кардан, нигоҳ кардан мебошад. Дар чумлаи забони русӣ чунон тарҷума шудааст: бо як чашмам ба парранда нигоҳ мекардам ва чаши дигарамро аз дар намекамдам. Маълум мегардад, ки тарҷумон аз ӯҳдаи тарҷума хуб баромадааст ва ибораро сарфи назар нанамудааст. Танҳо калимаи бозиро ба парранда иваз намудааст. Акнун ба тарҷумаи франсавӣ менигарем. je regardais d’un œil les oiseaux, je ne quittais pas la porte de l’autre, тарҷумаи тахтуллафз намоем чунон аст: бо як чашмам ба паррандаҳо менигаристам, дарро тарк намекардам аз дигараш. Дар ибораи забони франсавӣ низ ба ҷои калимаи бозӣ паррандаҳо омадааст. Ибораҳои забони русӣ ва франсавӣ бо ҳам саҳт монандӣ доранд, ҳар сеяшон як маъноро доро мебошанд.

Ба забони тоҷикӣ: Падарам **пешонаи худро қадре турш** карда хомӯш истода ва якбора хандакунон ба хатиб нигоҳ карда гуфт: [1, с.39]...

Бо забони русӣ: Отец помолчал немного, **нахмурил лоб**, и вдруг, рассмеявшись, сказал, глядя на имама: [2, с.46]...

Бо забони фаронсавӣ: Mon père se tut un instant, en fronçant les sourcils, puit, subitement, il éclata de rire et dit, et regardant l’imam: [5, с.40]...

Оё пешонаро турш кардан мумкин аст? Маънои ибораи пешонаро турш кардан, кавок андохтан, лабу лунҷ овезон кардан, абру чин кардан мебошад. Тарҷумаи ҳар се чумла каме аз ҳамдигар фарқ доранд. Масалан, тарҷумаи тахтуллафзии чумлаи забони русӣ: падар каме хомӯш истода, рӯ турш кард ва ногаҳон хандакунон ба имом гуфт:... Аз забони франсавӣ чунон

аст: падарам бо таъкиди пф, абрӯвонашро турш карда, баъд ногаҳон, вай кафида ханда кард ва ба имом нигоҳ карда гуфт:.... Тарчумонҳо баъзе калимаҳоро илова ва баъзеашонро сарфи назар намудаанд, лекин дар ҳар се ҷумла ибораҳо як маъноро доро мебошанд.

Ба забони тоҷикӣ: Тарафи мо он муллобачаро “**уйт-уйт**” гӯён масҳара доштанд. Ў аз хичолат **суп-сурх** шуда буд [1, с.47].

Бо забони русӣ: Тогда все начали **улюлюканьем** дразнить сторонников ученика медресе. От стыда он стал **красный, как рак** [2, с.55].

Бо забони фарансаӣ: Alors tout le monde se mit à **huer** et à se moquer du parti de l'étudiant. De honte, celui-ci devient **rouge comme une écrevisse** [5, с.48].

Тарҷумаи ибораи забони русӣ чунин аст: Он гоҳ ҳама ба гиру дори тарафдори талабаи мадраса ба масҳара қардан сар намуданд. Ў аз шарм ҳамчун харчанг суп-сурх шуд. Тарҷумаи тахтуллафз бо забони франсаӣ: Ҳамон вақт ҳама ба ҳаёҳуй қардан ва як гуруҳ донишҷӯро масҳара мекарданд. Аз шарм ӯ ҳамчун харчанг сурх шуд. Ҷумлаҳо як маъноро доро буда, тарҷума аз ҳамдигар каме фарқ дорад.

Ҳамин тариқ таҳлили муқоисавии ибораҳои рехта дар ду ва ё якҷанд забон шаҳодат медиҳад, ки ибора ҳамчун ҷузъи муҳими нутқ ба омӯзиши амиқ ниёз дорад. Чунин таҳлили ибораҳои рехта дар заминаи повести “Мактаби кӯҳна”-и Садриддин Айни дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ, франсаӣ ва дигар забонҳои хоричӣ дастраси мардум гаштааст. Аммо мушкилоти тарҷумаи ибораҳои рехта аз як забон ба забони дигар хеле зиёд ба назар мерасад. Паҳлуи баргардониши франсаӣ повести “Мактаби кӯҳна”-и С.Айни собит месозад, ки мутарҷимони франсаӣ ин повест С.Бородин ва В.Вуано аз тоҷикӣ ба русӣ ва аз русӣ ба франсаӣ сурат гирифтааст.

Повести “Мактаби кӯҳна” бори аввал аз забони тоҷикӣ ба забони русӣ тарҷума шуда, баъдан аз русӣ ба франсаӣ баргардон шудааст, чунки бештари ибораҳо ба забони русӣ шабоҳат доранд. Мутарҷимон барои хубтару беҳтар шудани ибораҳо баъзан калимаҳоро сарфи назар намуда ва илова низ намудаанд.

АДАБИЁТ

1. Айни С. Мактаби кӯҳна. – Душанбе: Адабиёти бачагона, 2016. – 48 с.
2. Айни С. Старая школа. Повест. – Душанбе. 2010, НПО Истикбол, 56 с.
3. Мухтор Ш. Мақолот. – Душанбе: Мағбуот, 2001.-240 с.
4. Ainy S. La mort de l'usurier. Traduites du tadjik et du russe par S. Borodine et V.Vionot Recit “Uzbekistan littéraire” №5, 1939.
5. Ainy S. Traduites du tadjik et du russe par S. Borodine et V.Vionot, 1957.- 260 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИИ ПОВЕСТИ «СТАРАЯ ШКОЛА» САДРИДДИНА АЙНИ НА ТАДЖИКСКОМ, РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматривается сравнительный анализ фразеологии «Старая школа» Садриддина Айни на трех языках: таджикский, русский и французский. Если на таджикском языке фразеологические единицы в повести Садриддина Айни «Старая школа» длиннее, то в переводе на русский и французский языках фразеологии выражены короткими, то есть некоторые слова отпадают, но тем не менее значение на трех языках остается одинаковым. Но надо сказать, что Садриддин Айни в фразеологических единицах использовал много выражений и слов из живого языка народа, которые либо не переведены ни на французский, ни на русский, либо плохо переведены или неправильно объясняются в переводах.

Вообщем русский перевод С.Бородина и французский перевод с В.Вуано которое закончили, они были лучший перевод которое мы сохранили все содержание произведения. Переводы этого романа Садриддина Айни лучшие из его книг как романы Гюго и Бальзака.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, сравнительная фразеология, Смерть ростовщика С.Айни, литературный язык, таджикский язык, французский язык.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGY OF THE STORY OF AINI'S "OLD SCHOOL" IN TAJIK, RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES

In this article is looking the learning comparison analysis of phraseology “Old school” of Sadriddin Ainy in three languages: Tajik, Russian and French. If the Tajik language phraseological units in story Sadriddin Aini “Old school” longer then translated into French and Russian phraseology expressed in short, that there are some words disappear, but the value of the three languages is the same. Aini in phraseological units used some words from the living language of the people, and this story the creative ingenuity of the writer. But it must be said that Sadriddin Ainy in phraseology uni used many expressions and word from living language of people, which didn't translate neither French, no Russian, or translate badly or explain

wrongly in translation.

In general, the Russian translation of S. Borodin and the French translation from V. Vuanot which was completed - and this is the best translation that we have saved the entire contents of the work. The translations of this novel by Sadridin Aini are the best of his books as the novels of Hugo and Balzac.

Keywords: phraseology, comparasion, "Scool" of S. Aini, the literary language, the Tajik language, French language.

Сведения об авторе:

Одилова Зайнура Обидовна - ассистент кафедры методологии и теории перевода иностранных языков Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Аини, Тел: (+992) 938938004, e-mail: fransugenka89@mail.ru

About the autor:

Odilova Zaynura Obidovna - assistan of departmente of methodology and theory of translation of foreign languages Tajik State Pedagogical University after named Sadridin Ayni, Tel: (+992) 938938004, e-mail: fransugenka89@mail.ru

УДК : 491.550 + 372.800.2

**ТАШАККУЛ ВА ТАҲАВВУЛИ ЗАБОНШИНОСИИ КОМПЮТЕРӢ
ДАР САТҲИ ЗАБОНШИНОСИИ ЧАҲОНӢ**

Раҳимов Ф.Ҳ.

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Забоншиносии компютерӣ имрӯзҳо аз самти муҳим ва густариш ёфтаи забоншиносӣ буда, бо истифода аз усулҳои технологияҳои иттилоотӣ дар доираи илми забоншиносӣ фаъолият менамояд ва ба ҳриомӯзишу паҷуҳиши самтҳои нави таҳқиқ дарин самт хизмат мерасонад. Забоншиносии пайкаравӣ ҳамчун шоҳаи ҷудогона дар самти забоншиносӣ, баомӯзиш, таҳия ва созмондиҳии пайкараҳои забонҳои гуногуни дунё асос ёфтааст, ва ҳамчун самти нави омӯзиш дар ин самт фаъолият намуда истодааст. Забоншиносии интернетӣ самти нави омӯзиш дар забоншиносии муосир ба ҳисоб рафта, ба таҳқиқи вижаҳои забонии интернет бо истифода аз технологияҳои иттилоотӣ машғул мебошад. Аз гуфтаҳои боло бар меояд, ки дар шароити муосир омӯзишу таҳқиқияк қатор илмҳои нав ба роҳ монда шудаанд. Дар забоншиносии муосир низомӯзиши самтҳои алоҳидаи он дар алоқамандӣ бо технологияҳои иттилоотӣ ба таври васеъ ба роҳ монда шудааст. Забоншиносон ҳамаҷуз дар пай таҳқиқотҳои худ самтҳои нави ин илмро кашф намуда мавриди омӯзиш қарор медиҳанд.

Забоншиносии компютерӣ дар забоншиносии муосир ба ҳайси яке аз самтҳои густурда қобили ҳамешагии таҳаввул ба шумор меравад ва дар баробари ин дар ин самт риштаҳо ва бахшҳои нави илмӣ ва амалӣ ба миён омада истодааст, ки забоншиносии пайкаравӣ, дискурси компютерӣ, компютеринги иҷтимоӣ аз ҷумлаи ин соҳаҳост. Забоншиносии компютерӣ ҳамчун илми муосир муддати начандон тулониро аз сар гузаронидааст. Дар солҳои 50-уми асри XX дар асоси як қатор илмҳо, ба монанди математика, забоншиносӣ, информатика ва зехни сунъӣ, самти нави илм – забоншиносии компютерӣ пайдо шудааст. Забоншиносии компютерӣ бахше аз забоншиносӣ амалӣ буда, дар алоқамандӣ бо технологияҳои иттилоотӣ дар самти забоншиносӣ бо таҳқиқ ва паҷуҳиши самтҳои гуногуни забонӣ машғул мебошад. Марҳалаҳои асосии рушди ин илм ба заминаҳои таҳавули усулҳои зехни сунъӣ тааллуқ доранд. Яъне нимаи дууми асри XX марҳалаи асосии рушди бемайлони техникаи компютерӣ ва илмҳои нав ба монанди забоншиносии компютерӣ ба ҳисоб меравад. Ин ба он вобастагӣ дорад, ки асосан дар ин айём технологияҳои микропротсессорӣ ва компютерҳои пуриқтидоре сохта шуданд, ки ба рушди ин соҳа заминаҳои устувор гузоштанд. Бо пайдоиши шароити имконоти мусоид қорҳои таҳқиқотиву омӯзишӣ дар ин самт зиёд гардида, доираи омӯзиши забоншиносии компютерӣ низ хелоҳам васеъ гардид. Махсусан дар ин давра, муҳаққиқон дар пай баррасии масъалаҳои нисбатан муҳими забоншиносӣ, қорҳои зиёдеро ба сомон расониданд, ки барои омӯзиши минбаъдаи он самтҳои навро муайян сохт. Равандҳои ташаккули ва ба танзимдари забонҳамчун илм дар худ марҳалаҳои зиёд ва роҳҳои дарози таърихиро дар бар мегирад. Нутқишифоҳӣ ҳамчун объекти забоншиносӣ мавқеи марказии ин илмро ташкил медиҳад. Дар марҳалаҳои рушди забон фикру ақидаҳо низ нисбат ба байтағйир ёфтаанд. Дар гузашта агар ба хусусиятҳои дохилии қисматҳои забонӣ тавачҷуҳ мекарданд, пас дар охири асри XIX ва оғози асри XX нақши асосиро сохти таркибӣ ва расмӣ дохилии забон ташкил меод. Махсусан дар ин солҳо забоншиносии швейтсарӣ Фердинанд де Сассюр асосҳои ин илмро ҳамчун семиология ва забоншиносии сохторӣ, ба таври мухтасар дар китоби худ "Қурси умумии забоншиносӣ" қайд кардааст. Олимон дар самти баррасии масъалаҳои забонӣ ҳамчун механизми ягона, системаи ҷудонашавандаи аломатҳоро, ки имкон меоданд дар навбати худ забони математикиро тасвир кунанд, диққати худро рағбатона намудаанд. Сосюр якумин шуда муносибати сохториро ба забон ва махсусан тавсифи

забонро тавассути омӯзиши муносибатҳои байни қисмҳои он пешниҳод намудааст. Вай калимаҳоро бо воҳидҳои аломатҳои дарк намуд, ки онҳо дар худ, маънӣ ва садоҳои алоҳидаро доштанд. Консепсияи пешниҳоднамудаи олимони швейтсариягӣ ба назарияи забон ҳамчун системаи аломатҳои аз се қисм иборатбуда: забон (аз фр. Langue), нутқ (аз фр. parole) ва фаъолияти забонӣ (аз фр. langage) ворид гардид.

Ба саволи он, ки то кадом андоза забон системаи аломатҳоро ташкил медиҳад, ва дар кадом самт дар доираи дигар илмҳои фаъолият мебарад, забоншиносии маъруф Фердинанд де Соссюр бо ҷавоби ба худ хос исбот кардааст ва нуктаи муҳими ақидаи ӯ ин аст, ки забоншиносии қисме аз семиология, яъне илми аломатшиносии мебошад. Гуфтан бамаврид аст, ки бо чунин андешаҳои ҷолиби худ Ф. де Соссюр пойдевори назариявии самти навро дар забоншиносии гузоштааст ва ақидаҳои ӯ дар рушди минбаъдаи забондар пажӯҳишҳои бисёр олимони аз қабилҳои Л. Елмслев дар Дания, Н. Трубетской дар Чехия, Л. Блумфилд, З. Харрис, Н. Хомский дар ИМАИдома ёфтаанд ва ҳамчунин ин назарияҳо дар асрҳои XIX ва XX дар қори Ф. Фортунатов ва И. Бодуэн де Куртене дида мешуд. Ишора кардан бамаврид аст, ки Бодуэн де Куртене бо Ф. де Соссюр ҳамкорӣ зич дошт. Агар Соссюр пойдевори назариявии забоншиносии сохториро гузошта бошад, пас Бодуэн де Куртене шахсе ҳисобида мешавад, ки барои дар амал таҷрибаҳои қардани усулҳои пешниҳодкардаи Ф. де Соссюр асос гузоштааст. Махсусан Бодуэн де Куртене забоншиносиро ҳамчун илм муайян карда, бо усулҳои омории истифодашаванда ва вобастагииҳои функционалиаш аз дигар илмҳои филология ҷудо кардааст. [24].

Нақши асосиро дар рушди густариши забоншиносии компютерӣ сохт ва пайдоиши аввалин мошинаҳои электронии ҳисоббарорӣ (МЭХ) гузоштааст.

Бо яд гуфт, ки мошинаҳои электронии ҳисоббарорӣ аз рӯзи аввали пайдоиш ва рушди худ дар ҷомеа тағйиротҳои куллиро ба миён оварданд. Технологияҳои иттилоотии муосир дар тӯли инкишофи худ тадричан ба тамоми самтҳои фаъолияти инсонӣ ворид гардида, ба рушди зинаҳои гуногуни ҷамъиятӣ ва илмӣ оварда расонид.

Бо вучуди ин дар баробар пайдоиши наслҳои нави компютерҳо ва забонҳои барномасозӣ дар солҳои 60-ум як қатор марҳалаҳои нав ва муҳимдар рушди ин самти илм ба миён омаданд. Инчунин маврид ба зикр аст, ки оғози забоншиносии компютерӣ аз заҳматҳои олимони забоншиносии бузурги амрикоӣ Н. Хомский дар доираи ба танзимдорӣ сохторҳои забонӣ сарчашма мегарданд. Натиҷаи таҳқиқотҳои ба дастовардаи вай, дар ҳамбастагии забоншиносии ба математика, ва ба танзим даровардани сохтори грамматикӣ забонбаҳри рушди назарияи забони адабӣ, ки ба таври васеъ дар навишт ҳамчун забони табиӣ ва инчунин дар ҷузъҳои забонҳои сунъӣ барномасозӣ низ истифода мешаванд басо назаррас аст. Аввалин таҳқиқотҳои аввалин коркарди маълумотҳо дар забоншиносии компютерӣ ба сохтани системаи тарҷумаи мошинӣ алоқамандӣ зич дошта, дар ин баробар системаҳои моделкунонидашудаи қобилиятҳои забонии одамони низ дохил мешаванд. Дар охири солҳои 80-уми асри гузашта бо пайдоиш ва рушди босуръати шабакаҳои интернетӣ шумораи зиёди иттилоотҳои матнӣ, ки танҳо дар шакли электронӣ дастрас буданд пайдо шуданд [31]. Ин раванди бо суръат тараққунонда ба он оварда расонид, ки технологияҳои иттилоотӣ ҷустуҷӯи басифати нави марҳалаи рушди худ расиданд. Аҳамияти коркарди автоматӣ матнҳо дар забон боиси пайдоиши масъалаҳои нав ва технологияҳои муосир гардиданд. Фаъолияти олимони ва муҳақиқони соҳа ба як қатор масъалаҳои ҷойдошта, ба монанди бо суръати баланд коркарди баромадани ҷараёнҳои бузурги маълумотҳои ба танзим дароварда шуда ва ғайра дар ин самт тақдирӣ бахшиданд. Бо мақсади дарёфтӣ роҳҳои ҳали мушкилиҳои ҷойдошта дар ин самт нақши асосиро ҷудо карда гирифтани матнҳо, коркард ва истифодаи усулҳои омории дар доираи таҳлили автоматӣ ташкил медиҳад. Ба ғайр аз ин истифодаи усулҳои омории математикӣ ва омӯзиши мошинӣ имкониятҳои ҳалли масъалаҳои шинохти овозҳо ва сохтани системаи ҷустуҷӯро ба миён овард [32]. Ҳамин тариқ забоншиносии компютерӣ аз он вақт то ин ҳол тадричан рушд намуда, ба омӯзиши муҳимтарин масъалаҳои роҷеъ ба забон ва доираи омӯзиши он фаъолият намуда истодааст. Ин раванд дар забоншиносии муосир боз ҳам фаъол гардида ба марҳалаи рушди асосии худ расидааст.

Яке аз соҳаҳои имрӯз густариши ёфтаи дискурси компютерӣ ба шумор меравад, ки он бевосита бо забоншиносии пайкаравӣ робитаи ногусастанӣ дорад. Ин қабл аз ҳама дар он зоҳир мегардад, ки бидуни пайкараи забон таҳлили дискурсивии компютерӣ низ номумкин мегардад. Чихеле, ки маълум аст дар дилхоҳ ҷамъияти илмӣ, касбӣ, ва фарҳангӣ таҷрибаҳои хуби забонӣ мавҷуд буда, дорои матнҳои муайяни ба танзим дароварда ва мавзӯҳои мушаххаси худ мебошанд. Дар улуми муосир ин гуна шакли ба танзим даровардашуда ва таҷрибаро метавон дискурс номид. Дар таҳқиқи дискурсивӣ ба объекти омӯзиш на он қадар матнҳои конкретӣ дохил мешаванд, балки миқдори зиёди матнҳои иҷтимоӣ ворид мегарданд. Дар фазои иттилоотии муосир ду истилоҳ «дискурси компютерӣ» ва «дискурси электронӣ», -ро муродиф гуфтан мумкин аст, чунки ҳарду маънои матни ихтисасдор дар ҳолати гуфтор тавассути воситаҳои электронии алоқа, ва аниқтараш бо воситаи компютерҳо ташкил медиҳанд, ки як қатор таҳқиқотҳоро дар мушкилиҳои ҷойдошта исбот кардаанд. «Дискурси-интернетӣ», чихеле, ки аз номаш маълум аст, таҳқиқи матнҳоро баҳри муошират дар

Интернет, ва ё шабаки Глобалӣ дар назар дорад. «Дискурси шабакавӣ» то андозае васеътар аст нисбат ба «дискурси-интернетӣ», чунки ки дар худ матнҳои ихтоташударо дар ҳолати гуфтор ба монанди дар Интернет, инчунин дигар шабакаҳо, масалан, шабакаҳои локалӣро дар бар мегирад. Ба ғайр аз ин, «дискурси-интернетӣ» ва «дискурси шабакавӣ» дар умум хусусан аз мафҳуми дискурси компютерӣ баромадаанд [33]. Яъне ҳарду истило дар амал бо як мақсад ва як мафҳум фаҳимада мешаванд.

Мафҳуми умумии дискурс имкон медиҳад, то ки дар замони муосир муҳити нави муҳобиротӣ-иртиботӣ миёни омма рушд ёбад ва он шакли нави худ- дискурси компютериро ба амал овардааст. Дар самти таҳлили дискурси компютерӣ чанде аз забоншиносон ба монанди О. Ворон (1999), Е. Вавилова (2001), Е. Галачкин (2006), Н. Моргу́н (2003), Л. Ковалсая (2003), Е. Горошка (2004), П. Кондрашов (2004), В. Михайлов ва С. Михайлов (2004) ва А.Кутузов (2006) машғул шуданд. Сарфи назар аз гуногунии истилоҳоте, ки забони муҳобиротӣ-иртиботии компютериро ифода мекунад, дискурси компютерӣ, дискурси электронӣ, интернет-дискурс ва ё худ дискурси интернетӣ ба таври умум мафҳумҳои мушобеҳанд, ки ҳам мубодилаи ахбор ва ҳам муҳобироти байни одамонро тавассути компютер инъикос мекунад, яъне дискурси компютерӣ муоширати байни одамон дар шабаки интернетӣ ва ё дигар навъи шабакаҳо мебошад. Муоширати компютерӣ ин муҳобирот дар фазои маҷозӣ (виртуалӣ) аст, ки дорои аломатҳои ба худ хос ва фарқунанда мебошад. Хусусияти хоси ин навъи муҳобирот аз истифодаи сигналҳои электронӣ барои мубодилаи ахбор иборат аст. Дар замони муосир якҷанд имконияти муошират ба воситаи компютер дар шабакаи дохилӣ ва ё дар шабакаҳои нисбатан васеътар аз қабилӣ шабакаи миллӣ ва ё ҳатто дар шабакаи глобалӣ мавҷуданд. То ҳол бо тӯфайли интернет фазои нави муҳобираи электронӣ, ки дар нутқи хаттӣ шифоҳӣ бо ҳам тавҷам меоянд, ташаккул ёфтааст. Дар навбати худ густариши технологияи иттилоотӣ ба ҳаёт мафҳумҳои навро ворид менамояд, ки ҳар яки он ифодаи махсусу мушаххаси худро талаб менамоянд. Дар давоми солҳои охир мафҳуми дискурси компютерӣ ҳар чӣ бештар густариш меёбад. Вале фаҳмиши он аз тарафи одамон як хел нест то охираломатҳои хусусиятҳои хоси он ҳанӯз муайяннашудааст. Инчунин ба он бояд тавачҷуҳ зоҳир намуд, ки чори намудани дискурси компютерӣ ҳатман мавҷудияти воситаҳои техникӣ (компютерӣ инфиродӣ) омилҳои фаролингвистӣ (фосилаифазоивазамонӣ мансубият ба ин ё он гурӯҳи иҷтимоӣ ва монанди ин) доштани малакаҳои муайян, ки табиист, дар истифодаи технологияи дахлдори сифода мешавад, талаб менамояд. Лексикаи компютерӣ “воситаҳои худнишондиҳии иштирокчиёни муҳобирот гардида, ба таҳкими дискурси компютерӣ ваҳдати корпаративӣ хизмат менамояд” [35]. Е. Н. Галичкина муҳобираи интернетиро ҳамчун таркиби мураккаби дискурсҳо маънидод мекунад, ки “дар худ аломатҳои ҳаммаи навъҳои дискурсро бидуни мансубият ипурра ба ҳеҷ кадоме аз онҳо фарогирифтааст” [34]. Барои ин мисол овардан мумкинаст, ки интиқоли почтаи шахсӣ (дискурсимаишӣ), мубодилаи расмӣ ва талаби иттилоот (дискурсикорӣ), баррасии масъалаҳои илмӣ дар гурӯҳҳои ахбор ва ё конференсияҳои дискурси илмӣ, банерҳои табиғотӣ (дискурси реклама) ва монанди ин доништа мешавад. Муоширати электронӣ ҳам дар қорҳои олимони ватанӣ ва ҳам дар қорҳои олимони хориҷӣ аз қабилӣ Ю. Д. Бабаева А. Е. Войскунискива О. В.Смислова мавриди баррасии қарор гирифтааст. Ба андешаи мо, дар байни ин қорҳо таҳлили муҳобироти интернетӣ, киолимианглис-ДевидКристаланҷом додааст, аз пажӯҳишҳои ҷолиби диққат аст. Дар асоси назари муҳаққиқони гуногун мо дар қорҳои худ навъҳои зерини дискурси компютериро мавриди таҳлилу баррасӣ қарор додем. 1) веб-дискурс; 2) дискурси почтаи электронӣ; 3) дискурси муоширати ғайрисинхронӣ; 4) дискурсимуоширатисинхронӣ (чатҳо ва бозиҳо) дар интернет. Набояд аз мадди назар дурмонд, ки веб-дискурс дискурсипочтаи электронӣ ба нутқи хаттӣ рақобат доранд, вале ҳамзамон дар фазои маҷозӣ хусусиятҳои намуди нави дискурс, ки дар худ аломатҳои нутқи шифоҳӣ ва хаттиро мутаххид намудааст, равшантар зоҳир мегарданд. Ин навъи дискурс намуди нави нутқи бисёрпаҳлӯ ба шумор меравад. Бори нахуст аломатҳои асосии дискурси компютерӣ дар қорҳои рисолаи диссертатсионии Е.Н.Галичкина [34], ки ба дискурси форумҳои интернетӣ бахшида шудааст, мавриди таҳқиқу омӯзиш қарор гирифтааст.

Аломатҳои хоси ин намуди дискурсро ба таври зайл баррасӣ қардан мумкин аст: 1) ба канали муошират табдил ёфтани сигнали электронӣ; 2) маҷозӣ ва ё худ виртуалӣ будани муошарат; 3) мавҷуд будани фосила ва вақти муайян; 4) ба воситаи будани ва ё худ тавассути воситаҳои техникӣ сурат гирифтани муошарат, дискурс; 5) доштани дараҷаи баланди нуфузпазирӣ; 6) мавҷудияти фароматн; 7) дар маҷмӯъ фаро гирифтани унсурҳои ҳарфӣ, аломатҳои рамзии биноӣ ва рамзии шунавоӣ; 8) баробарҳуқуқ будани иштирокчиён аз ҷиҳати мақом; 9) интиқоли эҳсосот тавассути киёфабозӣ ва “смайликҳо”; 10) муттаҳид намудани навъҳои мухталифи дискурс; 11) истифодаи ахлоқу рафтори хоси муоширати компютерӣ.

Таърих гувоҳ аст, ки инсоният дар тули ҳастии худбахри ташкили шароити зисту зиндагонии арзанда кӯшиш ва талошҳои зиёд намудааст, ва ин раванд то абад боқӣ хоҳад монд. Дар пай талошҳо ва кӯшишҳои пайваستاи хеш башарият якҷанд табадулот ва инқилобҳои азимро низ аз сар гузаронидааст, ки ин инқилобҳо ба пешрафти азими илмиву омавӣ ва техникӣ оварда расонидааст. Дар ин замина кӯшишҳои пайваستاи олимони муҳандисону таҳқиқотчиён дар риштаҳои гуногуни илмӣ, ба

хусус илмҳои дақиқ бо мақсади ташкили тарзи муоссири ҳаёт басо ҳам арзанда аст. Ин кӯшишу талошҳои илми дар пай худ инқилобҳо ва кашфиётҳои азимеро ба бор овард, ки сабабгори рушди ҷомеаи башар гардид. Инқилобҳои иттилоотӣ табодуллооти ҷадидро ба миён оварданд, ки ин табодуллотоҳо дар навбати худ шакли зисту зиндагонӣ, ғайолияти одамон ва ҳатто тарзи фикронии ҷомеароба кулӣ дигаргун сохтанд.

Қайд кардан бамаврид аст, ки ин инқилобҳои илмиву техникӣ, на танҳо баҳри рушди ҷомеа мусоидат намуданд, балки имкониятҳои хуби захирасозии манбаҳои гуногуни илмӣ-омавино баҳри мерос гузоштан ба наслҳои оянда фароҳам оварданд. Инчунин воситаҳои пуриктидори захирасозӣ, коркард ва интиқоли иттилоотӣ низ ба миён омаданд. Дар ин замина дастрасии мардум ба маводҳои илмӣ, илмӣ-омавӣ зиёд гардида сатҳи маърифатии ҷомеа тадриҷан рушд намудааст. Агар аз таърихба даврони гуногун назар афканем, пас мебинем, ки дараҷаи донишу маърифатӣ омма дар зинаи нисбатанпаст қарор дошт, ва сабаби асосии ин албатаримкониятҳои маҳдуди дастрасӣ ба маҳзанҳои илмӣ унвон дода мешавад. Чунонки зикр гардид, ҳалли ин мушкилиҳо албатта бо инқилобҳои иттилоотӣ алоқамандии зиҷ доранд.

Яке аз инқилобҳои аввалин ва басо ҳам муҳим, ки сабаби асосиитаконёбӣ ва рушди ҷомеаи башар гардидааст, инхитроиалифбо ва хатба шумор меравад. Мувофиқ ба сарчашмаҳои таърихӣ аввалин намунаи хатҳо тахминан 10-15 ҳазор сол муқаддамаз солшумории мо пайдо шудаанд. Кашфи алифбо ва хатқадами авалин ва басо ҳам муҳим баҳри дастрасӣ, интиқолва захирасозии манбаҳои иттилоотии хусусиятҳои гуногун дошта ба шумор меравад, зеро бо пайдоиши алифбо ва хат имкониятҳои васеи ҷамоварӣ ва нигоҳдории захираҳои иттилоотӣ ба миён омаданд. Баъд аз пайдоиши алифбо ва хат дар давраҳои гуногуни таърихӣ воситаҳои асосии ҳифзи иттилоот ашёҳои гуногун, ба монандисанҷо, ҷубҳо, пусти ҳайвонот, барги дарахтон ва дигар олотҳои, ки дар онҳо имконияти сабти иттилоот вучуд доштандташкил меоданд. Бояд тазаккур дод, ки ин васоити захирасозии иттилоот аз як ҷониб талаботи рӯзмарраи оммаро қонеъ нагардонидани наметавонистанд, аз ҷониби дигар баҳри сабти маълумотҳои меҳнати сангин ва басо вақти зиёд лозим мешуд.

Инқилоби дуҷуми иттилоотӣ бошад баъди нимаи асри XVI ба ихтироикитобҷопкунӣ рост меояд. Технологияи китобҷопкунӣбарои дар ҳаҷми калон бо тартиби муайян ва бо сифати баланд захирасозӣ ва нигоҳдории маълумотҳои лозимӣ, маводҳои илмӣ бадеӣ ва дигар навъҳои манбаҳои илмӣ асос гузошт. Дар баробарирушди технологияи китобҷопкунӣ аввалин китобхонаҳо, маҳзанҳои илмиву адабӣ ва дигар марказҳои маънавий, ки дастраси ҳамагон буд ба миён омаданд. Ин кашфиёт беназир асоси рушди бемайлоии сатҳи илмӣ, фарҳангӣ ва маърифатии зеҳнии одамон гардид.

Инқилоби сеҷуми иттилоотӣ баохирҳои асри XIX рост меояд, ки ба ихтироии барқ ба ҳаёти инсон дигаргунии кулӣ ворид намуд. Ихтироии барқ ба пайдоиши аввалин воситаҳои муоссири электронӣ аз қабили радио, телевизон, телефону телеграф ва ба ин монанд, ки баҳри дастрас намудани маълумотҳои зарурӣ ва сарфаи ками вақт мусоидат менамуданд асос, гузошт. Инҷунин пайдоиши аввалин воситаҳои электронӣ баҳри расонидани саривақтии маълумотҳои омма заминаи мусоид гузошт.

Инқилоби чаҳоруми иттилоотӣ ба солҳои 70-80-уми асри XX рост меояд, ки бо пайдоиши технологияҳои микропротсессорӣшуруъ гардид. Солҳои ҳафтодум ва ҳаштодуми асри гузашта давраи рушд ва таракқӣ намудани компютерҳои фардӣ ба ҳисоб меравад. Дар ин солҳо компютерҳои, сохта шуданд, ки ҳаҷманхурд буда, хотираивасеи нигоҳдории маълумотҳои дар худ доштанд. Инчунин аз рӯи суръатнокӣ дар муқоиса бо наслҳои пешин тафовути басо ҳам зиёд доштанд. Маҳз рушди ин соҳаи ҳаётан муҳимбоиси пайдо гардидани имкониятҳои васеи захирасозӣ, интиқол ва коркарди маълумотҳои сифатибаланд бо истифода аз усулҳои технологияҳои иттилоотӣ гардид. Дар марҳалаҳои рушди худтехнологияҳои иттилоотӣ ба тамоми самтҳои ғайолияти инсонӣ таъсиргузор гардида ба пайдоиши самтҳои нави омӯзишӣ низ асос гузоштааст. Олимони соҳа азнатичаҳои бадастовардаи худ қаноатманд нагардида, дар пайи амалӣ намудани мақсад ва ҳадафҳои аз ин ҳаммураккабтар шуданд, вадар натиҷа бақашфи усулҳои воситаҳои нави таҳқиқот ва коркарди иттилоот ноил гардиданд. Маҳз дар ин давра як қатор таҳқиқотҳои илмӣ дар заминаи пайдоиши технологияҳои иттилоотӣ дар забоншиносӣ низ ба амал омаданд. Ҳамаи ин таҳқиқотҳои кӯшишҳои пайвастаи муҳаққиқони соҳа ба он оварда расонид, ки забоншиносӣ дар қатори дигар илмҳои рушду намуд ва дар худ як қатор самтҳои омӯзишӣ навро ба монанди “Забоншиносии компютерӣ”, “Забоншиносии пайкаравӣ”, “Забоншиносии интернетӣ” ва “Дискурси компютерӣ”-роба миён овардааст.

АДАБИЁТ

1. Баевский, В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 336 с.
2. Анисимов, А. Компьютерная лингвистика для всех: Мифы. Алгоритмы. Язык. – Киев: Наук.думка, 1991. – 107 с.
3. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 19 с.
4. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках [Текст]: Автореферат

- дисс... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е.Н. Галичкина. – Волгоград, 2001. – 23 с.
5. Долуденко, Е.А. Англицизмы в русскоязычном компьютерном жаргоне [Текст] / Е. А. Долуденко // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация. – Пятигорск. 1999. – 25 с.
 6. Пиотровский, Р.Г., Бектаев, К.Б., Пиотровская, А.А. Математическая лингвистика. – М.: Высшая школа, 1977. – 383 с.
 7. Фернандес-диас Г. Корпус языка политики и его приложение к преподаванию языка. // "Политическая лингвистика" В. № 24 / 2008г.
 8. Сичинава, Д.В. К задаче создания корпусов русского языка // НТИ, сер.2, 2002, N 12 25–31с.
 9. Захаров В.П. Корпусная лингвистика. // Учебно-метод. пособие. – СПб., 2005. – 48 С.
 10. Соснина Е.П. Корпусная лингвистика в обучении языкам. // тез. докл. 36-й научно-тех. конференции проф.-препод. состава УЛГТУ - Ульяновск, 2003.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В данной статье речь идет об истории становлении и развитии теоретических и практических основ компьютерной лингвистики, а также в определенной степени выявлены этапы поступательного развития компьютерной лингвистики в современном языкознании. Отмечается, что компьютерная лингвистика в современном языкознании становилось в сравнительно поздний период, начиная со второй половины двадцатого века. За такой короткий период своего развития данное направление способствовало в развитии всего языкознания, содействуя при этом в решении определенных вопросов других направлений языкознания. Следовательно в настоящее время мы можем заметить, тот факт, что возможности компьютерной лингвистики используются во всех отраслях языка и в большинстве направлений современной лингвистики. Компьютерный дискурс является новой формой общения, разработанной в информационном пространстве с использованием информационных технологий и компьютеров, и рассматривается в качестве формы общения в наше время.

Ключевые слова: язык, компьютер, корпус, Интернет, сети, информация, текст, дискурс, слова.

FORMATION AND DEVELOPING OF THEORY OF COMPUTER LINGUISTICS

The article has given the meanings about the formation of theory of computer linguistics and process of its developing, which is accepted one of the best developed directions of linguistics in modern time. Computer linguistics appeared late in modern linguistics and it helped to solve many problems and in present days it is developing stage by stage. For such a short period of its development, this direction contributed to the development of all linguistics, while helping to solve certain issues in other areas of linguistics. Therefore, at present, we can notice the fact that the possibilities of computer linguistics are used in all branches of the language and in most areas of modern linguistics. One of the main areas of development today is computer discourse. Computer discourse is a new form of communication developed in the information space using information technology and computers, and is considered as a form of communication in our time. Therefore, at present, we can notice the fact that the possibilities of computer linguistics are used in all branches of the language and in most areas of modern linguistics.

Keywords: language, computer, memory, internet, information, discours, text, word.

Сведения об авторе:

Раҳимов Фарход Ҳасаналиевич – аспирант кафедры истории языка и типологии Таджикского национального университета, тел: (+992) 907905925; электронная почта: Idorakuni_92@mail.ru

About the autor:

Rahimov Farhod Hasanaliyevich – graduate student of the Department of the History of Language and Typology of the Tajik National University, Tel: (+992) 907905925; E-mail: idorakuni_92@mail.ru.

КОРБУРДИ ФЕЪЛҲОИ ҲАМРЕША ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКИВУ АНГЛИСӢ

Ҳикматуллоева Н.А.

Таҳлил ва муқоисаву муқобалаи маводи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ нишон дод, ки феълҳои аз нигоҳи бунёд ягона аз ҷиҳати миқдор пас аз исмҳо дар ҷои дувум қарор дошта, баробари умумият доштанишон бо дигар унсурҳои луғавӣ дар тӯли истифодашон боз хусусиятҳои хоси шакливу маъноӣ зоҳир намудаанд. Аз ин рӯ, мо онҳоро ба хоҳири равшан инъикос гардидани вижагиҳои истифодашон ба чанд навъ дастабандӣ кардем. Яке аз чунин гурӯҳҳо феълҳои дар бар мегиранд, ки дар тӯли қорбурдашон дар тоҷикӣ ҳамеша як маъноӣ мушаххасро ифода кардаанд, дар ҳоле ки муодили англисияшон хусусияти сермаъноӣ қабул намудаанд. Масалан, дар забони тоҷикӣ аз даврони қадим сар карда, ду феъли ҳамшакли *анбӯсидан* мавҷуд буд, ки аз байни онҳо *анбӯсидан*¹ фақат маъноӣ «пӯсидан, гандида шудан»-ро дошт [4, ҷ. 2, с.2951], дар ҳоле ки муодили англисии он *foul*, ки яқоя бо *анбӯсидан*² аз **rei-* (дар канори *ri-* 2.)-и забон-асоси ҳиндуаврупой ба маъноӣ «пӯсидан, гандидан» сарчашма гирифтаанд [9, ҷ.1, с.279], маъноҳои: 1. бадбӯ, ганда; 2. нопок, ноҳақ; 3. гандида, пӯсида (хӯрок); гирифташуда, ба бандомада; 4. қабех, нописанд, зишт (тасвир ва ғ.); 5. хабис, разил»-ро ифода менамуд [5, с.345; 9, ҷ.1, с.279].

Феълҳои *омехтани* тоҷикӣ («омезиш додан, махлут кардан, ихтилот додан»-8, ҷ. 2, 28) ва (*to*) *mix*-и англисӣ («1. омехтан, махлут кардан; 2. робита доштан, муошират намудан»-5, 527) низ, ки аз **mei-k-* (дар канори **meik-* ва **meig-*)-и забон-асоси зикршуда ба маъноӣ «омехтан, махлут кардан» ибтидо ёфтаанд [9, ҷ.1, с.115-116], намунаи дигари чунин унсурҳои луғавӣ ҳисоб мешавад.

Дар байни ин гуна феълҳо онҳое низ ба назар мерасанд, ки дар забони тоҷикӣ хусусияти сермаъноӣ дошта, дар англисӣ ба як маъноӣ мушаххас ба қор мераванд. Воҳидҳои луғавии *бохтани* тоҷикӣ ва (*to*) *game*-и англисӣ мисоли ҳамин навъи феълҳо ба шумор меравад, яъне агар *бохтан* дорои маъноҳои: «1. бой додан, аз даст додан; мағлуб шудан, шикаст хӯрдан; 2. бозӣ кардан, бо бозие машғул шудан (шоҳмот, футбол ва ғ.)» бошад [9, ҷ. 1, с.238], пас (*to*) *game* танҳо «бозӣ кардан, қимор бохтан»-ро мефаҳмонад [5, с.357].

Иддае аз чунин унсурҳои луғавӣ агарчи дар яке аз забонҳои мавриди таҳлил фақат ба як маъноӣ мушаххас истифода мешаванд, онҳо бо як хусусияти қорбурдашон аз ҳамдигар фарқ мекунанд. Ин ҳам бошад, дар яке (тоҷикӣ) дар ду мувозӣ, дар дигаре (англисӣ) танҳо дар як вариант гардиш доранд. Масалан, аз даврони асримиёнагӣ сар карда, дар забони тоҷикӣ феъли *лесидан*, ки бо (*to*) *lisk*-и англисӣ аз **leigh*-и забон-асоси ҳиндуаврупой ба маъноӣ «лесидан» ибтидо ёфтааст [9, ҷ.4, с.2519], боз ба гунаҳои *лиштан* ва *листан* ба ҳамон маъноӣ «лесидан, забон бар чизе молидан» истифода мегардид [4, ҷ. 12, с.17366], аммо муодили англисии он танҳо дар шакли ягонаи (*to*) *lisk* маъноӣ зикргардидаро ифода менамуд.

Агарчи ҳоло дар забони адабии тоҷикӣ шакли *лиштан* бар хилофи гунаи *лесидан* ба қор намеравад, аммо дар лаҳҷаҳои ҷанубии тоҷикӣ ин гунаи қухани вожа яқоя бо шакли дигари он-*лъиштан* боқӣ мондааст [6, с.417; 7, т. 5, с.55].

Қисми дигари ин гуна воҳидҳои луғавиро онҳое дар бар мегиранд, ки дар ҳар ду забони мазкур дар ифодаи чанд маъно истифода мегардан, вале онҳо аз як ҷиҳат аз якдигар тафовут доранд. Ин ҳам бошад, чунин ҳамвожаҳо дар забони тоҷикӣ илова ба сермаъноӣ боз хусусияти дувариантиро доро буда, муодили англисияшон фақат дар як шакли мушаххас ба қор мераванд. Чунончи, ниёғони тоҷикон феъли *навиштан*ро, ки яқоя бо *picture* –и забони англисӣ аз **peik-* (дар радифи 1. **peig-*)-и забон-асоси ҳиндуаврупой сарчашма гирифтаанд [9, ҷ.4, с.2727-2728] боз ба гунаи *нивиштан* низ мавриди истифода қарор дода, ҳар ду шаклро дар ифодаи маъноҳои зерин ба қор бурдаанд: «1. фикре, матлабери рӯи (ба рӯи) қоғаз овардан, нигоштан; 2. таълиф кардан, эҷод кардан, ба вучуд овардани асари адабӣ ё илмӣ; 3. рӯбардор кардан, рӯнавис кардан, китобат намудан» [8, ҷ. 1, с.879]. Муодили англисии он бошад, танҳо дар шакли ягонаи *picture* маъноҳои: «I.1. расм, тасвир, акс; 2. сурат; 3. филми кино, навор; 4. кинотеатр, тамошо; санъати кино; II. 1. акс андохтан; 2. нишон додан; 3. ба худ тасаввур кардан» [5, с.606] - ро ифода кардааст.

Феъли *лагзидан*, ки бо вожаи англисии *slime* аз *(*s*)*lei-* ġ(*h*), *(*s*)*lei-*-и забон-асоси ҳиндуаврупой ба маъноӣ «лазҷ, луобӣ» ибтидо ёфтааст (9, ҷ.4, с.2549), дар осори ниёғони тоҷикон дар мувозихои *лезидан*, *лагзидан*, *лагзидан* низ истифода гардида, дорои маъноҳои: «1. молиш хӯрда, аз ҷои худ рафтани, ғечидан; 2. мачозан надониста хато содир кардан, аз камтаҷрибагӣ хато кардан буд [8, ҷ. 1, с.708, 719], муодили англисияш бошад, маъноҳои «1. лой, гил, гилоба; 2. бо чиркинӣ рӯйпӯш намудан»-ро ифода мекард [5, с.753].

Ҳиссаи дигари чунин воҳидҳои луғавӣ дар ҳар ду забон бештар ду маъноро ифода намудаанд. Ба силсилаи ин гуна калимаҳо феълҳои *шумурдан* («1. ҳисоб кардан, теъдод кардан, шумора кардан; 2. пиндоштан, маҳсуб доништан -8, ҷ. 2, 658) ва (*to*) *mourn* («1. ғам хӯрдан, афсӯс хӯрдан; 2. сӯғворӣ кардан, мотамдор будан» -5, 535) < аз *hmar*-и забон-асоси ҳиндуаврупой ба

маъноӣ «ба ёд овардан, таваччӯҳ кардан» (9, ҷ.3, 1903), *нолидан* («1. гиряву зорӣ кардан, нолиш кардан; 2. шикоят кардан, гила кардан» (8, ҷ. 1, 929) ва *(to) snarl* («1. наъра задан, гурридан, хурхур кардан, неш нишон додан (сағ, хирс ва ғ.); 2. бо хашму газаб иброз намудан, сарзаниш кардан»-5, 759), < аз **(s)ner-* (дар канори **(s)nur-*)- и забон-асоси хиндуаврупоӣ ба маъноӣ «хурхур кардан, гурридан» [9, ҷ. 4, 2714-2715], *мофман*¹ («1. тобидан, дурахшидан, барафрӯхтан, рӯшноӣ афкандан, партав андохтан; 2. гарм кардан»-8, ҷ. 2, 353) ва *tepid* («1. нимгарм, гармакак; 2. маҷозан сард»-5, 831), < **tep-* и забон-асоси хиндуаврупоӣ ба маъноӣ «гарм будан» [9, ҷ. 2, с.817-818] метавонанд мансуб бошанд.

Як қисми калони чунин унсурҳои луғавиро феълҳои дар бар мегиранд, ки дар ҳар ду забон ба маъноҳои бисёр истифода мешаванд, аммо ҳангоми миқдори чунин маъноҳоро ҳисоб намудан аён мешавад, ки шумори маъноҳо дар тоҷикӣ дар муқоиса бо англисӣ бартарият доранд.

Чунинчи, воҳиди луғавии *бастан* дар забони тоҷикӣ ба 11 маъно вазифа ба қор рафтааст («1. гиреҳ карда пайвастан, нӯг ба нӯг васл кардан; 2. чизеро ба чизе ё ба чое бо банд пайвастан; 3. Печондани чизе ба чизе; 4. латтапеч кардани ҷароҳат; ҷо ба ҷо монда печондани ҷои шикастаи устухон; 5. банд кардан, маслуд кардан (масалан, пеши обро бо банд); 6. пӯшондани тирезаро; 7. маҷозан маҷбур ба бозистодан кардан, қатъи ғайбӣ намудани идора ё мағозае; 8. баровардан, мева пайдо кардани растани; 9. афсурдан, мунҷамид шудан; 10. мунҷамид кардан, қабул кардан; 11. чун феълӣ ёридиҳанда бо баъзе калимаҳо омада, феълӣ таркибӣ месозад»-8, ҷ. 1, с.151), дар ҳоле ки муодили англисии он *(to) bind* ҳамагӣ ба 6 маъно истифода шудааст («1. 1. пойбанд, маҳдудият; 2. банд, баст; 3. ишқел, гирифтӣ (дар нутқи гуфтугӯӣ). II. 1. бастан, ҳамбаст кардан; 2. дӯхтан; 3. бо ҳам часпонидан; 4. боздошт кардан, маҳдуд кардан; 5. сахҳои кардан; 6. шогирд шудан» [5, 98], < аз *bhendh-* и забон-асоси хиндуаврупоӣ ба маъноӣ «бастан, маҳкам кардан, задан» [9, ҷ. 1, с.483-484].

Таҳлил собит месозад, ки феълӣ *буридан* ба 5 маъно, *пухтан*-4 маъно, *додан*-8 маъно, *гирифтӣ*-17 маъно, *мондан*-10 маъно, *нишастан*-8 маъно, *истодан*-7 маъно, *доштан*-8 маъно ба қор рафтаанд: *буридан*- («1. чизеро бо ягон олоти тезу буранда ба ду ҳисса ё зиёда аз он чудо кардан; пора кардан; қатъ кардан; ҷок кардан, тилим кардан; 2. аз рӯи андозае қайчӣ кардани матоъ; 3. чен карда зиёдатиширо гирифтӣ; 4. ҷароҳат пайдо кардан, тилим-тилим гаштани рӯи забон аз шиддати туршӣ ё ширини, даст аз оҳак ва ғ.; 5. турш шудани шир»-8, ҷ. 1, 247) ва *(to) bore* («1. сӯроҳ кардан; 2. нақб қандан; 3. сӯроҳ шудан, парма кардан»-112, 111), < аз *bhri*, дар радифи *bhrei-* и забон-асоси мазкур [9, ҷ.1, с.468-469], *пухтан* («1. чизеро ба воситаи оташ пазондан, ҷӯшондан, нарм кардан барои хӯрдан; 2. расидани ҳосил; 3. расида ба қафидан наздик шудани реш ва м. инҳо; 4. тайёр ва омода кардан / шудан; дуруст кардан / шудан; бо фикру мулоҳиза ё бо маслиҳат амале, шуғлеро анҷом додан ё тағйир кардан; 5. обутоб ёфтан»-8, ҷ. 2, 131) ва *(to) cook* («1. пухтан, пазондан; 2. маҷозан сӯхтан дар офтоб; 3. бофта баровардани ҳикоя; 4. сохтани ҳуччати қалбақӣ»-5, 194), < аз *rek^u*-и забон-асоси номбурда ба маъноӣ «пухтан» [9, ҷ. 2, с.634], *додан* («1. ба ихтиёри касе вогузоштан, супурдан; 2. маҷозан ба шавҳар додан, ба қайди никоҳи касе даровардани духтаре; 3. маҷозан гуфтан; 4. ниҳодан, гузоштан; соҳиб кардан; 5. баровардани садо; 6. барпо кардан, ороштан; 7. чун феълӣ ёридиҳанда таркибҳои гуногуни феълӣ месозад; 8. ҳамчун феълӣ ёридиҳанда дар таркибҳои феълӣҳои маъноӣ барои шахси дигар иҷро шудани амалеро ифода мекунад»-8, ҷ. 1, 457) ва *doom* («1. сарнавишт, тақдир, қисмат; 2. ҳукм, фармон, дастур; 3. доварӣ, қазоват»-5, 262), < аз *reha* *dhē-* и забон-асоси ёдшуда (9, ҷ. 2, с.1236), *гирифтӣ* («1. чизеро аз чое ба даст бардоштан; 2. доштан, бо даст қапидан; 3. қабул кардан, пазируфтӣ; 4. ишғол кардан, забт кардан; соҳиб шудан, ба даст даровардан; 5. рӯёндан, ба даст овардан, бардоштан; 6. банд кардан, садд шудан; 7. ситондан, зӯран рӯёндан, рабудан; 8. ба нумув даромадан, сабзидан, амал кардан; 9. тарошидан, буридан; 10. сакта пайдо кардан, лакнат пайдо намудан; 11. сайд кардан, шикор кардан, доштан; 12. воқеъ шудани қусуфу ҳусуфи Офтобу Моҳ; 13. маҷозан зан кардан, ба издивоҷ даровардан; 14. маҷозан хӯрдан, тановул кардан; нӯшидан; 15. фарз кардан, тасаввур кардан; 16. бо масдарҳо яқоя омада, сар шудан ва давом доштани амалро мефаҳмонад; 17. дар таркибҳои феълӣ омада, барои ҳуди шахс иҷро карда шудани амалро мефаҳмонад»-8, ҷ. 1, 325) ва *(to) grab* («1. қапидан, ногаҳон ва ба зӯри гирифтӣ; 2. боло кашидан; 3. таҳти таъсир қарор додан, ба дили касе ҷанг задан»-5, 373), < аз **ghrebh-* 1., дар радифи **ghrebhā-* ва **gherbh-* ба маъноӣ «гирифтӣ» [9, ҷ. 4, с.2379], *мондан* («1. гузоштан, ниҳодан; ҷо кардан; 2. шинондан, насб кардан; 3. таъйин кардан; 4. боқӣ будан, бозмондан; 5. сарфи назар кардан, даст кашидан аз коре; 6. истодан, ист кардан, будан, иқомат кардан; 7. қатъ шудан; бозистодан; 8. вогузоштан, ҳавола кардан, ба ихтиёри касе гузоштан; 9. иҷозат додан, раъй додан, имкони иҷрои қореро додан; 10. дар таркиби ибораҳои феълӣҳои омада, маъноҳои тасодуфан иҷро шудани амал, оғоз ва устувор гаштани амалеро ифода мекунад»-8, ҷ. 1, 813) ва *(to) remain* («1. мондан; 2. боқӣ мондан, ҳанӯз вучуд доштан»-5,

676), < аз 5 **men*-и забон-асоси зикршуда ба маънои «диранг кардан, интизор кашидан»-[9, ч. 4, с.2576-2577], *нишастан* («1. сурина худро ба чое гузошта, пойхоро қат ё дароз карда, қарор гирифтани, шиштан; 2. фурӯ рафтани, чӯкидани; 3. фуromaдан, поин шудани; 4. савор шудани; 5. истиқомат доштани, иқомат кардани, соқин будани; 6. часпидани; 7. ҳамчун феъл давом доштани амалро ифода мекунад; 8. ҳамчун феъли ёридиҳанда феълҳои таркибии номӣ месозад»-8, ч. 1, 920) ва *(to) sit* («1. нишастани; 2. маҷлис кардани, чаласа доштани дар додгоҳ, порлумон; 3. рӯи тухм хобидани паранда; 4. аъзо будани»-5, 747), < аз **sed*-и забон-асоси ишорагардида ба маънои «нишастани» [9, ч. 4, с.2758-2759], *истодан* («1. ба по будани; 2. иқомат доштани, зистани, будани; 3. таваққуф кардани; ист кардани; қарор гирифтани; ором шудани; 4. барҷо (қоим) будани; воқеъ гаштани; 5. истодагарӣ кардани, устувор будани, пойдор будани; 6. ҳамчун феъли ёридиҳанда ба феълҳои асосӣ ҳамроҳ шуда, давомнокии амалу ҳолатро ифода мекунад; 7. ҳамчун феъли ёридиҳанда шаклҳои замони ҳозираи муайян ва замони гузаштаи дур месозад»-8, ч. 1, 563) ва *(to) stand* («1. истодани; 2. хестани, бархостани; 3. мондани; 4. бардоштани, тоқат кардани, худдорӣ намудани»-5, 784), < аз *stā*-и забон-асоси мазкур ба маънои «истодани» [9, ч. 1, с.337-338], *доштан* («1. доро (молик, соҳиб) будани ба чизе, дар тасарруфи касе будани чизе; 2. гирифтани, қапидани; 3. сайд кардани, ба даст даровардани; 4. дастгир намудани, банд кардани; 5. аз ҳаракат боздоштани; 6. нигоҳ доштани, ҳифз кардани; 7. ба қор бурдани, истифода бурдани (дар нутқи гуфтугӯӣ); 8. чун феъли ёридиҳанда таркибҳои гуногуни феълӣ месозад»-8, ч. 1, с.468-469) ва *throne* («1. тахт; 2. мақом, салтанат, шохӣ; 3. подшоҳ, султон; 4. мақоми баланд»-5, 839), < аз 2.**dher-*, дар радифи **dherə*- ба маънои «нигаҳ доштани, маҳкам гирифтани, ҳифз кардани, пойдани»-[9, ч. 2, с.1244-1245].

Ҳиссаи дигари ин гуна унсурҳои луғавӣ баръақси гурӯҳи боло феълҳои дар бар мегиранд, ки сарфи назар аз доро буданашон ба сермаъноӣ шумори маъноҳо дар забони англисӣ нисбат ба тоҷикӣ бартарӣ дорад. Масалан муодили англисии феъли *омадани* тоҷикӣ, яъне *(to) come* ба 9 маъно истифода гардидааст, дар ҳоле ки дар тоҷикӣ он дорои ҳамагӣ 5 маъност: «1. ба чое ворид шудани, ба чое расидани; 2. расидани; 3. фаро расидани; 4. шудани; 5. бо исми маъноӣ омада, воқеъ шудани ҳолате ё ҳодисаеро мефаҳмонад»-[8, ч. 1, с.28]; *(to) come* («1. омадани; 2. расидани, баробар шудани; 3. рафтани; 4. рӯй додани; 5. сабаб шудани; 6. ба ёд омадани, ба хотир овардани; 7. ҳосил шудани, ба даст омадани; 8. ба сазои худ расидани (дар нутқи англисҳои Америка); 9. мерос гирифтани»-5, 172), < аз *g^hem*-и забон-асоси мазкур ба маънои «рафтани, омадани» [9, ч.1, с.111].

Ба қатори чунин воҳидҳои луғавӣ инчунин метавон муодили англисии феълҳои *давидани*- 5 маъно, *оростани*-7 маъно, *густурдани*-5 маъно, *нарридани*-2 маъно ва м. инҳоро зикр кард: *давидан* («1. тохтани, тозон рафтани; босуръат рафтани; 2. маҷозан давуғеч кардани, давутоз кардани, бисёр рафтуоӣ кардани; кӯшиш кардани (барои ба даст овардани чизе); 3. маҷозан пайдо шудани, намоён шудани, хувайдо гаштани, хусусан якбора»-8, ч. 1, 395) ва *dew* («1. жола, шабнам; 2. тароват, тозагӣ (дар нутқи шоирона); 3. маҷозан ҳар чизи мулоим ва тароватбахш; 4. қатраи борон; 5. ашк»-5, 242), < аз *dheu-*: 1.тохтани, давидани, қорӣ шудани [9, ч. 2, с.1379], *оростан* («1. зинат додани, ороиш додани; 2. барпо кардани, мурағтаб сохтани») ва *(to) read* («1. хондани, қироат кардани; 2. баланд хондани; 3. хорич намудани; 4. нишон додани; 5. риштаеро хондани дар донишгоҳ; 6. дарк кардани, пай бурдани; 7. фаҳмонда додани; 8. пешгӯӣ кардани»-5, 663), < аз **rēdh-* | **rōdh-* «оростани, тартиб додани», < **rē-* | **rō-*, < 1. **ar-* «муносиб будани, шоиста будани» (9, ч.1, с.31-32), *нарридан* ба маънои «бонг баровардани, гурридан» ва *(to) snarl* (1. наъра задани, гурридан, хурхур кардани, неш нишон додани сағ, хирс ва ғ.; 2. бо ҳашму ғазаб иброз намудани, сарзаниш кардани»-5, 759), *(to) snore* ба маънои «хуру пуф кардани, хуррок кашидани»-5, 1760), < аз 1. *(*s*)*ner-*, дар радифи *(*s*)*nur*-и забон-асоси номбурда ба маънои «гурридан» [9, ч. 4, с.2745], *густурдан* ба маънои «пахн кардани, партофтани, андохтани» [8, ч. 1, с.352] ва *(to) strew* («1. пошидани, афшондани, рехтани; 2. афшонда шудани, пошонда шудани»-5, 798), < аз *star-* < аз 5. **ster*-и забон-асоси ишорагашта ба маънои «густурдан, кашидани, пахн кардани» [9, ч. 4, с.2408-2409] ва амсоли инҳоро мансуб донист.

Ҳамин тавр, ҳамвожаҳои марбут ба феъл дар ҳар ду забони мавриди таҳлил бо вижагиҳои муайяни худ аз дигар гурӯҳи унсурҳои луғавӣ фарқ дошта, дар тӯли дурударози истифода ба дигаргуниҳои шакливу маъноӣ дучор гардидаанд.

Аксари чунин ҳамвожаҳо дар ифодаи якчанд маъно ба қор рафта, аз ин ҷиҳат гоҳ забони тоҷикӣ ва гоҳ забони англисӣ бартарӣ дорад.

Дар доираи феълҳо низ мисли ҳиссаҳои номии нутқ, ба хусус исмиҳо дар ду ё зиёда мувозӣ мавриди истифода қарор гирифтани ҳамвожаҳо низ ба мушоҳида мерасад.

АДАБИЁТ

1. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз, 1956. – 218 с.
2. Аракин В. Д. История английского языка. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 272 с.
3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-

- типологический анализ праязыка и прокультуры / Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. – Т. 1. – 428 с.; Т. 2. – С. 439-1328.
4. Деххудо А. Луғатнома. Ҷилдҳои 1-14. Техрон, 1373.
 5. Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 1015 с.
 6. Маҳмудов М. и др. Фарҳанги ғӯишҳои ҷанубии забони тоҷикӣ / М.Маҳмудов, Г.Джураев, Б.Бердиев – Душанбе: Пайванд, 2012. – 946с.
 7. Расторгуева В. С., Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М.: Восточная литература, 2000. – Т. 1. – 327 с.; 2003. – Т. 2. – 503 с.; 2007. – Т. 3. – 493 с.; 2011. Т. 4. – 411 с.; 2015. Т. 5. 566 с.
 8. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Зери таҳрири Назарзода С. ва дигарон. Ҷилдҳои 1 (949с.)-2 (944с). – Душанбе, 2008).
 9. Ҳасандӯст М. Фарҳанги решашинохтии забони форсӣ. Ҷилдҳои 1-4. Техрон, 1384.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается вопрос изоглоссы, относящийся к глаголу. Автор проанализировал особенности использования этих групп словарных элементов на основе материалов двух однородных языков.

В статье автор рассматривает изоглосс, по значению, которых они делятся на 3 группы: 1. изоглоссы в процессе их употребления в одной из этих языков всегда выражающий конкретное значение, но с другой имеющий полисемантическую особенность; 2. изоглоссы в одной из этих языков в одной параллели, но в другой имеющий два или более форм; 3. Изоглоссы, которые имеют много значений в обоих языках, несмотря на это в одном языке этих преимуществ больше.

Ключевые слова: глагол, индоевропейская семья языков, изоглосс, таджикский и английский языки, семантика слов, согласование формы и значения, параллельное значение, неупотребляемая форма слова

THE USAGE OF PARONYMOUS VERBS IN TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

The article is devoted to the study of verb isogloss. The author analyzes the features of the usage of these groups of vocabulary elements on the basis of two homogeneous languages materials.

The article researches isogloss that is divided into three groups in meaning: 1 isoglosses having the concrete meanings in a process of their usage in one of the languages; 2 isoglosses in one of the languages have one parallel meaning, have one or more forms in another language; 3 isoglosses having several meanings in both languages, but there are more advantages in one of the languages.

Keywords: verb, Indo-European group of languages, isogloss, Tajik and English languages, the range of meaningful words, the agreement of form and meaning, parallel meaning, uncommon form of word

Сведение об авторе:

Ҳикматуллоева Наимахон Анварходжаевна - соискатель кафедры таджикского языка факультета филологии Худжандского государственного университета имени Б.Гафурова (Республика Таджикистан, Худжанд) E-mail: naimakhon@bk.ru

About the author:

Hikmatulloeva Naimakhon Anvarkhojaevna - claimant for candidate degree of Tajik language department under the faculty Tajik philology of Khujand State University named after academician B.Gafurov (Tajikistan Republic, Khujand) E-mail: naimakhon@bk.ru

ПАСВАНДҲОИ ИСМСОЗ ДАР НАСРИ БАДЕИИ АБДУЛҲАМИД САМАД

Валиев Ҷ.А.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Баррасии роҳҳои калимасозии осори адибони давраҳои гуногуни адабиёти оламгири тоҷик яке аз масъалаҳои муҳими илмӣ ба шумор меравад. Дар онҳо калимаю ибораҳои дар қолибҳои суннатӣ сохта шуда, ки барои давраи кунунии тараққиёти забонамон муфид арзёбӣ мешаванд, кам нест, аммо ин ганҷинаи пурбаҳо ба нудрат мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Дар баробари ин таҳқиқи масоили калимасозии осори адибон барои муайян намудани имконот ва ҳунари шоирону нависандагон дар бахши калимасозӣ аҳамияти калон дорад. Инро метавон аз намунаҳои таҳқиқи, ки ба масъалаи баррасии роҳҳои вожаҳои дар “Шохнома”-и Абулқосим Фирдавсӣ [3], дар насри бадеии Фазлиддин Муҳаммадиев [1], ва дар баррасии калимасозии исм аз рӯйи забони «Гулистон»-и Саъдии Шерозӣ [11] анҷом гирифтааст, мушоҳида намуд.

Ба ақидаи забоншинос С.Хоркашев “Нақши вожаҳои дар такмили таркиби луғавии забон

бениҳоят бузург аст” [7, с.20]. Аз ин дидгоҳ калимасозӣ тариқи пасвандҳоро яке аз роҳҳои бой гардонидани таркиби луғавии забонамон меҳисобем.

Мо дар ин мақола кӯшиш ба харҷ медиҳем, ки дар асоси маводи осори адиби барҷастаи муосири адабиётгамон Абдулҳамид Самад то ҷойи имкон пасвандҳоро, ки исми ашё ва макон месозанд, баррасӣ намоем. Дар осори адиби мазкур пасвандҳои **-ак, -ча, -она(-ёна), -ок, -ол, -дон, -гоҳ, -зор, -истон, -сор, -бор, -ина, -шан, -када** истифода шудаанд, ки имконоти калимасозии онҳо яқин нест. Инак барои муайян сохтани дараҷаи истифодаи пасвандҳо онҳоро дар алоҳидагӣ баррасӣ менамоем.

Пасванди –а (-я). Пасванди мазкур сермаҳсул буда, аз ҳиссаҳои гуногуни нутқ исм месозад:

1. **Аз исмҳо** бештар исми монандӣ: **дара, забона, шоха** ва ғайра месозад. Калимаҳои мазкур дар осори адиб борҳо истифода мешаванд, аммо ин ҷо чун намуна барои ҳар кадом як мисол меорем:

Эй духтараке, дараи Варзоб равем,

Рӯймоли туро кӯрпа кунем, хоб равем... [с.75].

Дар ҷумлаҳо: Пайкари ӯ дарақ-дарақ меларзид, рӯяш мисли **забонаи** оташ суп-сурх шуда буд (саҳ.114). Сипас аз шӯълаҳо чашм наканда, **шохаҳои** хушкӣ бедро сари зону чарс-чарс шикаста, ба оташдон партофтагӣ (саҳ.9).

2. **Аз сифатҳо** исме, ки ашёро аз рӯи аломаташон ифода менамояд: **сабза, сафеда**. Мисол дар ҷумла: Зеби зимистон барфу зеби баҳор борони найсон, офтобаки гарм, **сабзаи** махмалин ва гулу себарга аст (саҳ.79). Ҳар рӯз ба рӯяш ончунон сурхиву **сафеда** меомолад, ки... [с.23].

3. **Аз шумора** исми ифодакунандаи воҳиди вақт ва узви инсон месозад: **ҳафта, чилла, панча**. Зикр қардан зарур аст, ки калимаи ҳафта 12 маротиба, вожаи чилла 3 бор ва калимаи панча 13 маротиба дар осори адиб истифода шудааст. Мисол дар ҷумла: Хоҳад ҳар рӯз, нахоҳад, охири **ҳафта** меояд (саҳ.26); Рӯзи дигари **чиллаи** тобистон тобути Раҳимбекро аз мурдаҳона бароварда, ба деҳа гуселонидем (саҳ.112). Ӯ риши пахмоқи зардтобашро бо **панча** шона зада, бо як форинболии ба худ хос суҳанашро идома дод (саҳ.6).

4. **Аз асоси замони ҳозираи феъл:**

а) исми ифодакунандан натиҷаи амал: Аммо ба тахта саҳт задани мӯҳраҳо мисли дандонҳои арра, ки ҷӯбро **реза** мекунад, майнаро озор медиҳад (саҳ.9).

б) исми амал ва ҳолат: **бӯса, нола, ханда**. Мисол дар ҷумла: Латофат бо ҳаяҷон, вале бо овози паст «маро табрик кунед!» гуфту аввал Назокатро ба оғӯш кашида, **бӯсаборон** кард (саҳ.66); **Нолаи** ба тахта кӯфтани мӯҳраҳо бо шилдир-шилдири оби наҳр ва хишир-хишири шоҳу барги дарахти тут як шуда, хомӯшии ҳаловатбахши ҳавлиро ҳалалдор кард (саҳ.9); Пакана табассум, дурахши чашмон, гӯшақӣ ва **хандаи** онҳоро ба тарзи худ маънидод кард (саҳ.4).

5. **Аз калимаҳои тақлидӣ** номи асбоб ва амалу ҳолат: **ғулғула, шаршара**. Мисол дар ҷумла: Ришханд, чунбучӯл, **ғулғула**, миш-миш, пичир-пичир ба миён омад (саҳ.53). Дар як лаҳза дар гӯшаҳои чатри духтарак аз оби борон **шаршара** пайдо шуд (саҳ.81).

Пасванди –ак. Ин пасванд сермаҳсул буда, аз ҳиссаҳои гуногуни нутқ исм месозад:

1) аз исмҳои конкрет номи предмет, ки ба асосаш аз ягон ҷиҳат монанд буданро мефаҳмонад: **айнак, дастак, гӯшақ** ва ғ. Мисол дар ҷумла: Омӯзгорони имтиҳонгир се нафар буданд, яке мӯйсафедаи хароби **айнакдор**, дигаре миёнаумри тоссар, ки ҳар замон месурфид, сеюмӣ чавони мағрурнамо (саҳ.12). Раҳматшоҳ чанд қадам тарафи дар ниҳод, аз **дастак** дошт, вале баргашта узромез гуфт (саҳ.85). Пакана табассум, дурахши чашмон, **гӯшақӣ** ва хандаи онҳоро ба тарзи худ маънидод кард (саҳ.4).

2) аз исмҳои ҷондор номи ашё: **ҳарак**. Мисол дар ҷумла: – Муҳаббатат ба китоб бениҳоят зиёд будааст, додар, – пичингомез гуфт амакам ва ба **ҳараки** бари роҳ, ки сояи дарахти себ ба болои он афтада буд, амонат нишасту бо ришханд афзуд (саҳ.3).

3) аз калимаҳои тақлидӣ номи бозичаҳо ва амал: **чирчирак**. Мисол дар ҷумла: Аз ҳама пеш хомӯшии байни гулзорро ғазалхонии **чирчираке** ҳалалдор кард (саҳ.92).

Пасванди **-ча** аз исмҳои конкрет номи ҷиз сохтааст: Воқеан, аз ҳар гапу **калоча** захри зақум хӯрда, обу адо шудан ҷӣ фоида? Лекин аз мероси бобой ҳам даст кашидан амри муҳол будааст... (саҳ.73-74).

Пасванди **-она(-ёна)** дар исмҳои каммаҳсул аст, бештарини исмҳо бо **-она** аз сифат гузаштаанд. Ин пасванд аз исмҳои конкрет ва маънӣ исме месозад, ки асбоб, музд, тӯҳфа ва инъомро мефаҳмонад: **моҳона, тӯёна, идона, шукрона** ва ғайра: – Шумо бо ҷои хоб ва **моҳона** таъмин мешавед (саҳ.18). Ангуштари **тӯёнаро** худам барои шумо меёбам... (саҳ.67). Яқтааш мурад, **шукрона** мекунӣ, андаке осуда мешавӣ, лекин боз мебинӣ, ки аллакай ҷойгираш пайдо шуд... (саҳ.6).

Бо унсури **идона** гарчанде дар асари Абдулҳамид Самад мо мисол пайдо накардем, вале дар назми Мирзо Турсунзода як мисол барои равшантар шудани фикрамон овардем:

Ман охир иди нав дар хона дорам,

Ба халқи кишварам **идона** дорам. (Турсунзода).

Пасванди **-ок** бемаҳсул буда, аз асоси замони ҳозираи феъл ва калимаи тақлидӣ номи предмет, беморӣ ва амал сохтааст: **хӯрок**. Мисол дар ҷумла: Ӯ ҳамон рӯз аз ҷое куттии калони картонӣ пайдо

кард ва барои сагу бачаҳо яш хона сохт; аз ошхонаи хобгоҳ устухону пасмондаҳои **хӯрокро** оварда, ба он ҷо гузошт (сах.24-25). Дар ин мисол калимаи **хӯрок** аз асоси замони ҳозира бо пасванди **-ок** ва бо пасоянди **-ро** омадааст.

Қолаби мазкур дар насри бадеии Абдулҳамид Самад 12 маротиба мавриди корбурд қарор гирифтааст.

Пасванди **-ол** бемаҳсул буда, аз исми конкрет номи узви бадан месозад, ки монандиро ифода мекунад: **дунбол**. Мисол дар ҷумла: Ва ҳангоми таҳсил агар муаллимон аз вай мавзӯро пурсанд, мисли робот ночунбон истода, ончунон ки тирҳо бонизом аз мили туфанг мепаранд, суханҳо низ аз даҳони **ӯ дунболи** ҳамдигар мебароянд (сах.44).

Абдулҳамид Самад дар воқеъ нависандааст, ки ба дили хонанда, тавассути ҳунари хеш роҳ ёфтааст.

Пасванди **-дон** сермаҳсул буда, дар забони адабии ҳозираи тоҷик ҷунини омадааст, аз исмҳои конкрет исми зарфият, номи асбоб месозад: **хокистардон**. Мисолҳо дар ҷумла: Муаллим боз чанде сигарет кашид, баъд гӯё аз сӯзиши байни ангуштон ва лабонаш ба худ омада, як такон хӯрд, бо қароҳат нӯги сигаретро ба **хокистардон** пахш карда, айнак аз рӯи миз гирифта ба ҷашм монд ва дуру дароз ба Пакана нигарист (сах.15). – **ӯ** аз даҳонаш ҳалқа-ҳалқа дуд бароварда, пасмондаи сигаретро бо қароҳат ба **хокистардон** партофт (сах.43).

Пасванди **-гоҳ** сермаҳсул мебошад. Вай аз ҳиссаҳои гуногуни нутқ исм месозад:

а) аз исмҳои абстракт. Дар ин гурӯҳ исмҳои абстракт амалу ҳолатҳои гуногунро ифода менамоянд, пасванди **-гоҳ** аз онҳо исме месозад, ки макони амалу ҳолат ва машғулиятро мефаҳмонад: **сайргоҳ**. Мисол: **Сайргоҳи** онҳо аксаран атрофи бозор буд (сах.115).

Дар забони тоҷикӣ бо пасванди **-иш** аз асоси замони гузаштаи феъл исмҳои зиёде сохта шудааст. Аз ин исмҳо бо пасванди-гоҳ исмҳои макон сохта мешаванд, ки онҳо макони амал, машғулият, мавқеъ ва ҷои истиқомат, ҳамҷунин номи муассисаҳоро далолат мекунад: **омӯзишгоҳ, донишгоҳ** ва ғайра.

Чи тавре ки мебинем, морфемаи **-гоҳ** адабиёти пешин ба маъноҳои луғавӣ мавриди истифода қарор доштааст. Аммо дар ҷараёни инкишофи таърихии забон ба гурӯҳи морфемаҳо дохил шуда, ҳоло дар таркиби калима ҳамчун пасванди ифодакунандаи макон истифода мешавад. Бинобар ин метавон гуфт, ки имрӯз пасванди **-гоҳ** ҳамчун пасванди исми маконсоз дар забон мустаъмал буда, аз ҳиссаҳои гуногуни нутқ исмҳои ифодакунандаи макону ҷой месозад [1, с.38].

Мисолҳо дар ҷумла: Ба ягон техникум ё **омӯзишгоҳ** даро, касб омӯз (сах.16). Ба болои ин, **ӯ** яке аз нахустин дастпарварони ҳамин **донишгоҳ** мебошад... (сах.5).

Бо ин унсури калимасоз дар насри бадеии адиб ҷиҳати корбаст қарор гирифтани типии калимаҳои нав барои рушду такомули забонамон мавриди истифода гардидааст.

б) аз асоси замони ҳозира ва гузаштаи феъл исми макон месозад, ки ҷои амалиёт, таваллуд ва роҳи ҳаракатро мефаҳмонад: **истгоҳ, нишастгоҳ, даромадгоҳ, баромадгоҳ, зодгоҳ** ва ғайра. Мисолҳо дар ҷумла: **ӯ** ботамкин аз байни ҷавонон қадам ниҳода, сӯи **истгоҳ** рафт (сах.11). Раҳматшоҳ гирду пеши мошини «мачрӯҳ» тор танида, шишаҳои шикаста, ҷойҳои мачакшудаи онро даст-даст кард, баъд аз тиреза сар халонда дид, ки рӯи **нишастгоҳ** хуни зиёде рехтааст (сах.110-111). **Даромадгоҳи** донишгоҳ, ки занбӯрхонаро мемонд, якбора хомӯш гашт (сах.1). Амакам ба **даромадгоҳ**, ки он ҷо чунбучӯл ва ғавғои бачаҳо селай занбӯрҳои ба шӯр омадаро ёдрас мекард, **дергоҳ** нигариста ба сукут рафт, баъд бо мулоимат гуфт... (сах.4).

Изҳори назар менамоем, ки дар грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [2] ва исм категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ [6] калимаи **дергоҳ** мавриди корбурд қарор нагирифтааст, аммо мо дар насри бадеии адиби шинохта Абдулҳамид Самад бо ин калима вохӯрдём.

– Ба ҳоли мо хандид. Ҳа-ша-ро-те! Хараш аз лой гузашт-дия, – нафратомез аз паси онҳо, ки сӯи **баромадгоҳ** равон буданд, нигарист ва бо қароҳат афзуд: – Биниаш осмона мехарошад-а? (сах.4). Ҳамин ки бори аввал ба вай ҳамсӯҳбат шавед, дарҳол **зодгоҳатонро** мепурсад (сах.87).

Пасванди **-зор**. 1) Ба воситаи ин пасванд аз исмҳои ифодакунандаи растанию наботот исмҳои сохта мешаванд, ки макон ва фаровонии асоси калимаро мефаҳмонанд: **дарахтзор, гулзор, ҷанорзор** ва ғайра. Мисолҳо дар ҷумла: Вай Назокатро ба оғӯш кашада, ҳезонд ва дар гӯшаш чизе гуфта сӯи **дарахтзор** бурд (сах.112). – Ҳафт қабати замин нам кашид, – ба ҳар каси дучорномада дилашро мекафонд мӯйсафеди посбон, ки дар даҳлезии хобгоҳ рӯи курсие нишаста, хаёломез ба **гулзор** менигарист (сах.80). Гӯё гап байни **ӯ** ва муаллими тоссар гурехта бошад, ки вай мудом аз тиреза ба

чанорзори кӯча менигарист (сах.13). Ў ҳайкалвор рост истода ба чанорзор, ки як села майна ба шоху навдаҳо нишаста, аз ҳарорати офтоб баҳра бурда, болу парзанон нағмасарой доштанд, чашм давонд (сах.69).

Пасванди **-истон** (пас аз садонок -стон, дар назм инчунин -ситон).

Ин пасванд ҳам мисли пасванди -зор бо исм омада, макон ва фаровонии предмети асосии калимаро мефаҳмонад, аммо мавқеи истеъмоли -истон ва -зор фарқҳо низ дорад. Пасванди –истон:

а) аз исмҳои ифодакунандаи халқу миллат номҳои чуғрофӣ месозад: Тоҷикистон, Ўзбекистон, Гурҷистон, Маҷористон, Ҳиндустон ва монанди инҳо: – Аз рӯи замин, бобо... аз Тоҷикистон! (сах.88).

в) бо исмҳои конкрет омада, макон ва фаровонии предмети асосиашро ифода менамояд. Агар пасванди -истон бо исмҳои ифодакунандаи набототу растаниҳо ва калимаи регу санг ояд, бо пасванди -зор ҳамвазифа мешавад: **гулистон**. Мисол дар ҷумла: Аммо омада ин ҷо ҳам ду рӯзакак меистоданд, олам **гулистон** мешуд (сах.30).

Пасванди **-истон** аз исмҳои конкрети дигар низ исм сохтааст, ки макону фаровонии предмети асосиро далолат мекунад: **кӯҳистон**. Мисол дар ҷумла: Аз рӯи нақшаи пешакӣ мо бояд рафта, барои соқинони як деҳаи дурдасти кӯҳистон, ки аз тармаву борон кулбаҳояшон вайрон шудааст, хона, бунгоҳи тиббӣ бисозем (сах.107).

Пасванди **-сор** бемаҳсул аст, вай танҳо бо чанд исми конкрет омада, макон ва фаровонии онҳоро мефаҳмонад: кӯҳсор, чашмасор, шохсор шармсор, хоксор. Мисолҳо дар ҷумла: Бачаҳо, ки рӯи катҳои сафарӣ ғунча шуда, кампалро ба бадан печонида бароҳат хоб буданд, пайҳам аз болишт сар бардошта, аввал ба осмони лочвардӣ, баъд ба деҳаву кӯҳсори сердолу дарахт, сипас ба уфуқи лоларанг нигаристанд (сах.120). Амакам лаби кат беҳаракат нишаста, аз байни шохсорон ба фазои лочвардӣ менигарист (сах.24). Ҳа, одам, вақте ки гуноҳи худро ҳис мекунад, вақте ки аз кирдораш шармсор мешавад ва ба чашмони бегуноҳи шахси таҳқиршуда нигариста наметавонад, бениҳоят азоб мекашад, дар оташи афрӯхтаи худаш месӯзад (сах.134). –Яке аз ҳисоби мардуми кисаи давлат дасткушод, дигаре мумсик, яке ба ҷое нарасида ҳавобаланд, дигаре соҳиби мансабу боз хоксор, яке доро, дигаре нодор... (сах.21).

Пасванди **-бор** бемаҳсул буда, танҳо бо калимаи ҷӯй омадааст: ҷӯйбор (рӯдбор, архаистист). Об аз ҷӯйборҳо сар зада, ба бари роҳу гулгаштҳо хасу хошок, пешрӯба, коғазу куттиҳоро бароварда, ҳусни шаҳрро доғдор кардааст (сах.80). – Ҳисоб баробар шуд, – хандон-хандон лукма партофт акаи Латиф ва аз таги каши Сӯҳроб дошта, ўро сӯи ҷӯйбор кашонд (сах.127).

Пасванди **-ина** низ бемаҳсул буда, танҳо дар сохтани калимаҳои ганчина дар забони адабии ҳозираи тоҷик ба мушоҳида шуд, ки макону фаровонии асосашро мефаҳмонад, вале дар асар мо калимаи нав пайдо кардем: қандина. Мисол дар ҷумла: Одами сер барин гап мезанад муаллим, – оҳиста гуфт ў ва аз китобдонаш қандина баровард (сах.54).

Пасванди **-шан** бемаҳсул буда, танҳо дар таркиби калимаи гулшан дар забони адабии ҳозираи тоҷик ба мушоҳида мерасад, ки макону фаровонии асосашро мефаҳмонад, дар асар бошад калимаи нав ба монанди қишан пайдо намудем. Мисол дар ҷумла: – Худат беҳабар, дар поят қишан мезананд... (сах.104).

Пасванди **-када** бемаҳсул буда, аз исмҳои конкрет ва маънӣ исми макон сохтааст: донишқада. Мисол дар ҷумла: Маҳсусан ҳангоми имтиҳони қабул ба донишқадаҳои олий (сах.87).

Ин унсур дар назм ҳам истифода мешавад, ки феълан мисолашро аз адиби дигар меорем:

Рӯят гули лола шуду дил ойинахона,

Ин хона зиёратқадан лоларухон аст (Раҳимӣ).

Хулоса, дар насри бадеии адиби мумтоз Абдулҳамид Самад мавриди истифода қарор гирифтани пасвандҳое, ки исми ашё ва макон месозад, ба таври фаровон истифода гардидааст. Дар ин мақола мо танҳо барои исботи фикрамон ба шакли кӯтоҳ аз ҳар қолаби пасвандҳо якмисоли овардем.

АДАБИЁТ

1. Амлоев А.Я. Калимасозии сарфӣ исм дар насри бадеии Фазлиддин Муҳаммадиев. – Душанбе: ДСРТ, 2016. – 151 с.
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Фонетика, морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.
3. Касимов О. Деривативия в “Шахнаме” Абулкасима Фирдавси. – Душанбе, 2006. – 186с.
4. Муҳаммадиев М. Принципиҳои асосии калимасозии забони тоҷикӣ. Масъалаҳои забони тоҷикӣ. – Душанбе, 1967. – 134 с.
5. Ниёзӣ Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ. Очеркҳо оид ба грамматикаи забони тоҷикӣ. Ҷ. 7. – Сталинобод, 1954.
6. Рустамов Ш. Исм категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ. – Душанбе:

- Дониш, 1981. – 219 с.
7. Хоркашев С. Ташаккули таркиби луғавӣ ва калимасозӣ. – Душанбе, 2014. – 106 с.
 8. Хоркашев С. Калимасозии исм бо пасвандҳо (аз рӯйи маводи шеваи ҷануби шарқии забони тоҷикӣ). – Душанбе: Ирфон, 2010. – 144 с.
 9. Хоркашев С. Чумлаҳо асоси калимаҳои мураккаб. Маҷаллаи «Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ» №1 (56-2), 2014. – С. 327-332.
 10. Ҳалимов С. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик (аз рӯйи забони «Гулистон»-и Саъдӣ) // Масъалаҳои забон ва адабиёт. Қисми 1/2. – Душанбе: 1975. – С. 283-307.

Манбаъ:

1. Абдулҳамид Самад. Парронҷакҳо. Аспи бобом. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2008. – 228 с.

СУФФИКСЫ ОБРАЗУЮЩИЕ ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОЗЕ АБДУЛХАМИДА САМАДА

Умелый автор Абдулхамид Самад использовал различные методы словообразования существительных, то есть словообразование с помощью суффиксов и префиксов и усложнение слов. Суффиксальное словообразование существительных примечательно в прозаических произведениях литературоведа и автор плодотворно ими воспользовался. В произведениях упомянутого писателя используются суффиксы -ак, -ча, -она (-ёна), -ок, -ол, -дон, -гоҳ, -зор, -истон, -сор, -бор, -ина, -шан, -када словообразование которых по мере возможности рассмотрено в данной статье

Ключевые слова: словообразование, формы словообразования, словарный состав, существительное, суффикс, плодотворный, неиспользуемый, элемент, Абдулхамид Самад, языкознание, таджикский язык.

SUFFIXES FORMING NOUNS IN THE PROSE OF ABDULHAMID SAMAD

A skilled author Abdulhamid Samad used a variety of methods of word formation of nouns by means of suffixes and prefixes and the increasing complexity of words. Suffixed word formation of nouns is remarkable in prose works of the literally critic and author fruitfully seized them. In the works of mentioned writer are used suffixes -ак, -ча, -она(-ёна), -ок, -ол, -дон, -гоҳ, -зор, -истон, -сор, -бор, -ина, -шан, -када the word formation of which is reviewed on this article.

Key words: word formation, forms of word formation, vocabulary composition, noun, suffix, fruitful, unused, item, Abdulhamid Samad, linguistics, Tajik language.

Сведения об авторе:

Валиев Джамшиед Абдурасулович - докторант PhD второго курса кафедры теории и практики языкознания Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни.

About the author:

Valiev Jamshed Abdurasulovich - 2nd year of Doctorate PhD in the Department of Tajik Philology of the Tajik State University named after Sadridin Any.

РОБИТАИ МУТАҚОБИЛАИ ҶОНИШИНҲОИ ШАХСӢ ВА VERBUM FINITUM ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА ОЛМОНӢ

Ҳалимова М.

Донишгоҳи давлатии омӯзгори Тоҷикистон ба номи С. Айни

Категорияи шахс дар баҳши ҷонишинҳо бо категорияи шахс дар баҳши феълҳо робитаи зич дорад: дар низоми феълҳо он қадар шахс ҷой дорад, ки ҳамон қадар ҷонишини шахсӣ мавҷуд аст (Виноградов 1979, 360). Мутаносибии ин ду парадигма ҳам дар шумораи танҳо, ҳам дар шумораи ҷамъ зикр карда мешавад. Дар низоми феълӣ, ҷунон ки дар ҷонишин аст, шахс вариантҳо дорад. Аммо категорияи мазкур дар феъл, пеш аз ҳама, категорияи морфологӣ мебошад, зеро феълҳои шахсӣ ва бешахс қобилияти худро ҷиҳати маъниҳои шахсӣ ва бешахсро ифода кардан ҳам дар таркиби ҷумла ва ҳам берун аз сохтори он маҳфуз медоранд (Юдин 1968, 112).

Тибқи анъана мундариҷаи категорияи шахси феъл ҳамчун ифодаи муносибати амалиёт ба иштироккунандагон ё иштирокнакунандагони фаъолияти коммуникативӣ: гӯянда, адресат ва объекти нутқ, таркиби шакли феъл бо се ҷуфт шакли калимаи шумораи танҳо ва ҷамъ муайян

карда мешавад. Аммо шахс ба маънои морфологӣ бо шахс ба маънои лексикӣ-семантикӣ мувофиқат наменамояд, чунки шахси 3-юм метавонад ба шахс ҳамчун ба маънои аслии ин калима ишора накунад.

Ҳама гуна феъл ё шахсӣ мешавад, ки он амал, ҳолат ё равандро дар муносибати мустақими онҳо бо ягон шахс ифода мекунад ё бешахс мешавад. Дар шаклҳои тасрифшавандаи шахсӣ ифода оид ба амале, ки бо субъекти он робита дорад, дар сатҳи лексикӣ, морфологӣ ва синтаксисӣ амалӣ мегардад.

Дар баробари ин, категорияи шахси феъл категорияи синтаксисӣ мебошад, зеро дар худ абстраксияро фаро мегирад, ки он тавҷеҳи сохтани ҷумла аст. Ин маъноеро дорад, ки шакли шахсии феъл на танҳо ин ё он тарзи номгӯӣ амал, балки инчунин ифодаи робитаи амал бо субъект-гӯянда буда, навъҳои мушаххаси ҷумлаҳо: муайяншахс, дутаркиба ё яктаркибаро ташкил медиҳад. Масалан, шаклҳои феълии шахси 1-ум ва 2-юм сохтори ҷумлаҳои дутаркиба ва татбиқи бемубтадои муайяншахсро қаблан таъйин менамоянд. Мисол: *Худам шахсан ба вай шинос нестам, ки туро шинос қунам (С. Айни) - Ich kenne ihn zwar nicht näher und kann dich deshalb auch nicht mit ihm bekannt machen, sagte mein Freund.*

Шаклҳои шахси 3-юми шумораи танҳо хангоми як қатор шартҳои иловагии семантикӣ-синтаксисӣ дар забони олмонӣ намунаи ҷумлаи бешахсро амалӣ месозанд. Мисол: *Es regnet! – борон (меборад)! Es nebelt (Nebel) - Туман.* Шаклҳои шахси 3-юми шумораи ҷамъ намунаи ҷумлаҳои яктаркибаи номуайяншахсро таъйин менамоянд. Мисол: *Месароянд ва мерақсанд - Es wird gesungen und getanzt.*

Ҳама гуна шакли морфологӣ феъл бо муносибати амал ба субъект-шахс вобастагӣ дорад, вале фақат шаклҳои шахсии тасрифшаванда ин муносибатро аз лиҳози морфологӣ низ ифода мекунад. Муносибати паёпай ва мунтазами ҳама гуна шакли феъл ба субъект-шахсро хусусияти паёпай ва мунтазामी предикативии ҳама шаклҳои феълро мефаҳмонад (Химик 1987, 26).

Ҳамин тавр, категорияи шахс дар феъл категорияи морфологӣ ва синтаксисӣ мебошад, чунки дар он унсурҳои морфологӣ бо синтаксисӣ табиатан як мешаванд. Категорияи морфологӣ шахси феъл барои ташаккулёбии навъҳои муайяни сохторӣ-семантикии ҷумла ҳамчун асос хидмат мекунад. «Дар байни категорияҳои морфологӣ ва синтаксисӣ, чунон ки дар байни морфология ва синтаксиси забон, робитаи зиндаи диалектикӣ мавҷуд аст, категорияи шахс дар феъл категорияи морфологӣ-синтаксисӣ мебошад» (Юдин 1968, 109-123).

Пайванди синтагматикии ҷонишини шахсӣ ва шакли феълӣ, ки онҳо маънои шахсро ифода менамоянд, аз лиҳози семантикӣ барзиёд ҳисобида мешавад. «Субъект ва предикат метавонанд дар як шакли умумии хабар нишон дода шаванд» (Мешанинов 1954, 169). Бо вучуди ин, зикр карда мешавад, ки ҳодисаи такрор кардани иттилоъ оид ба субъект, ки бо кӯшиши нутқи гуфтугӯӣ чихати сарфа намудан ихтилоф меварзад, ба таври кофӣ мунтазам вомехурад. Консепсияи барзиёдии иттилоотӣ, ишора менамояд А.В.Бондарко, дар адабиёти синтаксисӣ васеъ паҳн гаштааст, ки мутобиқи он мубтадои прономиналӣ аз лиҳози мазмун иловагӣ, иттилоан барзиёд мебошад, ба ҷумла ворид намудани он чизеро тағйир намендиҳад (Бондарко, 91) Муҳаққиқони соҳаи грамматикаи забони тоҷикӣ (Расторгуева, Розенфелд, Маъсумӣ, Эшонҷонов ва дигарон) ва забони олмонӣ (Адмони, Москальская, Шенделс ва дигарон) тасдиқ мекунад, ки дар аксари мавридҳо ҳузури ҷонишини субъектӣ ҳатмӣ нест (ғайр аз баъзе истисноҳо). Ин аз чихати хусусияти синтетикӣ флексияҳои феълии тоҷикӣ ва олмонӣ фаҳмонда мешавад, ки онҳо аз забонҳои форсӣ ва лотинӣ ба мерос гирифта шудаанд. Мисол: *Agar деп монем, метарсам, ки ягон судхӯри дигар ин луқмаи чарбу нарми ба даҳони ман наздик омадаро зада гурад (С. Айни, 93) - Ich habe Angst, ich komme zu spät und ein anderer nimmt mir diesen Leckerbissen vor der Nase weg (T.W.149).*

Маълум, ки флексияҳои феълӣ худ ба сари худ барои ифодаи категорияи шахс дигар кофӣ нестанд ва талабот ба ҷонишинҳо пайдо гашт, то ки мафҳуми субъект дақиқ карда шавад. Мавҷудияти шакли субъектӣ ҷонишини шахсӣ дар сохтори ҷумлае, ки на танҳо шакли феълии шахсӣ, балки инчунин унсурҳои, ки ба шахс ва субъекти предикативӣ ишора мекунад, дар хусусияти гуфтугӯии забонҳои муқоисашаванда ҷой дорад.

ТП тоҷ. Бидуни феъли тасрифӣ – олм. Бо феъли финит.: *Дар берун вай мунтазири Шумо – Draußen wartet er auf Sie.* Чунин ба мушоҳида мерасад, ки аз нуқтаи назари расмӣ субъекти

предикативии эксплицитии прономиналиро ҳамчун қисмати зиёдати сохтори чумла пазируфтани мумкин аст, аммо аз лиҳози муҳтаво мо наметавонем эътироф намоем, ки иттилоо барзиёд мебошад. Бешубҳа, дар сохтори чумла ҷонишини субъектӣ иттилооти иловагӣ мебошад, ки онро шакли феълӣ додан наметавонад, пас он вазифаҳои худии танҳо ба худаш хосро иҷро менамояд.

Аз як ҷониб, дар амалқарди шаклҳои феълӣ шахсӣ озодии муайян мушоҳида карда мешавад, чунки мундариҷаи семантикии онҳо дар ҳаҷми худ мундариҷаи ҷонишинҳои шахсиро низ фаро мегирад, аз ин сабаб онҳо метавонанд дар чумла ҳам дар робитаи предикативӣ бо мубтадои прономиналии дорои семантикаи гуногун ва ҳам бидуни он истифода бурда шаванд. Аз дигар ҷониб, доираи истеъмоли шакли шахсии феълӣ бо ҷонишини шахсии муносиб маҳдуд гардонда шудааст: танҳо шакли мазкури ҷонишинӣ ё умуман мавқеи таъйиннашудаи мубтадои ифода мегардад. Феъл, зикр мекунад П. А. Лекант, шакли шахсии ҷонишинро муайян наменамояд, интиҳоб барои охири боқӣ мемонад (Лекант 1976, 127). Лексемаҳои ҷонишинӣ, тибқи мулоҳизаи одилонаи В.С.Расторгуева, шакли калимагии феълро дар мувофиқат бо мундариҷаи маъноии худ интиҳоб мекунад (Расторгуева, 174-179). Дар шароити чунин пайвастишавӣ, ишора мекунад К.Майтинская, ҷонишини шахсӣ бо мазмуни дохилии худ пайдоиши нишонаи предикативиро қаблан муайян ва собит карда, шакли созори предикати феълро, ки ба он эҳтиёҷ дорад ва ҳамзамон воҳиди мустақилонаи лексикӣ боқӣ мемонад, барқарор месозад (Майтинская, 69). Чунин робита шомили майлони дутарафа буда, таъкид мекунад А.Эшонҷонов, мувофиқати байниҳамдигарии аъзои асосии чумларо пешбинӣ менамояд, ки мо онро адаптатсия меномем (Эшонҷонов, 91). Мо чунин меандешем, ки яқояшавии ду қисмати комилмаъно, вале ҳамдигарро пурракунада на воҳиди парадигмаи морфологии шахси феъл, балки «пайвастигии қисмҳои таркибии мустақилона ва муҳтавои онҳо лексема ва шакли калима мебошад, ки онҳо маънои мушаххаси чумларо таъмин мекунад» (Химик 1990, 29). Вобаста ба ин чунин суол пайдо мешавад: Оё барои яке аз ин қисматҳои чунин пайвастигӣ мақоми қисмати афзалиятнокро эътироф намудан мумкин аст?

Синтаксисшиносони муосир то ҳол ба фаҳмиши ягонаи вобастагии синтаксисии байни қисматҳои асосии чумла ноил нагаштаанд. Моҳияти ихтилофоти мавҷуда ахиран дар он ҳулоса мешавад, ки ин вобастагиро ҳамчун вобастагии якҷонибаи як узви чумла аз узви дигари он қабул кардан лозим аст ва ё ҳамчун вобастагӣ, ки ба баробарҳуқуқии ҳар ду қисмат асос меёбад, тафсир намудан мебошад. Нуқтаи назари яқум дар лингвистикаи ватанӣ ва хориҷӣ анъанавӣ ҳисобида мешавад.

Феълмехварӣ (Лафзмехварӣ), шарҳ мебошад В. С. Храковский, моҳияти концепсияи синтаксиро оид ба нақши афзалиятноки хабари феълӣ дар сохтори чумла ташкил мебошад (Храковский 1983, 115).

Дар забоншиносии тоҷик ғояи феълмехварии чумларо В. С. Расторгуева, Д.Тоҷиев, М. Исмаилов, Ш.Рустамов, А.Эшонҷонов ва дигарон, дар германишиносӣ В. Г. Адмони, О.И.Москальская, Е.Шенделс ва дигарон инкишоф додаанд, аз чумла В. Г. Адмони навиштааст: «Феълҳои финитӣ маркази чумларо ташкил мебошад, чунки танҳо он метавонад мулоҳизаи пурраро фаро гирад: дар атрофи он дигар аъзои чумла ҳамчун муайянқунандаҳо гурӯҳбандӣ мешаванд» (Адмони, 125).

Аз нуқтаи назари созмони иборавӣ-синтаксисии чумлаҳои дутаркиба, зикр менамоянд пажӯҳишгарони рус А.В.Бондарко ва И.И.Мешанинов, хабар, бешубҳа, аз мубтадо муҳимтар аст: он мубтадорро «идора карда», худ сохти ин чумлаҳоро қаблан муайян мекунад, ин дар ҳолат, ки мувофиқати он бо мубтадо «хусусияти сирф техникӣ» дорад.

Дар забоншиносии муосир ба густариши ақидаҳо роҷеъ ба хабар ҳамчун ба маркази тарҳи чумла назарияи Л.Теннер мусоидат намудааст. Мувофиқати хабар бо мубтадо дар шахс ва шумора, тибқи ақидаи ҷонибдорони концепсияи мазкур, наметавонад ба манфиати мақоми афзалиятноки мубтадо чун далели асоснок хидмат расонад, зеро он универсалӣ нест; мутобиқати хабар бо мубтадо навъи «факултативии (фаръӣ)»-и падидоршавии вобастагӣ мебошад. Ҳамчунин таъкид карда мешавад, ки маҳз шакли шахсии феъл, ки ҳамеша ҳамон як вазифаро иҷро менамояд, дар падежи бисёрвазифаи номинатив вазифаи субъектро ифшо месозад.

АДАБИЁТ

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М., 1955. – 392 с.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
3. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. / Учеб. пос. для вузов. – М.: Высшая школа, 1986. – 173 с.
4. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
5. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М., 1945. – 319 с.
6. Расторгуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып.1. – М., 1952. – С.118.
7. Теньер Ж. Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. – М., 1988.
8. Химик В.В. Коммуникативное лицо и некоторые особенности его выражения в глагольных формах // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания. Межвуз. сб. науч. тр. – М., 1987. – С.24-32.
9. Храковский В.С. Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // Вопросы языкознания. - 1983. - № 3. - С.110-117.
10. Эшончонов А. Вазифай грамматикии ду асоси феълӣ дар исмозӣ // Маҷмӯаи илмӣи институти давлатии педагогии ба номи Т.Г. Шевченко, Ҷ.2. – Сталинобод, 1955. – С.89-95.
11. Юдин А.А. Грамматическое содержание категории лица глагола в современном русском языке // Вопросы теории русского языка. – Рязань, 1968. – С.56-123.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И VERBUM FINITUM В ТАДЖИКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

В статье речь идет о взаимодействии личных местоимений с спрягаемым глаголом в сопоставляемых языках. Категория лица в классе местоимений тесно связана с категорией лица в классе глаголов. В системе глагола столько же лиц, сколько личных местоимений. Традиционно содержание морфологической категории лица глагола определяется как выражение отнесенности действия к участникам или неучастникам коммуникативного акта: говорящему, адресату или объектам речи, а состав форм лица глагола тремя парами словоформ единственного и множественного числа. Однако, лицо в морфологическом значении не совпадает с лицом в значении лексико-семантическом, поскольку 3-е лицо может и не указывать на лицо в собственном смысле этого слова. Любой глагол является либо личным, который выражает действие, состояние или процесс в их прямом отношении к какому-либо лицу, либо безличным. В спрягаемых личных формах представление о действии, связанном с его субъектом, осуществляется на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова. *Личное местоимение, категория лица, коммуникативный акт: говорящий, адресат, объект речи; единственное число, множественное число; личный глагол, безличный глагол; лексические, морфологические и синтаксические уровни.*

INTERACTION OF PERSONAL VARIABLES AND VERBUM FINITUM IN TAJIK AND GERMAN LANGUAGES

The article deals with the interaction of personal pronouns with a conjugable verb in matched languages. The category of a person in a class of pronouns is closely related to the category of a person in a class of verbs. There are as many persons in the verb system as there are personal pronouns. Traditionally, the content of the morphological category of the person of the verb is defined as an expression of attribution of the action to the participants or non-participants of the communicative act: the speaker, the addressee or objects of speech, and the composition of the forms of the person of the verb in three pairs of singular and plural forms. However, the face in the morphological meaning does not coincide with the face in the meaning of the lexico-semantic, since the 3rd person may not point to the face in the proper sense of the word. Any verb is either personal, which expresses an action, state or process in their direct relation to any person, or impersonal. In conjugated personal forms, the idea of action associated with his subject is carried out at the lexical, morphological and syntactic levels.

Keywords. *Personal pronoun, category of person, communicative act: speaker, addressee, speech object; singular, plural; personal verb, impersonal verb; lexical, morphological and syntactic levels.*

Сведения об авторе:

Халимова Махбуба – аспирант кафедры немецкого языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, тел.: (+992) 938793109

About the author:

Khalimova Makhbuba - postgraduate student of the Department of German Language and Teaching Methods at the S. Aini Tajik State Pedagogical University, tel. : (+992) 938793109

**ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ
ТЕРМИНОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ**

Шакарбеков Г. С.

Таджикский государственный педагогический университет им. С.Айни

Таджики имеют богатую историю и высокоразвитую духовную культуру. Таджикский народ получил от своих предков высокую культуру и подарил миру выдающихся мыслителей, поэтов, создавших в эпоху средневековья шедевры в разных областях науки и культуры. В культуре таджиков имеется немало элементов, заимствованных у других народов. Тем не менее «таджикский народ не только вобрал в себя элементы культур других народов, с которыми он имел экономическое, политическое и культурное общение, но, в свою очередь, оказал значительное влияние на культурную жизнь других стран» [3, с.6].

В средневековой литературе таджикско-персидских классиков мы находим ряд свидетельств о высокоразвитой песенно-музыкальной культуре. Изображения музыкантов с инструментарием украшают таджикско-персидские миниатюры на старинных рукописях поэтических произведений XIV - XVII вв.

Музыкальное искусство таджиков раннего периода развивалась в русле народного творчества как бесписьменное искусство, но при этом о музыкальном творчестве таджиков сохранились сведения в значительном количестве. Сведения, которые относятся к профессиональной таджикской народной музыке, прежде всего, возникли очень рано и достигли высокой степени развития в городских условиях. Видное место среди источников литературы и письма занимают музыкально-исторические и музыкально теоретические трактаты. «Наличие древних слоев и, одновременно с этим, богатое развитие профессионального народного искусства составляют основу таджикской музыкальной культуры с ее многообразием видов и жанров»[2, с.166]. Зарождение и развитие таджикской музыки тесно связано с историческими условиями формирования народности.

Музыкальная терминология формируется и развивается на основе таджикского языка и делится на два периода: дореволюционный и послереволюционный периоды. К первому периоду относится традиционная, классическая и народная таджикская музыка, которая также подразделяется на доисламский и исламский периоды. Известно, что профессиональное музыкальное творчество формировалось и развивалось при правлении первых сасанидских правителей и находилось под их прямым покровительством. [7, с.20]. Укрепление в своих правлениях и создание высоко-профессиональных музыкальных произведений находила хорошую поддержку у сасанидских царей, особенно, в годы правления Бахрома Гура, Хосрова Парвиза, чье влияние способствовало созданию многочисленных женских и мужских профессиональных музыкальных трупп, появлению плеяды выдающихся певцов, музыкантов, танцоров, исполнителей-сказителей героического эпоса и др.

Термин «сасанидский стиль» является как бы условным обозначением стиля, выработанного мастерами, художниками, зодчими согласно заказу сасанидских государей.

Описывая музыкальную традицию IV - VI вв. Раджабов А. приводит примеры эпических жанров, музыкально-поэтических и монументально - циклических форм и использует такие названия как : дастан, патвожа, чома, суруд, транак тарона, «Хусравоин», «Каркуки», «Арамани» и др. часть из которых («достон», «тарона», «суруд») и по сей день активно используется в литературной и разговорной речи таджикского народа.

В историко-литературных памятниках (пехлевийских) этого периода и последующих веков приводятся важные сведения о высоком уровне (« Traniknamak «, « Rost Soxun «, « Antarz-I Xozrow Kawatanu Rizak «) музыкально-исполнительской традиции [9, с.22].

Сасанидский период вошедший в историю стал новым историческим этапом в формировании музыкально - эстетического мышления иранских народов и сыграл важную роль в развитии художественно-эстетической культуры, как иранских народов, так и народов Ближнего и Среднего Востока. Роль авестийской художественно-эстетической, устной и письменной литературы в развитии классических традиций музыкальной культуры вышеназванных народов очень велика. «Необходимо помнить, что многие музыкально-поэтические жанры, формы (tranak, srud, chakanak, patvoja, zandwof), профессиональные традиционные исполнительские стили (burzwaniha, charpawachiha, dranjanishanih, drayishan, drushtwachih, dranak), ранние вокально-инструментальные (dastan - isaziudawazan) и циклические произведения (Xusravain, Laskavi, Aramani, Awamturikan, Karkuki) более совершенствовались в новых системах (dastan-iustadan-e, srot-iustadan-e) благодаря появившемуся к

этому времени профессионализму (хуниyakakan - iustad, xwanandagan-iustad, wuzurg ramishxwan) музыкантов (saznavazan, darbatsrayan) зороастрийской традиции» [7, с.130].

Термины, касающиеся музыкальности доисламского периода в основном составлены на персидско-таджикском, пехлевийском языках и авестийском санскрите, и совершенно исключают наличие арабских слов. Во времена правления Сасанидов певцы и поэты пользовались большим успехом. Они назывались « гасаном» или «гасангуфтом», которые на авестийском санскрите имеет следующее значение: gas - суруд, (песня), gasan (gusan) - эцодгару ицрогар (создающий и исполняющий), gusan, gasangoft - шоир ва ицрогари шеъру мусъй (поэт и исполнитель песен и музыки) [8, с.50] Следует заметить, что по отношению к музыкальной культуре исламского периода, ведётся тесная нить, связующая персидскую литературу с таджикской литературой. Яркими представителями классического профессионального традиционного музыкального творчества таджикского народа являются: основоположник персидско - таджикской классической литературы Абуабдулло Рудаки, который не только сочинял, но и исполнял свои произведения, персидско-таджикский поэт, мыслитель и ученый Абуали ибн Сина (известный также как Авиценна), поэт и ученый Абдурахман Джами, Низами и многие другие.

Одним из самых ярких трудов Абдурахмана Джами считается «Рисолаи мусикй» (Трактат о музыке), который внес огромный и неоценимый вклад в развитие таджикской классической музыки «Шашмақом Рисолаи мусикй» известного персидско - таджикского поэта, ученого, Абдурахмана Джами в разной степени повлиял на развитие музыкально-теоретической и эстетической мысли в крупных центрах музыкальной науки в Средней Азии, Хорасане, Иране, Северной Индии. [5, с.117]

Развитие и сохранение своей значимости в культурной жизни таджикского народа имело долгий путь и к ним следует отнести такие жанры таджикской профессиональной традиционной музыки, как «Шашмақом» и «Фалак». «Каждая из этих феноменов являясь частью прошлой музыкальной культуры, несут в себе печать духа своего времени. Шашмақом считается основой таджикской традиционной музыки и наивысшим проявлением музыкального мышления народа»[1, с.51] Азизи, Ф. А. Мақом и фалак как явление профессионального традиционного музыкального творчества таджиков/Ф. Азизи. - Душанбе: Адиб, 2009. - 396с..

Термин «Шашмақом» состоит из двух частей: шаш от числительного шесть (six) и мақом, т.е. место или остановка (position) пальца на грифе инструмента. В теории музыковедения Шашмақом понимается как сложный, многоуровневый и многосоставной цикл, состоящий из шести самостоятельных мақомов: Бузрук (Бузург), Рост, Наво, Дугох, Сегох, и Ирок.

Термин «Фалак» происходит от арабского языка и имеет следующие толкования: 1) небо, космос; 2) рок, судьба. В таджикской музыкальной культуре данный термин используется в переносном значении - «судьба». Содержание песен фалака в основном связано с темой злосчастной судьбы простого народа. [3, с.56].

Омар Хайям говорит:

Эй чархи фалак, харобй аз кинаи туст,

Бедодгарй шеваи деринаи туст.

Эй хок, агар синаи ту бишкофанд,

Бас гавхари қиммате, ки дар синаи туст.

Небесный круг, ты - наш извечный супостат!

Нас обездоливать, нас истязать ты рад.

Где б ни копнуть, земля, в твоих глубинах, - всюду

Лежит захваченный у нас бесценный вклад. (Перевод О. Румера)

Сегодня под термином «фалак» мы понимаем жанр музыки, который бытует в основном в горных районах Таджикистана. [1, с.79]. Известны такие наименования фалака, как «фалаки кулоби» (кулябский фалак) и «фалаки помирий» (памирский фалак). «Музыка Фалака отображает собой не только бесконечность земного пространства но его глубину и глобальность, драматичность мысли и чувств» [10, с.30].

Следует отметить, что каждый из этих жанров имеет свои характерные свойства, виды, инструменты, и соответственно, специальные термины, обозначающие тематику, лад, ритм, профессию и жанр в Шашмақоме и в Фалаке. Начиная с 20-30 гг. XX-го столетия в связи с внедрением музыкальной европейской системы в новообразованные Центрально - Азиатские государства, в том числе и в Советском Таджикистане, в лексическом составе таджикского языка формируются новые музыкальные термины.

Появление европейской нотной грамоты, открытые музыкальных школ и училищ, целенаправленных музыкальных учреждений (театры, филармония, ансамбли, симфонический оркестр, оркестр народных инструментов и т.д.), внесли в лексику таджикского языка ранее несовместимые определения, как таджикская опера и балет, таджикская симфоническая музыка, таджикская композиторская школа, таджикская скрипичная и фортепианная исполнительская школа,

таджикский романс и др.

Особо хочется отметить роль русского языка и русских деятелей искусства в знакомстве таджикского народа с европейской музыкальной школой. Одновременно в Таджикистане начинается обучение композиторов и музыкантов новой музыкальной системы и дальнейшее их обучение в ведущих консерваториях Москвы и Ленинграда. Появляются первые таджикские произведения, написанные в европейских музыкальных жанрах, как опера, балет, симфонические и хоровые произведения и т. д., и тем самым пополняется словарный состав таджикского языка новыми иностранными музыкальными терминами. Ярким примером, могут послужить такие названия произведений, как: «Таджикская сюита» (1932) В. Золотарева, «Советский Восток» (1937) С. Василенко, «Лирическая сюита» на таджикские темы и «Памир» С. Баласаняна; первые таджикские оперы: «Восстание Восе», «Кузнец Кова», «Бахтиер и Ниссо» С. Баласаняна, «Тахир и Зухра» и «Арус» А. Ленского, его же балет «Две розы» и балет «Лейли и Меджнун» С. Баласаняна, и многие другие, которые основаны на подлинно народном материале.

С появлением оперы в обиход вошли такие названия произведений, как: сюита, романс, ария, ариозо, кантата, симфония, оратория; термины со значением скорости, темпа и характера исполнения произведений: адажио, аллегро, ритенуто, форте и др. Все эти термины вошли в состав таджикского языка через русский язык.

Важно отметить, что в новых музыкальных произведениях, написанных в европейских жанрах, таджикскими композиторами не был утрачен национальный колорит. Э.Р.Гейзер цитирует: «Если в 40-х - 50-х гг. таджикская музыка удивляла слушателей, воспитанных на европейских традициях, богатством самобытной музыкальной культуры, красочностью и праздничной атмосферой декад, то в наши дни она отмечена уверенным профессионализмом, прочным овладением всеми формами и жанрами европейского классического композиторского письма, органичным сочетанием богатейших национальных традиций с лучшими достижениями советской и зарубежной музыкальных культур» [4, с.8].

Появление новых инструментов в обиходе, различные руководства способствовали знакомству с новыми реалиями. Переводные журналы, нотные журналы, издававшие преимущественно иностранцами, партитуры, ноты, периодическая печать способствовали проникновению нового термина в таджикский язык. Таким образом, вопрос о формировании музыкальной терминологии в постсоветском периоде тесно связан с вопросом о заимствовании иноязычных слов.

Важнейшей стороной культурной жизни таджикского народа является развитие ряда фактов исторической жизни. С приобретением независимости Таджикистан стал развивать политические и межкультурные отношения с Европейскими странами, и это взаимосвязь не прошла стороной и музыкальную жизнь народа. Сегодня среди молодёжи Таджикистана распространены такие жанры зарубежной музыки как джаз и реп. Так называемый «Репи точикӣ» (Таджикский реп), который является «чужой» культурой вполне усвоился молодым поколением. Так как этот жанр музыки заимствованный, то соответственно в музыке, в словах, в названиях и в самом исполнении можно встретить немало отличающихся от нашей культуры особенностей. Даже названия исполнителей или групп можно считать «другим». Если раньше музыкальные коллективы назывались «Гулшан», «Зебо», «Лола», то сегодняшняя молодёжь предпочитает такие названия-псевдонимы как «Pennywise», «ShonMC», «Ismail» и т.д. Всё это свидетельствует о возрастающем интересе молодого поколения к иностранной культуре и иностранному языку, а также способствует появлению новых терминов и понятий в таджикском языке.

Музыкальное наследие таджикского народа в течении многих веков развивалось как искусство монодическое, так как оно связано тесными узами родства и взаимовлияния с искусством многих народов Востока [6, с.175]. В настоящее время, была проведена большая работа по возрождению и развитию музыкального наследия таджикского народа, так как и сегодня продолжается интенсивная работа по сбору и записи музыкального таджикского фольклора, а также нотной записи вершины классической музыки таджиков - Шашмакома. Параллельно с национальными традициями монодического искусства рождаются жанры многоголосной музыки.

Создаются музыкальные учебные заведения: музыкальный колледж в г. Худжанд (техникум в Ленинабаде в 1929 г.), Художественный комбинат (школа) в Душанбе, 1934 г.), где воспитывались музыканты и художники, ныне музыкальный колледж в г. Душанбе, институт искусств им. Мирзо Турсунзаде, музыкальная консерватория, музыкальные школы, wtynhsa и др.

Несомненно, сегодня в музыкальной сфере происходит слияние традиционных и новых форм национального таджикского творчества, что влияет на естественный ход взаимовлияния музыкальных культур. Следовательно, соотношение и развитие этих двух основных направлений и составляет

содержание и художественное своеобразие музыкального искусства таджиков в XX веке [59].

ЛИТЕРАТУРА

1. Азизи, Ф. А. Маком и фалак как явление профессионального традиционного музыкального творчества таджиков/Ф. Азизи. – Душанбе: Адиб, 2009. – 396с.
2. Беляев, В. Очерки по истории музыки народов СССР/В. Беляев. Вып.1. Музыкальная культура Киргизии, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и Узбекистана/ – М.: Музгиз, 1962. – 300с.
3. Богоутдинов, А.М. Очерки по истории таджикской философии/А. Богоутдинов. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1961. – 331 с.
4. Гейзер, Э.Р. Инструментальная музыка композиторов Таджикистана (Традиции и современность)/Э.Р. Гейзер. – Душанбе: Дониш, 1987. – 164 с.
5. Джумаев, А. Трактат о музыке Абд ар-Рахмана Джами: из истории изучения публикации/Фалак ва масъалаҳои таърихӣ-назариявӣ мусиқӣ тоҷик/А. Джумаев. – Душанбе: Адиб, 2009. – С. 117-126.
6. Кабилова, Б.Т. История становления и развития композиторского искусства в Таджикистане: дис. ... канд. истор. наук/Б.Т. Кабилова. – Душанбе, 2005. – 175с.
7. Раджабов, А. Классические исполнительские традиции таджиков в IV- VII вв./А. Раджабов/Фалак ва масъалаҳои таърихӣ-назариявӣ мусиқӣ тоҷик. – Душанбе: Адиб, 2009. – С. 127-139.
8. Раджабов, А. Манзумнигорӣ дар анъанаи макомсароӣ/А. Раджабов. Шашмаком Ф. Шахобов. – Душанбе: Ямини Содик, 2012. – С. 60-68
9. Раджабов, А. Традиции классической музыкальной культуры эпохи Сасанидов/А. Раджабов. – Душанбе, 2005. – 108 с.
10. Рахимов, С. К проблеме философичности Фалака/С. Рахимов/Фалак ва масъалаҳои таърихӣ-назариявӣ мусиқӣ тоҷик. – Душанбе, 2009. – С. 27-34

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья рассматривает историю происхождения и развития музыкальных терминов в таджикском языке. В связи с этим, автор привел различные примеры, которые затрагивают много исторических аспектов, также провел исследование, основным источником которого послужила разнообразная литература, чтобы подробно и ясно описать историю происхождения и развития музыкальных терминов в таджикском языке.

Ключевые слова: Термин, история, происхождения, развитие, музыка, источник

THE HISTORY OF ORIGIN AND DEVELOPMENT OF MUSICAL TERMS IN TAJIK LANGUAGE

The article discusses the history of origin and development of musical terms in Tajik language. According to this, the author gave various examples that touch on many historical aspects, and also conducted a study, the main source of which was described a variety of literature in detail and clearly the history of the origin and development of musical terms in Tajik language.

Keywords: term, history, origin, development, music, source.

Сведения об авторе:

Шакарбеков Гайрат Сарвархонovich - кафедра языкознания и сопоставляемой типологии Таджикского государственного педагогического Университета имени Садриддина Айни. Адрес: Рудаки 121. тел: (+992) 904553550 Email: shgayrat@gmail.com

About the author:

Shakarbekov Ghairat Sarvarkhonovich - Linguistic and comparative typology chair, Tajik state pedagogical University named after Sadriddin Aini. Address: Rudaki 121. Tel: (+992) 904553550 Email: shgayrat@gmail.com

ЛАКУНАҲО ҲАМЧУН ПАДИДАИ ВОҲИДҲОИ ЛУҒАВИИ БЕМУОДИЛ (ДАР МИСОЛИ ЗАБОНҲОИ АНГЛИСӢ ВА ТОҶИКӢ)

Кесамирова С.Р.

Донишқадаи давлатии забонҳои Тоҷикистон ба номи С. Улуғзода

Фарқияти фарҳангу тамаддуни халқиятҳо пеш аз ҳама дар забони онҳо таҷассум ёфта, умумият ва фарқияти ҷанбаҳои гуногуни забонҳоро дар воҳидҳои луғавӣ ва фразеологияи онҳо мушоҳида кардан мумкин аст. Дар таркиби ҳар як забон лаҳҷа ва воҳидҳои ҳосе вучуд дорад, ки ҳангоми тарҷума ба дигар забон муодили пурраи худро ёфта наметавонанд. Чунин гурӯҳи калимаҳоро воҳидҳои луғавии бемуодил номида, ба гурӯҳи мазкур экзотизмҳо, реалияҳо, архаизмҳо, истаризмҳо, лакунаҳо ва ғ. дохил мешаванд. Мисол, калимаҳои esquire, speaker, cricket, shilling ва ғ. таалуқ ба минтақаи Англия дошта, бемуодилҳои минтақаҳои Осие бошад, ариқ, деҳқон, қишлоқ ва минтақаи Осиеи Миёна бошад, гейша, сакура, икэбана, сакэ ва ғ. маҳсуб мебошанд. Калимаҳои номбаршуда воҳидҳои луғавии бемуодил ба шумор рафта, дар раванди тарҷума аз як забон ба дигар забон муодили худро надоранд.

Яке аз гурӯҳи воҳидҳои луғавии бемуодил лакунаҳо ба шумор мераванд, ки дар раванди тарҷума тарҷумонҳо лакунаҳоро “чоҳҳои” маъноӣ ном мебаранд, зеро онҳо тарҷуманашавандаанд. Лакунаҳо мафҳумҳои бемуодили забон ба ҳисоб рафта, ҳангоми интиқол ба дигар забонҳо ба реалияҳо шабоҳат доранд [4, с.95].

Мақсад аз навиштани мақолаи мазкур муайян намудани мафҳум ва моҳияти лакунаҳо ва, роҳҳои тарҷумани онҳо дар раванди тарҷума дар мисоли забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ мебошад.

Хусусиятҳои миллии ва фарҳангии воҳидҳои луғавии ҳар як миллат дорои мафҳумҳои махсусе мебошанд, ки дар дигар забонҳо ҳамчун истилоҳ номи худро ёфта наметавонанд. Гарчанде дар ҳаёту фаъолияти мардум ин мафҳумҳо истифода шаванд ҳам, вале номи худро чун истилоҳ намеёбанд. Забоншиноси барҷаста мисли Ю. С. Степанов лакунаҳоро дар харитаи маъноии забон чун “доғҳои сафед” ном мебаранд [5, с.120].

Лакунаҳо дар дохили ҳар як забон вучуд доранд ва онҳоро танҳо ҳангоми муқоисаи забонҳо дидан мумкин аст. Аз рӯи ақидаи Ю. С. Степанов ду намуди лакунаҳоро ҷудо кардан мумкин аст: лакунаҳои мутлақ ва лакунаҳои нисбӣ. Лакунаҳои мутлақ он калимаҳоро дарбар мегирад, ки дар раванди муқоисаи забонҳо, дар фарҳангҳои дузабона муодил надошта, бо роҳи шарҳи маъноӣ тафсир шудаанд. Мисол, *chophouse* - *тарабхонаи арзон*, *hideway* – *паноҳгоҳ*, *great-go* - *имтиҳони хатмқунӣ дараҷаи бакалавр*. Лакунаҳои нисбӣ як қатор мафҳумҳоро дарбар мегиранд, ки дар дигар забонҳо онҳо вучуд надоранд. Мисол, дар забони англисӣ калимаи *teacher* – *муаллим*, *омӯзгор*, бошад, калимаи *coach* - *муаллими варзиш*, мебошад, вале мардуми забони англис муаллим ё омӯзгорро *teacher*, *coach*, *schoolmaster*, *sir* ва ғ ном мебаранд, ки дар забони тоҷикӣ ин мафҳумҳо муодили пурраи худро надоранд. Лакунаи нисбии забони тоҷикӣ метавонад *устод* ба шумор равад, зеро ба забони англисӣ ин калима тарҷумани *mentor* – ро дошта, на ба маънои *омӯзгор*, балки маънои *роҳбаладро* дорад.

Ба ақидаи Д.Б. Гудкова “лакунаҳо дар раванди тарҷума барои ба сатҳи тарҷумани комил расидан сабди роҳи тарҷумон мегарданд” [2, с.79]. И.В.Томашева қайд менамояд, ки “лакунаҳо элементҳои махсуси миллии як фарҳанг ба шумор рафта, ҳангоми муошират, ба халқи дигар забон ё тамоман нофаҳмо мебошанд, ё ин ки пурра маънидод карда намешаванд” [6, с.49].

Аз гуфтаҳои олимони бармеояд, ки лакунаҳо воҳидҳои луғавии забоние мебошанд, ки бо баъзе сабабҳо дар таркиби луғавии забони бегона муодили худро намеёбанд. Лакунаҳо аз реалияҳо бо он фарқ мекунанд, ки реалияҳо хоси як миллат буда, дар дигар забон муодил надоранд ва лакунаҳо бошанд мафҳуми калимаҳоро нишон медиҳанд, ки дар ҳарду забонҳои муқоисашаванда вучуд доранд, вале ҳангоми тасвири обурани маъноӣ фарқ мекунанд. Лакунаҳо онҳо “чоҳҳо” ё худ холигоҳҳои маъноӣ ба ҳисоб мераванд. Дар таҳлили муқоисавии лакунаҳо ба сохтори семантикӣ бештар аҳамият зоҳир карда мешавад. Мисол, *lunch* – *хӯроки нисфирӯзӣ*, *grandparents* – *биби ва бобо*, *poor student* – *доншиҷӯи духон*, *freshman* – *доншиҷӯи курси як ё навкор*, *навшоғирд*, *language house* – *хобгоҳи умумӣ* ва ғ.

Аз мисолҳои дар боло зикршуда бармеояд, ки лакунаҳо воҳидҳои луғавие мебошанд, ки аз рӯи маъно ва истифодабарии онҳо дар ҳарду забон, яъне англисӣ ва тоҷикӣ вучуд доранд, вале на бо муодили худ, балки бо дигар калимаҳо ифода меёбанд. Калимаи *freshman* агар тарҷумани таҳтулафзӣ кунем, маъноаш инсонӣ тоза мебошад, вале ин ҳамчун лакунаи забони англисӣ буда, чун донишҷӯи курси як тасвир ёфтааст.

Дар назарияи тарҷума Л. К. Латишев лакунаҳоро бо номи дигар чун бемуодилҳои тасодуфӣ ном гузоштааст [3, с.147]. Як қатор лакунаҳои забони англисиро мавриди муқоиса қарор медиҳем: *chophouse* - *тарабхонаи арзон*, *midterm* - *имтиҳони фосилавӣ нимасола*, *cadet teacher* - *муаллими берунаи мактаби миёна*, *writer-in-residence* - *нависандае*, ки аз фанни адабиёт дар донишгоҳ дарс медиҳад, *language house* - *хобгоҳе*, ки дар он донишҷӯён зиндагӣ карда, забонҳои хориҷиро меомӯзанд ё ин, ки соҳибзабонони забони хориҷӣ мебошанд, *double major* - *курсҳои алоҳидае*, ки донишҷӯ дар баробари дар донишгоҳ хондани онро низ меомӯзад, *babysitter* - *доя*, *бачабардор*, *barber* - *сарпарои*, *орощигар*, *dairyman* - *коргар ё соҳиби хочагии ширпарварӣ*, *фурушандаи масолеҳи ширӣ* ва ғ.

Калимаи *chophouse* лакуна ё бемуодили тасодуфӣ ба шумор рафта, ҳамчун калимаи мураккаб аз ду реша *chop-* (*v*) *буридан*, *майда кардан*, *зарба задан* + *house* (*n*) *хона* иборат аст. Дар фарҳанги забони тоҷикӣ ва англисӣ ин калима чун *тарабхонаи арзон* шарҳ дода шудааст, ки дар забони англисӣ ин калима бо чунин мазмун сураг намегирад. Агар ин калимаро дар фарҳанги этимологии забони англисӣ назар андозем, дар он ҷо дар бораи арзонии тарабхона ҳарф наофта, балки тарабхонаеро дар назар дорад, ки дар он *портер*, яъне (як намуди оби чав) ба муштариён пешниҳод карда мешавад [https://www.etymonline.com/ 28. 07. 19.]. Дар дигар сомонҳои интернетӣ ин калимаро ба таври зайл, чун тарабхонае, ки дар он таъомҳои аз гушт ва кабоб тайёркардашуда хизмат карда мешавад эзоҳ додаанд, ки ин муқобили мазмуни ибори тарабхонаи арзоне, ки дар фарҳанги забони англисӣ ва тоҷикӣ дода шуда буд, мебарояд. Агар таҳлил карда бароем, дар мулки мо низ чунин тарабхонаҳое, ки кабоб ё намудҳои оби чав пешниҳод мешаванд, шуморашон зиёданд, вале он тарабхонаҳо ҳамчун номи аниқ ба монанди калимаи англисии *chophouse* ба худ нагирифтаанд ва шояд ин сабаб бошад, ки чунин калимаҳо ба бемуодилҳои тасодуфӣ дохил мешаванд.

Калимаи *babysitter* дар фарҳанги забони англисӣ ва тоҷикӣ вучуд надорад, гарчанде, ки ин намуди қору ғабӯлият дар халқи тоҷик низ вучуд дорад ва онро аз муодили забони русӣ *няня* ба забони тоҷикӣ интиқол намудем, ки бо мазмуни *доя ва бачабардор* эзоҳ шуд [oftob.com 16.07.19]. Агар калимаи дояро дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» нигарем, он маънои (*он ки ҳангоми зоида ба занон нигоҳубин мекунад, момодоя, қобила, маънои дуюмаи зене, ки тифлонро дар оила парасторӣ мекунад*) омадааст [7, с.469]. Ин вариантҳои муодили калимаи *babysitter*-ро таҳлил карда бароем, муодили нопурраро пеши назар меорад, чунки бо ду маъно ин вазифа иҷро мешавад, яъне зане, ки ҳангоми таваллуд ба модар кӯмак мекунад ва зане, ки дар хона кӯдаконро нигоҳубин менамояд. Ин ду вазифаро танҳо як калима доя иҷро карда истодааст. Ин намуди ғабӯлият дар мардуми тоҷик дида мешавад, вале бемуодили тасодуфӣ мебошад, ки муодили нопурраи худро дар забони тоҷикӣ пайдо намудааст. Вақте ки мо калимаи *дояро* талаффуз намоем, ба тафаккури мардуми тоҷик он зане, ки ҳангоми таваллуд ба модари кӯдак ёри расонидааст, дар маъни сар ҷой мекунаманд, на ин ки шахсе, ки бо нигоҳубини кӯдак гирифтдор аст. Яъне калимаи *доя* забони тоҷикӣ ба калимаи мураккаби *babysitter* муодил нест.

Dairyman калимаи мураккаби забони англисӣ ба шумор рафта аз ду реша, *dairy (n) – маҳсулоту шири* + *man(n)- мард* иборат мебошад. Дар фарҳанги забони англисӣ ва тоҷикӣ ба маънои соҳиби ҳоҷагии ширпарварӣ омадааст. Албатта, ин муодил буда наметавонад, зеро дар ин ҷо калима бо усули шарҳи маъни дар луғат инъикос ёфтааст. Худи калимаи *dairy* аз қаблаи англо-фаронсавӣ сарчашма гирифта, фермаеро дар назар дошт, ки дар он маҳсулоти ширӣ, қаймоқу панир истеҳсол карда мешуд. Пасванди *-ery* аз забони латинӣ ба решаи ин калима часпида, дар гузашта ин калимаро бештар дар шакли *dairymaid* истифода менамуданд, ки он танҳо ба занҳо ё канизакон дахлдор буд. Он занҳо бо қори хона, аз қабилҳои молдорӣ ва ширпарварӣ, ҷурғоту қаймоқ ва паниркунӣ машғул буданд. Дар замони муосир калимаи *dairy*-ро бо мафҳуми мағозае, ки дар он маҳсулоти ширӣ хариду фурӯш карда мешавад, дар назар дорад. Табиист, ки ин раванди қору ғабӯлият дар тамоми мамлакатҳои ҷаҳон дида мешавад, хусусан дар халқи тоҷик низ. Дар ҳаёти халқи тоҷик бо ин қор бисёртар занҳо машғуланд. Соҳибзабонони тоҷик дар нутқашон иборати қорхона ва фабрикаҳои ширпарвариро истифода менамоянд, аммо шахсро ҳамчун *ширпарвар* не, балки *ширфурӯш* мегӯянд, ки бо калимаи мураккаби *dairyman* муодил буда наметавонад.

Лақунаи навбатии *barber* дар забони тоҷикӣ ҳамчун *сартарош, орошигар ва гесӯоро* шарҳ ёфтааст. Дар забони англисӣ ин калима ба шакли машғулияти қори мардҳо дахлдор мебошад. Сартароши занонаро, ки дар қошонаҳои хусн қору ғабӯлият менамоянд, бо шакли *hairdresser* ба забон меоранд. Фарқиат байни ин воҳидҳои забони англисӣ ва тоҷикӣ дар он аст, ки дар забони тоҷикӣ сартароши занона ё мардона чун як калима, яъне сартарош сурат мегирад. Маънои калимаи *barber* ин раванди ғабӯлияти қорие мебошад, ки риш ва мӯи сари инсонро бурида, орош медихад. Решаи ин калима *barb* буда, маъноаш *пуш* мебошад. Заминаи сарчашмаёбии ин калима аз забони англо-фаронсавӣ буда, дар шакли *barbeor, barbieor* истифода мешуд [www.вокабула.рф/словари/ааэс/barber 03.08.19.]. Дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» низ ин калима бо мазмуни *устои мӯйсаргар, он ки мӯи сар ва пуш метарошад*, маънидод шудааст [7, с.218]. Аз ин таҳлилҳо бармеояд, ки ин намуди қору ғабӯлият бо ҷинсият дар забони тоҷикӣ ҷудо нашудаанд ва чун калимаи *barber*, ки қору ғабӯлияти мардонро дар назар дорад, дар забони тоҷикӣ муодили худро доро нест.

Л. И. Богданова дар бораи лақунаҳо чунин қайд менамояд, ки “вақте ки сухан дар бораи лақунаҳо меравад, онро бояд дар назар дошт, ки набудани ин ё он мафҳум дар забонҳои муқоисашаванда, маънои онро надорад, ки захираи луғавии дигар забон заиф аст. Дар мавриди наёфтани муодили ин мафҳум метавон онро бо калимаҳои ивазкунанда мазмунан шарҳ дод” [1, с.29]. Гарчанде лақунаҳо ба воҳидҳои луғавии бемуодил дохил шаванд ҳам, тарҷумонҳо роҳи воситаҳои гуногунро муайян сохтаанд, ки ба ҳаққи имкон онҳоро аз як забон ба дигар забон интиқол медиҳанд. Мисол,

I found he was an old sailor, kept a public house, knew all the seafaring men in Bristol had lost his health ashore, and wanted a good berth as cook to get to see again (J.E., 40).

Ҳозир ӯ дар хушкӣ зиндагонӣ мекунад ва майхонаи меҳмонфурӯӣ дорад. Ба ҳамаи дарёнавардони Бристоль шинос аст (Ҷ.Э., 54).

Лақунаи *public house* дар матни тарҷума муродифоти функционалии худро чун *майхонаи меҳмонфурӯӣ* пайдо кардааст, ки агар ҷузъан тарҷумаи онро таҳлил намоем, мазмунан ин ибора ба майхона мутобиқатӣ надорад. Тарҷумон танҳо макони монанд ба ин лақунаи англисӣ дар матни тоҷикӣ *майхонаи меҳмонфурӯӣ*ро доништааст. Худи ибораи *public house* маконеро тасвир менамояд, ки меҳмонони дурдастро бо нархи арзон ҷои зист дода, чунин биноҳои маҳсул, мисли меҳмонхона аз давраи ҳаёти Чарлз Диккенс то ҳол дар Англия вучуд доранд.

1) *Adele and I had now to vacate the library: it would be in daily requisition as a reception-room for callers* (J.E., 103).

Ману Аделро лозим омад китобхонаро ҳолӣ бикунем. Кунун он ҳамчун назирӣгоҳи меҳмонону қорафтагон хидмат менамуд (Ҷ.Э., 114).

2) *It is partly a charity-school: you and I, and all the rest of us, are charity children* (J.E., 41).

– Он як навъ гурезгоҳест барои *сагираҳои бечора*: ҳам ту, ҳам ман, ҳам тамоми духтарони боқимонда дар ин ҷо ба тӯфайли хайру эҳсон зиндагӣ дорем (Ҷ.Э., 48).

Лакунаи матни якум бо усули калка аз забони англисӣ ба забони тоҷикӣ чун *reception-room* – *пазиришигоҳ* тарҷума гардидааст. Сохторан ин калимаи мураккаб ба шумор рафта, дар забони тарҷума низ бо калимаи мураккаби *пазириши* + *гоҳ* интиқол ёфтааст, ки ҳамчун тарҷумаи тахтулафзӣ *reception* – *пазириши* буда, *room* – *гоҳ* аст, ки дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» маънои якуми калимаи *гоҳ* ин макон, ҷой мебошад, ки мазмунан ба калимаи *room* мувофиқ аст [7, с.330]. Чунин тарзи тарҷумаро нимкалка гӯем ҳам хато намекунем. Дар матни дуюм лакунаи *charity-school* ҳамчун муродифоти функционалӣ *сагираҳои бечора* тарҷума шудааст ва дар ин асар ин калимаро бо дигар тарҷума чун *сагираҳона* вохӯрдан мумкин аст.

Ҳамин тавр метавон қайд намуд, ки лакунаҳо тасвиркунандаи фарҳанги як миллат буда, дар захираи луғавии дигар забон муодил надоранд. Аз рӯи таҳлилҳо маълум гардид, ки лакунаҳо бо роҳи муродифоти функционалӣ ё ин ки бо усули шарҳи маънӣ аз як забон ба забони дигар тарҷума мегарданд. Лакунаҳо воҳидҳои луғавии бемуодил ба шумор рафта, дар раванди тарҷума бо роҳи усулҳои махсус дар дигар забон маънидод мешаванд.

АДАБИЁТ

1. Богданова Л.И. Проблема лакун в процессе взаимодействия языков и культур // *Humaniora: Lingua russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. – Tartu, 2006. – С. 27–37.
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003.
3. Латышев, Л. К. Проблема эквивалентности в переводе: дис. ... д-ра. филол.наук: 10.02.20. – Сравнительно-историческое и типологическое языкознание /Л. К. Латышев. – М., 1983. – 431 с.
4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
5. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М., 1965. [Stepanov Yu.S. Francuzskaya stilistika. — М., 1965.]
6. Томашева И.В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны // *Языки эмоции*. — Волгоград: Перемена, 1995. – С. 50–60.
7. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ, ҷ.1./ Сайфиддин Назарзода, Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Ҳасани Султон. – Душанбе, 2008. – 950 с.
8. Фарҳанги забони тоҷикӣ, Ҷ.1 -2. / М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҷошим, Н. А. Маъсумӣ. – М., 1969. – 952 с.
9. Charlotte, Bronte. *Jane Eyre* / Charlotte Bronte; edited with an introduction by M. Smith. – Oxford University Press, 1975. – 496 p.
10. Шарлотта, Бронте. Чейн Эйр. Роман. (тарҷ. аз русӣ Салими Зарафшонфар) / Шарлотта Бронте. – Душанбе: ТҶБ Истикбол, 2010. – 412 с.
11. Online Etymology Dictionary | Origin, history and meaning of English words [Электронӣ ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/>
12. Вокабула - Энциклопедии, словари, справочники [Электронӣ ресурс]. – Режим доступа: www.вокабула.рф/
13. Русско-таджикский словарь онлайн, таджикско-русский словарь [Электронӣ ресурс]. – Режим доступа: oftob.com/

ЛАКУНЫ КАК ФЕНОМЕН БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

В этой статье рассматривается сущность термина lacunae, как безэквивалентной лексической единицы. А также мнения теоретиков перевода по этому вопросу. В статье сопоставляются лакуны английского языка с помощью двуязычных словарей-английского и таджикского языков.

В этой статье также представлены такие виды лакун, которые называются абсолютными и относительными. Стало известно, что абсолютные лакуны включают в себя такие слова, которые в процессе сопоставления языков в двуязычных словарях не имеют эквивалентов и интерпретируются по смыслу. Относительные лакуны содержат ряд таких понятий, которые не существуют в других языках.

Реалии будучи наследием одной нации, не имеют эквиваленты в других языках, а лакуны представляют значение таких слов, которые существуют в обеих сопоставляемых языках, но имеют разные колориты. Лакуны - это смысловые «скажины». При сравнительном анализе лакун большое значение придается на семантическую структуру.

Не смотря на то, что лакуны относятся к безэквивалентной лексической единице в теории перевода существуют особые способы и методы перевода, которые дают возможность переводить их с одного языка на другой.

Ключевые слова: перевод, английский, таджикский, безэквивалентные лексические единицы,

лакуны, реалии, случайные безэквиваленты, функциональный аналог, интерпретация.

LACUNA AS A PHENOMENON OF NON-EQUIVALENT LEXICAL UNITS (BASED ON THE EXAMPLES OF ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES)

This article discusses the essence of the term lacunae as a non-equivalent lexical unit, as well as the opinions of researchers-translators on this issue. The article compares the lacunae of the English language with the help of bilingual dictionaries - English and Tajik.

This article also presents such types of gaps, which are called absolute and relative. It became known that absolute lacunas include words that, in the process of comparing languages in bilingual dictionaries, are not equivalent and are interpreted in meaning. Relative lacunas contain a number of such concepts that do not exist in other languages.

Realia's, being the heritage of one nation, have no equivalents in other languages, and lacuna's represent the meaning of such words that exist in both compared languages, but have different colors. Lacunae are semantic "wells". In the comparative analysis of lacunae, great importance is attached to the semantic structure.

Despite the fact that lacunae belong to an equivalent lexical unit in the theory of translation, there are special ways and methods of translation that make it possible to translate them from one language into another.

Keywords: translation, English, Tajik, nonequivalent lexical units, lacunae, realities, random nonequivalents, functional analogue, interpretation

Сведения об авторе:

Кесамирова Саодат – соискатель кафедры сопоставительного языкознания Таджикского государственного Института языков имени С. Улугзода. Адрес: 734019, г. Душанбе, ул. Мухаммадиева 17/6, тел (+99237) 2325000; E-mail: nigina90_90@inbox.ru
Тел: (+992) 900007097

About the author:

Kesamirova Saodat – post-graduate student, the Department of comparative-typology, Tajik State Institute of Languages named after Sotim Ulugzoda. Address: 734019, Dushanbe st/ Muhammadiev 17/6, tel(99237)2325000; E-mail: - nigina90_90@inbox.ru Phone: (+992) 900007097.

НЕЛИНЕЙНЫЕ МОДЕЛИ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Норов М.Б.

Института языка и литературы им. Рудаки АНРТ

Динамическое развитие любого языка во многом зависит от непрерывного процесса словообразовательного акта, при котором происходит оформление полученного лексического образования - языкового продукта с помощью различных словообразовательных моделей, необходимых для классификации слов. Чтобы реализовать эту возможность, каждый язык в силу своей специфики и сложившихся исторических условий обладает определенным набором методов и принципов словообразования. По количеству реализации словообразовательных способов, степени их продуктивности, большей или меньшей склонности языка к тому или иному способу, а также компенсации недостатков непродуктивных способов словообразования с помощью других можно судить о словообразовательном потенциале любого языка. Что касается таджикско-персидского языка, то применяемые в нем словообразовательные модели иллюстрируют разнообразные приемы образования слов с разными значениями. Словообразование это прежде всего деривация, при которой происходит изменение структуры и семантики слова, результатом которой является появление новой лексемы.

Общеизвестно, что в таджикско-персидском языке при классификации сложных слов в основном пользуются древнеиндийской классификацией Панини. Первые исследователи персидско - таджикского языка - европейские и русские ученые, обнаружив родство индоевропейских языков, изложили их словообразовательные модели, в том числе словообразовательные модели таджикско - персидского языка. В этом плане небезынтересным выглядят слова Б.Г. Фаткулина, в его опубликованной статье под названием "Процессы терминостроительства в современных персидском и арабском языках с точки зрения сравнительно- исторической типологии». Он в частности пишет, что иранский ученый Махмуд Хессаби – ученик А. Эйнштейна после того как ознакомился с результатами исследований проведенных европейцами в отношении персидского языка, вдруг заявил

об индоевропеизме персидского языка. Индоевропеистский характер персидского языка он объясняет тем, что персидский язык в основном имеет те же словообразовательные модели, что и остальные индоевропейские языки, ибо у индоевропейских языков в плане словообразования много общего. Сопоставив словообразовательные модели персидского и арабского языков Б.Г.Фаткулин также утверждает, что арабский язык, большой объем слов которого вошли в состав таджикско-персидского языка, имеет дифференциацию в этом отношении, так как в арабском в отличие от персидского языка преобладает лексико-семантический способ словообразования и за каждым отдельным значением арабского стоит отдельный корень и арабу для общения необходимо усвоить минимум 25 000 трехбуквенных слов, а персоязычный человек получает новое значение с легкостью путем сложения морфем [13, с.29].

Учение по разному представили количество словообразовательных моделей таджикско-персидского языка. Рустамов их насчитывает 6, Султон – 5, Рубинчик- 3, Пейсиков – 5 [11, 83-84]. Среди них есть продуктивные и малопродуктивные. Среди выделенных моделей один из малопродуктивных способов считается морфолого-синтаксическая модель. Относительно данной модели существуют различные мнения, что характеризует сложность и многоаспектность в понимании ее особенностей. В общей лингвистике к этой модели относят конверсию (транспозицию).

В советском и российском языкознании словообразовательные модели обычно делят на линейные и нелинейные. В частности Е.С. Кубрякова называя словообразование “процессом сложения различных словообразовательных элементов или трансформаций”, предлагает все производные модели разделить на линейные и нелинейные.

К линейным она относит: 1) сложные слова, образуемые в результате сложения двух или более самостоятельных языковых элементов (слово, словосочетание, основа); 2) с помощью префиксов; 3) с помощью суффиксов; 4) смешанные – префикс и суффикс или сложнопроизводственные слова (сложные образования, имеющие суффиксы и префиксы); 5) аббревиатуры [5, с.59].

По словам Кубрякова “линейные модели производных обладают выраженной производностью и охватывают сложные слова различных типов, аффиксальных образований разных типов и смешанные образования разных типов”. Кубрякова также указывает на членимость линейных моделей с морфологической точки зрения, их “способность служить возникновению новой лексемы с семантической точки зрения и возможность представить их в виде определенной структурной формулы (x+y)” [5, с.60].

В нелинейных моделях слов по Кубряковой “производный характер последних определяется не благодаря наличию специального словообразовательного признака. Это модели с невыраженной производностью. Они с словообразовательной точки зрения нечленимы, их назначение (обычно) – транспонирование из одной части речи в другую” [5, 60]. Как видим, функция нелинейных моделей, к которым относится конверсия, прежде всего транспонирование, использование одной грамматической формы в функции другой.

К нелинейным моделям Кубрякова наряду с субстантивацией, адъективизацией, относит и конверсию, даёт их общую формулу: $x \rightarrow y$ [5, с.60]. В языкознании конверсия, субстантивация и адъективизация даются отдельно, а в таджикском языкознании их просто называют конверсия, либо безсуффиксальный способ или с нулевым суффиксом или иногда транспозиция или переход слов одной части речи к другой. В Иране транспозиция называется таъвиз (noun), фарониъод, фарогузорӣ, фуругузорӣ.

По словам того же Б.Г. Фаткулина “способы словообразования в зарубежной типологической и прикладной лингвистике описываются при помощи терминов «morphotactics» (морфотактика), concatenative morphotactics (конкатенативная морфотактика), non- concatenative morphotactics (неконкатенативная морфотактика)”. Латинское слово конкатенация подразумевает объединение слов в одну цепочку. Далее этот исследователь пишет, что “в контексте этих терминов английскому и персидскому языку присущи конкатенативные морфотактики, а арабскому языку – не – конкатенативные” [13, с.29]. Конкатенативная морфотактика и неконкатенативная морфотактика в российской языковедческой традиции получили название “линейные и нелинейные методы словообразования”. Б.Г. Фаткулин далее говорит о том, что “линейные методы” используются в применении к персидскому, а “нелинейные методы в применении к арабскому языку [13, с.29].

В таджикском языке конверсию, транспозицию или безаффиксальный способ словообразования относят к морфолого-синтаксическому способу и не устанавливают различие между ними.

По мнению многих исследователей в языках аналитического строя, куда входит и таджикский язык, свободный переход слов из одной части речи в другую - распространенное явление. Вследствие отсутствия во многих случаях морфологического или флективного показателя грань между частями знаменательных частей речи иногда стирается, что создает трудности для отнесения того или иного слова к определенной части речи, здесь главную роль должны сыграть семантические критерии. Причиной появления конверсии Джафарова считает «нечеткую дифференциацию частей речи» [2,

с.25]. По словам Рустамова Ш. данная модель была разработана профессором А.И. Смирницким. Рустамов считает, что переход частей речи без участия словообразовательных морфем является одним из распространенных способов словообразования. Отличие конверсии от других способов словообразования он объясняет тем, что в конверсии не наблюдаются словообразовательные аффиксы, фонетическое и значительное изменение семантики слова [9, с.176]. Рустамов к основным критериям определения слов, перешедших из одной части речи к другой, относит расширение семантики слова, выход производного слова за рамки знаменателя, парадигма и ее отношение к другим словам [9, с.177].

Знаменитый иранист Л.С. Пейсиков говоря о словообразовательной транспозиции как о безаффиксальном и полуаффиксальном способе, утверждает, что «первичная основа (или словоформа), принадлежащая к одной части речи, в результате приобретения новой позиции, нового окружения и часто «чужой» парадигмы, минуя аффиксацию, становится представителем другой части...» [7, с.122]. В таджикском языке неустойчивый характер некоторых частей речи, особенно имени существительного и прилагательного, способствует их взаимному переходу. Отсюда явление субстантивации. Здесь также можно отметить, например, об атрибутивном употреблении ряда существительных в функции прилагательного в зависимости от отношений, существующих между компонентами словосочетания, как в английском языке.

Языковед Мешков О. Д. при рассмотрении вопросов, связанных с словосложением в английском и русском языках подчеркивая «сходство в большой склонности и того и другого языка к именному сложению и гораздо меньшую склонность к глагольному сложению», утверждает, что однако у английского языка в отличие от русского в арсенале есть способ компенсировать этот «недостаток-меньшую склонность к глагольному сложению», т. е. с помощью конверсии по N – V, где N может быть сложным словом...» [6, с.160]. Как видим, в английском языке именное сложение всегда превалирует над глагольным сложением. Но в таджикском больше всего другие части речи, особенно глаголы, переходят в разряд существительных и этот процесс на сегодняшний день получил новое развитие благодаря активизации морфологического – синтаксического способа словообразования вследствие использования внутриязыкового потенциала таджикского языка. Этого подтверждают исследования последних лет.

Востоковед Ю.А. Рубинчик утверждает, что «путем транспозиции изменяется семантика слова, и в результате такой трансформации слово приобретает новое лексико-грамматическое значение». Он, так же как и многих ориенталистов, подчеркивает, что большинство слов образованных путем транспозиции - это слова глагольного происхождения (особенно глаголы прошедшего времени) [8, с.42]. Академик М. Шакури тоже подчеркивает образование сложных слов из глаголов, особенно глаголов прошедшего времени, которые блестящим образом подходят для создания изящных терминов [14, с.116].

Исследователь Егорова Дарья Андреевна конверсию рассматривает как процесс изменения грамматической категории слова без изменения его формы. Суть конверсии по ее мнению «состоит в том, что происходит функциональный сдвиг слова из одной частеречной категории в другую, образование одной части речи от основы другой без изменения формы... При конверсионном словообразовании происходит не только грамматическая, но и семантическая перестройка [3, с.10].

Как было сказано, среди индоевропейской семьи языков конверсия больше всего употребляется в английском. В отличие от других аналитических языков, в которых иногда трудно сориентироваться на выявлении классной принадлежности некоторых слов, в английском языке это удается с легкостью. Это так описывает датский языковед О. Есперсен: «Многие авторы охотно говорят о легкости, с которой английский язык может превращать существительные в глаголы и наоборот, но английский язык никогда не смешивает эти два класса слов, даже если он употребляет одну и ту же форму то как существительное, то как глагол...» [4, с.54].

Афганский языковед Раван Фархади ещё в семидесятые годы прошлого столетия говорил о постоянном процессе создания новых отыменных глаголов в разговорном языке дари [12, с.135]. Под этим он также подразумевал конверсию, смысловозначительные оттенки, которые наблюдаются при конверсионном способе, когда слово, минуя структурное изменение, переходит в другой разряд, получив новое значение. Он в общих чертах говорит о некоторых абстрактных именах, которые имеют значение глагола и приводит в качестве примера следующие слова: харид (покупка), кишт (сев), духт (шитье), бохт (проигрыш)...И тут добавляет, что «Вообще же смысловые оттенки бывают существенны: омад - непредвиденный приезд, андохт - стрельба, гашт - раз, дошт - продолжительность употребления (например одежды), куфт - боль от усталости,... и т. д.» [12, с.135].

Раван Фархади и другие исследователи таджикско-персидского языка не раз подчеркивали богатство словарного состава разговорного языка с многочисленными приемами словообразования [12, с.151]. Это богатство особенно ярко проявляется при словосложении, в частности при конверсионном способе, с использованием как народных, так и классических слов. Яркой

иллюстрацией тому служат произведения устода С. Айни. До недавнего времени считалось, что почти половина таджикских слов- слова арабского происхождения (40-45%). Но по словам Саломова А. Дж. это мы не может сказать по поводу последнего произведения С. Айни «Воспоминания», где на основании статистического сопоставления арабских заимствований Саломовым установлено, что таджикская лексика «Воспоминания» составляет 77,7%, арабская 22,3% [10, с.19-20]. Здесь явное склонение чаши весов в пользу таджикской лексики достигается автором за счет удивительно удачного употребления народных и классических таджикских слов. Высокое художественное мастерство устода Айни в применении народных и классических слов демонстрирует колоссальный и неизмеримый словообразовательный потенциал таджикского языка. В «Воспоминания» С. Айни можно встретить разнообразные приёмы словообразования, в том числе конверсию. Вот некоторые конверсионные слова из «Воспоминаний» устода С. Айни: даромад (вход) [1, с.27], навбаромад (только что появившийся, новый) [1, с.44], ёддошт (воспоминание, заметка) [1, 68], бозхост (1. иск, тяжба 2. кн. наказание, возмездие. 3. отзыв) [1, с.89], чашмдошт (ожидание, надежда) [1, с.95], зархарид (подкупленный. 2. наемник) [1, 102], беҳласт (всходы, ростки) [1, с.109], модарзод (врожденный) [1, с.156], навдӯхт (только что сшитый (об одежде) [1, с.162], пешдаст (1. опережающий. 2. пособник) [1, с.433], шохбанд (веревка, которой за рога привязывают скот; привязь) [1, с.541], фуруғузошт (опущение) [1, с.591], ӯададеъ (даритель) [1, с.237]. К этому можно добавить также такие сложные и несложные слова последних годов, как: салоъдид (усмотрение, целесообразность), навборид (свежевыпавший (снег), нишаст (сидение, 2. кн. положение. 3 посадка. 4. встреча, собрание), камомад (недостача, нехватка, недобор), бешомад (увеличение, прирост), ёдкард (память, воспоминание), рӯйдод (случай, событие), гиромидошт (чувствование), корафтод (нуждающийся в ком-л., чѐм-л. 2. испытывавший сам, переживший сам), худруйд (худруй) (дикорастущий), обнорасид (сухой. 2. новый, свежий), амалкард (действие), солфарсуд, солгашт (старый, выдержанный).

Академик М. Шакури в своей широкоизвестной книге “Всякому слову свое время, всякому изречению свое место” приводит много примеров из других произведений С. Айни относительно образовании сложных слов конверсионным способом, подчеркивая неизмеримые возможности такой модели словосложения в таджикском языке [14, с.114].

Касаясь образования сложных слов, академик Шакури обращает особое внимание на образование сложных слов от глагольных основ, как настоящего, так и прошедшего времени. Указывая на опущение предлога при образовании сложных слов, он особо подчеркивает способ образования сложных слов с помощью основ прошедшего времени [14, с.112]. По его мнению преимущество данного способа заключается в том, что таких сложных слов можно образовать из разных частей речи как арабских так и таджикских слов [14, с.113]. Данный способ в таджикском языке постепенно получает новое развитие.

С учетом вышеизложенного, явление конверсии в таджикском языке в целом можно считать компенсирующим способом при словообразовании новых лексических единиц. Переход слов из одной части речи в другую зачастую происходит благодаря нечеткой морфологической разграниченности некоторых частей речи (нечеткая дифференциация частей речи, неустойчивость грани между существительными и прилагательными) таджикского языка, отсюда например, иногда атрибутивное употребление существительного в функции прилагательного при словосочетаниях. Также можно отметить семантическую перестройку, в результате которой меняется класс слова. К преимуществам конверсионного способа словообразования в таджикском языке можно отнести достижение разнообразия словообразования путем транспонирования одних частей речи в другие, способное компенсировать недостатки реализации малопродуктивных моделей, а также склонность к сжатой формулировке, компрессности и экономии языковых средств, что блестяще подходит для образования разного рода терминологий в таджикском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айни С. Ёддоштҳо. / С.Айни. – Душанбе: Сарредаксияи илмии энциклопедияи миллии тоҷик, 2009. – 680 с.
2. Джафарова Е.А. Атрибутивные словосочетания в таджикском и английском языках / Е.А. Джафарова. – Душанбе: Дониш, 1979. – 76 с.
3. Егорова Д.А. Семантические особенности употребления сложных слов в произведениях С. Кинселлы / Д. А. Егорова. – М., 2016.
4. Есперсен О. Философия грамматики (Пер. с английского В. В. Пассека и С. П. Сафроновой, Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ильиша) / О. Есперсен. – М., 1958. – 404 с.
5. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование? / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1985. – 78 с.
6. Мешков О.Д. Словосложение в современном английском языке / О.Д. Мешков. – М.: Высшая школа, 1985. – 187 с.
7. Пейсиков Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка / Л. С. Пейсиков. – М., 1973. – 200 с.
8. Рубинчик Ю.А. Лексикография, персидского языка / Ю. А. Рубинчик. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

9. Рустамов Ш. Исм (категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи Исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ / Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1981. – 217 с.
10. Саломов А. Д. Адаптатсия арабских заимствований в таджикском языке (по материалам «Воспоминания» С. Айни). АҚД. – Душанбе, 2010. – 26 с.
11. Сулгон, Мирзо Хасан. Становление и развитие персидско- таджикской научной терминологии (на материале научного наследия IX – XI вв.) / Мирзо Хасани Сулгон. – Душанбе: Дониш, 2008. – 341 с.
12. Фархади, Раван. Разговорный фарси в Афганистане / Раван Фархади. – М.: Наука, 1974. – 213 с.
13. Фаткулин Б. Г. Процессы терминостроительства в современных персидском и арабском языках с точки зрения сравнительно- исторической типологии // Вестник Челябинского госуниверситета. 2010. № 34 (215), Филология. Искусствоведение. Вып. 49. –С. 125-132.
14. Шакурӣ М. Ҳар суҳан ҷоғу ҳар нукта мақоме дорад / Всякому слову свое время, всякому изречению свое место / М. Шакури. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 400 с.

НЕЛИНЕЙНЫЕ МОДЕЛИ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье речь идет о морфолого-синтаксическом способе словообразования- нелинейной модели, к которой относятся конверсия и транспозиция, а также о функции, сложности и многоаспектности данной модели в таджикском языке. Констатируется, что в таджикском языке словообразование с помощью нелинейной модели распространенное явление и связано оно с отсутствием в ряде случаев морфологических или флективных показателей, стиранием грани между некоторыми частями речи, что создает трудности для отнесения того или иного слова к определенной части речи. Подчеркивается, что в таджикском языке больше всего глаголы, особенно основы прошедшего времени, подвергаются конверсии и на данный момент наблюдается активизация данного способа.

Определяется, что при конверсии происходит семантическая перестройка и меняется класс слова.

Также сжатость, экономия языковых средств и избегание ненужных элементов названы преимуществами конверсии в таджикском языке.

Ключевые слова: словообразование, конверсия, нелинейные модели, субстантивация, адъективация, морфотактика, конкатенация, неконкатенативная морфотактика, семантическая перестройка.

NON-LINEAR MODELS OF COLLOCATION IN THE TAJIK LANGUAGE

Morphological and syntactical method of word-building – non-linear model to which conversion and transposition belong, and also function, complexity and multidimensionality of this model in the Tajik language are considered in this article. It is stated that in the Tajik language word formation by means of non-linear model is common and it is connected in some cases with absence of morphological or flexional parameters, by blurring of distinctions between some parts of speeches that create difficulties for referring of any words to certain part of speech. Noted that in the Tajik language mainly verbs, especially past tense of verbs are subject to conversion, and now it is observed activation of this model.

It is defined that in conversion semantic reconstruction happens and changed the class of word.

Also conciseness, economy of linguistic means and avoidance of needless elements are named the advantages of conversion in the Tajik language.

Keywords: word-building, conversion, non-linear models, substantivization, adjectivization, morphotactics, concatenation, non-concatenative morphotactics, semantic reconstruction.

Сведения об авторе:

Норов Мирзомурод- соискатель Института языка и литературы им. Рудаки АН РТ, 734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки 107 ^{«а»} тел. 600-3196, (+992) 935532197

About the autor:

Norov Mirzomurod – post – graduate Institute of language and literature of Rudaki AT RT, 734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave. 107 Phone: 600-3196, (+992) 935532197

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА МЕТАФОРИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Выявление межязыковой изоморфности и неизоморфности при изучении той или иной единицы стилистической категории путем языковой инвентаризации и моделирования относится к малоизученной области как лингвистической, так и литературоведческой компаративистики.

Следует отметить, что предмет исследования метафоры не является новым. В английской филологии метафора рассматривается с самых различных позиций, что нашло теоретическое освещение и детальное описание в соответствующей литературе. Изучение метафоры в таджикском языкознании находится в начальной стадии.

Предмет исследования ограничивается простой речевой метафорой, выраженной именем существительным, так как здесь наиболее четко можно проследить номинативный аспект процесса метафоризации.

Целью статьи является исследование семантической и ономазиологической природы простой речевой метафоры в английском и таджикском языках в сопоставительном плане.

В своем классическом определении метафора – это результат одновременной реализации в слове двух типов значения: системного и контекстуального[2, с.135].

В ономазиологическом плане процесс метафоризации рассматривается как результат вторичного окказионального наименования, связанный с вычленением и переносом признака с одного предмета на другой[1, с.6].

Под вторичным окказиональным наименованием понимается образное наречение предметов и явлений с помощью языковых средств, уже однажды закрепленных за определением классом денотатов. Выделение и перенос признака, лежащего в основе аналогии, под которой понимается какое-либо сходство между предметами и явлениями в остальном различными, оказывается ведущим элементом, приводящим к выбору имени. Перенос наименования с одного предмета на другой, человеческое мышление проводит определенную *«сравнительную работу»*, в которой отражается психологический склад нации, общность материальной жизни людей, специфика национальной культуры.

Процесс вторичного окказионального наименования связан с переорганизацией языковых форм сопровождается нарушением валентности и появлением дополнительной окказиональной сочетаемости слов. Различая понятия валентность и сочетаемость, не следует забывать об их взаимосвязанности и взаимообусловленности: валентные свойства языковой единицы проявляются в ее сочетаемости, а сочетаемость единицы определяется ее валентными свойствами[4, с. 54]. При неметафорическом употреблении валентные связи слов определены языковыми и внеязыковыми реалиями и опытом человек. В процессе же метафоризации валентность *«раздвигает»* свои границы и создает возможность образования того, что называют *«нарушением семантического согласования»*, позволяющего обнаружить некоторые *«неожиданные стороны денотата»* [3, с.77].

Нарушение валентности приводит, в свою очередь, к появлению различных типов по какому-то одному семантическому признаку одушевленность – неодушевленность, лицо – не лицо, конкретное – абстрактное.

В метафоризируемом слове, в свою очередь, происходит изменение *«семных наборов»* как по количеству, так по и качеству семных элементов. В первом случае это *«индуцирование»* окказиональных сем, во-втором – *«приглушение»* одних и *«выдвижение»* других, что ведет к явлению перераспределения сем.

Рассмотрим все вышесказанное на конкретном примере в сопоставительном плане.

Punctual to the minute as usual – Пунктуален до минуты, как обычно.

You are an animated chronometer, Martini – Вы анимированный хронометр, Мартини.

Данная метафора на таджикский язык переведена следующим образом:

Харвахта барин, як дакика хам дер накарда дар вақтаи омадед.

Или:

Шумо ӯарвахта барин одами пухтакор(сариттакор) ӯастед

Шумо хронометри зинда хастед, Мартини.

Метафоризируется существительное «chronometer» в английском языке и «хронометр» в

таджикском. Актуализируется общий признак, на основе которого строится метафора – «great exactness «и» вакти муайян». Актуализируемый признак переносится с узуального денотата «хронометр» на окказиональный референт «человек» Мартини, что приводит в обоих языках к сдвигу денотативной соотносительности и появлению нового референциального смысла «человек, придерживающийся точного времени», на что указывает контекстный сигнал «харвакта барин, одами пухтакор(сариштакор), як дакика хам дер накарда дар вақташ омадед».

Нарушение валентности между «Мартини» и «хронометр» влияет на семантическое противопоставление узуального денотата окказиональному референту по типу семантической оппозиции «одушевленное-неодушевленное» Мартини-хронометр. Указание процессы сопровождаются окказиональной переорганизацией сем: приглушение архисемы «instrument» в английском языке и «асбоб» в таджикском языке, индуцирование окказиональной архисемы «человек» и актуализация дифференциальных сем “great exactness” и «вакти муайян», соотносящихся с признаком, положенным в основу метафоризации.

Идентичность семантико-ономасиологического механизма метафоризации в анализируемых языках объясняется, с нашей точки зрения, общностью процесса метафоризации, позволяющим отнести данное явление к семантико-стилистическому изоморфизму. В это же время процесс метафоризации в каждом конкретном языке отличается национальной спецификой, определяемой, с одной стороны, особенностями внутреннего развития национального языка, с другой – характером языкового мышления.

Например: *If that the earth could team with woman`s tears,
Each drop she falls would prove a crocodile.*

На таджикский язык данная метафора переведена следующим образом:

*Агар замин метавонист аз ашқи занҳо бордор шавад,
Аз ӯар қатра ашқиашон як аждаҳо зоида мешуд.*

Образ «аждаҳо» заимствован из таджикского фольклора.

На данном примере видно, что характер и семантический статус признака окажется разным из-за замены номинативного значения метафоры.

В английском языке актуализируется признак «притворный, лицемерный», соотносящийся с дифференциальной семой «hypocritical»

“a person who weeps or makes a show of sorrow hypocritically or with malicious purpose” [5, с. 104].

А в таджикском варианте актуализируется признак «убийственный», соотносящийся с потенциальной семмой «кушанда», выведенной с помощью многоступенчатого дефиниционного анализа.

Аждар – аждари ганч мувофиқи ривояти афсонавӣ мор ё аждарест, ки гуё барои мухофизаи ганъ бар сари он мехобидааст – сказочный дракон который охраняет сокровища.

Аждаҳо – мори солхурдаи калони афсонавӣ, ки пар баровардааст ва аз дахонаи отаи берун меояд – старая(пожилая) сказочная змея который имеет крылы и задувает огонь .

Афъӣ/Афъо – як навъ мори калони захрнок – один из типов большой и ядовитой змеи.

Альагиё – решаи захрнокӣ як навъ гиёҳ, аконит – ядовитый корень один из типов растений.

Гурза/Гарза – навъе аз мори калони захрдор – один из типов большой и ядовитой змеи.

Девмор – аждаҳо – дракон, сказочная змея.

Ифрит – мавҷуди зишт ва нопоки мавфум; дев; ағриман – уродливый существо, демон, злой дух.

Сӯбон – мори бузург; аждаҳо – большая змея

Мор – хазандаи маъруф, ки навъҳои гуногун дорад ва асосан ба захрдору безахр чудо мешавад – известное насекомое который имеет много видов о они различаются к ядовитым и неядовитым. [7, с.45-70]

Захр – моддаи кушанда самм; моддаи кушандае, ки баъзе хайвонҳо, чун мор, каждум ва г. дар бадани худ доранд – яд, убивающая средство, некоторые насекомые как змея и скорпион имеют в своих телах[6, с.527].

Таким образом, выбор признака и его характер в экстралингвистическом плане определяется тем, что представления и ассоциации, связанные с метафорическим знаком, детерминированы социальными, историческими и национально культурными особенностями, специфичными для разных языковых коллективов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова.Э.С. Слово как объект лингвистической стилистики. АДД. –М.,1974.
2. Гальперин И.Р. Stylistic. – М.,1971.

3. Наер. В.Л. Семантическая несовместимость лексических единиц как источник информативности некоторых стилистических приемов.-« Научные труды МГПИИЯ» вып.103.,1976
4. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М., 1978.
5. The Concise Oxford Dictionary. Fourth Edition. – Oxford University Press, 1951.
6. М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Хошим, Н.А. Маъсумӣ, Фарҳанги забони тоҷикӣ. Қисми 1. – М.: Советская Энциклопедия, –1969. –С. 951.
7. Шукуров М.Ш., Капранов В.А., Хошим Р., Маъсумӣ Н.А. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Қисми 2. – М.: Советская Энциклопедия, –1969. –С.952.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА МЕТАФОРИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена анализу механизма метафоризации в английском и таджикском языках в сопоставительном плане. В английской филологии метафора рассматривается с самых различных позиций, что нашло теоретическое освещение и детальное описание в соответствующей литературе. Изучение метафоры в таджикском языкознании находится в начальной стадии.

В своем классическом определении метафора – это результат одновременной реализации в слове двух типов значения: системного и контекстуального.

В ономаσιологическом плане процесс метафоризации рассматривается как результат вторичного окказионального наименования, связанный с вычленением и переносом признака с одного предмета на другой.

Под вторичным окказиональным наименованием понимается образное наречение предметов и явлений с помощью языковых средств, уже однажды закрепленных за определением классом денотатов. Выделение и перенос признака, лежащего в основе аналогии, под которой понимается какое-либо сходство между предметами и явлениями в остальном различными, оказывается ведущим элементом, приводящим к выбору имени.

Ключевые слова: анализ, механизм, метафоризация, язык, филология, метафора, теоретическое освещение, литература, системный, контекстуальный, наименования.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE METAPHORIZATION MECHANISM IN ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES

This article is devoted to the analysis of the metaphORIZATION mechanism in the English and Tajik languages in comparative terms. In English philology, a metaphor is considered from a variety of positions, which found theoretical coverage and a detailed description in the relevant literature. The study of metaphor in Tajik linguistics is in its infancy.

In its classical definition, a metaphor is the result of the simultaneous implementation of two types of meaning in a word: systemic and contextual.

In the onomasiological plan, the process of metaphORIZATION is considered as the result of a secondary occasional name associated with the isolation and transfer of a sign from one subject to another.

The secondary occasional name is understood as the figurative naming of objects and phenomena with the help of linguistic means, already once assigned to the definition by the class of denotations. The selection and transfer of the sign that underlies the analogy, which is understood as any similarity between objects and phenomena otherwise different, turns out to be the leading element leading to the choice of a name.

Keywords: analysis, mechanism, metaphORIZATION, language, philology, metaphor, theoretical coverage, literature, systemic, contextual, names.

Сведения об авторе:

Шералиев Самандар Осмонбоевич – ассистент кафедры Восточных языков Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. (+992) 904077107

About the author:

Sheraliev Samandar Osmonboevich - Assistant, Department of Eastern Languages, Tajik State Pedagogical University named after Sadridin Aini. (+992) 904077107

УДК: 809.27+29 (575.3)

ББК: 83.3+86.38

III - 52

АНДЕШАҶО ПИРОМУНИ КОРБУРДИ БАЪЗЕ МУАРРАБОТ ДАР ТАРЧУМАИ ФОРСИИ “ҚУРЪОНИ ҚУДС”

Шерзода Ф.

Донишгоҳи давлатии омӯзгори Тоҷикистон ба номи С.Айнӣ

Қабилаҳои гуногуни араб аз давраҳои қадим бо юнониёну мисриён, ҳабашиёну румиён, эронӣёну яҳудиён робитаҳои ҳамешагӣ доштанд. Ҳамин равобити байни қавмҳову халқҳо боиси пайдоиши замина барои равобити миёнизабонӣ шудааст, ки дар гановати луғавии забони арабӣ нақши муҳиме гузоштааст.

Забони арабӣ аз вожаҳои бегонаи бисёр пур шудааст ва ин сухан шигифтангез нест, зеро қабилаҳои густурда, онҳо ки дар зиндагӣ ва сиёсатгузориҳои худ бо миллатҳои пешрафтаи аҷнабӣ даромезанд ногузир вожаҳои бегонае дар забони онон роҳ меёбад [17, с.9].

Дар “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ” вожаҳои зиёди арабӣ мавҷуданд, аммо боз вожаҳои ҳастанд, ки ҳамчун арабӣ зикр ёфта, дар асл баромади забони форсӣ-тоҷикӣ доранд. Албатта, дар мавриди вожаҳои аслан форсии дарӣ, ки дар забони арабӣ омадаанд дар фарҳангу луғатҳои забони тоҷикӣ бошад, ҳамчун арабӣ гуфта мешаванд, дар бисёр мақолаҳо ва корҳои илмӣ-тадқиқотӣ таъкид гардидааст. Мо низ аз баъзе вожаҳои аслан форсии дарӣ, ки дар забони арабӣ омадаанд, бар пояи маводи тарҷумаи форсии “Қуръони Қудс” ёдоварӣ мекунем.

Дар даврони рушду нумӯи забони форсии дарӣ дар осори маҳфузмондаи форсии асрҳои VIII-IX вожаҳои арабӣ кам ба назар мерасанд. Гузаштани вожаҳои арабӣ ба забони форсии дарӣ аслан пештар аз даврони Хилофати Араб сар зада, эҳё ва густаришаш бошад аз охириҳои асри IX боло сурат мегирад.

Дар солҳои рушду нумӯи ёфтани дини Исломи дар сарзаминҳои форсншин бисёре аз калимаҳои форсӣ дар навиштаҳои забони арабӣ ба кор рафта, аммо дар байни мардум онқадар маъруф набуданд. Аърибиён бархе аз вожаҳои бегонаро бо ҳамон сохтори аслии худ ва бархоро бо андак тағйирот нигоҳ доштаанд. Аммо бештар вожаҳоро бо далелҳои бепоя тасхиф намуда ё дар онҳо дигаргуниҳои имлоӣ медароварданд, зеро забони арабӣ дар он давраҳо ҳамчун забони дини Исломи ва забони китоби муқаддаси он - Қуръон ба шумор рафта, дар назари ҷомеаи он даврон ҳамчун нишонаи покизагӣ маънидод мешуд. Тавре ки забоншиноси эронӣ Муҳаммадали имом Шуштарӣ қайд кардааст: “Дар он аср гузашта аз инки эронӣён ҳукумати худро аз даст дода буданд, муҳити иҷтимоии он замон бо чунин амре созгор набуд. Забони арабӣ дар он рӯзгор ба воситаи нузули Қуръони Карим бо ин забон дар назари омма як ҷанбаи қудсӣ ба худ гирифта буд ва забони ғариштагон ба шумор меомад. Ҳеҷ кас қудрат надошт чизе, ки андаке ба вай кӯтоҳӣ ва норасоии ин забон аз он бархезад, бигӯяд ё бинависад. Чунки бедаранг ба қуфр ва зиндиқа муттаҳам мешуд.” [18, с.14-15]. Қобили зикр аст, ки забони форсии миёна то исломи яке аз забонҳои қудратманд ва дорони суннати хату китобат буд, ки чунин осори маъруфи ин забон мисли «Kārnāmak(g) i Artaxšēr i Pārakān» - (Корномаи Ардашери Бобакон), “Auyātkār i Zarērān” - (Ёдгории Зарирон), “Pān-pāmak(g)” - (Панднома), “Dēnkart(d)” - (Амали динӣ) “Mēnōyē xrat” - (Минӯи (Рӯхи) хирад), “Dādestān i dēnīg” - (Қонуну қоидаҳои динӣ) “Šahristānīhā i Ērān” - (Шахристонҳои Эрон) ва ғайра, инчунин аввалин фарҳангҳои он монанди “Frahang-i ōim- ēwag” - (Фарҳанги оим еваг) ва “Frahang i pahlavik” - (Фарҳанги паҳлавӣ) гувоҳи бузургӣ ва тавонмандии ин забон аст.

Дар байни вожаҳои мансуб ба дину оин, ки дар ин асар ба кор рафтаанд, нахуст худи истилоҳи “*дин*” ҷолиби диққат аст. М. Ҳасандӯст дар фарҳанг решашиносии худ бо иттиқо ба Р. Норм, С. Salemann, Н. S. Nyberg таъкид кардааст, ин калима дар эронии миёна ҳамчун *dēn*, аз форсии бостон ба сурати **dainā* ба кор мерафт ва сурати авестоии он **daēnā* дар осори бостон маҳфуз мондааст. Гарчанд бархе аз муҳаққиқон решаи ин вожа аз санскриту ҳиндуэронии бостон ҷуста бошанд ҳам, аммо иштиқоқи он дақиқан маълум нест [3, с.1401]. Ин вожа ба ғайр аз маънои эътиқод ба мавҷудияти қувваҳои фавқтабиӣ, мазҳаб, кеш боз ба маънои «хулқи ботинӣ, руҳонияту маънавиёти шахс» [9, с.665] низ фаҳмида мешавад, ки дар навиштаҷоти динии зардуштӣ бисёртар мушоҳида мешавад. Дар навиштаҷотҳои паҳлавии китоби Н. Нюберг ин вожа дар шакли  - *dēn* [14, 2,19,36] оварда шудааст. Дар тарҷумаи форсии “Қуръони Қудс” низ ин вожа бештар истифода шудааст мисоле: “Бигӯ: Рост гуфт Худой. Пас рӯй кунед *дини* Ибраҳимро пок ва набуд аз мушрикони” [5, с.17].

Дар мавриди вожаи дигаре, ки дар тарҷумаи форсии матн омадааст, ин калимаи “*масҷид*” мебошад. Дар фарҳанги тоҷикӣ ҳамчун вожаи арабӣ ба маънои ҷойи намозхонии мусулмонон,

ибодатгоҳи мусулмонон оварда шудааст. Дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” ҳамчун “масҷид”, “мазмит”, “мазғит” арабиасос ба маъноҳои ибодатхонаи мусулмонон [7, с.653]. Дар фарҳанги форсии миёна низ вожаи “масҷид” ба мисли “мазғит” омадааст. Забоншинос М. Ҳасандӯст, масҷидро дар забони оромӣ *msgd* иқтибос аз Р. Норм карда овардааст [4, с.2608]. Дар фарҳанги форсии бостон вожаи мазғит ва ё ба ин монанд калимае пайдо нашуд, шояд он аз ду вожагони *maz*, ва *gad* пайдо шуда бошад. Х. Бартломэ вожаи *maz- ro* аз забони готии авастой ба маъноҳои: “аҳамиятнок, муҳим, зарур, оличаноб, аъло, бисёр, саҳт, азим, аъзам, бузургвор, меҳтар, муаззам, зӯр” [9, с.1156] оварда, вожаи *gad- ro* бошад ба маъноҳои: “пурсидан- касеро барои чизе, дарҳостан, илтимос кардан, мурочиат кардан, чеғ задан, даъват кардан касеро ба кучое” [9, с.487]. Яъне дар якҷоягӣ мо вожаи *Mazgad-* “даъват ба сӯйи меҳтар, мурочиат кардан ба муаззам” ва ғайраро метавонем пайдо кунем. Тафсири дуҷуми ин калима метавонад бо иловаи вожаи *gata* бошад, яъне *gam* -> *gata* – “рафтани, расидани ба кучое; омадани, ба аёдат рафтани; ба чойе афтодани ва ғ.” [9, с.487], ки дар маҷмӯъ метавонад маънои “расидани ба чойи муаззам; рафтани ба меҳтарчой”- ро ифода кунад. Аз ин ҷост, ки дар тарҷумаи форсии Қуръони Қудс ҳамчун “мазғит” аз қолаби форсии миёна тарҷума шудааст: “Мояест дар он ҳаргиз *мазғити* бинокардашуда вар (бар) парҳезкорӣ (парҳезкорӣ) аз аввал рӯзе сазовортар, ки боисти дар он ...”. [9, с.120].

Фирдавс – вожаи арабии динӣ дар фарҳанги мусулмонон буда, ҳамчун як боғе аз боғҳои бихишт дар Қуръон ва ҳадисҳои паёмбари ислом зикр мешавад. Дар тарҷумаҳои Қуръон ба форсӣ бештар ба маънои “боғ ё бӯстон” истифода мешавад мисоле аз тарҷумаи форсии Қуръон: «Ҳар оина онон ки эмон оварданд ва қорҳои шоиста карданд бошад эшонро *бӯстонҳои* бихишт чойи меҳмонӣ» [5, с.443]. Ин вожа дар форсии авастой ҳамчун *pairi.daēza* - “девори санг пӯшида, нарда, гирдогирд”, ва форсии қадим *pari-daīda* - “боғи ороишӣ, мамнӯъгоҳ” [9, с. 865; 6, 314-315] гирифта шуда, рус. Парадиз- “бихишт”, фаронсавии *paradis* аз юнонии *παράδεισος* (парадеисос) – “мамнӯъгоҳ, боғ, бихишт” [10, с.1151; 12, с.306]. Яъне боғ ё бӯстоне ки гирдогирдаш деворе ихота шудааст. Дар форсии дарӣ ва форсию имрӯза дар шакли پالیز – *поли(е)з* ба мо расида то ҳол дар истифода қарор дорад. Ихтисору табдилёбии ҳарфи “п” ба “ф” гувоҳи аз он мидеҳад, ки гузариш на танҳо дар байни калима, мисли “гуспанд -> гусфанд, балки дар аввали калима низ омада метавонад. Дар тарҷумаи Қуръони Қудс ҳамчун “*Фирдавс*” тарҷума шудааст: “Эшон бигаравистанд ва карданд некиҳо, бихад (бувад) эшонро бӯстонҳои *фирдавс* ...” [5, с.192].

Амон, амонат - вожаи арабихонда дар фарҳангҳои тоҷикию арабӣ буда, дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” ва “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ” арабӣ оварда шуда, ба маънои “Он чи ба касе месупоранд, то онро ниғаҳдорӣ намояд ё онро ба дигаре бирасонад. 2. амин будан; ростӣ, дурусткорӣ” [8, 653-60; 7, 64], аз вожаи *амон* сарчашма мегирад. Аммо дар фарҳанги аввал вожаи “*амон*” арабӣ ва дар фарҳанги дуҷум бошад ҳамчун тоҷикӣ зикр ёбӣ мешавад. Ба ин вожа наздик дар “Луғати форсии бостон”-и забоншинос Х. Бартеломэ омадааст, ки чунин овардааст: авастой *аотан*- ба маънои “мадад, қумак, ёрӣ” [9, с.42]. М. Майхофер бошад дар “Луғати ҳиндуориёии бостонӣ”-и худ дар шакли *отан* зикр мекунад [14, с.281]. Эҳтимол, аз вожаи ҳиндуаврупоии **auos-* “мадад, дастгирӣ” маншаъ меёбад [16, с.77]. Дар тарҷумаи матни “Қуръони Қудс” бошад “Худой мефармояд шуморо, ки бигузored *амонатҳо* ба аҳли он ...” [5, с.35].

Машварат (мушоварат) - ин вожа дар фарҳанг ба маънои “гуфтугузор барои гирифтани фикру мулоҳизаи касе ё гурӯҳе дар бораи қор; маслиҳат” [8, 782]. Дар тарҷумаи Қуръон ин вожа кам ба назар мерасад ва ҳамоно дар сураи дуҷуми тарҷумаи Қуръони Қудс, ки гуфта шудааст: “Вар (бар) меросбар аст ҳамчунон... аз шир воз кардан аз бисандкорӣ[1] аз он дув (ду) ва *мушоварате*, базаҳ (гуноҳ) нест вар он дув ар хоҳед, ки ...” [5, с.4]. Дар фарҳангҳои этимологӣ ин вожа дида намешавад, ва дар фарҳангҳои форсӣ низ дар шакли арабӣ омадааст. Чун дар фарҳанги бостонии эронӣ ин вожа дар шакли пурра пайдо нашуд, онро ба ду қисм чудо карда ҷустуҷӯ мекунем. Аввалан вожаи форсии қадимаи авастойи *mqdwa-* ба маъноҳои “дар мавриди чизе андешидан; чизеро пиндоштан; чизеро фикр кардан, дар ҳаёлотӣ чизе” [9, с.1177]. Дувум, вожаи авастойи готӣ *rataw-* “қарори додгустар; ҳукми додгоҳ; қарори додгоҳ, доднома, ҳукмнома” [9, с.1502]. Агар мо ин ду вожаро ба ҳам пайвастан кунем дар шакли *mqdwa-rataw* ба маънои “дар фикри қарори касе будан; чи фикреро ба ҳукм даровардан” ва ё ба ин монанд вожае маъние пайдо кунад. Яъне дар аҳди забони форсии бостон вожаи *rataw-* маънои “ҳукми қатъӣ ё ҳукми додгоҳӣ”-ро дошт, ҳоло бошад вожаи *Rat* дар забони олмонии имрӯза ба маънои “маслиҳат, тавсия, мушовират, роизанӣ” дар норвегӣ *råd*, полякӣ *rada* “панд, иршод, насиҳат” истифода карда, дар украинӣ низ *рада* ва боз дар кишвари Украина “Мақомоти Ҳокимияти Давлатӣ”- ашонро *рада* мегӯянд, дар форсии дарӣ бошад дар шакли *рой* то имрӯз мавриди истифода қарор дорад. Аз ин рӯ метавон гуфт, ки вожаи машварат (мушоварат) аз

форсии қадим дар байни мардум истифода мешуду аммо дар маъноҳои гуногун. Чуноне ки медонем, бо мурури замон баъзе вожаҳои маъноҳои худро гум карданд ва ё наздик ба маъноҳои худро соҳиб шуданд. Вожаи мазкур кам омӯхта шуда, дар оянда боз ҳам мавриди таҳқиқи баррасӣ қарор мегирад.

Масх - дар фарҳангҳои тоҷикӣ ин калима ҳамчун арабӣ ба маънои: “молидани дасти тар ба сару по (дар вақти таҳорат). 2. молидан бо даст, молиш, молмоли бадан, дастмол, молишгарӣ, молишкорӣ (чун яке аз усули муолиҷа ва пешгирии бемориҳо)” [8, с. 770]. Х. К. Баранов вожаи “масхун”-ро дар “Луғати бузурги арабӣ ба русӣ”-аш ба маънои “равғанмоли” ва ба маънои руҳонии “масх кардан” дар дини ислом ва насоро истифода мебаранд. Ба ғайр аз он дар ин фарҳанг маъноҳои чаҳорумаш ба маъноҳои чамъаш яъне **мусухун** “ченкунӣ, нақшабардории топографӣ, нақшабардории геологӣ” истифода мешавад ниг.: [1, с.753]. Яъне агар дар фарҳанги арабӣ ба маънои ченкунӣ оварда бошад, пас бо таваҷҷӯҳ ба ҳамин вусъати маъноии он вожаи “масх” дар форсии бостон дар шакли *masah* дар фарҳанги форсии қадими забоншинос Х. Бартломэ оварда шудааст, ки ба маънои “дарозӣ, масофат, баландӣ, қад, тӯл, истимрор; андоза, бузургӣ” [9, с.1154] баён мешавад. Дар форсии миёна ҳамчун *masāy* | *masāi* “андоза” [13, с.54; 11, с. 43]. Аз қоидаҳои усули динӣ низ масх гоҳо ба қаду дарозӣ кашида мешавад, мисли аз ангушти даст то оринҷ, аз ангушти пой то зону, аз сар то по ва ғайра. Тарҷумаи “Қуръони Қудс” ин вожаҳо дар шакли “масх” чунин зикр мекунад: “Ар бед (бошед) беморон ё вар (бар) сафаре, ё омад яке аз шумо аз ғоят ё бимачидед[2] занонро, нагундед[3] ове, қасд кунед хоки покро, **масх** кунед рӯйҳои шумо ва дастҳои шумо, Худой хаст афвқунори омуридгор”. [5, с.34].

Васият - ин вожа низ дар форсии бостон аз ду реша иборат мебошад. Аввалан мо ин вожаҳо дар фарҳанги тоҷикӣ дида мебароем, ки чи маъно дорад. Вожаи “*wasiyat*” дар фарҳанг ба маънои: “супориши пеш аз марг ё ба сафарравандаи шахс ба бозмондагони худ, орзуҳои хоҳиш ё насиҳате, ки шахс қабл аз мурдан изҳор мекунад” [8, с.268]. Дар адабиёти форсӣ тоҷикӣ низ ин вожаҳо дар шакли васеъ истифода мегардад. Мисоле аз мисраъҳои шеърӣ ки дар “Гулистон”-и Саъдӣ омадааст:

*Писареро падар **wasiyat** кард,*

К-эй чавонбахт, ёд гир ин панд.

Дар фарҳанги форсии бостон вожаи “*wasiyat*” дар қисмати аввал аз решаи готӣ авастоии *vasō* -> *vasā* - бо дил, “бо хоҳиш; бо лутф, бо меҳрубонӣ, бо назокат, бо латофат” [9, с.1383] ва қисмати дувум аз вожаи *yāta* – “Ҳиссае (ҳаке, саҳме) ки ба ҳар як нафар пешбини шудааст, ҳаққи ки ба ҳар як кас ҷудо карда мешавад; молу мулк, амвол; моликият” [9, с.1283] иборат буда, дар якҷоягӣ ҳамчун вожаи *vasā.yāta*-ро ташкил мекунад. Яъне агар ҳарду ин маъноҳо бо ҳам пайваст кунем, мо метавонем якҷанд маъноҳои наздик ба вожаи “*wasiyat*”-ро ба даст орем, масалан: “бо хоҳиши худ моликиятро гузоштан, молу мулкро бо хоҳиши худ тақсим кардан ва ё бо лутфи худ тақсим кардани моликият ба ҳар як нафар” ва ғ. Дар тарҷумаи форсии матни Қуръон бошад чунин гуфта шудааст: “Шуморо ними он бихиштанд анбозони шумо, ар (агар) набиҳад эшонро фарзанде. Ар бихад эшонро фарзанде, шуморо чаҳорак 3-он бихиштанд аз паси **wasiyate**, ки ме **wasiyat** кунад бад-он ё авоме” [5, 29].

Сайд – дар фарҳангҳои тоҷикӣ ин вожа ҳамчун арабӣ эътироф шудааст. Масалан дар “Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ” калимаи “*said*” ба маънои: “1. шикор кардан, шикор. 2. Он чи онро шикор мекунад, чонвари шикоршаванда” инчунин дар “Фарҳанги забони тоҷикӣ” низ ҳамчун арабиасос ба маънои “шикор кардан” омадааст ниг.: [8, с.194; 7, 176]. Албатта ки худ вожаи **шикор** дар форсии қадим дар дигар шакл оварда шудааст, аммо вожаи “*said*”-и арабӣ аз форсии қадим бо каме маъноҳои наздик дар шакли *said* – “тикка кардан, кафонидан, даронидан” [9, с.1547] омадааст. Дар тарҷумаи матни китоб чунин оварда шудааст: “Меозмояд шуморо Худой ба чизе аз **said** расад бад-он дастҳои шумо ва найзаҳои шумо...” [5, с.62].

Ҳамин тариқ дар мақолаи мазкур баъзе вожаҳои аз тарҷумаи форсии “Қуръони Қудс” пешниҳод мешавад, ки дар асоси якҷанд маводҳои илмӣ таъриҳӣ аз ҷумла қорҳои илмӣ забоншиносон монанди Chr. Bartholomae, H. S. Nyberg, R. Beekes, J. B. Hofmann, M. Mayrhofer, D. N. MacKenzie, J. Pokorny, V. Farahvaši ва дигарон дида мешавад. Аз ин рӯ метавон гуфт, ки вожаҳои дар боло зикр шуда на арабӣ, балки таъриҳӣ пайдоишашон аз решаҳои ба форсӣ наздик маншаъ мегирад. Таваҷҷӯҳи бештар ба вожаҳои дода мешавад, ки дар фарҳангҳои тоҷикӣ ҳамчун арабӣ зикр шуда, дар баъзе фарҳангҳои этимологияи форсӣ бошад дида намешаванд.

АДАБИЁТ

1. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь [Текст]/Х. К. Баранов. в 2 Т.Т. 2. издание 11 стереотипное. – М.: Живой язык, 2006. – 453 с.
2. Қуръони Карим ва тарҷумаи маонии он ба забони форсӣ [Текст]. - Мадина ул - мунаввара: Чопхонаи Қуръони Карим маҷмааи Малик Фаҳд, 1417. – 929 с.
3. Муҳаммад Х. Фарҳанги решашинохтии забони форсӣ [Текст]/Х. Муҳаммад. Ҷ.И. (п – д). – Техрон, 1393 х. – С. 1401.
4. Муҳаммад Х. Фарҳанги решашинохтии забони форсӣ [Текст]/Х. Муҳаммад. Ҷ.И. (п – д). – Техрон, 1393 х. – С. 2608.

5. Равоқӣ А. Куръони Кудс: Ҷ. I-II. [Текст] / А. Равоқӣ. - Техрон: Муассисаи фарҳангии Шаҳид Муҳаммад Равоқӣ, 1364. - 468с.
6. Расторгуева В.С. Этимологический словарь иранских языков / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. - М.: Изд-во вост. Лит-ры, 2000. Т. II – 327 с.
7. Фарҳанги забони тоҷикӣ. (аз асри X то ибтидои асри XX). Дар 2 ҷ. Ҷ.1. А-О. зери таҳ. М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим [ва диг.]. – М.: СЭ. 1969. – 951 с.
8. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ [Текст] / Дар 2 ҷ. Ҷ.1. А-Н. зери таҳ. С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов [ва диг.]. – Душанбе: Паҷӯшишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ, 2008. – 950 с.
9. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch [Text] / Chr. Bartholomae. Strassburg, 1904. – 2000 с.
10. Beekes, R. S. P. Etimological Dictionary of Greek; with the assistance of Lucien van Beek [Text] / R. S. P. Beekes. Vol. XI-II. Leiden-Boston., 2010. – 1809 p.
11. Farahvaši, V. Farhang Farsi be Pahlavi. The Lexicon of Persian into Pahlavi [Text] / V. Farahvaši. Tehrān: Entesārāt-e Dānešgāhe Tehrān. – 1381. – 572p.
12. Hofmann J. В. ETYMOLOGIKON ΛΕΞΙΚΟΝ ΤΗΣ ΑΡΧΑΙΑΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ [Text] / J. V. Hofmann. - EN ΑΘΗΝΑΙΣ, 1974.- 543 σ.
13. MacKenzie D. N. Pahlavi dictionary [Text] / D. N. MacKenzie. – London: Oxford university press, 1971. - 259p.
14. Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen [Text] / M. Mayrhofer. Bd.I-III. Bd. I, Heidelberg, Carl Winter - Universitätsverlag 1992. - 812 S.
15. Nyberg H. S. A manual of Pahlavi [Text] / H. S. Nyberg. Part I. Texts, Alphabets, Index, Paradigms, Notes and an introduction Otto Harrassowitz - Wiesbaden, 1964. - XXIV p., 205 P.
16. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Vol. I-III [Text] / J. Pokorny. - Francke Verlag Bern und München, 1959. - Vol. I - 348 S.

۱۷ السید اذی شیر. واژه‌های فارسی عربی‌شده. ترجمه سید حمید طیبیان. مؤسسه انتشارات امیر کبیر.
 ۱۸ محمد علی امام شوشتری. فرهنگ واژه های فارسی در زبان عربی و پهلوی. ۸ ص.

О НЕКОТОРЫХ АРАБИЗИРОВАННЫХ СЛОВ В ПЕРСИДСКОМ ПЕРЕВОДЕ “КОРАНИ КОДС”

В данной статье рассматриваются некоторые арабизированные слова в персидском переводе "Корани Кодс", которая написана примерно IX-X вв. автор которого неизвестен. Данный перевод является одним из старых переводов Корана, язык которого по многим показателям отличается от языка фарси дари Маварауннахра и имеет огромное значение для изучения истории формирования персидского литературного языка. Вышеуказанные лексемы были зафиксированы в рукописях Авеста и других древнеиранских источников. Опираясь на научные данные, в том числе научных трудов известных иранистов как Chr. Bartholomae, H.S. Nyberg, R. Beekes, J.V. Hofmann, M. Mayrhofer, D. N. MacKenzie, J. Pokorny, V. Farahvaši и др., можно предположить, что вышеуказанные лексемы не являются арабскими заимствованиями, а их исторические корни уходят в глубину древней эпохи истории иранских народов, когда ещё функционировал единый общеиранский язык.

Целью статьи является анализ и прослеживание исторической пути развития, некоторых слов, которые считаются арабскими заимствованиями и используются в персидском переводе Корана.

На основе персидского перевода «Корани Кодс» автор стремится проследить процесс и раскрыть детальные частицы арабизированных слов.

Ключевые слова: Арабизирование слов, арабские заимствования, “Корани Кодс”, Али Раваки, персидский перевод Корана, языковедение.

ABOUT SOME ARABIZED WORDS IN PERSIAN TRANSLATION “QUR’ANI KUDS”

This article discusses some Arabized words in the Persian translation of the “Qur’ani Kuds”, which was written around the IX-X centuries, whose author is unknown. This translation is one of the old translations of the Qur’an, whose language differs in many ways from the language Farsi - Dari of Mavaraunnahr and is of great importance for studying the history of the formation of the Persian literary language. The above mentioned lexemes were recorded in the manuscripts of the Avesta and other ancient Iranian sources. Based on scientific data, including scientific works of famous scholars on Iranian-studies as Chr. Bartholomae, H.S Nyberg, R. Beekes, J.V Hofmann, M. Mayrhofer, D.N MacKenzie, J. Pokorny, V. Farahvaši, and others, it can be assumed that the abovementioned lexemes are not Arabic borrowings, but their historical roots go back to the depths of the ancient era of the history of Iranian peoples, when a single common Iranian language was still functioning.

The purpose of the article is to analyze and trace the historical path of development of some words that are considered Arabic borrowings and are used in the Persian translation of the Qur’an.

On the basis of the Persian translation of the Qur’ani Kuds, the author seeks to trace the process and uncover detailed particles of arabized words.

Keywords: Arabization of words, Arabic borrowings, “Qur’ani Kuds”, Ali Rawaki, Persian translation of the Qur’an, linguistics.

Сведения об авторе:

Шерзода Ф. - аспирант кафедры истории языка и типологии Таджикского национального Университета Тел.: (+992) 904634043

About the author:

Sherzoda F. - is a graduate student of the Department of History of Language and Typology of the Tajik National University Tel.: (992) 904634043

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ

Исмаилова Х.Э

*Национальный исследовательский Московский государственный
строительный университет (НИУ МГСУ)*

Вопрос обучения русского языка детям -мигрантам актуально. Этот вопрос интересует многих педагогов, русистов. В настоящий период в Российской Федерации демографическая обстановка улучшается зачастую за счет переселенцев. Данное означает, то что в Российской Федерации больше рождается дети, которые с рождения говорят не на русском языке, а на другом языке. Русский язык дети мигрантов изучают специально, сознательно так как это государственный язык страны, где они живут.

В обучении русскому языку детей мигрантов основную роль играет школа. В идеале школа должна выступить в роли инициатора общения учеников различных национальностей, разговаривающих на разных языках.

Дети мигрантов в основном дома не говорят на родном языке, а не по-русский, но с малых лет смотрят мультфильмы, фильмы на русском языке — в таком случае он принимает на слух и осознает русскую речь.

И цель средние учебные заведения — обучить детей мигрантов овладеть русским языком в той же уровню, в какой научен русскому языку ученик с русской семьи. Требования ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку едины как для русских учеников, так и для детей мигрантов. Таким образом, есть необходимость создания пособия, учебника русского языка для детей мигрантов, который содержал бы в себе огромный объем вопросов, проблем учитывающий уровень подготовки и владения языком. говорят на родном языке, а не по-русский, но с малых лет смотрят мультфильмы, фильмы на русском языке — в таком случае он принимает на слух и осознает русскую речь. И цель средние учебные заведения — обучить детей мигрантов овладеть русским языком в той же уровню, в какой научен русскому языку ученик с русской семьи. Требования ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку едины как для русских учеников, так и для детей мигрантов. Таким образом, есть необходимость создания пособия, учебника русского языка для детей мигрантов, который содержал бы в себе огромный объем вопросов, проблем учитывающий уровень подготовки и владения языком.

В первую очередь степень обладания русским языком данной группы учащихся не отвечает требованиям российской средние учебные заведения, никак не соответствует государственным образовательным стандартам согласно дисциплине «русский язык». Детям-мигрантам трудно обучаться согласно плану дисциплине «русский язык». Им еще труднее освоить знания по другим дисциплинам, так как подготовка, обучение проводится на русском языке.

В семье дети продолжают разговаривать на родном языке, так как родители не хорошо владеют русским языком, поэтому не стремятся показывать ребятам примеры неверной употребления русской речи, а с другой стороны, абсолютно непосредственным является стремление родителей сохранять культуру своего народа, прививать ребенку любовь к родному языку.

Обучение русскому языку детей-мигрантов обязано опираться на методологию РКИ. В настоящее время отсутствует программы адаптации в русскоязычной школе детей-мигрантов. Дети воспринимают русский язык посредством родного языка, происходит перемещение явлений родного языка на русский язык. Такое перемещение препятствуют восприятию, изучению языка. На фоне родного языка у детей мигрантов возникает грамматические, семантические трудности в усвоении русского язык.

Такие проблемы спровоцированы, во-первых, расхождениями в грамматических системах родного и русского языков, во-вторых, нерегулярностью языковых грамматических явлений в русском языке.

Смысловая интерференция происходит в следствии несоответствии менталитета, сформулированного на родном языке и на русском языке.

Изучение двух языков, с разными языковыми системами является трудной задачей для детей мигрантов школьного возраста. Для примера посмотрим структуру русского и узбекского языков. По своей структуре узбекский язык и русский язык различаются. Мы знаем, что узбекский язык относится к агглютинативным языкам, а русский язык к флективным языкам. В узбекском языке формообразование происходит прибавлением специальных аффиксов: китоб-лар-им. (мои книги): -лар - – аффикс множественного числа, -им – аффикс принадлежности. В морфологии узбекского языка в отличие русского языка является отсутствие префиксов и предлогов, что восполняется наличием послелогов, каби (как), учун (для), билан (с) и т. д. Основными трудностями русского языка является предложно-падежная система, категория рода. В узбекском языке категория рода отсутствует. Ошибки в русской речи детей мигрантов объясняется незнанием рода существительных, согласование прилагательных, порядковых числительных, притяжательных, также иных согласуемых местоимений, глаголов прошедшего времени. Когда ученики не умеют определять род существительных, то при составлении предложений допускают погрешности в согласовании существительного другими частями речи. Например: Моя рубашка висит в шкафу, а мой костюм висит на вешалке. Менинг куйлагим шкафда осиглик, менинг костюмим илгичда осиглик. Словоупотребление узбекского языка менинг куйлагим, менинг костюмим переводится учеником на русский язык опираясь на знание родного языка. Этим объясняется многочисленные погрешности обучающихся в использовании существительных в разных грамматических формах.

В отличие от русского языка, как мы уже сказали, что в узбекском языке отсутствует грамматическая категория рода. Однако есть выделение рода для существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола по семантическому признаку: эркак- мужчина, аёл- женщина, ота- отец, она-мать, йигит- юноша, қиз –девушка. Для названия некоторых живых существ имеются различные лексические единицы, выражающие их принадлежность к мужскому или женскому полу, что фактически не имеет грамматического значения: куй-кучкор, сигир- бука, товук-хуроз. Следует отметить, что ряд слов арабского происхождения имеют суффиксы-а, -я, которые определяют принадлежность к мужскому или женскому роду.: муаллим (учитель)- муаллима (учительница), мураббий (воспитатель)- мураббия (воспитательница).

Прилагательное узбекского языка не согласуется с существительным: чиройли уй (красивый дом), чиройли қиз (красивая девушка), чиройли куйлак (красивое платье), чиройли гуллар (красивые цветы).

Прилагательное образует степени сравнения: чиройли (красивый), чиройлироқ (красивее), жуда чиройли (самый красивый). В отличие русского языка в узбекском языке синтаксис имеет свои особенности: сказуемое обычно находится в конце предложения; – определение всегда предшествует определяемому слову, т. е. прилагательное всегда стоит перед существительным. Определение, выраженное прилагательным, не согласуется с определяемым словом, например: Кизикарли китоб. –Интересная книга. Кизикарли китоблар – Интересные книги. Существительные, которые употребляются в русском языке только во множественном числе, в узбекском языке обычно употребляются в единственном числе: деньги – пул шахматы – шохмат, духи – атир, очки – кузойнак.

Сложность освоения категория рода русского языка выражается сложностью самой категории рода существительных в данном языке. Родовые отличия существительных русского языка проявляются разными методами: а) лексически, различными словами: папа - мама, бык- корова; б) словообразовательными аффиксами: старик - старушка, царь - царица; во) грамматически (морфологически: ребенок, музей, словарь; синтаксически: круглый сирота).

Трудности согласования с именами существительными других слов преодолеваются обучающимися - мигрантами весьма долго и только после того, как усвоен род многих

существительных, по этой причине изучение грамматической категории рода русского языка требует наиболее пристального интереса .

Нужно вспомнить употребление личных местоимений он и она, а ещё притяжательных и указательных местоимений мой, твой, этот, тот, чтобы дети - мигранты в тексте могли бы определить, различать род существительных, к которым эти местоимения относятся, мужского, женского и среднего рода. Не менее важно знать, запоминать использование глаголов прошедшего времени с существительными мужского и женского рода, чтобы ученики –мигранты также умели определить в тексте род существительных .

Еще одной трудностей для учеников-мигрантов является предложно- падежная система русского языка. Такая трудность вызвана сложностью категории падежа и склонения в русском языке. В русском и в узбекском языках шесть падежей, но, совпадая количественно, падежи в этих языках отличаются по значению. Падежи в узбекском языке выражают синтаксические отношения существительных в словосочетании и предложении с помощью падежных окончаний

Падежи Келишиклар	Аффиксы Кўшимчалар	Вопросы Саволлар	Примеры Мисоллар
Именительный Бош келишик		Кто?- Ким? , Что? -Нима?	Китоб
Родительный Қаратқич келишиги	- нинг	Кого?- Кимнинг? Чего? - Ниманинг?	Китобнинг мазмуни
Дательный Жўналиш келишиги	- га	Кому? – Кимга? Чему? - Нимага?	Китобга ёзманг
Винительный Тушум келишиги	-- ни	Кого?- Кимни? Что? - Нимани?	Китобни ўқинг
Местный Ўрин -пайт келишиги	-- да	У кого?- Кимда? Где?-Қаерда?	Китобда ёзилган
Исходный Чиқиш келишиги	- дан	От кого?- Кимдан? От чего?- Нимадан? Откуда?-Қаердан?	Китобдан фойдаланиш.

При изучении русского языка возникает и фонетические трудности, например при произношении звук [ы] или противопоставление согласных звуков по твердости/мягкости. Звук [ы] отсутствует в узбекском языке. Близок к русскому [ы] гласный в слове [китъа] – часть, отрезок. В этом слове мы слышим звук Ы, потому что при артикуляции звука Қ маленький язычок смыкается с самой задней частью спинки языка. (дақиқа - минута, қишлоқ-кишлак). Это увулярный глухой смычный согласный звук, не имеющий соответствия в русском языке. Учитель, который работает с детьми –мигрантами должен использовать сопоставительное описание языков. При отбора языкового и речевого материала нужно опираться на методику преподавания русского языка как иностранного. При обучении использовать принцип последовательности и перспективности, доступности, практической необходимости и значимости.

Темп речи детей мигрантов на много замедленнее, чем его одноклассник- русский, так как слова переводит с родного языка. . В целом дети мигрантов понимают русскую речь, умеют писать и читать, говорить по-русски. В большинстве случаев у детей мигрантов лексический запас слов ограничен, проявляется заметный акцент и грамматическая интерференция ведет к речевым ошибкам.

Нередко дети мигрантов приходят в среднее учебное заведение с нулевыми знаниями русского языка, где обучение проводится на русском языке. Школьные требования предъявляемые к носителям языка для ученика-мигранта кажется непосильным, могут привести к неуверенности в своих силах, к нарастающему нежеланию заниматься русским языком, к отставанию , замкнутости. В итоге дети –мигранты не могут влиться в общий учебный процесс и общественную жизнь. В некоторых случаях преподаватели, сталкиваясь с такими проблемами, советуют родителям перевести детей в среднее учебное заведение для детей с нарушениями интеллектуального, умственного либо речевого формирования.

Очень важно при прохождении адаптационного периода роль учителя, который не только укажет на ошибки, но будет работать над ними вместе с учеником- мигрантом. Немаловажным фактором является отношение одноклассников, социальные факторы семьи, уровень владения русским языком, возраст ученика – мигранта. Дети - мигранты – это особая категория учащихся, которые имеют цели обучения:

1. Научиться письменной и устной речи на русском языке.
2. Знать историю и культуру русского народа.

Необходимо прививать детям -мигрантов общительностью, коммуникабельностью, желание входить в связь, возможностью взаимодействовать в коллективе.

Мы считаем, что с детьми –мигрантами желательно проводить факультативы, дополнительные занятия, языковые кружки, которые помогут снять трудности (языковых: фонетических, лексических, грамматических, орфографических, пунктуационных; речевых: аудирования, говорения, чтения, письма; межкультурных). Такая форма работы поможет скорейшей речевой ассимиляции детей мигрантов в русской речевой среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михеева Т.Б. «Обучение русскому языку в полиэтнической школе: деятельность учителя», М.: Русское слово, 2008.-176с.
2. «Развитие и адаптация детей-билингвов в русскоязычной школе». Кулебаева Елена Константиновна, учитель русского языка и литературы ГБОУ СОШ №1436 г.Москвы. Электронный ресурс. (https://www.metod-kopilka.ru/razvitie_i_adaptaciya_detey-bilingvov_v_russkojazychnoy_shkole-1960.htm)
3. Русский язык в полиэтнических классах: Методическое пособие/ М.Б. Багге, М.Г. Белова, М.Р. Илакавичус и др. – СПб.: СПб АППО, 2010. – 56с.
4. Синёва О.В. Принципы лексической работы в поликультурных классах –М., Русский язык в школе, №. 5 – Москва, 2009, - С.24-28.
5. Синёва О.В. Уроки русского языка в разноуровневом и разноязычном коллективе. — М., Русский язык в школе, № 5. 2007.С12-16
- 6.Хамраева Е.А. Компетентностный подход в обучении русскому языку детей-билингвов в новых реалиях российской школы. – М.: МИОО, 2009. – С. 4–10

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ

Статья посвящена вопросу преподавания русского языка детям-мигрантам в российских школах. Изучены многочисленные факторы влияющие на обучение русского языка детей - мигрантов. Раскрыт содержательный характер данного вопроса, проанализированы различия грамматических системах родного и русского языков.

Ключевые слова: русский язык; родной язык; русский язык как иностранный; дети-мигранты; грамматические, семантические трудности; адаптационный период.

FEATURES OF TEACHING RUSSIAN TO MIGRANT CHILDREN

The article is devoted to the issue of teaching Russian to migrant children in Russian schools. The numerous factors influencing the teaching of the Russian language to migrant children are studied. To reveal the content of this question, the differences between the grammatical systems of the native and Russian languages are analyzed.

Key words: Russian language; native language; Russian as a foreign language; migrant children; grammatical and semantic difficulties; adaptation period.

Сведения об авторе:

Исмаилова Холисахон Эшматовна – кандидат филологических наук, доцент. Кафедра русского языка как иностранного. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет" (НИУ МГСУ). E-mail: holisa1967@mail.ru, телефон 8 (926)1166796, дом. адрес: г.Москва, Кавказский бульвар, д.41, к.2., кв.122

About the author:

Kholisakhon Eshmatovna. Ismailova – Phd in philology, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language. Federal state budget educational institution of higher education "NATIONAL RESEARCH MOSCOW STATE UNIVERSITY OF CIVIL ENGINEERING" (NRU MGSU) (Russia, Moscow). E-mail: holisa1967@mail.ru, address: 122, bl.2, b.41, Kavkazskiy boulevard, Moscow.

СААДИ ШИРАЗИ В ОЦЕНКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ОРИЕНТАЛИСТОВ

*Салихов Ш.**Таджикский государственный педагогический университета им. С. Айни**Рахмонова Н.**Душанбинский инженерно-педагогический колледжа*

Русская литература с момента появления письменности и до наших дней развивалась в тесном взаимодействии с географически близкими культурами и литературами восточных народов. Это взаимодействие было весьма плодотворным. Знание русского литературного процесса – творчества А.С. Грибоедова, Д.П. Ознобишина, А.С. Пушкина, А.А. Фета, Л.Н. Толстого, И. Бунина, С. Есенина и других – будет объёмным и глубоким, если обратим внимание на то, какое место в их художественном мире занимал Восток. Культурные и литературные связи России и Персии (Ирана) в литературе X-XVI вв. занимают незначительное место, но к XVIII-XIX вв. Россия обращает внимание на персидскую культуру и словесность, выделяя её из общевосточной.

Мировое литературоведение выделяет семь звезд персидско-таджикской поэзии: Фирдоуси, Низами, Анвари, Руми, Саади, Хафиз и Джамии. Жизненный путь и творчество персидско-таджикских классиков рассматривалось многими известными европейскими востоковедами – А. де Риэ (сир де Ла Гард-Малезер, 1580 –1660-1672), Б. д'Эрбело (1625-1655), А. Олеарием (1599-1671), Г. фон Дицем (1751-1817), И.Х. Пургшталем (1774-1856), Ф. Рюккертом (1788-1866), И.В. Гете (1749-1832). Необходимо отметить, что первыми признали Фирдоуси, Анвари, Низами, Руми, Саади, Хафиза и Джамии лучшими поэтами Востока немецкие востоковеды И.В. Гете и И.Х. Хаммер-Пургшталь.

В своих трудах европейские ориенталисты, а вслед за ними и русские, обратили внимание на персидско-таджикскую литературу и, в частности, на жизнь и творчество Саади и постарались ознакомить читателей с наследием классика. «Интерес первых европейских и русских переводчиков к поэзии Саади основывался главным образом на ее мудрой дидактике и глубоком философизме» [1, с.9]. На поэтическое наследие Саади обратили внимание Б. д'Эрбело в «Библиотек Ориенталь...» (Париж, 1697). А. Журден в книге «Персия, или Описание управления, верований и литературы этой империи» («*La Perse ou Tableau de gouvernement, de la religion et de la littérature de cet empire*», 1814), И.В. Гете в «Западно-восточном диване» (1819) и Комментариях к лучшему пониманию дивана.

Один из трудов XVIII века, вобравший европейские познания о Востоке, является «Восточная библиотека» Бартелеми д'Эрбело де Моленвиля. Этот универсальный словарь, состоящий из 8600 статей [6, с.26], содержал сведения о народах Востока: историю и традиции, религию и законы, политику и правительства, обычаи и нравы, науку и искусства, географию и медицину и т.д. В названии автор уточняет о сведениях – деяниях известных людей (поэтов), их произведениях (трактатах, переводах, сборниках – т.е. о книгах, написанных на арабском, персидском и турецком языках).

Этот труд имел большое значение: формируется новое видение ориентализма. Восток не «слаборазвитый» мир, а ее культурные достижения – наравне с античной – рассматривается как образец для подражания, источник тем и образов. «Восток рассматривается и исследуется как новая Античность, и этот взгляд оставил свои следы, которые возможно не исчезли и в наши дни» [6, с.12].

Б. д'Эрбело в своем труде суммировал сведения о Саади [7, с.719]. Саади (Сади) – это имя наиболее прославленного персидского автора. Его обычно называют Шейхом Мослехидином Саади Аль-Ширази. Французский ученый пояснил: носит фамилию «Ширази», потому что он родился в городе Шираз, столице провинции Фарс, в 571 году от Хиджры. Эта выдающаяся личность вела отшельнический образ жизни. Жил как дервиш и большую часть жизни провел в путешествиях.

Читатель узнал о печальных страницах жизни персидско-таджикского классика: Саади был поработан франками на Святой земле и участвовал в этом качестве (как раб) в фортификационных работах (в) Триполи. Один алеппский торговец его выкупил из этого плена за десять золотых экю и дал ему сто других в качестве приданого своей дочери, на которой он заставил его жениться. Но эта женщина причинила ему столько боли (горя), что он не смог удержаться и передал свою печаль в своих произведениях, особенно в своем «Гулистане».

Дана краткая информация и о его творчестве. Саади сочинил (часть в прозе, часть в стихах) в 636 году по Хиджре книгу, озаглавленную «Гулистан». Некоторое время спустя он опубликовал свой «Бустан», который написан стихами. Его перу принадлежит еще одно произведение, которое названо

«Муламмаот». Б. д'Эрбело призывает обратить внимание на особое название книг. Исследователь отметил, что слово «Гулистан» собственно означает на персидском языке «сад» или «цветник», слово «Бустан» значит «плодовый сад», а «Муламмаот» на арабском означает «искры», «тучи» и «образцы».

Со ссылкой на других ученых, Б. д'Эрбело рассказал о знакомстве Саади и Имам Аль-Табризи. Случайная встреча незнакомых людей и комическая диалог о ширазцах и табризцах, стала причиной знакомства двух прославленных поэтов. Великих персидско-таджикский классик, по информации ориенталиста, прожил 120 лет и умер в 691 году по хиджре.

Книга «Персия, или Описание управления, верований и литературы этой империи» («La Perse ou Tableau de gouvernement, de la religion et de la littérature de cet empire», 1814) А. Журдена посвящена государственному управлению и географии, религии и литературе Персии (Ирана). Книга содержит сведения о жизни и творчестве персидско-таджикских классиков (Фирдоуси, Анвари, Аттаре, Саади, Руми, Дихлави, Хафизе, Джами). Литературоведческий материал из книги А. Журдена был переведен на русский язык и опубликован в «Вестнике Европы» под названием «О языке Персидском и словесности». В своей работе Журден уделил внимание особенностям языка – наполнен прелести и нежности. Фонетической особенностью является звучность персидского языка. Говоря о поэтичности, обращает внимание на мягкость звучания, на словообразование, на порядок слов в предложении.

Саади представлен как «глава персидских нравоучителей, красноречивейший и благоразумнейший стихотворец на целом Востоке» [3, № 12, с. 44]. Журден ознакомил читателей с биографией поэта, причиной наречения имени, обучением и получением образования, долгим годам скитаний по Малой Азии, Египту и Индии. Он привлекает внимание исследователя не только как поэт-нравоучитель. «Его сведения были глубоки и разнообразны; ... Сади знал все Восточные языки и сверх того даже Латинский, и читал с разборчивым вниманием сочинения философа Сенеки: впрочем такая ученость, ежели она несомнительна, ничего не прибавила бы к его славе» [3, № 12, с. 47]. Как указал исследователь, его уединенное жилище посещали ученые, придворные и правители и почитали за честь услышать его нравоучения, насладиться красноречием.

Саади прославили собрание сочинений (*Куллиет*). Известность на Востоке и Европе принесли *Гюлистан (страна роз)* и *Бустан (вертоград)*, представляющие собой нравственные рассуждения. Журден ознакомил читателей с содержанием сочинений.

«Гюлистан» разделяется на восемь глав, в которых Сади говорит о нравах государей и людей благочестивых, об умеренности желаний, о выгодах уединения, о любви и молодости, о старости, о признаках хорошего воспитания, о обращении» [3, № 12, с. 48]. *Гюлистан* предстает перед читателем частично прозой, частично в стихотворной форме. Дидактические материалы оформлены в остроумных восхвалениях добродетели, или историческими примерами, каждое повествование завершается суждением или мудрым правилом. Слог *Гюлистана* ясный и цветущий, мысли являются справедливыми, прелестными и нежными.

Бустан написан в стихотворной форме и состоит из десяти глав. «Сади говорит в нем о правосудии, о правлении, о страхе и любви к Богу, о благодеянии, великодушии, человеколюбии и проч.» [3, № 12, с. 49]. По мнению исследователя в *Бустане* у Саади проявился дар стихотворца и склонности к слогу таинственному. Эта точка зрения правомерна, поскольку поэт излагает суфийскую философию и этику, подкрепив занимательным повествованием.

Материал по творчеству Саади А. Журден завершает мыслью поэта, которая отражает жизненное кредо великого персидско-таджикского классика: «Каждый листок зеленого дерева для мудреца служит листом книги, в которой он научается бытию Создателя» [3, № 12, с. 50].

«Западно-Восточный диван» (1819) И.В. Гете – значимое произведение, ознакомившее европейского читателя с историей и культурой восточных народов, лучшими представителями персидско-таджикской классики.

О жизни Саади сказано, что несчастная любовь обрекает его на странническую жизнь дервиша, тридцать лет он скитаний по Индии, Малой Азии и стран Запада, совершил пятнадцать раз паломничество в Мекку, был в плену – это позволило многое увидеть и познать: «Ему пришлось пережить не одно занимательное приключение, в итоге же он обретает замечательное знание людей и стран» [2, с.185].

Уденная жизнь впоследствии дает возможность написать свои произведения, поделившись с современниками и потомками своим жизненным опытом: «Исключительная его цель – наставления читателей, слушателей» [2, с.185]. «Гулистан» и «Бустан» Саади, наполненные поучениями и примерами из жизни людей, написаны прозаической и стихотворной форме: «Он живет в широчайшем мире опыта, он – неисчерпаемый источник анекдотов, которые разукрашивает стихами и речениями» [2, с.185].

Анализ жизни и творчества представителей персидско-таджикской литературы – Фирдоуси, Энвери, Низами, Руми, Хафиза, Джами – немецкий исследователь заключает выводом, что каждый из

них был востребован в свою эпоху, каждому было дано сказать новое слово, открыть неизвестные страницы жизни людей: Саади сконцентрирован в познании бытия и убежден в необходимости наставлять и поучать.

В заключение отметим, что ориентальная научная литература Европы и первые опыты переводов восточной классики сыграли большую «посредническую» роль в ознакомлении русского литературного процесса с Востоком, его культурой и искусством.

Объемные характеристики дают представления русских ориенталистов о творчестве классиков персидско-таджикской литературы: «Каковым является Фирдуси в исторической Эпопеи, таков, и не менее славен Низами в роде романтического, Энвери как Панегирик, Джелаледин как Писатель мистический, Саади как нравоучитель, и наконец Гафиц, как поэт эротический, коего газели (оды), без всякого пристрастия назвать можно неоцененными перлами Востока» [4, № 4, часть 105, с. 401].

Интерес к восточной литературе и ее изучение в Европе и России было связано с периодом становления новых эстетических идей, отражает поиски новых форм и способов выражения. В начале XIX века Восток был объявлен родиной романтизма, а духовное наследие восточной литературы, и в частности персидско-таджикская классика, стала первоисточником тем и образов, мотивов и сюжетов столь необходимым европейскому и русскому литературному процессу. И мудрые высказывания Саади вплетаются в лирику А.С. Пушкина и Д.П. Ознобишина, в строки А.С. Грибоедова, А.А. Бестужева-Марлинского и Ф.В. Булгарина, осмысливаются в творчестве И. Бунина и Л.Н. Толстого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейзер, А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века и Восток. Источники. Посредники. Новые факты / А.Р. Гейзер. – Берлин-Худжанд, 1998. – 47 с.
2. Гете, И.В. Западно-восточный диван / Иоганн Вольфганг Гете. – М.: Наука, 1988. – 894 с.
3. Журден, А. О языке Персидском и словесности / Амабль Журден // Вестник Европы. – 81 часть. – № 9. – май 1815 г. – С. 28-38; – 82 часть. – № 12. – июнь 1815 г. – С. 284-296; – 82 часть. – № 13. – июль 1815 г. – С.33-50; – 82 часть. – № 14. – июль 1815 г. – С.109-120; – 82 часть. – № 15. – август 1815 г. – С.168-174.
4. Ознобишин, Д.П. Восточная литература. О духе поэзии Восточных народов, и рассмотрение статьи Московского Телеграфа под заглавием: Новейшие исследования и сочинения касательно Восточной Литературы и древностей / Дмитрий Петрович Ознобишин // Сын Отечества. – 1826. – № 4. – Часть 105. – С. 382-402; – №5. – Часть 106. – С. 63-80; – С. 161-178; – С. 272-292; – С. 351-374.
5. Рахманов, Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 / Рахманов Бахтиер Рузикулович. – Душанбе, 2018. – 348 с.
6. Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII-го века (отрывки). Перевод с французского А. Акимовой (IFEAC). «Восточная библиотека» Бартеlemi д'Эрбело де Моленвиль, Париж, 1697 г. – Ташкент, 2003. – 111 с.
7. BIBLIOTHEQUE ORIENTALE, OU DICTIONNAIRE UNIVERSEL contenant tout ce qui fait connaître les peuples de l'orient. Leurs histoires et traditions tant fabuleuses que véritables. Leurs religions et leurs sectes. Leurs gouvernements, politique, loix, moeurs, coutumes, et les revolutions de leurs empires. Les arts et les sciences, la theologie, médecine, mythologie, magie, hysique, morale, mathematiques, histoire, naturelle, chronologie, geographie, observations, astronomiques, grammaire et rhétorique. Les vies de leurs saints, philosophes, docteurs, poètes, historiens, capitaines, et de tous ceux qui se font rendus illustres par leur vertu, leur savoir ou leur actions. Des jugements critiques et des extraits de leurs livres, écrits en arabe, persan ou turc fur toutes fortes de matières et de professions, par Mr. d'Herbelot. A PARIS. M. DC. XCVII

СААДИ ШИРАЗИ В ОЦЕНКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ОРИЕНТАЛИСТОВ

В статье рассматривается оценка европейскими учеными-востоковедами творчества персидско-таджикского классика Саади Ширази. В своих исследованиях Б. д'Эрбело, А. Журден и И.В. Гете ознакомили европейцев с персидско-таджикской классикой, и в частности, с моментами биографии Саади и общей характеристикой произведений.

Ключевые слова: Саади Ширази, западно-восточные и русско-восточные литературные связи, персидско-таджикская литература в оценке европейских востоковедов, Б. д'Эрбело А. Журден, И.В. Гете.

EUROPEAN ORIENTALISTS' VIEW ON SAADI SHIRAZI WORKS

The article deals with the view on works of Persian-Tajik classicist Saadi Shirazi by European orientalists. The studies provided by B. d'Herbelot, A. Jordan and by I.V. Goethe acquainted European reader with Persian-Tajik classical literature, and, particularly, with the Saadi Shirazi's biography and gave a general characteristics of his works.

Keywords: Saadi Shirazi, West-East and Russian-Eastern literary connections, European orientalists' view of Persian-Tajik classical literature, B. d'Herbelot, A. Jordan, I.V. Goethe.

Сведения об авторах:

Салихов Шамсидин - Доктор филологических наук, профессор кафедры Теории и

*истории литературы Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Рудаки,
Рахмонова Нулуфар - Преподаватель Душанбинского инженерно-педагогического колледжа. Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Борбад, 48*

About the authors:

Solehov Shamsiddin - Doctor of Philology, Professor of Department of Theory and History of Literature Tadjik National Pedagogical University after S. Ayni Tadjikistan, Dushanbe, Rudaki Street

Rahmonova Nulifar Ruzikulovna - Teacher of Engineering and Teacher Training College Tadjikistan, Dushanbe, 48 Borbad Street

«ФУТУВВАТНОМА»-И АТТОР ВА АРЗИШУ АҲАМИЯТИ АХЛОҚИИ ОН

Ғаффорова У.А.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б.Ғафуров

Шайх Аттори Нишобурӣ дар таърихи адабиёти форсу тоҷик ба унвони яке аз маснависароёни маъруф ва идомадиҳандагони беҳтарин суннатҳои адабиёти ирфонӣ эътироф гардидааст. Мақом ва манзалати ӯ дар қаламрави адабиёти тасаввуф тавассути таълифоте чун “Мантиқ- ут- тайр”, “Мусибатнома”, “Илоҳинома”, “Асрорнома”, “Девон”-и ғазалиёт, асари насрии “Тазкират-ул-авлиё” ва амсоли ин шинохта шудааст[4]. Роҷеъ ба ҷанбаҳои ирфонии осори мазкур низ таълифоти фаровоне дар адабиётшиносии ватаниву хориҷӣ ба қалам омадаанд. Чун мусаллам аст, ки ҷанбаи аслии адабиёти ирфонии форсу тоҷикро ахлоқу ҳикмат ва сайру сулуки маънавӣ барои расидан ба мақоми инсонии комил ба вучуд овардааст, шарҳу тафсири андешаҳои ахлоқии Аттор низ метавонад арзиш ва аҳамияти онҳоро аз ҷанбаи дигар муаррифӣ намояд. Ҳарчанд ҳар яке аз ин осори манзуми ирфонии Аттор саршори ақида ва афкори таълимиву тарбиятӣ мебошад, аммо тавачҷуҳ ба ду маснавии кӯтоҳи шоир бо номҳои “Футувватнома” ва “Панднома” маълум месозад, ки ин суҳанвари мумтоз дар ин ду асари хеш бештар ба муҳимтарин масъалаҳои ахлоқӣ рӯҷӯ кардааст. Хосса тан, маснавии “Футувватнома”, ки сарчашма ба яке аз ҷараёнҳои муҳими ахлоқӣ – футувват ё оини ҷавонмардӣ дошта, муҳимтарин фазилатҳои инсон дар мақоми ҷавонмард дар он шарҳу тафсир ёфтааст. Таъқиқ дар муҳтаво ва андешаҳои Аттор дар ин маснавӣ нуктаҳои муҳимро барои мо рӯнамоӣ мекунад. Дар навбати аввал чун ин асар бар пояи таълимоти ҷавонмардӣ, ки дар қаламрави адабиёти тоҷик ҳамчун равияи инсонгароёнаи саршор аз ғояҳои ахлоқӣ навишта шудааст, як асари дастурии таълимӣ барои такмили ахлоқи ҷавонмардӣ ҳам мебошад. Ҳарчанд расоили ҷудоғонае дар ин маврид ба қалам омадааст, онҳо зинаҳои камолот ва дастури ҷавонмардиро аз дидгоҳи худ шарҳ додаанд, аммо Аттор сайё намуздааст, ки консепсияи хешро дар асоси ин асар ҳамчун дастури оини ҷавонмардӣ муқаррар намояд, ки арзиши муҳими таълимиву тарбиявиро бархурдор аст.

Суннати хоси ниғориши ин навъ осор оғози онҳо бо шеваи ҳидоят ва раҳнамоӣ ба шумор меравад. Аз ин рӯ, Аттор низ дар оғози хеш ба навроҳоне, ки азми сафар дар ҷодаи ҷавонмардӣ доранд, муроҷиат намуда, бо таъбири “эй хушманди хубкирдор” мақоми ин навроҳонро муқаррар мекунад. Яъне, инсоне, ки дар роҳи ҷавонмардӣ азми сафар дорад, бояд хушманд ва хубкирдор бошад ва дар баробари ин хирадманд аст[2, с.46]. Ба ин хотир аст, ки шоир ба ӯ меҳодад дарси футувват омӯзад:

*Ало! Эй хушманди хубкирдор,
Бигӯям бо ту рамзе чанд аз асрор.
Чу дониш дориву ҳастӣ хирадманд,
Биомӯз аз футувват нуктае чанд [1, с.521].*

Касе, ки ба сӯи футувват раҳ мекушояд, ӯро роҳи мардон раҳ кушодааст ва барои ӯ қулоҳи мардӣ бар сар мениҳанд. Ҷанбаи таълимии асар аз он ҷиҳат ҳам тақвият ёфтааст, ки шоир хостори баёни шарҳи ҳоли ҳақиқати ҷавонмардӣ ба толибони ин роҳ аст, ки аз дигарон, яъне пирони муқаддам шуниданд:

*Ки то дар роҳи мардон раҳ диҳандат,
Қулоҳи сарварӣ бар сар ниҳандат.
Агар хоҳӣ шунидан гӯи кун боз,
Замоне бош бо мо маҳрами роз.
Чуниш гуфтанд пирони муқаддам,
Ки аз мардӣ задандӣ дар миён дам [1,с.521]*

Дастури ҳидояти муаллифи маснавӣ бар асоси нуқоти пирони муқаддам муқаррар намудааст, ки шартӣ ҷавонмард ҳафтоду адад аст, яъне ҳафтоду рукни ахлоқие ҳаст, ки инсон дар сурати расидан ба мақоми ҳар яке аз онҳо ва тарбият дар вучуди хеш метавонад соҳиби хуш ва ахлоқи барҷастаи инсонӣ гардад, ки онро ҷавонмардӣ ном бурдаанд:

*Ки: ҳафтоду ду шуд шарти футувват,
Яке з-он шартҳо бошад мурувват
Бигӯям бо ту як-як чумлаи роз,
Ки то чаимат бад-ин мағнӣ шавад боз [1, с.521].*

Аттор ба шарҳи ҳар яке аз ин шартҳои ҷавонмардӣ пардохта, дар зинаҳои аввалин талқин мекунад, ки бояд инсон барои расидан ба мақоми ҷавонмардӣ ростӣ пеша карда, баъдан аз бадӣ бипарҳезад. Баробари ин фазилати барҷастаи ҷавонмардӣ ба ҳама ёр будан ва ҳамаро дӯст доштану инсонро аз ҳамдигар ҷудо накарда бошад, яъне шиораш он бошад, ки мағзро аз пӯст ҷудо нагардонанд:

*Нахустин ростиро пеша кардан,
Чу некон аз бадӣ андеша кардан.
Ҳама қасро ба ёрӣ доштан дӯст,
Нагуфтан: он яке мағзу дигар нӯст [1, с.521].*

Рукни дигари муҳими оини ҷавонмардӣ ба андешаи Аттор озод будан аз нафси бад ва дар баробари ин чашму доманро пок доштан ба шумор меравад. Ҷиҳод бо нафс, ки аз ҷумла муҳимгарин аркони тасаввуф ба шумор меравад, барои Аттор дар шартҳои ҷавонмардӣ низ муҳим ва зарурӣ доништа мешад. Маҳз ҳамон боис мегардад, ки дасту домани инсон ва чашму нигоҳаш покиза гардад. Дар канори ин, аҳли футувват бояд соҳибвафо бошанд ва ин сифат дар онҳо набошад, ҷуз рӯю риё коре накарданд. Дар канори ин, дил ба дӯсту душман ягона доштан ва ҳамаро ба қавле ба як чашм دیدан аз муҳимгарин аркони ҷавонмардӣ бошад, ки Аттор онро бо камоли шоистагӣ шарҳу тафсир намудааст:

*Зи банди нафси бад озод будан,
Ҳамеша пок бояд чашму доман.
Агар аҳли футувватро вафо нест,
Ҳама қораш ба ҷуз рӯю риё нест.
Касе к-ӯро ҷавонмардист дар тан,
Бибахиояд дилаш бар дӯсту душман [1, с.521].*

Рукни дигари барҷастаи оини ҷавонмардӣ ба дигарон зиён нарасонида н ба шумор мебошад. Аттор таъкид дорад, ки ҳар чизеро, ки нисбат ба худ меҳаҷӣ, бояд ба дигарон ҳоҷӣ, то зиёне ба эшон нарасад. Ҳатто агар касе бар ту бадӣ ҳам карда бошад, бояд нисбаташ некӣ кунӣ ва агар ҷавонмард ҳастӣ, бояд ба ӯ бадиро равон насозӣ. Ҳатто нафароне, ки аз рӯи ҳар гуна андешаву афкор аз ту дурӣ ҷустаанд, бояд дар фикри пайванд бошӣ, то меҳрашон афзуда бод:

*Ба ҳар кас хостӣ мебояд онат,
Агар хоҷӣ ба худ, набвад зиёнат.*

Макун бад бо касе, к-ӯ бо ту бад кард, Ту некӣ кун, агар ҳастӣ ҷавонмард. Касе к-аз меҳри ту бибрид пайванд,

Ба мардӣ қону дил дар роҳи ӯ банд [1, с.522].

Аз дигар падидаҳои барҷастаи ахлоқӣ, ки ба ҳукми рукни муҳими оини ҷавонмардӣ нигоҳ доштани забон аз ҳарфи бад ба шумор меравад, зеро аз сухани бад гуфтан инсон метавонад рӯзе ҳатман пушаймонӣ хӯрад. Баробари ин, хоксориву фурутаниро низ нигоҳ дорад ва ҳамеша худро камтар аз мӯр шиносад, зеро зӯру тавони инсон дар камоли фурутаниву хоксорӣ маърифат мегардад:

*Забонро дар бадӣ гуфтан маёмӯз,
Пушаймонӣ хурӣ ту ҳам яке рӯз.
Туро он гаҳ беҳ ояд мардиву зӯр,
Ки бинӣ хештанро камтар аз мӯр [1, с.522].*

Дар андешаи Аттор инсонии ҷавонмард касест, ки барои бароварда гардонидани муроди инсонҳои номурод талош мекунад ва иқдоми вай бар ин амали хайр албатта боис мешавад, ки ба муроди дили хеш мерасад. Ҳамзамон, “ман дар амали ҳар коре, ки яъне қатъан аз иҷрои ин кор хоҳам баромад” гуфтан, дар оини ҷавонмардӣ начандон мақбул бошад, аз ин рӯ шоир талқин мекунад, ки аз ҳашму дилозорӣ ҳамеша дар парҳез бош, чун дар оини ҷавонмардӣ дилозорӣ, худбинӣ, ҳашму шаҳват ҷой надорад, зеро футувват аз хоксориву мискинӣ иборат аст, ки сабаби бурдбории инсонҳо дар ин роҳ гардад:

*Муроди номуродонро баровар,
Ки то ёбӣ муроди хеш яксар.
Магӯ ҳар чиз, к-хоҳам кард ин кор,
Агар дастат диҳад, меқун ба кирдор.
Касе к-ӯро ба ҳашм андар ризо нест,
Футувват дар ҷаҳони ӯ раво нест...
Футувватдор чун бошад дилозор,
Набошад дар ҷаҳонаш ҳеч кас ёр.
Дар ин раҳ хештанбинӣ нагунҷад,
Ба ҷуз хокиву мискинӣ нагунҷад.*

*Футувват, ай бародар, бурдборист,
На гармио синтеза, балки зорист [3, с. 78].*

Сахову карам ва ба таъбири дигар нон додан ба дигарон боис ба абадияти номи инсонӣ ба некӣ мегардад. Аз ин лиҳоз, Аттот талқин дорад, ки бояд дар фикри додани нон бар дигарон бошӣ, то номат барояд, зеро номи нек хуштарин шеваи зиндагонӣ дар ҷаҳони омадшуд бошад. Баробари ин, яке аз рукҳои дигари оини ҷавонмардӣ аз нигоҳи Аттот ҳамоно дилу забон як кардан ва даст кашидан аз ғайбату ниҳоқ мебошад. Ҳамзамон, даст кашидан аз амалҳои ношоиста, ки боиси хичолат бошад ва суҳанҳои нобачо низ ба шартҳои муҳими ҷавонмардӣ шомиланд, ки Аттот онҳоро яқояк талқин додааст:

*Бидеҳ нон, то барояд номат, ай дӯст,
Чӣ хуштар дар ҷаҳон аз номи некӯст?
Забону дил яке кун бо ҳама кас,
Чунон к-аз пеи бошӣ бои аз пас.*

*Мақун чизе, ки диданро нашоёд,
Агар гӯӣ, шуниданро нашоёд.
Чу андар табъ бисёрӣ надорӣ,
Мазан дам аз тариқи бурдборӣ [1, с. 522].*

Порсой пеша кардан ва аз фиску фучур дурӣ чустан, ҳилаву найрангбоз набудан ва дарунро аз кинаву кудурат покиза доштан дар шумори дигар шартҳои оини ҷавонмардӣ ба шумор мераванд, ки Аттот ба унвони тадбирҳои барҷаста дар такмили ахлоқи маънавии инсонҳо муаррифӣ намудааст:

*Тариқи порсой варз модом.
Ки некӯ нест фосикро саранҷом.
Мақун бо ҳеч кас тазвиру дастон,
Ки ҳилат нест кори зердастон.
Дарунро пок дор аз кини мардум,
Ки киндорӣ навиуд ойини мардум [1, с. 523].*

Дар умум, баррасӣ ва таҳқиқи асари “Футувватнома”-и Аттот ҳикоят аз он мекунад, ки воқеан дар ин маснавӣ ва дар дигар осори манзуми шоир беҳтарин фазилатҳои ахлоқи инсонӣ, таълим ва тарбияти инсон ва ҷойгоҳи ӯ шарҳу тафсир ёфтаанд. Баробари ин, маснавии мавзур ба унвони як асари дастурии таълими эътироф шудаанд, ки таҳқиқи ҳамаҷонибаи он метавонад дар таҳияи барномаҳои муҳими ахлоқӣ дар замони имрӯз низ мусоидат намояд. Шинохту таҳқиқи андешаҳои ахлоқии Аттот дар шароити имрӯза низ барои тарбияи насли наврас ва такмили низомии ахлоқии ҷомеаи муосир нақши муассир мегузорад.

АДАБИЁТ

1. Аттот, Фаридуддин. Девон. Таҳия ва муқаддима, луғоту тавзеҳот аз Аухаммадии Хуросонӣ. – Душанбе: Адиб, 2012.
2. Зухайр Таваккулий. Дардномаи солики фикрат. – Техрон, 1391 х.
3. Аттотари Нишопурӣ, Фаридуддин. Девон. – Техрон, 1359.
4. Аттотари Нишопурӣ, Фаридуддин. Асрорном. – Техрон, 1388.

“ФУТУВВАТНАМЭ”-И АТТАРА И ЕГО НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ

Статья посвящена рассмотрению нравственно-этических воззрений Аттара Нишапури в его дидактическом произведении “Футувват-намэ”. Автор статьи анализирует на основе иллюстрации поэтических отрывков поэта его нравственно-этические мысли относительно таких добродетелей, как стремление к знанию, разуму, добру, щедрости и великодушию. Она приходит к выводу, что поэт призывает людей к развитию нравственного совершенства.

Ключевые слова: Аттотари Нишапури, этические мысли, мистические месневи, “Футувватнамэ”, “Мантик-ут-тайр”, “Мусибат-намэ”, “Илахи-намэ”, “Асрор-намэ”, “Диван”, “Тазкират-ул-авлиё”, мистицизм, суфизм, футувват, благородство, этические мысли.

MORAL AND ETHICAL VIEWS OF ATTAR

The article is dedicated to consideration of moral and ethical views of Attar Nishapuri in his “Futuvvat-name”. The author of the article analyzes his moral and ethical views concerning willingness to learn, aspiration to intelligence, knowledge and kindness through illustration of his poetic fragments. She makes conclusion that poets call people to development of intellect and moral sophistication.

Key words: Attari Nishapuri, “Futuvvat-name”, “Mantiq-ut-tayr”, “Musibat-name”, “Ilahi-name”, “Asrar-name”, “Divan”, “Tazkirat-ul-avliya”, mysticism, futuvvat, kindness, ethical views, .

Сведения об авторе:

Гафарова Умеда Абдуллоевна - доктор филологических наук, директор Научно-исследовательского Института гуманитарных наук Худжандского государственного университета им.

академика Б.Гафурова (Республика Таджикистан, г.Худжанд), E-mail: umedagafari1@mail.ru

About the author:

Gaforova Umeda Abdulloevn - Doctor of philology, Director of Research Institute of Arts, Khujand State University named after academician B.Gafurov (Khujand, Sughd Region, Tajikistan), E-mail: umedagafari1@mail.ru

ВИЖАГИҲОИ АДАБИИ «СОҚИНОМА»-И ФАРЗОНА

Элбоев В.

Донишгоҳи давлатии омӯзгори Тоҷикистон ба номи С.Айнӣ

Фарзона ба майдони шеърро шоирӣ бо қадами устувор ворид шудааст. Замони ворид гардидани Фарзона ба адабиёт аз марҳалаҳои рушди шеъри муосири тоҷикӣ ба ҳисоб меравад, ки дар ин давра як зумра шоирони муваффақ, ба мисли Убайд Рачаб, Муъмин Қаноат, Лоиқ Шералӣ, Бозор Собир, Аскар Ҳаким, Гулназар, Гулрухсор ва дигарон баҳри густариши шаклу мазмуни шеъри муосир кӯшишҳои самарфарҷоме менамуданд. Дар ин давра шеъри муосири тоҷикӣ ба майдони воқеӣ ворид гардида, аз хусусияти шиор гуфтан, васфи хушк намудан ва аз вожаҳои обшуставу бемор, ки чанбаи завқбахшӣ надоштанд, халос гардида, аз нигоҳи мазмуну мундариҷа ва вукӯбгӯӣ мустақилияти ҳарчи бештарро соҳиб гардид.

Истеъдоди фитриву муҳаббату садоқат ба сухан ба Фарзон имкон додаанд, ки дар андак муддат ба дили хонандаи худ роҳ ёбад. Фарзона дар анвои мухталифи шеър хунарнамоӣ мекунад ва бидуни тардид дар эҷоди анвои гуногуни шеър дасти тавоно ва панҷаи гиро дорад. Дар эҷоди шеъри воқеӣ ҳамон шоир тавоност, ки хонанда бо як завқу ташнагӣ мунтазири ба нашр расидани шеъри навбатии шоири маҳбубаш аст. Ва хушбахтона, Фарзона аз сафи чунин сухангустаронест, ки хонандаву ҳаводорони зиёд дорад, ки бесаброна интизори шеъри наваш ва ҳатто гуфторҳои телевизионияш ҳастанд, ки баҳрае аз сухани отифонааш, серлутфу пурнафосату ошиқонааш ва зебоияш бигиранд. Шеъри Фарзона шеърест, ки ду самти мубаррои сухани форси тоҷикӣ – ишқу ирфонро дар пирохани зебои гулвожаҳо ва гилеми махмалини сухан бо тахайюли рангин гулдӯзӣ намудааст, ки нақҳати он ҳамеша димоғи хонандааш ва фазои шеъри муосири форсии тоҷикиро муаттару муанбар мегардонад.

Фарзона шоири суннатгаро ва навгӯст. Шеъри нав ё шеъри озод дар эҷодиёти ӯ шумори бештар дорад ва аз анвои шеъри суннатӣ ба ғазалу чаҳорпора тавачҷӯҳи зиёд дорад ва дар ин самт муваффақона хомафарсоӣ мекунад.

Шоира бо баҳрагирӣ аз жанрҳои суннатии шеъри форсии тоҷикӣ соқиномае навиштааст, ки ба пуррагӣ аз нигоҳи шаклу мазмун ба талаботи соқинома ҷавобгӯст. Ин соқинома аз 74 байт фароҳам омадааст. Қадом омилҳо Фарзонро ба эҷоди соқинома ҷалб кардаанд? Ҷавоб ба ин суол он аст, ки нахуст шоира кӯшиш намудааст, ки ба устодон, аз ҷумла ба Лоиқ Шералӣ пайравӣ кунад ва дар ин бора худи ӯ ишорае дорад: «Соқинома»-и устод Лоиқ ангезае шуд барои иншои ин шеър» [2, с.142]. Дувум, санҷиши маҳорати худ дар эҷоди ин жанри адабӣ.

Соқиномаи Фарзона «Соқинома ё чақомаи ваҳдат» унвонгузорӣ шуда, дар шакли суннатии соқиномаҳо - маснавӣ, бо қофиябандии АА, ББ, ВВ эҷод шудааст ва аз нигоҳи мавзӯ фарогири афқору андешаҳои иҷтимоӣ буда, дар баҳри анъанавии соқиномаҳо - мутақориб нигошта шудааст. Ин соқинома бо вожаҳои муҳотабии «биё, соқӣ» оғоз мешавад, ки аз унсурҳои асосии ин жанр аст:

Биё, соқӣ, оби гуворо бирез,

Марез об, нури Ахуро бирез., ва банди охири он бо вожаи дигари муҳотабӣ «бидех» ба охир мерасад:

Бидех, Чоми Чам, ёри ойинадор,

Ба ин душманон дӯстгонӣ биёр.

Ба мо ҳада бахшой мардумгир,

Ба базми муҳаббат бикун ифтитоҳ! [2, с.142]

Дар соқиномаи Фарзона вожаҳои муҳотабӣ дар ибтидо, оғози банди аввал ва охир корбасти гардидаанд. Ин соқинома бо радифи «мо» сохта шуда, вожаву ибораҳои «соқӣ», «оби бақо», «оби гуворо», «об», «нури Ахуро», «мутриб», «мутриби шӯҳшанг», «муғаннӣ», «най», «май», «бонги тавҳид», «косагардон», «бода», «маст» ва ғайра бисёр ба қор рафтаанд.

Соқиномаи Фарзона аз 4 банд, ки дар бандҳо ҳаҷми мисраъҳо гуногунанд ва байниҳамдигар як рабти мавзуну пайдарпайии фикр комилан риоя гардидааст, фароҳам омадааст. Банди якум аз 46, банди дуюм аз 14, банди сеюм аз 54 ва банди чаҳорум аз 34 мисраъ

иборатанд.

Дар банди аввали соқинома Фарзона ҳамчун рӯҷӯ аз масоили мубрами иҷтимоии солҳои навадум, ки миллати тоҷик гирифтори ҷанги бемаънии шаҳрвандӣ гардида, овораву парешон шуда буд, сухан мекунад ва ба Худо муноҷот менамояд, ки аз нифоқа ба ифоқа расем:

*Худо, раҳмат овар, ки овораем,
Ту яктоиву мо дусад пораем.
Ба ҳар сӯ равонем лаб пургазоф,
Ба ҷое наоем аз ихтилоф. [2, с.143]*

Дар банди дуюм, ки аз 14 мисраъ иборат аст, бештар вожаҳои мухотабиरो истифода карда, бо як мароми орифона ва сухани матини шоирона «нияти андешаи пок доштан», «ҳафт водии ҷонро тай кардан», «рӯҳи сабзи баҳорӣ доштан», «дар ин марз борон шудан», «аз васл сухан гуфтан», «бар қавми бишкоста мӯмиё будан», «ба нури муҳаббат вузӯ кардан» - ро аз ҳаммиллатони худ таманно дорад, ки ба зебоиву нафосат ва ҳунари баланд тасвир шудаанд:

*Уруҷе дар ин базми бе май кунем,
Биё, ҳафт водии ҷон тай кунем.
Биё, рӯҳи сабзи баҳорон шавем,
Дар ин марзи ношуста борон шавем.
Биё, васл гӯем дар ҷаппу рост,
Ки бар қавми бишкоста ин мӯмиёст.
Биё, ҷону дил покиӯ мекунем,
Ба нури муҳаббат вузӯ мекунем. [2, с.143]*

Дар банди сеюми соқиномааш Фарзона воситаҳои мухотабиरो бештар баҳри пайванд сохтани занҷири муҳаббату ваҳдати миллати тоҷик бо шаҳрҳои решапайванди аҷдодӣ – Балх, Бухоро, Тӯс, Хоразм, Ҳинду Ҳирот истифода карда, дар байтҳои охири банд аз мурғи Ҳумои афсонавӣ мадад меҷӯяд, ки миллати беморро табобат намояд:

*Саломе ба Балху Бухорову Тӯс,
Саломе ба ҳар роҳи хуриедбӯс,
Саломе ба Хоразму Ҳинду Ҳирот,
Саломе ба меҳробу шамъи наҷот.
Бизан фоли фардои ақвоми мо,
Ҳуморо фуруд ор, дар боми мо.
Табибӣ кун ин қавми беморро,
Зи ҷонаи ба хома бикаши хорро. [2, с.143]*

Унвони соқиномаи Фарзона «Соқинома ё чакомаи ваҳдат» аст ва дар банди чаҳорум шоир ба ваҳдат ва сулҳу салоҳ расидани миллати тоҷикро васф намуда, дар оғози ин банд бо як рӯҷӯи фалсафӣ ин иттиҳодно ситоиш карда, орзу мекунад, ки ин ваҳдати воқеӣ бардавом бошад ва аз ташвиқи Шайтон дар амон:

*Хушо, бӯи васл аст ин навбаҳор,
Фиребо мабод охири интизор.
Хушо, кинадорон забон ёфтанд,
Зи ташвиқи Шайтон амон ёфтанд.
Бидеҳ, Ҷоми Ҷам, ёри ойинадор,
Ба ин душманон дӯстгонӣ биёр. [2, с.144]*

Тавре ки таъкид гардид, мавзӯи соқиномаи Фарзона якпорчагӣ, ваҳдат ва бо ҳам омадану тифоқ гардидани миллати тоҷик аст, ки ин нукта дар ҳар банди соқинома вусъати бештар гирифта, ифодаҳои мухотабиву муроҷиатӣ бошиддат баён мегарданд ва як ҳассосиятро дар кулли шеър фаро гирифтаанд.

Дар ин соқинома дар қатори унсурҳои асосии соқиномасароӣ, мисли: соқӣ, мутриб, бода, май, най, Худо, довар ва монанди инҳо унсурҳои иловагии: гул, косагардон, андалеб, чаман, табиб, бемор, ашк, фитна, абр ва ғайра қорбаст гардидаанд, ки барои ҷаззоб гардидани мисраву байтҳо истифода шудаанд.

Фарзона дар соқиномаи худ дар се маврид аз устодони сухан, ба мисли Низомии Ганҷавӣ,

Мансури Ҳаллоҷ ва Лоик Шералӣ тазмин кардааст, ки ин шева дар суннати сокиномасароӣ роиҷ аст:

1. *Аз Низомии Ганҷавӣ:*

«*Матиндор, эй хочаи некпай,*

Ки аз май маро ҳафт мақсуд май». [2, с.142]

2. Бо истифода аз як мисраи Мансури Ҳаллоҷ: «Намози ишқро бо хуни дил бояд таҳорат дод», байти зебои:

Муборак, ки бар хона боз омадӣ,

Мутаҳҳар шудӣ, бо намоз омадӣ, -ро сохтааст. [2, с.142]

3. Бо баҳрагирӣ аз мисраи Лоик: «Ба ҳам чӯш хур, эй Хуросони мо», (1, 241) байти:

Чунин гуфт он нойи нолони мо:

«*Ба ҳам чӯш хур, эй Хуросони мо*». -ро эҷод кардааст. [2, с.144]

Фарзона дар нигоштани сокиномаи худ аз унсурҳову суннатҳо ва қоидаҳои эҷоди сокинома огоҳона ва тавониста суд ҷуста, дар ин қолаби сухани бадеӣ шеър офаридааст, ки дар мисоли худ дар адабиёти муосири тоҷикӣ дастоварди назаррас аст ва аз нигоҳи банду баст ба талаботи сокиномасароӣ ҷавобгӯст, ки мисли дигар ашъори ӯ мамлу аз нафосату зебоист.

АДАБИЁТ

1. Лоик Шералӣ. Куллиёт. Ҷилди 1. -Хучанд, 2001.-854 с.
2. Фарзона. Меърочи шабнам. -Душанбе:Адиб, 1999. -180 с.
3. Низомии Ганҷавӣ. Куллиёт. Ҷилди 2. -Душанбе:Адиб, 1986.-346 с.
4. Раҳим Мусулмонқулов. Назарияи адабиёт. -Душанбе:Маориф, 1991.-342 с.
5. Суфиев Шодимаҳмад. Сакинаме в системе персидско-тоджикской литературе XVI-XVII веков. - Душанбе:Дониш,2011.-224 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «СОКИНОМЕ» ФАРЗОНА

Фарзона Худжанди несомненно является одной из успешной поэтессой в современной таджикской литературе. Она сочиняла стихи на разных литературных жанрах, где получила со стороны литературной критики высокую оценку. Фарзона написала всего один стихотворение в жанре сакинама, в подражание поэтов классиков, как Низами Ганджави и Мансура Халладжа и современного Лоика Шерали. Она сочиняла очень красивую и изящную стихотворению, что в статье рассматривается ее жанровые особенности и литературная ценность.

Ключевые слова: Фарзона, красота, жанр, сакинама, элементы, строка, единство, слог, рифма, подражание, суфизм.

LITERARY FEATURES OF «SOKINOME» FARZONA

Farzona Khudzhandi undoubtedly is one of the successful poetesses in modern Tajik literature. She composed poems in different literary genres, where she was received high praise from literary critics. Farzona has written only one poem in the genre of sokinama, in imitation of classical poets like Nizami Ganjavi and Mansur Khallaj and modern poet Loik Sherali. She composed a very beautiful and elegant poem, that the article examines its genre features and literary value.

Keywords: Farzona, beauty, genre, sokinama, elements, string, unity, syllable, rhyme, imitation, Sufism.

Сведения об авторе:

Элбоев Вафо - д.ф.н., профессор кафедры теории и истории литературы Таджикского государственного педагогического Университета им.Садриддина Айни: Тел: (+992) 935314408; эл.почта: Vafo_1965@mail.ru

About the author:

Elboev Vafo - Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and History of Literature of the TSPU named after Sadriddin Aini: Tel: (+992) 935314408; E-mail: Vafo_1965@mail.ru

ИСТИЛОҲИ ДҶҶСТ ДАР ДЕВОНИ «ШАМСИ ТАБРЕЗӢ»

Мусозода Ҳ.Ҳ.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров

Дар фарҳангномаҳои ирфонӣ аслан вожаи дҷҶст ба маънии офаридгор, Худованд ташреҳ мешавад ва аҳли ирфон ба иллати эътиқод ва сидқе, ки ба офарандаи худ доштанд ва ҳадафашон ҳам расидан ба кӯи ӯ буд, ҳамеша Худовандро ба унвони дҷҶст мурочиат мекарданд. Дар шеърҳои классикии форсӣ тоҷикӣ ҳарчанд аз устод Рӯдакӣ истифодаи вожаи дҷҶст оғоз меёбад,

аммо манзури одамшварро ҳамон дӯсти содиқи заминист, ки заминаҳоеро барои шинохти дӯсти ҳақиқӣ фароҳам мекунад. Байти маъруфи устод ин маъниро тафсир мекунад:

*Ҳеч шодӣ нест андар ин ҷаҳон,
Бартар аз дидори рӯи дӯстон...*

Маънии дувуми вожаи дӯст ҳамчун истилоҳи ирфонӣ баъдан дар адабиёти форсу тоҷик ба зуҳури адабиёти тасаввуф маъруф гашт ва ривочи тамом пайдо намуд. Дар фарҳанҳои ирфонӣ вожагони дӯст ва дӯстӣ ба маъниҳои муҳаталиф тавзе ёфтааст, аммо асли маънӣ дар зимни вожаи дӯст ҳамон маъшук аст, ки шуарои ориф пайваста ҳабиби ягонаи худ- Офаридгори хешро дӯст муроҷиат мекардаанд. Дар фарҳанги ирфонии «Миръоти ушшоқ» вожаи дӯстӣ ҳамчун истилоҳи ирфонӣ чунин тавзеҳ шуда: «Сабақи муҳаббати илоҳияро гӯянд, дар азали озол аст. [1, с.149]

Дар андешаи Мавлоно ин вожа ҳамеша ба ду маънӣ мавриди истифода қарор мегирад. Нахуст ҳамон маънии ирфонии роиҷ дар тасаввуф ва баъдан ба маънии муроди худи ӯ Шамсиддини Табрезӣ. Ҳам дар «Маснавӣ» ва ҳам Девони Шамс қорбурди ин вожаи маъруф дар адабиёти ирфонӣ фаровон аст ва ин ҷо лозимаи он мешуморем, ки дар зимни шарҳи як газали маъруфи Мавлоно бо радифи дӯст мафҳуми истилоҳӣ ва ирфонии онро то ҷое тавзеҳ бидиҳем. Ғазал бо байти зерин ибтидо меёбад:

*Бар ошиқон фариза бувад ҷустуҷӯи дӯст,
Бар рӯе сар чу сел давон то ба ҷӯи дӯст!*

Мавлоно бар ин назар аст, ки аҳли ишқро ҷустани дӯст, яъне ҳаракат ба сӯи асл ва шинохтани офаридгори хеш- он ягонатарин дӯст фарз аст ва бояд эшон ҳамеша дар таҳаррук барои расидан ба дидори ӯ ва муваффақ шудан бар кӯяш бошанд. Дар тақвияти ин маънӣ дар мисраи дувум мавлоно ибораи мардумии «аз дӯст як ишора аз мо ба сар давидан»-ро нозукона ба қор мегирад ва ифодаи бар рӯе сар чу сел ба ҷӯи дӯст давиданро меоварад, ки дар навбати аввал ба суръат ва шитоб ҳамеша дар ҳаракат ба ҷониби дӯст рафтаниро дорад. Бо ин ҳадаф ибораҳои ҷустуҷӯи дӯст ва ҷӯи дӯстро истифода намудааст, ки манзураш ҳамон мурод ва кӯи он ягонатарин ҳабиби ӯст.

Дар байти дувум бошад маънии ирфонии дӯст бар асоси мурод будан ва таҷассуми андешаи сӯфиёнаи ваҳдати вучудӣ ин матлабро равшантар таҷассум мекунад. Худ ӯст ҷумла толибу мо ҳамчу сояҳо гуфтани Мавлоно баёнгари ҳамин афкори сӯфиёна аст, ки ӯ хуршеди ҳақиқат аст ва маҷмӯи офаридаҳо сояҳои вай, аз он ҷумла зимни ташреҳи ин матлаб сӯфия бар ин назар буданд, ки инсон сояи он хуршед аст ва ҳамин роҳест дар шинохти аслу моҳияти ваҳдати вучуд. Ба ин хотир аст, ки дар мисраи дувум ҳамаи гуфтгӯи худро аз гуфтгӯи дӯст медонад ва ин пайвандро тақвият мебахшад. Дар ин зимн ин ҷо то андозае фалсафаи қазову қадар ҳам равшан мешавад, ки бештарини аъмоли инсон ва рафтори ӯро ба сарнавишт рабт медиҳад. Маҷмӯан бошад ин байт сарчашма дар ояи шарифае аз сураи Бақара дорад, ки Худованд инсонро халифаи худ дар рӯи замин мешуморад:

*Худ ӯст ҷумла толибу мо ҳамчу сояҳо,
Ай гуфтгӯи мо ҳамагӣ гуфтгӯи дӯст!*

Мавлоно ҳама шодиву нишот ва ғаму андӯхе, ки аз дӯст мерасад, онро мучиби хушиву шодии хеш медонад ва ин маъниро дар сурати ду ҳолати об тасвир мекунад. Нахуст худро оби равоне мешуморад, ки дар ҷӯи дӯст хушӣ мекунад ва гоҳи дигар оби ҳабсшуда дар сабӯи дӯст. Ибораи оби равон дар ҷӯи дӯст будан маънии баҳрае бардоштан аз лутфи ҳақро дорад, ки мучиби шодмонии рӯҳии инсонии солиқ гардад. Ба ин хотир, агар боз ҳам чун об дар сабӯи дӯст маҳбус мешавад, яъне заҷр ё ранҷ мебинад, вай шодмон аст, чун дар сабӯи дӯст қарор дорад. Дар сабӯи дӯст ҳабс шудан чу об ҳамин маъниро таҷассум мекунад, ки таъбири ҳабс шудан матлаби ранҷу заҳматро дорад ва вожаи сабӯ тимсоли шодиву нишот аст ва бо қорбурди ҳамин ду вожаи ифодагари маъниҳои мутаноқуз Мавлоно ҳамин маъниро тафсир мекунад, ки аз дӯст ҳарҷи расад хуш аст ва мучиби шукри вай:

*Гоҳе ба ҷӯи дӯст чу оби равон хушем,
Гоҳе чу об ҳабс шудан дар сабӯи дӯст!*

Дар идомаи шинохт ва маърифати асолати дӯст Мавлон худро ба мисоли ҳар ҷӣ маҳсуле, ки дар андаруни деги дӯст меҷӯшад, меҳисобад. Аслан, ҷӯшидан дар рамзу рози андешаи Мавлоно ҳамонро такмил шудан аст ва инсонии ориф боз ҳам ҳамонест, ки дар оташи ишқу алоқаи дӯст месӯзад. Барои маърифати матлаби маҷкур таҳбири кафғир заданро истифода бурдааст, ки дар ҷараёни афкори ирфонии шоир маънии ранҷ бурдан ва азият кашиданро дорад ва таъкиди Мавлоно ба ибораи хӯи дӯст ҳамон аст, ки гоҳи лутф мекунад ва гоҳи дигар қаҳр. Барои солиқ ва ошиқ бошад ҳам ҷабру ҳам луфти дӯст азиз аст.

Ғаҳ чун ҳавиҷи дег бичӯшем ӯ ба фикр

Кафғир мезанад, ки чунин аст хӯйи дӯст!

Дар байти зер бошад Мавлоно тавассути истифодаи саънати бадеии ҳиссомезӣ иборайи бӯи дӯстро ба кор бурдааст, ки чони ошиқро мерабояд. Бар гӯш ниҳодани даҳон бошад расидани паёми дӯстро ба ошиқ ва солики роҳрав ифода мекунад, ки дар шеъри форсӣ роиҷ аст ва ин маънӣ дар ғазалиёти Мавлоно бештар нуфуз пайдо кардааст.

Бар гӯйи мо ниҳода даҳон ӯ ба дамдама,

То чони мо бигирад якбора бӯйи дӯст!

Иборайи чони чон бошад ба навъе муродифи дӯст аст, ки ошиқ ҳамеша ба сӯи ӯ меравад ва ба таъбири Мавлоно аз он гурезе нест. аз ин рӯ, Мавлоно дӯстро дар мақоме қарор медиҳад, ки ҳар гиз чоне душмани он буда наметавонад. Дар ин ҳол то ҷое метавон ҳадс зад, ки дар ҳамин байт манзури Мавлоно боз ҳам Шамси Табрест, ки барояш чони чон аст ва душмане аз чон дар муқобили худ надорад, бо он ҳама адовати зоҳирии мардумӣ.

Чун чони чон вай омад, аз вай гурез нест,

Ман дар ҷаҳон надидам як чон адӯйи дӯст!

Дар идомаи ин ғазал фазилятҳои таҷассуми ҷамолии маъшуқи азали ба мушоҳида мерасад ва нози маъшуқ аст, ки ошиқро дар оташи худ ғудохтаву заифу лоғар мегардонад. Хислати роҳрави ошиқ аст, ки дар партави ишқи маъшуқ бояд дар оташи пурсӯзи муҳаббат ғудохта шаваду тааллуқоти дунявии хешро барҳам занад. Аз ин ҳамин садоқат ва иродати ошиқ ба маъшуқ аст, ки ба андешаи Мавлоно ӯ ба ҳар ду олам як тори мӯи дӯстро намебахшад:

Бигдозадат зи нозу чу мӯят қунад заъиф,

Надҳӣ ба ҳар ду олам яктой мӯйи дӯст!

Дар байти баъдӣ боз ҳам равшантар мегардад, ки ҳадафи Мавлоно ин ҷо аз дӯст боз ҳама тазаққури мақоми пири маънавии хеш Шамсиддини Табрестӣ мебошад, ки аз фурсатҳои сӯҳбату мулоқот ёдовар мешавад. Гумон меравад, ки вақте мегӯяд, ки мо бо дӯст нишастаемву мегӯем, ки дӯст кучост, ҳаминро дар назар дорад, ки бо он мазҳари таҷаллий- дӯсту муроди худ Мавлоно Шамсиддини Табрестӣ дар қунҷи узлат ва сӯҳбат нишаста аз дӯсти ягонатарин мепурсад, ки кучост. Дарси ҳоли Мавлоно, ки аз забони Шамси Табрести онро шунидаву роҳи расидан ба дӯсти ягонатро ҷустуҷӯ мекунад. Аз ин ҷо, қу – қу задан, ки аслан иборайи мансуб ба парандагон аст, ҳамчун василаи нидои шавқи солиқ ба сӯи дӯсти ҳақиқӣ равона мешавад. Шавқи ошиқ дар маҳалли расидан ба қӯи дӯст ба ҳадде боло мегирад, ки мағна аз шавқ қу-қу мезанад. Ин мағна то ҷое баёнғари самоъи сӯфиёнаи тариқати мавлоно, ки тариқати хоси Мавлавия бар он асос ёфтааст:

Бо дӯст мо нишаста, ки ай дӯст, дӯст қу?!

Қу-қу ҳамезанем зи мастӣ ба қӯйи дӯст!

Дар роҳи расидан ба қӯи дӯст шубҳаву гумон ва сустиву беҳаракатӣ коргар нест ва Мавлоно ин андешаро дар батни таркибҳои тасвирҳои нохушу андешаҳои рақик ҷой додааст. Тасвири нохуш ҳамон гарду ғуборест, ки агар дар оинаи дили сӯфӣ ҷой бигирад, роҳи расидани вай ба қӯи мақсад баста гардад. Ин хислатҳоро Мавлоно ба таъби суст мансуб медонад, ки хоси аҳли тариқат намебошад. Ба ин хотир ин хислатҳо агар дар вучуди инсон роҳрав ҷилвагар шаванд, онгоҳ ин роҳ наметавонад ӯро ба сӯи мақсуд бубарад ва ба таъбири Мавлоно ин сӯи дӯст намебошад:

Тасвирҳои нохушу андешаи рақик

Аз таъби суст бошаду ин нест сӯйи дӯст!

Дар фароварди сухани хеш дар ин ғазал Мавлоно нахуст иборайи хомӯш бошро истифода кардааст, ки ба навиштаи муҳаққиқон ин яке аз таҳаллуси шоирии Мавлоно будааст. Аз ин рӯ, вақте Мавлоно дар ин байт хомӯш бош то сифати хеш худ қунад қунад мегӯяд, ин нидо аз

андаруни инсонии воқеан комиле берун меояд, ки ба ҳақ расидааст ва ба ин хотир аст, ки Мавлоно шоиста нест мегӯяд, ки худ сифати худ кунад. Инро чун нидои сӯфиёнае мешуморад, ки агар инсон бар худ раво бинад, мисли ҳоюҳуи сард ва берӯҳ аст аммо ҳоюҳуи дӯст нидои сӯфиёнаи тариқати мавлавия аст, ки дар матну батни самоъ таҷассум мекунад.

*Хомӯи бош, то сифати хеш худ кунад,
Ку ҳоюҳуи сарди ту, ку ҳоюҳуи дӯст?!*

Бо тақя бар шарҳу тавзеҳи як ғазал аз Девони Шамс маълум мешавад, ки дар сурудаҳои Мавлоно дӯст ҳамон маънии куллии ирфониро дар худ таҷассум намудааст ва Пири Рум дар баробари он ки бо мурочиат ба дӯст ба маъшуқи ҳақиқӣ то ҷое мулоқот мекунад, ин мулоқот ва сӯҳбати ошиқонаашро тавассути дӯсти хеш- мазҳари таҷаллии зот ва ба таъбири худӣ ӯ «пиру мурид, дарду даво, шамсу худояш» ба аслу ҳақиқати зот анҷом медиҳад. Аз ин ҷост, ки дӯст дар концепсияи ирфонии Мавлоно Ҷалолуддини Румӣ дар баробари мазҳари таҷаллии ҳақ ва таҷассуми симои Шамси Табрезӣ будан сурат ва сирати инсонии комило дар худ ифода мекунад, ки ин шахсият боз ҳам Шамсиддини Табрезӣ мебошад.

АДАБИЁТ

1. Бертелс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. Москва, изд. «Наука» 1965.
2. Сайида Маряма Абдулқосимӣ. Истилоҳот ва мафҳуми ирфонӣ дар Девони Шамс. Техрон, Созмони чоп ва интишор. 1383.
3. Куллияти Шамси Табрезӣ. Бо тасҳеҳи Бадеуззамони Фурӯзонфар. Техрон, интишороти донишгоҳи Техрон, 1345.
4. Зарринқӯб Абдулқусайни. Чустуҷӯ дар тасаввуфи Эрон.-Душанбе: Ирфон. 1992 –395 с.
5. Зарринқӯб Абдулқусайн. Арзиши мероси сӯфия. – Душанбе: Адиб 1383 х.

ТЕРМИН «ДУСТ» В ДИВАНЕ «ШАМСИ ТАБРЕЗИ»

Статья посвящена рассмотрению и исследованию интерпретации суфийского термина «дуст» (друг) в диване Шамси Табрези. Автор статьи, на основе анализа некоторых газелей Мавлоно Балхши изучения соответствующих литературных источников, предпринимает попытку интерпретировать суфийский термин «дуст» (друг) и определить его место в стихотворениях Мавлоно. Отмечается, что хотя в персидско-таджикской классической литературе использование слова «дуст» начинается с Рудаки, однако в творчестве этого поэта слово «дуст» приводится в своем прямом значении. Другие, символические значения этого слова получили распространение благодаря возникновению и расцвету суфийской литературы.

Автор статьи приходит к выводу, что данный термин в творчестве Мавлоно используется преимущественно в значении Бог, истинный суфий и совершенный человек.

Ключевые слова: Мавлоно, диван Шамса, суфийская терминология, газель, дуст вадустии (друг и дружба), Бог, истина

THE TERM “FRIEND” IN THE DIVAN (COLLECTIONS OF COMPOSITIONS) OF “SHAMSI TABREZI”

The article dwells on the term linked with the interpretation of the term “friend” in Shamsi Tabrezi’s divan.

Proceeding from the analysis dealing with some Shamsi’s ghazals and some corresponding literary sources, the author makes an endeavor to interpret the term “friend” and to determine its place in Mavlono’s poems. It is underscored that though the term “friend” has been used in Persian – Tajik classical literature since Rudaki, but in this poet’s creation the term is adduced in its direct meaning. The other symbolic meanings of the relevant word have spread owing to the up-springing and flowering of the Sufi literature.

The author of the article came to conclusion, that the relevant term in Mavlana’s creation is mainly resorted to in the meaning of God, genuine Sufi and perfect human being.

Keywords: Mavlono, Shamsi’s divan, sufi terms, ghazal, friend and friendship, God, the truth.

Сведения об авторе:

Мусозода Ходжи Хусайн - кандидат филологических наук, председатель Совета

улемов Согдийской области. Тел: (+992) 927716401; E-mail: musozoda@mail.ru

About the autor:

Musozoda Hoji Husain - PhD in Philological sciences, Head of Ulama Council in Sogd region.
Tel: (+992) 927716401; E-mail: musozoda@mail.ru

УДК 821.161.1.09“18”-3

РОЛЬ АРХЕТИПА ТРИКСТЕРА В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

Васильев Д. В.

Российского государственного университета им. А.И. Герцена

В центре нашего внимания — понимание Достоевским природы человека. Человек, каким он изображен в творчестве писателя, соткан из внутренних противоречий, мир человеческой души в произведениях Достоевского являет собой диалектическое сопоставление и противопоставление антиномий [1, с.6]. М.М. Бахтин отметил, что в творчестве романиста «...процесс формирования личности героя представлен в борении противонаправленных сил в разрезе одного момента» [1, с. 36-44]. В этом «борении противонаправленных сил», в переживании мира на грани космоса и хаоса, в оформленности и бесформенности находит своё выражение — по справедливому определению С.Г. Бочарова — «порождающая диалектическая модель» героя Достоевского.

Проявление такой модели в творчестве писателя впервые точно охарактеризовал А.П. Скафтымов в работе «Тематическая композиция романа “Идиот”»: «За экраном сознания, за явственной стороной переживаний он (Достоевский – Д.В.) заметил темную периферическую бахрому души. За внешней гармонией рационального и понятного он созерцал волны хаотических, бесформенных стихий и именно здесь открыл корни и семена реальной действительности. Его герой как бы не сам ведет свое поведение, а что-то в нем его влечет, борет и движет» [16, с. 186].

Объяснение подобным состояниям человека находим в высказываниях самого Достоевского. Так, на страницах «Дневника писателя» за 1873 год романист делает важное замечание: « Это прежде всего забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и преходящее, являющееся как бы наваждением). Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойти до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, и весьма нередких, броситься в нее как ошалелому вниз головой... Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения <...> Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать. Можно очень многое знать бессознательно» [8, т.28, с.35]. В контексте нашего рассмотрения места архетипа трикстера в творчестве Достоевского необходимо отметить, что в процитированном отрывке автор, предвосхищая исследования и открытия З. Фрейда и К.Г. Юнга, указывает на характер проявления и роль сферы бессознательного в поведении человека.

Вместе с тем перед писателем, заинтересовавшимся сферой бессознательного в психической деятельности человека, встает существенная проблема — безусловная сложность познания и изображения «глубинных бессознательных чувств человека» [2, С.374].

По нашему убеждению, возникшую проблему Достоевский решает, обращаясь к архетипической традиции. В. Н. Топоров пишет, что романист в своем творчестве опирался на «...универсальные мифопоэтические схемы космологического содержания, описывающие решение некоей основной задачи (сверхзадачи). Необходимость решения этой задачи возникает в кризисной ситуации, когда организованному предсказуемому (“видимому”) космическому началу угрожает превращение в деструктивное (“невидимое”), хаотическое состояние» [21, с. 392]. С нашей точки зрения, важнейшую роль в реализации этих схем в произведениях Достоевского как раннего, так и позднего периода его творчества играют два фундаментальных архетипа – героя и антигероя.

Для нас важна мысль Е.М. Мелетинского, отметившего, что в мифе организованную систему Космоса олицетворяет культурный герой. Антагонист культурного героя – трикстер, типичными чертами которого являются «...любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, способность изменять облик» [13]. Отечественный исследователь, опираясь на

труды К.Г. Юнга, также указывает, что культурный герой символизирует сознательную часть личности, а трикстер – бессознательную [12, с.5].

Фигура трикстера, как известно, представляет собой первообраз, архетип, «общий знаменатель» всех плутовских созданий мировой литературы. Исследование разных аспектов архетипа трикстера представлено, напомним, в работах К.Г. Юнга, К. Кереньи, К. Леви-Стросса, Е.М. Мелетинского и др.

К рассмотрению функциональных трансформаций архетипа трикстера в повести «Записки из подполья» ранее обращался Е.М. Мелетинский. Как он отметил, в этом произведении Достоевского «...древний образ трикстера обогащен, психологизирован, углублен и доведен до "подпольного человека"». Исследователь замечает: «поражает четкость, которую мне бы хотелось назвать "архетипической"» [12, с. 86].

В аспекте мифологической проблематики и с учетом положений аналитической психологии, подчеркнем, что противостояние сознательного и бессознательного подводят нас к ключевой формуле мифа: борьбе космоса и хаоса, перенесенной автором «Записок из подполья» вглубь человеческой души. Это во-первых.

Во-вторых, осмысление сфер сознательного и бессознательного у Достоевского неразрывно связано с представлением о целостности человеческой личности. Так, в Записной тетради за 1864 год романист пишет: «Мы воспринимаем природу целым, но бессознательно или малосознательно. (Вопрос: что мы знаем целно?) Строго говоря: чем менее сознает человек, тем он полнее живет и чувствует жизнь» [8, т.20, с.196]. Эти размышления писателя помогают понять внутреннюю диалектику психики его подпольного героя: сквозь поверхность его сознания просвечивает архетипически первозданная, естественная, говоря словами С. Г. Бочарова, «неофициальная живая жизнь», исходящая из фундаментальных начал человеческой души.

Цель нашей работы заключается в выявлении роли мифологического архетипа трикстера при воссоздании Достоевским бессознательных состояний героя повести «Записки из подполья». Для этого первоначально обратимся к особенностям исповедальных высказываний подпольного человека.

Стихийное бессознательное образование души, «глубинное ядро личности» как «незавершённая, несовпадающая с собой личность» (М. М. Бахтин) раскрывается через исповедальное слово. В отличие от бытового высказывания, исповедь подразумевает выворачивание себя наизнанку и открытие в себе сосуществования противоречивых и неоднородных сил, которые и являются глубинной «правдой о человеке» (С. Г. Бочаров). Исповедь образованного одинокого человека середины XIX столетия – это бунт против «здорового» смысла, поскольку его исповедальное слово подразумевает духовное заголение, «написание того, что не пишут, произнесение того, что не говорят» [11, с. 125]. Этот бунт героя позволяет предполагать наличие «трикстерного» слоя в его исповедальном высказывании [3, с.25].

Исповедь человека из подполья в отличие от христианского таинства покаяния адресована не к Творцу, а человеку – слушателю, читателю [4, с. 27-33]. При этом к другому типу сознания герой относится враждебно и предполагаемого им же осуждения в свой адрес не принимает: «Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу» [8, т.19, с.100]. Таким образом, в структуре повести представлена формально-содержательная модель исповеди героя, ее мы назовем антиисповедью или, говоря словами М.М. Бахтина, «исповедью наизнанку».

В истории европейской культуры исповедь, имеющая такую модель, напоминает исповедь плута-трикстера в испанской пикареске, в которой профанируются традиционные жанры исповеди, жития святого, ораторская речь, церковная проповедь [14]. На основу сходства героя Достоевского и героя испанской пикарески первым указал М.М. Бахтин. По мысли исследователя, обращение романиста в своем творчестве к характерным особенностям героя авантюрного действия связано с антропологическими открытиями: писатель «...ставит человека в исключительные положения <...> в целях испытания идеи и человека идеи, то есть "человека в человеке". А это позволяет сочетать с авантюрой такие, казалось бы, чуждые ей жанры, как исповедь...» [1, с.118].

Вместе с тем отметим: псевдоисповедальные признания плутов-трикстеров в испанской пикареске являются их сознательной провокацией, нацеленной на самовосхваление и самооправдание. В «Записках из подполья» этот провокативный вектор исповедальных записок героя представлен гораздо сложнее. Во-первых, антиисповедь подпольного героя с ее агрессивной позицией по отношению к другому человеку является сознательной формой самозащиты, парадоксалист умышленно избегает самораскрытия: я, признается он, «...до

болезни боялся быть смешным» [8, т.5, с.126]. Во-вторых, сквозь «вызывающую откровенность» (М.М. Бахтин) героя просвечивают его стремление преодолеть свою отчужденность и отчаянная попытка сломать стену между собой и другими. Как справедливо пишет С.Ю. Ясенский, «Одиночество, душевное подполье героя выталкивает его навстречу “другому я”, и Достоевский в локальной ситуации своего парадоксалиста явно потенцирует общий закон человеческого бытия: человеку нужен человек; внутренне диалогизированное сознание, интуитивно понимая, что ему грозит распад личности, стремится выйти из замкнутого круга»[26, с.168-169]. Эта интуитивная попытка героя «выйти из замкнутого круга» требует более подробного рассмотрения.

Источник интуитивного знания, как отмечает современный психолог Н.А. Чашегорова, опираясь на труды К.Г. Юнга, «...находится в работе бессознательного, в наличии архетипов»[23]. Бессознательное - это потенциальность и незавершенность. Архетип трикстера как часть бессознательного эту незавершенность и представляет, создавая уже в качестве героя - трикстера, как заключает Д.А. Гаврилов по итогам изучения евроазиатского фольклора, вариативность поведения: «Трикстер работает на переходе от жесткой системы к многовариантной, разрывая порочный круг мира, где все предопределено»[5, с.17].

В «Записках из подполья» архетипический слой личности героя создает вариативность в исповедальном слове героя, раскалывая исповедь на два полюса. Первый полюс – провокация, игра на понижение, что подразумевает сознательную самоизоляцию героя («Я-то один, а они-то все»). Второй – личностное восхождение, духовная «авантюра», предполагающая «иное направление сознания»[5] — через исповедание себя миру. Но поскольку герой боится быть осмеянным в духовной наготе своей искренности, то его интуитивное стремление к исповедальному самораскрытию ограничивается сознательной провокацией, антиисповедью. Исповедь, таким образом, движется по кругу, отрезая героя от духовного преображения. За этой несостоявшейся попыткой исповедального самоопределения парадоксалиста встает проблема онтологического первоисточка трагизма подполья.

Причиной подполья, как писал сам Достоевский, является «уничтожении веры в общие правила. “Нет ничего святого”» [8, т, 16, с. 329-330]. Это пояснение романиста требует комментария. По мысли исследователей, под «уничтожением веры в общие правила» подразумевается религиозно-нравственный нигилизм героя, отсутствие у него высоких этических идеалов [7, с. 520]. Однако, как представляется, ситуация сложнее. Не ставя под сомнение саму мысль исследователей о нигилизме человека из подполья, предложим, тем не менее, свою точку зрения на само высказывание Достоевского, поскольку прочитываем его иначе.

В первую очередь, необходимо отчетливо обозначить, что следует понимать под «общими правилами». Мы полагаем, что они могут восприниматься как копилка ценного нравственного опыта общества. Но эти «правила» историчны, следовательно, во время крупного культурного сдвига, когда происходит переоценка ценностей, повсеместно принятые правила сворачиваются до застывших догм, во многом теряя сущностное. Герой из подполья эти «общие правила», принявшие на момент его исторического существования форму повседневной рутины, воспринимает как тиранию заурядной псевдореальности.

Выход из круговорота ординарной действительности подпольный человек находит в крайностях парадокса и маргинальности, что предполагает выбор иной, узкой дороги. Как известно, персонаж трикстерной природы «...ищет свой единственный шанс на необщих путях, которые расцениваются коллективным сознанием как неправильные, неэффективные, заведомо плохие»[19, с.59]. Этот узкий путь, безусловно, сопряжен с риском, поскольку требует принципиально новых, нестандартных решений, идущих зачастую вразрез с общепринятой, свернутой до стереотипов, логикой поведения.

Парадоксалист выбивается на «необщий» путь, «...на другую дорогу, на риск, на авось» [8, т.5, с. 110], стремясь самоосуществиться, пытаясь лично себя реализовать. И этот путь подпольного человека идет вопреки стандартным схемам и догмам. Но сама причина выбора узкой дороги кроется, на наш взгляд, не в «отсутствии высоких этических идеалов». Герой отрицает формализованные «общие правила», не придает им никакой ценности («нет ничего святого» — слышит он в свой адрес от воображаемых им противников, придерживающихся таких правил) только потому, что «знает» о существовании чего-то иного, находящегося по ту сторону привычной большинству, эмпирически обусловленной действительности: «...что-то другое, совсем другое, которое я жажду, но которого никак не найду» [8, т.5, с. 121]. Эта жажда «совсем другого» является знанием не рассудочным, а проявлением *всей* «натуры человеческой», которая, как считает

герой, «...действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно» [8, т.5, с. 115].

При этом сознательное и бессознательное в действиях подпольного человека необходимо разграничивать, не утрачивая представления о его целостности. Так, на сознательном уровне парадоксалист признает свою зависимость от господствующих поведенческих штампов и общепринятых схем, усвоенных в современном ему социуме. Например, не случайно он вспоминает: «я <...> рабски обожал рутину во всем, что касалось наружного; с любовью вдавался в общую колею и всей душою пугался в себе всякой эксцентричности» [8, т.5, с. 125]. Однако в то же время в конце рассуждения добавляет: «Но где мне было выдержать?» [8, т.5, 125].

Подпольный человек не может «выдержать», как ранее он о себе сообщает, просящихся изнутри наружу «противоположных элементов», лежащих в основе его личности: «Я знал, что они всю жизнь во мне кишели и из меня вон наружу просились, но я их не пускал, не пускал, нарочно не пускал наружу» [8, т.5, с.100]. Эти элементы, являясь импульсами бессознательного («просились наружу»), теневого начала героя, действуют вопреки ограничивающему пределу «общих правил».

При этом герой осознает, что находиться в этой устойчивой общепринятой форме существования безопасно, но в ней личностное начало низводится к общеродовому по принципу зоологической классификации. Недаром парадоксалист вспоминает о своих бывших сослуживцах: «Они же все были тупы и один на другого похожи, как бараны в стаде» [8, т.5, с.125].

Теневая сторона личности героя разрушает ту форму, в которой он в своей внешней жизни застыл («обожал рутину во всем»), провоцируя его к принятию необычных, идущих изнутри поведенческих стратегий: «Порывы были истерические, со слезами и конвульсиями» [8, т.5, с. 127]. Но поскольку у подпольного «...не было ничего, чтобы он мог тогда уважать в окружающем и к чему бы потянуло...», другими словами — не было духовной, национально – исторической опоры, то и путь его устремлен не вверх, а вниз: «...я вдруг погружался в темный, подземный, гадкий – не разврат, а развратишко» [8, т.5,127].

Необходимо отметить, что теневая, «неофициальная живая жизнь» героя вместе с тем выступает как инициатор духовного поиска, требуя от подпольного человека принятия решений. Поэтому оформление «порывов» в «развратишко» есть результат личностно ответственного выбора парадоксалиста. Этот выбор, повторим, связан с отрывом героя от «народной почвы и веры», что, по убеждению Достоевского, обуславливает незнание им высшей цели. Таким образом, подчеркнем: выбранная героем узкая, необычная дорога, идущая вопреки общепринятым нормам, является в то же время путем «петляний и заблуждений» (В.Е. Ветловская). Трагизм этого необщего пути заключается в том, что его «кривизна» закольцовывается, становится кругом.

Рассмотренные выше проявления архетипа трикстера в первой части повести «Записки из подполья» раскрываются в онтологическом плане, а именно в попытке самоопределения героя, в его стремлении вернуться к самому себе и обрести веру в Христа [6 С.73]. В «Записках из подполья» импульсом к этому внутреннему движению является залегающее в фундаменте личности подпольного человека бессознательное образование его души, при определенных условиях провоцирующее героя, как мы уже отмечали, к иному самоосуществлению.

Однако во второй части произведения трикстерное разворачивается не только в онтологическом плане, но и в системе взаимоотношений героя с миром (в таком случае нас будет интересовать социальный план и сопровождающая его сюжетно-фабульная функция трикстерства). Отметим, что два разных вида трикстерного во второй части повести не противопоставлены, а, напротив, находятся в динамическом соотношении. В этом смысле показателен «поединок» подпольного человека с офицером, являющийся одновременно социальным и онтологическим экспериментом героя.

Офицер воплощает вековечную формулу «дважды два четыре», существующего социального космоса [6, с.136], «непосредственного» природного человека «вершков десяти росту» [8, т.5, с. 143]. Подпольный человек предпринимает попытку расшатать эту иерархически организованную систему космоса, являющегося в его понимании псевдокосмосом, и встать вровень с офицером «на равной ноге». Так, не случайно, герой, выбравшись из своего «угла» на *солнечную* сторону Невского проспекта, символизирующую для него средоточие петербургского света, могущества, власти, чувствует себя униженно, мучительно осознавая собственную зависимость от иерархических законов, принятых в обществе: « Я шмыгал, как вьюн, самым некрасивым образом, между прохожими, уступая

бесперерывно дорогу то генералам, то кавалергардам и гусарским офицерам, то барыням» [8, т.5, с.130]. При этом «виляет, как выюн» и законопослушный, привыкший «действовать по начальству» офицер: «...он тоже сворачивал с дороги перед генералами и перед особами сановитыми» [8, т.5, с.130]. Но отличает офицера от подпольного человека то, что первый эту социальную обусловленность и иерархию не протиясь принимает за естественный закон. Недаром парадоксалист задается вопросом, обращенным к самому себе: «Отчего ты непременно первый сворачиваешь? Отчего именно ты, а не он? Ведь для этого закона нет, ведь это нигде не написано?» [8, т.5, с.130].

В то же время, готовясь к поединку с офицером, герой следует правилам, отвечающим социальной иерархии, меняя енотовый воротник шинели на «дешевый немецкий бобрик». Это маскарадное переодевание («нужно было позаботиться о костюме»), как полагает парадоксалист, даст ему определенную степень свободы в поведении и наделит правом выйти за рамки своего социального положения: «это внушает и прямо поставит нас некоторым образом на равную ногу в глазах высшего общества» [8, т.5, с. 131]. Но заменив лакейский воротник [7 С.131] на бобрик, герой тем не менее продолжает по-лакейски действовать по правилам, установленным в иерархически организованном космосе Петербурга: «Нельзя же было решиться с первого разу, зря; надо было это дело обделать умеючи, именно помаленьку» [8, т.5, с.131]. Отсюда его многочисленные неудачные попытки «состукнуться» с офицером: «Уж я ль не приготавливался, я ль не намеревался, — кажется, вот-вот сейчас состукнемся, смотрю — и опять я уступил дорогу, а он и прошел, не заметив меня» [8, т.5, с.131].

Очередной провал психологического эксперимента вызывает у героя болезнь: «В эту ночь я был опять болен в лихорадке и бредил» [8, т.5, с.131]. Эта болезнь становится переломной точкой, знаменуя кризис самосознания, после которого, говоря словами М. М. Бахтина, «совершается радикальная смена, неожиданный перелом судьбы, где принимаются решения, переступают запретную черту, обновляются или гибнут» [1, с.191]. Подпольный герой предпочел «...не исполнять пагубного намерения и все оставить втуне, и с этой целью в последний раз вышел на Невский, чтобы только так посмотреть, — как это я оставлю все это втуне?» [8, т.5, с. 132]. Но как только он *сознательно* отказывается от задуманного, происходит «неожиданный перелом судьбы»: «...я неожиданно решил, зажмурил глаза и — мы плотно стукнулись плечо о плечо!» [8, т.5, с. 132]. Отказавшись играть по правилам рационально устроенного мира, освободив себя от диктата собственного сознания, но при этом, спонтанно растворив и подчинив свое «я» внутренней бессознательной силе («неожиданно решил, зажмурил глаза»), герой вышел в этой «схватке» победителем: «...я достиг цели, поддержал достоинство, не уступил ни на шаг...» [8, т.5, с.132].

Поставив себя с офицером на «равной ноге», герой, наконец-то, самоутверждается, удовлетворяет свое болезненное самолюбие. Однако необходимо отметить еще один аспект психологического эксперимента подпольного человека. Выйдя победителем в столкновении с офицером, парадоксалист утверждает: устойчивость и закономерность *мира* солнечной стороны Невского проспекта иллюзорна, надежность петербургского социума удерживается только организованной иерархией, которая распадается, как только в эту систему сложившихся социальных отношений вносится элемент хаоса.

Парадоксалист отвергает этот псевдокосмос как в социальном, так и в онтологическом смысле. Замкнутый в пределах земной действительности (социальный план) и отрезавший себя при этом от источника «живой жизни» (онтологический план) герой пытается реализовать с максимально возможной полнотой в мечтах: «Я влюбляюсь, будучи знаменитым поэтом и камергером; получаю несметные миллионы и тотчас жертвую их на род человеческий и тут же исповедываюсь перед всем народом в моих позорах, которые, разумеется, не просто позоры, а заключают в себе чрезвычайно много "прекрасного и высокого", чего-то манфредовского» [8, т.5, с. 133]. В то же время подпольный человек осознает постыдную рабскую зависимость от этого мира: «...начинал ощущать непреодолимую потребность ринуться в общество» [8, т.5, с. 134]. При этом, как справедливо пишет Т.А. Касаткина, парадоксалист «...практически каждую свою встречу с людьми "оформляет" как "приключение"» [10, с.191]. Мир грез подпольного героя, таким образом, прорывается в действительность, переплетается с ней. Так, готовясь к встрече с товарищами, подпольному «...мечталось одержать верх, победить, увлечь, заставить их полюбить себя...» [8, т.5, с. 140]. Вместе с тем герой осознает расхождение между своей оформленной книжной мечтой и живой действительностью общения: «С отчаянием представлял я себе, как свысока и холодно встретит меня Зверков, с каким ничем неотразимым презрением будет смотреть на меня тупица Трудолюбов <...> как все это будет

мизерно, не литературно, обыденно» [8, т.5, с. 141]. Возникает конфликт между двумя полюсами личности парадоксалиста: одна часть героя (верхний полюс его сознания) сопротивляется («Конечно, всего бы лучше совсем не ехать»), другая (нижний полюс сознания) — провоцирует и дразнит («А что, трусил, трусил действительности, трусил» [8, т.5, 141]).

Эта борьба двух полюсов личности подпольного героя продолжается и на встрече с одноклассниками. Он то жаждет «пустить бутылкой во всех», то стремится к примирению, мечтая, что «...они все на коленях, обнимая ноги мои, будут вымаливать моей дружбы» [8, т.5, с. 148]. Так, например, в самом начале вечера парадоксалист отказываясь пить за банальное пожелание «здоровья и счастливого пути», произносит свой тост: « — Господин поручик Зверков, — начал я, — знайте, что я ненавижу фразу, фразеров и тальи с перехватами» [8, т.5, с. 145]. В то же время, произнося «спич с своей стороны, особо...», герой сам начинает рассуждать о «прекрасном и высоком», как «по книге»: «...люблю правду, искренность и честность, - продолжал я почти машинально, потому что сам начинал уж леденеть от ужаса, не понимая, как это я говорю...» [8, т.5, с. 145]. Поэтому и оканчивает свой тост он тем же пожеланием, что и Трудолобов: «За ваше здоровье, мсье Зверков!» [8, т.5, с.145].

Парадоксальность ситуации объясняется, на наш взгляд, следующим образом. Понимая всю нелепость своего положения на вечере, подпольный герой собирается «просто уйти, не говоря не слова» [8, т.5, с. 144]. Однако, почувствовав себя «уничтоженным и раздавленным», ему «...вдруг захотелось оскорбить их всех самым дерзким образом и потом уж уйти» [8, т.5, с. 145].

При этом в основе поведения подпольного человека на встрече со школьными товарищами лежит стихийная, неорганизованная его характером бессознательная сила («уж когда меня начинало тянуть, так уж я так и втягивался весь, с головой» [8, т.5, с.141]), выталкивающая героя из предустановленной «общими правилами» колеи коммуникативного поведения. Не случайно, собираясь произнести речь, парадоксалист готовится «к чему-то необыкновенному», но в то же время «сам еще не зная», что именно он собирается сказать [8, т.5, с.145]. Эта внутренняя сила требует от героя вербального выражения. Но сознание подпольного человека зависимо от господствующих «литературных стереотипов» (Б. Н. Тихомиров) и проявляется в логике, отвечающей этим же «общим правилам»: «Прельщайте черкешенок, стреляйте во врагов отечества и...и...» [8, т.5, с.146]. Парадоксалист, как и персонаж трикстерной природы, бессознательно пытается действовать «...не за счет стандартных или построенных по их образцу решений» [19, с.65], в то же время сознательно загоняет себя в капкан общих штампов, которые он усвоил из литературной традиции. В этом смысле стоит отметить и описание внутреннего состояния героя: он произносит речь «почти машинально», руководствуясь словно чужим сценарием («сам начинал леденеть от ужаса, не понимая, как это я так говорю» — [8, т.5, с.145]). При этом слово «почти» указывает на то, что герой осознает безысходный трагикомизм этой коллизии. Отсюда его коммуникативный сбой: « я люблю настоящее товарищество, на равной ноге, а не...гм... Я люблю...» [8, т.5, с.145].

Становится очевидным, что глубинная стихийная сила, обусловленная трикстерным началом личности героя (онтологический план), стремящаяся проявиться в его слове, сплетается с сознанием подпольного человека, которое, в свою очередь, подвластно привычному строю человеческих отношений в социально иерархическом обществе. В результате в слове героя не раскрывается сущностное, а, напротив, пародийно искажается то подлинное, что скрыто в его душе. Более того, это навязанное внешними социальными условиями псевдокоммуникативное поведение управляет речью парадоксалиста, принуждая его механически следовать за сложившимися представлениями и использовать распространенные речевые клише.

Безысходность ситуации для героя выражается и в его хождении «прямо против дивана, вдоль стены, от стола до печки и обратно» [8, т.5, с. 147]. Обратим здесь внимание на авторскую организацию пространственных элементов праздничного вечера, в основных чертах напоминающих пространство и время архаического праздничного ритуала. Напомним, В. Н. Топоров пишет, что в творчестве Достоевского, «...как и в космологической схеме мифопоэтических традиций, пространство и время не просто рамка (или пассивный фон), внутри которой разворачивается действие; они активны (и, следовательно, определяют поведение героя) и в этом смысле сопоставимы в известной степени с сюжетом» [21, с.225]. В мифе ритуальное пространство организовано по принципу противопоставления: космос (свой мир) – хаос (чужой мир) [22, с.132]. В комнате ресторана

«свое место» — диван, на котором сидят школьные товарищи парадоксалиста. Это пространство является упорядоченной, оформленной системой социального космоса, в центре которого находится фигура Зверкова, символизирующая, как и в архаическом ритуале, идею божественного порядка, закона, справедливости. Не случайно остальные его бывшие одноклассники «обсели его на диване и слушали чуть не с благоговением» [8, т.5, с.147]. «Чужим» является противоположная сторона комнаты (периферия по отношению к дивану), вдоль которой ходит герой.

Как и в мифе, центр и окраина соединяется тем путем, который проходит герой. В мифопоэтических схемах этот путь проделывается трижды (три поездки героя, из которых только третья, как наиболее «полная», увенчивается успехом) [21, с.226]. Но в отличие от мифа, трехчасовое хождение подпольного человека «... все по одному и тому же месту», за время которого он «три раза вспотел и просох», противоположно по смыслу, поскольку ведет не к изменению ситуации, а к возвращению героя на круги своя: « Я остался на минуту один. Беспорядок, объедки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирос, хмель и бред в голове...» [8, т.5, с.148].

Закольцованность этого пути объясняется следующей причиной: в мире школьных товарищей подпольный человек мечтает утвердиться, заняв место в центре этого пространства, оттеснив Зверкова на периферию («Они бросят Зверкова, он будет сидеть в стороне, молчать и стыдиться» — [10, т.5, с.141]. Эта мечта парадоксалиста, говоря словами В.Н. Топорова, сопряжена с трикстерным выходом за пределы «законосообразного» поведения [19, с.62], целью которого, как вспоминает подпольный герой, является «доказать всей этой ”шушере”, что я вовсе не такой трус, как я сам себя представляю» [11, т.5, с.141]. Это во-первых. Во-вторых, необходимо отметить, что в мифе открытие священного пространства (центра мира) позволяет обнаружить точку отсчета, сориентироваться в хаотической однородности, сотворить мир и жить в нем реально [25, с.264]. Оказаться в «центре мира» (быть принятым в круг школьных товарищей) для парадоксалиста означает переход от состояния бесформенного и хаотического к отцентрованному.

Однако необходимо отметить, что ситуация в этой сцене усложняется, поскольку в «центре мира» сходятся два плана: сакральный в религиозном смысле этого слова и социально иерархический. Подпольный человек, мечтая ниспровергнуть Зверкова, бунтует не против социальной претензии бывшего одноклассника, а иного намерения — быть в центре божественного, священного мира. Достигнуть точки этой наивысшей реальности равносильно для героя его «онтологической жажде» (М. Элиаде) реального, а не иллюзорного существования, «участия в бытии» (М.М. Бахтин). Но в то же время подпольный человек понимает, что этот космос не настоящий, в нем священное не проявляется, а профанируется, центр божественно сакральный заменен социальным. Поэтому, как вспоминает герой, он за «весь-то результат, если бы только и достиг его, сам, первый, гроша бы не дал» [8, т.5, с. 141].

Отъезд школьных товарищей в публичный дом эту двойственность позиции парадоксалиста не снимает. Более того, конфликт двух начал личности героя обостряется: « — Это, знать, уже не папа, оставляющий Рим и уезжающий в Бразилию...»

“Подлец ты! – пронеслось в моей голове, — коли над этим теперь смеешься”.

- Пусть! – крикнул я, отвечая себе. – Теперь ведь уже все погребло!» [8, т.5, с. 148].

Отметим, что эта внутренняя борьба происходит во время стремительного спуска подпольного человека по лестнице: «...бормотал я, сбегая стремглав с лестницы» [8, т.5, с.148].

По мысли В.Н. Топорова, в творчестве Достоевского «...спуск по лестнице – аналог того нисхождения в мир иной, где ищут последний шанс, открытие Последней тайны, подлинную и “усиленную” жизнь, преодолевающую смерть» [21, с.442]. Действительно, выход парадоксалиста из ресторана вовне, в «хаос петербургской жизни» (В. Н. Топоров) ставит героя перед принятием окончательного решения: отправиться в погоню за обидчиками и отомстить им за трехчасовую прогулку « от стола до печки» или вернуться домой. Первый вариант подразумевает следование проторенным путем, поскольку собираясь дать Зверкову пощечину, подпольный человек осмысляет свои действия в заимствованных сюжетах литературных героев [12 С.59]: «...точно знал в это же самое мгновение, что все это из Сильвио и из ”Маскарада” Лермонтова» [8, т.5, с.150]. Второй вариант (возвращение домой) предполагает отказ от непреклонного желания отомстить: « А не лучше ли... а не лучше ли... прямо теперь же домой» [8, т.5, с. 150].

Как первый, так и второй путь являются трикстерными, каждый из этих путей по-разному реализуют выход за пределы привычной, стандартной стратегии поведения. Но

первый вариант – это трикстерство формы, поскольку парадоксалист, как мы уже указывали, действует по законам заимствованных литературных сюжетов (социальный план). Второй вариант – трикстерство по сути (онтологический план). Последняя стратегия поведения подразумевает попытку пробиться к собственному центру, что для человека из подполья равнозначно прорыву в область абсолютной реальности. Однако подпольный герой выбирает путь «заимствованных сюжетов», потому что «не имеет своих», тем самым создавая жизнь не реальную, а отраженную [15, с.60]. Более того, он вновь становится зависим от литературно оформленной стратегии поведения, в очередной раз становясь ведомым: «...я с ужасом ощущал, что это ведь уж непременно сейчас, теперь случится и уж никакими силами остановить нельзя» [8, т.5, с. 150]. Поэтому вполне понятна и радость героя, когда он узнает, что его бывшие одноклассники разошлись по комнатам: «Я был точно от смерти спасен и всем существом своим радостно это предчувствовал: ведь я бы дал пощечину, я бы непременно, непременно дал пощечину!» [8, т.5, с. 151].

Эта зависимость героя от заимствованного им книжного образа обнаруживается и при его случайном взгляде в зеркало на свое лицо перед встречей с Лизой: «...бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами» [8, т.5, с. 151]. Отметим, что парадоксалист, посмотрев на себя в зеркало, остается доволен не столько собственным отражением, сколько тем, *каким* он себя в зеркале видит: «Это пусть, этому я рад, - подумал я, - я именно рад, что покажусь ей отвратительным; мне это приятно» [Там же]. Зеркало обнажило иное «я» героя, выделяя находившегося «там» индивида, говоря словами М. М. Бахтина, подпольный человек подсматривает свой заочный образ, глядясь в зеркало, он смотрит на себя чужими глазами, он одержим другим [2, с.72].

В сценах с Лизой это иное «я» обуславливает поведение героя, руководит его сознанием: «что-то гадкое укусило меня; я подошел прямо к ней»; «что-то вдруг во мне загорелось» [8, т.5, 155]. В свою очередь, сознательное «я» подпольного человека заменяется маской. Так, очнувшись в «узкой, тесной и низкой» комнате [13], парадоксалист надевает маску спасителя [14 С.156]: герой рассуждает о «прекрасном и высоком», но идея добра и любви в его проповеди является лишь игровой формой [15 С.29].

В этой игре в спасение заблудшей души само разыгрывание роли становится «сверхзадачей» и необходимостью, делая героя одержимым, закрывая его в игровой форме («Более всего игра меня увлекала» — [8, т.5, с. 162]. Внутренне свободная Лиза, размыкая эту игровую форму, отвечает искренним порывом, демонстрируя возможность истинного духовного единения. Но поскольку парадоксалист не свободен от роли, которую он играет, то духовное превосходство Лизы воспринимается им исключительно как вызов: «Постой же», - подумал я» [8, т.5, с. 161]. Не выходя из игрового пространства, парадоксалист меняет лишь маски. Так, сперва он играет роль высокомерного и при этом скучающего клиента проститутки (« Я зевнул»; « Я опять зевнул» — [8, т.5, с.153]), хладнокровно резонерствующего о смерти, затем выступает в обличье героя, используя готовые культурные штампы («Картинками, вот этими-то картинками тебя надо» — [8, т.5, с.158]), потом – спасителя заблудшей души, а дома перед Лизой он сознательно «снижает» свою героическую роль, стремясь вызвать сострадание [16 С.178] («...я очень бы мог обойтись без воды и не бормотать слабым голосом. Но я, что называется, представлялся...» — [17, т.5, с.172]).

При этом, как убедительно пишет Б. Н. Тихомиров, «...благодаря установке на игру, парадоксалист высказывает то, что никогда бы не высказал в иных, “неигровых” ситуациях» [18, с.276]. Действительно, недаром герой вспоминает: «Игра, игра увлекла меня: впрочем, не одна игра...» [8, т.5, с. 162]. Игровая маска скрывает героя, но в то же время выражает его потребность в собственном преображении (онтологический план). Вновь обратимся к мысли В. Н. Топорова: выделяя важные черты трикстерного персонажа, он отмечает, что «никакие его маски, превращения, тяга к перевертываниям (изнаночность), установка на абсурдные ходы и т. п., не могут скрыть сколько-нибудь прочно его доброго ядра» [20, с.25]. В сценах с Лизой трикстерный слой в поведении героя представлен несколько сложнее: сквозь «игру в спасение проститутки» просвечивает внутреннее, идущее из глубин души стремление раскрыть в себе что-то потаенное и подлинное, «человека в человеке». Раскрытие этой точки предельной подлинности требует подключения особого трикстерного начала как побудителя движения к онтологическому фундаменту существования личности. На этот тип поведения (онтологический план) парадоксалисту по существу и указывает Лиза.

Как совершенно справедливо пишет Н.В. Живолупова, «”Свежесть” Лизы – это отсутствие жесткой формы восприятия мира, не - концентрированность, размывание

контуров, почва для нового созидания» [5, с.135]. В этом смысле внезапный «неудержимый порыв» Лизы навстречу подпольному человеку подразумевает разрушение границ и правил «законосообразного» поведения, принятых в социуме. Поступок Лизы обусловлен ее стремлением к самоопределению. В то же время героиня предлагает выход и подпольному герою, заключающийся в деятельной любви, сострадании и смирении.

Парадоксалист, напротив, сам оказался в рабстве у сконструированной им же формы поведения (социальный план), утрата которой может обнаружить его неукорененность, подмену этического содержания эстетической формой [18]. Опасаясь разоблачения, он отвергает любовь и сострадание, мгновенно превращаясь из спасителя в обыкновенного клиента проститутки, тем самым замыкая Лизу в статусе блудницы, а себя – в книжном знании: «Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, книжная...» [8, т.5, с. 176].

Рассмотрев роль трикстера в повести «Записки из подполья», мы пришли к следующему заключению: обращение Достоевского к архетипической традиции позволило писателю решить важнейшие задачи, связанные, во-первых, с попыткой найти возможности для изображения сложной диалектики психической жизни человека (онтологический план); во-вторых, с вопросом социальной устойчивости человеческого существования (социальный план).

В онтологическом плане трикстерное раскрывается в бессознательном стремлении героя пробиться к себе как внутреннему человеку. Эта устремленность подпольного человека разворачивается, прежде всего, в его исповедальных высказываниях, за внешней провокативностью которых таится, как исходный слой, стихийная, первозданная жизнь его души, выражающая коренную интуицию автора, сориентированную на «реализм в высшем смысле».

В социальном плане трикстерное выявляется во взаимоотношениях подпольного человека с миром, а именно: бунт парадоксалиста против сохранивших только формальное, но утративших свое сущностное значение «общих правил» социального космоса. Эти свернувшиеся до стереотипов морально-этические нормы не придают социальному миру никакой ценности, профанируют его. Поэтому центр космоса как онтологически сакральная точка, подменяется социальным центром, не принадлежащим сфере подлинного бытия.

Герой, отвергая десаκραлизированный псевдокосмос, интуитивно жаждет найти для себя способ истинного самоосуществления, что подразумевает готовность усвоить иную, с особой логикой поведенческую стратегию. К выбору этой стратегии подпольного человека провоцирует трикстерная часть его души, требуя от парадоксалиста ответственных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Наука, 1979. 424 с.
2. Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М. М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 71с.
3. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Эксмо, 2006. 256с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. URL: <https://profilib.com/chtenie/102194/lev-vygotskiy-myshlenie-i-rech-59.php> (Дата обращения: 02.06.2018).
5. Гаврилов Д. А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 253с.
6. Джексон Р. Л. Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны. М.: Радикс, 1998. 285с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 35 т. Спб.: Наука, 2016. Т. 5. 393-609с.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972 - 1990.
9. Живолупова Н.В. "Записки из подполья" Ф.М. Достоевского и субжанр "исповеди антигероя" в русской литературе второй половины 19-го - 20-го века. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2015. 736 с.
10. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 114-149.
11. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001. 370с.
12. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 142 с.
13. Мелетинский Е.М. Культурный герой. URL: <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm> (Дата обращения: 02.06.2018).
14. Пискунова С. Исповеди и проповеди испанских плутов. URL: <http://profilib.com/chtenie/131018/fransisko-de-kevedo-istoriya-zhizni-proydokhi-po-imeni-don-pablos-34.php> (Дата обращения: 02.06.2018).
15. Поддубная Р.Н. Герой и его литературное развитие (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования, Л.: Наука, 1978, Т.3. 54-67с.

16. Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 130-190с.
17. Скрипник А.В. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского: жанровая характеристика и особенности сознания героя // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. 27-33с.
18. Тихомиров Б. Н. «Записки из подполья» как художественное целое // «...я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. Спб.: Серебряный век, 2012. 276с.
19. Топоров В. Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т.2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 450с.
20. Топоров В. Н. Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начала XX вв.: сб. статей. Новосибирск, 1987. 23-30с.
21. Топоров В.Н. Петербургский текст. СПб.: Искусство – СПб, 2009. 820с.
22. Филатова Е.А. Коды праздничного ритуала // Вестник Гуманитарного университета, 2013, № 2 (2). 128-133с.
23. Чашегорова Н.А. Интуиция как феномен бессознательного в творческом процессе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intuitsiya-kak-fenomen-bessoznatelno-go-v-tvorcheskom-protsesse> (Дата обращения: 02.06. 2018).
24. Честнова Н.Ю. Исповедальность как принцип становления поэтики художественной прозы Ф.М. Достоевского (на материале повести «Записки из подполья» и романа «Подросток»). Автореф. дисс...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 26с.
25. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 420с.
26. Ясенкий С.Ю. Искусство психологического анализа в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1994. Т. 11. 156-188с.

РОЛЬ АРХЕТИПА ТРИКСТЕРА В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

В настоящей статье выявляется роль мифологического архетипа трикстера при воссоздании Достоевским бессознательных состояний героя повести «Записки из подполья». В первой части повести трикстерное раскрывается в онтологическом плане, а именно в стремлении подпольного человека к иному самоосуществлению, в его попытке вернуться к самому себе. Во второй части «Записок из подполья» трикстерное разворачивается как в онтологическом плане, так и в системе взаимоотношений парадоксалиста с миром (социальный план). В ходе исследования делается вывод: обращение Достоевского к архетипической традиции позволило романисту решить задачи, связанные, во-первых, с попыткой найти возможности для изображения сложной диалектики психической жизни человека (онтологический план); во-вторых, с вопросом социальной устойчивости человеческого существования.

Ключевые слова: архетип, трикстер, Достоевский, подпольный человек.

THE ROLE OF THE ARCHETYPE OF TRICKSTER IN THE STORY BY F. M. DOSTOEVSKY «NOTES FROM THE UNDERGROUND»

Abstract: In the present article are revealed the role of a mythological archetype of a trickster in the reconstruction of the hero's unconscious states by Dostoevsky in the story "Notes from the underground". In the first part of the story, a trickster is revealed in the ontological plane namely, in the desire of the underground man to a different self-realization, in his attempt to return to himself.

In the second part of the "Notes from the Underground", the trickster unfolds both ontologically and in the system of paradoxical relations with the world (the social plan). Socially, the trickster is revealed in the hero's rebellion against the "common rules" of the social cosmos that have only formal, but lost their essential meaning. These morally-ethical norms curtailed to stereotypes do not attach any value to the social world, they profane it. The study concludes: Dostoevsky's appeal to the archetypal tradition allowed the novelist to solve the related, first, with an attempt to find opportunities for portraying the complex dialectic of a person's mental life (an ontological plan); secondly, with the question of the social stability of human existence.

Keywords: archetype, the trickster, Dostoevsky, underground man.

Сведение об авторе:

*Васильев Денис Владимирович, аспирант 3 курса кафедры русской литературы Российского государственного университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48.
vasiljevden@yandex.ru*

About the autor:

Vasilyev Denis Vladimirovich - PhD-student Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, e-mail: vasiljevden@yandex.ru

«ХУМОЮННОМА» ВА АРЗИШИ АДАБИВУ ТАЪРИХИИ ОН

Хоҷаева М.Ю.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Фафуров

Аз шоир ва муаррихи форсиабони Ҳиндустон Гулбаданбегим (1522, Кобул-1603, Дехлӣ) асари таърихӣ ба ёдгор мондааст, ки “Аҳволи “Хумоюнподшоҳ, чамъкардаи Гулбаданбегим, бинти Бобур-подшоҳ, аммаи Акбар-подшоҳ” унвон дошта, ба забони форсии тоҷикӣ иншо шудааст ва нусхаи ягона ва нотамоми он дар Осорхонаи Британия махфӯз буда, соли 1902 тарҷумаи англисии онро шарқшиноси маъруф Аннет Сюзанна Беверич (1837-1929) ҳамроҳ бо матни форсӣ ва тавзеҳоту таълиқот, инчунин тарҷумаи ҳоли муаллифи асар дар интишороти Муассисаи салтанатии Осиёи Лондон мунташир намуд. Асари мазкур ба забонҳои олмонӣ, ҳиндӣ ва ўзбекӣ низ тарҷума шудааст. Тарҷумаи ўзбекии он якҷоя бо матни тоҷикӣ соли 1959 ба эҳтимоми С.А. Азимҷонова дар шаҳри Тошканд ба таъбиқ расидааст.

“Хумоюннома” асари муҳими бадеиву таърихӣ аст, ки таърихи хонаводаи Темуриёни Ҳиндро аз замони поёни зиндагии Бобур-подшоҳ ва салтанати писари ӯ Хумоюн сар карда то ба дунё омадани писари ӯ Чалолиддин Муҳаммад Акбар подшоҳ фаро гирифтааст. Маълум мешавад, ки Бобур то замони ҳаштсолагии духтараш Гулбаданбегим зинда буда, пеш аз марг ҳокимиятро ба писараш Хумоюн додааст. Аммо чун Гулбаданбегим дар дарбори Акбар (замони ҳукмронии ӯ 1556-1603м.) зиндагӣ ва фаъолият дошт, таҳмин кардан мумкин аст, ки таърихномаи ӯ на танҳо замони ҳукмронии Бобур ва Хумоюн, балки Акбарро, ки дар “Акбарнома” ва “Оини Акбарӣ”-и Абулфазли Алломӣ ибни Муборак низ муфассал омадааст, дар бар мегирад. Азбаски як қисми ин асар то ба мо нарасидааст ва матни махфӯз дар Осорхонаи Британия ҳамагӣ 96 сафҳаро фаро мегирад ва мазмуни саҳифаи охири аз бурида шудани матн шаҳодат медиҳад, муҳаққиқон бар он назаранд, ки қисмати боқимонда гум шудааст. Бо ин ҳама он бахши китоб, ки дар дасти мост, хеле нуқтаҳои ҷолибро перомони ин хонавода, усули корбарӣ дар ин салтанат, муносибатҳои дохилӣ ва байналмиллӣ, масоили иҷтимоиву иқтисодӣ, фарҳанги мардумӣ, ҳаёти занони дарбор ва ғайра равшан мекунад. Таърихи Афғонистон, Ҳиндустон ва Покистон дар садаи XVI бидуни ошноӣ бо ин китоби арзишманд нотамом хоҳад буд. Кобулу Лохур, Дехливу Агра ва шаҳрҳои зиёди дигар, ҳатто Кӯлоб низ, ки ҳукумати онро Хумоюнподшоҳ ба дасти Мирзо Комрон супорида буд, дар ин асар макони зист ва баргузории ҳодисаву воқеоти асосӣ қарор гирифтаанд.

Дар бораи хонаводаи Темуриёни Ҳинд осори зиёде рӯи кор омада ва “Бобурнома”-и Заҳириддини Бобур, “Акбарнома”-ву “Оини Акбарӣ”-и Абулфазли Алломӣ аз намунаҳои ин осоранд, ки аҳамияти бузурги адабиву таърихӣ доранд. Аммо таърихномаи Гулбаданбегим, аз назари мавзӯву шакл ва забону сабқ ҷойгоҳи хос дорад, бахусус ки муаллифи он шахсияти истисноӣ - зани фозилаест аз дарбори Темуриёни Ҳинд бо салиқа ва қарибҳои беназир.

Доктор Лукмон Бойматов бо истинод ба Холида Офтоб қайд мекунад, ки “Хумоюннома” ё “Аҳволи Хумоюн” шояд аввалин ва дар айни ҳол охири асари таърихӣ бошад, ки дар тӯли чандин садсолаи адабиёти форсӣ тавассути як зани муаррих ба арсаи вучуд омадааст ва агар бигӯем, ки ин гуна шохкори адабӣ ва таърихӣ, ки падидоварандаи он як нафар зан бошад, дар адабиёти соири забонҳои ҷаҳон монандӣ надорад, шояд ин ҳам ғалат набошад” ва дар посух ба нуқтае, ки арз шудааст, менависад, ки “Гуфтаҳои хонум...дар мавриди аҳамияти “Хумоюннома”-и Гулбаданбегим дуруст аст. Вале дар мавриди беназирии он дар адабиёти ҷаҳон бояд тасҳеҳ намуд. Адабиёти ҷаҳон то замони тасҳеҳи “Хумоюннома” бо муаллифи зан ошно буд. Чунончи, Анна Комнена (1080-1148 м.), духтари императори Руми шарқӣ аз силсилаи Комненҳо роҷеъ ба даврони ҳукмронии падараш китоби бисёр муҳимро таҳти унвони “Алексид”, яъне “Китоби Алексимис” таълиф намуда буд” [4, с.18].

Воқеан, ин санад хеле ҷолиб аст ва дар идомаи ин баҳс бояд тавзеҳ дод, ки пас аз “Хумоюннома” низ ба забони форсии тоҷикӣ ду асари дигари адабиву таърихӣ аз ҷониби суҳанварони зан таълиф шудааст, ки яке “Таърихномаи Ардалон”-и шоир ва олими тавоно Мастураи Курдистонӣ (1805-1852) ва дигар “Таърихи муҳочирон”-и бонуи суҳанвар Дилшоди Барно (1800-1907) мебошад ва ҳарду низ осори хеле ҷолибу муҳиманд.

“Хумоюннома” асари ёддошти буда, дар он хотираҳои муаллифи асар ва ҳикмати мухталифе, ки ӯ дар бораи муҳорибаҳо, пирӯзиву шикастҳо, чашну сурҳо, сайру шикорҳо ва ҳаёти хонаводагии аҳли дарбор чамъ кардааст, бидуни риояи низомӣ солшуморӣ ҷой дода шудааст. Дар он симои Бобур, ҳучумҳои ӯ ба Самарқанд ва шаҳрҳои дигар, аҳволи аҳли

хонаводаи ӯ, модару хоҳараш, хешовандон Бойсангур-мирзо ва Масъуд-мирзо, Султон Ҳусайн Бойқаро ва Султон Маҳмудхон, ҳамсарон Ойиша-бегим, Моҳим-бегим, Дилдор-бегим, фарзандони онҳо инъикос ёфта, дар чараёни асар сифот ва сарнавишти онҳо ба қалам дода мешаванд.

Гулбаданбегим бо камоли эҳтиром дар бораи падараш Заҳириддини Бобур навишта, ӯро бо ибороти “фирдавсмеконӣ”, “чаннатошноӣ”, “ҳазрати соҳибқиронӣ”, “ҳазрати подшоҳ-бобом” ва ғайра ёд мекунад, шахси ӯро ҳамчун подшоҳи ботадбир ва соҳибназару соҳибқаромат ба қалам дода, намоди мардиву мардонагӣ ва мурувват мешуморад. Чунончи, соҳибтадбир будани ӯро он ҳикоят собит мекунад, ки дар яке аз муҳорибаҳо аз ҷониби Қосим Ҳусайн-мирзо кӯмак мерасад ва “ҳазратро аз истимои ин хабар хушҳолии кулӣ рӯй намуд. Фармуданд, ки чӣ миқдор кас ҳамроҳ дорад? Чун таҳқиқ намуданд, сӣ-чиҳил савор буд, филҳол ҳазор савори мусаллаҳ ва мукамал ними шаб фиристоданд, ки ҳамон шаб ҳамроҳ шуда омаданд, то мардуми ғаним ва бегона донанд, ки кӯмак омада расид ва бақувват омад” [5, с.17].

Дар бораи ободгариву бунёдкорихоӣ подшоҳ низ ҳарфҳои таҳсиномез ва шоиста зиёд аст. Дар баробари ин маълум мешавад, ки подшоҳ як нафарест соҳибҳиммат ва ба қавли хеш устувор. Ҳангоми бино кардани боғ ва ҳавз ӯ қавл медиҳад, ки ҳар гоҳ, ки ҳавз тайёр шуд, бо шароб пур хоҳад кард. Аммо чун аз шароб даст кашидаву тавба карда буд, онро бо оби лимӯ пур мекунад.

Дар мавриди эҳтироми ӯ нисбат ба занон тасвири як лаҳзае аз истиқболи Моҳим-бегим шаҳодат медиҳад, ки подшоҳ аз масофаи хеле дур пиёда ба пешвози ҳамсараш мебарояд ва ӯро барои аз асп фаромадан иҷозат надода, худ рикоби аспро гирифта то манзил меояд.

Муҳаббат ба фарзандон ва хусусан ба Ҳумоюн шахсияти Заҳириддин Бобурро чун падари ғамгусор нишон медиҳад. Вақте Ҳумоюн бемор мешавад, ӯ дуо мекунад, ки “Худоё, агар ба ивази ҷон ҷон мубаддал шавад, ман, ки Бобурам, умру ҷони худро ба Ҳумоюн бахшидам” [5, с.21]. Аҷобат ин аст, ки худи ҳамон рӯз подшоҳ мариш мешавад ва баъди ду-се моҳ реҳлат менамояд, аммо Ҳумоюн сиҳат шуда, салтанатро ба даст мегирад.

Гулбадан гоҳ-гоҳ аз аҷобатҳои дигаре низ ёдовар мешавад, ки шахсиятҳои фавқулода будани қаҳрамонҳои ӯро собит мекунад. Чунончи, дар хоби Ҳумоюн-подшоҳ пешгӯӣ шудани таваллуди Чалолиддин Муҳаммад Акбарподшоҳ, дар хоб дидани таваллуди духтаре бо номи Бахтнисобегим, баъди дуои бади Ҳумоюн кушта шудани Лавашбек ва амсоли ин. Ин ҳикоеҳои шавқовар аҳамияти бадеии асарро, бешак, афзун намудаанд. Масалан, қиссаи ғулуме, ки Бобурро аз ҳалокат начот дод ва бар ивази ҷунин некӣ подшоҳ ӯро ду рӯз дар тахти шоҳӣ нишонда зимомӣ ҳукуматро ба дасти ӯ вогузор намуд. Ё қиссаи дуздада шудани лаълҳои Ҳамида бегим ва ёфтани дуздон, қиссаи ҳомиладорӣ бардурӯғи Мевачон ва мисли ин ҳикоеҳои дилнишине ба чашм мерасанд, ки чанбаи бадеии асарро нерӯманд кардаанд.

Нависанда иғвоҳои дохилидарбориро низ сарфи назар накардааст, чунончи, ба Бобур подшоҳ заҳр хӯронидани волидаи Султон Иброҳим ё худ бо таҳриқи Тархон-бика ном зани айёрае мактуби ошиқӣ навиштани Мирзо Комрон ва ба ғазаби Бегим гирифтӣ шудани ӯ - ин ҳама аз хусумат, рашку ҳасад ва мансабталошии аҳли дарбор сахнахоеро пешорӯи хонанда боз менамоянд.

Дар таърихномаи Гулбаданбегим иттилои фаровоне оид ба расму оини подшоҳони хонаводаи Бобур, фарҳанги мардумии манотиқи Ҳиндустону Афғонистон дарҷ ёфтааст. Муаллиф дар бораи бисёр масъалаҳо чунон муфассал ва бо ҷузъиёту санадҳои зиёд сухан меронад, ки хонанда аз ҳофизаи беназири ӯ дар хайрат менамояд. Чунончи, дар бораи мукофоту ҳадяҳои шоҳона менависад, ки “ба ҳафт ҳазор одам хилъат ҳадя карданд”, “Панҷ занҷир фил доданд”, “чокарони зиёди ҳабашиву турку урус бахшиданд”, “тӯқуз-тӯқуз либосҳои зарбофт, ҷавохироте аз дурру лаълу марвориду зумурраду забарҷад ва ҳоказо доданд” ва дар баробари ин аз баъзе усулҳои ҷазо низ дар замони худ хабар медиҳад. Масалан, Бобур подшоҳ баъд аз зафар дар яке аз шаҳрҳои Ҳиндустон “мардуми онро қатли ом кард”, “даҳ ҳазор касро ба оби шӯр андохт”, “ба чашми ду нафари ёғӣ мил кашиданд”, “одамони подшоҳро кушонид”, “ба ҳарду чашми Мирзо Комрон мил кашиданд” ва ғайра.

Инъикоси фарҳанги мардумӣ, расму оини маҳалҳо, чашну сурхо ва тарзи гузаронидани ин маърақаҳо, ороиши хонаву боғҳо ва ғайра дар ин китоб метавонад заминаи арзишманде барои шинохти суннатҳои мардуми маҳал бошад. Чунончи, баъди вафот ёфтани Бобурподшоҳ, ки дар Ҳиндустон руҳ дод, мувофиқи расми ҳамин ҷо як нафар либоси сурх пӯшида, ба фил савор шуда, мунодӣ мекунад, ки “Бобурподшоҳ дарвеш шуданд ва подшоҳии худро ба Ҳумоюн подшоҳ доданд”.

Дар бораи баргузории чашни Наврӯз менависад, ки дар замони салтанати Ҳумоюнподшоҳ баъди Наврӯз ҳафтдаҳ рӯз ҳумоюни мекарданд, либосҳои сабз мепӯшиданд ва сӣ-чиҳил

духтарро хукм мешуд, ки либосҳои сабз пӯшида ба куҳро бароянд.

Ҳикояти ба сайри кӯҳ баромадани аҳли рикоб ва тамошои ревоҷ дар он чо низ як қиссаи ҷолибест. Маълум мешавад, ки дар ин гуна сайрҳо гӯяндагону навозандагон низ ҳамроҳ будаанд. Чунончи, Хониш-огоча, Зарифи Гӯянда, Сарви Сихиву Шохим-ого раҳораҳ охиста-охиста нақш мехонданд. Ин нукта гувоҳи он аст, ки номи шахсиятҳои воқеӣ, бехтарин намоёндогони аҳли ҳунари замон, ки дар кавкабаи шоҳ қарор доштанд, ба “Хумоюннома” ворид шудаанд ва ин ахбор метавонад фазои фарҳангии замони мазкурро инъикос намояд.

Дар бораи тарҳи хонаҳо ва таҷҳизоти онҳо низ аз ин асар метавон иттилои фаровоне ба даст овард. Чунончи, Гулбаданбегим, дар бораи хонаи Талсим сухан ронда, болохонаҳои онро хеле муфассал тасвир менамояд: дар болохонаи аввал, ки “Хонаи давлат” ном дошт, анвои яроқ нигоҳ дошта мешуд, дар ҳучраи дигар - “Хонаи саодат” ҷойнамоз, китобҳо, қаламдонҳо, чузвдонҳо, тасвирҳо ва хатҳои зебо ҷой дода шуда буд, дар хонаи севум - “Хонаи мурод” асбоби айшу тараб гузошта буданд. Ҷолиб он аст, ки нависанда дар бораи хонаҳо, анвои яроқ, сару либос, расму оин, тарзи ҷойгир намудани меҳмонон дар базмҳо, тартиби мулозимат, ҳадяҳо, анвоъ ва миқдори онҳо дар базму сурҳо маълумоти хеле муфассал медиҳад ва ин ҳама аз донишу фазилат ва ҳофизаи камназири муаллифи асар дарак медиҳад.

Тасвири лаҳзаҳои ҷудоғона ва ҷузъиёту ҳикояти мухталиф барои офаридани симои Бобурподшоҳ, Хумоюнподшоҳ, Моҳимбегим, Мирзо Ҳиндал, Мирзо Комрон ва чанд нафари дигар мусоидат намудаанд. Дар баробари ин симои муаллифи асар низ аз маҷмӯи воқеаву ҳодисот ва нақлу ривоеъ падида меояд. Аз аввалин ҷумлаҳои асар маълум мешавад, ки ин таърихнома бо супориши подшоҳ таълиф шудааст ва дар замони реҳлати Бобур подшоҳ Гулбадан ҳамагӣ ҳашт сол доштааст, бинобар ин камтар воқеоте аз зиндагии ӯ дар хотир мондааст. Аз идомаи асар маълум мешавад, ки Моҳим бегим, ки ҳамсари нахустини Бобур буд, Гулбаданро аз синни дусолагӣ ба манзили худ бурда ва то даҳсолагӣ - то замони вафоташ бо камоли меҳр парвариш намудааст. Дар шашсолагӣ ҳамроҳи Моҳимбегим Гулбадан аз Кобул ба Ҳинд меояд ва падар ӯро хеле навозиш мекунад, ки ин лаҳза барои ӯ хеле муассир будааст: “Ҳазрат пурсиши бисёре намуданд, замоне дар бағал нишонда ва ин ҳақирро дар он асно он қадар хушҳолӣ рӯй намуд, ки мазиде бар он мутасаввир набошад” [5, с.19]. Баъд аз марги Бобурподшоҳ ва Моҳимбегим, Хумоюнподшоҳ пайваста Гулбаданро ҳолпурсӣ мекард ва ба ӯ ғамхорӣ зоҳир менамуд. Ба қавли муаллиф, “Ғараз ки ҳазрати подшоҳ хотирҷӯии ин шикастаро баъд аз вафоти подшоҳбобом ва оком бо чунин иноят мекарданд ва шафқати беҳад дар бораи ин бечора мефармуданд, ки ятимӣ ва бесарии худро надонистам” [5, с.26]. Гулбаданбегим ҳар гоҳ дар бораи Хумоюн нависад, бо камоли эҳтирому муҳаббати хос номи ӯро ба қалам медиҳад ва бехтарин тавсифҳоро дар ҳаққи ӯ истифода мебарад.

Аз матни таърихнома чунин бармеояд, ки муаллифи асар дар дарбор ва миёни аҳли дарбор соҳибэҳтиром будааст. Масалан, вақте подшоҳ ҳамроҳи бародарон таом мехӯрд, суханони Гулбаданбегимро, ки дар Лоҳур гуфта буд, “орзу дорам, ки ҳамаи бародаронро якҷо бубинам”, ба хотир меорад ва ин нуктаро Гулбаданбегим бо камоли ифтихор ва шодмонӣ дар асари худ ёд мекунад. Ҳамчунин гуфтаҳои подшоҳ, ки “Гулбадан, ман туро бисёр ёд мекардам ва гоҳе пушаймон шуда мегуфтам, ки кошки ҳамроҳ меовардам”, маълум аст, ки агар аз як тараф, далели муҳаббати махсуси подшоҳ нисбат ба ӯ бошад, аз ҷониби дигар, мояи ифтихору сарфарозии муаллифи асар аст.

Аз сафаҳоти охири асар маълум мешавад, ки Гулбаданбегим издивоҷ карда ва соҳиби писаре бо номи Саодатёр шудааст. Чунончи менависад, ки “Ҳазрати подшоҳ ба дидани Боғи Нораҷ рафтанд ва аксари ҳарамон ҳамроҳ буданд. Писари ман Саодатёр дар ин рӯзҳо бемор буд, бинобар он ман натавонистам рафт” [5, с.92]. Ҷои дигар низ аз марги қаҳрамононаи Мирзо Ҳиндал бо ҳазор афсӯсу надомат ёд карда менависад, ки “намедонам, ки кадом золиме, бераҳме он ҷавони камозорро бо теғи зулм бечон карда, кошки ба дилу дидаи ман, ё Саодатёр- писари ман, ё ба Хизрхоҷагон (шавҳари Гулбадан – М.М.) он теғи бедареғ мерасид” [5, с.94].

Албатта, тарҷумаи ҳоли мукаммали Гулбаданро аз ин асар наметавон пайдо кард, аммо аз ҷузъиёти мавҷуда баъзе нукоти муҳими биографии ӯро ошкор мекунем. Гузашта аз ин, ҷаҳонбинии нависанда, муносибати ӯ нисбат ба ашхос ва он воқеаву ҳодисоте, ки дар борашон сухан меронад, аз тавсифҳо ва эҳсосҳои муаллиф, ки дар батни матн нухфтааст, маълум мешавад.

Яке аз мавзӯҳои меҳварие, ки дар “Хумоюннома” ба мушоҳида меояд, тасвири ҳаёти занони дарбори Бобур ва Хумоюн мебошад. Нахуст, он нукта қобили тавачҷӯҳ аст, ки аксари занони дарбори Теҳриёни Ҳинд соҳиби истеъдоди баланди фитрӣ буданд ва аксари онҳо ҳунари шоирӣ ҳам доштанд. Салима бегим, ки бо таҳаллуси Махфӣ шеър мегуфт, Гулруҳбегим, ки бо номи Гулҷеҳрабегим иштихор дршт, Нурҷаҳонбегим, Ҷаҳоноробегим, Зебуннисобегим ва дигарон ҳама аз аҳли фазлу дониш буданд. Бонувоне, ки дар дарбори

подшоҳ буданд, ҳама таҳсилдида ва бо чандин ҳунар ораста ва дар дарбор сохиби эҳтиром ва ҷойгоҳи хос буданд. Дар маъракаву базмҳои подшоҳӣ аз тарафи дасти рости чапи подшоҳ ҳар кадоми онҳо ҷои худро доштанд. Аксари онҳо дар муҳити маънавии ҳубе парвариш ёфта ва сохсоҳибмаслиҳат буданд. Масалан, ба қавли Гулбадан, “Меҳрангезбегим – либоси мардона мепӯшиданд ва ба анвои ҳунарҳо ораста, ҳамчун зеҳирӣ, тарошӣ, чавгонбозӣ, тирандозӣ ва аксари созҳо менавохтанд” [5, с.32] Ба якчанд ҳазор кас додани аспу яроқ аз ҷониби Бегим, пас аз марги Бобур ҳамарӯза ба аҳли мазор додани таом аз ҷониби ҳамсари ӯ Моҳим бегим (ҳар сабоҳ як гову ду гӯсфанд ва панҷ буз ва бегоҳ панҷ буз дар давоми дуним соли, ки бегим дар қайди ҳаёт буд) – ин аснод далели он аст, ки занҳои ин даргоҳ на танҳо ҳунарманду соҳибдавлат, балки соҳибҳиммат низ буданд.

Яке аз вежагиҳои “Ҳумоюннома” дар он зоҳир мешавад, ки бо вучуди мухтасаргӯӣ ва воқеапардозӣ муаллиф хеле бо назокат суҳан меронад, дар матни асар ибораву мақолҳои халқӣ, қитъаҳои шеърӣ, тавсифу ташбеҳҳо ва анвои дигари саноеи бадеӣ фаровон ба қор рафтаанд. Дар матни ин асари таърихӣ ду пораи шеърӣ ба ҷашм расид, ки аз роҷ будани шеъри форсӣ-тоҷикӣ ва истифодаи он аз ҷониби салотину аҳли дарбор шаҳодат медиҳад. Яке рӯби зерин аст, ки аз забони Ҳумоюн-подшоҳ омадааст:

*Дар оина гарчи худнамоӣ бошад,
Пайваста зи ҳеитан ҷудой бошад.
Худро ба мисоли гайр дидан аҷаб аст,
Ин булҷабӣ кори худой бошад.*

Ва дигар ду мисраъ ба муносибати марги Мирзо Ҳиндал, ки Гулбаданбегим бо ҳасрати бузург ба забон меорад:

*Эй дарего, эй дарего, эй дарег,
Офтобам шуд ниҳон дар зери мег.*

Гоҳе дар матн сачъҳои зебо низ ба қор рафтаанд. Масалан: “То қай интизор медиҳӣ? Монеи омадан қист ва боиси таваққуф қист?” [5, с.51], “Оре, ба қасе хоҳам расид, ки дасти ман ба гиребони ӯ бирасад, на он ки ба қасе бирасам, ки дасти ман медонам, ба домани ӯ нарасад.” [5, с.53], “дар мақоми интиқом” [5, с.5], “аз доираи ҳалолнамакӣ баромада, ба доираи ҳаромнамакӣ даромад” [5, с.59].

Ташбеҳ низ забони асарро хеле муассир ва ширин намудааст. Чунончи, дар тасвири ошноии Ҳумоюн подшоҳ ва шоҳ Таҳмосп гуфтааст: “оиноӣ ва якҷиҳати он ду подшоҳи олимақом монанди ду мағз дар як нӯсти бодом қарор ёфт” [5,69] ё ки ташбеҳҳои дигаре мисли: “монанди маҳҷуре, ки ташиқи об бошад”, “модару писар монанди Исо ва Марям” [5, с.20] дар хотир нақши мебаранд. Мақолҳо ва гуфторҳои “бозгардад ба асли худ ҳама чиз” (5,24), “рахнагари мулк сарафканда беҳ” (5,96), “Ҳости илоҳӣ чунин буд” [5, с.90], “узри бадтар аз гуноҳ” [5, с.38], “Садқай сари ҳазрат, балки садқай як тори мӯи ҳазрат” ва амсоли ин низ ба забони асар лутфу назокати хос мебахшанд.

Тавсиф дар матн зиёд нест, вале аксари тавсифҳои мавриди қорбурди муаллиф аз муносибати ровӣ ба ашхос ва воқеот дарак медиҳад: “қўрботини гарданишкастаи золими ситамқори бадбахти тобқор”, “золими бераҳм”, “ҷавони камозор”, “золими бародаркуши бегонапарвари бераҳм”, “лашқари зафарасар”, “ҳазрати фариштахисол”, “забони дурафишон” ва ғайра.

Саноеи дигаре низ чун истиораву ташхис дар ибороти “теги зулм”, “дару девор гиряву фиғон мекард” ба қор рафтаанд.

Забони “Ҳумоюннома” аз забони муқаррарии насри асри ХУI бо баъзе хусусиятҳои фарқ мекунад. Аввал ин ки он хеле содаву табиӣ бидуни такаллуфоту тавсифҳои пурмуболиға аст. Дигар, ин асар намоёнгари ҷойгоҳи шоистаи забони тоҷикӣ ва эътибори он дар замони ҳукмронии Темуриёни Ҳинд аст. Ҳатто унвони маҳалҳо, мисли *Боги Наврӯзӣ*, *Боги Зарафишон*, *Боги Гулафишон*, *Хонаи Давлат*, *Хонаи Саодат*, *Хонаи Давлат* ва ғайра ба ин нукта шаҳодат медиҳанд. Иваз шудани номи баъзе маҳалҳо дар Ҳинд дар замони ҳукмронии хонадони Бобур, масалан, *Фатҳпур* ба ҷои *Сикарӣ*, *таваҷҷух* ба номҳои зебои тоҷикӣ, мисли *Гулҷеҳрабегим*, *Гулруҳбегим*, *Гулбаданбегим*, *Хонзодабегим*, *Дилдорбегим*, *Гулрангбегим*, *Давлатбахтбегим*, *Меҳрангезбегим* ва ғайра, истифодаи ашъори форсӣ-тоҷикӣ аз эътибори ин забон ва фазои фарҳангии дарбори Темуриёни Ҳинд гувоҳӣ медиҳад.

Дар матни асар баъзе калимаву ибороти ғайримаъмулии “ӯро ташиқи шуд”, “истода шуда дарёбед”, “ҳалолнамак”, “оком”, “оқочонам”, “ҳазрати подшоҳ бобом” ва ғайра низ фаровон ба

назар мерасанд, ки нишоне аз вежагиҳои хоси забони мардум дар он замон ва макон ҳастанд.

Як нуктаи қобили тавачҷуҳ ин аст, ки муаллиф вақте дар бораи худ сухан меронад, ибороти “ин ҳақир”, “ин шикаста” ва мисли инҳоро истифода мебарад. Вақте ҳикояте меорад ё воқеаеро бозгӯ менамояд, маъмулан бо вожаи “*гараз*” онро ҷамъбаст мекунад, яъне меҳодад аз ҳар гуфта ва ё нақли худ ҳикматеро берун кашад, ки ин ҳам аз вежагиҳои тарзи ниғориши асар аст.

Чунин ба мушоҳида омад, ки дар “Хумоюннома” вақте дар бораи аҳли дарбор ва он қасоне, ки аз назари муаллиф соҳиби эҳтироманд, сухан меравад, шакли ҷамъи шахси сеюми феъл ба қор меравад, мисли “қарданд”, “гуфтанд”, “рафтанд”, аммо дар мавриди муҳолифин, шакли танҳои шахси сеюм истифода мешавад: “қард”, “гуфт”, “рафт”.

Вежагиҳои дигари забони асар истифодаи калимоти туркӣ аст, мисли *кӯрмиш*, *сочиқ*, *тӯқуз-тӯқуз* ва ҳоказо.

Дар мавриди сабки “Хумоюннома” доктор Л. Бойматов қомилан дуруст қайд мекунад, ки ин асар “яке аз беҳтарин намунаҳои насри он рӯзгор буда, ба забони гӯё ва равои шеваи форсии тоҷикӣ таълиф шудааст ва оғӣ аз ҳар гуна тасаннӯву такаллуф аст” [4, с.22]. Дар баробари ин бо истинод аз доктор Маҳди Ғурӯӣ баъзе вежагиҳои забони асар, аз ҷумла навоқиси он таъкид мешавад, мисли: *ҷамъ бастанӣ мо, шумо ва худ*: моён, шумоён, худҳо; *дарёфтани* ба маънои пазироӣ ва истиқбол; *шикам доштани* – ба ҷои обастан будан; *гир* ба ҷои муҳосира; *бандӣ* – муҳосира шудан; *рехт* – хучум; *зӯр қардан* – мусаллат шудан; *тӯрхона* – пашшабанд; *шӯр* – шӯриш; *яғона* дар муқобили *бегона* ва амсоли ин [4, с.22].

Бо ин ҳама, ба назари мо, дар маҷмуъ забони асар хеле ширину шево, нуктаҳо ҳадафрас, баён мухтастар ва муъҷаз аст.

Дар ниҳоят метавон, ба ҳулосае расид, ки “Хумоюннома” асари таърихӣ арзишманди бонии суханвар ва фозилаи камназири садаи ХУI буда, як ҷаҳон маълумоти муфидро дар бораи замони зиндагии худ ва кишварҳое, ки дар он ҷо будааст, дар ихтиёри хонандагон волегузорад ва ин асари пурбор, ба фикри мо, ба далели муҳаббат ва арҷгузорию, ки соҳиби он ба забони тоҷикӣ доштааст, бояд дар Тоҷикистон низ интишор ёбад.

АДАБИЁТ

1. Абулқосим Муҳташами Шарвонӣ Бхуполӣ. Аҳтари тобон. Муқаддима, тасҳеҳ ва таълиқоти Муҳаммади Хушқоб.-Техрон, 1393-324 с.
2. Алиакбар Мушӣри Салимӣ. Занони суханвар.-Техрон, 1335, дафтари дувум, 110 с.
3. Алимардонов А. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. -Душанбе, Ҷ.1., 1988, 364 с.
4. Бойматов Л. “Хумоюннома”-и Гулбаданбегим/ Китоби сол. Тарих ва ҷуғрофия/ Озар, 1377, С. 18-21
5. Гулбаданбегим бинти Бобурподшоҳ. Хумоюннома. Ба эҳтимоми Аннет С. Бевирич – Лондон, 1902
6. Деххудо, Алиакбар. Луғатнома. -Техрон: Донишгоҳи Техрон, 1373, ҷ. 11, с. - 16946.
7. Кишоварзи Садр. Заноне, ки ба порсӣ шеър гуфтаанд. Аз Робиа то Парвин, Техрон, 1324, с. 190
8. Маликулқутуби Шерозӣ. Тазкират-ул-хавотин. Таҳияи матн ва муқаддимаи Нуруллоева Мухлиса.- Хучанд: Хурӯсон, 2018.- 232 с.
9. Могаи Раҳмонӣ. Парданишинони сухангӯӣ. -Қобул, 1331 – 36 с.
10. Пулотов Н.Н. Гулбаданбегим ва мероси илмиву адабии ӯ// Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. /Бахши филологӣ/. 2018. №8, Қисми I. С.116-121.
11. Раҷабӣ Муҳаммадхасан. Машоҳири занони эронӣ ва порсигӯӣ. –Техрон, 1374, - 97с.
12. Сафо, Забехуллоҳ. Таърихи адабиёт дар Эрон. Техрон, ҷ. 5, с. 1572
13. Шайх Аҳмадхони Синдилавӣ. Махзан-ул-ғаройб.- Исломобод, 1371, ҷ.3, - 750 с.

«ХУМОЮННОМА» И ЕГО ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена исследованию историко-литературного наследия дочери Бабур Гулбаданбегим и охватывает ее воспоминания об истории семейства тимуридов от Захириддина Бабур, его сына Хумоюна и до внука Акбара. В ней анализируется не только тематика, обычаи и традиции эпохи Бабур, поездки царя и его придворных, но и художественное своеобразие, средства выразительности, стилевые и языковые особенности. Автор приходит к выводу о том, что “Хумоюннаме” является важным историческо-художественным произведением, принадлежащем перу неординарной ученой-литератором ХУI века и предоставляет множество интересного материала об эпохе автора, личностях и странах, в которых была автор.

Ключевые слова: Гулбаданбегим, Хумоюн, историческое произведение, воспоминания, выразительные средства, стиль, язык.

«HUMOYUNNOMA» AND ITS HISTORICAL AND LITERARY SIGNIFICANCE

The article is devoted to the study of the historical and literary heritage of Babur's daughter Gulbadanbegim and covers her reminiscences of the history of Timurid's family from

Zakhiriddin Babur, his son Khumoyun and to his grandson Akbar. It analyzes not only the themes, customs and traditions of the Babur era, the trips of the king and his courtiers, but also the artistic originality, means of expression, style and language features. The author comes to the conclusion that Humoyunnoma is an important historical and artistic work, which belongs to the pen of an extraordinary scientist - a writer of the 16th century and provides a lot of interesting material about of the author's epoch, personalities and the countries she visited.

Keywords: *Gulbadanbegim, Humoyun, historical work, reminiscences, expressive means, style, language*

Сведения об авторе:

Мирзоюнус Матлуба (Ходжаева Матлуба Юнусовна) – доктор филологических наук, профессор Худжандский государственный университет им. академика Б.Гафурова. mathuba.khojaeva@gmail.com

About the autor:

Mirzoyunus Matluba (Khojaeva Matluba Yunusovna) – doctor philological sciences professor in Khujand State University mathuba.khojaeva@gmail.com

**ОБЪЕКТИВНЫЕ СЛОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ СЕКТОРА ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ
(КАК ПРИЧИНА АНАЛОГИЧНО КРИТИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ
ПРИСУТСТВИЯ КР В ЕАЭС)**

Панков В.В.

Кыргызско-Российский Славянский Университет

В современном мире происходит совершенно масштабная трансформация передаваемой при участии СМИ социальной информации. Абсолютное большинство авторов в настоящее время не видят специфику изменения контента подаваемой информации, концентрируя свое внимание на средствах передачи последней. Однако, как нам кажется, отказ от учета специфически меняющегося содержательного компонента является достаточно значимой методологической ошибкой. Значение аналитического аспекта в материалах СМИ даже в непростой период становления государственности справедливо отмечено в книге «История таджикской журналистики» [2, с.126-129].

Дело в том, что доминанта электронных версий СМИ над печатными изданиями радикальным образом меняет не только специфику избираемой информации (она-то как раз практически не претерпевает изменения, за исключением пока еще актуального аспекта социальных групп-потребителей подобного контента – вполне логично предположить, что через короткий отрезок времени, когда, как технические средства передачи и восприятия подобного типа информации, так и прикладные навыки ее потребления будут у абсолютного большинства), но и стиль и методику ее подачи, другими словами, изменения жанров журналистики.

Некоторое время назад основной блок информации доходил до обывателя через печатные СМИ и дублировался средствами теле- и радиовещания. Периодичность изданий и характер подачи самой информации не только технически позволял, но и предполагал, с одной стороны аналитическую обработку предлагаемого материала (статья, полноценное журналистское расследование), но и селективную составляющую, выраженную в обработке материала редакционными структурами, политической, лингвистической и нормативной цензурой, а также, косвенно, сравнительно слабой обратной связью с потребителями. Даже объемы печатающихся материалов, исчисляемые полосами печатных изданий, изначально предполагают выстраивание логической цепи ряда событий, освещаемых в качестве некоторого процесса.

Электронные СМИ, кроме собственно технических особенностей передачи информации, обладают еще одним чрезвычайно, на наш взгляд, важным отличительным параметром. Они мобильны. Во-первых, корреспондент гораздо плотнее сжат в сроках подачи информации. В эпоху онлайн- репортажей срок устаревания информационного блока объективно стремится к минимуму. Соответственно, подаваемая информация не анализируется автором, и очень часто подается в качестве фактической зарисовки субъективно оцениваемого события (заметка или очерк). Во-вторых, поскольку информационные блоки ориентированы, прежде всего, на новостные ленты, они чрезвычайно коротки, нередко сводятся к комментариям к иллюстративному материалу, т.е. к короткому репортажу, формат которого изначально не предполагает какой-либо аналитико-оценочной позиции, т.е. многообразие функций СМИ сводится к доминанте фактической эмоциональной информативности. В-третьих, в погоне за рейтингом своего издания (что особенно актуально на фоне учета количества масс-медиа источников) и под своеобразным прессингом фактора обратной связи, основное внимание уделяется степени эпатажности, экстравагантности, продиктованных

синоминутными социальными амбициями потенциальных заказчиков. Конечно, и сегодня есть некоторая цензура – в большинстве случаев, связанная с компьютерной фильтрацией ненормативной лексики, и штатная деятельность модераторов, формирующих переговорную площадку исключительно по своему субъективному усмотрению. Все вместе это складывается в изобилие предметных микровостей, отнюдь не формирующую у потребителя объективной картины.

Приведем для наглядности статистическую выборку по некоторым новостным электронным изданиям Кыргызстана за один день. На сайте «Кактус-Медиа» за 2 марта опубликовано 30 корреспондентских заметок. Из них 11 – публицистических очерков и 19 коротких репортажей. Из них только 8 достаточно условно можно отнести к социально-политическим, остальные (а это три четверти от общего числа) – сплетни шоубизнеса, разовые происшествия в городе и республике, наиболее эпатажные новости КР и т.д. [1]

На портале vesti.kg аналитика, правда, довольно обстоятельная, выходит в среднем раз в три дня[2], политические обзоры – 3 очерка за 2 марта[3], происшествия – 3 корреспондентских очерка за 2 марта[4].

Портал 24.kg за все тот же день – 2 марта – опубликовал 38 корреспондентских очерков, из которых 6 – по проблемам политики и общества, еще 3 можно отнести к вышеназванной группе, 5 репортажей, остальные (70%) – все тот же эпатаж (убийства, избиения, секс-скандалы, новости шоубизнеса)[5].

На этом фоне приемлемо выглядит только kloop.kg, где за 2 марта вышло 4 корреспондентских статьи, и всего 1 очерк, связанный с популистским скандалом, произошедшем 1 марта

Значение разъяснения посредством СМИ стратегических планов генезиса общества, многолетнего видения ситуации и готовность к игнорации несущественного, временного отмечено в послании Президента Республики Таджикистан (15 апреля 2009 г.) – Душанбе, 2009. – С. 85 [печ. по 1, с. 80]

Все бы оно ничего, если бы потребительская аудитория была подготовлена к рациональной аналитике в секторе получаемой информации. Однако, целый ряд факторов объективно этому противоречит. Здесь следует, говорить и об объективно низком уровне образования на всех уровнях образовательной системы, на сегодняшний день выпустившей, как минимум, три поколения постсоветского образовательного уровня, с так и непреодоленным инфантильно-предметным восприятием действительности. Не менее значимым фактором является и социальная среда, с фактическим отсутствием среднего класса, с большим процентом работников, задействованных в неинтеллектуальных сферах трудовой деятельности, с неустоявшимися социальными приоритетами. В Условиях Кыргызстана ситуация резко усугубляется низким процентом реально урбанизированной части общества, социальной стимуляцией к выражению недовольства и фактической профессиональной невостребованностью основной массы трудоспособного населения. Таким образом, определенно большая часть отечественного социума ориентирована не на критический анализ в полученной в доступ информации, а на поиск эмоционально составляющей с приоритетом на негативную оценочную позицию, что в свою очередь одновременно накладывается и стимулируется характерной для отечественной социальной ментальности, персонифицированной привязки любых событий. В итоге, происходит не коррекция со стороны СМИ общественных морали, ментальности, и оценочных позиций в пользу цивилизационно прогрессивных шагов и явлений, а взаимная стимуляция к поиску наиболее ярких, негативно окрашенных, и по возможности, привязанных к знаковым личностям событий. В этом случае электронные СМИ начинают выполнять скорее нигилистическую роль в информационно-воспитательном поле, нежели прогрессивную. СМИ вполне могли бы сегодня ориентировать социум на позитивное внедрение в целом, безусловно, не замалчивая, но давая соответствующую оценку явлений и процессов, тормозящих (либо купирующих) прогрессообразующие события и тенденции. Справедливо отмечает эту закономерность на примере демонстрации успехов в мирном гражданском строительстве в период Великой Отечественной Войны (т.е. на фоне острых новостей с театра военных действий, СМИ не забывали о необходимости ориентировки масс на поступательные цивилизационные действия) [3, с.74-75].

Здесь следует добавить, что в виду небольшого количества реальных новостей, погони за информацией определенно узкого сектора, на фоне изобилия электронных изданий и многократного повторения одной и той же информации, помноженной на многочисленные социальные сети, происходит тиражирование информации, в силу чего сколько-нибудь заметное новостное событие практически мгновенно превращается в информационный спам, что так же способствует нигилизации процесса ее восприятия. В заключении остается добавить несколько слов о том, насколько пагубна подобная тенденция воздействует на формирование позитивного общественного мнения относительно, объективно необходимых для страны реалий. Любому здравомыслящему человеку совершенно очевидно, что сколько-нибудь значимое усилие, ориентированное на достижение некоторой фактической цели, неизбежно влечет за собой необходимость чем-либо жертвовать во имя. Однако,

вышеозначенные тенденции формирования макросоциальной ментальной площадки, приводят к формированию фантома негативной оценки практически любых значимых шагов.

Так, например, совершенно очевидна необходимость участие Кыргызстана в интеграционных процессах регионального и мирового масштаба. Один из сценарных вариантов развития событий здесь, предложен в рамках событий участия Кыргызстана в ЕАЭС и ТС. Безусловно, очевидны как достоинства выбора данного вектора интеграции, так и набор объективных трудностей, вызовов и рисков, объективно возникающих при реализации подобных масштабных проектов.

Соответственно, вне зависимости от объективных достоинств и недостатков присутствия Кыргызстана в вышеозначенных геополитических союзах, в большинстве случаев мы сталкиваемся с иллюстративным материалом, свидетельствующим о разовых проблемах (в силу тиражирования начинающих выглядеть как объективные трудности отдельных индивидуумов что безусловно подрывает авторитет стратегических идей). Предлагаемые конкретные цифры экономической статистики, строящиеся на экспертном заключении узких специалистов остаются вне зоны внимания значительной части аудитории (как известно, математический анализ – явление абстрактное, а отечественная ментальность, как говорилось выше, строится на предметном восприятии) в силу чего не выглядят актуальными. Как ни парадоксально это звучит, но даже успехи геополитических соседей Кыргызстана, находящихся примерно в таких же стартовых условиях в формате состоявшейся отечественной социальной ментальности могут выглядеть неубедительно. Привязка внимания, как корреспондентов, так и информационных реципиентов к фактору личного участия складывает ошибочное ощущение неоправданно большого количества сложностей и проблем, формирующие имидж низкой рентабельности даже социально-значимых проектов.

Безусловно, не хотелось бы, чтобы технический прогресс, плоды которого, оказались в распоряжении СМИ воспринимался как некое объективное препятствие или катализатор негативных последствий формирования социальной рефлексии отечественного социума. Совершенно очевидно, как многочисленные достоинства, так и все расширяющиеся технические возможности данного сектора информационного поля. Однако, совершенно очевидно, что игнорирование естественным образом возникающих системных недостатков может направлять динамику развития информационного и новостного обеспечения общественных процессов в непредсказуемо отрицательный вектор эволюции социальной ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муллоев Ш.Б., Рахимов А.А. Современная таджикская журналистика. – Душанбе 2016. С.80
2. Салихов Н.Н., Муллоев Ш.Б. История таджикской журналистики. – Душанбе, 2014. С. 126-129
3. Муллоев Ш.Б. Жанрово-тематическое своеобразие таджикской публицистики времен Великой Отечественной Войны (1941-1945). – Душанбе, 2015. С.74-75

ОБЪЕКТИВНЫЕ СЛОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ СЕКТОРА ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ (КАК ПРИЧИНА АНАЛОГИЧНО КРИТИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ ПРИСУТСТВИЯ КР В ЕАЭС)

Статья посвящена некоторым из системных проблем, возникающих в ходе доминантной эксплуатации электронных версий СМИ. Рассматриваются некоторые вопросы специфики воздействия электронных СМИ на формирование ментальности социального поля, а также механизмов и их обратного влияния на селекцию подаваемой в новостных электронных лентах информации.

Распространение в настоящее время и массовая доступность электронных СМИ обуславливает актуальность предлагаемой статьи. Задачами настоящего исследования видится анализ системных недостатков и возникающих в связи с их наличием необходимых корректив в периодических электронных изданиях Кыргызской Республики.

Особое внимание уделено вопросам обратной связи и фактическому отсутствию цензуры материалов, что в сочетании со специфической ментальностью социальной среды формирует абсолютную доминанту фокусировки интересов, как корреспондентов, так и читателей вокруг предметного восприятия, зачастую несущественных, но ярких фактов в ущерб аналитической работе и исчезновению из поля внимания читательской среды глобальных событий и стратегически значимых обстоятельств.

Особую значимость вышеназванные факторы приобретают в процессе реакции населения и, как следствие, внимание СМИ на, безусловно, социально сложный процесс интеграции Кыргызстана в евразийское пространство.

Предлагаемые выводы концентрируются вокруг идеи более пристального внимания электронных СМИ к информационно-пропагандистскому и разъяснительному сектору деятельности и сокращению подаваемых в угоду маргинальных слоев общества эпатажирующих материалов.

Ключевые слова: СМИ; ментальность; евразийское пространство; жанр журналистики

OBJECTIVE DIFFICULTIES OF EXPANDING THE ELECTRONIC MEDIA SECTOR (AS A REASON FOR THE CRITICAL REFLECTION OF THE PRESENCE OF THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE EAEU)

The article is devoted to some of the systemic problems that arise during the dominant operation of electronic media versions. Some issues of the specifics of the impact of electronic media on the formation of the mentality of the social field, as well as mechanisms and their reverse influence on the selection of information provided in the news electronic feeds, are considered.

The current distribution and mass availability of electronic media determines the relevance of the proposed article. The objectives of this study are the analysis of systemic deficiencies and those arising due to their presence of the necessary corrections in periodic electronic publications of the Kyrgyz Republic.

Special attention is paid to the questions of feedback and the actual absence of censorship of materials, which, combined with the specific mentality of the social environment, forms the absolute dominant focus of the interests of both correspondents and readers around objective perception, often insignificant but vivid facts to the detriment of analytical work and disappearance from the field of attention. readership of global events and strategically significant circumstances.

The above factors are of particular importance in the process of the population's reaction and, as a result, the media's attention to the undoubtedly socially complex process of integrating Kyrgyzstan into the Eurasian space.

The proposed conclusions are centered around the idea of greater attention paid by electronic media to the outreach and explanatory sector of activities and the reduction of shocking materials to please the marginal segments of society.

Keywords: media; mentality; Eurasian space; journalism genre

Сведения об авторе:

Панков Виталий Вячеславович - кандидат педагогических наук, доцент.

Кыргызско-Российский Славянский Университет г. Бишкек, Кыргызская Республика. Ул. Абая 2а, кв.8, Первомайский район. Электронная почта pankov-vitaliy72@yandex.ru Тел: +996 550 712 783

About the autor:

Pankov Vitaly Vyacheslavovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Kyrgyz-Russian Slavic University Bishkek, Kyrgyz Republic. St. Abaya 2a, ap.8, Pervomaisky district. E-mail: pankov-vitaliy72@yandex.ru Phone: +996 550 712 783

УДК 2974037.22

«ҲАФТЯК»- «АЛИФБО»-И МАКТАБҲОИ КУҲНАИ МУСУЛМОНӢ

Эмомов А.

Донишқадаи исломии Тоҷикистон ба номи И. Аъзам

Маорифи исломӣ ва низоми омӯзиши донишҳои он, менависад Н.П. Остроумов, на танҳо дар таърихи тараққиёти тамаддуни Осиё, балки дар таърихи тамаддуни Аврупо низ ҷои намоёнро ишғол менамояд. Бинобар ин дар назари аввал ҷунин менамояд, ки таърихи мактаби мусулмонӣ ҳамчун пойгоҳи маорифи исломӣ кайҳо қор карда шуда, омӯхта шудааст, аммо дар асл, на танҳо дар адабиёти Аврупо, балки дар тамоми адабиёти мамлаки (мусулмони) Осиё низ ягон очерки муфассали таърихӣ аз хусуси пайдоиш ва тараққиёти ботадричи макотиб ва маорифи исломӣ вучуд надорад [7, с.113]. Аммо ин маънои онро надорад, ки дар хусуси мактабҳои мусулмонӣ ягон маълумот вучуд надошта бошад. Маълумотҳои пароканда вобаста ба муносибатҳои гуногун дар ин мавзӯ гуфта шудаанд, мутаассифона ин маълумотҳо, аввал ин ки, муназзаму мураттаб набуда, таърихи ба вучудойӣ ва тараққиёти макотиби исломиро ба пуррагӣ равшан намасозанд, дигар ин ки аксари ин маълумотҳо ба давраҳои исломи мутараққӣ рост омада, дар бораи пайдоиши аввалин мактабҳо ва мадрасаҳо ва ҷиғунагии барномаҳои таълимӣ ва тариқай тадрис дар онҳо ҷизе намеғоянд. Дар ҳар сурат мактабҳои мусулмонӣ ҳамчун талаботи ҳамонрӯзаи ҳаёти фарҳангии мардуми мусулмон зухур намуда, ин талаботро дар тӯли асрҳо қонеъ карда тавонистааст.

Аммо пеш аз он ки макотибу мадрасаҳо ба вучуд биёянд, нақши онҳоро масҷидҳо иҷро менамуданд. Қутайба ва он фотехоне, ки ӯро ҳамроҳӣ менамуданд, менависад Муҳаммад ас-Саллобӣ, дар даъвати мардум ба ислом ва берун кардани онҳо аз зулумоти қуфр ба нури ислом бисёр ҳарис буда, ҳуди Қутайба ба сохтани масҷидҳо дар шаҳрҳо ва деҳаҳо аҳамияти зиёд меод ва дар он ҷойҳо олимони фақихонро меғузошт, то мардумро тарбия намуда, ба онҳо

ислом таълим диханд. Дар он ҷое, ки Қутайба барои бинои масҷид амр менамуд, дар он ҷо танҳо бо омӯхтани аркони намоз маҳдуд нагардида, балки дар он ҳалқҳои таълими Қуръон ва аҳодиси набавӣ ташкил карда мешуданд, масҷидҳо ва олимоне, ки ин масҷидҳоро сарварӣ мекарданд, дар таълим додани забони арабӣ ба мардум нақши бузург доштанд.[9, с.47]

Ҳамин тариқ агар аввалин масҷид дар Мовароуннаҳр, ки пойтахташ шаҳри Бухоро буд, дар соли 713 мелодӣ сохта шуда бошад, таълими забони арабӣ ва Қуръон дар ин минтақа аз ҳамин вақт оғоз шудааст.

Мусаллам аст, ки аввалин муаллимон ва устодон аз ҷумлаи арабҳо буданд, аммо бо мурури андак вақт фарзандони болаёқати мардуми тоҷик забони арабиро аз худ намуда, дар бисёр соҳаҳо аз аксарияти мардуми араб пеш гузаштанд ва ҳатто муаллимон ва пешвоёни онҳо гардиданд. Фарзандони шарафманди ин мардум натавонанд аз соҳибони ин забон пеш гузаштанд, балки дар миқёси хилофат аввалин шуда дарсхонаҳоро аз масҷидҳо берун кашиданд ва барои онҳо биноҳои махсус бунёд намуданд.

Бендриков К.Е. аз хусуси мадрасаҳо сухан гуфта менависад: Мувофиқи шаҳодати сарчашмаҳо ҳанӯз дар соли 937 дар шаҳри Бухоро мадрасаи «Фараҷак» (Фарадоқек) вучуд дошт, ки дар назди он китобхонаи бузурге амал мекард ва академик В. В. Бартольд онро қадимтарин мадраса дар Шарқи Наздик донистааст.[3, с.14]

Олимони тавонои ин мардум макотиб ва мадрасаҳоро созмон дода, барномаҳои муносиб барои омӯзиши мазҳаби ҳанафӣ вазъ намуданд ва ҳатто барои осон сохтани омӯзиши баъзе илмҳои китобҳои мураттаб сохтанд. Яке аз чунин шохкориҳо мураттаб сохтани китоби «Ҳафтяк» барои мактабҳои ибтидоӣ ва миёнаи мусулмонӣ мебошад.

Аз он замон инчониб китоби дарсии аввалин дар мактабҳои кӯҳнаи мусулмонӣ китоби «Ҳафтяк» ба шумор рафта, он, гуфтан мумкин аст, вазифаи китоби алифборо иҷро менамуд. Мутассифона ҳамаи онҳое, ки дар бораи мактабҳои мусулмонӣ чизе навиштаанд аз он ҳамчун аз ҳафт як қисмати Қуръон ном бурдаанду ҳалос. Масалан, Ю. Абдуллоев, ки дар бораи методикаи омӯзиш дар макотиби кӯҳнаи мусулмонӣ очерки муфассале дорад, аз хусуси китоби «Ҳафтяк» чунин менависад: Китоби аввали таълими (дар мактабҳои кӯҳнаи мусулмонӣ) «Ҳафтяк» буд. Дар он баъзе сураҳои машҳур ва на он қадар кӯтоҳи Қуръон ҷамъоварӣ карда шудааст. Маънои калимаи форсии «Ҳафтяк» аз ҳафт як қисми (Қуръон) мебошад.[1, с.68] Муҳаққиқи дигар марҳум Қодир Рустамов «Ҳафтяк»-ро чунин тавсиф кардааст: «Ҳафтяк» дар системаи омӯхтани «Қуръон» аввалин китоби дарсӣ ба шумор мерафт. Вай аз ҷиҳати ҳаҷм аз ҳафт як қисми «Қуръон»-ро ташкил мекунад ва 13-14 сураи онро, ки аз ҷиҳати муҳимӣ (зарурати динӣ) ва барои азхудшавӣ нисбатан кӯтоҳу осон буданашон интихоб карда шуда буданд, дар бар мегирад.[8, с.63] Муҳаққиқони дигар низ аз қабиле Н. П. Остроумов, Г. М. Билолов ва дигарон низ аз ин бештар чизе нагуфтаанд. Ҳолонки ин китоби дар назари аввал ҳурдак муҳтавои хеле васеъ дошта, дар худ асрори зиёди нуҳуфта дорад.

Аввал ҳаминро бояд бигӯем, адади сураҳои ҳафтяк на ба он миқдор аст, ки Қодир Рустамов гуфтааст. Ӯ адади сураҳои «Ҳафтяк»-ро 13-14 гуфтааст, ки хатои маҳз аст. Адади сураҳои ҳафтяк бо шумули сураи «Фотиҳа» ба ҳафтод мерасад, ки аз ин шумор аксарияташро сураҳои маккӣ (яъне сураҳои, ки дар Макка нозил шудаанд) ташкил менамоянд.

Дигар ин ки, ин сураҳо аз ҷиҳати макони нузулашон аз ҳамдигар фарқ дошта, аз ҷиҳати вазифа ва аҳдоф низ онҳо аз якдигар тафовути зиёд доранд. Агар дар ибтидо баъзе сураҳо бидуни ягон муносибат, ҳамчун як барномаи хидояти башарӣ фиристода шуда бошанд ҳам, аксарияти мутлақи онҳо асбоби нузули худро дошта, барои ҳал, равшану возеҳ кардани мушкилӣ ва ё қазияе дар ҳаёти мусулмонон фиристода шуда буданд. Аксарияти сураҳои маккӣ кӯтоҳ буда, даъват ба дин ва якҷаҳудӣ, боварӣ ба Худованди яқто ва фиристодаи Ӯ, тарс аз азоби дузах, даъват ба иҷрои амалҳои ҳаррӯза, ки барои мусулмон зарур ва ҳатмӣ буда, имонашро қавӣ мегардонад, даъват ба риояи одоби ахлоқи мусулмонӣ, некию нақӯкорӣ ва монанди инҳо мебошад.

Бинобар ин интихоби сураҳои китоби «Ҳафтяк» танҳо ба хоҳири кӯтоҳӣ ва осонии ҳифз карданашон набуда, балки ҳадафҳои муайяни эътиқодӣ доштанд. Бе донишони онҳо ташаккули эътиқодии як нафар мусулмон аз имкон берун буд. Бо хондану ҳифз намудани сураҳои маккӣ хонанда қадам ба қадам ва марҳила ба марҳила ҳамроҳи интишори ислом қадам мезанад ва инкишоф меёбад ва гӯё ҳодисаҳои аҳди аввали исломро аз сар гузаронида, аз ҷиҳати эътиқодӣ обу тоб меёбад ва тараққӣ мекунад. Бинобар ин шояд ҳадафи ба китоби «Ҳафтяк» ворид намудани сураҳои, ки дар аввали аҳди интишори ислом нозил шуда буданд, маҳз ҳамин буда, осонии ҳифзи онҳо дар ҷои дуюм истад.

Вақте ки кас ба навиштаҳои муҳаққиқони таърихи ислом ва қуръоншиносӣ ошно мегардад, мебинад, ки китоби «Ҳафтяк» як чизи сахлу сода набуда, танҳо ба хоҳири осон кардани қори бачаҳо не, балки он аз барномаи таълимии Пайғамбарамон(с) маншаъ мегарифтааст. Бояд

бигӯем, ки муҳаққиқони соҳаи мазкур Куръонро ба чор қисмат чудо намудаанд: «ас-Сабъ ат-тивол» (Ҳафт сураи дароз), «ал-Мийн» (Сураҳое, ҳар қадам қариб 100 ояро дар бар мегиранд), «ал-Масонӣ» (Сураҳое, адади ояҳояш аз 100 камтар аст), ва дар охир гурӯҳи сураҳое, ки бо номи «ал-Муфассал» ва ё «ал-Муҳкам» машхуранд.[12, с.129-130]

Пеш аз он ки афзалияту бузургии қисмати «ал-Муфассал»-ро бо тафсил шарҳ диҳем, бояд бигӯем, «ал-Муфассал» ин «Ҳафтяк»-и имрӯзаи мост.

Пайғамбар(с) дар мавриди сураҳои чузъи «ал-Муфассал» чунин гуфтаанд: «Маро тафзил доданд (афзал донистанд) ба «ал-Муфассал», яъне дар баробари ин ё ба мисли ин ҳеч пайғамбари соҳибкитобро чизе надоданд».[13, с.104]

Вобаста ба ҳамин яке аз муҳаққиқони таърихи Куръон, доктор Исом ибни Солиҳ ал-Увайд, узви ҳайати уламои Донишгоҳи ал-Имом Муҳаммад ибни Сауди Арабистони Саудӣ дар бораи ҷӣ гуна оғоз намудан ба таълими Куръон ва сураҳои он дар истинод ба ҳадисҳои Пайғамбар(с) ва гуфтаҳои саҳобагон киrom бо шунавандагонии худ ба тариқи саволу ҷавоб баҳси доманадоре дорад, ки ҳаҷми мақола барои овардани он имкон намедихад.

Барномаи Пайғамбар (с) дар таълими Куръон барои ёронаш чунин буд, ки пеш аз таълими аҳком имонро таълим меод. Ва ин қоида дар назди **салафи солеҳ** хангоми таълими «Илми Раббонӣ» хеле машхур буд. Ҳар гоҳ мардумро таълим меоданд, пеш аз илмҳои бузург илмҳои хурдро таълим меоданд. Бинобар ин дар боби «Таълими ислом пеш аз аҳком» осори машхуре то ба мо омада расидааст.

Инро гузаштагонии солиҳи мо хуб дарк намуда буданд. Аз ин сабаб (саҳобагон) амр менамуданд, ки он (Куръон) ба он тарзе таълим дода шавад, ки ботадрич нозил гардидааст ва ононро, ки зидди чунин ақидаанд, зинҳор доданд.

Таълим гирифтани он ботадрич рӯхро барои қабули оятҳое, ки баъд аз оёти аввал дар бораи шариат ва ҳалолу ҳаром меояд, омода месозад. Ҷӣ хеле ки Имом Бухорӣ дар «Саҳеҳ»-и худ гуфтаеро аз Оиша(р)-модари муъминон меорад, ки гуфтааст: «Ба дурустӣ аввалин сурае, ки дар қисмати муфассал нозил шудааст, дар он зикри чаннату дӯзах аст. Чун мардум ба ислом рӯ оварданд, аҳкоми ҳалолу ҳаром фуруд омад. Зеро агар ояти аввал фурудомада «май нанӯшед» мегуфт, онҳо мегуфтанд, ки мо шаробхӯриро тарк нахоҳем кард ва агар аввалин оят мегуфт, ки «зино накунед», мегуфтанд, ки мо зиноро тарк нахоҳем кард. Балки чунин оят фуруд омад:

وَالسَّاعَةُ أَذْهَى وَأَمَّا الْقَمَرُ - ٤٦ ﴿

«Ва қиёмат саҳттару талхтар аст», ки он дар Макка буда, ман он гоҳ духтарчаи хурд будаму бозӣ мекардам. Ва ҳамин тавр вақте сураҳои «Бақара»-ю «Нисо» фуруд омаданд, ман дар назди Пайғамбари Худо будам».

Агар ҷавоби саҳобагон чунин мегардида бошад, пас аз соири дигари уммати исломӣ хангоми оғоз кардани даъват бо чунин калимаҳо: «Май нанӯшед, зино накунед, инро накунед, онро накунед ҷӣ гуна ҷавобро интизор шудан мумкин мебуд?».[10, с.76]

Гузашта аз ин китоби «Мухтасару-л-виқоя», ки барои ҳанафимазҳабон зинаи аввалин ва ҷиддӣ дар омӯзиши фикҳи исломӣ барои донишҷӯёни мадориси улуми исломӣ ба шумор меравад, барои қисмати сураҳои «ал-Муфассал»-и Куръон, ки китоби «Ҳафтяк» аз ин сураҳо тартиб ёфтааст, аҷри бузург қоиладар буда, дар намозҳои панҷвақта хондани сураҳоро танҳо аз ин қисмат афзал доништааст: Дар намозҳои пагоҳӣ ва нимирузӣ хондани сураҳои дароз аз «ал-Муфассал», дар намози асру хуфтан хондани сураҳои миёнаҳаҷми он ва дар намози шом хондани сураҳои кӯтоҳи ин қисмат афзал доништа шудааст».[6, с.16]

Ҳамаи ин гувоҳи он аст, ки ба ин шакл тартиб дода шудани китоби «Ҳафтяк» кори ихтиёрӣ ва бесабаб набуда, дар асоси ҳадису ривоятҳо ва дастуру фармудаҳои Пайғамбар(с) ва ёронаш будааст, ки онҳо ҳамагӣ аз ин мактаб гузашта, Куръонро ба ҳамин тартибу низом азбар мекардаанд ва ин тартиб аз ҳикматҳои фазилатҳои ҳамагӣ набудааст. Агар ҳамин тавр бошад, пас китоби «Ҳафтяк», ки уламои Бухоро дар вақташ тартиб дода буданд, на танҳо алифбо барои омӯхтани ҳуруфоти арабӣ, балки алифбои имонӣ ва эътиқодии мардуми ҳанафимазҳаб низ ба шумор мерафтааст.

Пас ҷавонони имрӯзаро мебояд, ки маърифати динии худро афзун созанд, зеро ислом як чузъи фарҳанги мардуми мо буда, тамоми ҷабҳаҳои ҳаёти иҷтимоию ахлоқии мо бо он марбут аст ва аз он сарчашма мегирад. Барои он ки дар ҳаёти ҳаррӯзаи худ ба иштибоҳҳои фаҳмидаю нафаҳмида роҳ надихем, моро мебояд, ки дини худро ба таври бояду шояд омӯзем, зеро дин ахлоқ аст ва дин насиҳат аст.

АДАБИЁТ

1. Абдуллоев Ю. Очерки по методике обучения в узбекской школе. Монография. / Ю.Абдуллоев. - Ташкент: Издат. Учитель, 1966. – 171 с.
2. Абдурраззоқ, ал-Мусаннаф. ҷ.3. Монография. / Абдурраззоқ. Бе сана ва ҷои нашр.

3. Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. Монография. / К. Е. Бендриков. - Москва, 1960. - 512 с.
4. Бокизода, Мухаммадшариф. Тафсири навини Қуръони карим, ҷ.1. Воситаи таълимӣ / Мухаммадшариф Бокизода.- Лохур, 2011. - 863 с.
5. Ибни Аъробӣ. Муъҷам (Маҷмуаи ҳадисҳо), ҳадиси 2143. (151/5). Воситаи таълимӣ / Ибни Аъробӣ. Бе сана ва ҷои нашр. -1306 с.
6. Мухтасару-л-виқоя/ (Мухтасари ал-виқоя). Китоби дарсӣ/ Мухтасару-л-виқоя (бе муаллиф) Бе сана ва ҷои нашр. - 328 с.
7. Н.П. Остроумов. Мусулманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае. /Остроумов Н. П.// Журналь Министерства народного просвещения. Новая серия. ч.1. -С.-Петербург, 1906. – С.113-167.
8. Рустамов Қодир. Таърихи методикаи таълими забони тоҷикӣ дар мактаб. Монография. / Қ. Рустамов. - Душанбе, 2001. - 280 с.
9. ас-Саллобӣ, Алӣ Мухаммад. Ад-Давла ал-Уммавия. Ҷ.1. Монография. / Алӣ Мухаммад ас- Саллобӣ. - Фустот, 2005. – 783 с.
10. ал-Увайд, Исам Солеҳ Мухаммад. Фанну-т- тадаббур фи-л-Қуръони –л карим. Воситаи таълимӣ/ Исом Солеҳ Мухаммад ал-Увайд,- ар-Риёз, 1431 ҳ. - 76 с.
11. ал-Ғатови ал-қубро ҷ.1. (Большая антология фетв). Воситаи таълимӣ. / Бе муаллиф. Бе сана ва ҷои нашр. - 381 с.
12. Худжати, Сайид Мухаммад Бақир. Исследование по истории Корана. Монография./ Перевод с фарси доктора филологических наук Таджиддина Мардони. / Сайид Мухаммад Бақир Худжати. - М.: Издательство «Истоқ», 2011. – 352.
13. Хучҷатӣ, Сайид Мухаммад Боқир. Пажӯҳише дар таърихи Қуръони карим. Монография. / Сайид Мухаммад Боқир Хучҷатӣ. -Техрон, 1392 ҳ.шамсӣ. - 628 с.

“ХАФТЯК” – АЗБУКА МУСУЛЬМАНСКИХ ШКОЛ

Одной из первых книг в начальных классах мусульманских школ – медресе Хорасана и Мавераннахра являлась седьмая часть Священного Корана, которая известна под названием “Хафтяк”. Одной из главных функций этой книги было обучение маленьких учащихся в начальных классах медресе чтению и письму, то есть она, действительно, служила для них азбукой и играла, как говорят ныне, роль “моей первой книжки”.

Статья дает краткое представление о свойствах и задачах “Хафтяк”, его роли и месте в системе образования средневековых мусульманских школ, которые существовали не только в городах и крупных центрах, но и в больших и малых селениях по всей Средней Азии.

Ключевые слова: ислам, медресе, “Хафтяк”, образование, наука, чтение, письмо.

“KHAFTYAK” – THE ABC OF MUSLIMS SCHOOLS

One of the first books in the primary classes of the muslims scyools Khoroson madrasah and Movarounahr was the seventh part of the Holy auran which is known by the name of Khaftyak.

One of the main functions of this book was the teaching of young students in the primery madrasah classes in reading and writing, that it is really served them the ABC and played as thei say naw, the role of “My first book”.

The article gives a brief over view of the properties and takes of its role and plasein the educations sistem. In medieval muslim schools thet existed not only in cities and major centres but also in larg and small villages throughout Central Asia.

Keywords: Islam, madrasah, “Khaftyak”, education, sciens, reding, writing.

Сведения об авторе:

Эмомов А.С. – кандидат филолагических наук, доцент кафедры арабского языка и литературы Таджикского исламского института им. Имама Аъзама Абуханифы. Адрес: Таджикистан, Душанбе, ул.Шодмонӣ -58/1. Тел. (+992) 372-224-13079. Факс: 221-96-88. E-mail: islamtaj@mail.ru

About the author:

Emomov A.S. – Dr. of sciens (Philological Sciece). Department of Arabic language and Literature of Tajik Islamic Institute by name Imami Azam Abuhanifa. Address: Tajikistan, Dushanbe, Shodmoni Str. 58/1. Phone: (+992) 372-224-13079. Fax: 221-96-88. E-mail: islamtaj@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ВСТАВОК В «МИСБАХ-УЛ-ХИДАЯ ВА МИФТАХ-УЛ-КИФАЯ» ИЗЗУДДИНА КАШАНИ И «АВАРИФ АЛ-МА'АРИФ» ШИХАБУДДИНА СУХРАВАРДИ

Мансурова З.А.

Худжандский государственный университет им. ак. Б. Гафурова

«Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Махмуда Кашани (ум. в 735 х./1335 г.) - один из ценных памятников суфийской персидско-таджикской прозы конца XIII и начала XIV вв. Это произведение фактически является художественным переводом «Авариф ал-ма'ариф» Шихабуддина Сухраварди.

В данной статье изложены результаты сопоставительного анализа использования стихотворных вставок в «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Махмуда Кашани и «Авариф ал-ма'ариф» Сухраварди. Для проведения сопоставительного анализа произведений, автор статьи использовала следующие источники:

1. Оригинал «Авариф ал-ма'ариф» в двух томах на арабском языке. Первый том (Аль-джузъ аль-авваль) издан под редакцией доктора Ахмада Абдуррахима ас-Сайяха издательством Библиотеки исламской культуры (Мактаба ас-Сакафа ад-динийя) в Каире в 2006 году. Второй том произведения (Аль-джузъ ас-сани) издан под редакцией Абдулхалима Махмуда издательством «Дар-уль-ма'ариф» в Каире в 2000 году. В предисловии отмечается, что данная редакция книги «Авариф ал-ма'ариф» «была подготовлена на основе издания, выпущенного в 613 году хиджры» [4, предисловие].

2. «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Махмуда Кашани на персидском языке, изданный под редакцией Иффата Карбаси и доктора Мухаммада Риза Барзгар Халики, издательством «Национальной библиотеки Ирана» в Тегеране в 1969 г.

«Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Махмуда Кашани на персидском языке, изданный под редакцией и с дополнительными комментариями Джалалуддина Хумай издательством «Сухун» в Тегеране в 1394 х./1974г. В предисловии от редактора сказано, что для подготовки книги были использованы три рукописи, датируемые 749 х./1348г., первой половиной восьмого и началом девятого века хиджры и рукописью, «предположительно относящейся ко времени жизни автора» [9, с.110; 113; 117].

Исламская культура оказала огромное влияние на развитие персидско-таджикской литературы. Как отмечается в трудах Брагинского И.С, Бертельса А.Е. и других великих исследователей Востока, персидско-таджикские поэты начали перенимать из арабской литературы отдельные декоративные элементы речи, поэтические жанры и правила метрики (аруз) – рифмы.

Под влиянием ислама в Средней Азии появилось и получило быстрое развитие множество суфийских течений. Большинство представителей суфизма были великими учеными, литераторами, философами, политиками, поэтами и писателями. Иззуддин Кашани также является представителем одного из суфийских орденов (*тарикатов*) того времени – Сухравардия. Основателем этого ордена был Шихабуддин Сухраварди (годы жизни). Философия суфизма стала вдохновением для таких великих деятелей литературы как Санаи (1081-1141), Газали (1058-1111), Фарид-ад-дин Аттар (1145 - 1229), Низами Гянджеви (1141-1209), Джалаладдин Руми (1207-1273), Абдурахман Джамии (1414-1492), Саади (ум.1293), Хафиз (1315-1390), Омар Хайям (1048-1131) и других.

Стихотворные вставки использовались представителями персидско-таджикской литературы в прозаических произведениях для придания тексту красноречивости и утонченности. Например, произведения великого Саади (ум.1293) «Розовый сад» (*Гулистан*) и «Плодовый сад» (*Бустан*) представляют собой яркий пример прозаического произведения, украшенного стихотворными вставками, рассказами и притчами. Писатель ненавязчиво, в интересной форме дает назидание читателю быть великодушным, добрым, гуманным и мудрым.

Шихабуддин Сухраварди и Иззуддин Кашани также использовали в исследуемых произведениях стихотворные вставки, которые придали стилистике повествования авторов утонченность и своеобразность.

При сравнении использования стихотворных вставок в «Авариф ал-ма'ариф» и «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» наблюдается следующая общность: оба автора при цитировании стихов иногда дают ссылку на имя поэта, а некоторые стихи приводят в тексте без имени автора, либо приводят имя человека, который прочитал эти стихи в ходе какого-либо собрания или встречи. Например, в двух главах «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддин Кашани ссылается на арабскую поэтессу Рабию. В шестой главе «О поведении (*адаб*)» и в десятой главе «О состояниях (*халат*) и заключении (*хатм*)» перед цитированием стихов Иззуддин Кашани пишет: «И правдиво сказала Рабиа Адвийя в этом смысле. Стих:...

أَتَى جَعَلْتِكَ فِي الْفُؤَادِ مَحَدَّتِي
 وَ إِحْثَ جِسْمِي مَنْ أَرَادَ جُلُوسِي
 فَالْجِسْمُ مِنِّي لِلْجَلِيسِ مُؤَانِسٌ
 وَ حَبِيبٌ قَلْبِي فِي الْفُؤَادِ أَنِيسِي
 [10, 183, 294].

«Поистине, я поместила тебя в своём сердце, мой собеседник,
 Тот, кто хочет встречи со мной, моё тело очищено,
 Мое тело для собеседника полно дружелюбия,
 Возлюбленный моего сердца [только] в сердце, мой друг».

В оригинале произведения - «Авариф ал-ма'ариф» Шихабуддин Сухраварди также перед данной стихотворной вставкой указывает имя поэтессы Рабии в одиннадцатой главе «Пояснения о состояниях одиночества (*мутаджаррид*) и семейности (*мутаахиль*) суфия, их правильности и целях» и в шестьдесят первой главе «Об учении состояний (*ахваль*) и пояснения к ним» [3, 19]; [4, 305]. Примечательно, что в обоих произведениях данная стихотворная вставка использована два раза с указанием имени поэтессы.

Основываясь на указания Иззуддина Кашани на авторов стихотворных вставок, можно выделить следующие имена поэтов:

- Ибрахим Хаввас (четыре бейта)
- Абульхасан Нури (три бейта)
- Джунайд Багдади (три бейта)
- Рабиа (шесть бейтов)
- Равим (четыре бейта)
- Имам Шафи'и (три бейта)
- Шибли (шесть бейтов)
- Маджнун (один бейт)
- Абдуллах Ансари (три бейта)

Рассмотрим стихотворную вставку без цитирования имени поэта. Например, при использовании следующей стихотворной вставки в десятой главе «О состояниях (*ахваль*)» «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддин Кашани не дает ссылку на имя поэта:

أَنَا مَنْ أَهْوَى وَ مَنْ أَهْوَى أَنَا نَحْنُ حُجْرَانٌ خَلَلْنَا بَدَنًا
 فَإِذَا أَبْصَرْتَنِي أَبْصَرْتَهُ وَ إِذَا أَبْصَرْتَهُ أَبْطَرْتَهُ [10, 283]

«Я тот, который вниз упал, и тот, кто вниз упал, тот - я!
 Мы две души, что растворились в телах наших,
 Увидеть сможешь ты его, если помотришь на меня,
 И если глянешь на него, увидешь сможешь в нём меня».

Эта же стихотворная вставка встречается в «Авариф ал-ма'ариф» также без ссылки на автора.

При сопоставлении использованных стихотворных вставок в «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» и «Авариф ал-ма'ариф» автором статьи кроме общностей было выявлено несколько различий:

1. Использование стихотворных вставок на арабском и персидском языке.

Иззуддин Кашани в своем произведении использовал в качестве вставок не только арабские, но и персидские стихи. Количество персидских стихов насчитывает восемь бейтов и одну строчку (*мисра'*). Как отмечает Хумаи в предисловии «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая»: «большая часть этих бейтов взята автором из «Хадикат аль-хакаик» Санай и его касыд...» [9, с.58].

2. Количество использованных стихотворных вставок.

Иззуддин Кашани использовал в «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» в два раза больше стихов, чем Шихабуддин Сухраварди в «Авариф ал-ма'ариф». Итого, в «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» использованы 92 (девяносто две) стихотворные вставки на арабском языке и 8 (восемь) стихотворных вставок на персидском языке. Для сравнения, в «Авариф ал-ма'ариф» Шихабуддин Сухраварди использовал всего 43 (сорок три) стихотворных вставок и все они на арабском языке.

3. Сосредоточенность стихотворных вставок в одной из частей произведения.

В тексте «Авариф ал-ма'ариф» стихотворные вставки использованы реже, и большая их часть приведена в последних главах произведения. В книге есть некоторые главы без стихотворных вставок и, в которых цитируются только коранические аяты, хадисы и повествования (*риваят*). Что же касается «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая», Иззуддин Кашани использует стихотворные вставки в каждой главе, что уподобляет их жемчужинам, рассыпанным опытной рукой писателя по

океану текста произведения.

«Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Махмуда Кашани, в действительности, является образцом персидско-таджикской прозы и мастерски выполненным художественным переводом. Автор не только смог детально донести смысл оригинального произведения «Авариф ал-ма'ариф» Шихабуддина Сухраварди, но и сделал это в столь изящной и искусной форме художественной прозы, которая наглядно демонстрирует степень его мастерства красноречия. Использование большого количества стихотворных вставок на арабском и персидском языках придает стилистике повествования «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» уникальность и обособленность. Более того, в произведении освещены актуальные вопросы этики ученика и учителя, правила поведения с гостями и другие, которые могут быть применены в воспитании подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Али-заде. Исламский энциклопедический словарь. Серия: Золотой фонд исламской мысли. М.: Ансар, 2007 г. – 400 с.
2. 'Абд ал-Хусайн Зарринкуб. Ценность суфийского наследия/ Пер. с. Перс. С примеч. М. Махшулова/ Под ред. А.А. Хисматулина. -СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012.- 304 с.;
3. «Авариф ал-ма'ариф», том 1 (Аль-джуз аль-авваль), под редакцией доктора Ахмада Абдурахима ас-Сайяха, издательство Библиотеки исламской культуры (Мактаба ас-Сакафа ад-динийя), Каир, 2006 г. (на араб.яз.) – 303 с.;
4. «Авариф ал-ма'ариф», том 2 (Аль-джуз ас-сани), под редакцией Абдульхалима Махмуда, издательство Доруль-ма'ариф, Каир, 2000 г. (на араб.яз.) – 340 с.;
5. Ахроров Ф.М. Религиозно-мистические воззрения Шихабуддина Абухафса Умара Сухраварди на основе его трактата «Авариф-ал-ма'ариф», диссер. ТПУ им.С.Айни, Душанбе, 2012 г.
6. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь: В 2 т. Ок. 100 000 слов и словосочетаний. - 12-е изд., стер.- М.: Живой язык, 2008 г.
7. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965.- 528с.
8. Брагинский И.С. Избранные работы. Из истории персидской и таджикской литературы.- М.: Наука, 1972 г. – 525 с.
9. «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Махмуда Кашани под редакцией и с дополнительными комментариями Джалалуддина Хумани, издательство «Сухун», Тегеран, 1394 х. (на перс.яз.) – 574 с.;
10. «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Махмуда Кашани, ред. и комментарии Иффат Карбоси и доктора Мухаммада Риза Барзгар Халики, Техран 1969 г. (на перс.яз.) – 656 с.;

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ВСТАВОК В «МИСБАХ-УЛ-ХИДАЯ ВА МИФТАХ-УЛ-КИФАЯ» ИЗЗУДДИНА КАШАНИ И «АВАРИФ АЛ-МА'АРИФ» ШИХАБУДДИНА СУХРАВАРДИ

В статье рассматриваются стихотворные вставки, использованные в памятнике персидско-таджикской суфийской прозы «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Кашани. Отмечается, что «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» является художественным переводом «Авариф ал-ма'ариф» Шихабуддина Сухраварди и приводятся результаты сопоставительного анализа стихотворных вставок, использованных в оригинале и в переводе. В результате проведенного сопоставительного анализа выведены общности и различия в использовании стихотворных вставок в «Мисбах-ул-хидая ва мифтах-ул-кифая» Иззуддина Кашани и «Авариф ал-ма'ариф» Шихабуддина Сухраварди.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, Сухраварди, Мисбах-ул-хидая, Иззуддин Кашани, Авариф-ал-маариф, суфизм, суфийская литература, стихотворная вставка.

COMPERATIVE ANALYSES OF POETIC INSERTIONS IN “MISBAH-UL-HIDAYA VA MIFTAH-UL-KIFAYA” OF ‘IZZUDDIN MAHMUD KASHANI AND “AVARIF AL-MA’ARIF” OF SHIHABUDDIN SUHRAVARDI

The article presents analyses of poetic inserts in monument of Persian-Tajik Sufi proze “Misbah-ul-hidaya va miftah-ul-kifaya” which author is Izzuddin Mahmud Kashani. It is noted that “Misbah-ul-hidaya va miftah-ul-kifaya” is literary translation of “Avarif al-ma’arif” of Shihabuddin Suhravardi and the results of comparative analyses between poetic inserts in original and “Misbah-ul-hidaya va miftah-ul-kifaya” have been given. On the bases of received results author defines common characteristics and differences in using of poetic inserts in “Misbah-ul-hidaya va miftah-ul-kifaya” of Izzuddin Kashani and “Avarif al-ma’arif” of Shihabuddin Suhravardi.

Keywords: comparative analyses, Suhravardi, Misbah-ul-hidaya, Avarif al-ma'arif, Izzuddin Kashani, Sufism, Sufism literature, poetic insert.

Сведения об авторе:

Мансурова З.А. - Факультет восточных языков кафедра арабской филологии

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЭПОХА ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКОЙ И ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Галимова М.

Таджикский государственный институт культуры и искусств им. М. Турсунзаде

Литературные взаимосвязи играют огромную роль в развитии мышления и мировоззрения, также эстетического восприятия и взаимовлияния народов. В развитии взаимосвязей России и Востока огромное значение имело введение в российских университетах преподавания персидского и арабского языков (1804). Таким образом, среди общества распространяются сведения о быте и обычаях Востока. Восточные предметы, одежда начинают входить в жизнь русского дворянства. Доказательством этого является послание Пушкина «Орлову»:

В бухарской шапке и в халате

Я буду петь моих богов [1, с. 86].

В свое время академик Уваров высоко оценивая восточную поэзию отметил, что только трудом можно освоить «гения Востока во всем его великолепии» [2, с.11]

К литературе Востока проявлял заметный интерес и Н. М. Карамзин. Доказательством этого является сборник его переводов «Пантеон иностранной словесности», который был напечатан в 1798 году в одной из частных московских типографий. Задумывался Карамзиным «Пантеон» как издание периодическое, что-то вроде журнала и состоял из трех томов. В свет вышло всего два его выпуска. Второй представлял переработку первого и появился только через двадцать лет, в 1818 году. Предназначал ее писатель тем, «которые не читают иностранных книг (имеется в виду на иностранных языках), но имеют вкус и любят чтение», как сказано в предисловии к первому выпуску «Пантеона» [3, с. 22], считая, что преследует в своей работе благородную цель просвещения. Есть тут переводы из Торквато Тассо, Годвина и Гёте, Бюффона и Руссо, сочинения американского мыслителя XVIII века Бенджамина Франклина. Имеются переводы восточной литературы с европейских «посредников», так как Карамзин не был знатоком восточных языков. В частности, это были переводы из произведений Саади. Прозаический пересказ начала первой главы «Бустона» явился первым переводом в «Пантеоне». Озаглавил Карамзин его как «Последние слова Козроэса-Парвиса (Хосров Парвиз), сказанные им сыну своему». Саади в этой главе «Бустона» призывает правителей быть мудрыми и справедливыми, и в переводе Карамзина его слова звучат следующим образом: «Счастье твое (правитель, царь) должно состоять единственно в счастий твоих подданных. Первая добродетель для монарха - есть справедливость... Ты (царь) не будешь в изобилии, когда подданные твои в недостатке». Карамзин, указывая на источник цитаты «Персидскую книгу «Бустон», сочинённую поэтом Саади», не учел, что перевод текстуально довольно далек от оригинала, хотя суть и дух оригинала в принципе схвачены, верно [3, с.22]. К этому времени на русском престоле царил молодой воспитанник Карамзина - император Павел. С ним определенная часть передовой русской интеллигенции связывала надежды на прогрессивные перемены в стране, поэтому Карамзин не случайно выбирает в «Бустоне» строки, способные послужить наставлением для монарха. Саади, известный в Европе уже с начала XVIII века, в своих «увещеваниях» царям часто высказывал мысли, близкие к просветительской теории «просвещенной монархии» - что общество может избавиться от многих пороков и недостатков, если монарх, его возглавляющий, будет просвещенным человеком, «философом на троне».

Но Павел изначально был необузданным, мрачным и злобным правителем, на что были направлены Карамзиным слова из «Бустона»: «Не будь излишне страшен, ибо от страха недалеко ненависть, ужасное состояние Владетеля, окруженного целым народом неприятелей», и дальше: «Царь неправедный - бич для людей, какая ужасная судьба!» Можно сказать, что писатель предугадал несчастную будущность правления Павла, убитого заговорщиками [3, с.23]. Есть еще одна цитата из «Бустона» в первом томе «Пантеона», в которой обоснована польза уединения, способствующего размышлениям о вечном, о смысле жизни, ошибочно приписанная Саади в европейских переводах XVII-XVIII века притча, которая была сделана с засоренных персидских текстов. Это история о Гаруне-ар Рашиде (Аарон Рашид у Карамзина), и сто визирей Музаффара. На вопрос визиря, зачем тот открывает множество школ, ведь просвещение порождает неповиновение подданных, и даже его, могущественного визиря, поступки стали обсуждаться народом с тех пор, как было «введено просвещение», калиф ответил одним словом: «Понимаю», - и вышел прочь. Притча, приписываемая

Саади, была взята Карамзиным предположительно из книги переводов из «Гулистана», сделанных Сент-Ламбером [3, с.24].

Карамзин поместил целый нравоучительный раздел «Мысли восточных мудрецов» во вторую книгу «Пантеона», который был сформирован на основе «Восточной библиотеки» Д'Эрбло. Много «восточных» афоризмов, взятых Карамзиным из трудов французского востоковеда XVIII века, принадлежали Саади.

Известное изречение из «Гулистана» «Человек, ведомый надеждою, путешествует с нищетою» так же принадлежит Саади.

Во втором издании «Пантеона» было добавлено несколько отрывков из арабской поэзии, перевод драмы «Шакунтала» (Саконтала - у Карамзина) древнеиндийского поэта Калидасы, впервые переложенной с санскрита в Европе У. Джонсом.

Так называемые «восточные повести» явились еще одним каналом проникновения Востока в литературу России. Переводы сказок «1001 ночи» сыграли в этом ознакомительном процессе большую роль. Начали они печататься с 1763 года. Затем последовали переводы многочисленных подражаний. Интенсивность объясняется ещё и тем, что русское дворянство конца XVIII века было в значительной степени франкоязычным.

Проникновение «восточной повести» и галломания стали одной из «болезней» русского светского общества конца XVIII века.

С Францией Россию связывали активные культурные контакты, и приобщение осуществлялось посредством французской литературы. Становились известны в России и произведения немецких и английских писателей в переводах с французского языка.

С 1763 года по 1798 год книга «1001 ночь» в переводе Антуана Галлана была выпущена в двух разных переводах (А.Филатьева и Е. Лемимирского). В эти же годы двумя изданиями вышло «Продолжение «1005 ночи»» Д. Шзви и Ж. Казотта. Стало известно не менее шести изданий сборников Тамоса-Симона Геллета, в том числе «Тысяча и один час» и «Тысяча и одна четверть часа».

Название «Тысяча и одна...» имело продолжение и на русской почве. В Петербурге в 1778 году вышла книга «Тысяча и одна песня, для удовольствия песенников и песенниц исходит в свет» Там же в 1778/79 гг. вышли четыре тома русского перевода «Тысячи и одного дня» Пети де ла Круа. Переводчиком этих томов был широко известный в то время автор романа «Славянские древности, или приключения славянских князей» Михаил Иванович Попов (1742-1790) [7, с.112-113].

В европейской литературе XVIII века термин «восточная повесть» употреблялся в нескольких значениях:

- переведенные с восточных языков произведения сказочного характера, например, многотомный сборник «Тысяча и одна ночь», изданный во Франции в 1704-1717 гг.;
- подражания восточным повестям и сказкам;
- просветительские повести сатирического содержания, в которых восточный колорит носил условный, маскировочный характер.

К последнему типу произведений во Франции принадлежали «Персидские письма» Монтескье, «Нескромные сокровища» Дидро, «Задиг» и «Принцесса Вавилонская» Вольтера и ряд других.

С 50-х годов XVIII века до 20-х годов XIX века «Восточные повести», сказки и сборники сказок издавались и переиздавались в России на протяжении почти семидесяти лет. Под названием «Восточные повести» существовали и подлинно восточные произведения (как сказки «1001 ночи»), и подделки, и даже произведения, ничего общего с Востоком не имевшие, но все они пользовались большой популярностью у читателей.

С уверенностью можно сказать, что с «восточной повестью» связаны имена М.Хераскова, И.Крылова, П.Львова, А.Бенитцкого, А.Измайлова. Ф.Глинки. А также с большим интересом «Восточную повесть» и Н.Новиков, и Н.Карамзин печатали в своих журналах. Родиной переводов «восточной повести» является Франция.

Во французской литературе в конце XVIII века начались оживлённые поиски сюжетов нового литературного материала, началась борьба с канонами классицизма, что определило в связи с этим обращение к фольклору (сказки Ш.Перро), и, что самое главное, был подготовлен интерес к восточному фольклору.

«Восточная» литература в Россию вошла произведениями более ранней эпохи, дошедшей через Византию. Это и новые переводы истинно восточного фольклора, переводы французских подделок и модной ориентальной литературы и, наконец, оригинальные произведения, появившиеся в журналах сразу же заявили о себе как тенденциозный жанр. Под «восточной повестью» понимается малой или средней жанровой формы (повесть, новелла, притча) прозаическое произведение на восточную тему в её дореалистическом осмыслении [4, с.3-4].

Традиция противопоставлять испорченную цивилизацию Запада «естественности» жизни Востока получила распространение во всех европейских странах, которые к тому времени были охвачены идеями

просветительства. Обращение к Востоку было определено поисками совершенных форм государственной жизни, которые всегда рисовались как формы «восточные». Обогатившись образом восточного жителя, «восточная повесть» вошла со своих мировоззренческих позиций судящим в европейскую действительность. К какой бы разновидности ни относились «восточные повести», они в России были призваны не только развлекать, но и решать определённые нравственно-философские или политико-сатирические задачи. Занимательность часто подменялась назидательностью, сосуществовала с ней, а сама восточная тема разрабатывалась недостаточно. Входя в круг интересов читателей окольными путями, она имела во многом несамостоятельный характер. «Восточные» принцы и принцессы, разбойники и калифы, несчастные любовники и стойкие аскеты были связаны с Востоком разве что именами, нарядами, некоторыми чертами быта [4, с.11].

Как было отмечено, «восточные повести» делятся на ряд разновидностей, групп. «восточные повести» первой группы составляют литературные волшебные сказки на восточную тему трансформировавшихся в авантюрно-галантные произведения. Вторая группа «восточных повестей» - это просветительские, социально-политические и философско-нравоучительные произведения. И особую группу составляют масонские «восточные повести», идейная содержательность которых не всегда согласуется с просветительским мировоззрением [4, с.8].

Следует отметить, что в процессе развития жанра выработались трафаретные образы: скучающий «от веселостей» государь, время от времени изъявляющий желание «узнать истину» о положении своего народа; визирь, за благородство ненавидимый придворными; его антагонист - корыстный муфтий или кадий; дервиш; добродетельный поселянин и т.д. Представляя собой своеобразный сплав европейской «сказки о феях» и восточных сказок, «восточные повести» предстают в виде волшебных литературных сказок на восточную тему: архитектура сборников, сгущённость фантастики, имена и географические приметы брались от восточных повествований, а от европейских - галантная направленность, «морализованное и сатиричное» повествования. Подобные произведения отличаются своей главной чертой: фантастичностью их содержания, обилием сказочных атрибутов, некоторой общностью повествовательной организации. Узнавание данного жанра вызывается восточными именами в заголовке, подзаголовке, «предыстории текста» и назидательных выводах. «Щастливая Аравия» чаще всего является местом действия. Как правило, в центре повествования - персонаж благородного происхождения с ярким «восточным» именем. С его дальнейшее поведение определяется контактом с волшебными силами. Умудрённые науками старцы, духи и феи выступают в качестве волшебных сил. Приключения героя, в ходе которых он справляется с неимоверно трудными преградами, встреченными им на пути, и добивается свершения своих желаний, являются основой сюжета.

Книга «Лабиринт волшебства, или Удивительные приключения восточных принцев» (1786) В. М. Протопопова является примером «восточной повести»-сказки. Имена действующих лиц (Бейгуллах, Русгена, Раги-Муина, Семира, Абду-Кули), географические названия (Багдат), коранические понятия (Алкоран, Магомет, огненное перо Калам-Азер), восточные религиозные формулы (Бисмиллаги Еррагман Еррагим) и прочее являются множеством восточных реалий, указывающих на «восточная повесть». То, что это есть восточная сказка представлена в повести как структурой повествования, так отдельными мотивами. Кольцо, вызывающее джина, волшебная путеводная книга, туфли, могущие переносить в любое место в мгновение ока, злые чары, наложенные на принца, – все это характерные мотивы и атрибуты волшебной сказки типа сказок «1001 ночи».

Для литературы Востока структура повествования сложна элементами обрамления, характерными для персидской классической прозы.

Волшебные литературные сказки на восточную тему изобилуют именами Востока, такими как «Селим и Роксана» С.Н. Глинки, «Истории бывшего турецкого везира Марцимириса и сардинской королевны Терезии» М. Комарова, вошедшей в состав его «Повести о приключениях английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе» (1785).

Появились они в литературе вследствие знакомства с западными «сказками о феях» и с арабскими сказками в переводе А.Галлана.

Волшебные литературные сказки на восточную тему, попав в русскую литературную среду, обретают новые черты: активно обрабатываются в национальном духе и в соответствии с фольклорной традицией. Они наполняются романтической жанровой проблематикой, трансформируются в авантюрно-галантную «восточную повесть».

Любовно-приключенческое содержание является захватывающей, схожей с сюжетной основой волшебных сказок фабулой, что является характерной особенностью «восточных повестей».

Подобные произведения, как правило, начинаются с описания воспитания героев, затем следует история любви, прерываемая трагическим вторжением в жизнь героев злых сил. Чаще всего похищенную героиню спасает герой повести, и заканчивается произведение счастливым соединением супругов.

Произведение Г.Н. Городчанинова «Жизнь и приключения одного молодого из знатнейших

турков, или Фортуна, играющая человеком» так же является авантюрно-галантной «восточной повестью» (1788).

Из каждой сюжетной ситуации извлекается нравоучительный вывод. В приключениях героя повести Зюлима восточный колорит развит слабо вследствие пользования готовыми шаблонами авантюрного повествования, поэтому декорации не описываются, а лишь называются.

Как мы уже отметили, русские читатели поначалу знакомились с просветительской «восточной повестью» по переводам с западноевропейских языков-переводились произведения Вольтера, Мараны, Голдсмита, Гейне, Монтескье. Русские писатели сотворили ряд замечательных произведений в данном жанре, изучив переводы западных сатирических «восточных повестей». Русская «восточная повесть» философско-политического содержания характеризуется как боевой остросоциальный жанр. В ней с социальной утопией сосуществовала социальная критика.

В просветительской прозе восточная тема, во-первых, была литературной «маской» для критического показа европейской действительности через восприятие восточного жителя, во-вторых, служила для образного выражения положительной программы учения о государстве. Напечатанная в 1779 году в «Санкт-Петербургском вестнике» «Шах Багам, или Повесть о полезном человеке» представляет собой свободное переложение Г.Брайко отдельных страниц романа К. М. Виланда «Золотое зеркало», которые являются первым русским опытом в жанре просветительской «восточной повести».

Произведение П. Богдановича «Дикий человек, смеющийся учёности и нравам нынешнего света» (1781) стало второй оригинальной «восточной повестью» в русской литературе. Русские писатели в своём большинстве создавали такие произведения, где органически сочетаются и философский, и сатирический план повествования. «Золотой прут» (1782) М.М. Хераскова является образцом такой «восточной повести».

Образ калифа Шах-Багема является основой сатирического плана повествования в произведении М. Хераскова - это глупый и ленивый тиран правитель – калиф, который полностью находится в руках лицемерных придворных. Главным героем является Албекир, который приобщается к некоей «истине» и видит социальное зло в «процветающем» государстве калифа. В конце повествования происходит разоблачение сущности калифа.

Некоторые исследователи относят к «восточным повестям» «греческую повесть» «Каллисфен» Д.И. Фонвизина, опубликованную в 1786 году.

Использование восточной темы в политических целях характерно для творчества П.Ю. Львова («Храм Истины, видение Сезостриса, царя Египетского»), А. Е Измайлова («Ибрагим, и Осман»), А.П. Бенитцкого («Ибрагим, или Великодушный») и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубачёва В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII - начала XIX века // XVIII век. Сборник 5-ое. М., - Л., 1962. - С. 295-315.
2. Лебедева, О. Б. Традиции русской сатирической публицистики в «Почте духов»// <http://poisk-ru.ru/s29312t6.html>
3. А. Р. Гейзер. Первые встречи. Русская литература XVIII века. Источники. "Посредники" Новые факты. Берлин-Худжанд 1999 г.-С. 47
4. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века. – М., - Л., 1952. – 587 с.
5. Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века // Русская литература - век XVIII. Трагедия. - М., 1991. Московский телеграф-1833. Ч. 49. -С.124.
6. Кашталева К.С. «Подражания Корану» А.С.Пушкина и их первоисточники// Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР, Т.5. -Л.,1930. –С. 243-270.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЭПОХА ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКОЙ И ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Статья посвящена вопросу проникновения восточной тематики в русскую романтическую литературу 18-начало 19вв, распространению на русской литературной почве своеобразного жанра европейской литературы, прежде всего французской, который получили название «восточная повесть». Показаны предпосылки зарождения интереса русских писателей к восточной тематике, значительную роль в котором сыграли переводы на русский язык сказок «1001 ночь». Прослеживаются основные тенденции развития жанра «восточной повести» в сочинениях литераторов 18 века В.М.Протопопова, Г.Н. Городчанинова, П.Богдановича, М.Хераскова и др. Отмечается, что ориентализм придавал жанру условность, благодаря которой авторы аллегорически скрывали свои общественные позиции. Восточная фабула использовалась русскими писателями для выражения своих социальных, дидактических, философских взглядов. В поэтике «восточной повести» наблюдаются сгущенность фантастики, обилие сказочных атрибутов, шаблоны авантюрного повествования. В целом, по мнению автора статьи, в какой бы жанровой

разновидности ни была написана «восточная повесть», на российской почве она предназначалась не только развлекать читателей, но и решать определенные нравственно-этические, философские, социально-политические, сатирические задачи. В данной статье автор подробно изучает и анализирует «Восточные повести», где противопоставляются испорченная цивилизация запада и естественность жизни Востока. «Восточные повести» не только развлекали читателя, но и решали определённые нравственно – философские и политико-сатирические задачи. В статье также проведен анализ книги «Удивительные приключения восточных принцев», а также таких произведений, как «Пантеон», «Золотой прут», «Калисфен», и т.д. Восток всегда привлекал читателей своей загадочностью и прекрасным словестным колоритом.

«Восточные повести» являются ещё одним каналом проникновения Востока в литературу России. Особенно значимую роль в этом сыграли переводы сказок «1001 ночи».

С этим ознакомительным процессом с «Восточной повестью» связаны имена М. Хераскова, И. Крылова, П. Львова, А. Бенитцкого, А. Измайлова, Ф Глинки и др.

Ключевые слова: Восток, взаимопроникновение, литература, сопоставление, загадочность, среда, перевод.

EASTERN LITERATURE AND THE EPOCH OF MAJESTIC INTERPENETRATION OF THE RUSSIAN TAJIK LITERATURES

The article is devoted to the question of the penetration of Eastern themes into the Russian romantic literature of the 18th and early 19th centuries, to the distribution on the Russian literary soil of a peculiar genre of European literature, primarily French, which was called the Eastern Tale. The prerequisites for the origin of the interest of Russian writers to Eastern themes are shown, in which the 10th night fairy tales played a significant role in Russian. The main trends in the development of the “Eastern Tale” genre in the writings of the 18th century writers V.M. Protopopov, G.N. Gorodchaninov, P. Bogdanovich, M. Heraskov and others. It is noted that Orientalism gave the genre a convention by which the authors allegorically hid their social positions. The Eastern plot was used by Russian writers to express their social, didactic, and philosophical views. In the poetics of the "Eastern Tale" there is a concentration of fiction, an abundance of fabulous attributes, patterns of adventurous narrative. In general, according to the author of the article, in whatever genre variety the “Eastern novel” was written, on Russian soil it was intended not only to entertain the community, but also to solve certain ethical, philosophical, sociopolitical, satirical tasks. In this article, the author examines and analyzes in detail the “Oriental Tales”, where the spoiled civilization of the West and the naturalness of the life of the East are contrasted. "Oriental stories" not only entertained the reader, but also solved certain moral, philosophical and political-satirical tasks. The article also analyzes the book The Amazing Adventures of Eastern Princes, as well as works such as Pantheon, Golden Bar, Calisfen, etc. The East has always attracted readers with its mystery and beautiful verbal color.

"Oriental novels" are another channel for the penetration of the East into the literature of Russia. The translation of the tales “1001 nights” played a particularly significant role in this.

The names of M. Kheraskov, I. Krylov, P. Lvov, A. Benittsky, A. Izmailov, F. Glinka and others are associated with this introductory process with the “Eastern story”.

Key words: East, interpenetration, literature, juxtaposition, mystery, environment, translation. attracted readers with its mystery and beautiful verbal color.

Сведения об авторе:

Галимова Мохинур - старший преподаватель кафедры иностранных языков Таджикский государственный институт культуры и искусств им. М. Турсунзаде Тел: (+992) 908892619. E-mail: mohinur.galimova-40@mail.ru

About the autor:

Galimova Mohinur - Tajik State Institute of Culture and Arts. M. Tursunzade, senior lecturer of the Department of Foreign Languages. Phone: (+992) 908892619. E-mail: mohinur.galimova-40@mail.ru

ТАЗКИРАНИГОРӢ ДАР МОВАРОУННАХР (АСРҲОИ XVI-XVII)

Қурбоналиева М.С.

Донишгоҳи давлатии Тирмиз

Тазкира дар таърихи адабиёти форсӣ-тоҷикӣ ба унвони яке аз сарчашмаҳои муҳими адабӣ шинохта мешавад. Дар тамоми китобҳои адабии форсии то садаи XVI, ба истиснои тазкираи Давлатшоҳи Самарқандӣ, вожаи “тазкира” ба маънои “ёдгор”, “ёддошт” ва “ёдоварӣ” мавриди истифода қарор дошт, вале тадричан аз асри XVI ба баъд, махсусан дар Шибҳи қораи Ҳинд, ки ба яке аз конунҳои забону адабиёти форсӣ-тоҷикӣ табдил ёфта буд, бештар ба маънои китобе, ки фарогири рӯзгору аҳвол ва намунаи ашъори шоирон мебошад, ба қор рафтааст ва имрӯз низ ба ҳамин маънӣ ба қор меравад (8, 91). Аммо, чунонки ишора шуд, дар Мовароуннаҳр бошад,

ханӯз дар нимаи дувуми асри XV “тазкира” ба унвони китобе дар аҳвол ва намунаи ашъори шоирон аз ҷониби Давлатшоҳи Самарқандӣ таълиф гардида буд [3, с.264]. Тааммули андак дар масири тазкиранигори нишон медиҳад, ки аввалин китобҳои тазкиранигорӣ дар Мовароуннаҳр пайдо шудааст ва азбаски ин минтақа ба унвони нахустин бошгоҳ ё милодгоҳи адабиёти куҳансоли тоҷикӣ шинохта мешавад, нахустин китобҳои хусусияти таърихи-назарӣ доштаи адабиёт низ дар ин минтақа ба миён омадаанд. Мо дар ин навиштаи кӯтоҳ мехоҳем мухтасаран доир ба таърихи тазкиранигории тоҷикӣ дар Мовароуннаҳри асрҳои XVI- XVII баҳс намоем. Пеш аз вуруд ба баҳси асосӣ зарур мешуморем нуктаҳои муҳимтаринро дар мавриди пайдоиш ва густариши тазкиранависӣ дар Осиёи Марказӣ баррасӣ намоем. Тазкиранависӣ дар Мовароуннаҳрро метавон ба ду аср- асри ягонагӣ ва асри ҷудой тақсим кард. Асри ягонагӣ шомили ду давра аст: Давраи аввал: Аз асри VI- XII то қарни IX-XV ва давраи дувум: Аз садаи X-XVI то асри XIII-XIX.

Давраи аввал: Аз VI- XII то қарни IX- XV.

То оғози садаи VI-XII китобе, ки дар бораи аҳволу ашъори шоирон маълумот медиҳад, дар сарчашмаҳо ҳам дида намешавад. Маҳз дар ҳамин аср пешгомони тазкиранигор дар Мовароуннаҳр зуҳур мекунанд. Аввалин асаре, ки хусусияти тазкиравӣ дорад “Чаҳор мақола” аст, ки он соли 505/1112 аз ҷониби Низомии Арӯзии Самарқандӣ таълиф гаштааст. “Чаҳор мақола”-и Низомии Арӯзии Самарқандӣ аз дебоча ва чаҳор мақолат (боб) иборат буда, ановини мақолат чунин аст: “Мақолати аввал дар моҳияти дабири ва кайфияти дабири комил ва он чи тааллуқ бад-ин дорад”, “Мақолати дувум дар моҳияти илми шеър ва салоҳияти шоир”, “Мақолати савум дар илми нучум ва ғазорати мунаҷҷим дар он илм” ва “Мақолати чаҳорум дар илми тиб ва ҳидоятӣ табиб”. Муаллиф дар оғози мақолати дувум аз суҳанварони Оли Сомон, Оли Носируддин, Оли Хоқон, Оли Бӯя, Оли Салҷук, мулуки Табаристон ва Оли Ғӯр- аз Рӯдакӣ то Алии Сӯфӣ исми 62 суҳанварро ном бурда, дар бораи вақоеи рӯзгор ва ҳусни ашъори 8 тан аз суҳанварони номӣ маълумот медиҳад [7, с.68-116. “Чаҳор мақола” бо вучуди фарогири матолиби нодири илмӣ будан, тобиши тазкиравӣ низ дорад, зеро мақолати дувуми он “Дар моҳияти илми шеър ва салоҳияти шоир” унвон дошта, муаллиф зимни баёни ҳикоятҳои маълумотҳои чолибро аз рӯзгори шоироне, чун Рӯдакӣ, Унсурӣ, Фаррухӣ, Муиззӣ, Азракӣ, Рашидӣ, Масъуди Саъди Салмон ва Абулқосими Фирдавсӣ зикр кардааст [7, с.68-116]. Ҳамчунин дар мавриди шоирӣ гӯяд: “аммо шоир бояд, ки салимулфитрат, азимулфикрат, сахехуттабъ, чайиидурравия, дақиқунназар бошад, дар анвои улум мутанаввиъ бошад ва дар атрофи русум мустатриф” [7, с.79]. Перомони чигунагии шеър чунин навишта: “Ва бояд, ки шеъри ӯ бад-он дараҷа расида бошад, ки дар саҳифаи рӯзгор мастур бошад ва бар алсинаи аҳрор макруъ, бар сафоин бинависанд ва дар мадоин бихонанд, ки ҳаззи авфар ва қисми афзал аз шеър бақои исм аст ва то мастуру макруъ набошад, ин маънӣ ба ҳосил наёяд” [7, с.79]. Ҳамин гуна, дар баробари он ки дар китоби мазкур доир ба масоили шинохти шеър ва донишҳои заруриё, ки шоир бояд дошта бошад, баҳс меравад, доир ба ҳаёту фаъолияти шуарои номии пешин низ маълумоти чолиб сабт шудааст, аммо бо ин ҳама, “Чаҳор мақола”-ро наметавон ба унвони аввалин тазкира шинохт.

Аввалин асаре, ки ҳамчун тазкираи шоирон шинохта шудааст, “Лубоб-ул-албоб”-и Муҳаммад Авфӣ Бухорӣ мебошад, ки соли 618/1221 таълиф шуда буд [2, с.286]. Ҳарчанд, муаллиф таълифи онро дар минтақаи дигар - Шибҳи қораи Ҳинд ба анҷом расонидааст, аммо ўро ба ҳайси аввалин намояндаи ин доираи адабӣ, ки дар Мовароуннаҳр рушд кардааст, метавон шинохт. Пас, тазкираи Муҳаммад Авфӣ, ки дар доираҳои адабии Осиёи Марказӣ тарбият ёфта буд, бо назардошти хусусиятҳои адабиёте, ки дар минтақаи мавриди баҳси мо мебошад, ба риштаи таҳрир кашида шудааст. Барои тӯл надодани матлаб фақат як нуктаро зикр кардан зарур аст, ки тамоми тазкираҳои, ки дар асрҳои баъд, новобаста аз манотиқ ба риштаи таҳрир даромадаанд, хусусиятҳои нигошт ва таълифи Муҳаммад Авфиро пайгирӣ кардаанд. Аз ин рӯ, тазкираи ўро метавон асос ва моеи тамоми тазкираҳои баъдӣ дар адабиёти форсӣ-тоҷикӣ шинохт.

Бо он ки “Лубобу-л-албоб” нахустин тазкира дар адабиёти классикии форсӣ-тоҷикӣ ба ҳисоб меояд, нахустин касе, ки калимаи тазкираро дар унвони китоб истифода кардааст, Давлатшоҳи Самарқандӣ мебошад, ки “Тазкирату-ш-шуаро”-и ҳешро дар садаи IX- XV дар Ҳирот ба қалам оварда буд. “Тазкират-уш-шуаро” аз дебоча, муқаддима дар тазкираи шуарои араб, ҳафт табақа дар зикри шуарои форсӣ ва хотима иборат буда, Давлатшоҳ дар “Муқаддима”, тибқи анъанаи маъмул ва расмгаштаи “Лубобу-л-албоб” дар бораи 11 нафар аз суҳанварони араб, чун Лабид ибни Асвад ал-Бохилӣ, Фароздақ ан-Наҷдӣ, Диббил ибни Алӣ ал-Хузай, Ибн ар-Румӣ, Мутанаббӣ, Абулғало ибни Сулаймон ал-Мааррӣ, Ҳарирӣ, Абулфатҳ ал-Бустӣ, Муинуддин Абӯнаسر Аҳмад ибни Абдурраззоқ ат-Тантаронӣ, Каъб ибни Зухайр ибни Абисалмо малумот додааст [5, с.37-45]. Дар ҳафт табақа ва хотимаи асар бошад, муаллиф дар

бораи 141 суханвари форсизабон ва ашъори онон сухан рондааст [5, с.48-473]. Дар маҷмӯъ “Тазкирату-ш-шуаро”-и Давлатшохи Самарқандӣ фарогири аҳволу ашъори 152 суханварони Арабу Аҷам аст. Ҳарчанд, тазкиранигорони мазкур асарҳои худро дар хорич аз кишвари худ таълиф намуда бошанд ҳам, аз аҳли Самарқанду Бухоро буданд. Давраи дувуми асри ягонаи фарогири кутубе, ки дар садаҳои X-XVI-XIII-XIX таълиф шудаанд, мебошад. Азбаски ин мавзӯи асливу асосии баҳси мост, пеш аз вурӯд ба он доир ба асри ҷудой мехоҳем маълумоти мухтасар диҳем.

Асри ҷудоиро низ ба ду давра тақсим намудан мумкин аст: Давраи аввал аз нимаи дувуми садаи XIX то рӯзгори муосир аст. Тазкираҳои дар ин давра ба қалам омаданд, инҳо “Тухфат-ул-аҳбоб ғӣ тазкират-ул-аҳбоб”-и Қорӣ Раҳматуллоҳи Возех, “Тазкирату-ш-шуаро”-и Мир Сиддиқи Ҳашмат, “Тазкор-ул-ашъор”-и Шарифҷон Маҳдуми Садри Зиё, “Тазкират-ул-фузало”-и Ҳочи Абдулазими Шаръӣ ва “Афзал-ут-тазкор ғӣ зикри-ш-шуарои ва-л-ашъор”-и Афзал Маҳдуми Пирмастӣ ҳастанд. Давраи дувум рӯзгори муосир аст, ки намунаи барҷастаи тазкираи ин давра “Намунаи адабиёти тоҷик”-и Садриддин Айни маҳсуб мешавад (9). Аз сабаби он, ки меҳвари баҳси мавзӯи мо хусусиятҳои тазкиранависӣ дар асри XVI ва XVII аст, мо аз зикри тазкираҳои дигари даврони рӯзгори муосир худдорӣ менамоем.

Муҳимтарин давраи тазкиранигорӣ дар Мовароуннаҳр асрҳои XVI-XVII ба шумор меравад. Маҳз дар ҳамин давра муҳимтарин тазкираҳо, чун “Музаққир-ул-аҳбоб”-и Саййид Баҳоуддин Ҳоча Ҳасани Нисорӣи Бухороӣ, “Тухфат-ус-сурур”-и Ҳофиз Дарवेशалии Чангӣ ва “Тазкират-уш-шуаро”-и Мутрибии Самарқандӣ аст.

“Музаққир-ул-аҳбоб”-и Ҳоча Ҳасани Нисорӣи Бухороӣ соли 974/1566 дар Бухоро дар тақмили “Маҷолис-ун-нафоис”-и Амир Алишери Навоӣ ба қалам омада [4, с.219], аз муқаддима, ҷаҳор боб ва хотима иборат мебошад [10, с.9]. Ба қавли адабиётшинос У.Каримов “Маҷолаи асар ба ду рукн ва ҳар рукн, ба ду фасл тақсим мешавад. Дар фаслҳои якуму дуҷуми фасли аввал доир ба аҳволи салотини шайбонӣ, ба монанди Шайбонихон, Убайдуллоҳон, Абдуллатифхон ва дар фаслҳои якуму дуҷуми рукни сонӣ дар бораи аҳволи салотини ҷағатой, ҳамчун Бобур, Ҳумоюн, Қомрон, Мирзоасқарӣ ва Сулаймоншоҳ, ки ҳама 17 нафаранд, маълумот мундариҷ аст” [1, с.78]. Яке аз муҳимтарин хусусиятҳои тазкираи мазкур ин аст, ки муаллиф дар он перомуни суханварони ҳамзамон ва ашъори онон маълумот дода, ки дар ҷаҳор боб тарҳрезӣ шудааст. Ҷаҳор боби тазкираи мавриди назар чунин номгузорӣ шудаанд: “Боби аввал дар зикри ҷамоате, ки фақир эшонро мулозамат нанамуда ва аз ин ҷаҳони ғонӣ реҳлат намудаанд. Бар ҷаҳор фасл муштамил аст. Боби дуҷум дар зикри ҷамоате, ки фақир ба мулозамати эшон расида ва аз ин ҷаҳони ғонӣ ба мулки ҷовидонӣ реҳлат намудаанд. Бар ҷаҳор фасл муштамил аст. Боби сеҷум дар зикри ҷамоате, ки фақир ба мулозамат ва мулоқоти эшон мушарраф гашта ва дар қайди ҳаётанд. Бар ҷаҳор фасл муштамил аст. Боби ҷаҳорум дар зикри ҷамоате, ки ин фақир шарафи мулоқоти эшонро дарнаёфта ва дар қайди ҳаётанд. Бар ҷаҳор фасл муштамил аст” [1, с.79]. Тазкираи номбурда дар маҷмӯъ фарогири аҳволу ашъори 283 тан шоирони муосири Ҳоча Ҳасани Нисорӣ аст [4, с.219].

Аз хусусиятҳои дигари тазкираи ин маълумоти ҳар фасли он аст. Масалан, фасли аввали боби аввали тазкира дар зикри аҳволи 18 тан суханвароне, ки хангоми расидан ба синни пири дар Бухоро дафн шудаанд, фасли дувум дар зикри аҳволу ашъори 39 тан суханваронест, ки хангоми расидан ба синни пири берун аз Бухоро дафн шудаанд ва муаллиф ба мулозамати онҳо нарасидааст. Фасли савуми боби аввал дар зикри 6 нафар адибонест, ки дар ҷавонӣ вафот ёфта, дар Бухоро дафн шудаанд ва фасли ҷаҳоруми дар зикри 39 нафар адибонест, ки дар ҷавонӣ берун аз Бухоро вафот ёфтаанд [1, с.80-81].

Фасли аввали боби дувум дар зикри 25 тан суханварест, ки Нисорӣ бо онҳо ҳамсухбат гашта, аксари маълумотҳоро аз худи онҳо гирифтааст ва ин суханварон хангоми пири дар Бухоро ба ҳок супорида шудаанд. Фасли дувуми боби дувум дар зикри аҳволи 20 тан адибест, ки Нисорӣ бо онҳо сухбат оростааст. Ин суханварон хангоми пири берун аз Бухоро ба ҳок супорида шудаанд. Фасли савуми боби дувум дар зикри 7 нафар суханварест, ки Нисорӣ бо онҳо сухбат ороста ва онҳо дар ҷавонӣ аз олам гузаштаанд ва дар Бухоро ба ҳок супорида шудаанд. Фасли ҷаҳорум дар зикри 11 нафар адибест, ки берун аз Бухоро вафот кардаанд [1, с.81].

Боби сеҷуми “Музаққир-ул-аҳбоб” аз муҳимтарин қисматҳои тазкира ба ҳисоб меравад, зеро суханварону адибоне, ки перомуни аҳволу ашъори онҳо Нисорӣ маълумот медиҳад, ҳамагӣ дар доираҳои илмию адабии Бухоро бавоя расида, бо Нисорӣ сухбат оростаанд. Аз ин лиҳоз, маълумоти боби мавриди назар ба истиснои дақиқ будан, барои муайян кардани ҳаёти илмиву маданияи нимаи аввали асри XVI ва ҳавзаҳои илмию адабии Бухорои онвақта ягона сарчашма буда, аз аҳамияти бузурге бархурдор аст.

Фасли аввали он дар зикри аҳволу ашъори 17 тан адиб аст. Дар фасли мавриди назар

Нисорӣ ба истиснои ду тан суҳанварон - Мавлоно Сафой ва Навидӣ, ки аз аҳли хунар буданд, боқӣ дар бораи 15 адиби аҳли мансаб маълумот дода, ки дар рушди ҳаёти илмиву адабии хавзаҳои Бухуро саҳми басо назаррасе гузоштаанд.

Адабиётшинос У.Каримов нуктаи муҳими фасли мазкурро дар "...дар байни иддае аз адибон зиёдтар авҷ гирифтани шаклпарастӣ, дар шеър" қайд кардааст [1, с.82]. Фасли дувуми боби сеюм дар тарҷумаи ҳолу тазкири ашъори 10 тан аз суҳанваронест, ки монанди фасли аввал аксар соҳибмансаб будаанд. Фасли сеюми боби сеюм дар зикри 20 нафар адибон ва фасли чаҳорум бошад дар зикри 11 тан аз суҳанварон аст. Аз маълумотҳои овардаи Нисорӣ чунин ба назар мерасад, ки иддае аз суҳанварони фаслҳои мазкур бо сабабҳои гуногун ба Ҳинд сафар карда, дар ҳаёти илмиву адабии сарзамини мазкур соҳиби мартабаву манзалати воло гаштаанд [1, с.84].

Дар фасли аввали боби чаҳорум суҳан аз аҳволу ашъори 3 нафар адибон, дар фасли дувум суҳан аз зикри 13 тан аз суҳанварон, фасли сеюм дар зикри 6 суҳанвар ва фасли чаҳоруми боби чаҳорум бошад, дар зикри 13 тан аз адибон аст, ки бо вучуди дар қайди ҳаёт будани чамъи суҳанварони боби мазкур Нисорӣ бо онҳо мулоқот накарда, маълумоти онҳоро аз ёру рафиқонашон гирифтааст [1, с.83; 10, 10].

Дар хотима Ҳоча Ҳасани Нисорӣ суҳан аз зикри 7 тан хешовандони худ карда, ки ҳамагӣ дар пешрафти ҳаёти илмиву адабии Бухоро ширкат варзидаанд [1, с.84; 10, 11].

"Музаққир-ул-аҳбоб"-и Нисорӣ, чунонки дар дигар манбаъҳо низ ишора рафта, муҳимтарин сарчашмаест, ки аз ҳаёти хавзаҳои адабии Бухоро дар нимаи аввали асри XVI маълумот медиҳад ва бидуни омӯзиши ин асар наметавон ҳаёти илмиву адабии Мовароуннаҳрро тасаввур кард [1, с.84; 10, с.11]. Ҳамчунин, дар шумори суҳанварони асари мазкур 14 нафар суҳанвари соҳибдевор шомил мебошанд, ки ин маълумот арзиши "Музаққир-ул-аҳбоб"-ро боз бештар мегардонад (10, с.11, 1, 84).

Боз як тазкирагунаи дигаре, ки дар асри XVII ба қалам омадааст, "Тухфат-ус-сурур"-и Дарвешалии Чангӣ аст. Асари мазкур соли 980/1572-73 ба қалам омада, муаллиф онро дар 12 мақом "боб" тасниф кардааст. Дарвешалии асари мазкурро баъди хатми китоб ба Абдуллоҳони Шайбонӣ - ҳокони замон бахшида аст [10, с.15].

Сабаби асари мазкурро тазкирагуна навиштан дар он буд, ки "Тухфат-ус-сурур" низ монанди "Чаҳор мақола"-и Низомии Арӯзии Самарқандӣ фарогири улуми дигар низ ҳаст. Масалан, муаллиф дар бобҳои ҳафтум, ҳаштум, нухум ва даҳуми "Тухфат-ус-сурур" перомунӣ 96 тан аз суҳанварони мусиқидон маълумоти ҷолибе медиҳад, ки иддае аз он суҳанварон Алиҷони Ғичакӣ, Начмуддини Кавқабӣ, Бадруддини Ҳилолӣ, Ҳоча Ҳасани Нисорӣ, Ҳасани Кавқабӣ, Ҳофиз Мираки Бухорӣ, Восилии Марвӣ, Ҳофиз Турдии Қонунӣ ва Абдуллоҳи Нолӣ ҳастанд [10, с.15]. Аз ҳамин ҷиҳат метавон "Тухфат-ус-сурур"-ро тазкираи шоирон ҳам номид, зеро аксар маълумоте, ки ин асар дар бораи суҳанварони номбурда медиҳад, дар дигар сарчашмаҳо ба ҷашм намерасад.

Ҳамчунин, дигар тазкирае, ки ба қавли муҳаққиқону адабиётшиносон идомаи анъанаи тазкиранигориро пас аз "Музаққир-ул-аҳбоб"-и Ҳоча Ҳасани Нисорӣ дар худ таҷассум дода, "Тазкират-уш-шуаро"-и Мутрибии Самарқандӣ аст. Тазкираи мазкурро Мутрибӣ соли 1013/1605-1606 ба риштаи таҳрир кашида, дар бораи 343 тан аз суҳанварони муосири хеш маълумот медиҳад [6, с.45].

"Тазкират-уш-шуаро"-и Мутрибӣ аз ду фасл иборат буда, ба шакли зерин тарҳрезӣ шудааст:

Фасли аввали "Тазкират-уш-шуаро" дар зикри рӯзгору ашъори 17 тан аз салотини машҳуру ҳавоқини маъруфи ҳамзамони муаллиф маълумот оварда шудааст, ки нафарони соҳибсалтанат ба ҷуз иштиғоли худ боз таъби шоирӣ низ доштаанд. Фасли мазкур дар навбати худ боз ба қисм тақсим шуда, бо унвони "исм" номгузорӣ шуда [6, с.47], ки чунин аст:

"Исми аввал дар баёни алқоби ҳумоюн ва авсофи маймуни хусравоне, ки муаллиф ин авроқи эшонро дида, ба азии мулозамат муаззаз гардида.

Исми дувум дар баёни аҳволи подшоҳоне, ки муаллиф эшонро дида, фааммо мушарраф ба шарафи мулозамат нагардида.

Исми савум дар зикри салотине, ки муаллиф эшонро надида, балки авсофи эшонро аз ғайре шунида" [6, с.129].

Фасли дувум дар зикри 326 нафар суҳанвар аст, ки муаллиф чунин навишта: "Аммо боқии ҳуруфи мурағтабаи мазкура дар зикри фузало ва шуарое, ки таҳаллуҷҳои ашъори эшон мусаддар ба ҳамон ҳарф аст ва ҳар як аз ҳуруфи мазкура мураккаб аз се нукта аст" [6, с.129]. Мутрибӣ дар идомаи суҳанаш дар тавзеҳи ҳар як нукта чунин менависад:

"Нуктаи аввал дар зикри афозиле, ки муаллиф эшонро дида ва мулозамат намуда ва ашъори дурарнисори эшонро бевоситаи ғарибе фаро гирифта.

Нуктаи дувум дар зикри фузалое, ки муаллиф эшонро дида, аммо мулозамат нанамуда ва ашъори эшонро аз ғайре шунида.

Нуктаи савум дар зикри шуарое, ки муаллиф эшонро надида ва ашъори эшонро ба восита шунида” [6, с.130].

Чунонки худи Мутрибӣ ишора кардааст, аз хусусиятҳои муҳимтарини “Тазкирату-ш-шуаро” он аст, ки муаллиф “ҳар ҷо ғазале ё қасидае ва амсоли он эрод намуда, асомии бухури онро бо аркони мавозини арӯзӣ ба расми “минху” бар ҳошияи китоб дар ҳамон маҳал” навиштааст [6, с.130].

Фасли аввали асари мазкур бо номи Абдуллоҳхон Ёзбак ибни Искандархон (сах.133) оғоз гардида, бо Надри Муҳаммад Султон ибни Таним Султон (сах.177-178) анҷом меёбад.

Фасли дувум бошад, бо Аминӣ Абӯмуҳаммади Даҳбедӣ (сах. 183) оғоз гардида, бо Ломеии Андичонӣ (сах.756) анҷом меёбад.

Танзими тазкира бо зикри ҳар як шоир бо сарлавҳаҳои алоҳида ва нишон додани соли дар қайди ҳаёт будан ва ё вафоти суҳанвар сурат баста, дар бештари мавридҳо бо нақли тарҷумай ҳоли онҳо шурӯъ мешавад, сипас мутобиқи анъанай тазкиранигорӣ аз ашъори шуаро намунаҳо оварда шуда, ки арзиши ин гуна ашъор низ ҳамчун маълумоти овардаи муаллиф дар матншиносии тоҷик хидмати сарчашмавиरो адо менамояд.

Баррасиву таҳқиқи марбут ба хусусиятҳои тазкиранигорӣ дар асрҳои XVI ва XVII нишон медиҳад, ки ин тазкираҳои гаронқадр ва арзишманд дар таърихи нақду суҳансанҷӣ ва сайри тақомули шеърӣ форсӣ-тоҷикӣ баҳои баландро соҳиб буда, бахусус дар омӯзиши таърихи адабиёти ин давра ба ҳайси сарчашмай ягона ва муътамад хизмат мекунанд. Дар баробари ин, ҳар се тазкира қариб бо муҳтавои фарогири хеш дар таърихи тазкиранигорӣ ва адаби форсӣ аз дастовардҳои ғании адабиву фарҳангӣ маҳсуб мегарданд, ки ин гуна арзиши онҳоро дигар муҳаққиқон ва тазкиранигорони баъдина низ қайд кардаанд.

Аз муҳимтарин хусусиятҳои тазкиранигорӣ дар ин давра он аст, ки ҳар як тазкиранигор кӯшида, то маълумоти наву ҷолибе дар идомаи тазкираи пеш аз худ таълифшуда анҷом бидиҳад ва ҳамин тавр ҳам ҳаст, ки адабиётшиносону муҳаққиқон “Музаққир-ул-аҳбоб”-ро тақмили “Маҷолисун-нафоис”-и Амир Алишери Навоӣ мешуморанд ва бешак “Тазкирату-ш-шуаро”-и Мутрибиро низ тақмили “Музаққир-ул-аҳбоб”-и Ҳоҷа Ҳасани Нисорӣ бояд донист, зеро Мутрибӣ дар тамоми ҷабҳаҳои тазкиранигорӣ аз Ҳоҷа Ҳасани Нисорӣ пайравӣ намудааст. Масалан, Нисорӣ “Музаққир-ул-аҳбоб”-ро ба ҷаҳор боб ва ҳар як бобро ба ҷаҳор фасл тақсим карда бошад, Мутрибӣ дар пайравӣ аз ӯ “Тазкират-уш-шуаро”-ро ба ду фасл ва фаслҳоро ба се исму се нукта тақсим кардааст. Фарқияти “Тазкират-уш-шуаро”-и Мутрибӣ аз “Музаққир-ул-аҳбоб”-и Ҳоҷа Ҳасани Нисорӣ дар он аст, ки Мутрибӣ тазкираашро аз рӯи тартиби ҳуруфи абҷад тартиб додааст.

Як хусусияти умумии тазкираҳо он аст, ки ҳар як дар бораи аҳволу ашъори муосирони худ, ки ҳарчанд теъдоде аз он нафаронро бевосита надидаанд, маълумот медиҳанд. Аммо хусусияти дигари “Тазкират-уш-шуаро”-и Мутрибӣ дар он аст, ки ӯ дар оғоз дар бораи 17 тан ҳокону салотини рӯзгори худ, ки таъби шоирӣ доштан маълумот медиҳад. Илова бар ин дар тазкираи Мутрибӣ дар бораи беш аз 90 суҳанваре, ки муҳоҷири Ҳиндустон шуда буданд, хабар дода шудааст.

Боз як хусусияти дигари “Тазкират-уш-шуаро”-и Мутрибӣ ин аст, ки вобаста ба мавзӯву зикри аҳвали шуаро ҳикоеи ҷолибу дилнавозро аз ҳаёти Пайғамбарону асҳоби эшон ва бузругону машоихи рӯзгори пешин нақл карда, ки дар дигар тазкираҳо дучор намешавем. Ҳамчунин, Мутрибӣ аз муқаддимаи муаллиф сар карда, то поёни китоб ҳар ҷо вобаста ба мавзӯ аз оёти қуръониву аҳодиси набаъӣ моҳирона истифода кардааст, ки дар дигар тазкира кам дучор меоем.

Ҳангоми омӯзишу баррасӣ ва таҳқиқ маълум гардид, ки ин тазкираҳо дар маҷмӯъ роҷеъ ба зиёда аз панҷсад тан шоирони як давра, ҷараёни зиндагӣ ва осори онҳо, афқору андешаҳо, сабку салиқа ва нақши онҳо дар рушду тақомули адабиёти форсӣ маълумот медиҳанд, ки арзиши онҳо дар таҳқиқ ва баррасии вижагӣҳои ашъори шоирони ин аҳд ва омӯзиши зиндагии эшон хеле бузург маҳсуб мегардад.

Дар баробари ин, ба воситаи ҳар тазкира роҷеъ ба ҳаёти илмиву адабӣ ва маданият замони онҳо, тарбияи адибон ва суҳанварони тозағӯ, таҳкими равобитӣ адабии байни суҳанварон ва барқарор будани муносибатҳои дӯстона миёни онҳо, ривочи ин муносибатҳо, инкишоф ёфтани пайравиву татаббуъ низ маълумот ба даст меорем, ки дар ин замина низ асарҳои номбурда аз аҳамияти бузург бархурдоранд.

Вижагӣҳои муҳимтарини тазкираҳои ин давра, қабл аз ҳама дар он зоҳир мешавад, ки аксари маълумоте, ки муаллифон дар тазкираи хеш овардаанд, дар заминаи мулоқот бо шуаро ба қалам омада, воқеияти афзундоранд ва дар онҳо метавон роҷеъ ба зиндагӣ ва осори аксари

шуарои давр маълумоти сарех ва равшанро мутолиа кард.

Яке аз чанбаҳои муҳимтарин, ки дар тазкираҳо ба назар расид ва он арзиши сарчашмавии тазкираҳоро афзун мегардонад, ин арзёбӣ намудани муносибатҳои фарҳангӣ ва равобити адабӣ байни суханварону тазкиранигорони Мовароуннаҳр ва Ҳиндустон маҳсуб мешавад. Дар тазкираҳои мазкур роҷеъ ба муколамаву робитаҳои адабии миёни шуарои давр маълумоти фаровоне омадааст. Бино ба маълумоте, ки мо ба воситаи омӯзиши тазкираҳо ба даст меоварем, равобити адабии миёни Осиёи Марказӣ ва Ҳиндустон хеле қавӣ буда, муҳаққиқон ба воситаи иштироки шахсии ҳеш ё ин ки мусофирати суханварони форс-тоҷик ба Ҳиндустон ва ширкат дар рушди ҳаёти илмиву адабии ин сарзамин, доир гардидани маҳфилҳову анҷумани якҷояи шеърӣ дар дарбору марказҳои фарҳангӣ ва бустонсаройҳо асари худро дар тараққиёти вазъи адабии ин сарзамин гузошта, барои ба вучуд омадани ҳавзаҳои бузурги илмиву адабӣ ва рушди муносибати фарҳангиву адабӣ саҳми худро гузоштаанд. Ёдоварӣ аз чунин равобит барои муайян кардани авзои адабии давр, ҳавзаҳои адабӣ ва ҳолатҳои онҳо хеле муҳим буда, барои муҳаққиқони адабиёти даврони мавриди назар дар ин чода маълумоти густардае дастрас хоҳад намуд.

АДАБИЁТ

1. Каримов У. Адабиёти тоҷик дар асри XVI. – Душанбе: Дониш, 1985.
2. Кутӣ. Тазкиранависии форсӣ дар Осиёи Миёна // Донишномаи адаби форсӣ: адаби форсӣ дар Осиёи Миёна // Ба сарпарастии Ҳасан Анӯша. - Ҷ.1. – Техрон: Вазорати Фарҳанг ва иршоди исломӣ, 1380.
3. Маонӣ, Аҳмад Гулчин. Таърихи тазкираҳои форсӣ. - Ҷ.1. – Техрон: Интишороти Китобхонаи Саной, 1363.
4. Маонӣ, Аҳмад Гулчин. Таърихи тазкираҳои форсӣ. - Ҷ.2. – Техрон: Интишороти Китобхонаи Саной, 1363.
5. Самарқандӣ, Давлатшоҳ. Тазкирату-ш-шуаро/Таҳияи Муҳлиса Нуруллоева. – Хучанд: Ношир, 2015.
6. Самарқандӣ, Мутрибӣ. Тазкирату-ш-шуаро//Бо муқаддима ва таҳшияву таълиқоти Алӣ Рафеии Аломарвдашгӣ. – Техрон: Маркази нашри мероси мактуб, 1382.
7. Самарқандӣ, Низомии Арӯзӣ. Чаҳор мақола // Таҳия ва тавзеҳи Фаҳриддин Насриддинов. – Хучанд: Ношир, 2015.
8. Сутуда, Марҷаъшиносӣ ва равиши таҳқиқ. -Техрон: Интишороти Самт, 1373.
9. Тазкиранависӣ. Сомонаи Пажӯҳишкадаи Боқиролулум.
10. Ҳодизода Р., Каримов У., Саъдиев С. Адабиёти тоҷик (Асрҳои XVI - XIX ва ибтидои асри XX). – Душанбе: Маориф, 1988.

ТРАДИЦИЯ АНТОЛОГИИ В МАВЕРАУННАХРЕ (XVI-XVII ВЕКА)

В данной статье речь идёт об антологиях, написанных на территории Маверауннахра XVI-XVII вв.

Само понятие антология в персидско-таджикской литературе отмечается как один из важнейших источников, где отражаются различные вопросы формирования литературы, новые литературные процессы, продолжение творческих традиций и др.

Поэтому, в результате изучения летописей, пересмотра литературы региона или определённого периода, отражение литературного процесса того времени можно создать среду для различных дискуссий. В Маверауннахре возникли ранние летописи о персидско-таджикской литературе, являющиеся основным законом литературы.

Написанные в XVI-XVII вв. антологии Ходжа Хасани Нисари Бухари “Музаккир-ул-ахбоб”, а также Хафиза Дарवेशали Чанги “Тухфат-ус-сурур”, Мутриби Самарканди “Тазкират-уш-шуаро” по в заимоусовершенствованию являются очень редкими.

Занявшие место в вышеуказанных летописях автобиографии и образцы творчества поэтов не встречаются в других летописях.

Ключевые слова: *Антология, летопись, Маверауннахр, “Музаккир-ул-ахбоб”, “Тухфат-ус-сурур”, “Тазкират-уш-шуаро”.*

TRADITION OF ANTHOLOGY CREATION IN MAVERAUNNAHR (XVI-XVII CENTURY)

This article is about anthologies written on the territory of Maveraunnahr of the 16th-17th centuries.

The concept of anthology in Persian-Tajik literature is noted as one of the most important sources that reflects various issues of formation of literature, new literary processes, continuation of creative traditions, etc.

Therefore, as a result of studying memorials, literature of region or a certain period, reflecting literary process of that time, you can create an environment for various discussions. The early memorials of Persian-Tajik literature were appeared in Maveraunnahr, which are main law of literature.

Anthologies written in XVI-XVII centuries such as Khoja Hasani Nisari Bukhari’s “Muzakkir-ul-ahbob”, Hafiz Dardvesali Changi’s “Tuhfat-us-surur”, Mutribi Samarkandi “Tazkirat-ush-shuaro” are very rare.

There were anthologies consisting of autobiographies that we cannot find in other anthologies.

Keywords: *anthology, memorial, Maverannahr, "Muzakkir-ul-ahbob", "Tuhfat-us-surur", "Tazkirat-ush-shuaro"*.

Сведения об авторе:

Курбоналиева Махфират Садуллаевна - старший преподаватель кафедры таджикской филологии и восточных языков Тирмизского государственного университета, E-mail: *kurbonalieva75@mail.ru*

About the author:

Qurbonalieva Makhfirat Sa'dulloevna - senior teacher in the Chair of Tajik Philology and Eastern Languages of Tirmiz State University, E-mail: *kurbonalieva75@mail.ru*

ТАЪСИРПАЗИРИИ БИСОТИИ САМАРҚАНДӢ АЗ ШАЙХ КАМОЛИ ХУЧАНДӢ

Муқимова Д.З.

Донигоҳи давлатии Тирмиз

Камоли Хучандиро бояд ба ҳайси шоире шинохт, ки дар арсаи адабиёти форсизабони манотиқи гуногуни ҷуғрофӣ нақши сухани малеҳ ва забони фасеҳи ба хубӣ ба мушоҳида мерасад. Дар адабиёти куҳансол ва шоирхези форсӣ-тоҷикӣ кам шоиреро метавон ба шумор овард, ки ба раванди адабии пас аз худ таъсири амиқ ва чашмрасе гузошта бошанд. Аз ин манзар, Шайх Камол дар қатори шоирони номваре, мисли Саъдиву Мавлоно ва Ҳофиз ба шумори шоирони пуртаъсир ва сернуфузе шомил мешавад, ки ташаккули минбаъдаи ғазали тоҷикӣ ба номи ӯ иртиботи қавӣ дорад. Табиист, ки дар раванди зиндагӣ ва марҳилаҳои фаъолият Камоли Хучандӣ ба манотиқи гуногуне сафар кардаву бо аҳли адаб ва доираҳои адабии мухталифе шиносони зинда доштааст. Ба вижа аз доираи адабии Самарқанд, ки дар асри Камол аз марокизи пурнуфузи илму адаб ва фарҳанг ба ҳисоб меомада, ёд кардан ба маврид хоҳад буд. Муаллифи тафсири «Руху-л-баён» нигоштааст, ки Шайх Камол муддате дар Самарқанд низ қарор дошта, дар маҳфили шоирони он макон ширкат мекард (ниг.: 5, 82). Худи шоир бошад, борҳо дар ашъори дилпазири худ аз ин марзи куҳан ба суратҳои мухталиф ёд мекунад:

Аз шакарангури самарқандиён

Себи занахдони ту ширинтар аст [11, с.252].

Ё ин ки:

Гӯям ҳар дам, ки берун рав, Камол, аз шаҳри мо,

Ин самарқандигариҳо бо хучандӣ то ба кай? [11, с.1090].

Шоир мавридҳои, ки аз меваҳои Самарқанд ёд мекунад, мисли байти нахуст ва ё байти / Гуфтам: -Аз себи самарқандӣ беху нори Хучанд Бо занахдону лаби чун қанд. Гуфто: -Бих набуд! [11, с.416] / ба сари самарқандиён натохтааст, дар дигар байтҳо бошад, мисли байти дувум ва байти / *На самарқандӣ, на зоҳид, чист Хунуқиҳову порсоиҳо? [11, с.77] / мардуми шаҳри мазкурро мазаммат мекунад, ки аз қабули нохуши мардуми ин диёр аз шахсият ва шеърӣ ӯ дарак медиҳад. Ба гумони мо, муддате, ки Камоли Хучандӣ дар ин шаҳр ба сукунату талаби илм омада буд, айёми талаву тороч шудани он дар натиҷаи ғирудорҳои мансابتалоии темуриҳо бо чингизӣ буд ва аз сабабе, ки Самарқанд аз марказҳои асосии Мовароуннаҳр ба ҳисоб меомад, таъсири ин, ки омилҳои асоситарини камтаваҷҷуҳии мардум ба шеърӣ адаб ва шахси шоир мебошад, дар шаҳри мазкур беиштар аз дигар маконҳо эҳсос мешуд. Чунончи, нуктаи мавридӣ баҳс дар кутуби сарчашма ва таърихҳо ба хубӣ дарк мешавад. Аз рӯи маълумоти маъхазҳои таърихӣ, солҳои 1364-65 Самарқанд дубора зерӣ ҳучуми Илҷохча – писари Туғлуқ Темур ва мудофияи Сарбадорон қарор гирифта буд [1, с.474-475] ва, зоҳиран, Шайх Камол Самарқандро солҳои мазкур тарк намуда, роҳи Шошро пеш гирифтааст. Аз сӯи дигар, доираи адабии ин шаҳр шояд ба сабаби дар унфувони ҷавонӣ қарор доштани шоир бо ӯ муносибати хуб надошта бошанд. Ин нуктаро, яъне аз ҷониби ҳамқаламони худ мавриди безътиноӣ қарор гирифтани худро Шайх Камол дар номаи пурсӯзу шиква, вале меҳрбори худ ба Муъҷазии Самарқандӣ инъикос кардааст:*

Ба самъи Муъҷазӣ, эй пайки ошиқон, бирасон

Ҳадиси шавқӣ мулоқоту орзумандӣ.

Зи баъди он ки задӣ ҳалқа бар дару худро

Дар он ҷаноби ҳумоюн чу давлат афқандӣ.

Бигӯяи ин қадар аз ман, ки эй ба рутбату фазл

Гузашта қадри ту аз пояи ҳунармандӣ!

*Чӣ гул шукуфт аз инат, ки бар сабили хилоф,
Дарахти меҳру муҳаббат зи бех баркандӣ?!
Гар аз танидаи ёрӣ гусаста шуд торе,
Чӣ бошад, ар ба сарангушти афв пайвандӣ.
Маро худ аз ту чӣ нафъу туро зи ман чӣ зарар,
Ки ман туро битисандам, маро ту напсандӣ?
Ба назму наср, гирифтаам, ки Саъдии вақтем,
Ки ман зи хоки Хучандам, ту аз Самарқандӣ 11, с.1246].*

Аммо ин ҷо баҳс сари масъалаи дигарест, ки мо мехоҳем матраҳ намоем. Мо дар навиштаи зерин кӯшиш намудем, ки аз таъсири Шайх Камол бар ҷаҳони андешаҳо ва шеъри Бисотии Самарқандӣ – шояд, ки дар таърихи адабиёт ҳамчун рақиби Камол шинохта шудааст, баҳс намоем. Бисотии Самарқандӣ аз ҷумлаи шоирони форсигӯи Мовароуннаҳр дар нимаи дувуми асри VIII/ XIV ва аввали асри IX/XV мебошад. Аз мероси адабии шоир пайдост, ки ӯ бештар ба сурудани ғазал тамоюл дошта, дар он гомҳои устуворе дар пайравии сабки суҳанварони пешин ва шеъри замони худ бардоштааст. Сабаби мавзӯи зеринро интихоб кардани мо, яқиндод буда, нахуст ин нукта қобили қайд аст, ки Бисотӣ шоирони ғазалсарои пурномест, ки дар ташаккули ғазали асри худ саҳми назаррас дорад. Маҳз ба ҳамин хотир ҳам, Садрӣ Саъдиев ӯро дар қатори Исматӣ Бухороиву Хаёлии Бухороӣ яке аз се шоирони номвартарини даврааш ба ҳисоб наовардааст [10, с.175]. Сониян, ӯ дар ғазал яке аз пайравони мактаби адабии Камоли Хучандӣ ва дурахшонгарин намояндаи доираи адабии Самарқандӣ асри понздаҳ ба шумор меояд. Дар бештари тазкираҳои, ки доир ба ин шоир маълумот додаанд, ишора мешавад, ки ӯ ба Камол бо ҷашми радду инкор менигаристааст ва асоси ин маълумот аз тазкираи Давлатшоҳи Самарқандӣ сар мезанад, ки дар он омадааст: «Ва ӯ муътақиди Ҳоҷа Исмат аст ва мункири Шайх Камоли Хучандӣ аст ва ғазали Шайх Камолро, ки матлаш ин аст, ҷавоб мегӯяд.

Матлаъ:

*Нишони шабравон дорад сари зулфи парешонаи,
Далели равиан аст, инак, чароги зери домонаи.*

Ва ин таҳаллу аз ҷумлаи ғазали Бисотӣ аст, ки дар ҷавоби Шайх Камоли Хучандӣ гуфтааст:

Байт:

*Дури назми Бисотиро, Камол, аз худ мадон камтар,
Ки парвардаст чун мардум ба оби дида Салмонаи.*

Гӯянд, ки Шайх Камол аз Бисотӣ ранҷида ва ин байт дар дуои бад нисбат бад-ӯ мефармояд.

Байт:

*Бо он ки чун чароги саҳар шуд ҷавонамарг,
Ҳам дер зист муддаи зудмири мо» [8, с.329-330]*

Ин нукта дар дигар тазкираҳо ҳам айнан тақрор мешавад. Масалан, аз тазкираи «Ҳизонаи омира»-и Озоди Балғиромӣ ҳам мехонем: «Бисотӣ муътақиди Исматӣ Бухороӣ буд ва мункири Шайх Камоли Хучандӣ ва дар мактае гӯяд:

*Ғазалҳои Бисотиро, Камол, аз худ мадон камтар,
Ки парвардаст чун Ҳоҷа ба оби дида Салмонаи.*

Гӯянд, Шайх Камол аз Бисотӣ ранҷид ва ин байт дар дуои бад нисбат ба ӯ гуфт:

*Не он, ки чун чароги саҳар шуд ҷавонмарг,
Ҳам дер зист муддаи зудмири мо.*

Дуои Шайх муассир афтод ва Бисотӣ дарфурсат бисоти ҳаёт дарнавардид» [3, с.67-68].

Баҳси дигаре ҳам ҳаст, ки дар он зиддияти ин ду шоир фаротар аз мактаи ғазали мазкур меравад ва гӯе дар он мутобиқи ривояти сарчашмаҳо Бисотӣ ба Шайх Камол «лаванд» хитоб мекунад: «Нақл гардида, ки Бисотии шоир рӯзе дар маҷлиси шоирон Шайх Камоли Хучандиро бидид ва бигуфт:

Аз кучой, аз кучой, эй лаванд?!

Шайх ҳамон лаҳза дар посухи ӯ фармуд:

Аз Хучандам, аз Хучандам, аз Хучанд!

Аммо аз чунин беадабиву муомила аз ӯ ранҷидахотир гардид ва он рафторашро ба сармастии ӯ ҳамл намуда, фармуд: «Ин ҷавон сармаст аст».

Бисотӣ онро шунида, бадохатан гуфт:

*Сияҳчаимест мардумкуи, хароби ғамзаи ӯям,
Аз он дар айни ҳушёрӣ суҳан мастона мегӯям.*

Он гоҳ ба тариқи ҳаҷв бар ӯ гуфт:

Эй мулҳиди Хучандӣ, риши бузург дорӣ,

К-аз гояти бузургӣ «дахриш» метавон гуфт.

Чун Шайх инро шунид, хеле дард кашид ва дар ҳамон маҷлис ӯро дуои бад намуд» [ниг.: 5, с.82-83].

Ин нуктаҳо ҳангоми ба зиндагиномаи Бисотӣ тавачҷух кардан, зери шубҳа гирифта мешавад. Масалан, санаи вафоти Бисотиро тазкиранависону олимони 1411-1412 қаламдод кардаанд [4, с.15]. Забехуллоҳ Сафо ӯро ба дарозумрӣ сифат карда ва тӯли умри ӯро 88 сол доништааст [9, с.456]. Дар ин ҳолат, соли таваллуди шоирро тақрибан санаи 1326 ё 27 тахмин кардан мумкин аст, вале ҳамон дар ҳоли ҷавонамарг будани ӯ ин маълумотҳо ҳам ба зери шубҳа меафтанд ва аз чанд ҷиҳат ба ҳақиқати таърихӣ дуруст намеоянд. Нахуст, дар ҳоли бовар кардан ба маълумоти тазкираи Давлатшоҳ ва кутуби дигаре, ки зиддияти Бисотиву Камол ишора кардаанд, ӯ бояд ҳангоми вохӯрдани бо Шайх Камол аллақай шоири баркамол бошад ва тавони баҳсу муҷодаларо бо Шайх дошпта бошад. Дар ин ҳол, тибқи маълумоти Навоӣ дар тазкирааш, ки аз наздиктарин сарчашмаҳо доир ба Бисотӣ маҳсуб мешавад, соли вафоти ӯ 1411 аст (4, 15). Дар ин ҳолат, ӯ баъди дуои бади Камол бояд вафот ёфта бошад ва дар ин сол Шайх Камол дар Самарқанд набудааст. Ба гумони ғолиб, Шайх Камол атрофи соли 1364 бояд аз Самарқанд хориҷ шуда бошад, чун маҳз ҳамин сол дар Самарқанд гирудор ва ҷангу ҷидол аз нав авҷ гирифта буд. Агар ба нуктаи «ҷавонамарг шудани шоири рақибӣ Камол» бовар кунем ва маълумоти тазкираҳоро ба инобат гирем, Бисотӣ ҷавон дар солҳои дар Самарқанд будани Камол ҳанӯз ҷашм ба олами ҳаётӣ накушода будааст. Агар ба қавли Сафо ва дигар кутуби илмӣ тақя намоему муддати умри шоири мавриди баҳсро тӯлонӣ қаламдод намоем, пораи ҷавонмарг шудани Бисотӣ зери шубҳа меафтад ва бо ин тамоми маълумот оид ба рақобати ин ду шоир ҳам зери хатти тардид гирифта мешавад. Бо назардошти он ки Шайх Камол аз ҷумлаи авлиё будаву қаромоти зиёде аз ӯ дар кутуби тазкираву таърих манқул аст, дар ҳолати дуо кардани ӯ нисбат ба Бисотӣ, он аз пардаи қабул дуртар намеафтада ва ин нукта ҳам баид менамояд, ки орифе ба масобаи Шайх Камол бар худ оё раво мегирида, ки дар ҳаққи ҳамқаламе чун Бисотӣ дуои баде намояд.

Сониян, ба андешаи мо, сабаби пайдо шудани назарияи фавқ абёти худӣ Камол аст, ки дар он аз самарқандӣҳо бо шиква ҳарф мезанад ва ин мисраи Бисотист: *Дури назми Бисотиро, Камол, аз худ мабин камтар...*

Барои равшантар шудани матлаб ғазали мазкури Бисотиро, ки дар аксари сарчашмаҳо байти мақтаи он зикр шудааст, пурра сабт мекунем:

*Ба ҳар мӯе диле ба таст ҷаъди анбарафшонии,
Магар ҷамъияти дилҳост дар зулфи парешонии?!
Сияҳгесӯи ӯ доим ҳиҷоби роҳи ман гардад,
Сабо, то чанд рӯбинӣ кунӣ, охир барафшонии!
Дури гӯиши ту меафтад зи сармастӣ ба ҳар сӯе,
Ба ҳар як ҷуръае дигар (?) зи ҷоми васл ғалтонии.
Ба лаъли худфурӯи охир яке бинмо ақиқатро,
Ки бар хуни ҷигар гардад зи ёқути ту марҷонии.
Нахоҳад рехт ашқи дида обам, оқибат рӯзе,
Манат гуфтам, ту медонӣ, зи оби рӯ бар ӯ ронии!
Дили ҳар дардманде, к-ӯ ба зулфи дӯст дармонад,
Ба ҷуз дармондагӣ дигар намедонанд дармонии.
Дури назми Бисотиро, Камол, аз худ мабин камтар,
Ки парвардаст чун мардум ба оби дида Салмонии [7, баргаи 27].*

Ғазали мазкур, чунонки мушоҳида шуд, дар сабку саликаи сухани Камоли Хучандист ва ҷавоби ғазали Шайх Камол бояд бошад. Ба ин нукта муҳаққиқ Баҳром Раҳматов ҳам ишораи ҷолибе карда, менависад, ки «Ба назари мо, ин ҷавоби ғазали Камол ва беш аз ин чизе нест...» [6, с.11]. Ба назари муҳаққиқи фавқуззикр «дар ғазали сабки ироқӣ ҷавобия навиштан якандоза сабқати эҷодиро мемонд, агар шоир гуфтаи худро дилпазиртар аз асл шиносад, дар мақтаъ ба тарзи ифтихория ба ин нукта ишора мекард. Бисотӣ ҳам ба ин нукта ишора дораду халос, зеро дар ғазалҳои дигари худ қомилан ба тарзу равиши Шайх Камол тобеъ мемонад» [6, с.11]. Воқеан, Шайх Камол ба ҳайси шоирест, ки сухани ӯ ба тарзи суханварии Бисотӣ Самарқандӣ таъсири вофире расонида, бешубҳа тааммул дар ин таъсирпазирӣ андешаҳои моро ҳам нисбат ба рақобати ин ду шоир ва муносибати тезу тунди байни онҳо, ки дар бархе сарчашмаҳо нақл мешавад, дигаргун кард. Мисол:

Камоли Хучандӣ:

Маҳ лофи хусн зад ба ту, он рух бар ӯ гирифт.
Хат ҷониби рухи ту гирифтун нақӯ гирифт.
Бӯи ту чун шунид зи гул андалеби маст
Чандон кашид нола, ки овози ӯ гирифт.
Аз пойбӯси сарв лабам тӯст боз кард
Ҳар гаҳ, ки пойбӯси туам орзу гирифт.
Зоҳид ба суҳбати ту чу риндони боданӯш
Он рӯз бор ёфт, ки бар сар сабӯ гирифт.
Шавқӣ лабат ба майкадаши бурд мӯкашон
Пире, ки аз мӯрид ҳамасола мӯ гирифт.
Гулгунсабор бар раҳи шиқӣ ту хайли ашк
Дур (р) рехтанду рӯи заминро фуру гирифт.
Зоеъ макун, ки ҳайф бувад дар басар, Камол,
Чашии ту сурмае, ки аз он хоки кӯ гирифт [11, с.347].

Бисотии Самарқандӣ:

З-он хат, ки гирди орази он моҳрӯ гирифт,
Хуришед дар ҳиҷоб шуду моҳ рӯ гирифт.
Ҳунам, ки рехт оразат, ангези он лаб аст,
Ё раб, бадаши мабод, ки ҷониб нақӯ гирифт!
Гул хост, то занад ба ту лофе зи нозукӣ,
Чандон дар ин ҳаво-ш бимондӣ, ки бӯ гирифт.
Меҳост, то зи дида ҳаёлат бадар шавад,
Аишам давид гарму сари раҳ бар ӯ гирифт.
Зоҳид нишаста буд ба хуни ниёла, дӣ
Омад зи пой минбару дастӣ сабӯ гирифт.
То дида дид шакли миёнат, надид ҳеч,
Тира шавад, ҳаройина чашиме, ки мӯ гирифт.
Гар шаҳ рухи висоли Бисотӣ наёфт боз
Дар каф инони асп мар ӯ аз чӣ рӯ гирифт?! [7, барғаи 9].

Дар ғазалҳои мазкур «ҷониб гирифтган», «бар сар сабӯ гирифтган», «дасти сабӯ гирифтган» ва ғ. ифодаҳои монанди ду шоирро ташкил медиҳанд. Дар баробари он ки Бисотӣ дар пайравӣ ва вазну қофияи ашъори Камол ғазал мегӯяд, ӯ аввалин касест, ки радифи «дӯст медорам туро»-и Шайх Камолро ба тарзи худ истифода кардааст. Шоир радифҳои хоси Камол хушкардаи ӯст:

Дил зи ман бурдиву чун ҷон дӯст медорам туро,
Дардам аз ту асту дармон дӯст медорам туро.
Аз сари зулфу даҳонат рӯ нагардонам даме,
З-он ки ман пайдову тинҳон дӯст медорам туро.
Дар ҳавои он ки ҳастам беқарор аз зулфи ту
Зарравор, эй меҳри тобон, дӯст медорам туро.
Чашии масту гесуят (бошиад) парешонҳолу ман
Рӯзу шаб масту парешон дӯст медорам туро.
Гарчи месӯзӣ маро парвонавор аз саркашиӣ,
Донам, эй шамъи дурафшон, дӯст медорам туро.
Бар сари кӯи ту нолон роз мегӯям чу об,
Оре, эй сарви хиромон, дӯст медорам туро!
Гар ба даст орӣ, Бисотӣ, зулфи мушкинаши, бигӯӣ,
Дил зи ман бурдиву чун ҷон дӯст медорам туро (7, барғаи 6).

Аммо барои тулонӣ нашудани баҳс метавон ба чандин матлаҳҳои ду шоири мавриди қиёс ишора кард, ки бо ҳам, мисли ғазалҳои дар боло зикршуда қаробати лафзӣ маъноӣ доранд:

Камоли Хучандӣ:

Рӯзгорест, ки ҳеҷаш назаре бо мо нест
В-ин шаби фурқати моро саҳаре пайдо нест [11, с.246].

Бисотии Самарқандӣ:

Дили гумгаишаи моро хабаре пайдо нест,
Он ки дил бурд, аз ӯ ҳам асаре пайдо нест [7, барғаи 18-19].

Камоли Хучандӣ:

*Нишонии шабравон дорад сари зулфи парешонаии,
Далели равшан аст, инак, чароги зери домонаии [11, 749].*

Бисотии Самарқандӣ:

*Ба ҳар мӯе диле баастаст ҷаъди анбарафиюнаии,
Магар ҷамъияти дилҳост дар зулфи парешонаии?! [7, баргаи 27].*

Муҳимтар аз ҳама, ӯ дар баъзе маворид шеъри худро бо шеъри Шайх мусовӣ медонад, чунончи:

*Ашъори Бисотист, ки серобу латиф аст,
Чун меваи ширин, ки биёри зи Хучандаии [7, баргаи 28].*

Табиист, ки меваи ширинтарини Хучанд шеъри Шайх Камол аст ва ба андешаи мо дар зерматн шоири фавқ аслан ба он ишора дорад. Чунончи, дар замони зисти Бисотӣ, ки худудан нимаср аз замони нубуғи Шайх Камол баъдтар аст, ки таъсири ӯро ба иддае аз шоирон эҳсос кардан имкон дорад. Чунонки дар ин бора яке аз муҳаққиқони хуби эронӣ - Эҳсони Ёршотирӣ ишора карда, навишта буд: «Дар ин давра камоли устодии шуаро дар ҳусни тақлид аз шуарои пешин аст ва ҳаргиз шеъри онҳо бар сухани устодонашон, чун Низомиву Ҳофиз ва Ҳоконӣ пешӣ нагирифтааст...» [2, с.103]. Яъне, шоирон бар сабили тақлид аз бузургони пешин, бисёр заҳматҳои чолиберо ҳам барои пешрафти адабиёти кардаанд, аммо заминаҳои асосии густариши шеър ва забону олатҳои тасвири шеър, ки басомади аслии онҳоро дар шеър баршуморидан мумкин нест, ҳамон образпораҳои қадимӣ боқӣ мондаанд. Дар ин бора муҳаққиқон ҳам ишораҳои чолиб кардаанд: «Нуктаи дигар ин ки тарзи ифода, образпораҳои шеър, қаҳрамон ё симоҳои маъмулӣ, ки одатан дар ашъор, махсусан ғазал, такрор мешаванд, дар ашъори Камолу Бисотӣ, на танҳо қаробат, балки вижаи истиҳдоми якгун доранд...» [6, с.12]. Воқеан, тааммул дар мутуни ашъор ин иддаоро ба субут мерасонад, ки зовияи дид ва тарзи сохтани образҳои маъмулии шеър дар ашъори шоирони фавқуззикр якгун мебошад. Чунонки ин нукта сари баҳс дар образи «сағ», ки бо шеъри Камол иштиҳор ёфт, равшантар мешавад. Дар ғазалиёти Ҳоча Камоли Хучандӣ «сағ» ҳамчун образи ошиқи дилбохта ва тимсоли вафодорист. Дигар нукта ин ки манзури шоир аз худро сағ гуфтан ё баробари сағ доништан, эъзоми маъшук аст, яъне бузург кардани ӯ ва худро дар пои ҳақир шуморидан. Чунончи, дар байти поён Камол худро аз сағи кӯи дилбар ҳам камтар мешуморад:

Гуфто: -Камоли сахтҷон ҳаст аз сағони кӯи мо.

Бишкаст боз он сангдил қадрӣ сағони кӯи худ [11, с.582].

Бисотӣ ҳам ба ҳамин ҳолу ҳаво фиғони худаширо боиси сардардии сағони кӯи дилдор доништа, менависад:

Сари худ гиру дарди сар, Бисотӣ, з-остони хеш,

Маёзор аз фиғон дигар сағони он сари кӯро [7, баргаи 6-7].

Дар байти зерин бошад, Камол «сағи кӯи маъшук» хитоб ёфтани худро шараф мепиндорад:

Гар ту рӯзе аз сағони кӯи худ хонӣ маро,

Худ ҳамин бошад камоли давлату бахти Камол [11, 777].

Бисотӣ ҳам дар ин маврид, пурра ба иттиҳои шоири хучандӣ қадам бардоштааст. Мисол:

Бар мани бечора зан чандон ки санги меҳнатат,

Ман сағи кӯям туро, зинҳор санге кам мазан [7, баргаи 35].

Ин ҳолатро, яъне ҳаммонандии зиёди шоиронро дар тасвиروفаринӣ ва ташбеҳсозӣ дар абёти дигар ҳам ба мушоҳида гирифта мумкин аст. Дар абёти зерин «дахон» ба «адам»-у «нестӣ» ва «миён» ба «тори мӯ»-ву «ҳеч», яъне нестӣ ташбеҳ шуда, ҳар кадом шоир ба вачҳе хос аз ин ташбеҳот ва образҳои маъмулии шеър бардошт кардаанд:

Камоли Хучандӣ:

То Камол аз даҳани ӯ дили худ боз ситад,

Гӯиё, бори дигар аз адам омад ба вучуд [11, 375].

Бисотӣ:

Нестӣ вазн ба ҳастии даҳонаии кардам,

Нест бисёр зиёд аст, вале ҳаст кам аст [7, баргаи 22].

Камоли Хучандӣ:

Аз нозукӣ миёни ту ҳеч астӯ кас надид

Нозуктар аз миёни ту аз мумкинот ҳеч [11, с.370].

Бисотӣ:

То диди дид шакли миёнат, надид ҳеч,

Тира шавад ҳаройинаи чашиме, ки мӯ гирифт [7, баргаи 9].

Хулоса, бо вучуди он ки дар кутуби тазкираву таърих доир ба муносибати хуб надоштани

Шайх Камоли Хучандӣ ва Бисоти Самарқандӣ ишораҳо шудааст, Мавлоно Бисотӣ аз зумраи шоироне ба ҳисоб меравад, ки дар тарғиби ғазали сабки саъдиёна, ки бо номи Шайх Камол ба авҷ расидааст, нақши сахим дорад. Ӯ, бо он ки дар мактабҳои худ бо ифтихор сухани худро ҳамвазни сухани Шайх Камол медонад, аз он ба тарзҳои гуногун бардошт карда, дар таъйини фикру андеша ба хубӣ аз образпораҳо ва тимсолҳои маъмулии шеърӣ Камол баҳра чустааст. Дар баробари баҳраҷӯӣ аз авзону ашқол, Бисотӣ радифҳои хушоянди шеърӣ Камолро ҳам ба тарзи худ истифода карда, кӯшидааст, то забон ва олати гуногуни тасвир дар шеърҳои хампоёву хаммоё ва ҳамвазни шеърӣ шоири шаҳри хучандӣ бошад.

ВЛИЯНИИ ТВОРЧЕСТВА КАМОЛА ХУЖАНДИ НА ТВОРЧЕСТВО БИСОТИ САМАРКАНДИ

Если стихи, написанные в персидско-таджикской поэзии в качестве подражания, исследования были во внимание создателей, то нам неизвестно об осуществлении серьёзных исследований в этой области.

В статье говорится о влиянии творчества Камола Хужанди на творчество Бисоти Самарканди, также на примерах анализированы какое влияние оказало рифма, редиф, образ, символ художественного выражения, аллегория на поэзию Бисоти Самарканди, которые мастерски использовал Камол Хужанди.

Ключевые слова: подражание, уподобление, исследование, влияние поэзии Камола Хужанди на творчество Бисоти Самарканди.

INFLUENCE OF KAMOL KHUJANDI'S CREATIVE WORKS ON BISOT SAMARKANDI'S CREATIVE WORKS

If poems are written in Persian-Tajik language in the form of imitations, it is not easy for us to implement a serious research about them.

The article tells us about the influence of Kamol Khujandi's work on work of Bisot Samarkandi. It is also analyzed the impact of rhyme, redif, image, symbol of artistic expression, allegory on the poetry of Bisot Samarkandi with the use of examples that Kamol Khujandi used them skillfully in his works.

Keywords: imitation, simile, investigation, influence of Kamol Khujandi's poetry on works of Bisot Samarkandi.

Сведения об авторе:

Мукумова Дилафруз Зиёдуллаевна - ассистент факультета узбекской филологии кафедры таджикской филологии и восточных языков Тирмизского государственного университета, тел.: (+998) 902451825

About the author:

Mukumova Dilafruz Ziyodullaevna - assistant in the Faculty of Uzbek Philology of Chair of Tajik Philology and Eastern languages of Tirmiz State University, Tel.: (+998) 902451825

УДК 9 (с 53)

СИМОИ АБӮАБДУЛЛОҲИ РӮДАКӢ ДАР ПОВЕСТИ ТАЪРИХИИ ДАВЛАТШОҲИ ТОҲИРӢ “СИТОРАИ РӮДАК”

Раҳимзада М.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Фафуров

Озодии сухан, ки дар давраи истиқлолияти миллии Тоҷикистон дар тамоми ҷабҳаҳои ҳаёти маънавии халқ ба вуқӯъ омад, боиси бознигарии аҳли завқ ва соҳибони истеъдоди адабӣ ва илм на танҳо ба таърихи на чандон дури кишвар, балки ба таърихи асрҳои миёна ҳам гардид. Пайдоиши тафаккури таърихӣ халқ дарзамон боиси ба вучуд омадани тафаккури реалистӣ низ гардид ва ин падидаҳои тоза сабаби зуҳури ташаккули повести таърихӣ гардида дар айни замон дар он инъикос ёфтанд.

Бояд таъкид кард, ки дар замони истиқлол жанри повести таърихӣ сифатҳои тозаӣ худро ба зуҳур овард. Он хеле мушаххас гардид, ҳудуди дарбаргирии воқеаҳо муайян шуд, доираи ҷуғрофияи он рӯшану возеҳ ба зуҳур омад, асосҳои воқеӣ ва мустанад пайдо кард, ҳаёт шахсиятҳои маълуми машҳури таърихӣ, сиёсӣ ва адабиро мавриди тасвир қарор гирифт. Повести таърихӣ моҳияти амиқи таҳлилӣ пайдо кард. Мазмун ва характери замон, равандҳои асосии сиёсӣ иҷтимоӣ ва ахлоқӣ он, муборизаи нерӯҳои гуногуни ҷомеа, бархӯрдҳои шадиди қувваҳои дохилӣ ва хориҷӣ, ватанхоҳон ва истилогарон, зиддиятҳои равиҳои сиёсӣ, динӣ ва мазҳабӣ, азму талоши оммаҳои халқ, роҳбарони хирадманд ва фарзандони тавоноӣ он дар

чодаи истиқлолияти миллӣ, ҳақиқат ва адолати иҷтимоӣ ва бисёр масъалаҳои дигари тақдирсоз маҳз дар повест, бахусус повести таърихӣ, ғунҷоиш ёфтаанд.

Повести Давлатшоҳи Тоҳирӣ «Ситораи Рӯдак» яке аз асарҳои таърихӣ буда, аз ҷиҳати мазмуну муҳтаво хеле шавқовар ва ҷолиби диққат аст. Сужети он мураккаб набуда, ҳаёти шоир аз синни ҳафтсолагӣ то бисту нӯҳсолагӣ, яъне то он замоне ки Наср бини Аҳмади Сомонӣ, Рӯдакиро ба дарбори худ ба Бухоро даъват менамояд, тасвир шудааст. Бо баробари ин меҳмоннавозӣ, ҳурмату эҳтиром нисбати ҳамдигар, нигоҳ доштани анъана ва расму оини аҷдодони пешин, меҳнатдӯстӣ, мақоми мансабдорон ва ҷолибтарин манзараҳои Панҷрӯду Суғд бо як маҳорати хоса мавриди тасвир қарор гирифтаанд.

Агар аҳбори «Чаҳор мақола»-и Низомии Арӯзии Самарқандиро ба инобат нагирем, ки дар ҳаштсолагӣ ҳифзи Қуръон қардани Рӯдакӣ ва овози форум доштани ўро тазаккур медиҳад, солҳои бачагии шоири оянда дар ягон асар тасвир наёфта буд. Давлатшоҳи Тоҳирӣ он айёмро батафсил нишон дода, нақши падару модар ва устои нахустинаш Хушёрро дар таълиму тарбияи Ҷаъфар дар саҳафоти повест инъикос менамояд. Дар ин маврид нависанда кӯшидааст, ки зиракӣ ва зеҳни тоза доштани Ҷаъфари Рӯдакиро қайд намояд. Аз оне, ки бобои Муҳаммад (падари Ҷаъфар Муҳаммад –М.Р.) соҳибэҳтиром ва шинохта буд, дӯстонаш яке кулоли барӯманд, домуллои номдор ва мутриби хушхони шаҳри Самарқанд Абулаббоси Бахтиёр ҳар бор аз шаҳр ба деҳа барои хабаргириаш меомаданд. Ин сафар дар баробари ба аёдати ў омадан бо фарзанди кӯчаку закиаш ошноӣ пайдо карда, аз маҳорату малака ва истеъдоди начибаш огоҳии комил пайдо намуданд. Зеро барои онҳо таъҷубовар буд, ки бачаи ҳаштсола (Ҷаъфар дар назар аст – М.Р.) китоби “Қуръон”-и қаримро бо қироати сабъа меҳонд, яъне бо ҳафт гуна хонишу лафз, ки муколама чунин сурат гирифтааст:

“—Ҳатто Каломи Шарифро ҳам? —нобоварона мепурсид мулло сухани мизбонро бурида.

—Не-не...бовар намекунам, муҳоботро бинед-а, бачаи ҳаштсола китоби «Қуръон»-ро хатм карда бошад?! [4, с.12]

Баъди он ки Ҷаъфари ҳаштсола чандин ояту сураҳои Қуръонро қироату маънидод кард, домулло сурху сафед шуда, пешонаи арақшорашро пок кард ва аз ҳаяҷон чунин суханҳо гуфт:

«Валлоҳ, ки аз баъзе муллоҳои ман ҳазорҳо бор авлотарӣ! Ман мафтунӣ овози туям. Ҷаъфар писари Муҳаммад! Ту аз санҷиш хуб гузаштӣ. Илоҳо, чашми донишу давлатат бедор бод! Чашмасор бод!» [4, с.14]

Тасвири синну соли қаҳрамони марказӣ дар мисоли зерин низ қайд гардидааст, ки дар ҳаштсолагӣ на танҳо маҳорати хуби қуръонхонӣ доштааст балки ба асбобҳои мусиқӣ шавқи зиёд зоҳир намуда, маҳсусан ба навохтани “руду уд” муҳаббати беандоза доштааст:

Ин тифли нуктадон бо савтҳои дилангезаш сомонро ба худ шефтаву ақлашонро фирефта мекард ва қадхудоеи деҳа мудовиман дуои хайр мекарданду некрузиву пирӯзӣ ва ба номи нек расиданро баҳраш таманно медоштанд. Нависанда чехраву симои Ҷаъфарро ҳанӯз аз хурдсолӣ ҳамчун бачаи хушзеҳну хунарманд инъикос намуда, то ба ҷавонӣ ба пирӯзӣ расидани вайро аён мекунад. Абулаббоси Бахтиёр аз ромишгарии писарчаи деҳотӣ дар ҳайрат шуда, тақлифи ба шаҳри Самарқанд бурданро кард. Ҷаъфар аз шодӣ дар куртааш намеғунҷид, зеро дониш омӯхтану хирад андӯхтан, асбобҳои мусиқӣ навохтану хунёгарӣ қардан таъби дили ў буд. Онҳо аз шунидани шеър тараҳои Рӯдакии ҷавон ба вачд меомаданд, ўро падидаи рӯшани аз хоб бедор шудани тоҷикон меҳисобиданд, ва ба эҷодкориҳои наву тоза мусоидат мекарданд.

Давлатшоҳи Тоҳирӣ айёми наврасии Ҷаъфарро батафсил нишон дода, нақши падару модар ва устои нахустинашро дар таълиму тарбияи Ҷаъфар дар саҳафоти повест инъикос менамояд. Нависанда саъю талошҳои ўро дар роҳи фарогирии илму дониши замон, бахусус забон, адабиёт, фалсафа, илми шеър ба риштаи тасвир кашида, аввалин таҷрибаҳои эҷодӣ ва тадриҷан инкишоф ёфтани қобилияти шоирии қаҳрамони худро тасвир месозад. Ў ва Ҳасани Балхӣ меҳру муҳаббат ва ҳусни тавачҷӯҳи шоири ҷавонро ба забони дарӣ бедор мекунанд, аз ҳештаншиносии миллии тоҷикон дар асри X огоҳ менамоянд ва дар ҷаҳонбинии ў саҳм мегиранд.

Повести Давлатшоҳи Тоҳирӣ як намунаи иртиботи ҳаводиси таърихӣ ва воқеаҳои тахайюлӣ маҳсуб мешавад. Вобаста ба ин қаҳрамонон ва дигар персонажҳои асар низ шахсиятҳои таърихӣ ва тахайюлӣ мебошанд. Рӯдакӣ, Ҷайхунӣ, Вазири аъзам, Балъамӣ, Наср ибни Аҳмад, Нӯҳ ибни Наср, Шайх Мансур, Ҳусайни Марвазӣ, Нахшабӣ (Насаф), Ҳасани Балхӣ, Шаҳиди Балхӣ, Фароловӣ, Робиаи Балхӣ, Ҳорис, Бектош, Абулаббоси Бахтиёр ашхоси таърихӣ ва воқеӣ мебошанд. Аксарияти онҳо бо устод Рӯдакӣ аз ягон ҷиҳат ё чанд ҷиҳат дар иртибот тасвир ёфтаанд, нақши мусбат ё манфӣ дар ҳаёт ва тақдири ў бозидаанд. Чунончи, ромишгари мумтоз Бахтиёр устои Рӯдакӣ дар боби мусиқӣ будааст, ки ин фактро доктори илмҳои санъатшиносӣ, профессор Аскаралӣ Раҷабзода низ тазаккур медиҳад [2, с.55].

Дар повести Давлатшоҳи Тоҳирӣ зиёда аз бист персонаж инъикос ёфта, қаҳрамони марказӣ

Чаъфари Рӯдакӣ мебошад. Бояд таъкид кард, ки на ҳамаи он шахсиятҳои таърихӣ, ки зикрашон дар боло рафт, дар асар тасвир ёфтаанд, зеро воқеҳои асар то замони ба Самарқанд раҳсипор гардидани шоир аст, бинобар ин Рӯдакӣ наметавонист бо ҳамаи онҳо дар Панҷруд вохӯрда бошад. Қаҳрамонҳои мусбати асар дар атрофи персонажи асосӣ гирд омада, ҳама образи халқи меҳнаткашро пурра мекунад. Падари Чаъфари Рӯдакӣ Муҳаммад, дӯстдоштаи шоир Робиа, устои шоир Абулаббоси Бахтиёр, Шокири деҳқон ва дӯсташ Начот дорои ахлоқи ҳамидаи инсонӣ буда, неруҳои пешбарандаи ҷомеа ба ҳисоб мерафтанд. Персонажҳои манфии қисса Ҳисории андозгир, писараш Ғаюри чалипо, Ғанӣ – шогирди Абулаббоси Бахтиёр ва Масъуди заминдор, ки ба ҷуз манфиати шахсӣ ва айшу ишрат андешаи дигаре надошта, манфиати шахсии худро аз ҷомеа болотар монда бо ҳислат ва амалҳои манфури хеш бар муқобили Рӯдакӣ мебароманд. Онҳо рамзи футурравии ҷомеа ва коҳидани ахлоқи доираҳои пасти он ба шумор меоянд.

Дар байни шахсоне, ки дар “Ситораи Рӯдак” чун намоёндоғони халқу миллат инъикос шудаанд, падари қаҳрамони асосӣ – Муҳаммад мавқеи муҳим дорад. Дар симои Муҳаммад характери комил ва пурқувват офарида шудааст, ки характери асосии он дар асар ҳаргарафа ва пурра зоҳир гардидаанд.

Агар нависанда симои падари Рӯдакиро бо тамоми нозукиаш фозилу хирадмандона офарида бошад, дар саҳфаи дигари асар идомадиҳандаи ҳислати неки инсонии падар фарзанди азизи ӯ – Чаъфари Рӯдакист. Ӯ монанди падар дастгири аҳли заҳмат аст ва ҳамеша барои ёрӣ додан ба мардуми қорафтаи меҳнаткаш омода аст, ки дасти мадади беминнати хешро дароз намояд. Муҳимтар он аст, ки Чаъфари Рӯдакӣ дар назди мардуми оддӣ худро озод ҳис намуда, бо овози ширадорӣ марғуладораш дили ҳар бинандаву шунавандашро мерабуд.

Дар қиссаи “Ситораи Рӯдак” Рӯдакӣ ҳамчун шоири давлату миллат нишон дода шуда, на танҳо хидматгузори дарбор, балки хосатан ниёзманду дастгири мардум буд ва ҳамеша ба нафъи халқ қору фаъолият мебард. Ашъори руҳпарвар ва маҳорати навозандагӣ сарояндагии Чаъфари Рӯдакӣ, ки натиҷаи истеъдоди комил ва меҳнатдӯстии ӯст, муҳаббати вайро дар дили халқ меафзуд. Даре нагузашта мавсуф дар муддати кӯтоҳ ба шоири дӯстдоштаи халқӣ мубаддал гашт ва шуҳратӣ гардид, аз ҳама муҳим шуҳрат ӯро вайрон намекард. Минбаъд сифатҳои шоистаи ӯро нависандагон дар ҳар даври замон дар асарҳои худ бозгӯ карданд ва яке аз вежаҳои образфаринии Давлатшоҳи Тоҳирӣ низ дар ҳамаи зухур ёфтааст.

Метавон афзуд, ки тавассути ин ду далел муаллифи нуктасанҷу дақиқназар ҳаёти ду табақаи ҷамъиятро тасвир намудааст. Зиндагии мардум мисли рангинкамон ҳаргунаву ҳархела аст. Ҳазорҳо мардуми бечора шабонарӯз нолаву афғон доштанд, ки кути лоямуте пайдо бикунанд, вале ба ин оху нола касеро парвоя набуд. Гӯши ҳукуматдорони замон ва хоҷагони вақт қару чашмашон кӯр буд ва ба ҷуз айшу қомронӣҳои хеш гӯе шуғли дигаре надоштанд.

Давлатшоҳи Тоҳирӣ кӯшиш ба қор мебард, ки ҳамаи маводи роҷеъ ба ҳаёт ва эҷодиёти Рӯдакӣ мавҷударо аз ҳайси бадеӣ таҳлилу ҷамъбаст бикунанд, ҷараёни зиндагии шоир ва муносибатҳои тарафайни ӯро бо аъёну ашроф, амиру вазир, мардуми ранҷбар, аҳли оила, ёру дӯстон, шоирону ҳунармандон ва дигар табақоти ҷомеа нишон диҳад, образи ӯро дар замина ва дар иртибот бо вазъи сиёсӣ иҷтимоӣ, ҷараёнҳои динӣ мазҳабӣ ва майлу рағбати неруҳои пешқадами замони шоир дар роҳи истеҳсоми аввалин давлати миллии тоҷикон-давлати Сомониён ба риштаи тасвир бикашад.

Мавзӯю масъалаҳои асосии повест, Рӯдакӣ ва замони зиндагии ӯ, муносибати тарафайни шоир ва ҳукуматдорони вақт, робитаи ӯ бо намоёндоғони гуногуни аҳли ҷомеа - дӯстон ва душманон, ҳамкасбон ва шогирдон, хешу табор, табиист, муошиқати ӯ ҳам ҳаст. Нависанда муҳити зиндагонӣ, таҳсил дар мактаб, шуҳрати шоирӣ ва ҷалб шуданаш ба дарбори Сомониён ва то ба ин дарбор рафтани ӯро батафсил тасвир менамояд.

Аз ин ҷо пайдост, ки сужети повестро марҳилаҳои асосии ҳаёту фаъолияти Рӯдакӣ то ба Бухоро рафтани ташкил медиҳанд. Бояд иқрор кард, ки дар асар вобаста ба рӯзгори Рӯдакӣ ягон бархӯрд ё садамаи ҷидди иҷтимоӣ ё ахлоқӣ ба назар намерасад. Он зиддият ва муқобилаҳои сахте, ки дар асарҳои С.Улуғзода «Рӯдакӣ» ва «Қисмати шоир» тасвир шудааст, дар повести таърихӣ Давлатшоҳи Тоҳирӣ «Ситораи Рӯдак» дида намешаванд.

Повести таърихӣ Давлатшоҳи Тоҳирӣ “Ситораи Рӯдак” барои шинохти шахсияти Чаъфари Рӯдакӣ, мавқеъ ва мақоми ӯ, ҳамасрори вай маълумоти хубе дода метавонад. Бинобар ин қисса на танҳо мазмуни эстетикӣ, балки моҳияти иҷтимоӣ низ касб мекунад.

АДАБИЁТ

1. Авесто. Ҷилди I. – Душанбе: Бухоро, 2014. – 784 с.
2. Раҷабзода, А. Мусиқӣ дар тамаддуни Сомониён / А. Раҷабзода – Душанбе: Ирфон, 2000. – 126 с.
3. Рӯдакӣ, А. Ашъор / А.Рӯдакӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 415с.

4. Тоҳирӣ, Д. Ситорай Рудак / Д.Тоҳирӣ – Панҷакент: Ҷамъияти саҳомии “Лада мармар” ва Ҳазинаи башардӯстонаи Файзулло Ансорӣ. – 84 с.
5. Ҷулмасова, З. Истиқлол ва инқишофи романи таъриҳӣ / З. Ҷулмасова. – Хучанд: Нури маърифат, 2011. – 344 с.

ОБРАЗ АБУАБДУЛЛОХА РУДАКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ ДАВЛАТШОХА ТОХИРИ “ЗВЕЗДА РУДАКА”

Автор статьи отмечает, что в своем произведении Давлатшохи Тоҳири стремится к художественному анализу и обобщению всех материалов, относящихся к жизни и творчеству Рудак, хочет показать жизнь поэта и его взаимоотношения со знатью, трудовым народом, членами семьи, друзьями, дехканами и ремесленниками, представителями других слоев общества, создать образ поэта, помыслами и чаяниями передовых сил эпохи на пути укрепления первого национального государства таджиков – Саманидского государства. Повесть охватывает жизнь Рудак на фоне происходящих в его эпоху исторических событий, взаимоотношения поэта и власти имущих, его связей с представителями разных слоев общества – друзьями и врагами, коллегами и учениками, близкими и родственниками и, естественно, любовные отношения.

Автор статьи подчеркивает, что в данной повести впервые в таджикской литературе подробно описаны детство и юность Рудак, роль его родителей и учителя Бахтиёра в воспитании и обучении будущего поэта. Писатель подробно отображает атмосферу жизни поэта, учебу в школе, поэтическую славу, привлечение к Саманидскому двору, показывает учебу молодого Рудак, его усилия по освоению наук, особенно языка, литературы, науки о стихосложении, первые творческие опыты, постепенное развитие поэтического дара своего героя. Его наставники пробудили интерес молодого поэта к языку дари, способствовали формированию национального самосознания и мировосприятия Рудак. Необходимо отметить, что в повести не наблюдается каких-либо серьезных социальных или нравственных столкновений, связанных с жизнью и творчеством Рудак.

Повесть охватывает не только эстетическую содержательность, но и общественную сущность.

Ключевые слова: историческая проза, исторические повести периода независимости, Давлатшохи Тоҳири “Звезда Рудак”, образ Абуабдуллоха Рудак, место поэта в обществе

THE CHARACTER OF ABUABDULLOH RUDAKI IN THE HISTORICAL NOVELLA OF DAVLATSHOH TOHIRI “RUDAKI'S STAR”

The author of the article notes that in his work Davlatshoh Tohiri aims to artistic analysis and summarize all materials, related to the life and creation of Rudaki, intends to demonstrate the life of poet and his relationship with aristocracy, working people, the member of family, friends, dekhkans and craftsmen, the representatives of other stratum of society, to create the character of the poet, by intention and aspirations of progressive power of epoch on the way of strengthening of the first national state of Tajiks – Samanids state. The novella covers the life of Rudaki against the background of the historical events happening in his epoch, relationship of the poet and establishment, his relation with various stratum of society – friends and enemies, colleagues, relatives and kinsmen and, naturally, love relations.

The author of article underlines that in the given novella the Rudaki's childhood and adolescence, the role of his parents and teacher Bakhtiyor in upbringing and education of future poet have been described in detail at the first time in Tajik literature. The writer reflects in detail the atmosphere of the poet's life, his studying at school, poetic fame, being at Samanids court, demonstrates the study of young Rudaki, his efforts to cope with science, especially language, literature, science of versification, the first creative experience, the gradual development of poetic talent of his character. The mentors roused the interest of young poet to Dari, encouraged the formation of national self-consciousness and world perception of Rudaki. It should be mentioned that in the novella there are no being observed any serious social or ethical impacts, associated with the life and creation of Rudaki.

The novella includes not only esthetic content but also social essence.

Keywords: historical prose, the historical novellas of independence period, Davlatshoh Tohiri, “Rudaki's Star”, the Character of Abuabdulloh Rudaki, the place of a poet in society.

Сведения об авторе:

Раҳимзаде Мунира -- соискатель кафедры современной таджикской литературы Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова Адрес: Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Пушкина 16/5 кв. 8; Тел.: (+992) 927921060; E-mail адрес: munira-tv@mail.ru

About the author:

Rahimzoda Munira of Philology of Chair of Modern Tajik Literature Khujand State

ТАДЖИКСКО-АМЕРИКИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Гуломджонов З.М.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Надо отметить, что литературные связи является методом развития различных характером народов мира. История народов мира показывают развития литературных связей, который всегда была в центре внимания литературоведов по различными языковыми, антропологическими, культурными вопросами для взаимообогащения и развития литературы. Основная проблема литературных связей в настоящее время является актуальным в современной литературе, как историческом и теоретическом литературоведении.

Изучения вопроса таджикско-американских взаимообогащения имеет огромное развитие для вопроса взаимовлияния и литературных связей, в частности, для художественного перевода повести и романов, которые показывают вопросы истории одного народа или одного писателя на другой язык при помощи художественного перевода.

Васильев Р.С. писал: «Художественная литература на всех этапах своего развития немислима в ограничительных рамках какой-либо нации или народа. История мировой литературы свидетельствует о том, что литературы разных народов всегда находились и находятся в большем или меньшем взаимодействии, в неразрывном контакте, во взаимовлиянии, что способствует их художественному обогащению» [2, с.11].

Следует отметить, что в настоящее время процесс развития мировой литературы развивается на основе взаимообогащения литератур различных методов, которые имеют характер в западно-восточной литературе, где они развиваются на основе традиций различных народов мира, которые имеют художественной проблемы в литературе разных народов. Поэтому, надо отметить, что работа в этом направления является актуальным в современном литературоведении, потому что литература одного народа на другой в ракурсе темы литературных связей и диалога все глубже показывают другой мир и культуру другого народа.

Надо сказать, что этот метод стала новым в изучения поэтической жизни в XX век. Именно в это время появились необходимость возрождения литературных связей, взаимовлияния на качественно новом уровне, который закладывают новые проблемы взаимообогащения литератур народов мира в курсе темы литературных связей и диалога все глубже развивают другой мир и культуру другого народа.

Арбузов А.Н. писал: «Одним из наглядных примеров такого взаимодействия в мировой литературе являются историко-культурные взаимоотношения американского и таджикского народов, продолжающиеся на протяжении столетий. Как известно, влияние одной литературы на иноязычную происходит различными путями, одним из которых является перевод, играющий немаловажную роль в реализации литературных связей». [1, с.88].

Надо отметить несколько проблемы таджикско-американских литературных связей и взаимодействия. Первая проблема – это влияние литературы народов Востока, в том числе таджикского народа, на американскую литературу, а вторая заключается во влиянии американской литературы на таджикскую литературу XX века, в особенности советского периода. В настоящее время существует обширная научная литература, посвященная изучению различных аспектов таджикско-американских литературных связей. Таджикско-американские культурные и литературные связи на протяжении столетий являются предметом пристального внимания ученых.

Особое место в плеяде литературных деятелей, тесно связанных непосредственно с персидско-таджикской литературой (среди них Марк Твен, Эрнест Хемингуэе, Джонсон Спенсер, Джек Лондон, Лонгфелло Генри. Айзек Азимов, Брет-Гарт, Теодор Драйзер и др.)

Эта работа представляет собой первый опыт целостного изучения таджикско-американских литературных связей и историко-культурных влияний, испытанных таджикскими писателями и получивших прямое или опосредованное отражение в их творчестве. Особое внимание в работе уделено рецепции таджикским писателем творчества классиков американской литературы в особенности Джек Лондона, Марк Твена, Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэе. Работа посвящена вопросам связи таджикских писателей и поэтов с американской литературой; влияния американской литературно-философской мысли на взгляды таджикских поэтов и писателей; изучению творчества американских поэтов и мыслителей в персидском и таджикском литературоведении.

Межлитературные связи и взаимодействия имеют немалое значение в развитии национальной

литературы и литературного процесса. Постоянное взаимодействие и взаимообогащение национальных культур является стимулом обмена художественными ценностями. «Следует различать воздействие иноязычного писателя на литературу и распространение его произведений в читательской среде, ибо это явление разного порядка и обусловлены они различными причинами: первая – внутренними потребностями воспринимающей литературы в процессе ее развития, вторая – общим ростом культуры» [3, с.11].

Особое место в развитии взаимообогащения литератур занимает художественный перевод мировой литературы на таджикский язык, а также надо отметить обратный перевод лирических произведений американской литературы на таджикский язык. Литературные связи получили дальнейшее развитие в начале XXI века в Республике Таджикистан. Это можно отметить и в таджикско-американских переводах художественной литературы. До этого в нашей литературе были художественные переводы из американской прозы и поэзии, которые перевели таджикские поэты и писатели. В развитии литературных взаимосвязей особое значение приобретают переводы сокровищ мировой литературы на таджикский язык и переводы произведений таджикской литературы на иностранные языки. Межлитературные взаимосвязи особенно сильное развитие получили в годы независимости нашей республики. То же самое можно сказать и о таджикско-американских литературных взаимосвязях. До провозглашения независимости Республики Таджикистан переводы американской художественной литературы на таджикский и, наоборот, переводы таджикской литературы на английский, осуществлялись через языки посредники (в основном через русский язык). Это тенденция продолжается и в наши дни, хотя в республике вырос целый ряд специалистов, хорошо знающих язык оригинала и прекрасно владеющих родным языком, переводящих непосредственно с иностранных языков и на иностранные языки. Так, за прошедший период через русский язык на таджикский были переведены такие произведения американских писателей, как роман «Мартин Иден», «Приключение Киша», «Волк» Джека Лондона и роман известного американского писателя Хорварда Ламса «Омари Хайям» на таджикский язык в журнале «Садои Шарк» в трёх номерах за 1989 год, О.Уайльда, «Лунный камень» У.Коллинза, «Портрет художника в юности» и «Улисс» Дж.Джойса, детективные романы А.Кристи, Дж.Х.Чейза и многие другие. В этой работе мы остановимся на некоторых особенностях перевода американской литературы на таджикский язык. Выберем для этого оригинал известного романа «Портрет Дориана Грея» О.Уайльда, а также его русский и таджикский переводы. Роман появился на таджикском языке в журнале «Садои Шарк» («Голос Востока») в переводе известного таджикского переводчика У. Холикова. Как известно, главный герой романа Дориан Грей не желает стареть, не хочет увидеть в зеркале свое старческое отражение – он хочет вечно остаться молодым, красивым.

Таким образом, надо отметить, американская литература стала необходимым звеном как в эстетическом развитии народа, так и в развитии национальных литератур. Об этом свидетельствует тот факт, что в послереволюционные годы американской поэзия получает большое распространение в республиках Средней Азии. В 1924 г. К. Баялинов переводит на таджикский язык ряд стихотворений Дж.Кристи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбузов А.Н. Особенности американской литературы.- М.: Наука, 2001.- 243 с.
2. Васильев Р.С. Характеристика современной американской литературы.- М.: Наука, 2012.- 265 с.
3. Рябова Л.М. Переводы произведений американской литературы.- М.: Наука, 2007.- 254 с.

ТАДЖИКСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

В этой статье автор исследует вопросы таджикско - американские литературные связи. На основе обширного материала автор показывает различные развития вопросы таджикские американские литературные связи.

Особое внимание в работе уделено рецепции таджикским писателем творчества классиков американской литературы в особенности Джек Лондона, Марк Твена, Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэе. Работа посвящена вопросам связи таджикских писателей и поэтов с американской литературой; влияния американской литературно-философской мысли на взгляды таджикских поэтов и писателей; изучению творчества американских поэтов и мыслителей в персидском и таджикском литературоведении.

Так, за прошедший период через русский язык на таджикский были переведены такие

произведения американских писателей, как роман «Мартин Иден», Приключение Киша», «Волк» Джека Лондона и роман известного американского писателя Хорварда Ламса «Омари Хайям» на таджикский язык в журнале «Садои Шарк» в трёх номерах за 1989 год, О.Уайльда, «Лунный камень» У.Коллинза, «Портрет художника в юности» и «Улисс» Дж.Джойса, детективные романы А.Кристи, Дж.Х.Чейза и многие другие. В этой работе мы остановимся на некоторых особенностях перевода американской литературы на таджикский язык. Выберем для этого оригинал известного романа «Портрет Дориана Грея» О.Уайльда, а также его русский и таджикский переводы. Роман появился на таджикском языке в журнале «Садои Шарк» («Голос Востока») в переводе известного таджикского переводчика У. Холикова.

Ключевые слова: перевод, художественный, связи, литературный, таджикский, американский, детективные романы.

TAJIK-AMERICAN LITERARY COMMUNICATIONS

In this article, the author explores issues of Tajik - American literary relations. Based on extensive material, the author shows various development issues of Tajik American literary relations.

Particular attention is paid to the reception by the Tajik writer of the works of classics of American literature, especially Jack London, Mark Twain, Theodor Dreiser, Ernest Hemingue. The work is devoted to the relationship of Tajik writers and poets with American literature; the influence of American literary and philosophical thought on the views of Tajik poets and writers; the study of the work of American poets and thinkers in Persian and Tajik literary criticism.

Thus, over the past period, works of American writers such as the novel Martin Eden, The Adventure of Kish, Jack Wolf of London and the novel of the famous American writer Horward Lams Omari Khayyam into Tajik in the journal "Tajik language" were translated into Russian and into Tajik. Sadoi Shark "in three issues for 1989, O. Wilde, "The Moonstone" by W. Collins, "Portrait of the Artist as a Young Man" and "Ulysses" by J. Joyce, detective novels by A. Christie, J.H. Chase and many others

In this work, we will focus on some features of the translation of American literature into Tajik. We choose for this the original of the famous novel "Portrait of Dorian Gray" by O. Wilde, as well as his Russian and Tajik translations. The novel appeared in Tajik in the magazine "Sadoi Shark" ("Voice of the East") in the translation of the famous Tajik translator U. Kholikov.

Keywords: translation, literary, communication, literary, Tajik, American, detective novels.

Сведение об авторе:

Гуломджонов Зариф Мирджонович - Преподаватель общеуниверситетской кафедры русского Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. Тел. (+992) 915143018

About the author

Gulomjonov Zarif Mirjonovich -Lecturer teacherat of deportment of the University Department of the Russian Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini Tel. (+992) 915143018

ОСВЕЩЕНИЕ В СМИ КЫРГЫЗСТАНА РОЛИ И ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО РИТУАЛА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КЫРГЫЗСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Балашова И.Г.

Кыргызско-Российский Славянский Университет

Принципы толерантности и гуманизма стали основой миропонимания и сосуществования в современном светском мире. Однако, особенности ментальности этнических групп, разных по происхождению, проживающих в Кыргызстане, зачастую имеют противоречивый характер, что, в свою очередь, может повлечь за собой непонимание, неприятие и разногласия, нарушающие адекватное функционирование современного социума в светском государстве. Поэтому особенно актуальным становится вопрос конфликта и сосуществования в условиях поликонфессионального и полиэтничного состава населения Кыргызской Республики.

Ставя эту проблематику в плоскость антропологии религии, неизбежно возникает вопрос возможностях взаимодействия культур и этносов на бытовом уровне, в сфере традиций, обычаев и обрядов. Изучение исторического опыта развития человечества позволяет выявить огромный пласт коммуникативных ритуалов в сфере принятия «чужаков» - традиции гостеприимства. Анализ этих традиций подводит исследователя к сравнительно новому направлению религиоведения – этологии религии, направлению, позволяющему проанализировать ритуальный комплекс тех или иных народов не только как фактологическую или семантическую константу, но как сплав элементов культуры,

традиций, жизненных условий, позволяющих наиболее удачно и с наименьшими потерями интегрироваться в социум.

Этология человека возникает в конце 70-х гг. XX в. Это наука, изучающая поведение человека, «неиспорченного» культурой, находящегося в «естественном» состоянии. Российский религиовед Марианна Шахнович определяет направление следующим образом: этология человека изучает влияние филогенетических [1, с.541] особенностей человека на его онтогенетическое [2, с. 355] развитие, исследует историю развития коммуникативного поведения от стадного к человеческому. Эти исследования основываются на изучении поведения детей в разных культурах, а также сравнении поведения взрослых в современном обществе и так называемых «естественных» первобытных культурах охотников и собирателей. Особое значение придается изучению невербальных способов коммуникаций, выражению эмоций, прежде всего, в виде жестов, а также проявлениям агрессивности, насилия и страха [6].

Этология человека также выявляет зависимость между агрессивностью человека и ритуалом. Важным вкладом в развитие представлений о поведении человека явилось открытие внутренних биохимических регулятивных механизмов этого поведения, связанных с влиянием вырабатываемых в организме самого человека гормонов, которые способствуют возбуждению и агрессии или, наоборот, создают состояние пассивности и умиротворения.

По мнению этологов, в частности, Р. Мастерса, человеческие культуры – это комбинации агрессии, страха и привязанности, проявляющиеся в различных вариантах. В то же время, агрессивность – это и индивидуальное проявление в поведении человека, несущее в себе как деструктивную, так и позитивную нагрузки (позитивность может проявляться в познавательной деятельности ребенка через агрессивное поведение, настойчивость в достижении цели также является проявлением агрессии человека) [7. с.274, 370]. Таким образом, в рамках этологических концепций религиоведения становится возможным изучение принципов терпимости и сосуществования в традиционных обществах не только по текстам писаний, но и на уровне «народной религиозности» в современном обществе.

Один из ведущих западных этологов И. Эйбл-Эйблсфельдт центральной проблемой своих исследований ставил агрессивность, проблему мира и войны в традиционном, а затем и в индустриальном обществах. Он связывает социальное поведение, развитие человека и различные формы коммуникации (такие как обонятельная, осязательная, визуальная, вербальная) в единую взаимосвязанную систему [2].

Корни агрессивности современный российский культуролог А.П. Назаретян видит в том, что человечество произошло от «сравнительно безобидного всеядного существа», не обладавшего мощным арсеналом нападения по сравнению с хищниками, поэтому человечество было лишено и сильных механизмов сдерживания агрессии. Однако, в процессе развития, человечество развивало искусственные виды оружия, что ослабило изначально слабый инстинкт торможения. Таким образом, человечество должно было найти альтернативные способы сдерживания агрессии во избежание самоуничтожения. Так началось становление цивилизации. А.П. Назаретян делает вывод о том, что мораль, религия, солидарность, милосердие, право – это либо превращенные формы агрессии, либо средства ее компенсации [4, с. 35, 25].

Современное общество характеризуется разрушением межличностных коммуникативных связей, а это, в свою очередь, приводит к нарушениям оппозиции «Мы-Они», а значит, увеличению уровня конфликтности в обществе. Еще одним фактором роста агрессивности и конфликтности является страх. Несмотря на то, что это чувство является естественным для человека и имеет позитивную сторону, в то же время страх может исказить познавательный процесс (это относится как к детскому мировосприятию, так и к социуму в целом). Таким образом, искаженное под влиянием страха человеческое сознание в большей степени поддается инстинктам и неконтрольным импульсам, в том числе агрессивности. Поскольку в любом человеческом обществе уже существует множество потенциальных конфликтных ситуаций, то страх и разрушение коммуникативных связей приводит к еще большему увеличению конфликтности.

Агрессивное поведение, считает И. Эйбл-Эбесфельдт, может быть ограничено ритуалом как некой социокультурной моделью, которая позволяет контролировать агрессию и предотвращать насилие, перенося агрессивное возбуждение в игру, имитирующую ситуацию, моделируя ее в воображении. С другой стороны, еще одной задачей ритуала (особенно это касается традиционного общества) является формирование неких стереотипов, обеспечивающих взаимодействие друг с другом, т.е. интегративная функция. Для современного общества нейтрализация агрессивных импульсов проходит под воздействием искусства, спорта и пр. Однако, принципы коммуникативных ритуалов остаются прежними: спорт (состязание как средство нейтрализации агрессии, совместные тренировки как налаживание коммуникативных отношений), дипломатические приемы, светские рауты и пр.

В целом, придерживаясь этологических позиций, мы считаем, что на протяжении многих веков ритуальное измерение религии было одним из основных регуляторов конфликтности в обществе, а значит, по сей день в этнорелигиозных традициях остаются реликты архаических приемов, направленных на разрешение конфликтов и сосуществование различных этнических общностей на одной территории (коммуникативные ритуалы).

Множество примеров этому находится в различных культурах на всем протяжении существования человеческого социума. Например, «трубка мира» – ритуал, распространенный среди индейцев Америки, заключался в совместном выкуривании представителями враждующих племен особенной смеси психотропных веществ. Несомненно, этот ритуал можно расценивать как диалог, поскольку совместная деятельность здесь подразумевает налаживание коммуникации, а использование психотропных веществ усиливает эффект. Со временем ритуал курения претерпел изменения, потерял свой сакральный смысл, однако коммуникативную функцию не утратил. По данным современных исследований, одной из 5 самых распространенных причин курения люди называют попытку влиться в новое общество.

Самым ярким примером коммуникативных ритуалов, направленных на снижение агрессии и конфликтности в обществе, являются ритуалы гостеприимства. Так, например, Ветхий Завет избилует строками о гостеприимстве: «Не говорили ли люди шатра моего: «О, если бы мы от мяса его не насытились»? Странник не ночевал на улице» (Иов 31,32). Или: И принесут немного воды, и омоют ноги ваши, и отдохните под сим деревом, а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите (в путь свой), так как вы идете мимо раба вашего (Бытие 18).

В Коране: «Дошла ли до тебя весть о почтенных гостях Ибрахима? О том, как они вошли к нему и сказали: «Мир вам!»? Он ответил: «Мир вам, люди незнакомые!». Потом он пошел незаметно к своим домочадцам и вскоре вернулся с жирным телятком. Он поднес угощение к ним и спросил: «не отведаете ли?» (Коран, 51:24-27). Или: «Поклоняйтесь Аллаху и не приобщайтесь к Нему сотоварищей. Делайте добро родителям, родственникам, сиротам, беднякам, соседям из числа ваших родственников и соседям, которые не являются вашими родственниками, находящимся рядом спутникам, странникам и невольникам, которыми овладели ваши десницы. Воистину, Аллах не любит гордецов и бахвалов» (Коран, 4:36)

Из приведенных выше строк понятно, что в христианстве и исламе гость принимается с почестями, его обязаны накормить и предоставить возможность отдохнуть от дороги. Таким образом, уже в священных писаниях устанавливаются предписания, регулирующие возможную агрессию по отношению к новому, незнакомому человеку. Необходимо отметить, что обычаи, связанные с гостеприимством в христианстве и исламе имеют общий корень – ветхозаветную традицию, а это означает, что кыргызстанские аксиологические традиции имеют ветхозаветные основы морали в качестве точки бифуркации[3]. Исторически в этнорелигиозных традициях Кыргызстана присутствуют не только ветхозаветные ценностные ориентировки, но они переплетаются с другими культурами, зороастризмом, манихейством.

Так, философ религии Е.В. Абдуллаев в главными категориями раннего зороастризма являлись категории «закон», «договор», «выбор», и на принципах уважения к договору и чужой жизни и имуществу должна была строиться власть. Серьезным этическим преступлением являлось не оказание помощи [1, с. 108, 109, 118]. В этнорелигиозных традициях Кыргызстана по сей день договор, заключаемый между сторонами в устной форме, является более общепринятой формой сделки, нежели подписание формального контракта или аналогичной формы юридической фиксации экономического взаимодействия. Надо заметить, что подобного рода договоры при этом заключаются в условиях тесного общения за накрытым столом, сопровождающихся рукопожатиями (осязательная форма коммуникации).

До сегодняшнего дня рукопожатие в исследуемом регионе считается одной из основных форм скрепления устного договора, и заставляет обращать на себя внимание в политических взаимодействиях и отражается представителями СМИ: «Как известно, географическое положение нашей страны, а также природа политиков подталкивает их к таким объединениям. Чтобы обрести поддержку как на юге, так и севере, видные джигиты обеих сторон вынуждены протягивать друг другу руки»[4] или: «Когда в сентябре прошлого года возглавлявший тогда правительство Кыргызстана Сапар Исаков и президент «Центерры» Скотт Перри подписали стратегическое соглашение по защите окружающей среды и развитию инвестиций, скрепив договор крепким рукопожатием, даже самые прожженные скептики усомнились в своем видении реальной картины. Неужели договорились? Точка? Новый этап отношений с инвестором? Факт, в который сложно поверить и трудно принять. Почему же даже закрепленные на бумаге договоренности казались чем-то невероятным?...»[5]. Как видно из приведенных примеров, синтаксическое значение текста подразумевает естественную связь между рукопожатием и свершившимся устным договором, причем, наличие письменных договоренностей здесь – второстепенное событие, являющееся ремой

всего текста. Таким образом, архаичный ритуал рукопожатия и устного договора настолько прочно вошел в жизнь региона, что даже в официально освещенных новостных событиях именно он, а не письменный договор римского права преподносится в качестве основной темы договора. А ведь именно СМИ отражают обывательские настроения и традиции.

Вообще, ритуал гостеприимства (накормить гостя, предоставить возможность отдохнуть) несет в себе интегративную функцию, ограничивающую агрессивность по отношению к гостю, формирует стереотип поведения, ограничивает возможный конфликт на почве оппозиции «Мы-Они». Кроме того, ритуал гостеприимства налаживает коммуникативные связи в различных формах.

У кыргызов, особенно среди населения сел, где сохраняются больше традиционные черты быта, нежели среди городского населения, распространен обычай приглашать гостя в дом (в юрту) к дасторхану. Отказ от еды со стороны гостя считается оскорблением для хозяина. Нами неоднократно наблюдался этот трансформированный обряд (вероятно, в результате его десакрализации и модернизации). Например, даже спешащему человеку, оказавшемуся в доме ненадолго, хозяин предлагает сесть за стол, а в случае отказа по веским причинам, гость должен съесть хотя бы маленький кусочек хлеба в доме, где он оказался. Очевидно, отказ гостя от пищи воспринимался ранее как отказ от коммуникативных форм общения, а следовательно, как отказ в диалоге, и четкое проведение грани в оппозиции «Мы-Они». Однозначно можно трактовать присказку «Коноктуу уйдү кут бар» («Гость - благодать дома»). Очевидно, фраза и понятия, с ней связанные, исходят из ритуализированной нейтрализации агрессии по отношению к незнакомцу. Вероятно, эти же корни имеет обычай дарить подарки хозяевам дома.

Русский обычай встречать гостей хлебом и солью выражался в подношении хозяйкой дома гостю каравая и солонки на пороге дома, при этом гостю было необходимо отломить кусок хлеба, обмакнуть его в соль и съесть, после чего гость приглашался в дом и усаживался за стол. Содержание и важность этого ритуала подчеркивает тот факт, что синонимом гостеприимства в русском языке является слово «хлебосольство», словосочетание «хлебосольный хозяин» означает человека радушного и гостеприимного. Этот ритуал практикуется в современных реалиях Кыргызстана только в свадебных обрядах (сватовство, выкуп невесты и пр.), на церемониях где необходимо подчеркнуть национальные традиции. Однако, обычай приглашать и усаживать гостя за стол сохранился до сегодняшнего дня, потеряв значительную часть своего символизма.

Ритуалы, связанные с гостеприимством имеют схожие черты практически во всех этнорелигиозных традициях, что прослеживается даже в народных сказках и мифологических сюжетах. Например, в русских сказках Баба-Яге предлагается «накормить-напоить гостя, баньку истопить и спать уложить, а потом уже о делах говорить». В.Я. Пропп, исследуя корни волшебной сказки, пришел к выводу, что упомянутые элементы относятся к ритуалам перехода в иной мир, а сама Баба-Яга выступает в качестве привратника потустороннего мира. Утощение, омовение и сон являются частями постепенного приобщения к потустороннему миру (еда из другого мира, смывание запаха, присущего всем живым существам) [6. с. 157-163]. Однако, из этих выводов понятно, что приемы гостеприимства являются универсальными средствами интеграции и диалога, как для мира живых, так и для мира мертвых.

Для нашей проблематики интересны общие элементы, свойственные большинству ритуалов гостеприимства: 1) угощение гостя; 2) омовение (умывание лица, рук, ног, баня и т.п.); 3) ночевка в доме принимающей стороны. Очевидно, что все эти элементы призваны наиболее успешной адаптации и интеграции гостя и хозяев, а значит, сведение возможных конфликтных ситуаций к минимуму. Причины этих ритуалов наиболее успешно описал В.Я. Пропп (см. выше), хотя и по отношению к ритуалам инициаций и связью с загробным миром, однако, актуальность функций еды, омовения и сна не утрачена и в коммуникативных ритуалах. Еда является приобщением к культуре принимающей стороны, омовение – ритуальное очищение, стирание старого запаха; сон, ночевка в хозяйском доме – приобретение привычного запаха, адаптация гостя. Таким образом, здесь соблюдены все формы коммуникации: вербальная, визуальная, тактильная, обонятельная. На гостя как бы прикрепляется своеобразная метка – «свой», тогда как до оказания гостеприимства гость еще воспринимается как «чужой».

В противопоставлении взаимодействия мифического героя с Бабой ягой можно рассмотреть контакты с не менее популярным Кощею Бессмертным. Общение с ним изначально конфликтно, не предполагает коммуникативной базы (как правило, в связи с иницируемым Кошеем конфликтом – похищение невесты). В этой связи бросается в глаза отсутствие соблюдения традиционного ритуала гостеприимства, упомянутого нами выше, место которого занимают, подчеркнуто конфликтные ритуальные испытания. В киргизских сказках и поверьях аналогом Кощея Бессмертного в отношении к ритуалам гостеприимства является ведьма Желмогуз. В сказках она фигурирует как существо, приходящее к костру главного героя. В разных вариантах сказок она либо отказывается от угощения и общения, прикрывая лицо рукой, либо переступает закона гостеприимства, приняв угощение, но

совершает попытку убить главного героя. В противовес злым силам, нарушителям законов гостеприимства выступают добрые силы, оказав которым помощь и гостеприимство, поделившись последней пищей и пр., главный герой получает богатство, удачу, мудрость и т.д., как, например, в сказке «Мудрые советы»

В СМИ Кыргызстана встречается достаточное количество упоминаний ритуалов гостеприимства и его основных составляющих: «Национальное блюдо для высоких гостей готовили в ночь перед их приездом. Кыргызстан для участия в заседании Совета глав правительств стран СНГ в понедельник прибыли премьер-министр России Дмитрий Медведев и вице-премьер Армении Ваче Габриелян. Во вторник в Бишкек приехали премьер Казахстана Карим Масимов, главы правительств Таджикистана и Беларуси — Кохир Расулзода и Андрей Кобяков, туркменский зампреда правительства Сатлык Сатлыкков»[6]

Необходимо отметить, что при анализе достаточно большого количества СМИ за последние 5 лет, нами было замечено игнорирование таких коммуникативных ритуалов как курение, возлияние, спортивные состязания (кроме сугубо этнических видов спорта, где коммуникация проходит на внутрикультурном уровне, например, кок-бору, тогуз-коргоол и пр.) и пр.

Однако, необходимость гражданского согласия прослеживается в трудах Ш.Б. Муллоева, справедливо подчеркнувшего, что отказ от постулата диалога привел к гражданской войне [3, с.79-80].

Исходя из вышеизложенного, становится возможным сделать следующие выводы.

- ритуальное измерение религии – один из самых мощных инструментов межрелигиозного и межэтнического диалога в традиционных обществах до возникновения секулярного общества и понятия светского государства.

- Несмотря на явную десакрализацию коммуникативного ритуала, они оказываются настолько эффективными в качестве регуляторов общественного воздействия, что активно освещаются в СМИ. Особенное значение для кыргызстанского общества приобретают коммуникация в качестве рукопожатия, и угощение гостей, что наиболее часто и активно освещается в периодических журналистских заметках и очерках.

- СМИ Кыргызстана уделяют особенное внимание интерпретации коммуникативных ритуалов, что может служить своеобразным маркером готовности определенно большей части общества к межкультурному и межрелигиозному диалогу.

- коммуникативные ритуалы, связанные с оппозицией «Мы-Они», «свой-чужой» остаются в современной жизни на уровне этнорелигиозных бытовых привычек, обычаев и традиций. Ритуалы могут быть десакрализованы и трансформированы под влиянием светского образа жизни, однако, они не утратили своих основных функций – налаживания коммуникативных отношений, нейтрализации агрессивности, сведения к минимуму конфликтных ситуаций.

- в современном межрелигиозном, межэтническом и межкультурном диалоге применяются основные принципы нейтрализации агрессии и конфликта, например, совместные тренинги, кофетейки и пр.

- на территории Кыргызстана основу этнорелигиозной традиции составляют прежде всего ветхозаветные аксеологические традиции (Библия, Коран), зороастрийские категории «договора», «закона», «выбора».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Е.В. Очерки культуры доисламской Центральной Азии: религия, философия, право. – Ташкент, 1998. С. 108-109, 118
2. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории./ Психобиологическая концепция И.Эйбл-Эйбесфельдта. Перспективы развития современной культуры. [<http://www.kulturology.ru/library/culturology/belik-a-a-kulturologiya-antropologicheskie-teorii/>]
3. Муллоев Ш.Б., Рахимов А.А. Современная таджикская журналистика. – Душанбе, 2016. С.79-80
4. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика социального прогресса)/ Курс лекций. – М., 1995. С. 35, 25
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.С. 157-163
6. См. Шахнович М. М. Религия как социальный институт: проблемы генезиса- Москва, Узкое, сентябрь 2011
7. Human Ethology. Cambridge, 1979. P. 274, 370

ОСВЕЩЕНИЕ В СМИ КЫРГЫЗСТАНА РОЛИ И ФУНКЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО РИТУАЛА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КЫРГЫЗСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Современные поликонфессиональные общества – основа светских государств. Однако, многоконфессиональность требует особого подхода в решении задач межкультурного и межрелигиозного диалога. Одним из наиболее архаичных, и наиболее жизнеспособных механизмов взаимодействия между разными этносами, культурами и религиями являются, так называемые

«коммуникативные ритуалы» - основавшись на ранних этапах своего возникновения на религиозной почве, и, позднее, потерявших свою сакральность, и перешедших на уровень этнических традиций и обычаев.

Немаловажный интерес для исследователя представляет интерпретация этих ритуалов в конкретном обществе, их трансформация в современном обществе, и влияние на повседневную жизнь людей в условиях межкультурного многообразия. Особую значимость для исследователя представляют собой СМИ как своеобразный маркер общественного отношения к тем или иным архаическим коммуникативным ритуалам.

В статье освещены часть этнических коммуникативных ритуалов, распространенных на территории Кыргызской Республики, проведен семантический анализ некоторых коммуникативных ритуалов, а также анализ их интерпретации в СМИ Кыргызстана.

В заключении внимание уделяется тому, какие религиозные коммуникативные ритуалы оказались наиболее распространены в обществе и наиболее освещены в СМИ Кыргызстана.

Ключевые слова: СМИ; этнология религии; коммуникативные ритуалы; бинарные оппозиции; Авеста; Библия; Коран;

MEDIA COVERAGE OF THE ROLE AND FUNCTION OF COMMUNICATIVE RITUAL IN KYRGYZSTAN AND ITS IMPACT ON KYRGYZ SOCIETY

Modern poly-confessional societies are the basis of secular states. However, multi-confessionality requires a special approach to solving problems of intercultural and inter-religious dialogue. One of the most archaic, and most viable mechanisms of interaction between different ethnic groups, cultures and religions is the so-called "communicative rituals" - based on the early stages of their emergence on religious grounds, and, later, lost their sacredness, and transferred to the level of ethnic traditions and customs.

The great interest of the researcher is the interpretation of these rituals in a particular society, their transformation in modern society, and the impact on the daily lives of people in the context of intercultural diversity. Of particular importance to the researcher are the media as a kind of marker of public attitudes towards one or another archaic communicative rituals.

The article highlights a part of ethnic communicative rituals common in the Kyrgyz Republic, conducted a semantic analysis of some communicative rituals, as well as an analysis of their interpretation in the Kyrgyz media.

In conclusion, attention is paid to what religious communicative rituals turned out to be most prevalent in society and most highlighted in the Kyrgyz

Keywords: media; ethology of religion; communicative rituals; binary oppositions; Avesta; Bible; Koran;

Сведения об авторе:

Балашова И.Г. - Старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО по изучению мировой культуры и религий Кыргызско-Российский Славянский Университет, г. Бишкек, Кыргызская Республика Ул. Абая 2а, кв.8, Первомайский район. E-mail: bagira_mia@rambler.ru Тел: (+996) 556 058 085

About the autor:

Balashova I.G. - Art. Lecturer at the UNESCO Chair on studying world culture and religions Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic St. Abaya 2a, ap.8, Pervomaisky district. E mail: bagira_mia@rambler.ru Phone (+996) 556 058 085

ТАСВИРИ БОДИ САБО ДАР АШЪОРИ ШОИРОНИ АСРИ Х

Забирова М.Э.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Тасвири табиат дар ашъори шоирони асри Х, алалхусус дар осори бозмондаи устод Рӯдакӣ мавқеи босазо дорад, зеро мавзӯи тасвири инсонии эҷодкор, хоса шоир, пеш аз ҳама, манзараҳои табиати афсункор аст, ки ўро ба илҳом меоварад. Устод Рӯдакӣ ва шуарои ҳамасраш, ки дар оғози адабиёти форсии тоҷикӣ қарор доштанд, тасвиrotу ташбеҳот ва истиороти онҳо ҳама табиӣ буда, ба зехни хонанда наздиканд. Чигунагии тарзи тасвир ба маҳорат ва ҳунари шоир вобаста аст. Бино ба қавли мунаққиди бузурги рус В.Г. Белинский, «даҳои адабӣ чӣ қадар бузург бошад, ў табиатро ҳамон андоза мукаммалу возеҳ ба тасвир меоварад ва робитаи устувори ўро бо ҳаёт таъйин менамояд» [3, с.70]. Рӯдакӣ ва шоирони дигари асри Х бо мавзӯоте саруқор доштанд, ки пеш аз онҳо суруда нашуда буд ва табиати бихиштосори Мовароуннаҳру Хуросон беш аз ҳама мавриди таваҷҷуҳи суханварон қарор гирифтааст.

Яке аз унсурҳои табиӣ, ки ҳангоми тасвири табиат дар ашъори шоирони ин аҳд вомерхӯрад,

тасвири «боди сабо» мебошад, ки бо номҳои бод, насим, насими саҳар, насими бомдод, боди бомдодӣ ва ғайра ёд мешавад. Аз шарҳу тафсири муаллифони фарҳангу луғатҳо бармеояд, ки сабо- бодест, ки субҳ дар вақти тулӯи офтоб хангоми баҳор аз ҷониби Машриқ мевазад, хушӯ латиф дорад ва сабаби сарсабзиву хурраи мешавад, гулҳо маҳз бо вазидани ӯ мешукуфанд. Дар тасвири шоирони асри X «боди сабо», пеш аз ҳама, ба сифати падидаи табиати муъҷизакор аст, ки хангоми баҳор мевазад ва «олами пирро ҷавон» мекунад. Устод Рӯдакӣ мегӯяд:

*Омад баҳори хуррам бо рангу бӯйи тиб,
Бо сад ҳазор нузҳату оройиши аҷиб.
Шояд, ки марди тир бад - ин гаҳ шавад ҷавон,
Гетӣ ба дил ёфт шабоб аз пайи машиб.
Чархи бузургвор яке лашкаре бикард,
Лашкар-и – абри тираву боди сабо – нақиб. [1, с.61]*

Хангоме ки шоир шеър меофарад, бино ба гуфтаи Ризо Бароҳанӣ, пулуро мемонад, ки аз як сӯйи он маводи хоми табиат ҷараён меёбад ва аз сӯйи дигари он махлуқоти шеърӣ ва ё шоир ҳукми он корхонаеро дорад, ки дар коргоҳи зеҳни худ ба ашё шакли инсонӣ мебахшад [2, с.5]. Дар абёти фавқузикр устод Рӯдакӣ фасли баҳорро ба тасвир оварда, ки бо ҳазор рангу бӯйи хуш ва бо сад ҳазор покию зебу зинати шигифтангез ҷаҳонро зебу зиннат додааст. Дар тасвири шоир ҷаҳон дар зимистон мисли инсонии пири фартуту бемор буд ва бо омадани баҳори исодам аз нав ҷавону тандуруст гардидааст. Дар байти дувум шоир мегӯяд: Шоиста аст, ки дар ин айём (яъне, баҳор) инсонии пир ҷавон шавад, зеро дунё баъд аз сардию пириии зимистон ҷавон ва сарсабзу хуррам гаштааст [4, с.15] Дар байти сеум шоир осмонро ба масобаи шоҳи муқтадире ба тасаввур меоварад, ки лашкар ороштааст ва лашкари ин шоҳи бузург (чарҳи бузургвор) абри сиёҳ асту боди сабо сарҳанг, сарлашкар ва сарвари ин лашкари азим мебошад. Дар ин тасвири Рӯдакӣ «сабо» ба маънии муқаррарияш, ба сифати як навъи бод ва як унсури табиат ба кор рафтааст. Дар байти дигари ҳамин китъаи шеърӣ шоир бодро, ки мурод аз он боди сабост, табибе медонад, ки бо овардани бӯйи гулу суман «ҷаҳони бемор»-ро шифо бахшидааст:

*Якчанд рӯзгор ҷаҳон дардманд буд,
Беҳ шуд, ки ёфт бӯйи саман, бодро табиб. [1, с.61]*

Дар ғазали дигари устод Рӯдакӣ «боди сабо» бо хусусиятҳои вижааш зухур мекунад, ки се байти онро метавон дар сифати боди сабо номид. Гарчанде дар ин ғазал исми сабо зикр наёфтааст, аммо аз тасвири шоир бармеояд, ки муродаш боди сабост:

*Ҳар бод, ки аз сӯйи Бухоро ба ман ояд,
3-ӯ бӯйи гулу мушқу насими саман ояд. [108]*

Ин бод аз Ватани азизи шоир – Бухоро мевазад ва ҳар бод, ки аз сӯйи Ватан мевазад, барои шоири ватанпараст азизу муқаррарам аст. Аз он ҷо, ки аз ин бод «бӯйи мушқу насими суман» меояд, мурод ҳамон боди сабост, ки бино ба таърифи муаллифони фарҳангу луғатҳо, хангоми баҳор аз ҷониби Машриқ мевазад, насими хушӯ латиф дорад ва гулҳо маҳз бо вазидани ӯ мешукуфанд.

Шоир бар он аст, ки ҳар марду зан қодир ба ташҳиси ин бод нестанд ва аз ин рӯ, ки «бӯйи гулу мушқу насими суман» дорад, шояд аз Хутан, ки макони мушқ аст, меояд:

*Бар ҳар зану ҳар мард қучо барвазад он бод,
Гӯйӣ магар он бод ҳаме аз Хутан ояд.*

Шоир аз ин андеша бармегардад, зеро аз Хутан бод чунин хуш намевазад ва ба хулосае меояд, ки ин боди хушбӯй аз бари маъшуқи ӯ, ки дар ватани азизаш - Бухоро сукунат дорад, мевазад ва аз ин сабаб хушбӯю гуворост:

*Не, не, зи Хутан бод чунин хуш навазад ҳеч,
К - он бод ҳаме аз бари маъшуқи ман ояд.*

Аз «бари маъшуқ» вазидани ин бод далели дигар ба боди сабо будани он аст, зеро танҳо боди сабост, ки ба қӯйи маъшуқ гузар дорад ва бӯйи зулфи маҳбубаро мепароканад. Ин хусусияти « боди сабо» дар шеъри шоирони баъдӣ, алалҳусус Ағтору Мавлоно ва шоирони ориф чун Саъдию Ҳофиз ба таври возеҳ ба тасвир омада, ки мавзӯи баҳси дигар аст.

Дар осори бозмондаи Рӯдакӣ муродифи боди сабо – «боди барин» низ ба кор рафта ва шоир дар баробари «боди сабо» боди муҳилифи он «боди фурудин»-ро меоварад:

*Гетӣ-т чунин омад, гарданда бад-ин сон,
Ҳам боди барин омад, ҳам боди фурудин. [1, с.296]*

Мураттиби «Девон»-и устод Рӯдакӣ Қодири Рустам дар мавриди байти зикршуда менависад: «Ба навистидаи «Луғатнома»-и Деҳхудо, «боди фурудин» боди дабур, ё худ боди чанубӣ аст ва «боди барин»» боди сабо, ё боди шимол, «чи кутуби шимол баланд аст ва чанубӣ фуруд ва боди чанубӣ ва дабур музир аст ва боди сабо ва шимол нофеъ» (Луғатнома, зайли «боди фурудин»). Ин вожаро бархе фарҳангҳои тафсири ва мураттибони кутуби ашъори Рӯдакӣ нашри Тоҷикистон ба сурати «боди фаривадин» овардаанд, ки таносуби каломро барҳам зада ва байтро бемантиқ кардааст. [5, с.132].

Шоирони ҳамасри Рӯдакӣ, ки аксар шоғирдони ӯ буданд, дар пайравӣ аз устоди сухан бод, алалхусус «боди сабо»-ро бо ранги чилваҳои мухталиф ба тасвир овардаанд. Масалан, нахустшоираи адабиёти форсии тоҷикӣ Робеаи Балхӣ фасли баҳорро чунин тасвир мекунад:

*Зи бас гул, ки дар боғ маъво гирифт,
Чаман ранги «Аржанг»-и Моно гирифт.
Сабо нофаи мушки Тиббат надошт,
Чаҳон бӯйи мушк аз чӣ маъно гирифт?!
Магар чаими Маҷнун ба абр андар аст,
Ки гул ранги рухсори Лайло гирифт. [1, с.114]*

Дар шеъри шоирони асри X ташбеҳ нақши асосӣ дорад ва нуктаи ҷолиб он аст, ки ин ташбеҳот аксар табииянд. Дар байти аввали ғазали боло шоира чаманро дар ҳангоми баҳор ба «Аржанг» - и Монӣ ташбеҳ мекунад. Ваҷҳи ташбеҳ ҳамонро зебоию рангорангии гулҳои баҳорӣ ва расмҳои зебои китоби «Аржанг»-и Монист. Монӣ «асосгузори дини монавист, ки дар замони Шопури Сосонӣ даъвои пайғамбарӣ кард ва китоби худ «Шопургон»-ро ба вай тақдим намуд. Монӣ динашро бо роҳи расму суратҳои зебо тарғиб мекард ва аз ин сабаб дар адабиёти форсӣ - тоҷикӣ намоди (символ) наққошӣ ва рангорангӣ аст. «Аржанг», ки дар шакли «Жанг» ва «Артанг» низ омадааст, номи китоби мусаввари Монист ва ин ҷо зебоӣ ва рангорангии он дар назар аст» [4, с.25].

Дар байти дувум шоира бо корбурди санъати таҷоҳули ориф худро ба нодонӣ мезанад, ки сабо нофаи мушки Тиббат надошт, аз чӣ сабаб бо вазидани он чаҳон пур аз бӯйи мушк гардид. Дар ин байт сабо бо хусусияти хосааш, яъне бӯйи гулу мушк доштаниаш тасвир шудааст. Дар байти сеум Робеа Балхӣ ранги гулро ба рухсори Лайлӣ монанд кардааст. Бе ҳеҷ шакле Робеаи Балхӣ ин байтро бо илҳом аз шеъри машҳури устод Рӯдакӣ сурудааст:

*Бихандад лола бар саҳро, ба сони чеҳраи Лайло,
Бигиряд абр бар гардун, ба сони дидаи Маҷнун. [6, с.137]*

Ғазали дигари Робеаи Балхӣ, ки дар радифи бод суруда шудааст, аз матлаъ то мақтаъ дар тавсифи бод аст, ки хусусиятҳои боди сабо баръало мушоҳида мешавад:

*Фишонд аз савсану гул симу зар бод,
Зиҳӣ боде, ки раҳмат бод бар бод.
Бидод аз нақши Озар сад нишон об,
Намуд аз сеҳри Монӣ сад асар бод.
Мисоли чаими Одам шуд магар абр,
Далели лутфи Исо шуд магар бод.
Ки дур (р) борид ҳар дам дар чаман абр,
Ки ҷон афзуд хуш-хуш дар шаҷар бод.
Агар девона абр омад, ҷаро пас,
Қунад арза сабӯҳӣ ҷоми зар бод?!
Гули хушбӯй, тарсам, оварад ранг
Аз ин ғаммоз субҳи пардадар бод.
Барои чаими ҳар ноаҳл гӯй,
Арӯси боғро шуд ҷивагар бод.
Аҷаб чун субҳ хуштар мебарад хоб,
Ҷаро афканд гулро дар саҳар бод? [1, с.116]*

Гарчанде дар ғазали боло исми сабо нест, аммо аксари сифатҳои, ки шоира ба бод мидиҳад, марбут ба боди сабост. Тавре ки аз шарҳи шорехону муаллифони фарҳангу луғатҳо мушоҳида мекунем, «боди сабо» бӯйи гулу савсанро ҳамроҳ дорад ва бо вазидани он гулҳо мешукуфанд. Ин маънӣ дар байти матлаъ ба даст меояд, ки бо вазидани боди сабо гулу савсан монанди зару сим ба сахни чаман пош мехӯранд. Шоира сифати ашъи боди саборо бо тамоми ҳастияш эҳсос карда ва дар таҳайюли шоиронааш саборо шоҳе ба тасаввур оварда, ки ба сари зердастонаш зару сим мефишонад. Муҳаққиқи эронӣ Ризо Бароҳанӣ менависад: «Дар шеър гуфтаи як навъе ҳолати орифона вучуд дорад ва навъе аз худ беҳуд шудан дар паҳноӣ бекаронагии ашъ. Шоир

орифе ҳаст, ки мехоҳад ба ҷойи маъбуд ба ашё пайванд ёбад» [2, с.5]. Дар байти дувум шоира ба Озари буттарош – падари ҳазрати Иброҳим ва Монӣ талмех мекунад. Агар муъҷизаофаринии об ба буттарошии Озар ташбеҳ шуда бошад, «боди сабо» садҳо сеҳргунаҳое аз гулу савсан монанди сеҳри мусаввараҳои Монӣ ба вучуд овардааст.

Дар байти сеум боди сабо монанди Исо –пайғамбар, ки бо изни Худованд мурдаҳои садсоларо зинда мекард, ҷаҳон, табиати дар зимистон мурдаро аз нав зинда мекунад. Ҳамин сифати ҷонбахшии боди сабо дар байти ҷаҳорум таъкид шуда, ки ба шачар - дарахтон ҷони тоза мебахшад.

Байти панҷум тасвири шигарфе аз боди сабову абр аст. Дар корғаҳи таҳаёли шоира абр ақлбохтаеро мемонад, ки ин қадар дурр (зар, ҷавохирот, киноя аз қатраҳои борон)-ро сарфи ҷаман мекунад ва бод зару сим (киноя аз гулбарғҳои гулу гиёҳон)-ро ба ҷоми гул (косабарғҳои гулу лола, ки монанди қадах, ҷом аст) мерезад.

Дар байти шашум ба чанд сифати боди сабо ишора мешавад, бидуни он ки номе аз сабо оварда шавад: ғаммоз, пардадар ва субҳхезӣ. Ин сифатҳои боди сабо дар шеъри шоирони ориф, монанди Ҳофиз бо рангу тобишҳои муҳталиф баён шудаанд, ки мавзӯи баҳси алоҳида аст. Шоира аз он нигарон аст («тарсам»), ки гули хушбӯй аз ин ғаммозию пардадари боди сабо, ки бӯйи ўро парокандаву пардаи ўро даридааст, шарм мекунаду сурх мешавад («ранг оварад»).

Дар таҳаюлотии шоиронаи Робеаи Балхӣ (байти ҳафтум) боди сабо машшотаи боғ аст, ки онро чун аруси дар хуланишаста ороиш медиҳад. Байти мақтаъ, ки тасвири олие дар худ дорад, монанди байти ҷаҳорум ба сифати саҳархезии боди сабо ишора мешавад. Бино ба қавли муаллифони фарҳангҳо, боди сабо аслан саҳар, вақти тулӯи офтоб мевазад ва бо вазидани он гулҳо мешукуфанд. Дар ин байт шоира тааҷҷуб мекунад, ки «сабо» ҳангоми саҳар, ҳине ки гулу савсан дар ҳоби хушанд, мевазад ва онҳо бедор мекунад.

Тасвири табиат, хосса фасли баҳор дар ашъори бозмондаи шоирони асри X мақоми бузург дорад ва ин суҳанварон табиати биҳиштосои ватани хешро бо камоли хунармандӣ ба тасвир овардаанд, ки боди собо чун унсурҳои асоии табиат дар фасли баҳор дар ин тасвирот нақши калидӣ дорад. Шоирони асрҳои баъдина, ки шеърро ба ҳадди камол расонданд, бе ҳеч тардид назар ба шеъри Рӯдакӣ ҳамасронаш доштаанд.

АДАБИЁТ

1. Ашъори ҳамасрони Рӯдакӣ. Душанбе, 2007.
2. Бароханӣ, Ризо. Тилло дар мис. Техрон, 1367.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 5 т. - М., 1953. - Т. 2.
4. Исрофилиё Ш.Р. Шарҳи мунтахаби ашъори устод Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ. – Душанбе. Пайванд, 2016.
5. Қодири Рустам. Шеъри саҳеҳи Рӯдакӣ\ Садои Шарк, 2005, № 10-12, - С. 132-136.
6. Нуров Амон. Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ. - Душанбе, 1990.
7. Рӯдакӣ. Девои. Таҳия, тасҳех ва ҳавошии Қодири Рустам. – Омотӣ, 2007.

ОПИСАНИЕ ОБРАЗА «УТРЕННИЙ ВЕТЕРОК» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЭТОВ X ВЕКА

В данной статье автор приводит результаты анализа способов описания природы, особенно одного из его элементов – «утреннего ветерка» в поэтических произведениях поэтов X века, в частности А. Рудаки и

Р. Балхи. Автор, на примере стихотворений, утверждает, что в поэзии X века, при описании природы, поэты очень часто использовали выражение «утренний ветерок», и в их описании заключалась ключевое значение данного выражения. Автор статьи, в ходе анализа, приходит к выводу, что при описании «утреннего ветерка» в классической литературе, в частности в поэтических произведениях X века, данное выражение имеет многосторонний характер и значение, которые встречаются у поэтов X века, в частности в стихах А. Рудаки.

Исследуя другие произведения разных поэтов X века, автор смог выявить особенности и значение образа «утренний ветерок» в каждом произведении, и указал на причины и способы совершенствования этого образа в литературе.

Ключевые слова: *природа, ветер, утренний, изображение, вымысел, поэт, спор, образ.*

THE DESCRIPTION OF THE IMAGE "MORNING BREEZE" IN THE WORKS OF POETS OF THE X CENTURY

In this article the author gives the results of the analysis of the ways of nature description, especially one of its elements – "morning breeze" in the poetic works of poets of the 10th century, in particular A. Rudaki and R. Balkhi. The author, on the example of poems, argues that in the poetry of the X-th century, in the description of nature, the poets often used the expression "morning breeze", and in their description was the key meaning of this expression. The author of the article, in the course of the analysis, comes to the conclusion that in the

description of the "morning breeze" in classical literature, in particular in the poetic works of the X-th century, this expression has a multilateral character and meaning that are found in the poets of the X-th century, in particular in the poems of A. Rudaki.

Exploring other works of different poets of the Tenth century, the author was able to identify the features and significance of the image of the "morning breeze" in each work, and pointed to the reasons and ways to improve this image in the literature.

Keywords: *nature, wind, morning, image, fiction, poet, dispute, image.*

Сведение об автор:

Забирова Мехринисо Элбековна – соискатель кафедры теории и истории литературы Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни. Адрес: 734003, г. Душанбе, пр. Рудаки 121, тел: (+992) 91-900-65-25, E-mail: zabirzoda70@mail.ru

About the author:

Zabirova Mehriniso Elbekovna - applicant for the theory and history of literature department of the S. Aini Tajik State Pedagogical University. Address: 734003, Dushanbe, 121 Rudaki Ave., tel: (+992) 91-900-65-25, E-mail: zabirzoda70@mail.ru

РОЛЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВОСПИТАНИИ И РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ

Исломова Дж.М.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Известно, что детская литература является неотъемлемой частью художественной литературы и служит важнейшим каналом воспроизводства духовности человечества. Потребность в детской литературе, служащей как воспитательным, так и педагогика нравственным целям, была осмыслена довольно давно. Ещё русский просветитель XVIII века Н.И. Новиков в своем трактате «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия» теоретически обосновывал основные задачи детской литературы. По его мнению, детские книги должны обучать «чувствовать справедливо», «упражнять» детей «в употреблении чувств», развивать «разум и сердце». А также соответствовать требованиям «образования разума» и «обогащения познания», одновременно являясь занимательными и «приятными», чтобы юные читатели «полюбили свою пользу».

Детская литература совместно с педагогикой должна выполнять задачу воспитания детей «счастливыми людьми и полезными гражданами». Это неоднократно подчёркивается Н.И. Новиковым. Создание детской литературы совершалось с участием классиков русской литературы, создавших золотой фонд художественной литературы для детей.

Вторая половина XIX века - интереснейший период в истории русской детской литературы, время её формирования и расцвета. В это же время впервые происходит разграничение литературы собственно детской и литературы образовательной. Этот период необыкновенно плодотворный для русской литературы в целом и, в частности, для литературы для детей и о детях. Это период, когда в литературе одновременно сосуществуют такие писатели, как. К.Д. Ушинский, Л.Н.Толстой, В.Г.Короленко, А.П. Чехов,

А.И. Куприн, Д.В. Григорович, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.М. Гаршин и Ф.М. Достоевский.

России литература для детей стала выделяться как особая область в ХУ1-ХУП веке в виде потешных листов, азбук и букварей. Наряду с этим существовала богатейшая фольклорная традиция сказок, былин, песен, которые, не являясь исключительно ориентированными на детскую аудиторию, интенсивно ею потреблялись, существуя долгое время в устных формах. Всё это совместно с моралистической литературой, беллетристикой и различными пересказами библейских и евангельских сюжетов составляло круг чтения ребёнка ХУП- конца ХУИИ века.

В XIX веке русская детская литература перешагнула на новую ступень своего развития и тогда же начала формировать свой золотой фонд, насчитывающий сотни названий художественных произведений.

Относительно в таджикской классической детской литературе можно привести в пример, сказки «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна» А. Рудаки, «Кабуснаме» Унсурал Маоли Кайковуса, а также отдельные произведения Восифи, Низами, Хилоли и ряд других авторов. На основе произведения таджикско-персидских классиков в России в ХУИИ веке для семьи Романовых с целью воспитания духа и благородных качеств, для будущих наследников престола были обобщены и изданы детские книги воспитательного характера, к чтению которых будущие цари часто возвращались уже в зрелом возрасте.

Принцип формирования и разграничения текстов детской и “взрослой” литератур меняется от

эпохе к эпохе и, расширяясь, захватывает часть произведений, которые раньше относились к области литературы взрослой. Можно даже сформулировать закон, согласно которому часть “взрослых” произведений пограничных жанров, а именно авантюрных, приключенческих, художественно-документальных и ряда текстов, относящихся к фольклору и эпосу, постепенно переходят в детскую литературу.

Отдельно выделенная тема детства появилась в русской и зарубежной литературе сравнительно поздно.

Однако более полное выражение тема детства нашла уже не при романтизме, а гораздо позднее, когда романтизм давно уже был на спаде и практически не проявлялся - в середине 50-х - начале 60-х годов XIX века. Реалистическая повесть о детстве является одним из наиболее интересных открытий этого периода. Разумеется, подобные попытки были и раньше, но по глубине психологического проникновения они намного уступали своим поздним собратьям. Повести о детстве второй половины XIX века счастливо сочетали в себе как мемуарный элемент, наполняющий их жизненным правдоподобием, так и обобщающее- психологический пласт, который выводил такие повести за рамки простых воспоминаний о днях отрочества и юности.

Повести о детстве появились в определенную историческую эпоху, когда остро назрели социально-исторические противоречия, непосредственно вызвавшие реформу 1861 г. Важным представляется тот факт, что Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков, П.А. Кулиш, А.Я. Панаева выступили в роли своеобразных летописцев уходящей в прошлое эпохи, сохраняя память о традиционной культуре, национальном быте, семейном укладе определенных социальных слоев общества (дворянства, разночинной богемной среды). Так, в книгах «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» Аксаков бросил прощальный взгляд на эпоху XVIII века, запечатлев быт провинциального дворянства. Толстой в «Детстве» изобразил уклад усадебной дворянской жизни начала XIX века. Изображая детство, писатели осмысливали уходящую историческую эпоху, подводили определенные итоги (возможно, даже не ставя перед собой такой задачи). И это имело объяснение: пред реформенное время провоцировало людей на осмысление пройденного исторического этапа, вызывало желание сквозь прошлое «прозреть», понять будущее.

Отметим наиболее характерные из них. Рассказ о жизни маленького героя писатели, как правило, выстраивают на основе своих личных впечатлений и воспоминаний (автобиографическая основа повестей о детстве). Но все эти произведения не укладываются в рамки строго документальной литературы: как показало сопоставление текстов с биографическими сведениями о жизни писателей, часто не менее важную роль в повестях играет вымысел, поэтому целесообразнее было бы обозначить произведения Толстого, Гарина-Михайловского, Кулиша, Панаевой и Аксакова не как автобиографические, а как художественно автобиографические тексты.

К влиянию такой определенной исторической эпохи на таджикских писателей оказала Октябрьская революция. Автобиографические произведения С. Айни в «Воспоминаниях» («Ёддоштх,о»), повести «Одина», повесть Сотима Улугзода «Утро моего детства» в которых были ярко отражены социально-исторические противоречия.

В повестях о детстве используется своеобразный сюжет, в основе которого лежат мало занимательные, на первый взгляд, события, лишённые остродраматического начала.

События детских лет воссоздаются писателями в форме воспоминаний от первого лица, которая позволяет показать события как бы под двойным углом зрения: сочетается взгляд ребенка, по большей части наивно воспринимающего мир, и житейская мудрость взрослого человека, дополняющая и корректирующая восприятие юного героя.

В результате в повестях о детстве явно намечается противопоставление двух времен: «тогда» (время, в которое действует ребенок) и «сейчас» (время создания воспоминаний). Такое противопоставление настоящего и прошлого, как представляется, призвано не только указать на временную границу между прошлым и настоящим, но усилить противопоставление между двумя мирами - взрослого и ребенка. В соответствии с этим можно говорить об особом отношении авторов к миру детства, которое приобретает для них особую лиричность, задушевность и красоту.

Не случайно повествование часто нарушается лирическими отступлениями, основной темой которых становится грусть по золотому утраченному детству (исключением в этом плане становится только повесть Панаевой).

Своеобразным построением в повестях о детстве отличается и система персонажей, в центре которой стоит образ маленького героя. И это не случайно, поскольку основной акцент делается авторами на раскрытии личности, характера ребенка, на его постепенном взрослении. Остальные персонажи важны только с точки зрения своего влияния на личность ребенка. И среди них особая роль отводится семье, наставникам и сверстникам.

Заметно выделяется в повестях о детстве ряд сквозных мотивов и эпизодов. Отметим два, наиболее популярных из них: это эпизод, который сыграл роль поворотного момента в жизни ребенка

(например, первый отъезд из дома), и мотив первого горя.

Ярким примером вышеизложенного на мой взгляд, может послужить сюжет новеллы «Отцы и дети» Эрнеста Хемингуэя, где отец задается вопросом, ну как ему расскажешь и объяснишь эти чувства первой любви, а ребенок уразумел изложенный рассказ гораздо глубже и заключил: вот было бы здорово если бы всех нас похоронить в одном месте тогда можно было бы легко посещать могилу дедушки и близких .

Например: на нашем ранчо.

Желание авторов запечатлеть, остановить на некоторое время детство побуждает их выбрать особый способ воспроизведения событий, в котором важную роль отводится детализированному описанию разнообразных предметов и вещей; зрительная осязаемость описываемого также является одним из устойчивых компонентов художественного мира повестей о детстве.

Скрупулезный анализ повестей о детстве дал не только возможность полно и обстоятельно обрисовать литературный процесс середины XIX века, но и определить место Л.Н. Толстого в этом процессе. Сопоставление повести «Детство» с тематически близкими

произведениями выявило безусловное её первенство.

Позднее вспоминая о своей работе над произведением «Детство» Толстой не раз утверждал, что писать для детей гораздо сложнее, чем для взрослых.

«Детство» Л.Н.Толстого и «Детские годы Багрова-внука» С.Т.Аксакова ввели в детскую литературу героя-ребёнка, обладающего свежим, не предвзятым взглядом на мир. Мир ребёнка уникален и самодостаточен, он разительно отличается от мира взрослого. Многие события, казалось бы, неважные с точки зрения выросшего человека, для ребёнка приобретают огромное значение и, напротив, события огромной для взрослого важности легко могут остаться вне поля зрения ребёнка.

Представляется символичным, что «Детство»(1852) - первое крупное произведение Л.Н.Толстого. Именно эта повесть, опубликованная в «Современнике», впервые заявила читающей публике о появлении нового яркого писателя, будущего автора «Войны и мира» и «Анны Карениной».

На примере «Детства», «Отрочества», «Юности» Л.Н.Толстого и «Семейной хроники», «Детства Багрова - внука» С.Т.Аксакова можно проследить, что тема детства является соединительным мостом между литературой детской и взрослой. С середины XIX века она постоянно присутствует в творческом сознании русских писателей. К детству как главному формирующему личность периоду обращается и И.А. Гончаров

в «Обломове»(1859), и М.Е. Салтыков-Щедрин в «Господах Головлевых» (1880) и «Пошехонской старине»(1889).

« Воспитание - великое дело; им решается участь человека. Все говорят о важном влиянии воспитания на судьбу человека, на его отношение к государству, к ближним и к самому себе... Слово еще не есть дело , всякая истина , как бы ни была она несомненна, но если не осуществляется в делах и поступках произносящих ее - она есть только слово, пустой звук ,- та же ложь ...Питайте и развивайте в детях чувство, возбуждайте чистую, а не корыстную любовь к добру; заставляйте их любить добро для самого добра, а не из - за награды, не из выгоды быть добрым; возвышайте их души примерами самоотвержения и весомости в делах и не докучайте пошлою моралью ... В детях, с самых ранних лет, должно развивать чувство изящного, как один из первейших элементов человечности ... развивайте также в них и эстетическое чувство, которое есть источник всего прекрасного, великого, потому что человек лишенный эстетического чувства стоит на степени животного ... ».

«Лучше совсем ничего не читать, чем читать плохую и мало художественную книгу».

Книги для детей должны быть источником высоко - художественного, эстетического, нравственного воспитания.

« Целью детских книжек должно быть не столько занятие детей каким- нибудь делом, не столько предохранение их от дурных привычек и дурного направления, сколько развитие данных им от природы элементов человеческого духа,- развитие чувства любви, и чувства бесконечного.

Прямое и непосредственное действие таких книжек должно быть обращено на чувства детей, а не на их рассудок. Чувство предшествует знанию Детские книжки должны показать им, что мир и жизнь прекрасны, т. к. они суть Кто не почувствовал истины, тот и не понял и не узнал ее

Преимущественное развитие чувства дает им полноту, гармонию и поэзию жизни Они должны знакомить их с таинством страдания, показывая его, как другую сторону одной и той же любви, как блаженство своего рода,... как необходимое состояние духаИ все это детские книжки должны передавать своим маленьким читателям ... в повествованиях и картинах, полных жизни и движения, проникнутых одушевлением, согретых теплотой чувства, написанных языком легким, свободным, игривым, цветущим в самой простоте своей ,- и тогда они могут служить одним из самых прочных оснований и самых действенных средств для воспитания».

Простая изложенная мысль, любовь к матери, к семье, к близким, друзьям и Родине ярко и просто изложена в стихотворении и песни «С чего начинается Родина...».

«С картины в моем букваре, а может она начинается с той песни, что пела нам Мать, с хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе».

Картина “Родина – мать зовет !” написанная художником Таидзе на следующий день после начала Отечественной войны 23 июня 1941 , разве не великое произведение понятное восприятию взрослого и ребенка .

И в дополнение к этому стихи Эраджа Мирзо : Алфоз ниьоду гуфтан омўхт ... Думаю, что мама является первым логопедом, лингвистом, учителем а также первым автором, первых художественных произведений для своих детей –будущих граждан своих стран .

Огромное духовное влияние оказывают на взрослого и ребенка стихи А.Джами :

<i>Не забывай кто-б не был ты,</i>	<i>Что матерью рождён</i>
<i>Что теплым молоком груди,</i>	<i>Был в детстве напоён</i>
<i>Что в час напасти и беды</i>	<i>Терзаясь и томлюсь</i>
<i>Она, как рыба без воды</i>	<i>Душой к тебе рвалась</i>
<i>Всю жизнь с начала до конца</i>	<i>В дар принесла тебе</i>
<i>И словно вещая звезда</i>	<i>Она в твоей судьбе.</i>
<i>Ты мать родную защити!</i>	<i>Всю славу и почет!</i>
<i>Сложи ковром на том пути</i>	<i>Каким она пройдет</i>
<i>Стань пылью ног её скорей</i>	<i>И путь её облегчай</i>
<i>Ведь ноги наших матерей</i>	<i>Ведут дорогой в Рай!</i>

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянская детская мифология: Энциклопедический словарь / Ред. колл. Т. Агапкина и др. М., 1995.
2. Детская литература как феномен культуры: Сб. научн. статей. Сыктывкар, 1994.
3. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1837.
4. Советские детские писатели: Библиографический словарь. М., 1961.
5. Судьбы традиционной детской культуры: Сб. статей и материалов памяти Ларисы Ив-левой / Ред.-сост. В. Д. Кен. СПб., 1998.
6. Теория литературы: Основные проблемы в детском теоретическом освещении. М., 1964.
7. Толстой И. И. Статьи о детском фольклоре. М.; Л., 1966.

РОЛЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВОСПИТАНИИ И РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ

Автор данной статьи указал на то, что настолько велика роль детской литературы в воспитании и развитии детей. Также касается вопросов детской литературы в тесной связи с проблемой воспитания гражданина, просвещенного человека и борца за Родину. Борьба за воспитание и просвещение детей из народа улучшает положение народа.

Важную роль в преобразовании детей должна сыграть литература, которая способна помочь человеку найти новые силы для деятельности честной и полезной.

Ключевые слова: *детская, культура, читатель, обряды, перевод, праздники, публика, символика, писатель, воспитание автор, теория*

THE ROLE OF CHILDREN'S LITERATURE IN THE UPBRINGING AND DEVELOPMENT OF CHILDREN

The author of this article pointed out that the role of children's literature in the upbringing and development of children is so great. Also concerns the issues of children's literature in close connection with the problem of educating a citizen, an enlightened person and a fighter for the Motherland.

The struggle for the upbringing and enlightenment of the children of the people improves the position of the people.

An important role in the transformation of children should be played by literature, which is able to help a person find new strength for activities that are honest and useful.

Key words: *children, culture, reader, ceremonies, translation, holidays, public, symbolism, writer, education author, theory.*

Сведения об авторе:

Исломова Джамила – декан факультет русский язык и литература Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

About the autor:

Islomova Jamila - Dean of the Faculty of Russian Language and Literature of the Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni

ФИЛОСОФСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ МОТИВОВ СМЕРТИ В ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Абдулназаров А.А.

Институт гуманитарных наук имени Б. Искандаров

В истории человеческой цивилизации существуют разнообразные представления о смерти: мифологические в архаичных обществах, мужественно - оптимистические в антично-римскую эпоху (Аристотель, Эпикур), трагическо-пессимистические в средневековье, пантеистические в Новое время (Спиноза, Гегель, Гете), романтические (Шопенгауэр, Ницше) и этические (Л. Н. Толстой) в XIX веке. До сравнительно недавнего времени данная тема она почти вовсе не занимала внимание ученых. Общеизвестно было мнение о том, что смерть всегда есть смерть («Люди рождались, страдали и умирали...»). Современная наука предлагает обсуждать данную тему.

В рамках данной статьи предлагается исследование эволюции представлений о смерти в обыденном сознании и художественном творчестве таджикских литераторов.

Как не парадоксально, но тема смерти является одной из деликатных тем литературы, которая всегда связана с темой смысла жизни, судьбы. С древних времен бытует у таджиков сказания о вечной борьбе Света и Тьмы, о неотвратимой гибели мрака и непреложной победе света. Еще не так давно проблема смерти в таджикской литературе была неудобной для обсуждения и вызывала чувство дискомфорта или даже негодования.

Наше исследование заполнит лакуну в изучении образов смерти, созданных в таджикской литературе, позволит проанализировать художественное представление о смерти в литературном творчестве современных таджикских писателей, определить особенности восприятия ими события смерти в их творчестве.

И.В. Сталин в 1952 году в своем обращении к таджикскому народу говорил: «Таджики имеют богатую историю: их большие организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляют тайны».

В действительности культура таджикского народа имеет древнюю историю. Уже задолго до арабского проникновения в Среднюю Азию (VII в.) на основе усиления экономических и культурных связей между отдельными районами и государственными образованиями Средней Азии, а также роста городской жизни в условиях раннефеодальных отношений, явственно наметились тенденции к соединению ряда преимущественно оседлых среднеазиатских народностей в один таджикский народ. Несмотря на то, что насильственная ассимиляторская политика, проводившаяся арабскими завоевателями, первоначально и затормозила несколько процесс образования таджикского народа, но была не в силах ликвидировать указанную историческую тенденцию. Более того, активная борьба народных масс и их непрерывные восстания против чужеземцев, придали процессу консолидации таджикского народа особую силу.

Тема смерти присутствует во всех этапах жизни человека – с рождения до смерти: начиная со сказок заканчивая траурными песнями.

Очевидно, что наше отношение к смерти кардинально отличается от того, как воспринимали Смерть люди в древнее время. Смерть была чем-то обязательным, естественным, ни хорошим, ни плохим. Это отношение ярко выражено в сказках.

Таджикские сказки являются, своего рода зашифрованными посланиями наших предков, которые, возможно, поэтому и сохранились до наших дней, что отличительной их чертой является, на наш взгляд, тенденция к циклизации сказочных повествований. Мотив смерти в сказках связан с мотивом возвращения и рождается он из обряда ритуала, который обычно подразумевает метафорическое умирание, то есть индивидуальное прохождение в другой мир. Традиционно любая сказка заканчивается возвращением героя из волшебного мира. В этом состоит его главное предназначение. Мир Смерти представлял собой нечто вроде альтернативной реальности, другой формы существования. Это особое отношение к Смерти характеризуется тем, что люди древности принимали ее как должное. Древние люди не испытывали страха смерти, но готовились к ее претерпеванию, где важнейшая роль отводилась обряду ритуала. Более того, древний человек, в отличие от современного, в принципе не мыслил свою смерть как индивидуальную трагедию. Восприятие Смерти в древнее время в некоторой степени отличалось амбивалентностью: несмотря на кажущееся отрицание жизни, смерть в то же время имела и положительный, жизнеутверждающий характер. С течением веков понятие о Смерти постепенно и кардинально меняется. Это явление начинает переживаться. Появляется страх перед возможностью небытия, не существования, исчезновения из мира [5].

Но как показывает сама жизнь, принадлежность к какому-либо роду, племени или семье не может

избавить человека от страха Смерти.

Трагедией становится не только собственная смерть, но и смерть другого, которая принимается с таким же пессимизмом. Нивелирование человека Смертью делает его жизнь в какой-то мере бессмысленной.

В литературе отношение к Смерти отражалось по-разному. Например, в сказках мотив Смерти сам по себе имеет принципиальное значение, так как является особым элементом структуры произведения этого жанра [3].

В свете данной работы нас интересует, как его изменение отразилось в современной литературе.

В XX веке переход сказки на какой-то другой уровень связан с тем, что герой осмысливает смерть по-особому, не так, как в фольклорной сказке, где герой не осознавал разрушительного характера Смерти, ведь она представлялась переходом в иной мир, который мог оказаться даже лучше реального. Умереть - вовсе не означало перестать быть, но наоборот, как бы пережить еще одно «приключение», «стать героем» - от этого не отказался бы ни один уважающий себя фольклорный сказочный герой. Герой современных литературных сказок умирать уже не хочет. Собственная смерть и смерть близких страшит его, поскольку не предлагает другой жизни. Отказываясь принимать Смерть, герой тем самым отказывается пересекать границу между двумя мирами, неважно, в каком направлении. Так или иначе, герой современной волшебной сказки может впасть в одну из крайностей: он отказывается либо попадать в мир сказки и подчиняться его законам, либо возвращаться из него к реальной жизни.

Способность героя самостоятельно принимать решения относительно собственной судьбы противоречит базовой сказочной установке, и волшебная сказка XX века тем самым как бы отказывается от своего главного героя. В самом деле, какой смысл быть героем, волшебником, если необходимым условием для геройского статуса и подтверждения существования самого волшебного мира является собственная смерть и смерть другого и дорогого человека. Герои начинают задумываться не о том, чтобы обрести некий геройский статус, но о своем частном счастье. Герой фольклорной сказки не задумывался о том, какими средствами он оправдывает свою цель победить Злодея. Герой современной сказки либо нарочито гуманен, либо принципиально преступает «общественные» законы. Свои собственные интересы становятся для него не менее важными, чем спасение кого-то другого.

Мотив смерти, ведущий для сказочного произведения, составлял ключевой момент циклического сюжета традиционной сказки в пределах ее как одного произведения, как одной книги. Таджикские сказки - это зашифрованное послание наших предков, которые, возможно, поэтому и сохранились до наших дней.

Можно утверждать, что в современных сказках мотив смерти теряет свое структурное значение, переходя больше на уровень образности произведения в целом и на уровень персонажей. При этом трансформация мотива смерти ведет к трансформации жанра: сказочный жанр по-прежнему тяготеет к цикличности, но уже на принципиально ином уровне, более высоком: сюжет как бы переходит на внешний уровень произведения, выражается формально в своих материальных носителях, то есть в книгах.

Определяя художественные источники творчества таджикских писателей нужно, прежде всего, назвать устную поэзию таджикского народа. Издревле таджикский народ помнит и чтит песни труда и любви, где протест и борьба сопровождала таджика от колыбели до могилы. В этих песнях человек жалуется на злосчастную судьбу, горькую долю, на несчастное и униженное положение, притеснения. О содержании этих песен свидетельствуют их названия, такие как «Ман дог» («Я скорблю»), известная среди таджикского населения южного Таджикистана, ее исполняли во время коллективной жатвы, «Майдо», которую пели при молотье хлеба. В этих песнях выражены мысли и чувства трудового дехканства.

Богаты содержанием и другие формы устного поэтического творчества: пословицы, воплотившие вековую народную мудрость, четверостишия и песни, в которых слышатся не только стоны обездоленных мозей (например, в цикле «Гариби»- «Чужбинные»), но и вера в силу труда, покоряющего природу (трудовые песни), и радость любви (газели), и клич борьбы крестьянских постанцев (песня о восстании Восе и др.), которая охватывает более 300 строк, и стремления к лучшей жизни и человеческому счастью на земле.

В таджикской литературе эта тема всегда была актуальной, и покрыта таинственностью, мистичностью, о чем свидетельствуют до сих пор сохранившиеся обряды поклонения смерти.

В древние времена многочисленные ритуалы сопровождали всю жизнь человека - от рождения до смерти. Многие из них были связаны с религией, однако действие их не ограничивалось укреплением веры. В таджикских похоронных причитаниях употребляется целый ряд определений, характеризующих смерть: умри бебако – бессмысленная жизнь, зор менолам – горькл плачу, хасрат - сожаление, хок – земля, бирафтам - покинул, ёдгор - память.

Традиции и обычаи оплакивания и причитания по умершему, ритуалы, связанные с траурной церемонией корнями уходят в глубокую древность. В таджикском народном творчестве известны народные песнопения «Дарди гул», «Нолаи Гулизор», «Гарма», «Усмонльонуме», «Чони бобо» и др. [5].

Отношение таджикских литераторов к смерти в разную эпоху менялось в зависимости от развития мышления человека, мировоззрения таджикского общества. Тема смерти приобретала в их творчестве разные образы – она могла быть непредсказуемой, неизбежной и служить божественной карой за греховное существование или наоборот – благословением на вечную и счастливую жизнь.

Каждая эпоха имела свое специфичное отношение к смерти. В современной таджикской литературе мотив смерти постепенно приобретает новое значение, раскрывая эстетический круг мышления современного писателя. Эти мышления складываются из отдельных сюжетно-тематических, композиционных единиц, исследование которых позволит выявить особенности поэтики данной темы в произведениях современных литераторов.

Тема смерти в творчестве каждого писателя имеет неповторимое своеобразие, разнообразие мотивов, уровень связи с общекультурным смыслом. Соответственно, каждый писатель имеет свою собственную интонацию в теме смерти, некоторые пишут о ней запросто, легко, другие же заставляют через призму своего отношения к ней пересмотреть основы мировосприятия, на пересечении этих отношений создавался особый тип мировоззрения. Размышления о смерти часто служат у таджикских писателей толчком для поиска ценностей, поводом для переосмысления бытия и преодоления страха. Но как отмечает Василий О. Ключевский: «Смерть — величайший математик, ибо безошибочно решает все задачи» и неудивительно, что взгляды писателей меняются на нее.

В процессе своего развития таджикская древняя культура принимала некоторые элементы культуры других народов, но всегда оставалась самостоятельной и уникальной по своим особенностям культурой. Это доказывают древние памятники, обнаруженные при археологических раскопках в 1877 году в Кабадияне, известные под названием «Амударьинский клад», также археологических раскопках в 1946-1948 годах в Хорезме, археологических находках в кишлаках Биянайман, Афрасиаб и Холмах Барзу (в Самарканде) и, наконец, благодаря научным открытиям профессора А.Ю. Якубовского в Пенджикенте в 1946-1949 годах.

Древнее общество Средней Азии, имевшие кастовую форму, состояло из: старшин, магов-служителей культа, воинов, земледельцев, рабов. Каждый период имеет свой образ жизни, свои традиции и обычаи. Со времени своего появления и формирования сознания каждый народ составляет свое отношение к жизни, к окружающей его среде, явлением природы. В древности наши предки также питали высокое уважение к некоторым силам и явлениям природы, верили, что от них во многом зависит их дальнейшая жизнь и благополучие. Из всех сил и явлений природы они больше всего верили в силы Варуны (неба), Андро (молнию, бога войны), Митры (солнца), Агни (огня) и т.д.

С древнейших времен таджикский народ стремился к тому, чтобы передать последующим поколениям свои обычаи, традиции и обретенные знания. Первые творения устного творчества о жизни и тайнах природы, человеческих взаимоотношений найдя свое выражение в кратких и лаконичных наставлениях, загадках, молитвах и т.д., позже в формах сказки и поэмы, по причине отсутствия в те далекие времена письменности и алфавита, стали называться народными. Несмотря на то, что из богатого и разнообразного по форме устного наследия предков таджиков и персов сохранились лишь крохи, однако и на их основании мы можем судить о том, что в этих фольклорных произведениях нашли свое отражение их представления о сотворении мира, всего живого на земле, образы героических реальных и мифических личностей, удивительные явления и события, сыгравших важную роль в формировании их мировоззрения и мировосприятия. К примеру, к ним можно отнести миф о первом человеке на земле, миф о борьбе света и тьмы, сказки и поэмы о мифическом герое Йиме (Джамшеде), Сияваршане (Сиявуше), Рустаме, Каве и др.

Одним из древних образцов подобных мифов является миф о Каюмарсе или Каёмарте.

Миф о Каюмарсе на протяжении веков подвергался изменениям в сознании и представлении людей. Так, в «Авесте» говорится, что будто Ахурамаздо (авест. Ahura – mazda, др. – перс. Ahuramazda-, Ормазд или Ормузд (пехл. 'whrmzd') «Бог Мудрый» - авестийское время божества, провозглашенное пророком Зороастром – основателем зороастризма – единым Богом – А.А.) создал двух существ, одним из которых был Гав (Гов) и другим Каюмарс. Эти два существа, жившие в согласии, как единое тело, считались основой всего мира. После того, как Гав и Каюмарс стали жертвами хитросплетений Ахримана (в иранской мифологии – верховное божество зла, противник Ахурамазды), согласно мифу, из останков Гава появились 55 разновидностей семян, 12 разновидностей растений и из его семени на земле произошло сотворение быка и коровы. Из этой пары на свет появились 272 полезных животных. Из тела же Каюмарса появились металлы и из его семени первые на земле мужчины и женщины.

Образ Каюмарса, который на первом этапе олицетворил мировое единство, позже превратился в

прародителя человеческого рода, то есть первого человека на земле и, наконец, в «Шахнаме» Фирдоуси был изображен первым падишахом на земле. Он, обучив людей нравственности и дав им знания, научил их делать одежду из шкуры животных. Все живые существа и люди, находясь в его подчинении, поклонялись ему и боготворили его.

Историки прошлых веков в своих произведениях отразили содержание и характер таких поэм и песен, талант их исполнителей. Так, к примеру, историк X века Наршахи в своем труде «История Бухары» - «Таърихи Бухоро» приводит следующую очень важную информацию о подобных песнях и их знаменитых исполнителях:

«У жителей Бухары сохранились удивительные песни стенания об убиении Сиявуша, которые исполняются под названием «Кини Сиёвуш» («Месть Сиявуша»). И Мухаммад бини Джафар говорит, что им больше трех тысяч лет».

Образы древних легенд и поэм приведены в книге «Авеста» и позже в Шахнаме Фирдоуси – персидско-таджикского поэта X века. Многие поэмы «Шахнаме» Фирдоуси, которые относятся к очень древним периодам Средней Азии, вначале были созданы древними народами этой земли. Одной из таких поэм, помещенных в мифологическую часть «Шахнаме» Фирдоуси, является поэма о Сиявуше [87].

Сиявуш был первым мифическим падишахом и защитником народов, проживающих в средней и нижней части Амударьи. Согласно представлениям народа этого региона он, якобы был рожден сказочно красивой девушкой, которая возможно была Дриадой – богиней лесов и джунглей. Сиявуш был сказочно красивым, сильным и отважным воином – учеником Рустама, и носил золотой шлем. В иранской мифологии сын легендарного царя Ирана Кей-Кавуса и отец Кей-Хосрова. В поэме Фирдоуси выступает как образец чистоты, оклеветанный мачехой и погибший на чужбине.

Творчество Фирдоуси стало вершиной эпической поэзии Ирана. В противоположность распространенному в то время литературному стилю он много внимания уделял описанию внутреннего мира и чувств человека, что также выделяет его творчество из общего ряда, ведь в хорасанском стиле никогда не пытались отразить внутренний мир человека [8].

«Шахнаме» - большая по объему эпопея. Ее можно поделить на три части: мифологическую, героическую и историческую.

В мифологической части показано, как постепенно возрастает власть человека над девами (дивами) и достигает апогея при властвовании мудрого Джемшида. Тем не менее, Джемшид возгордился, противопоставил себя всему человеческому сообществу, вообразил, что он – центр Вселенной. Слежение людей Добру Джемшид захотел заменить служениям ему, и здесь немедленно настала отплата. Царь-Дракон Заххак уничтожил его и на тысячу лет установил свою власть. Но и под властью Заххака благородные люди делают добро. К таким принадлежит благочестивый Арманак и прозорливый Карманак, которые каждый раз сохраняли жизнь одному из двух юношей, которых жертвовали царю-дракону. Вельможная верхушка приспособилась к Заххаку. Настоящий отпор царю-дракону готовится в среде простонародья, возглавляемой кузнецом Кавой. Сцена столкновения кузнеца с царем по драматичности – один из ярчайших в «Шахнаме» эпизодов. Именно Кав-кузнец посадил на трон благочестивого Фаридуна. Вся история царей Ирана, описанная в «Шахнаме», начинается с этого восстания.

В героической части, этой настоящей Рустамиады, мы видим, как из-за того, что братья Тур и Салм коварно убили Ираджа, начинается непрерывная коварная битва между потомками Ираджа и Тура, иранцами и туранцами. Потомок Ираджа Манучехр мстит туранцам. Афрасиаб нападает на Иран и уничтожает его жителей. За справедливое дело своей отчизны вступает в борьбу любимый народом иранский богатырь Рустам. В разгаре кровопролитных стычек появляется иранский царевич Сиявуш, носитель военной чести и благородства, человеческой чистоты. Поэт провел его через испытание огнем, и счастливый конец добавил еще больше блеска образу Сиявуша.

Сиявуш выступает как борец за мирную жизнь на земле. Он строит города Сиявушгард и Гангдиж, его не волнует личная судьба, но он прочувствует, что если его убьют, то вспыхнет война между Ираном и Тураном. Предчувствие Сиявуша оправдалось: он погиб по повелению Афросиаба. Рустам мстит за убитого Сиявуша, и снова начинается война Ирана и Турана. Если войны Турана и Ирана до Сиявуша были с обеих сторон лишь мстью за убитых царевичей, то в боях Ирана и Турана после Сиявуша можно уже увидеть борьбу иранских богатырей за установление на земле мира.

В легенде об Искандаре – это встреча Искандара с брахманами. Именно эта легенда легла в основу социальной утопии о царстве справедливости на земле, о стране всеобщего равенства и труда в поэме «Искандарнаме». Этот рассказ приводится в «Шахнаме» перед исторической частью.

Кульминационный пункт исторической части – восстание Маздака, которое органично всего связано с этой утопией. Восстание под руководством Маздака (нач. VI ст.) было массовым народным движением, которое, распространившись не только в Иране, а и в Аравии и Армении поколебало основы Сасанидской государственности. Идеи этого движения было возражение богатству и большой

собственности как наибольшего зла в мире, как творение Ахримана. Здесь Фирдоуси образно раскрыл свои идеи Добра и Зла, неизбежности победы добра над злом.

Привлекает внимание также и книга «Хамса» («Пятерица») Низами Ганджави, который родился в 1141 году в городе Ганджа Азербайджана. «Пятерица» - памятник персидской литературы, пять поэм.

В основе поэм «Хосров и Ширин», «Семь красавиц» («Хафт пейкар») и «Искандарнаме» лежат средневековые рыцарские истории. Хосров и Ширин, Бахрам Гур и Александр Великий (они появляются в отдельных эпизодах в поэме «Шахнаме» Фирдоуси) Низами помещены в центр сюжета и стали героями трех поэм.

«Хосров и Ширин». Под воздействием переживаний по поводу смерти любимой жены и под впечатлением от поэмы Гургани «Вис и Рамин» Низами написал поэму «Хосров и Ширин», которая создавалась 16 лунных лет – между 1175/1176 и 1191 г.

Поэма посвящена сельдужикдскому Султану Тогрулу II, Атабеку Азербайджана Мухаммаду ибн Элдигизу Джахан Пахлавану и его брату Кызыл – Арслану.

Сложный сюжет, описывающий множество приключений, кратко можно сводится к следующему: герой – Хосров, сасанидский царевич, затем шах Ирана Хосров II Парвиз (590-628 гг.) любит прекрасную Ширин, армянскую принцессу из Барды, племянницу (дочь брата) Шемиры, которую иначе звали Мехин Бану могучую правительницу христианского Аррана. Ширин также любит Хосрова, но политические соображения заставляют Хосрова жениться на византийской принцессе. Ширин же отвергает внебрачную близость, храня целомудрие. Движимый ревностью, Хосров посылает влюбленному в Ширин зодчему Фархаду весть о смерти Ширин, из-за чего Фархад убивает себя. Таким образом, мы видим душу, погрязшую в грехах, которые не дают ей, при всем желании, соединиться с Богом. Лишь в конце Хосров отвергает земную тщету и соединяется с Ширин, но гибнет от рук своего коварного сына, а Ширин, чтобы не достаться убийце, вонзает в себя кинжал прямо над его телом.

В поэме «женщина изображена с трех позиций. Как любовница, что является причиной ее порочности, как примерная жена в плане красоты, верности, материнства и бесконечной верности мужу. Поэтому она кончает жизнь самоубийством, а порочная любовь Ширюя завершается трагедией.

«Лейли и Меджнун» написана в 1188 году. В ее основе лежит сюжет старинной арабской легенды «Лейли и Меджнун» о несчастной любви юноши Кайс, прозванного «Меджнуном» («Безумцем»), к красавице Лейли. Сюжет поэмы пост и вращается вокруг безответной любви: поэт Кайс влюбился в свою двоюродную сестру Лейлу, но ее выдали замуж за другого, а Кейс сошел с ума и удалился в пустыню, где слагал стихи, посвященные возлюбленной. Возлюбленные соединились в одной могиле только после смерти. Низами несколько видоизменил сюжет: у него Кейс сходит с ума от любви, и именно поэтому родители Лейлы отказывают ему. Лейла, насильно выданная замуж, умирает от любви к Кейсу, узнав об этом, Кейс приходит на ее могилу и умирает там.

Автор задается вопросом: что получили влюбленные за свои земные страдания, где их место в загробном мире? Пересказывается сон, по которому влюбленные соединились в раю, где они живут как царь и царица. Общий смысл поэмы – безграничная любовь, находящая выход лишь в высокой поэзии и ведущая к духовному слиянию любящих.

«Семь красавиц» («Хафт пейкар») написана 1197 году. Поэма посвящена правителю Мараги Ала Алдин Кёрпе Арслану ибн Аг-Сонгору. Краткое описание сюжета: После долгожданного рождения Бахрама, по совету мудрецов его отправляют на воспитание к арабскому царю Номану. После смерти Бахрам возвращается в Персию и восходит на престол. Он приказывает архитектору построить семь дворцов. Пока царь был занят своими женами, один из визирей захватил власть в стране. Неожиданно Бахрам обнаруживает, что дела в его царстве в беспорядке, казна пуста, а соседние правители собираются напасть на его страну. Расследовав деяния министра, Бахрам убивает его. После этого Бахрам приказывает превратить семь дворцов своих жен в семь зороастрийских храмов для поклонения Богу, а сам Бахрам отправляется на охоту и исчезает в глубокой пещере. Пытаясь найти дикого осла, Бахрам находит свою могилу.

«Саламан и Абсаль» Абдурахмана Джами (1480–1481). Эта поэма вот уже в течение пяти веков находится в центре внимания истинных любителей поэтического слова, страстных поклонников романтических и романических преданий и, конечно, тонких ценителей поэзии мудрости. Она является не только значительным художественным произведением, впервые разрабатывающим в высокопоэтической форме древний сюжет, но и поэмой, отражающей литературные, философские, общественно-политические взгляды мыслителя и поэта в его зрелом возрасте. У счастливого Шаха возникает желание иметь сына. Мудрец принимает меры для рождения ребенка без участия женщины, и для ухода за ребенком берут кормилицу. Абсаль становится кормилицей Саламана и ревностно принимается за воспитание этого беспорочного отрока. Красота Саламана достигает всестороннего совершенства. У Абсаль возникает любовь к нему, и она прибегает к уловкам, чтобы пленить Саламана, уловки Абсаль действуют на Саламана, и он начинает ощущать склонность к ней. Абсаль

приходит к Саламану, и они предаются наслаждению. В итоге Саламану опостылевают многочисленные упреки, и он оставляет шаха и мудреца, и вместе с Абсаль избирает путь бегства. Саламан и Абсаль уплывают в море, пристают к цветущему острову, обретают покой и поселяются на нем. Шах узнает об отъезде Саламана и не имея сведения о нем, пользуется зеркалом, в котором виден весь мир, и узнает о состоянии Саламана. Шах огорчается продолжительностью привязанности Саламана к Абсаль и силой мысли удерживает Саламана от наслаждений с нею. Саламан прибывает к падишаху, и шах выражает ему свою любовь. Саламан впадает в печаль от упреков отца, уходит в пустыню, разжигает огонь и входит в него вместе с Абсаль, но Абсаль сгорает, а он остается невредимым. Саламан остается без Абсаль и скорбит в разлуке с ней.

Как мы видим, если возводить некий литературный пьедестал смерти, то, несомненно, на первом месте окажутся созданные на основе устного народного творчества поэмы «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Вис и Ромин», «Юсуф и Зулейха», «Саламан и Абсаль», «Тахир и Зухра».

Смерть в этих произведениях отнимает у человека тот свет, что радует его в течение краткой жизни, она наступает, как вечная ночь, царство сна. Смерть настолько черна, темна, страшна, печальна и кровава, что о ней и говорить нежелательно, и вспоминать страшно. О смерти лучше просто не думать. По этой причине в древней литературе тема умирающего практически отсутствует. Смерть всегда описывается как бы со стороны, откуда-то издалека.

Постепенно отношение к теме смерти в таджикской культуре меняется. Это связано с эволюцией представлений человека о смерти, прогрессом культуры. Данная тема до сих пор остается вытесненной из поля таджикского литературоведения, недостаточно изученной и требует поиска новых интерпретаций. Оно поможет определить развитие, как отдельного человека, так и общества в целом. Чтобы выявить основные образы и мотивы, связанные с феноменом смерти, систематизировать их, обосновать их воздействие на организацию смысла текста важно изучить истоки мотивов смерти, где устное народное творчество играет немаловажную роль. Наиболее концептуально тема смерти разрабатывалась в литературе, где описываются многочисленные сражения, подвиги любимых народом легендарных богатырей в исторических произведениях, например, Исмаил Сомони, Муканна, Восеъ.

В конце XX века интерес к проблеме смерти и бессмертия не очень большой, однако, эту проблему в своем творчестве затрагивают некоторые авторы, такие как Садриддин Айни, например, в своей повести «Чаллодони Бухоро» («Бухарские палачи»). «В ней С. Айни ведет рассказ от имени группы палачей, которым поручена казнь десятков людей, брошенных в тюрьму за участие в так называемых «колесовских событиях» марта 1918 года. Палачи, беседуя между собой с глазу на глаз, раскрывают подлинное лицо эмирской знати и особенно высшего духовенства» [1, с.106].

В средневековой литературе смерть воспринималась как уход в небытие, как провал в вечную тьму, мысль о смерти становится буквально навязчивой, к ней относились как к обыденному явлению, которое не внушало им особых страхов. Человек органично включен в природу, и между мертвыми и живыми существует гармония. Поэтому «прирученную смерть» принимали в качестве естественной неизбежности.

Большинство анализируемых нами исследований носят собственно танатологический характер, т. е. в них изучаются тема смерти, мотив смерти, категория смерти как таковые.

На сегодняшний день необходимо воспринимать вопрос о литературоведческой танатологии всерьез.

Таким образом, нами описаны основные положения темы смерти в литературе. Отношение к смерти оказывает огромное влияние на качество жизни и смысл существования конкретного человека и общества в целом. Отношение к смерти изменяется в зависимости от уровня социокультурного развития общества и его системы духовно-нравственных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский И.С. Садриддин Айни. М.: Советский писатель, 1978, 248 с.
2. Демичев А. В. Философские и культурологические основания современной танатологии: Дис. ... д-ра филос. наук. — СПб., 1997. - 280 с.
3. Красильников Р.Л., Танатологические мотивы в художественной литературе. 10.01.08 — Теория литературы. Текстология; Автореф. дисс.на соиск.уч.ст. док. филоло.н., М, 2011. -54 с.
4. Мэй Р. Смысл тревоги: Пер. с англ. - М.: Независимая фирма "Класс", 2001. — 384 с. - (Библиотека психологии и психотерапии, вып.89).
5. Таджикские народные скази. —Сталинабад: Таджикиздат, 1957.
6. Федоров Н. Сочинения. -М., 1982.
7. Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. ст. - СПб., 1998.
8. Фирдоуси. Шахнаме. Пер. Ц. Б. Бану и А. А. Лахути, ст. и коммент. А. А. Старикова, под ред. А. А. Лахути и А. Н. Болдырева, т. 1-4, М., 1957-69.

PHILOSOPHICAL AND FOLK-MYTHOLOGICAL ORIGINS OF THE MOTIFS OF DEATH IN TAJIK LITERATURE

In the framework of this article we propose a study of the evolution of ideas about death in the ordinary consciousness and artistic creativity of Tajik writers.

It is paradoxical, but the theme of death is one of the delicate themes of literature, which is always associated with the theme of the meaning of life, fate. Since ancient times, there is a Tajik legend about the eternal struggle of Light and Darkness, the inevitable death of darkness and the immutable victory of light. Not so long ago, the problem of death in Tajik literature was uncomfortable to discuss and caused discomfort or even resentment. Our research will fill a gap in the study of images of death created in Tajik literature, will analyze the artistic representation of death in the literary work of modern Tajik writers, to determine the characteristics of their perception of the event of death in their work.

Keywords: *Современная таджикская литература, проблема смерти в литературе, судьба, борьба Смерти и Тьмы.*

Сведения об авторе:

Абдулназаров Абдулназар Абдукодирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук им. Б.Искандарова Академии наук Республики Таджикистан; тел.: (992) 934060804; E-mail: abdulnazar9416@gmail.com

About author:

Abdulnazarov Abdulnazar Abdulkodirovich - senior researcher of the Institute of Humanitarian Sciences under the Academy of Tajikistan Republic named after B.Iskandarov, Phone: (992) 934060804; e-mail: abdulnazar9416@gmail.com

КОРБУРДИ ЗАРБУЛМАСАЛ ВА МАҚОЛҲОИ ХАЛҚӢ ДАР РУБОИӢТУ ДУБАЙТИҲОИ АМИНЧОН ШУКӢҲӢ

Каримов Б.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Мақолу зарбулмасал жанрҳои хурди шифоҳие ҳастанд, ки дар худ маъноҳои васеъро доро мебошанд. Ин жанрҳо аз замони қадим дар байни мардум маъмулу машхур буда, аз ҷониби табақаҳои гуногуни иҷтимоӣ мавриди истифода қарор мегирад. Адабиётшинос ва фолклоршинос Бозор Тилавов қайд мекунад, ки: “Зарбулмасалу мақолҳо аз ҷумлаи маъмултарину машхуртарин анвои эҷодиёти бадеии шифоҳии халқ буда, ғояҳои аҷибу афкори наҷиби қулли инсониятро дар шакли ниҳоят кӯтоҳу мухтасару дилнишин баёну ифода мекунанд. Онҳо аҳамият ва афзоиши баланди таърихӣ, бадеӣ ва ахлоқию тарбиявӣ доранд, дар бобати такмили инкишофи донишу маърифати одамон, завқи бадеӣ, нутқи мардум нақши ниҳоят бузург доранд” [1, с.5].

Зарбулмасал ва мақол суҳанони кӯтоҳи ба итмомрасида ва образноке мебошанд, ки дар бораи ҷиҳатҳои мухталифи зиндагӣ ба таври реалӣ ва фишурда баён шудаанд.

Бисёр зарбулмасалҳо аз ҳулосаи нақлу ҳикоят, қиссаю ривоят низ ба вучуд омадаанд ва бештари он нақлу ҳикояҳо аз миён рафтаанд, аммо баъзе зарбулмасалҳое ҳастанд, ки пайдоиши онҳоро тахмин қардан мумкин аст.

Зарбулмасал ва мақол аз ҷиҳати вазифа ва нақши худ дар матн ва дар нутқ аз ҳамдигар фарқ намекунанд. Аммо аз ҷиҳати хусусияти бадеӣ тафовут доранд. Зарбулмасалҳо бештар бо мачоз, киноя, ташбеҳ, рамз ва ғайра сохта мешаванд. Дар зарбулмасал маъноӣ мачозӣ ҷузъи асосӣ мебошад. Чунончӣ: “забони мурғонро мурғон медонанд.”

Дар мақол чунин хусусияти мачозӣ нест ва суҳан асосан ба маънии аслии худ истифода мешавад. Мисол: “гар зарурат бошад, раво бошад”. “Дар воқеъ зарбулмасалу мақолҳо аз нигоҳи ифодаи фикрҳои ҷамъбастанандаи ҳаётан муҳиму ҳулосаҳои пурҳикмати таҷрибаҳои дуру дарози рӯзгори оммаи заҳматқаш, дар бар гирифтани тамоми соҳаҳои ҳаёти халқ, назокату салосати забон, инъикоси зисту зиндагонӣ, урфу одат, донишу ҷаҳонбинӣ, ҷаҳонфаҳмӣ, ақидаҳои иҷтимоӣ, фалсафӣ, педагогӣ, ахлоқу одоб, ҷаҳонбинию ҷаҳонфаҳмии табақаҳои гуногуни ҷамъият дар давраҳои муайяни таъриху зинаҳои мухталифи тараққиёти ҷомеа, инчунин аз назари санъати суҳанварӣ, маҳорати бузурги ниҳоят кӯтоҳ, мухтасар, суфта, сода, дилчаспу дилнишин, барҷастаю образнок, салису хушоҳанг ифода намудани фикрҳои бикру жарфу амиқ хеле ҷолиби диққат мебошанд” [1, с.152].

Аминчон Шукӯҳӣ ҳам аз зумраи шоирони забардасту хунармандест, ки дар тасвири зиндагии рангоранги халқ, одоби ахлоқ ва ҷаҳонбинию ҷаҳонфаҳмии онҳо ва урфу одатҳои роиҷ ба қамоли суҳанварӣ ва бо ниёти мӯъҷазбаёнию суфтаю амиқии андеша зарбулмасал ва мақолҳои халқиро гоҳо бо тағйироти шаклӣ ва дар мавриди дигар бидуни тағйир хеле зиёд қор фармудааст.

Рубоӣ ва дубайтӣ ҷузъи муҳимми ашъори А. Шукӯҳӣ буда, шоир дар ин анвои адабӣ низ

манзараҳои ачаберо ба тасвир кашидаю навпардозӣ карда, барои пуртаъсир ва нишонрас шудани сухан аз воситаҳои гуногуни тасвири бадеӣ, аз қабилӣ ташбеҳ, тавсиф, тазод, тачнис, истиора, муболиға, талмех, маҷоз, такрор ва ғайраро дар мавқеи зарурӣ ба қор бурда, ба ашъораш хусни бештаре зам кардааст. Ирсоли масал аз ҷумлаи чунин воситаҳои баён буда, шоир ё нависанда дар тақвияти андеша ва ё барҷастатар ифода ёфтани матлаб аз ҳикмати зарбулмасалу мақолҳои халқӣ истифода менамояд. Масалан:

*Ҳарчанд май аз сӯҳбати аҳбоб хӯрӣ,
Шарбат зи лаби соғари маҳтоб хӯрӣ.
Лаззат набувад, беҳтар аз он дар олам,
Аз ҷӯи худат кофта агар об хӯрӣ [2, с.236].*

Шоир дар ин рубоӣ мардумро ба меҳнат кардан даъват мекунад, зеро аз меҳнати дасти худ нон хӯрдан болаззаттар чизӣ дигаре нест ва мақоле аст, ки “Нони зағораи худ беҳ аз палави кас”.

*Ҳар кас, ки муборизи коммун мегардад,
Кай ӯ зи дили халқ бурун мегардад.
Чун рост бисабзид дарахте ҳар ҷо,
Ҳатто ки шавад хушк – сугун мегардад [2, с.235].*

Аз муҳтавои мисоли болоӣ маълум мешавад, ки мардумро ба ахлоқи некӯ ва ростию росткорӣ даъват менамояд. Дар байни мардум мақоле аст, ки “ҷӯби рост хушк ҳам шавад, асо мегардад” ва шоир аз ин мақол ба таври дигар истифода карда, андешаеро таблиғ мекунад, ки “дарахт рост бисабзад, хушк ҳам шавад боз сугун мегардад”. Аз ин бармеояд, ки шахс агар дар зиндагӣ ростиро интихоб кунад, маҳбуби дилҳо ва азизи мардум гашта, баъди ғавташ низ номи нақӯяш ҷовид мемонад.

*Табиб аз захри қотил мул кунонад,
Заминро дасти деҳқон гул кунонад.
Агар бӯи чаманро мекунад ҳис,
Мӯҳаббат ҷузғро булбул кунонад [2, с.242].*

А. Шукӯҳӣ дар чандин рубоӣ ва дубайтиҳояш аз ду зарбулмасал истифода кардааст. Дар байни халқ зарбулмасале мавриди истифода қарор мегирад, ки “дасти инсон гул аст” ва шоир онро дар байти аввал бо тағйироте қор фармудааст. “Заминро дасти деҳқон гул мекунад” ба он маънӣ омадааст, ки деҳқон бо меҳнат ва машаққати зиёд заминро обод мекунад. Дар байти дуюм чунин андешае баён шуда, ки бӯи чаман чунон фараҳбахш аст, ки ҳатто агар ҷузғ онро ҳис кунад, ба мисли булбул навои хуш аз худ бурун мекунад.

*Наботот аз замин оҳиста рӯяд,
Нигоҳ садбарги борониуста ҷӯяд.
Сухан гавҳар, ки бошад фикр карда,
Варо оқил фақат доништа гӯяд [2, с.244].*

Шоир ба василаи ин дубайтӣ мардумро ба сабурӣ ва фикр карда сухан гуфтан даъват мекунад. Ӯ сухани бо андеша гуфтаре ба гавҳар монанд кардааст ва талқин мекунад, ки шахси оқил дар ҳама ҷой сухани бамавқеъ бояд гӯяд. Чуноне ки мегӯянд “Сухани ноандешида - чун зарри носанчида”.

Дар мисоли зер низ санчида сухан гуфтан тарғиб шудааст:

*Сухандонон сухан бо нарда гӯед,
Ба рӯйи ҳамдигар санчида гӯед! [1, с.33]*

Инсондӯстӣ ва ба оянда ба чашми нек назар кардану ба фардо умед доштан аз дигар мавзӯҳои дубайтиҳои А. Шукӯҳӣ мебошад. Масалан:

*Шабе ою шабе шину шабе рав,
Ки охир зиндаҳо дар рафтуюянд.
Ба рӯят гар касе дар баст рӯзе,
Дигарҳо дар ба рӯят мекушоянд [2, с.244].*

Шоир чунин андешаеро ҷонибдорӣ менамояд, ки агар касе дарро ба рӯямон баст набояд ноумед шавем, зеро дарҳои дигари кушода низ мавҷуд аст, чуноне ки мегӯянд “як дари бастаю сад дари кушода”.

*Саҳар гул дида занбури асалро,
Ба шакли дигаре гуфт он масалро:
Ба ҷои нӯи мехоҳам занӣ неш,
Тамоми олимони беамалро [2, с.244].*

Зарбулмасали машхуре аст, ки “олими беамал – занбури беасал” ва шоир дар ин дубайтӣ аз забони гул сухан гуфта, аз занбӯр мехоҳад, ки олимони беамалро неш занад, яъне шоир олимонро ба амал кардан даъват мекунад.

*Гапи сарбаста аз мастӣ набошад,
Бурун аз ибрати ҳастӣ набошад.
Ба маҷнунбед бингар, ҳеч гоҳе,
Сари ҳам, рамзи сарпастӣ набошад [2, с. 245].*

Шоир дар ин дубайтӣ шахсро аз таккабурию мағрурӣ дурӣ фармуда, ба сархамию хоксорӣ даъват мекунад. Ӯ маҷнунбедро мисол оварда, мардумро таблиғ ва ҳидоят менамояд, ки мисли ин дарахт доим сархам бошанд, чуноне ки мегӯянд “сарбаландӣ аз сари ҳам мешавад”.

Чунин маъниҳое, ки мабдаъ ва сарчашмашон ҳикмати халқ аст, дар рубой ва дубайтиҳои А. Шукӯҳӣ зуд – зуд ба чашм мерасанд. Чунончи:

*Зи турғӯи ҳар он кас ор дорад,
Сари ҳам шохҳои турбор дорад.
Ҳиёнатпеши авсофи садоқат,
Ба ҳар ҷо бар забон бисёр дорад [2, с.247].*

Агар дубайтӣ тачрибаи рӯзгор омӯхтан ва аз шебу фарози зиндагӣ гузаштаю пас аз он таълиф карданро тақозо намояд, Шукӯҳӣ маҷмӯаи худ “Чормаз” – ро дар 50 – солагиаш интишор кардааст. Масалан, дубайтии зерин ҳаёту рӯзгор омӯхтану диду андешаро мукамал кардан аст:

*Аз афташ, ман дарахти мевадорам,
Ки тур аз ҳосидон гирду канорам.
Ба зоҳир хушзабонанду валекин,
Ҳамехоҳанд кардан сангсорам [2, с.249].*

Шоир дар ин дубайтӣ инсонро ба хомӯшию камсуханӣ, хоксорӣ ва садоқат даъват мекунад. Дар мисраи аввал шоир зарбулмасали “гапи бисёр як хара бор” ва дар мисраи баъдӣ як мақоли “шохи дарахти мевадор ҳам аст” – ро истифода кардааст. Дар байти дуоҷи шоир мегӯяд, ки дар забони шахси хиёнаткор дар ҳама ҷо васфи садоқату вафодорӣ аст, аммо дар амал ҳеч аст, фақат забон дораду бас .

Мардум аслан ба дарахти мевадор санг мепартоянд ва дар дубайтии зер шоир худро ба дарахти мевадор ташбеҳ дода, гирду атрофиёнаш, ки дар назар хушзабон менамоянд ва аслан ҳосидон ҳастанд ва шоирро санг задан мехоҳанд.

*Касе аз некӣ осебе надидаст,
Кадомин бори қач , ҷое расидаст?
Ба мисли доруи духтур гапи ҳақ,
Агарчи талх бошад ҳам, муфид аст [2, с.248].*

Некию нақӯкорӣ хислати хуби инсонист ва касе аз некӣ зарар надидаю ҳамеша манфиат бурдааст ва миёни халқ зарбулмасали маъруф аст, ки “бори қач ба манзил намерасад”. Шоир дар байти аввал шахсро ба нақӯкорӣ ва ростию росткорӣ даъват мекунад. Дар байти баъдӣ бошад, шоир мегӯяд, ки гапи ҳақ агар талх бошад ҳам, манфиатнок аст. Ба ин маънӣ ҳақиқати дигаре ҳам мустаъмал аст, ки “тамомии ширини зарар дорад, ба ҷуз асал ва тамомии талхӣ фоида дорад, ба ҷуз заҳр”.

*Гаҳе гунҷишк аз шаҳбоз зӯр аст,
Гаҳе сарчашмаи шаффоф шӯр аст.
Чу дар қонуни нисбат ибрате ҳаст,
Бузургии ҷаҳон дар чаши ми мӯр аст [2, с.255].*

Чунин ҳам мешавад, ки гунҷишк бар шаҳбоз ғолиб меояд ва замоне сарчашмаи оби шаффоф ва ширин шӯр мешавад. Ба андешаи А. Шукӯҳӣ бузург дар хурд низ метавонад инъикос ёфта бошад, аз даричаи хурде метавон ба олами фарох нигарист. Дар чор мисра гунҷонидани маъно бисёр кори душвор аст ва сурудани рубой ва дубайтӣ кори сахл нест ва шоире, ки ба эҷоди ин жанрҳо даст мезанад қораш боз ҳам вазнинтар аст.

*Касе турғуї бар худ ор донад,
Гапи бисёр бар хар бор донад.
Хамӯшонро набояд таъна қардан,
Аҷаб не аз ту ӯ бисёр донад [2, с. 276].*

Воқеан, хомӯш будан беҳтар аст аз гапи беҳуда гуфтан. Ба ин маънӣ халқ “гапи бисёр як хара бор” – ро хеле бамаврид қор мефармояд. Шоир таблиғ мекунад, ки мо набояд хомӯшонро таъна бизанем, чунки аз мо зиёдтару хубтар донистани онҳо импонпазир аст. Хомӯш будани шахс нишони бузургии ўст ва агар нодон хомӯш буданро меомӯхт, ӯ дигар нодон набуд.

*Баҳри ҳар як байту ҳарфи ин варақ,
Аз сару рӯи қалам борид арақ,
Ангур аз ангур ранге мебарад,
Шоир аз шоир ҳамегирад сабақ [2, с.279].*

*Харбуза аз харбуза ранг гирад,
Ҳамсоя аз ҳамсоя панд [1, с.102].*

Тобиши дигари ҳамин маънӣ дар байти халқии зерин мушоҳида мешавад:
*Бо моҳ ишинӣ, моҳ шавӣ,
Бо дег ишинӣ, сиёҳ шавӣ [1, с. 101].*

Ба андешаи донишмандону мунаққидони адабу фарҳанг, хусусан, фолклоршиносон риояи меъёрҳои забони тоҷикӣ ва балоғату фасоҳати суханро дар эҷодиёти шифоҳии халқ ба мушоҳида гирифта мумкин аст. Ба таъбири дигар, тобишҳои маъноии калимаю ибораҳо ва контексти қорбурди матн хеле дақиқ ва муайян буда, шоирон бо он аз ҳамин чиҳат чун манбаи бозътимоду сайқалгари донишу ҳунар таъна менамоянд. Чунончи дар мисоли боло “ангур аз ангур” шакли тағйирёфтаи “харбуза аз харбуза” ва “шоир аз шоир” шакли тағйиршудаи “ҳамсоя аз ҳамсоя” аст, ки дар байни халқ ба шакли зайл истифода мешавад.

*Ҳар диле, к-аз ишқи ту пайдо шавад,
Аз ту ҳам мирад ва ҳам эҳё шавад.
Алҳазар аз оби чашми ошиқон,
Рафту рӯзе гирди ту дарё шавад [2, с.285].*

Дар ин ҷо шоир ба маҳбубааш мурочиат карда, мегӯяд, ки ишқи ту дар дили касе пайдо шаваду агар ба ӯ илтифот кунӣ, метавонад зинда шавад ва агар майл накунӣ, метавонад дар роҳи ишқи ту ҷон диҳад. Дар байти дуом маъшуқаро талқин мекунад, ки ҳазар кун ва ошиқонро бисёр гирён накун, зеро гуфтаанд ки:

*Андак, андак хеле шавад,
Қатра, қатра селе шавад [1, с.107].
Ё ин ки:
Гарчи ноҳинҷор ин чун захми хор,
Дорам аз танқид аммо ифтихор.
Ҳикмати халқ аст охир аз қадим,
Меҳӯрад қалтак дарахти мевадор. [2, с.285]*

Шахсоне, ки қорашон фақат танқид аст, шоир ба онҳо мурочиат карда аз танқиди онҳо ифтихор мекунад, зеро мақоли халқиро истифода кардааст, ки “мардум ба дарахти мевадор санг мепартоянд”. Дар ҳақиқат, ҳуди шоир ҳам ба дарахти мевадоре менамояд, ки имрӯз ҳам мо аз самари он истифода бурда истодаем.

Аз ин ҳамаи андешаҳо бармеояд, ки Шоири халқии Тоҷикистон Аминҷон Шукӯҳӣ аксаран кӯтоҳбаён буда, мӯъҷазу пурмаънӣ менавиштааст, ки зухуроти истеъдод аст, дар таълифоташ образҳо, таъбирот, зарбулмасалу мақолҳои халқиро моҳирона мавриди истифода қарор додааст, ки ҷолиби тавачҷӯҳ буда, ба сухани шоир обуранги бадеӣ бахшидаанд. Онҳо дар шеърӣ ӯ манои тозаи иҷтимоӣ касб мекунанд, мундариҷаи ғоявии шеърро ғанӣ менамоянд, шакли онро ба тафаккури мардум наздик меоранд. Аз ин ҷост, ки ашғори шоир дар сабуку услуб ба эҷодиёти шифоҳии халқ наздик буда, зарбулмасал ва мақолҳои аз ҷониби омма дар зиндагии ҳаррӯза истифода мегардида гоҳо бо каме тағйирот ва дар мавриди дигар бидуни ҳеч як тағйироте қорбаст шудаанд. Ин ҳама бар он боис шудааст, ки сухани шоир хеле рамзӣ ва маҷозӣ гуфта шуда, таъсираш даҳчанд афзояд.

1. Шукӯҳӣ, А. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз ду ҷилд. Ҷилди 1/ А.Шукӯҳӣ - Душанбе: Ирфон, 1977. - 399 с.
2. Тилавов Б. Суханҳои рӯҳафзо. – Душанбе: Деваштиҷ, 2006. – 152 с.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМИНДЖОНА ШУКУХИ

В статье рассматривается один из литературных жанров – пословиц и поговорок, которые используются в повседневной жизни людей и имеют большое значение и особую колоритность. Автор, поясняя этот вопрос на основе произведения Аминджона Шукухи, отмечает, что поэт умело, использует народные поговорки и пословицы, которые отражают народную мудрость и моральный свод правил жизни. Автор отмечает, что в своих произведениях поэт призывает людей к патриотизму, самопознанию, самосознанию, хорошему поведению, так как пословицы и поговорки представляют широкие пласты жизни и несут воспитательную направленность.

Ключевые слова: жанр, пословица, поговорка, народ, мудрость, жизнь, поэт, патриотизм, воспитание.

PROVERBS AND SAYINGS IN WORKS OF AMINJON SHUKUKHI

This article considers one of the literary genres - proverb and saying, which are used in people's daily life and are of great importance and special coloration. The author, explaining this question on the basis of the work of Aminjon Shukuhi, notes that the poet skillfully uses folk sayings and proverbs that reflect folk wisdom, a moral set of rules of life. The author notes that in his works the poet encourages people to patriotism, self-knowledge, self-awareness, good behavior, as proverbs and sayings represent broad layers of life and are educational.

Key words: genre, proverb, saying, people, wisdom, life, poet, patriotism, education.

Сведения об авторе:

Каримов Баходур – ассистент факультета дошкольное и начальное образование, кафедры языка и литературы Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни E-mail: bahodur.karimov.8888@mail.ru

About the author:

Karimov Bakhodur - Assistant, Department of Preschool and Primary Education, Department of Language and Literature, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini E-mail: bahodur.karimov.8888@mail.ru

ВЗГЛЯДЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ О МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Мирзоева С.А.

Технологический университет Таджикистан

История гласит о том, что Средняя Азия испокон веков согласно историческим данным являлась и до сих пор и является центром, процветания поэзии. Поэзия само по себе, можно сказать, это патетика. В частности лирическая поэзия великих мастеров, которые передавались из века в век к тому же были свидетелями исторических событий. Мудрецы, поэты, мыслители не сложа рук, пером излагали все произошедшее на бумаге, передовая другим поколениям.

Способом передачи являлись разные средства, одним из них определяется художественная литература. Поэзия в этом плане занимает особое место. Рудаки, Сино, Хафиз, А.С.Пушкин, М.Горький, М.В.Гоголь, М. Цветаева, А. Ахматова, С. Есенин и ряд многие другие при выполнении этих задач не раз подвергались угрозе. Но, несмотря на это и они пожертвовали многим ради правды, справедливости. Таким быть, может только человек с божественной силой духа. Как бы не старались сломать их, это не получилось.

Сегодня во всем мире творчество этих неповторимых людей используют как средство духовного лечения человека. Во всех вузах, государственных учреждениях, деятельность начинается из подсказки, которые достались нам от мудрецов, поэтов, писателей.

Как-то раз в социальных сетях заметила один комментарий. Глава Службы связи при Правительстве Республики Таджикистан, а также успешный бизнесмен Бег Сабур, сказал о секрет успеха своего бизнеса в чтении произведения поэтов и писателей.

Русская поэтесса Марина Цветаева одна из тех духовных великих мастеров пера, к познанию которой «не каждый может найти ключ. . . , только избранные люди имеют такую возможность» (И.М. Гревс).

Эти дни литературоведы в Средней Азии и на Западе, такие поэтессы и литературоведы как Фарзона, Гулрухсор, Алеса Н, Татьяна Р, Инна А и ряд других чтят, берегут её творчество, память. Ежегодно в России, Таджикистане, Узбекистане, Киргизстане, Казахстане и в других странах в честь

её памяти проводятся разные мероприятия, что ещё раз подтверждает высказывание историка И.М. Гревса.

Современные поэтессы последовательно вносят значительный вклад в исследование творчества Марины Цветаевой. В этом плане в Таджикистане активно занимается известная поэтесса Фарзонаи Худжанди.

Профессор Цветкова Марина Владимировна в своей статье «Марина Цветаева – Каролина Павлова. Диалог о тайнах ремесла» пишет, что «Полякова связывает увлечение Цветаевой поэзией Каролины Павловой с её знакомства с Сафией Парнок, которое тоже произошло в 1914 году. Ученые, занимавшейся исследованием Марины Цветаевой, естественно, не смогли обойти стороной вопрос о переключках, существующих в её поэзии с поэзией Каролина Павловой» [11].

Каждый интеллектуальный человек, который активно участвует над развитием своего разума, самосознания и наконец, понятия сущности быть человеком, всегда в активном поиске новых знаний. Благоразумная личность везде, где слышит слова, о который обогащает её мышлению, и взгляд на мир не упускает. Полезные мысли – это как разноцветные бабочки, летавшие над весенними цветами успокаивающий глядевших на эти прекрасные создания, природы. Мудрый человек поймав этот волшебство, не отпускают всю жизнь. Профессиональные поэзии, тоже, словно эти бабочки над весенними цветами и они тоже в себе имеют волшебство покоя души человека. Человек такое божественное создание, что для таких волшебных слов вся жизнь изучает уже природу, а природа в себе имеет ключ от всего, кроме смерти. А мудрецы -мыслители, тоже являются чудо волшебство природы, которые всё время в поисках новых знаний. В этом направлении человек не всегда знает свои собственные интересы, для того, чтобы понять человеческий разум, ищет свой идеал, и каждый по-своему находит это. А когда находит человек то, что требует душа, само собой следует за ним, но чтобы это не было, оно является тоже частью природы.

Обычно творческие люди свой жизненный идеал, относят как наставление, и её отклик находят в людей. Судя по поэзии Цветаевой идеал наставником для неё была Каролина Павлова, одна из известных её современников двадцатого века. Поэтические темы выбранной Марины Цветаевой в основном были схожи с творчеством Каролины Павловой. При знакомстве с творчеством Цветаевой, ярко прослеживается последовательность поэтессы за творчеством Каролины Павловой. Цветаева в своих стихотворениях чаще всего затрагивает темы любви и тем касающиеся ценности человека и достоинство любви. Пристальное место в поэзии Цветаевой и Каролине занимает темы о родине и родных, бесконечной любви к ним. В этих стихотворениях демонстрируется семейные отношения и взаимопонимания к родным. Цветаева усердно любила своих детей, и всегда оберегала их как синицу ока. По отношению к своим друзьям, она также было искренна и верна. Она посвятила им значительное количество своих стихотворений, что и представляет тему дружбы в поэзии Цветаевой. Поэтесса пожертвовала собой ради сына, самоубийством. Досихпор никто толком не знает истину её таинственной смерти. Судя по её запискам, оставленной после смерти можно сделать вывод что, это ещё одна жертва пожертвовавший себя ради своих родных, что ещё раз доказывает её искренность близким. Она в своей предсмертной записке доверила своего сокровище -сына, своим друзьям. Марина Цветаева посвящала своим родным многочисленные стихотворения, например "Але" (дочь поэтессы), "Бабушки", "Маме" и других. В этих стихотворениях она выражала свою нежность, теплоты, любви, верности к родным. Например её стихотворение "Маме"

Маме

*В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов
Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Всё, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.
К детским снам клонясь неумоимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.
С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывёт по воле всех ветров!
Всё бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.*

*Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим! Маме[10].*

С трудом было обнаружено количество сочинений и писем Марины Цветаевой. Приблизительно их число составляет более тысячи, высшее сто, было адресовано литераторам, - это значит знакомство с одной её книги лишь маленький шаг из числа её писем к её бесценной наследии. В её письменных творениях фигурируют знакомые, родные, поэты, друзья издатели, необходимые и случайные персоны, любящие и безразличные люди, во многих письмах не были установлены адресаты. Цветаева является поэтом с многожанровым творчеством. В том числе исповедь души, литературный эссе, лирика, эпос, драматургические издания, деловые записки, повседневные дневники, сведения и др. В середине этого океана она плыла везде, её уникальный, необыкновенный личность и сущность, как поэт и человек, похожа как Цветаева – морская, и напоминает её плывучие строки стихотворений над молниями. Русская поэтесса родилась 26 сентября 1892 в столице России, городе Москвы в семье Цветаева В. И.

Она затрагивало разные темы искусства еще в раннем детстве. В изучение темы искусства, музыки и поэзии её первым наставником была её мать. Она с детства увлекалась русской и зарубежной литературой, как французская, немецкая и другие. Поэтесса начала сочинять стихи с 6-ти лет. Первую свою книгу она написала ещё в гимназии, под названием "Вечерний альбом" и посвятила русскому художнику Марию К.Б. Поэтесса проводила своё детство и юность не только в семье искусствоведов, но и в кругах искусствоведов. Она поддерживала связь и творческое отношение со многими литературоведами и искусствоведами. Марина Цветаева никогда не принадлежала не к одной политических группировок, она было просто мастером истинного слова. Судя по её творчество, она предпочитала больше музыку, стихотворению, природу, Эти качества указывает на то, что ей нравилось одиночество. Но, это естественно ведь творческий человек, чтобы творит чудеса, необходимо быть в одиночестве. Она рано потеряла мать. Она для неё была опорой и крыльями, а когда её не стало, для Цветаевой погасло свет, сломались её крылья, она перестала играть музыкой. В своих сочинениях "Мать и музыка" она писала: "Учительницы моих многочисленных школ, сначала восторжались, вскоре перестали, а потом уж затихли навсегда. Я же молчаливо и упорно сводила свою музыку своей души на нет. Так море, уходя, оставляет ямы, сначала глубокие потом мелеющие, потом чуть влажные. Эти музыкальные ямы-следы материнских морей остались во мне навсегда." [8, с.119]

После смерти мамы она полностью отдала себе поэзии, следуя своим современникам и русским классическим поэтам. Каролина Павлова является известной русской поэтессой, которая Цветаева была большой её поклонницей её творчества. Она была очень жизнестойким человеком. Она жадно любила жизнь, и, как положено поэту романтику, предъявляла ей требования громадные, часто непомерные. Марина не относилась ни к одному литературному течению, так как всегда считала, что поэт в своём творчестве индивидуален. Со страстной убежденностью она провозглашала важнейший принцип: быть только собой, ни в чём не зависеть ни от времени, ни от среды. В своих стихах, в жизни, в быту, в любви она была убежденным романтиком. Всё, что попадало в поле её зрения, тотчас же чудесно и празднично преображалось, начинало искриться и трепетать с какой - то удесятенной жадной жизни.

Вышесказанное даёт возможность понять, насколько значимой личностью была Марина Цветаева, как поэт, и какими сложными были задачи тех переводчиков, которые брались переложить её творения на другие языки.

Вся жизнь и творчество Цветаевой - это постоянная борьба со склонностью к одиночеству, это и жажда общения. Если характеризовать её более конкретно, то можно выделить основные качества её натуры – застенчивость и асоциальность, конфликтность и дерзость. Но самым главным её жизненным принципом являлись прямота и правдивость, отличительные черты её жизнеутверждающего творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветаева, А. Воспоминания / А. Цветаева. - Москва: Астрел: Дом - музей Марины Цветаевой, 2012 – 918с.
2. Цветаева М.И. Стихотворения поэмы / М. Цветаева. - М: сов. Рос. 1988-414 с.
3. Цветаева, М.И., Где отступает любовь / М. Цветаева. - М: Т 1991-358с.
4. Цветаева, М.И. За всех-против всех, стихи, поэмы, очерки, дневники, письма / М. Цветаева. - М: 1992-383с.
5. Цветаева М., Стихотворения: Шеърхо. / Марина Цветаева. - Хучанд: Ношир, 2008-124с.
6. Цветаева М., Сочинения-М. / Марина Цветаева. - Худ. лит., 1988 – 706 с.
7. Цветаева М., Стихотворения поэмы, драматические произведения / М. Цветаева. - М: худ. лит., 1990 –398с.
8. Цветаева, М.И. Сочинения/ Марина Цветаева. - Худ. лит., 1988 – 638 с.
9. 18 мая 2017 в Музее им. Алексея Толстого состоялся круглый стол «Марина Цветаева и современная поэзия», организованный журналом «Знамя» №9 111
10. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2037-6681-2016-4-142-149>

11. <http://cheloveknauka.com/orientalnye-motivy-v-poezii-russkogo-zarubezhya-dalnego-vostoka-genezis-funkcionirovaniie-tipologiya>
12. <https://rus.ozodi.org/a/27954269.html>
13. https://slova.org.ru/cvetaeva/mame_v_starom_valse/
14. www.pseudology.org. Воспоминания о Марине Цветаевой (Владимир Сосинский)

ВЗГЛЯДЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ О МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена русской поэтессе Марине Цветаевой, одна из тех духовных великих мастеров пера, к познанию которой ныне современные поэты последовательно вносят значительный вклад в литературоведение исследуя творчество Марины Цветаевой. Сегодня во всем мире творчество этой неповторимой личности прилагают как средство духовного лечения человека. Во всех вузах, государственных учреждениях, деятельность начинается из подсказки, которые достались нам от мудрецов, поэтов, писателей. Марина Цветаева посвящала своим родным многочисленные стихотворения, например "Але" (дочь поэтессы), "Бабушки", "Маме" и других. В этих стихотворениях она выражала свою нежность, теплоты, любви, верности к родным. Автор статьи показывает на значимость творчество русской поэтессы в литературоведение Востока и Запада.

Ключевые слова: литература, творчество, Марина, поэмы, стихотворения, Фарзона, влияние и взаимовлияние, перевод.

VIEWS OF LITERARY SCIENTISTS ABOUT MARINA SVETAYEVA

The article is dedicated to the Russian poetess Marina Svetaeva, one of those spiritual great masters of the pen, to the knowledge of which modern poets consistently make a significant contribution to the study of the works of Marina Svetaeva. Today, all over the world, the creativity of this unique personality is used as a means of spiritual healing of a person. In all universities, public institutions, activity begins from the clues that have come to us from the sages, poets, writers. Marina Svetaeva devoted numerous poems to her family, for example, "Ale" (daughter of the poetess), "Grandmothers", "Mom" and others. In these poems, she expressed her tenderness, warmth, love, fidelity to relatives. The author of the article shows the significance of the work of the Russian poetess in literary studies of the East and West.

Keywords: literature, creativity, Marina, poems, Farzonfa, influence and mutual influence, translation.

Сведения об авторе:

Мирзоева С.А - ассистент кафедры русского языка и профессионального образования, факультета Телекоммуникация и профессионального обучения Технологического университета Таджикистана. Тел: (+992) 933555047, sakinashka@mail.ru

About the author:

Mirzoeva S.A. - assistant, Department of the Russian Language and Vocational Education, Faculty of Telecommunications and Vocational Training, Technological University of Tajikistan. Tel: (+992) 933555047, sakinashka@mail.ru

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ Н.С.ГУМИЛЕВА И ПЕРЕВОДЫ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

Саидова М.Ш.

Бахтарский государственный университет имени Н. Хусрава

В настоящее время особое место в работе с художественными переводами занимает поэтический текст, которое в современном литературоведении является актуальным. Надо отметить, что переводят с одного языка на другой язык стихотворения русских поэтов и писателей, повести и рассказы из художественный произведений, а также фантастические и научно-популярные произведений из различных видов произведений, политические статьи, экономические работы, статьи известных людей и выступления исторический людей, журнальные статьи, разговоры людей, которые беседовали на других языках и поэтому приходят к помощи людей и используют различные виды перевода.

В прозаических произведениях, особенно в романах Н.С.Гумилева, которые были переведены в начале XX века таджикскими переводчиками в характере анализа их политического характера и показывают различные вопросы русской действительности, в особенности такие проблемы как истории русского народа, нравственные вопросы, а также показаны вопросы человеческого характера.

Шодикулов Х. писал: «Литература русского народа, который показывает высокие проблемы, как характеры людей, до настоящего времени для таджикских переводчиков являются трудным для перевода». [2, с.58].

Надо отметить, что роман это литературная форма, которая в развитие литературы и в таджикских понятиях было непонятным по форме с различными характерами и вопросами с функциональной содержанием, которая обладает по качеству с поэтической формы определенного содержания, для переводчика чрезмерного решения прозаического характера.

Поэтому, эти мнения по поводу некоторые переводы произведений Н.С.Гумилева на таджикский язык имеются некоторые различия в многочисленных переводах, которые встречаются в переводе.

Таджикские переводчики показали в своих переводах различные методы характера перевода произведений русского поэта на таджикский язык, где допускали, как прозаическую, так и поэтическую форму при помощи воплощения авторского воплощения.

Основные сюжетные воплощения русского романа является различные вопросы нравственного и дидактического, а также сатирического и социального вопросов, которые встречаются в различных романах великого русского поэта XX века Н.С.Гумилева. Популярность романов Николая Гумилева в Таджикистане достигает пика к концу 1960-х гг., когда за короткое время появляется ряд их поэтических и прозаических произведений и интерпретаций.

Одним из переводчиков был таджикский поэт и писателя Эм. Муллокандов, который выпустил в 1969 г. в Душанбе книгу под названием «Черный генерал», где иллюстрируются русская социальная жизнь.

Яковлев Н.П. писал: «В своих произведениях великий русский писатель Николай Гумилев показал различные темы русской жизни и развивал нравственные темы и сюжетов из реальной действительности и сатирически развивал в своих произведениях» [5. с.77].

Основная работа русского поэта и писателя показывает в предисловии, которые использовали таджикские поэты в своих произведениях, «особенно в Таджикистане, но в таджикской классической литературе можно применить произведения, относящихся к Востоку, которые писали восточные поэты приемлемым приемом в показателе проблемы нравственных жизни». [1, с. 5].

Таджикский переводчик Эм.Муллокандов показывает проблемы нравственную жизнь стихотворений с самого начала, где развивает воспитательные вопросы в каждом их них. Показательно в этом отношении название нравственных произведений великого русского поэта XX века. Перевод Н.С.Гумилева произведений на таджикский язык для таджикского переводчика, который был автором многочисленных произведений по таджикской литературе. Таджикский переводчик романов русского поэта очень много показал фразеологизмы, которые таджикский переводчик в название некоторых стихотворениях русского поэта использует другое, что не соответствует оригиналу произведений Гумилева Н.С..

В своих произведениях таджикский переводчик исследует различные языковедческие и лирику устного народного творчества русского писателя.

Бытовые картины, колоритность пейзажа, а главное воспроизведение характеров произведений Гумилева Н.С. свидетельствует о большой любви к этому русскому писателю и поэту.

Н.С.Гумилева в письме к С. Раевскому, приводит цитату, взятую у Наполеона: «Великие имена возникают на Востоке». Перефразируя высказывание Наполеона, можно сказать, что на Востоке появляются не только великие имена, но и совершаются значительные события. Именно здесь поэт находит те условия и характеры, которые помогают ему раскрыть замысел и идею произведения. Персия, Кавказ неизменно волновали творческое воображение поэта. С большой симпатией Гумилев Н.С. воспел горцев, их борьбу за освобождение. Уважение к другим народам вообще присуще русской литературе с ее гуманизмом и интернационализмом.

Вольнолюбивая поэзия Гумилева Н.С., в частности такие произведения, как «Черный

генерал», «Листы и корни», были близки и понятны таджикскому читателю. И не случайно они в первую очередь были переведены на таджикский язык.

Необычайный интерес вызывала и сама личность русского поэта. Таджикские переводчики Эм.Муллокандов, А. Умари, А. Мухтар, Шукрулло создали произведения о Гумилеве. Так, А. Мухтар в журнале «Садои Шарк» (1961, № 5) опубликовал стихотворение «Шоири рус», посвященное русскому поэту. Таджикские поэты видят в Гумилеве пламенного проповедника свободы человеческой личности, революционного борца. Особенно же им импонируют симпатии Гумилева к угнетенным народам.

Таджикский переводчик использовал другие слова для художественного перевода русского поэта. Можно привести несколько примеров из перевода, где таджикский переводчик использовал одно то же слова для разных произведений Гумилева. Анализ перевода русского поэта показывает, что таджикские переводчики исследовали проблемы в нравственных вопросах романах этого писателя и поэта.

В настоящее время исследование художественных произведений русского поэта и писателя Н.С.Гумилева с позицию современной жизни для каждого исследователя является актуальным, поэтому таджикскому переводчику Эм.Муллокандов для перевода стихов Гумилева представляют более широкий кругозор. Переводы произведений русских поэтов, надо обратить особое внимание на характер названий художественных произведений.

Здесь оригинал воссоздан с подлинным художественным вкусом и мастерством. Переводчик правильно истолковывает образы стихотворения, язык отличается лаконизмом и богатством красок, а главное, ему удается сохранить гневную интонацию подлинника.

Таджикский переводчик скрупулезно работает над каждым словом. Так, он отказывается от слова «счастье», считая, что оно придает образу иное освещение. Определив главное в характере героя — корыстолюбие, карьеризм, презрение ко всему русскому, переводчик акцентирует эти качества. Для большей выразительности он использует определение «беватан» — «безродный», слово, которого использует в подлиннике, но оно логически обусловлено ранее сказанным о герое басни, и потому удивительно верно, в духе оригинала, определяет герою. Остается лишь признать, что «беватан» — счастливая находка переводчика.

Так, уловив главное, переводчик сумел предельно приблизиться к подлиннику. А такие находки, как «беватан», «хаёти нав», «рафтан», делают повествование субъективно-лирическим, придают ему ту эмоциональность, которая является характернейшей чертой лирики Н.С.Гумилева.

Художественный перевод из произведений Гумилева в переводе Эм.Муллокандова, па первый взгляд ни в чем не отступает от оригинала. Тем не менее он не передает смысловой глубины и эмоциональной окрашенности подлинника.

Сейчас таджикские переводчики показывают широкие темы нравственного характера в своих переводах, где развивали бытовые темы современной действительности. При анализе переводов таджикских переводчиков мы исследовали развитие моральные формы нравственных произведений русского поэта. Поэтому, надо обратить, на проблемы нравственных стихов русского поэта, где автор обращает большое внимание на воспитание людей и показывает моральную проблему творчества Н.С.Гумилева.

Поэтому таджикский переводчик и поэт Х.Юсуфи, который развивает моральные вопросы большой нравственный характер и изменяет в своем художественном переводе слова.

Таджикский литературовед М.Шукуров писал: «Некоторые темы, которые встречаются в произведениях русских поэтов, имеют нравственный характер в стихах, которые встречаются в произведениях таджикских поэтов и писателей классической литературы» [4, с.104].

Н.С.Гумилев оказывал и продолжает оказывать воздействие на таджикскую литературу в целом, на совершенствование и обогащение художественного мастерства и ее отдельных представителей. Его влияние заметно в поэзии таджикских поэтов.

Поэтому, проблемы, показанные в произведениях русского поэта имеют дидактических характер, которые в переводах на таджикский язык развивается успешно со стороны таджикских поэтов. Надо подчеркнуть и моральную сторону этого вопроса, где мы показали в этой научной

работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Н.С. Генерали сиёх.- Душанбе: Афсона, 1999.- 68 с.
2. Шодикулов Х. Гумилев и его стихи // Памир.- 2002.-№3.- С.56-59.
3. Смирнов А.Н. Особенности творчества Н.С.Гумилева.- М.: Наука, 2001.- 276 с.
4. Шукуров М.Обновление.- М.: Наука, 1998.- 276 с.
5. Яковлев Н.П. Характеристика творчества русского поэта Н.С.Гумилева.- М.: Наука, 2002.- 254 с.

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ Н.С.ГУМИЛЕВА И ПЕРЕВОДЫ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

В этой статье авторы анализируют стихи Николая Степановича Гумилёва известного русского поэта и писателя, который оставил после себя огромное количество нравственных стихов. На основе обширного материала автор статьи исследует переводы стихов Гумилева Н.С. на таджикский язык.

Надо отметить, что в Таджикистане были переведены огромное количество басни русского поэта, которые сыграли огромное значение в деле знакомства с произведениями русского поэта XX века.

Следует подчеркнуть, что в поэтических произведениях, особенно в стихах Николая Степановича, которые были переведены в начале XX века таджикскими переводчиками в характере анализа их политического характера и показывают различные вопросы русской действительности, в особенности такие проблемы как истории русского народа и нравственные вопросы .

В настоящее время таджикские переводчики игнорируют и более пространные моральные выводы произведений русского поэта и писателя. Нам не удалось выявить, какой бы то ни было закономерности в точности воспроизведения переводчиком моральных формул оригинальных стихов русского поэта.

Ключевые слова: *стихи, Н.С.Гумилев, нравственные вопросы, проблемы, характеры, таджикский язык.*

THE WORLD SIGNIFICANCE PECULIARITY OF TRANSLATION OF KRILOV FABLES INTO TAJIK LANGUAGE

In this article, the authors analyze the fables of Gumilev N.S. of the famous Russian fabulist, who left behind a huge number of moral fables. Based on extensive material, the authors of the article study the translation of Gumilevs fable into the Tajik language.

It should be noted that in Tajikistan, a huge number of fables of the Russian poet were translated, which played a great role in acquaintance with the works of the Russian poet of the nineteenth century. Based on extensive material, the authors of the article investigate the translation of Gumilev N.S. fable into the Tajik language.

It should be noted that in Tajikistan, a huge number of fables of the Russian poet were translated, which played a huge role in acquaintance with the works of a Russian poet of the 20th century.

Currently, A. Dekhoti also ignores more extensive moral conclusions (fables "Monkey and Glasses", "Peasant and Snake", "Cat and Cook", etc.). We were not able to identify any patterns in the accuracy of the translator reproducing the moral formulas of the original fables.

Currently, Tajik translators ignore the more extensive moral conclusions of the works of the Russian poet and writer. We were not able to identify any regularities in the accuracy of the translator's reproduction of the moral formulas of the original verses of the Russian poet.

Key words: *fables, N.S. Gumilev, moral issues, problems, characters, Tajik language.*

Сведения об авторе:

Саидова Мархабо - Преподаватель кафедры русского языка и литературы Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава Тел. (+992) 905330650

About the author:

Saidova Marhabo - Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Nosir Khusrav Bohtar State University Tel: (+992) 905330650

ИНЪИКОСИ МАҚОМУ МАНЗАЛАТИ КУРУШИ КАБИР ДАР САРЧАШМАҲОИ ТАЪРИХӢ ВА АДАБИЁТИ ИЛМӢ

Ғаффорӣ Н. У.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни

Куруши Кабир яке аз бузургтарин шахсиятҳои таърихӣ, сиёсатмадори варзида, тарғибкунандаи адолат ва таъминкунандаи баробарии иҷтимоии ҳамаи кишрҳои чома ба ҳисоб меравад. Тибқи маълумоти муаррихи бузург Ҳеродот «бунёдгузори нахустин империяи ҳахоманишиниҳо» мебошад, ки то замони лашкаркашию кишваркушоии Искандари Мақдунӣ дар таърихи тамаддуни башарӣ назире надошт.

Тибқи маълумоти катибаҳои Дорой Бузург ва муаррихони ҷунонӣ худуди давлати Куруши Кабир дар се қитъаи олам - Осиё, Аврупо ва Африқо, дар 22 вилоят: Порсу Мод, Бобулу Ошур, Мисру Финикия, Лидияву Урарту, Парфияву Гирканиа, Бохтару Суғд ва ғайра доман паҳн карда, бештар аз 70 қавму миллатҳои гуногунро муттаҳид менамояд. [8, с.21]

Давлати ӯ дар доираи принсипҳои адолати иҷтимоӣ бунёд гардида, ҳуди ӯ аз миёни шоҳони қадим ҳамчун саврари адлгустар, таҳаммулпеша, инсонпарвар, боинсоф ва хирадманд шинохта шудааст. Эълумияи ҳуқуқии ӯ дар таърихи тамаддуни башарӣ яке аз шоҳкориҳои аввалин оид ба ҳуқуқу озодиҳои инсон, падидаи комилан нави сиёсӣ фарҳангӣ, эълумияи башардӯстона, ки метавон нахустин санади кафолати озодии мазҳабу эътиқоди динӣ, ҳуқуқу озодиҳои шахрвандон шумурд, аз тамаддуни ориёӣ ғизо гирифтааст. Асоси онро ҳанӯз дар аҳди қадим таъсиси чомаи дунявӣ адолатпарвар ташкил медиҳад, ки баъдан тавассути рӯшанфикрони Юнону Рим ба Аврупо роҳ ёфта, заминаи чомаи ҳуқуқбунёд, дунявӣ ва башардӯстонаро паدید овард.

Ба иттилои муаррихон ин эълумия, ки бо забони аккадӣ (бобулӣ) навишта шуда, то имрӯз ба мо мерос мондааст зери номи «Устувонаи Куруш» низ ёдоварӣ мешавад. Зеро шакли гилнавишти цилиндрмонандро дошт.

Таърихнигори бритониёӣ Ҳормуз Рассам соли 1879 ҳангоми ҳафриёти Бобул (дар наздикии Бағдод) «Устувонаи Куруш» - ро бо ҳамроҳии китобхонаи ба ном «Шоҳ Ашурбанипал» пайдо карда, ба Лондон мебарад. Баъдан матни цилиндраи таҳқиқгари шинохтаи фарҳанг ва тамаддуни Ошур - Генрӣ Равлинсон ба англисӣ баргардон мекунад.

Бо саъй ва кӯшишҳои олими шинохтаи тоҷик П. Чамшедов ин матн ба забони тоҷикӣ ба таври зайл тарҷума шудааст: «Манам Куруш, шоҳи шоҳон, шоҳи бузург, шоҳи неруманд, шоҳи Бобул, шоҳи Сумер ва Аккад, шоҳи чаҳор мамлакат, писари Камбучия - шоҳи бузург, навосаи Куруш, шоҳи бузург аз шоҳаи салтанати адабӣ, ки салтанаташ мавриди худоён ва ҳуқуматаш ба дилҳо наздик аст. Вақте ки бе ҷангу ҷидол вориди Бобул шудам, ҳама мардум кудуми маро ба шодмонӣ пазируфтанд. Дар қасри подшоҳони Бобул ба сари салтанат нишастам. Мардук - худои Бобул дилҳои наҷибӣ мардуми Бобулро мутаваҷҷеҳӣ ман кард, зеро ман ӯро муҳтарам ва гиромӣ доштам. Лашкари бузурги ман ба оромӣ вориди Бобул шуд. Нагузоштам садама ва озоре ба мардуми ин шаҳру ин сарзамин ворид ояд. Вазъи дохилии Бобул ва амокини муқаддаси он қалби маро такон дод. Фармон додам, ки ҳеч як аз хонаҳои мардум хароб нашавад. Худои бузург аз ман хурсанд шуд ва ба ман, ки Куруш ҳастам ва ба писарам Камбучия ва тамоми лашкари ман аз роҳи иноят баракати худро нозил кард. Подшоҳоне, ки дар ҳама мамолики олам дар сарзаминҳои худ нишастаанд, аз дарёи боло то дарёи пойин ва подшоҳони ғарб тамоман хирочи сангин оварданд ва дар Бобул бар пойҳои ман бӯса заданд. Фармон додам, ки аз Бобул то Ошур ва Шуш ва Аккад... ва ҳамаи сарзаминҳои, ки дар он тарафи Дачла воқеанд ва аз айёми қадим бино шудаанд, маобидеро, ки баста шуда буд, бикушоянд. Ҳама худоёни ин маобидро ба ҷойҳои худ баргардондам, то ҳамеша дар он ҷо муқим бошанд. Аҳолии ин маҳалҳоро ҷамъ кардам ва манозили онҳоро, ки хароб карда буданд, аз нав сохтам ва худоёни Шумеру Аккадро беосеб ба қасрҳои онҳо, ки «шодии дил» ном доранд, бозгардондам. Сулҳу оромӣро ба тамоми мардум ато кардам». [8,

с.20]

Бояд гуфт, ки меъёрҳои ин санади ҳуқуқӣ «ҳамаи мардумон дар парастии Худои худ озод бошанд ва бединон таҳти фишор қарор нагиранд»; «касе ҳақ надорад касеро кор фармуда, ба ӯ музд надихад»; «ҳар кас озод аст, ҳар динеро, ки майл дорад, баргузинад, ихтиёр дорад дар ҳар ҷо хоҳад сукунат намояд ва ба ҳар гуна дину мазҳаб, ки муътақид аст, ибодат кунад ва эътиқодоти худро ба ҷо оварад... танҳо ба шарте, ки ҳаққи касеро поймол накунад ва зиёне ба ҳуқуқи дигарон ворид насозад»; «вичдони инсонии ҳозира қобили пазириш нест, ки дар назди чашми ҳамагон инсонҳо аз гуруснагӣ мемиранд ва ё аз надоштани маводи зист даст ба худкушӣ мезананд»; “ҳар кас посухгӯӣ аъмоли худ мебошад”[1] аз ҷумлаи он арзишҳои инсонгароёнае мебошанд, ки дар низоми риояи ҳуқуқи озодихоии шахрванд ҷойи созгорро ишғол менамоянд.

Хусусан, се арзиши демократӣ, ки аз ин нигошта мушаххас мегарданд: озодии дину мазҳаб, озодии интихоби ҷойи зист ва поймол накардани ҳуқуқи каси дигар дар таҳияи Ёлломияи умумии ҳуқуқи башар, ки 10-уми декабри соли 1948 қабул шудааст, ҳамчун сарчашмаи асосӣ ва роҳнамои ҳуқуқӣ нақши мондагор гузошанд. Имрӯз як нусхаи «Устувои Куруш» дар идораи марказии СММ ҳамчун рамзи арзиши пайдории ҳуқуқи башар нигоҳдорӣ мешавад.

Метавон қайд намуд, ки аксар равшанфикрони маъруфи ҷаҳонӣ бодарназардошти хусусиятҳои инсонпарваронаи империяи таъсисдодаи Куруши Кабир ба шахсият ва империяи ӯ таваҷҷуҳи махсус зоҳир намудаанд. Ҳамин аст, ки дар бораи шахсияти Куруши Кабир, сиёсати кишваркушоии ӯ, таъсиси империяи тавоною мутамаркази ориёӣ ва нақши мондагори ӯ дар низоми давлатсозӣ аз сарчашмаҳои зиёди таърихӣ ва адабиёти илмӣ метавон маълумоти зиёдеро ба даст овард.

Масалан, падари таърих Ҳеродот дар асари худ «Таърих» доир ба шахсияти Куруш ва усули давлатдории ӯ чунин нигоштааст: «Куруш подшоҳи фурӯтан, баландҳиммат ва родмарди шучоъ буд. Ӯ порсҳоро аз хироч додан раҳонид ва соҳиби империяи ҷаҳонӣ ва миллати нерумандтарин гардонид». Рушду густариши соҳаҳои гуногуни давлати Ҳахоманишиён дар аҳди Куруш яке аз мавзӯҳои мебошад, ки дар маркази таваҷҷуҳи муаллиф қарор гирифтааст. Ҳеродот дар идома атрофи ободкорӣҳои Куруши Кабир андешаҳои ӯ иброз дошта, аз ҷумла чунин менависад: «Куруш хангоми сохтани роҳҳо дар фосилаҳои муайяни роҳ аломатҳои шинохти роҳро мегузошт. Баъди ҳар панҷ фарсанг бошишгоҳҳои амонатӣ ва баъди ҳар бист фарсанг дар гузаргоҳҳои чорроҳа қорвонсарою шаҳракҳои тичоратӣ бунёд менамуданд». [2, с. 178-206]

Бинобар андешаи Ҳеродот чунин низоми давлатдорӣ дар замони худ беназир арзёбӣ мешавад. Файласуфи бузурги Юнон Афлотун диққати худро бештар доир ба адолатпарвариро озодманишии ориёӣҳо дар аҳди давлатдории Куруш равона карда, дар нигоштаҳои хеш бузургию хирадгустарию Курушро ситоиш намудааст. Бо мақсади муайян намудани низоми давлати иҷтимоӣ ҳуқуқбунёд Афлотун аз Куруш ёд карда, чунин менависад: Куруш сарвари бузург буд. Дар замони ӯ ориёӣҳо аз озодӣ бархурдор буданд ва бар бисёр халқҳои дунё фармонравой мекарданд. Ӯ ба ҳамаи миллатҳои, зери фармони ӯ буданд ҳуқуқи озодӣ бахшид, аз ин рӯ вайро ҳама дӯст медоштанду эҳтиром мекарданд.

Беҳтарин хислатҳои Куруши Кабир ҳамчун подшоҳи одилу адолатпарвар дар асари “Курушнома”- и олими намоён Газанфун инъикос ёфтааст. Газанфун менависад, ки “... Куруш нобиғаи бузург буд, ки дар тамоми умр ба ҳадафи муқаддас пайравӣ мекард. Ӯ дӯсти инсонҳо ва талаби илму ҳикмат, ростӣ ва дурустӣ буд. Куруш ақида дошт, пирӯзӣ ба ҳеч кишваре ҳуқуқ намедихад, ки халқи мағлубро асир кунад”. [9, с.145-146]

Дар воқеъ, агар мо ба ҳуҷумҳои Куруш ба Лидия ва Бобул назар андозем ба дурусти мушоҳида карда метавонем, ки ӯ нисбати мардумони бебизоату асир ва эҳтиёҷманд аз хираду адолат муносибат намуда худро паногоҳи эшон эълон медорад.

Бинобар маълумоти китоби “Курушнома” - Куруш ба мардуми мағлубшуда имкону озодӣ медод то дар таъмини адолати иҷтимоӣ саҳмгузор бошанд. Бо ҳамин мазмун Газанфун менависад, ки Куруш чунин андеша дошт: “Ҳангоми ҷанг бояд кӯшид, ки кишоварзон ва

мардumi ғайрисипоҳӣ зарар набинанд. Шаҳри шикастхӯрдари набояд ғорат кард. Куруш муваффақ шуд, ки миллатҳои шикастхӯрдари шефтаи худ созад. Тавре, ки порсҳо ӯро падар хондаанд. Миллатҳои мағлуб ӯро Худовандгор меҳисобанд. Куруш бузургтарин, бахшандатарин, покизатарин, дарёдилтарин марди таърихи дунё буд. Куруш бузургтарин хаводори фарҳанг ба шумор мерафт”. [9, с.146]

Аз ҷумла, файласуфи олмонӣ Фридрих Гегел дар китоби худ «Фалсафаи таърих» оид ба пайдоиши тамаддуни башарӣ маълумоти арзишманди илмӣ дода, қайд кардааст, ки низоми давлатдории мутамаддин ва умуман таърихи тамаддуни умумибашарӣ маҳз аз таърихи пурҷозибии порсҳо ва оини давлатдории Куруши Кабир ибтидо меёбад.

Академик Бобочон Ғафуров ҳомии ҳуқуқи озодиҳои инсон ва эътирофкунандаи дину оини халқҳои гуногун будани Куруши Кабирро ҷонибдорӣ карда, менависад, ки “Ҳахоманишҳо бар хилофи подшоҳони пешини замони Шарқи қадим, нисбат ба оину мазҳабҳои сойири халқҳо хеле ботаҳаммул муносибат карда, ҳатто маъбаду калисоҳои кишварҳои мухталифро ба мисли ибодатхонаҳои Бобул ва Яхудистон дубора барқарор намуданд.[3, с.87]

Бисёр ҷолиби тавачҷуҳ аст, ки мақому манзалати Куруши Кабир дар як қатор адабиёти динию мазҳабӣ бо як услуби махсус ва мазмуну муҳтавои хоса тасвир шудааст. Қабл аз ҳама дар китоби муқаддаси яҳудиён “Таврот”, ки ба паёмбар Мӯсо тааллуқ дорад исми Куруш 23 маротиба ба некӣ ёд мешавад. Масалан, дар боби 42-юми ин асар аз номи Худованд ишора ба Куруш чунин оварда шудааст: “... ӯ шубони (чӯпон) ман аст ҳар чӣ ӯ кунад он хости ман аст”. Дар боби 45-уми ҳамин китоб сухани Худованд ба таври зайл нишон дода шудааст: “Куруш - Масех (начотгар) - и ман дар рӯи замин аст”. [6]

Ин гуфтаҳо боис бар он шудааст, ки манзалати Куруш дар миёни халқҳои яҳудӣ мақоми хосаеро пайдо намудааст. Аз нуқтаи назари рӯҳониёни дини яҳудия Куруш фардест, ки зери назари раҳмати офаридгор ба дунё омада чун сарбози тариқати ростӣ дар ин дунё бояд чадал кунад. Гузашта аз ин тавре аз сарчашмаҳои таърихӣ бармеояд Куруш барои ҳифзу таъмини амниятӣ адолат ва ободониҳои мардumi яҳудия дар қатори дигар халқҳо нақши беназири худро гузоштааст. Аз ин ҷост, ки яке аз донишмандони дини яҳудия Эзро аз номи Куруш чунин мегӯяд: “Ҳамаи мамлакатҳои заминро Худованд, Худои осмон ба ман додааст ва ӯ ба ман амр додааст, ки дар Ерусалим (Байтулмақаддас), ки дар Яҳудия аст, хонае барои ӯ бино намоям...”[6]

Барои тақвияти ин гуфтаҳо рӯ меорем ба боби 5-уми Инҷили Матто: “... ҳаргиз қасам ёд накун, на ба осмон зеро ки тахти Худост, на ба замин чунки пояндози ӯст, на ба Ерусалим, чунки шаҳри подшоҳи бузург аст”. Ба назари аксари донишмандон зеро ибораи “подшоҳи бузург” Куруши Кабир дар назар аст, зеро дар дунёи қадим бо бузургӣ (кабирӣ) танҳо ӯ маъруф буд ва гузашта аз ин дар дубора сохтани Байтулмақаддас нақши асосӣ дошт.

Дар китоби муқаддаси “Қуръон” аз Куруш ҷое ба ном ёд нашудааст, аммо миёни гурӯҳе аз донишмандон атрофи шахсияти Зулқарнайн, ки дар сураи “Каҳф” аз он ба некӣ ёд мешавад баҳсҳо идома доранд. Гурӯҳе бар ин андешаанд, ки зери номи Зулқарнайн Куруш нуҳуфтааст. Албатта баҳси Зулқарнайн баҳси танҳо имрӯз набуд. Дар аксари асарҳои муаррихону мутафаккирони асримиёнагӣ ба монандӣ: “Таърихи Табарӣ”-и Имом Табарӣ, “Осор-ул-боқия”-и Абурайҳони Берунӣ, “Равзат-ус-сафо”-и Мирхонд ва ғайра масъалаи мавриди назари мо ба дарозо мавриди муҳокима қарор гирифтааст. Хусусан, имрӯз дар китоби тозанашири Мавлоно Абдулкаломи Озод бо номи “Куруши Кабир - Зулқарнайн”[7, с.240], ки аз ҷониби муаррихи тоҷик Р.Мирализода аз хатти форсӣ ба кирилӣ баргардон шудааст шахсияти Куруши Кабир аз диди нав, ҳамчун Зулқарнайн, ки дар китоби муқаддаси Қуръон зикр шудааст, муаррифӣ карда мешавад. Азбаски ин паҳлуи мавзӯ тадқиқи алоҳидаро меҳаҳад мо дунболи он суханро ба дарозо намекашем.

Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон бошанд, дар асари пурмуҳтавои худ «Чехраҳои мондагор» дар мавриди мақому манзалати Куруши Кабир баҳои арзишманди илмӣ дода, аз ҷумла дарҷ менамоянд, ки Куруши Кабир дар миёни шоханшоҳони аҳди қадим яке аз оқилтарин, боинсофтарин,

камозортарин ва дурандештарин шоҳаншоҳ буд, ки бо тамаддунофариро давлатсозӣ, инсонпарвариро адолатпешагӣ ва рафтору ахлоқи ҳамидааш нуфузи оламгир ёфтааст. Хусусан, ӯ сиёсатшиноси нуктасанҷ буда, пеш аз ҳама гуна муҳориба барои нарехтани хун ба рақибонаш бо кафолати амният, озодӣ ва бо шартҳои барои онҳо имтиёзнок бастанӣ сулҳро пешниҳод мекард. Танҳо дар сурати аз ҷониби муқобил қабул нашудани пешниҳодҳояш даст ба ҷанг мезад... одамшиносу инсондӯст буд ва шахсони лаёқатмандеро, ки барояш содиқона хизмат мекарданд, кадр мекард ва ба онҳо мансабҳои калони давлатиро меод.[8, с.21]

Бояд қайд намуд, ки шинохти воқеии яке аз бузургтарин чехраҳои таърихи қухани тоҷикон Куруши Кабир аз ҷониби ворисони ӯ дар даврони соҳибистиқлолӣ зерӣ андешаҳои миллатдӯстонаи Пешвои миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба вучуд омад. Дар ин самт ҳуди Пешвои миллат аввалин шуда дар асарҳои таърихии хеш аз ҷумла: “Тоҷикон дар оинаи таърих”, “Чехраҳои мондагор” ва дигар суҳанронӣ баромадҳояшон нақши ин абармарди таърихро дар густариши ободӣ дар қатори дигар фарзандони барӯманди халқи тоҷик бадан арзёбӣ намуданд.

Нависандаи тоҷик Бароти Абдураҳмон соли 2006 романеро бо номи «Куруши Кабир - шоҳаншоҳи тамаддунофар» таълиф карда, дар он сарнавишти ибратомӯз, талошу пайкорҳои давлатсозӣ ва муттаҳидгардонии қавмҳои парокандаи ориёиро рӯи сафҳа тасвир меорад. Умуман, ба баҳои арзишманди академик Б.Ғафуров Куруши Кабир барои форсҳо ҷадди бузург, барои бобулиҳо расули ҳудои Мадрук, барои юнониҳо рачули бузурги давлат ва барои яҳудиён наҷотбахши ҳудо Яхве шинохта мешуд.[3, с.72]

Ин далел исбот менамояд, ки бар хилофи шоҳони пешин Куруши Кабир оину мазҳаб, ҳуқуқу озодиҳои соири халқҳоро бо таҳаммулпешақӣ, дурандешӣ эътироф карда, барои эҳёи арзишҳои монета пешорӯ намасохт. Бинобар ин, ӯ пайвандгари суннати таҳаммулгаройи миёни аҳли башар мебошад.

АДАБИЁТ

1. Аъзам Мӯсов. Санаде, ки аз эълонии Куруши Кабир замина мегирад. «Садои мардум». - №155 (3140). 2013, 10 декабр.
2. Геродот. История. Кн.1. - М., 1972.
3. Ғафуров Б. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим, асрҳои миёна ва давраи нав. - Душанбе: Дониш, 2008, с. 87.
4. Ғафуров Б. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. - М., 1972.
5. Дандамаев М. И. Иран при первых Ахменидах. - М., 1963.
6. Китоби муқаддас. Аҳди қадим ва аҳди қадид. Китоби Эзро, боби 1. - Стокгоlm, 1999.
7. Мавлоно Абдулкаломи Озод. Куруши Кабир – Зулқарнайн. - Д., 2019. - 240с.
8. Эмомалӣ Раҳмон. Чехраҳои мондагор. - Д., 2016. - 364с.
9. Яъқубов Ю. Таърихи халқи тоҷик. Китоби дарсӣ. – Душанбе, 2015.

ОПИСАНИЕ СТАТУСА КИРА ВЕЛИКОГО (КУРУШИ КАБИР) В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Куруши Кабир - являлся великой исторической личностью - мудрым Царём справедливости, толерантности, гуманности, честности и ярким политическим деятелем, сторонником и защитником справедливости, обеспечивший социальное равенство и, соединивший более 70 народов трёх континентов - Азии, Европы и Африки.

Его «Декларация о праве» считалась новым явлением политической и культурной жизни арийской цивилизации и первым нормативным актом, определившим право и свободу личности человека.

Основу «Декларации о праве» составляла организация светского и справедливого общества, которое посредством греческими и афинскими мудрецами проложила путь в Европу, и заложила основу светского гуманистического общества.

Таким образом, автор в начале статьи рассматривает систему правления Великого Кира (Куруши Кабир), в основе которой лежали правовые и гуманистические ценности «Декларации о праве».

На основе полученных сведений из научно-исторических источников, которые описывают отечественные и зарубежные учёные-историки, автор проводит подробный анализ и сравнение, о системе правления Великого Кура (Куруши Кабир), так как история цивилизации берёт своё начало именно с его правления.

Ключевые слова: общество, народность, справедливость, политика, государство, право, свобода, толерантность, социальное равноправие, исторические источники, научная литература, история цивилизации и т.д.

DESCRIPTION OF THE STATUS OF CYRUS THE GREAT (KURUSHI KABIR) IN HISTORICAL SOURCES AND SCIENTIFIC LITERATURE

The great (Kurushi Kabir) was a great historical figure, a wise King of justice, tolerance, humanity, honesty and a bright politician, supporter and defender of justice, who ensured social equality and united more than 70 peoples from different sciences of three continents – Asia, Europe and Africa.

His "Declaration of law" was considered a new phenomenon in the political and cultural life of Aryan civilization and the first normative act that defined the right and freedom of the human person.

The basis of the "Declaration of law" was the organization of a secular and just society, which, through the enlighteners of Greece and Athens, paved the way to Europe, and laid the foundation of a secular humanistic society.

Thus, the author at the beginning of the article considers the system of government of the Great Cyrus (Kurushi Kabir), which was based on the legal and humanistic values of the "Declaration of law".

On the basis of the information received from scientific and historical sources, which are described by domestic and foreign historians, the author conducts a detailed analysis and comparison of the system of government of the Great Cyrus (Kurushi Kabir), since the history of civilization originates from his reign.

Keywords: society, nationality, justice, politics, state, law, freedom, tolerance, social equality, historical sources, scientific literature, history of civilization, etc.

Сведения об авторе:

Гаффори Нумонжон Усмонзода – профессор, ректор Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни; E-mail: numonjon_g@mail.ru

About the author:

Gaffori Numanjon Usmonzoda, professor, rector of Tajik state pedagogical University named after Sadridin Aini E-mail: numonjon_g@mail.ru

ИСТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЕ ТАДЖИКИСТАНА В 40-60-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Шарофова М.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Выступая 24 октября 2008 года на торжественном заседании, посвященном 60-летию Таджикского Национального университета, президент Республики Таджикистан, Лидер Нации уважаемый Эмомали Рахмон подчеркнул, что «наука и образование являются для любого государства и нации важнейшим фактором развития и прогресса. Ибо прогресс общества, устойчивое экономическое развитие, обеспечение безопасности нации и государства, достижение мирового уровня в экономике, технике, технологии, науке и культуре зависят, прежде всего, от развития образования и организации целенаправленного и качественного процесса обучения и воспитания нового поколения»[1].

Постановлением ЦК КП (б) и СНК Таджикской ССР от 7 июня 1941 года за №496 «О передаче помещений Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР для ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО, организуемых в Таджикской ССР», под РУ №3 г. Сталинабада было отведено помещение строительно-коммунального техникума, под школу ФЗО №1

там же – помещение детского дома №3 и под школу ФЗО №2 там же – помещение республиканских курсов учителей-предметников [2, с.4].

В период 1941-1945 гг. система профессионально-технического образования вынуждена была строить свою деятельность по подготовке рабочих в соответствии с требованиями военного времени. Теоретическое обучение проводилось в учебных комнатах, практические занятия – на базовых промышленных предприятиях, причем с учетом оказания непосредственной помощи народному хозяйству.

Педагогическим коллективам пришлось преодолевать большие трудности военного времени, прилагать большие усилия, чтобы учебно-воспитательный процесс проходил на должном уровне. Учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО стремились к скорейшему получению профессии, а также своими силами, как могли, помогали фронту. Так, учащимися столичного железнодорожного училища № 1 в 1941-1942гг. был осуществлен капитальный ремонт четырех и средний ремонт 14 вагонов, 64 вагона подвергли годовому осмотру. Было проведено 113 ревизий тормозов, 138 поездов обработано к прибытию и отправлению, и 140 паровозов охвачено промысловым ремонтом, 60 учащихся в течение двух месяцев работали самостоятельно помощниками машинистов. В период производственной практики учащимися железнодорожного училища было заработано 45000 рублей и сдано в фонд обороны 19750 рублей. В фонд обороны также было собрано 450 теплых вещей, на фронт отправлено 400 кг посылок, собрано 6 тонн металлолома [3, с.21-22].

В целях повышения качества подготовки специалистов в железнодорожном училище №1 были организованы целенаправленная методическая работа, специальная помощь мастерам в быстрейшем овладении передовыми приемами обучения и воспитания учащихся, систематически проводились открытые уроки для обмена опытом, осуществлялось соревнование в группах, между учащимися. Достижением коллектива железнодорожного училища явилось то, что в течение двух лет оно досрочно выпустило с оценками «хорошо» и «отлично» 247 человек, которые пошли работать на транспорт, остро нуждавшийся в кадрах.

В трудные военные годы достижениями была отмечена деятельность и других ремесленных училищ и школ ФЗО республики. В 1941-1942 гг. в столичном РУ №1 была организована учебно-техническая база, учащиеся шефствовали над ранеными в госпиталях, собрали 10 тонн металлолома, 19228 рублей в Фонд обороны и теплых вещей на сумму 1300 рублей; в РУ №2 Душанбе были восстановлены три токарных и один винторезный станки; в Душанбинском №3 РУ организована собственная производственная база[3, с.60].

Но в этот период системой профтехобразования республики испытывались определенные трудности: не хватало мастеров и преподавателей, при комплектовании учебных групп не всегда учитывались возрастные особенности учащихся, их общеобразовательный уровень. В производственном обучении мало уделялось внимания теоретической общеобразовательной подготовке. Эти и другие недостатки деятельности РУ и ФЗО были отмечены в специальном постановлении СНК Таджикской ССР от 24 января 1943 года. В нем, в частности, отмечались и недостаточно эффективная организация производственного обучения, невысокие бытовые условия учащихся и культурно-массовая работа для них, слабый подбор руководящих кадров. Постановлением предписывалось в кратчайшие сроки ликвидировать упущения и обеспечить на достаточно высоком уровне организацию учебно-воспитательного процесса.

Несмотря на все трудности, уже в 1942 году первый отряд молодых рабочих – выпускников системы трудовых резервов Таджикистана численностью в 1107 человек пришел на смену ушедшим на фронт и начал самоотваженно трудиться под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». Об этом, к примеру, свидетельствуют материалы архивов: «...С декабря уже работает бригада под руководством воспитанника РУ №2 Фомина. Бригада, систематически осваивая новые для них виды химического оборудования, из месяца в месяц перевыполняет свои производственные задания на 150-170%... Силами этой бригады был смонтирован и установлен фильтропресс и другое оборудование цеха. Бригада Коконина перевыполняет производственные задания на 175%. Силами молодых специалистов полностью проведен капитальный ремонт дизельных установок и других сложных машин».[4, л.62]

Внимание на подготовку кадров среднего профессионального обучения было обращено первым секретарем ЦК Компартии республики Б. Гафуровым, который говорил о важности этих специалистов для различных отраслей промышленности и в целом всех отраслей народного хозяйства. Им была подчеркнута особая роль в этом училищ и техникумов [5,55].

Учащимися столичного РУ №1 успешно выполнялись производственные заказы промкомбината Управления водоканализации, предприятий промкооперации, Наркомзема, Наркомздрава, строительства нижней Варзобской ГЭС на многие сотни тысяч рублей. Число выпускников РУ и ФЗО республики в 1945 году составило около 4000 человек, они стали достойным пополнением рядов рабочего класса[2, с.47].

Деятельность воспитанников трудовых резервов страны в период Великой Отечественной войны была высоко оценена М.И.Калининым в беседе с работниками государственных трудовых резервов и комсомольских организаций железнодорожных училищ и школ ФЗО 23 октября 1942 года, в которой он заявил: «Родина не забудет доблести своих сынов, сражающихся с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Отечественной войны. Добрым словом вспомнит она и доблестный труд наших юношей и девушек – учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО»[2, л.47].

В речи Б.Г. Гафурова на XIX съезде ВКП (б) было подчеркнуто, что «богатства таджикской земли поставлены на службу Родине и народу. Республика дает стране все больше хлопка-волокна, фруктовых консервов, шелковой и хлопчатобумажной ткани, хлопкового масла и другой ценной продукции. Наши фабрики и заводы – это не только очаги промышленности, но и очаги культуры с прекрасными социалистическими городами, школами, парками. Они являются кузницей национальных кадров»(5,19).

Вопросы развития профессионально-технического образования, организации ремесленных училищ и школ ФЗО и их деятельности в годы Великой Отечественной войны», нашли освещение в работах Л.Ф. Галицыной «Роль выпускников профессионально-технического образования в народном хозяйстве Таджикистана (1940-1965гг.)»,(6,44) К.Г.Хасанова «Становление и развитие профессионально-технического образования Таджикской ССР» [8, с.20] и др.

Победа в Великой Отечественной войне, восстановление разрушенного войной народного хозяйства и переход к мирному строительству создали необходимые условия для ликвидации тяжелых последствий войны в области просвещения, в системе народного образования, в том числе системе профессионально-технического образования.

Первым послевоенным пятилетним планом развития народного хозяйства СССР (1946-1950 гг.) перед страной была поставлена задача: восстановить разрушенные районы, достигнуть прежнего уровня развития, как промышленных предприятий, так и сельского хозяйства, для чего нужны были высококвалифицированные кадры. Поэтому планом предусматривалось осуществить всеобщее обязательное обучение детей с семилетнего возраста, как в городе, так и на селе, повысить качество их обучения и воспитания. Намечалось укрепить материальную базу народного образования, ввести в строй к 1950 году 13 средних и 100 начальных школ, довести число начальных, семилетних и средних школ к концу пятилетия до 3123 с контингентом учащихся 301 тысяча человек[7, с.103-104].

В августе 1945 года Совнаркомом Союза ССР было принято постановление «О мерах по улучшению учебно-воспитательной работы в ремесленных железнодорожных училищах и школах ФЗО». В декабре 1946 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по улучшению подготовки трудовых резервов и увеличению количества рабочих, подготавливаемых в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО». Этими документами перед сетью профтехобразования страны была поставлена задача более эффективного развития и совершенствования подготовки профессиональных кадров рабочих, увеличения численности и повышения качества выпускников школ ФЗО. С этой целью в Таджикистане уже в 1946 году были открыты четыре школы ФЗО, из них – три – в столице республики и одна – на угольном руднике Шураб. В ремесленных училищах были введены переводные экзамены, что прививало чувство ответственности как у педагогического коллектива, так и у учащихся [7, с.8-9].

В том же 1946 году Наркомат просвещения республики был переименован в Министерство просвещения, которое должно было осуществлять руководство школами, вузами и средними специальными учебными учреждениями.

В республике расширилась сеть средних специальных учебных заведений – техникумов и училищ, значительно увеличилось число учащихся. Это подтверждают следующие данные:

	1940/41 уч.г.	1945/46 уч.г.	1950/51 уч.г.	1955/56 уч.г.
Всего техникумов и других средних учебных заведений	30	24	32	33
В них учащихся	5919	7520	10775	13423

Если количество техникумов по сравнению с предвоенным учебным годом возросло лишь на три единицы, то число учащихся увеличилось почти на восемь тысяч человек. Из года в год возрастала численность выпускников техникумов и других средних специальных заведений. В 1940 году в республике было выпущено 629 человек, в 1945 году – 492, а в 1950 году – 2607 и в 1955 – 2287 человек.

Таким образом, в результате постоянного внимания со стороны партийных и советских организаций в республике были достигнуты значительные достижения в организации среднего специального образования.

За годы пятой пятилетки число учащихся возросло на 24% по сравнению с четвертой пятилеткой.

За пять лет было выпущено около 12,4 тысячи человек(7,126). Укреплялась материально-техническая база учебных заведений, базовые предприятия передали им 130 слесарных тисков, 31 токарных, три фрезерных, три строгальных, и семь сверлильных станков, других технических средств обучения [8, с.10].

11 учебными заведениями системы трудовых резервов в 1945 году, первом году четвертой пятилетки, было подготовлено 812 молодых специалистов, которые были направлены на работу в столичные предприятия: 37 – на завод «Автозапчасть», 85 – на шелкомотальную фабрику, 18 – на завод им. С.Орджоникидзе и другие промышленные предприятия республики. Однако квалифицированных рабочих не хватало. Несмотря на то, что в 1946 году в школах ФЗО обучалось 920 человек, из них 341 – таджики, 315 – русские, 118 – узбеки, тем не менее, этого было явно недостаточно [8, с.10].

XXIII пленумом ЦК КП (б) Таджикистана в августе 1947 года был обсужден вопрос «О работе промышленности республики». Отметив определенные достижения в промышленности, пленум обязал партийные организации и хозяйственных руководителей республики всемерно поддерживать и развивать инициативу рабочих и работниц, направленную на дальнейшее повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции, широко внедрять методы коллективной высокопроизводительной работы, а также уделять большое внимание подготовке кадров для промышленности, на транспорте и связи. В этих отраслях народного хозяйства было занято 53838 человек рабочих и служащих. Из 33 тысяч работников промышленности свыше 12 тысяч было таджиков, в том числе три тысячи женщин. Подготовка кадров массовых квалификаций проводилась через техникумы, школы новаторов и индивидуально-бригадное обучение. Промышленные предприятия республики укомплектовывались также за счет выпускников ремесленных училищ и школ ФЗО. В 1947 году в системе трудовых резервов обучались 3500 человек.

Согласно решению XXIII пленума ЦК Компартии республики соответствующие ведомства обязывались обеспечить организованный набор молодежи в школы ФЗО и ФЗУ, преимущественно из числа коренной национальности. Пленум поставил задачу обеспечить укомплектование школ ФЗО, РУ и железнодорожных училищ квалифицированными преподавательскими кадрами, мастерами производственного обучения и необходимым оборудованием; принять меры по укреплению учебных заведений, организации мероприятий по повышению и совершенствованию дальнейшей профессиональной квалификации их выпускников.

Особой заботой были окружены подростки, родители которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Они зачислялись в учебные заведения системы профтехобразования в первую очередь. Только в 1947 году и первый квартал 1948 года в них было принято 77 детей погибших воинов, а в июне 1948 года для этого контингента было открыто специальное ремесленное училище в г. Курган-Тюбе, в котором приступили к занятиям 198 подростков.

В третьем послевоенном учебном году железнодорожное училище, восемь ремесленных и семь школ ФЗО дали народному хозяйству республики 750 металлистов, 400 угольщиков, 200 железнодорожников и связистов. Вместе с тем внедрение новой техники и производственных мощностей на предприятиях Таджикистана предъявляли к подготовке молодых специалистов повышенные требования [6, с12].

В 1948 году Душанбинским железнодорожным училищем, восемь РУ и семь школ ФЗО в республике было подготовлено 1350 высококвалифицированных металлистов, угольщиков, связистов и железнодорожников. В учебных заведениях трудовых ресурсов Таджикистана была проведена большая работа по перестройке учебного процесса, расширению учебных кабинетов и мастерских с целью ликвидации текучести учащихся, повышения успеваемости и посещаемости. Этому во много способствовало принятое Совмином республики постановление «О мерах по улучшению подготовки квалифицированных рабочих и ликвидации текучести учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО» от 2 августа 1948 года [8, с.12].

Учебно-воспитательной и идейно-политической подготовке учащихся стало уделяться все больше внимания, все шире вводилось преподавание общественных дисциплин. Управлением трудовых резервов республики было направлено на работу в школы ФЗО, ФЗУ и РУ около 30 высококвалифицированных молодых специалистов по воспитательной работе. Систематически организовывались встречи с передовиками производства, мастерами промышленных предприятий, отличниками учебного процесса, в целях привития молодому поколению любви к рабочей профессии проводились экскурсии на промышленные предприятия, что положительно сказывалось на подготовке молодых кадров и притоке новых рабочих в систему трудовых резервов. Только среди выпускников 1947 года, которых на 400 человек было больше по сравнению с выпускниками 1946 года таджиков и узбеков насчитывалось 614.

Изменился и контингент учащихся. Если в 1945-1946 учебном году в ФЗО, РУ и ФЗУ принимали с образованием и ниже четырех классов, то в 1949-1950 учебном году прием такого контингента лиц

был прекращен. Если прежде ускоренные виды обучения составляли 3-6 месяцев, то теперь срок обучения увеличился до 10 месяцев.

В связи с развитием числа промышленных предприятий все большее внимание уделялось и количественному составу молодых квалифицированных рабочих разных специальностей. С 1946 по 1950 гг. в железнодорожных и ремесленных училищах, школах ФЗО были подготовлены 8700 человек, в том числе литейщики, инструментальщики, бурильщики, ткачи, радисты, операторы, слесари, плотники, токари по металлу, кузнецы, автослесари и т.д. Улучшились и профессиональные знания выпускников.

Таким образом, несмотря на всю сложность военного времени, новая в стране система подготовки квалифицированных кадров оказалась одним из надежных источников пополнения рядов рабочего класса. Так, за период Великой Отечественной войны в системе трудовых резервов Таджикистана было подготовлено около пяти тысяч молодых рабочих. В этот тяжелый для государства период система профтехобразования достойно выдержала все испытания и доказала свою эффективность. В Таджикистане был создан новый тип труженика – собственный рабочий класс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рахмон Э. Выступление на Торжественном заседании, посвященном 60-летию ТГНУ // Народная газета. 2008. 29 окт.
2. ЦГА Таджикистана. ф.483, оп.5, ед.хр.Г., л.4.
3. ЦГА Таджикской ССР, ф.483, оп.5, ед.хр.15, с.60.
4. Из докладной записки главного инженера завода «В». ЦГА Таджикской ССР, ф.483, ед.хр.33, л.62.
5. Гафуров Б.Г. Парторганизация и вопросы культуры // В помощь партработникам. Сб.материалов. Сталинабад. 1944. Вып.2.
6. Галицына Л.Ф. Роль выпускников профессионально-технического образования в народном хозяйстве Таджикистана // Профессионально-техническое образование Таджикистана. Душанбе. 1965.
7. История культурного строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.). Душанбе. 1979. Т.1.
8. Системе профессионально – технического образования Таджикской ССР 50 лет. Душанбе, 1990.
9. Хасанов К.Г. Становление и развитие профессионально-технического образования Таджикской ССР. Душанбе: «Ирфон», 1985.

ИСТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЕ ТАДЖИКИСТАНА В 40-60-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В данной статье рассматривается «Роль профессионально-технических училищ в Республики Таджикистан и их роль в развитии народного хозяйства» в 40-ые и 60-ые годы XX-го столетия. Также отмечается их роль в решении проблем в годы Великой Отечественной Войны преодоление трудностей в послевоенный период и восстановление сельское хозяйство страны.

Автор на основе ценных документов и анализируя многочисленных материалов, отмечает, что участие таджикских граждан в Великой Отечественной Войны, тоже послужило причиной нехватки рабочей силы и специалистов, что после окончания войны тоже возникла необходимость восстановления сельской хозяйство республики. Это был единственный путь подготовки специалистов в разных профессионально - технических училищах. Поэтому с течением времени они все были соответственны требованиям.

Ключевые слова: профессионально-технического образования, Великая Отечественная Война, квалифицированный, рабочий, специальность, труженик, резервы, эффективность, ремесло.

THE HISTORY OF PROFESSIONAL AND TECHNICAL FORMATION OF TAJIKISTAN IN 40-60TH OF XX CENTURY

This article discusses the “Role of vocational schools in the Republic of Tajikistan and their role in the development of the national economy” in the 40s and 60s of the 20th century. Also noted is their role in solving problems during the Great Patriotic War, overcoming difficulties in the post-war period and restoring the country's agriculture.

The author, on the basis of valuable documents and analyzing numerous materials, notes that the participation of Tajik citizens in the Great Patriotic War also caused a shortage of labor and specialists, and that after the end of the war there was also a need to restore the republic's agriculture. It was the only way to train specialists in different vocational schools. Therefore, over time, they all met the requirements.

Keywords: vocational education, World War II, skilled, worker, specialty, worker, reserves, efficiency, craft.

Сведения об авторе:

Шарофова М. - кандидат исторических наук факультета истории кафедры всеобщей истории Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни.

About the author:

Sharofova M., - candidate of historical sciences the department of history of the Tajik State Pedagogical University named after Sadriiddin Aini.

**ИНЪИКОСИ ЧАНГИ БУЗУРГИ ВАТАНИ ДАР АСАРҶОИ
ПРОФЕССОР МУХТОРОВ А.М.**

Қараев Ф.К.

Донишгоҳи милли Тоҷикистон

Илми таърихи халқи тоҷик бо номи як қатор фарзандони фарзонаи худ ифтихор дорад, ки профессор Абдусаттор Мухторов яке аз ҳамин олимони варзидаи кишвар ба ҳисоб меравад. Муҳаққиқи варзида дар тӯли умри бобаракаташон барои наслҳои ояндаи кишвар басо мероси гаронбаҳои илмиро аз худ боқӣ гузоштаанд, ки ба кам андар кам муаррихон муяссар гардидааст, ки аз худ чунин мерос боқӣ гузорад. Чун сухан аз боби таърихшиносӣ ва тадвиси бахшҳои он, бахусҷс, бахши таърихи халқи тоҷик равад. Бе шӯбҳа дар қатори олимони варзидаи ин соҳа академикҳо Ғафуров Б.Ғ., Мухторов А.М., Неъматов Н.Н., Искандаров Б.И., Масов Р.М., доктори илмҳои таърих профессорон Бобохонов М.Б, Чалилов А.Ҷ. олими маъруфу машҳури тоҷик, ки бо асару мақолаҳои дар байни аҳли ҷомеа шӯҳрат пайдо намудааст, шодравон Абдусаттор Мухторовро вирди забон мегирем. Олими шинохта аз зумраи он муҳаққиқонест, ки доири тамоми паҳлӯҳои таърихи халқи хеш, асару мақолаҳои зиёде офаридааст, аммо дар байни татқиқотҳои ин олими шинохташуда мавзӯи Чанги Бузурги Ватанӣ ҷойгоҳи махсусеро дорост. Доир ба мавзӯи чангӣ ва меҳнати шаҳрвандони ҷумҳурӣ дар солҳои мудии чанг профессор Мухторов асару мақолаҳои зиёдеро ба таъри расонидааст. Нахустин мақолаи ин олими варзида ҳанӯз соли 1969 бо номи “Ойгул аз Шинг аст”^[1] дар маҷаллаи “Комсомоли Тоҷикистон” ба таъри расида буд. Муаллиф дар натиҷаи тадқиқотҳои зиёде ба анҷом расонидашуда ва аз шунидаву хотироти ҳамдиёрон хешовандони Ойгул макони зисти қаҳрамони очерки худро муайян намудааст. Муаллифи очерк бо овардани далелҳои амиқ исбот менамояд, ки Ойгул Муҳаммадҷонова зодаи деҳаи Шинг мебошад. Профессор Мухторов дар омӯзиш ва муайян намудани макони зист ва қорнамоиҳои чангии нахӯст лочиндӯхтари тоҷик яке аз аввалинҳо шуда, тадқиқотҳо гузаронида, ўро бо аҳли ҷомеа ошно намудааст. Муҳаққиқи варзида таҳқиқотҳои худро дар мавзӯи чангӣ ва меҳнати шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон дар солҳои Чанги Бузурги Ватанӣ идома дода, соли 1995 мақолаи навбатии худро бо номи “Ёрии қормандони хоҷагии қишлоқи ҷумҳурӣ ба фронт”-ро дар маҷмаи “Материалҳои Конференсияи илмӣ-амалӣ бахшида ба 50-умин солгарди пирузии мардуми Шӯравӣ дар Чанги Бузурги Ватанӣ”^[2] ба таъри расонид. Муҳаққиқ аз рафти ёрии меҳнатқашони соҳаи кишоварзӣ ва қормандони қорхонаи саноати ҷумҳурӣ сухан ронда, қайд менамояд, ки “Меҳнатдӯстони қорхонаҳои саноатии ҷумҳурӣ тасмим гирифтанд, ки ҳар моҳ се рӯзи музди маоши қори хешро ба фонди мудофия ирсол мекунанд. Ҷамин тавр рӯз то рӯз фонди мудофия дар Тоҷикистон бой мегардад!”

Меҳнатқашони соҳаи кишоварзӣ кишвар ба фонди мудофия 30,5 млн сум пул ҷамъ намуда, ба 45,5 млн сум заём обуна шуданд. Аз боби ёрии қормандони соҳаи хоҷагии қишлоқи кишвар муаллиф сухан ронда, қайд менамояд, ки деҳқонони тоҷик ба фонди мудофия 6491 сентнер ғалла супориданд. Муаллиф аз ёрии башардӯстонаи қормандони соҳаи кишоварзӣ ҷумҳурӣ сухан ронда қайд менамояд, ки деҳқонони тоҷик дар солҳои чанг ватандӯстии бе поён зоҳир намуда, дар баробари меҳнати қаҳрамононашон, инчунин барои фронт маблағҳои қалони пулиро заём ҷамъ намуданд. Деҳқонони тоҷик аз рӯзҳои аввали оғоз гардидани чанг то моҳи сентябри соли 1942 ба фонди мудофия 29,6 млн сум пул ҷамъоварӣ намуда, ба маблағи 38,8 млн сум ба заёмҳо обуна шуда, 7600 сентнер ғалла ва 850 сентнер гӯшт ба фонди ғалаба супориданд. Меҳнатқашони Ҷумҳурии Тоҷикистон ташаббуси тамоми табақаҳои аҳолии ҷумҳуриро дастгирӣ намуда, барои сохтани қалонаи танкии “Қолхозчи Тоҷикистон” 84 млн сум ва барои сохтани эскадриляи самолётҳои “Тоҷикистони Шӯравӣ” 35,2 млн сум маблағ ҷамъоварӣ намуданд. Муаллиф аз ёрии башардӯстонаи қормандони соҳаи хоҷагии қишлоқи ҷумҳурӣ дар тадқиқотҳои худ сухан ронда, қайд менамояд, ки деҳқонони тоҷик то анҷом ёфтани чанг ба ҷабҳа ва ноҳияҳои аз душман озод ёфта, ёрии башардӯстонаи худро расонидаанд. Соли 2000 аҳли сайёраи Сулҳҳо ва сулҳпарвари олам 50-умин солгарди пирузиро дар солҳои Чанги Бузурги Ватанӣ бо шукӯху шаҳомати зиёде ҷашн гирифтанд. Муҳаққиқи варзида мақолаи навбатии худро бо номи “Саҳми дастпарварони ташкилоти мададгори мудофияи ҷумҳурӣ дар ғалаба аз болои фашизм”^[3] ба таъри расонид. Муаллиф аз рафти қорнамоиҳои чангии фарзандони ҷумҳурии хеш дар набардҳои хунии ин солҳои мудҳиш сухан ронда, қайд

менамояд, ки дар рафти амалиётҳои ҷангӣ беш аз 12 ҳазор шаҳрвандони давлати Иттиҳоди Шӯравӣ барои аз худ нишон додани шучоати ҷангӣ ба гирифтани унвони Олии Ватан Қаҳрамони Иттиҳоди Шӯравӣ мушарраф гардиданд, ки дар байни онҳо фарзандони Ҷумҳурии Тоҷикистон дастпарварони ташкилоти мададгори мудофиа кам набуданд.

Дастпарварони ин ташкилот дар озод намудани шаҳру ноҳияҳои Москва, Сталинград, Курск, Ленинград, Одесса, Киев, Ҷумҳуриҳои Молдавия, Латвия, Литва ва озод намудани шаҳру ҷумҳуриҳои Европа нақши арзандае гузошта, аксари онҳо дар сангарҳои ин ҷанги хонумонсӯз қурбонии тири душман гардиданд. Муаллиф аз қорнамоиҳои дастпарварони ин ташкилоти бонуфузи кишвар мисолҳои ҷолибе оварда, қайд менамояд, ки нақши қормандони ташкилоти мададгори мудофиа дар таъмин намудани ғалабаи оламшумул аз болои фашизм басо қалон мебошад. Беш аз 50 ҳазор нафар дастпарварони ин ташкилот, менависад муаллиф ба гирифтани ордену медалҳо ва 50 нафарашон сазовори унвони Олии Ватан, Қаҳрамони Иттиҳоди Шӯравӣ гардиданд.

Ҳамасола халқу миллатҳои давлати собиқ Иттиҳоди Шӯравӣ ғолибиятро дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ бо шукӯҳу шаҳомати зиёде ҷашн мегиранд. Соли 2010 аҳли сайёраи олам 65-умин солгарди пирӯзии халқу миллатҳои давлати Иттиҳоди Шӯравиро дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ бо шукӯҳу шаҳомати зиёде ҷашн гирифтанд. Олими варзида профессор А.Муҳторов низ ба ин ҷашни фархунда бо ҳамқаламии яке аз муаррихони ҷирадасти кишвар Асламшоҳ Раҳматуллоев китоберо бо номи “Осоавиаҳим дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941—1945)”^[4] ба таърифи расиданд. Асарии мазкур аз се боб иборат буда ҳар як боби он даврони ҳасостарини таърихи халқи тоҷикро дар ин солҳои пурӯшӯб дар бар мегирад. Устод дар сарсухани китоби хеш аз оғоз гардидани ҷанг сухан ронда, қайд мекунад, ки Ҷанги Бузурги Ватанӣ яке аз санҷишҳои азиме буд барои шаҳрвандони давлати Иттиҳоди Шӯравӣ. Душманони давлати Иттиҳоди Шӯравӣ бо қувваи азиме ба ҳудудҳои давлати мо лашкар кашида, мехостанд ба тезӣ ин давлати сулҳҳо ва сулҳпарварро барҳам диҳанд, аммо онҳо ҳама қарданд. Аз рӯзи аввали оғоз гардидани ин воқеаи ҳуснангез халқу миллатҳои давлати СССР боз ҳам муттаҳид гардида, дар якҷоягӣ ба муқобили душманони давлати хеш муборизаро бар зидди истилоҳгарон оғоз намуданд. Муаллиф аз қорнамоиҳои ҷангии фарзандони диёри хеш сухан ронда, қайд мекунад, ки аз рӯзҳои аввал то анҷом ёфтани ҷанг беш аз 280 –ҳазор фарзандони ин диёри бостонӣ баҳри озодии ватан аз душмани хунхор яроқ ба даст гирифта, ба ҳимояи меҳан рафтанд, ки аз ин миқдор даъват шудагон 92-ҳазорашон дар роҳи истиқлолият ба даст даровардани Ватан дар сангарҳои ин ҷанги хонумонсӯз ҷон ба коми марг супоридаанд. 54-нафар фарзандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар набардҳои хунин аз худ шучоати ҷангӣ нишон додаанд сазовори унвони Олии Ватан Қаҳрамони Иттиҳоди Шӯравӣ ва ба 19-нафарашон се ордени “Шараф” дараҷаи 1, 2, 3 сарфароз гардидаанд.

Муҳаққиқ дар қисмати аввали қори хеш, ки “Саҳми тоҷикон дар озодкунии шаҳри Москва” ном дорад, аз рафти оғоз гардидани ҷанг ва иштироки фарзандону шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ҳарбу зарбҳои назди Москва фактҳои ҷолиберо пешкаши хонандагон гардонидаст. Муаллиф сабаб ва омилҳои асосии оғоз гардидани ҷангро дар ин қисмати қори хеш шаҳр дода, қайд менамояд, ки ба ҳамагон баъзе аз роҳбарони ҳизбию ҳарбии кишвар, Ҳукумати Шӯро ба ҳолати ногувор гирифтанд гардид. Аз ин вазъият истифода намуда, тайи се моҳ душманони хунхор ҳудудҳои ғарбии давлати Иттиҳоди Шӯравиро истило намуда, аҳолиҳои онро азобу шиканҷа мебуданд. Бо мақсади ҳарчи зудтар шикаст додани душман роҳбарияти давлати Иттиҳоди Шӯравӣ сафарбаркунии қувваҳои ба ҷабҳа оғоз намуд. Ҳайати дивизияи 20-уми савораи кӯҳгард, ки ҷузъу томҳояш дар ҳудудҳои Тоҷикистон таъсис ёфта буди онҳо баҳри барқарор кардани сохтори давлати Шӯравӣ нақши арзандае гузошта буданду таҷрибаи хеле хуби ҷангӣ доштанд, аз рӯзҳои аввали оғоз гардидани Ҷанги Бузурги Ватанӣ ба ҳимояи пойтахти давлати Иттиҳоди Шӯравӣ шаҳри Москва сафарбар шуда, дар ҳарбу зарбҳои он иштирок намуда, аз худ шучоати зиёди ҷангӣ нишон доданд. Боиси ифтихор ва сарбаландии тоҷикониён аст, ки аскарони ин дивизияи овозадор Муҳаммадӣ Иброҳимови Истаравшанӣ ва Нина Лобковскаяи Душанбегӣ барои аз худ нишон додани шучоати ҷангӣ бо “Ордени Ленин” сарфароз гардониданд шудаанд. Муаллифи китоб аз қорнамоиҳои ҷангии фарзандони диёри хеш сухан ронда, қайд мекунад, ки пирӯзии артиши Шӯравӣ дар муқоробаи назди Москва ба рафти амалиётҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ тағйироти ҷиддиеро ворид сохт. Аммо артиши фашистӣ аз ин ноқомии худ ҳулосаи дарқориро набароварда, пайваста ҳуҷум мекард ва саҳт муқобилият нишон мебуд, аммо ба ҳар ҳол ба мақсадҳои нопоки худ нарасид. Қорнамоиҳои ҷангии ҷузъу томи дивизияи овозадори 20-уми савораи кӯҳгарди тоҷик, ки дар амалиётҳои ҷангии муқоробаи назди Москва иштирок намуда аз худ қорнамоиҳои зиёде нишон додаанд аз ҷониби сарфармондеҳи олии қувваҳои мусаллаҳ беш аз 150-ҳазор аскарони ҷузъу томи ин дивизияи машҳури тоҷик бо ордену медалҳои ватанӣ сарфароз гардониданд шудаанд.

Қисмати дуввуми асари номбурдаи муаллифон “Диловари баходурони тоҷикон дар чабҳо” ном дошта, он қисмати калонтарини асари мазкурро ташкил медиҳад. Муаллиф дар ин қисмати кори хеш аз рафти амалиётҳои ҷангии муҳорибаи Сталинград, муҳорибаи Курск, муҳорибаи Днепр ва муҳорибаи Ленинград ба хонандаи худ маводҳои ҷолиберо пешкаш менамояд. Муҳорибаи Сталинград менависад муаллиф муҳорибаи танкӣ ба ҳисоб меравад. Ғолибият дар ин муҳориба ба рафти амалиётҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ тағйирот ворид сохт. Дар рафти амалиётҳои ҷангии муҳорибаи Сталинград душман бори дигар шикаст хӯрд ва дар ин амалиётҳо зиёда аз 147.200 нафар аскарону афсарони душман ва аз он ҷумла, беш аз 2500 нафар офитсерҳо, генералҳо тахти сардорӣи фелдмаршал Паулос ба асирӣ афтоданд. Муаллифи асар аз бурдборӣҳои ҷузъу томҳои артиши сулҳпарвар ва сулҳхоҳи давлати Иттиҳоди Шӯравӣ дар ин амалиётҳо фактҳои ҷолибе қайд намуда, менависад, ки боз як ҳангомаи мағлубнашавандаи лашкари фашистӣ дурӯғ баромад. Амалиётҳои навбатиро дар ин солҳои пурошӯб ба номи муҳорибаи “Камонаки Курск” ном дошта, ки он дар таърихи Ҷанги Бузурги Ватанӣ муҳорибаи танкӣ низ ном гирифта мешавад, ки он 50 шабонарӯз идома ёфтааст. Муаллиф аз амалиётҳои ҷангии ин муҳориба сухан ронда, қайд намудааст, ки дар ин муҳориба ба ду фарзанди диёри мо Ҳодӣ Кенчаев ва Исмоил Ҳамзаалиев муяссар гардид, ки яке аз аввалин тоҷикон ба гирифтани унвони Олии Ватан, Қаҳрамони Иттиҳоди Шӯравӣ мушарраф гарданд. Гузаштан аз соҳилҳои дарёи Днепр, менависад муаллифи китоб, яке аз муҳорибаҳои дурахшонтарин барои ҷанговарони тоҷик гардида буд, зеро барои аз худ нишон додани шучоати ҷангӣ дар ин амалиётҳо 12-нафар фарзандону шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон ба унвони Олии Ватан, Қаҳрамони Иттиҳоди Шӯравӣ сарфароз гардониданд. Муҳорибаи Ленинград яке аз саҳифаҳои дурахшонтарини ин солҳои мудҳиш ба ҳисоб меравад, ки он 4-сол идома ёфт. Душманони ғаддори инсоният тамоми қувваи худро ба ин шаҳр сафарбар намуда, мехостанд онро маҳв созанд. Тири ноҳалафон хок хӯрд. Душман ба пуррагӣ торумор гардид. Ғалабаи пай дар пай обрӯ ва нуфузи давлати Иттиҳоди Шӯравиро дар миқёси ҷаҳон боло бардошт. Муаллифи китоб аз бурдборӣҳои меҳнатқашони соҳаи хоҷагии деҳоти кишвари хеш дар ин солҳои мудҳишӣ ҷанг сухан ронда, нақши ин табақаҳои ҷамъиятиро дар таъмин намудани фронт аз маҳсулоти хоҷагии кишлоқ нишон додааст. Деҳқонони ҷумҳурӣ, менависад муаллиф, аз рӯзҳои аввал то ба охири ҷанг беш аз 151-вагон тӯхфа ҷамъоварӣ намуда, ба чабҳо фиристода, дар таъмин намудани ғалабаи оламшумул нақши арзандае гузоштанд. Қисмати ҷамъбастии асари мазкур “Илму фарҳанги замони ҷанг” ном дорад. Муаллиф аз душворӣҳои замони ҷанг сухан ронда, қайд менамояд, ки кормандони соҳаи илму фарҳанг ба ҳолати душвории замони ҷанг нигоҳ накарда, таҳқиқотҳои илмӣ худро пеш мебарданд. Як қатор қаламқашони кишвар, менависад муаллиф, аз амсоли С.Улугзода, Ф.Ниёзӣ, Ҳабиб Юсуфӣ, Ҳ.Карим, М.Осимӣ, А.Мухторов, Б.Раҳимзода, Б.Искандаров ва дигарон дар набардҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ иштирок карда, дар таъмин намудани ғалабаи оламшумул нақши худро гузоштанд. Хулоса, аҳли фарҳангии кишвар ба душвории замони ҷанг нигоҳ накарда, дар пешрафти соҳаи илми кишвар ва дар тарбияи меҳнатпарастон ба қомебҳои калон ноил гардиданд. Дар охир бояд иброз намуд, ки мо як шоҳаи таҳқиқотҳои ба анҷом расонидаи ин муҳаққиқи варзидаро мавриди таҳқиқотҳои худ қарор додем, аммо ҳанӯз аксари таҳқиқотҳои ба анҷом расонидаи ин олими варзидаи кишвар ҳанӯз аз ҷониби олимони омӯхта нашудааст ва мо умед дорем, ки он дар оянда мавриди таҳқиқоти олимони оянда хоҳанд гашт.

АДАБИЁТ

1. Мухторов А.М. “Ойгул аз Шинг аст”[Матн]// Комсомоли Тоҷикистон.- 7-уми март соли 1969.- №10
2. Мухторов А.М.“Ёрии кормандони хоҷагии кишлоқи ҷумҳурӣ ба фронт”[Матн]// “Материалҳои Конференсияи илмӣ-амалӣ бахшида ба 50-умин солгарди пирӯзии мардуми Шӯравӣ дар Ҷанги Бузурги Ватанӣ”.-Душанбе.- 1995.- С. 7-11
3. Мухторов А.М. “Саҳми дастпарварони ташкилоти мададгори мудофияи ҷумҳурӣ дар ғалаба аз болон фашизм [Матн]// “Материалҳои Конференсияи илмӣ-амалӣ бахшида ба 60-умин сол гарди пирӯзии мардуми Шӯравӣ дар Ҷанги Бузурги Ватанӣ”.-Душанбе.- 2000.- С. 6-9.
4. Мухторов А. М. “Осоваҳимия дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ (1941—1945)”[Матн]// -Душанбе.-2010.- 136с.

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА А.М. МУХТОРОВА

В данной статье речь идёт об одном из выдающихся исследователей, Профессоре А.М. Мухторове, который внёс свой безмерный вклад в науку. Ему принадлежат многочисленные научные работы, однако, исследования на тему Великой Отечественной Войны занимают центральное место в его исследовательской жизни. В 2010 году мир праздновал 65-летие победы

вооружённых сил СССР. Посвящённой этому дню, великий учёный написал книгу «Осоавиахим в годы Великой Отечественной войны», состоящей из 172 страниц. Каждая глава этой книги отражает отдельные периоды военной и трудовой жизни таджикских граждан в период Великой Отечественной войны. Безусловно, в исследовании данной темы, это книга может стать незаменимым помощником.

Ключевые слова: выдающийся исследователь, исследования, исследователь, статус, планета, Великая Отечественная Война, победа вооружённых сил, празднование, Осоавиахим, разные периоды.

EXPRESSION OF THE THEME OF GREAT PATRIOTIC WAR IN THE RESEARCH OF PROFESSOR MUKHTOROV A.M

This article deals with one of the greatest scientists, professor Mukhtorov A.M, who had made substantial contributions to the development of science. He had published a lot of scientific articles, however the research of the theme Great Patriotic War is the most issuing research among his studies. In 2010 people all over the world celebrated the 65th anniversary of the victory of USSR armed force. The outstanding scientist wrote a book by name “Osoaviakhim in the years of Great Patriotic War”, which consists of 172 pages. Each part of this book expresses the war and working life of Tajik citizens during the Great Patriotic War. Definitely, the mentioned book can play one of the main roles on the study of this them.

Keywords: the greatest scientist, research, scientist, status, planet, Great Patriotic War, the victory of USSR armed force, celebration, Osoaviakhim, different periods.

Сведение од автора:

Караев Фарход Кубонович - кандидат исторических наук, доцент кафедры история таджикского народа Таджикского национального университета, тел : (+992) 933131041

About the author:

Karaev Farhod Kurbonovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Tajik People of the Tajik National University, tel: (+992) 933131041

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ ТАДЖИКИСТАНА

Маликов М.Х.

Российско-Таджикский (Славянский) университет

Национальное примирение и единение, имея длительную историю, считается основной для продолжения жизни, прогресса и всех реальных достижений в жизни человека, прогресса общества, отдельных народов и наций в особенности. Разрушения, разлады национального единства происходят в сложных – противоречивых условиях политической атмосферы отдельных народов нашей, в том числе государства. Она возникает и при определённых вмешательствах из вне и небольших недоразумений между отдельными группами и слоями населения страны. Опасность данного политического, межнационального проявления состоит в том, что при бездействии определенных административных может принести к сложному гражданскому конфликту, даже распаду страны на отдельные территории.

Межтаджикский конфликт, приносивший значительный урон таджикскому национальному единству в начале 90-х годов XX века возник на основе сложной политической атмосферы после распада СССР, определенных сложностей переходного процесса к построению демократического правового, светского и унитарного государства в Таджикистане. По непредвиденным условиям республику охватил сложный политический кризис, что привело к непредвиденному вооружённому конфликту с тяжёлыми человеческими жертвами и материальным ущербом. На полях вооруженного конфликта, в террористических враждебных акциях погибло свыше 150 000 человек [1, с.456] в основном школьного и студенческого возраста, страну охватил глубокий политический и идеологический хаос, в центре республики, в Хатлонской области создались невыносимые для условия 23 000 семей потеряли свои жилища, личные богатства. Из-за страха потерять свою жизнь тысячи и миллионы граждан республики прибегли к эмиграциям в другие страны.

Вооружённые отряды таджикской оппозиции бесчеловечно относились к присвоению имущество граждан, грабежу, уничтожению материальных ценностей собранных трудом самого населения республики в годы социалистических преобразований. Только прямой ущерб, от разрушительных процессов со стороны от оппозиции составили свыше 10 млрд. долларов, враждебное отношение к материальным ценностям и специалистам советского народа

полностью разрушил 86 мостов, сооружённых на денежные средства самого таджикского народа, за неносимые условия жизни республику оставили свыше 1,5 миллиона самых высококвалифицированных специалистов. В итоге бессмысленный межтаджикский конфликт отбросил экономику республики на 20 лет назад[2, с.456].

В целом же безмысленный межтаджикский конфликт в начале независимости республики во многом разрушил политические и экономические основы национального единства таджикской населения страна оказалась на грани распада на отдельные административные территории, таджикская идентичность оказалось в глубокой кризисе.

В таких глубоко конфликтных ситуациях молодое правительство независимого Таджикистана предпринимала невероятные меры ликвидации политического и экономического кризиса, ликвидации межтаджикского вооружённого конфликта восстановления национального примирения и единства народа страны.

Основу всех стремлений планов и программы вывода страны из политического и экономического кризиса составили решения ХУІ сессии Верховного Совета республики (16.11. – 2.12.1992 г.), определивший основные задачи правительство по ликвидации межтаджикского конфликта, остановки эмиграции населения, возвращение беженцев в республику, продолжении межтаджикского диалога и примирения. Как известно длительный межтаджикский конфликт большой урон был нанес и топливно-энергетическому хозяйству республики. Оппозиционные силы старались ликвидировать топливно-энергетическое хозяйство республики. Разрушались электрические линии, подстанции, опорные пункты, опасность надвигалась и электростанциям, в частности Нурекской ГЭС, при надвигающиеся опасности личной жизни республику оставили свыше 500 квалифицированных энергетиков, производство электроэнергии в республике умещалась на 2 млрд. кВтч и т.д. Сложный процесс межтаджикского примирения завершилась подписанием общетаджикского мирного соглашения 27 июня 1997 года.[3, с.143 - 144]

Далее предстоял ни менее сложный процесс по выполнению задач соглашения – остановки вооруженного конфликта, возвращения беженцев, проведения второго этапа межтаджикского диалога – примирения между таджикской оппозицией и конституционным правительством, возобновлении мер доверия и мирного климата жизни в атмосфере таджикского общества, установление связи с таджиками, проживающими вне республики и т.д.

Но, еще в разгаре межтаджикского конфликта новое правительство страны во главе с Эмомали Рахмонов принимал параллельно меры по остановки, ликвидации вооруженного конфликта и промежуточные меры по возрождении экономики страны. Например, осознавая важность для народного хозяйства энергетики на заседаниях правительство принимались меры по развитию энергетического хозяйства – целостности и сохранности энергетических объектов, их устойчивой работы, возобновлении строительство остановленных энергетических объектов. Так, ещё в годы вооруженного конфликта появилась идея о возобновлении строительство остановленных энергетических объектов своими силами – Памир-1, Сангтуда -1, Сангтуда -2, а после завершения межтаджикского конфликта на составление большой энергетической программы[4, с.5] страны, реструктуризации всех руководящих и исполнительных органов системы энергетических системы страны. Для этого был учрежден специальный научно-исследовательский институт, вокруг нее собраны высококвалифицированные специалисты энергетики.

Не смотря на определенные сложности коллектив этого институте проделала большую работу по изучению и определению водно-энергетических запасов республики. Оказалось, что свыше 60% водных и гидроэнергетических ресурсов Центральной формируется в больших и малых рек и их притоков Таджикистана, а также свыше 30 больших и малых озерах республики.

По гидроэнергетическим запасам отмечает одна из ведущих специалистов этого института Леонидова Н., Таджикистан занимает первое-второе места, а по потенциальным запасам гидроэнергии на один квадратный километр территории (3682,7 тыс.кВтч. в год на км) – первое место[5, с.5-48]. На сегодняшний день годовые гидроэнергетические запасы в республике составляют около 600 млрд. кВтч., т.е. республика имеет объективные возможности в году выработать до 600 млрд. кВтч. электроэнергии.

Эти ресурсы ярко свидетельствуют о том, что в перспективе наша маленькая государство может стать высокоразвитым энергетическим государством, обеспечить соседние страны, котором уже наблюдается в решениях ООН.

Исходя из того, что энергетика является неоспоримой двигательной силой в развитии производства, науки, культуры располагая неограниченными ресурсными возможностями для её ускоренного развития, правительство республики сразу поле подписания общетаджикского мирного соглашения, разработала обширную энергетическую программу, рассчитанную до 2010 года.

Правовую основу данной программы составили заранее утвержденные законодательные акты:

- Водный кодекс; Закон республики об энергетике; Закон республики об энергоснабжении; Закон республики об охране природы; Закон республики о недрах; Концепция по рациональному использованию и охране водных ресурсов; Концепция о развитии отраслей топливно-энергетического комплекса республики Таджикистан на период 2003-2015 гг.; Программа экономического развития до 2015 года [6, с.207-208] и др. в которых всесторонне обоснованы вопросы необходимости ускоренного развития энергетики, топливно-энергетической отрасли страны и всестороннее использование электроэнергии во всех производственных и культурных сферах жизни страны.

Энергетическая программа страны охватывает несколько отдельных направлений деятельности:

- Восстановления разрушенного энергетического хозяйства;
- Восстановления строительно-монтажных работ на энергетических объектах – долгостроев;
- Сооружения новых крупных и средних топливно-энергетических объектов;
- Сооружение малой энергетики.

Параллельно энергетической программе в стране реализовались и задачи двух следующих программ. Программа вывода страны из коммуникационной изоляции;

Продовольственная программа. Все формы программ были архиважными для молодой независимой республики и без осуществления их задач на практике, дальнейшее поступательное движение республики вперед на построение демократического общества было немислимо. Но, в тех исторических условиях тяжелого экономического кризиса реализовать задачи трех сложных программ было архетяжело и правительство страны, эти возможности нашел при разработке политики открытых дверей. Уже в условиях сложения относительно мирной погоды, свободного движения частей бизнесменов по республике и гарантии государства на личное неприкосновенности их личности и вклада, привлекали внимание иностранных бизнесменов, инвесторов на участие и вкладе на сооружение в Таджикистане новых экономических объектов, транспортных коммуникаций.

Так, при финансовой поддержке России, Ирана, Китая других стран сооружались Сангтуда-1. Сангтуда-2, возобновляются строительство важнейшего объекта Рогунская, реставрация более десяти прежде эксплуатируемые энергетические объекты.

По части программы малой энергетики предстоял строительство более 230 небольших, сельских электростанций, в основном планируемые в горных населенных пунктах ГБАО. В реализации задач этой программы значительный вклад имеют иностранные инвесторы, в особенности фонд Агахана-1У и тд.

Именно в годы независимости были построены ГЭСы Намангут, Баошор, Андероб, Пиш, Рушан, Язгулям, Гранитные ворота, Ширговат, Кокчинская, Гармская, Пенджикент-1,2,3, Ягноб, Рават, Пахут, Матчинская, обурдонская Пахутская Бартанг-1,2,3, Гунт, Зворская, Мургабская и многие другие.

Всего с 1991 по 2011 гг. в республике было построено и сдано в эксплуатацию 265 малых ГЭС, общей мощностью в 23,3 МВт. В настоящее время 6 сельских районах республики используется 305 малых ГЭС и 232 оборудования солнечной энергии, имеющие колоссальное значение для социально-культурного развития таджикского села.

По долгосрочной программе на 2009-2020 годы планировалась строительство ещё 189 малых ГЭС. Из них 16 в ГБАО, 46 в Согдийской области, 44 в Хатлонской области, 83 в районах республиканского подчинения. Много малых ГЭС сооружаются и частными предпринимателями и инвесторами.

Таким образом, в годы независимости было объективно исправлено недостатки Советского периода освоение гидроэнергетических ресурсов малых рек и их притоков, в результате которого достигнута сплошная электрификация сельских населённых пунктов всей республики. Жители даже самых отдалённых кишлаков теперь широко пользуются электроэнергией для освещения жилищ, сохранения продуктов, освещении школ, улиц, культурных учреждений. Теперь сельский житель Таджикистана полностью подключена к таджикскому телевидению, радиопередачам к иностранным телепередачам итд.

Задачи программы малой энергетики в годы независимости республики претворяется успешно.

На основе реального выполнения минимальных задач энергетической программы к середине 20-х годов создалась реальная возможность ликвидации энергетического кризиса в республике, дефицита в потреблении электроэнергии в народном хозяйстве, появилась признаки ликвидации экономического кризиса.

На позициях этих положительных шагов страны, президент страны 26 сентября 2005 года на общественном митинге по восстановлению строительно-монтажных работ на стройплощадке Рогунской ГЭС отметил: «Значение Рогунской ГЭС велико для нашей страны. Главнейшей основой экономической мощи любого государства является развитие энергетической составляющей».

Реализуя существующий потенциал в этой области, мы намерены совершить решительный скачок в обеспечении процветания страны и обеспечит достойного уровня жизни населения. Энергетическая независимость Таджикистана окажет мощное содействие развитию промышленности, сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса»[7, с.3].

Развивая свои замысли об энергетике, о возобновлении строительно-монтажных работ на Рогуне и намереваясь получить поддержку законодательного собрания страны, в своем послании Маджлиси Оли 20 апреля 2006 года президент отметил: «Дальнейшее развитие экономики страны невозможно без достижения энергетической независимости и широкого применения электроэнергии в трудовых процессах развития экономики и других отраслях»[8, с.11]

С единодушного одобрения народных представителей президент, правительства страны предпринимали любые возможные меры по возобновлению и ускорению темпов строительно-монтажных работ на строительстве Рогунской ГЭС, других топливно-энергетических объектов страны.

Проектно-сметные документации Рогунской ГЭС несколько раз были пересмотрены всемирными и региональными научно-проектными учреждениями, разыскиваются новые и новые внутренние ассигнования, президент обращается всему народу страны о помощи на сооружение Рогуна, разыскиваются иностранные инвесторы и специалисты.

Президент, правительство страны постоянно, ежедневно думали, заботились о Рогуне, о его специалистах, рабочих, о финансировании строительства, о материально-техническом обеспечении строительства Рогуна, лично президент Эмомали Рахмон более десяти раз посетил Рогуна, каждый раз лично встречаясь специалистами, строителями Рогуна, слушал них заботы и заказы принимал своевременные по их выполнению меры.

Например, с целью развертывания восстановительных работ и подготовку к продолжению строительства, в 2008 году для Рогуна было приобретено 241 единиц современной техники. Из них, 100 мощных грузовиков марки МАЗ, 10 бульдозиров, 10 экскаваторов и 10 мощных кранов, 10 спецмашин для работы в туннели, 3 компрессора и другой специальной техники и оборудования. Белазы, в основном вывозят из затопленных объектов в будущие участки необходимые для стройки камни и галку в расположение на возвышенности, и склады. Для возведения самой платины необходимо было доставить 81млн м³ камней, галки. Вновь правительство приглашал высококвалифицированных специалистов – энергетиков, строителей из России и других стран. Контролируя ход выполнения заказов Рогуна президент постоянно отмечал : «Выполняйте работы на самом высоком уровне и не забывайте о том, что электростанция должна служить века»[9, с.227]

Все это свидетельствовало о том, что по статусу своего значения страна нацелена строить Рогунский ГЭС не желая ничего, сделать её прочным на века.

Естественно, мощным толчком в обеспечении восстановления Рогунской ГЭС стало обращение президента Эмомали Рахмон к населению страны от 5 января 2010 года и выставление на продажу акции Рогунской ГЭС. В результате которого при поддержке народа в адрес Рогуна поступило более 2 миллионов сомни. В порядке стройплощадка Рогуна, вновь стало полем мужества, благородство, испытания чести и достоинства населения Таджикистана. Постоянно увеличивалась размеры государственного ассигнования на Рогун и другие строящиеся энергетические объекты страны. Например, в своем послании от 23.01.2015 года Эмомали Рахмон отметил, что выделена на сооружение Рогуна и других энергетических объектов из государственных ассигнованный в 2010 году 13,4миллиард сомони а на 2011 года только на строительство Рогунской ГЭС свыше одного миллиарда сомони и в предпусковом 2017 году только на Рогун 4 миллиарда 700 миллион сомон, на 2018 год свыше 5 миллиардов сомони[10, с.21] и т.д. Всё это свидетельствуют о том, что в последние годы по всей стране нет важнейшего строительного объекта чем Рогунская ГЭС.

Социально-экономическое и культурное значение Рогунской ГЭС для Таджикистана и других, соседних с ним стран на сложившее время состоит в следующие:

1. После 16 ноября 2018 года в стране ликвидируются дефицит в электроэнергии полностью, и появляется возможности реальное использование в народном хозяйстве, населением страны по разным режимным графикам;

2. После полной сдачи в эксплуатацию Рогунской ГЭС она обеспечить энергетическую

независимость республики. Производство электроэнергии в стране достигнет 31- 32 миллиардов кВт часов, который полностью обеспечит внутреннюю потребность страны а в летнее время образуется определенное – до 5 миллиардов кВт часов избытка, электроэнергии, которая будет выведена на международный энергетический рынок с продажей по с международным расценком в Узбекистан, Казахстан, Афганистан, Пакистан и тд. Ещё раз отметим, что велика значение Рогунского гидроузла в решении многих энергетических проблем Среднеазиатского региона .

Строительство плотины высотой 335 метров способствует:

1. Обеспечить среднегодовую выработку электроэнергии до 13,3 млрд. киловатт часов, которая способствует закрытию острейшего дефицита энергоресурсов в регионе.

2. Сдачи в эксплуатацию Рогунского водохранилища даст возможность дальнейшего водохозяйственного развития по бассейну Амударья по двум направлениям:

- продолжится развиваться орошаемое земледелие, что позволит использовать емкость водохранилища в целях покрытия ирригационного водопотребления.,

- водохранилище Рогунской ГЭС, совместно с Нурекским, общей полезной емкостью в 18-19 км³, способно обеспечить многолетнее регулирование стока реки Амударья с дополнительно гарантированной водоотдачей в размере 5,0-5,9 км³ на земли Амударьинского бассейна расположенных на территории Узбекистана и Туркмении, увеличатся мощности и в частности параллельно работающих энергосистем стран Центральной Азии.

В целом же, высокая эффективность Рогунского гидроузла обеспечивается за счет совместного дохода от электроэнергии к подачи воды на ирригацию.

Неоценим значение Рогунской ГЭС и для дальнейшего – качественного развития образования, науки, культуры, быта, других форм развития социальной сферы жизни населения страны.

Снятие ограничения электроэнергии для внутреннего потребления снимает все преграды на путях получения населением достойного образования, подготовку высококвалифицированных специалистов, ускорения научно-технического прогресса в стране и применения её достижения в трудовых процессах экономики, социально-бытовых и культурных сферах жизни населения, что обеспечить высокую социальную и культурную жизнь народу Таджикистана. Только на основе данных суждений президент страны Э.Рахмон назвал строительству и сдачу в эксплуатацию этого крупного стратегического объекта крупным прорывом на пути обеспечения энергетической независимости Таджикистана и подчеркнул, что эта работа станет ценным вкладом Таджикистана в мировую цивилизацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Многотомная история таджикского народа, вып. т.б. – Душанбе, 2011. – 456 с.
2. Многотомная история таджикского народа, вып.2, том 6, Душанбе, 2011 – 456 с.
3. Россия и Таджикистан: По пути дружбы и создания. – М., 2018 - С.143-144
4. Нурафзо Общеэнергетической программой Президента Э.Рахмона. Душанбе, 2011 – 5 с.
5. Леонидова Н., Фролов В. Гидроэнергетика Таджикистана. Душанбе, 2005 - С.5-48
6. Маликов М. Энергетическая независимость Таджикистана: История, проблемы и перспективы. Душанбе, 2013 - С.207-208
7. Рогун, 26 сентября 2005 – 3 с.
8. Послание Президента Э.Рахмона мажлиси Оли от 20 апреля 2006 – 11 с.
9. Шарипов А., Касымова З. Фархундапай, 227 с.
10. Послание Президента Мажлиси Оли от 22 декабря 2017 – 21 с.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ ТАДЖИКИСТАНА

В статье «Национальное единство и энергетическая независимость Таджикистана» рассматриваются и обсуждаются сложные вопросы начала 1990-х годов, трансформации вооруженной борьбы народа, политических демонстраций 1991-1992 годов и национального единства таджиков.

Основываясь на очень сложных действиях нового правительства Таджикистана, соглашение от 27 июня 1997 года заложило основу для упадка двухпартийной оппозиции и нового правительства и начала нового национального единства.

В статье также подробно обсуждается реакция правительства Таджикистана на экономический кризис в стране, разработка новых программ запуска, включая новые цели развития энергетики, энергетическую независимость страны и многое другое.

Ключевые слова: ГЭС, межтаджикский конфликт, Республика Таджикистан, вооруженный

NATIONAL RECONCILIATION AND ENERGY INDEPENDENCE OF TAJIKISTAN

The article "National Unity and Energy Independence of Tajikistan" addresses and discusses the complex issues of the early 1990s, the transformation of the armed struggle of the people, the political demonstrations of 1991-1992 and the national unity of the Tajik people.

Based on the very complex actions of the new Government of Tajikistan, the agreement of 27 June 1997 laid the foundation for the decline of the bipartisan opposition and the new Government and the beginning of a new national unity.

The article also discusses in detail the response of the Government of Tajikistan to the economic crisis in the country, the development of new launch programs, including new energy development goals, energy independence of the country and much more.

Keywords: *hydroelectric power station, inter-Tajik conflict, Republic of Tajikistan, armed conflict, small energy*

Сведения об авторе:

Маликов Махмуд Хакимович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) (Республика Таджикистан, г. Душанбе), E-mail: p.rektora@mail.ru

About the author:

Malikov Mahmud Khakimovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of History and International Relations of the Russian-Tajik (Slavic) University (RTSU) (Republic of Tajikistan, Dushanbe), E-mail: p.rektora@mail.ru

ББК 66.4 (06)
УДК 323 (575.3)
Ф34

ДВУХСТОРОННЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН С РЕСПУБЛИКОЙ УЗБЕКИСТАН В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

Фармонова Д.Ж.

Худжандский государственный университет им академик Б. Гафуров

Таджикско-узбекские отношения основываются также на том, что Республика Узбекистан является ближайшим соседом Таджикистана, имеет общую границу протяжённостью 1,161км, тесные исторические, экономические культурные связи, одну религию, родственные традиции и бытовые особенности. Имеются все предпосылки для углубления сотрудничества во всех сферах деятельности.

Таджикистан, несмотря на все тяжести начала своей независимости, очень активно и плодотворно ведёт свою внешнюю политическую деятельность, что благоприятно влияет на укрепление политического авторитета нашей республики. Развитие связей и сотрудничества со странами Средней Азии является очень важным. Поэтому анализ и изучение политических, экономических и культурных отношений Таджикистана с Республикой Узбекистан в наши дни является ещё одним устойчивым шагом для укрепления и развития отношений между нашими странами.

Взаимоотношений Республики Таджикистан с Республикой Узбекистан, несмотря на усилия стороны в период 2002 - 2012 года не были лишены проблемами. Так, таджикская сторона, согласно пункту 2 Протокола заседания рабочих групп от 21 декабря 2001 года, представила в 2002 году узбекской стороне документы, необходимые для признания права собственности на перевалочные базы АО «Ленинабадснаб», «Агротехснаб» и коллективного хозяйства «Маргедар». Согласно п.2 Протокола Заседания рабочих групп от 6 июня 2003года Стороны согласились ускорить решение данного вопроса. В соответствии с п.2 Протокола заседания рабочих групп от 27 декабря 2003года Стороны договорились, что оформление прав собственности будет осуществлено узбекской стороной в первом квартале 2004 года на основании представленных материалов рабочей комиссии. Сформированных из заинтересованных представителей сторон для проведения инвентаризации имущества прирельсовых баз, а также для рассмотрения вопросов взаимоотношения сторон.

Указанная комиссия провела инвентаризацию и предложила своим протоколом от 7 мая 2004

года Госкомимуществу Республики Узбекистан в течение второго квартала 2004 года рассмотреть и решить оформление прав собственности по прирельсовым базам, расположенным на территории Самаркандской области Республики Узбекистан – акционерный общество «Ленинабадснаб», «Агротехснаб» и винзавода «Маргедар»[7].

По итогам рассмотрения документов заинтересованными министерствами и ведомствами Республики Узбекистан, узбекская сторона отмечает, что таджикской стороной предоставлено недостаточно материалов для признания за Республикой Таджикистан права собственности на перевалочные базы. Узбекская сторона предложила таджикской стороне представить дополнительные подтверждающие документы в архивно-заверенном виде.

12 января 2005 года в Ташкенте состоялось заседание рабочих групп Республики Узбекистан и Республики Таджикистан по имущественным вопросам, где подписан соответствующий Протокол. Согласно данному Протоколу, был рассмотрен вопрос урегулирования отношений прав собственности по перевалочным базам, находящимся на территории Самаркандской области.

В 2007 году в двусторонних взаимоотношениях между Таджикистаном и Узбекистаном наблюдались позитивные изменения в решении политических и экономических вопросов. Во время встреч руководителей пограничных ведомств и руководителей органов безопасности двух стран в городе Ташкенте были рассмотрены вопросы совместных действий по обеспечению безопасности, приграничные вопросы и подписаны соответствующие документы. Одним из основных направлений экономического сотрудничества являлся поставка электроэнергии и природного газа.

Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон 1 сентября 2007 года направил поздравительную телеграмму Президенту Республики Узбекистан И. Каримову, в которой в частности, говорится: «Мне доставляет истинное удовольствие поздравить Вас и весь узбекский народ с годовщиной государственной независимости Республики Узбекистан. Таджикистан дорожит прочными вековыми традициями искренней дружбы и добрососедства, нерушимыми узами, связывающими оба народа и государства. Мы полны решимости, обогатить это бесценное наследие новым содержанием, созвучным требованиям нынешнего динамичного времени»[1, с.133].

Между Президентом Республики Таджикистан Э. Рахмоном и Президентом Республики Узбекистан И. Каримовым 26 декабря 2007 года состоялся телефонный разговор, в ходе которого в атмосфере взаимопонимания и конструктивности также были обсуждены состояние и перспективы развития комплекса двусторонних отношений, в частности вопросы интенсификации торгово-экономических связей. В этом контексте были затронуты вопросы взаимопоставок энергоресурсов. Стороны заявили о своей решимости решать все имеющиеся вопросы в духе вековых традиций дружбы и добрососедства[1, с.163-164].

Вопросы сотрудничества в области охраны государственной границы между Таджикистаном и Узбекистаном и другие вопросы, представляющие взаимный интерес были обсуждены 14 февраля 2008 года в ходе встречи командующих пограничных войск Государственного Комитета Национальной Безопасности Республики Таджикистан и Службы национальной безопасности Республики Узбекистан в городе Душанбе. Были подписаны соответствующие документы в рамках программы сотрудничества этих структур в 2008 году и взаимодействия в области оперативной деятельности[2, с.5].

Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон 27 августа 2008 года встретился с Президентом Республики Узбекистан И. Каримовым, прибывшим в Душанбе для участия в работе Шанхайской организации сотрудничества. Главы двух соседних государств подтвердили свою готовность и заинтересованность в укреплении и расширении доброго сотрудничества между Таджикистаном и Узбекистаном[2, с.123].

Развитие сотрудничества с Республикой Узбекистан во внешней политике республики в 2009 году занимало важное место. Встречи на высшем уровне и межгосударственные мероприятия в городах Душанбе и Ташкенте имели положительные результаты, особенно в первой половине года. В рамках внеочередного заседания Организации Договора о коллективной безопасности 4 февраля 2009 года в Москве состоялась короткая встреча Э. Рахмона и И. Каримова, на которой достигнута договоренность по вопросам проведения очередных заседаний совместной Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и Межправительственной Комиссии по вопросам госграницы в городе Душанбе[3, с.6].

Второе заседание совместной Межправительственной Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и очередное заседание Межправительственной Комиссии по вопросам госграницы состоялось 18 февраля 2009 года в городе Душанбе. На встречах руководителей Межправительственной комиссии по вопросам делимитации и демаркации государственной границы, Секретаря Совета безопасности Республики Таджикистан А. Азимова и Первого заместителя Премьер-министра Республики Узбекистан Р. Азимова, которые состоялись 29-30 апреля и 21-24 июля 2009 года в городе Ташкенте были рассмотрены вопросы продолжения работы данной комиссии по

четырем оставшимся участкам[8].

Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон 18 февраля 2009 года принял Первого заместителя Премьер-министра Республики Узбекистан Р. Азимова, который прибыл в Душанбе в качестве главы правительственной делегации для участия в заседании Межправительственной таджикско-узбекской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Одновременно с этой комиссией в Душанбе работала Межправительственная комиссия по вопросам демаркации и делимитации госграницы. В рамках деятельности двух комиссий были обсуждены вопросы развития двусторонних отношений. На встрече особое внимание было уделено вопросам улучшения таджикско-узбекских отношений, в частности, вопросам относительно использования водно-энергетических ресурсов Таджикистана, демаркации и делимитации госграницы, развития регионального торгово-экономического сотрудничества, а также вопросам транзита грузов[3, с.32].

Республика Узбекистан 1 декабря 2009 года вышла из объединенной энергетической системы Центральной Азии, и этот шаг сделал транзит электроэнергии из Туркменистана в Таджикистан в осенне-зимний период 2009-2010 гг. невозможным[3, с.6-7].

В 2010 году развитие двусторонних и многосторонних связей с Республикой Узбекистан и укрепление сотрудничества на принципах взаимопонимания и добрососедства являлись одним из важных направлений внешней политики Республики Таджикистана. За прошедший год для обсуждения и решения существующих проблем двух государств были проведены двусторонние встречи и переговоры на различных уровнях.

Правительственная делегация Таджикистана во главе с заместителем Премьер-министра М.Алимардоном 27 апреля 2010 года с рабочим визитом посетила город Ташкент. На переговорах с делегацией узбекской стороны во главе с Первым заместителем Премьер-министра этой страны Р. Азимовым были обсуждены вопросы беспрепятственного прохождения транзитных грузов по железной дороге через территорию Узбекистана и другие направления двустороннего сотрудничества. Важные вопросы двустороннего и многостороннего сотрудничества были обсуждены на встречах министров иностранных дел Таджикистана и Узбекистана в Ташкенте в рамках заседания Совета министров иностранных дел ШОС (22 мая 2010г.) и Совещания министров иностранных дел диалога «Центральная Азия + Япония» 7 августа 2010 года[4, с.67].

Президент Республики Таджикистан Э.Рахмон 11 июня 2010 года, в рамках Саммита Шанхайской организации сотрудничества в городе Ташкенте встречался с Президентом Республики Узбекистан И. Каримовым. Стороны в откровенной и заинтересованной обстановке обсудили вопросы состояния и дальнейшего развития отношений между двумя странами. Особое внимание обратили на проблемные вопросы взаимоотношений двух стран, в том числе путям дальнейшего развития энергетики Таджикистана и нормального функционирования межгосударственной транспортно-коммуникационной инфраструктуры. Достигнута договоренность о пропуске на территорию Таджикистана продовольственных, горюче-смазочных и иных народнохозяйственных грузов, не предназначенных для строительства Рогунской ГЭС, в том числе по железнодорожной ветке Терме– Амузанг – Курган-Тюбе. Углубленно были обсуждены проблемы, связанные со строительством Рогунской ГЭС. Таджикская сторона ещё раз подтвердила своё намерение при содействии Всемирного банка провести независимую международную экспертизу социально-экономических и экологических аспектов строительства этого гидротехнического сооружения. По остальным деталям затронутых проблем стороны условились продолжить контакты с целью обеспечения открытости и транспарентности этого процесса. Были рассмотрены и другие вопросы, имеющие региональный и международный характер, включая ситуацию, связанную с обеспечением безопасности и стабильности в Центральной Азии[4, с.166].

12-13 августа 2010 года в городе Ташкенте состоялись переговоры делегации двух стран по вопросу реструктуризации государственного долга Таджикистана перед Узбекистаном. По результатам этих переговоров в конце декабря было подписано Межправительственное Соглашение об условиях третьей реструктуризации долговых обязательств Таджикистана перед Узбекистаном[4, с.7].

В 2011 – 2012 гг. во взаимоотношениях Республики Таджикистана с Республикой Узбекистаном наблюдается определенная активность различных структур к налаживанию взаимовыгодных контактов. Так, 5 января 2012 года в городе Ташкенте состоялась встреча заместителя Премьер-министра Республики Таджикистан М.Алимардона с первым заместителем Премьер-министра Республики Узбекистан Р.Азимовым. Министр образования Республики Таджикистан Н.Саидов 17-18 февраля 2012 года в городе Ташкенте встречался с Министром общего образования Республики Узбекистан Ш. Темировым и Министром высшего и среднего специального образования Б. Ходиевым[9].

Анализ внешней торговли за указанный период показывает, что Таджикистан и Узбекистан имеют необходимый для развития взаимовыгодного сотрудничества потенциал, а также большие

неиспользованные возможности и резервы, которые необходимо задействовать. Имея огромное культурно-гуманитарное пространство, общие границы и развитые коммуникации, стороны могут обеспечить свободное перемещение населения, товаров и услуг, содействовать более эффективному развитию многих отраслей экономик двух стран и полнее использовать транзитный потенциал друг друга для выхода на другие рынки. История, общие культурные и духовные ценности, а также многовековые традиции взаимоуважения и добрососедства заложили прочный фундамент и основополагающие принципы взаимоотношений между Таджикистаном и Узбекистаном[5, с.96].

Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон встречаясь Президентом Республики Узбекистан И. Каримовым заявил, что «Несомненно, для Таджикистана отношения с Узбекистаном считаются из числа основных приоритетов». Также было подчеркнуто: «Хочу особо отметить, что мы искренне заинтересованы в укреплении равноправных отношений с братским Узбекистаном, в расширении горизонтов взаимодействия и связей на всех уровнях и инстанциях». С сожалением было отмечено, что объем товарооборота между двумя соседними странами из 300 млн. американских долларов в 2007 году снизился до 2,1 млн. американских долларов в 2014 году. Это в то время, когда с учетом имеющихся возможностей ежегодный товарооборот между Таджикистаном и Узбекистаном может достигнуть более 500 млн. американских долларов. В ходе конструктивной беседы, проходившей в теплой и искренней атмосфере, была выражена уверенность в том, что имеющиеся трудности и препятствия на пути развития взаимоотношений двух соседних стран, будут устранены, в том числе в рамках Договора о вечной дружбе, подписанном в 2000 году[5, с.96].

Таким образом, рассматривая взаимоотношения Республики Таджикистана с Республикой Узбекистаном в 2002 – 2012 гг. можно прийти к следующим выводам:

- в рассматриваемом периоде во взаимоотношениях Республики Таджикистана с Республикой Узбекистаном нашли свое выражение в концентрированном и наиболее завершенном виде практически все основные проблемы региона;

- таджикско-узбекские взаимоотношения является важнейшим фактором в региональной интеграции как опровержение широко распространенного мифа о якобы нежелании ирано-язычного Таджикистана объединяться с четырьмя тюрко-язычными странами региона;

- наличие больших диаспор в государствах (таджикская диаспора в Узбекистане и узбекская диаспора в Таджикистане) – результат тесной переплетенности судеб, культуры и истории двух народов – выступает как мощная основа народной дипломатии;

- таджикско-узбекские отношения также имеют ключевое геополитическое и стратегическое значение для всего региона Центральной Азии. С одной стороны, два государства играют наиболее заметную роль в деле разрешения афганского конфликта и противодействия угрозам Центральной Азии, исходящим с территории этой страны. С другой – совместный геополитический потенциал Таджикистана и Узбекистана может способствовать раскрытию совместного геополитического потенциала всех пяти стран региона в сложных перипетиях отношений этих стран с великими державами. Вышеуказанные моменты превращают таджикско-узбекские отношения в жизненно важный фактор регионального развития. «Объявление города Самарканд «столицей Центральной Азии» в перспективе будет способствовать усилению центростремительных процессов в регионе, кристаллизации ее «регионального лица». Инициатива также улучшит доступ таджикоговорящих граждан Узбекистана к образованию на родном языке и, соответственно, узбекоговорящих граждан Таджикистана на их языке»[6].

- важность дальнейшего углубления сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, сохранения духовно-культурного наследия двух братских народов создания благоприятных условий для налаживания контактов между деятелями культуры, науки и образования. Перевод на языки двух государств классической и современной литературы, а также изучении и преподавании узбекского и таджикского языков в Таджикистане и Узбекистане, соответственно, будущем прилагать усилия по активизации взаимодействия в данной области;

- достижение взаимопонимания по вопросам тесного сотрудничества в сфере рационального и комплексного использования водно-энергетических ресурсов с учетом интересов всех стран региона также продвигались с трудом. Таджикская сторона доказала, что существующие и строящиеся гидроэнергетические сооружения будут способствовать решению водно-энергетических проблем региона;

- сторонами в рассматриваемом периоде подписаны соглашения о дальнейшем сотрудничестве в области безопасности, а также в сфере обороны. Данные документы определяют порядок тесного взаимодействия правоохранительных органов, оборонных ведомств и специальных служб двух государств в обеспечении мира и стабильности в наших странах и в регионе в целом. В рамках региональных структур, стороны обменялись мнениями по афганской проблематике и приветствуем усилия по установлению мира и согласия в Афганистане, и будем продолжать оказывать всяческую поддержку афганскому народу в этом процессе[10];

- на территории наших стран проживают большие диаспоры таджиков и узбеков. Наша жизненно важная задача, как политиков и руководителей, заключается в том, чтобы уделять постоянное внимание их потребностям в деле сохранения наследия предков и создании благоприятных условий для расширения сети учебных заведений, свободного развития таджикского и узбекского языков, их изучения и применения. Иначе говоря, мы должны утвердить для своих народов атмосферу дружбы и искренности, взаимопонимания и сотрудничества, как это было во времена Мавлоно Джами и Алишера Навои;

- договорно-правовая база двусторонних таджикско-узбекских отношений составляет 111 соглашений и договоров, подписанных на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях в период с 1992 по 2018 года. Принятые между двумя странами документы охватывают все ключевые направления сотрудничества двух стран и обеспечивают правовую базу для дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества Таджикистана и Узбекистана в политической, торгово-экономической и других сферах.

Традиционно исторические узы дружбы, экономические, политические, культурные, духовные и другие интересы и ценности наших народов очень близки и во многом совпадают.

Постсоветская реальность, наглядная жизнь показали, что экономическая, энергетическая, экологическая, и социально-гуманитарная взаимозависимость бывших советских среднеазиатских республик является неоспоримым фактором, и закрывать на это глаза или игнорировать эту реальность невозможно и неразумно.

Поэтому наши государства, наши народы обязаны, учитывая эту реальность, развивать всесторонние взаимовыгодные отношения, которые служат интересам всех государств и народов Центральной Азии и являются важным фактором и гарантом укрепления безопасности не только в этом важном стратегическом регионе, но и во всём мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник - 2007 год. Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. Под общей редакцией Хамрохона Зарифи. Составители Д. Назриев и др. - Душанбе, «Ирфон», 2010. с.196.
2. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник - 2008 год. Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. Под общей редакцией Хамрохона Зарифи. Составители Д. Назриев и др. - Душанбе, «Визапринт», 2010. - с.214.
3. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник - 2009 год. Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. Под общей редакцией Хамрохона Зарифи. Составители Д. Назриев и др. - Душанбе, «Ирфон», 2011. с.166.
4. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник - 2010 год. Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. Под общей редакцией Хамрохона Зарифи. Составители Д. Назриев и др. - Душанбе, «Ирфон», 2011. - 184 с.
5. 184 с.
6. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник - 2014 год. Внешняя политика Республики Таджикистан: хроника и документы. Под общей редакцией Хамрохона Зарифи. Составители Д. Назриев и др. - Душанбе, «Ирфон», 2015. - 186 с.
7. Норов В. Таджикистану и Узбекистану необходимо соглашение о рациональном использовании трансграничных рек. <https://news.tj/ru/news/tajikistan/politics/20180331/Tadjikistan-uzbekistan-perezagruzka-c-regionalnoi-perspektivoi>
8. Текущий архив Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан. Отчёт о деятельности за 2006-2007 годы.
9. URL: <http://mfa.tj/?l=ru&cat=90&art=161> (дата обращения: 16.03.2018)
10. URL: <http://mfa.tj/?l=ru&cat=90&art=161> (дата обращения: 16.03.2018)
11. URL: <http://www.president.tj/ru/node/17207> (дата обращения: 27.03.2018)
12. URL: <http://www.president.tj/ru/node/17214/roshtqala> (дата обращения: 27.03.2018)

ДВУХСТОРОННЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН С РЕСПУБЛИКОЙ УЗБЕКИСТАН В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ

В статье приведены сведения о проблемные вопросы взаимоотношений Республики Таджикистан с Республикой Узбекистан в 2002-2012 годы.

Отмечается, что таджикской народ с древнейших времён имеет тесные связи, братские узы сотрудничества с узбекской народи. Нужно отметить, что в таджикско-узбекских отношениях в эти годы наблюдались определённые негативные явления. В частности, имели факты остановки движения железнодорожных составов, прекращения авиасообщения, блокады автотрасс и т.д. Республика Таджикистан в рассматриваемый период всегда стремилась к укреплению контактов с Республикой Узбекистан и впредь она заинтересована в дальнейшем продолжении тесных отношений дружбы и взаимовыгодного сотрудничества во всех направлениях с нашими соседями.

Постсоветская реальность, наглядная жизнь показали, что экономическая, энергетическая, экологическая, и социально-гуманитарная взаимозависимость бывших советских среднеазиатских республик является неоспоримым фактором, и закрывать на это глаза или игнорировать эту реальность невозможно и неразумно.

Поэтому наши государства, наши народы обязаны, учитывая эту реальность, развивать всесторонние взаимовыгодные отношения, которые служат интересам всех государств и народов Центральной Азии и являются важным фактором и гарантом укрепления безопасности не только в этом важном стратегическом регионе, но и во всём мире.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Центральной Азии, двухстороннее сотрудничество, международное отношение, делимитация, демаркация, политическое сотрудничество, дипломатия, внешнее политика

BILATERAL RELATIONSHIP BETWEEN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN DURING THE INDEPENDENCE

It is noted that the Tajik people from ancient times have close ties, fraternal ties of cooperation with the Uzbek people. It should be noted that in these years there were certain negative phenomena in the Tajik-Uzbek relations. In particular, they had facts of stopping the movement of trains, the termination of flights, the blockade of highways, etc. The Republic of Tajikistan in the period under review has always sought to strengthen contacts with the Republic of Uzbekistan and henceforth it is interested in further continuing close relations of friendship and mutually beneficial cooperation in all directions with our neighbors.

The post-Soviet reality, visual life has shown that the economic, energy, environmental, and socio-humanitarian interdependence of the former Soviet Central Asian republics is an indisputable factor, and it is impossible and unwise to ignore this reality.

Therefore, our states, our peoples are obliged, taking into account this reality, to develop comprehensive mutually beneficial relations that serve the interests of all states and peoples of Central Asia and are an important factor and guarantee of strengthening security not only in this important strategic region, but throughout the world.

Keywords: Republic of Tajikistan, Republic of Uzbekistan, Central Asia, bilateral cooperation, international relations, delimitation, demarcation, political cooperation, diplomacy, foreign policy

The article provides information about the problematic issues of relations between the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan in 2002-2012.

Сведения об авторе:

Фармонова Дилрухсор Жумабоевна, кандидат исторических наук, доцент Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова (Республика Таджикистан, г. Худжанд), тел: (+992) 918 418039, E-mail: dilruh@bk.ru

About the author:

Farmonova Dilrukhsor Jumaboevna - candidat of Historysciences of the Khujand State University named after academician B.Gafurov (Republic of Tajikistan, Khujand), Phone: (+992) 918 418039, E-mail: dilruh@bk.ru

РАВАНДИ ПИЗИШКӢ АЗ ДЕРБОЗ ТО ДАВРАИ СОМОНИӢН ДАР ОСИӢИ МАРКАЗӢ

Шарофова М.У.

Маркази таҳқиқоти технологияҳои инноватсионии назди АИҶТ

Нуралiev Ю.

Институтуи тибби Авитсенна ва фармакология, Душанбе, Тоҷикистон;

Миришохӣ М.

Университети Сорбона, Париж, Фаронса.

Пеш аз ин, ки ба пизишки давраи Сомониён бипардозем лозим аст мурури бар чи гунағӣ боварҳои беҳдошт ва дармонро дар Осии Миёна дошта бошем. Сохтори сиёсии ин сарзамин бо пешдоиён аз оғоз ва пас аз гузари давраи каёниён, ҳахоманишиҳо, пайрави онҳо портҳо «Ашкониён» ва сипас давраи Сосониён ба хамроҳи Кушониён ва Ҳептолиҳоро дар бар мегирад. Тамаддунҳои андарунӣ, хутанӣ, хоразмӣ, ҳисорӣ ва ба таври кулӣ тамаддуни Амударё бахши муҳимме аз сохтори шахрниниро низ дар Осии Миёна ташкил медиҳанд [1, с.2].

Дар канори инҳо сохтори мазҳабӣ дар ин давра таъсир ба сазои дар равиши зиндагӣ, ки бештар ба беҳдошт ва тандурустӣ вобастастро доштаанд. Дидгоҳҳои гуногун аз пайравони меҳр «Митро», об ва покӣ «Аноҳито», бод «Вайю» дар нуқоти гуногуни сарзамини Осиёи Миёна бо вучуди Зардушт ягона шуда ва бо чандин «Яшт» дар «Авесто» гузориш шудааст. Ин дидгоҳҳо сипас тавассути Монӣ ҷойгоҳи вижаи худро дар Осиёи Миёна ва Хутан пайдо мекунад. Дар ин миён дидгоҳҳои мазҳаби Буддо низ ба ин маҷмуа афзуда гашта ва мактабҳои гуногуни пизишкӣ ва дармонро ба вучуд овардааст.

Пизишкӣ Муғон ва пизишкӣ «Авесто» шинохтатарин равишҳои беҳдошт ва дармони бемориҳо дар ин давраҳо дар бар мегиранд. Муғҳо ва дидгоҳҳои онҳо, ки аз дараи Зарафшон, дараи Фарғона, Хоразм ва Самарқанд ва Панҷакенти имрӯза фаро гирифта, то маркази Хуросон, Марв, Ҳирот, Балх, Зобул, Кобул, Хатлон, Гардиз, Қандаҳор, Шаҳритус (Машҳад) ва Нишопурро дар бар мегирифтааст, равиши пизишкӣ вижаи худро доштаанд.

Кам-кам равиши онҳо дар пизишкӣ «Авесто» шомил шуда, ҳамроҳи дидгоҳҳои пизишкони сарзаминҳои ғарби Эронзамин, заминаро барои мактаби пизишкӣ (донишгоҳи) Ганди Шопур дар замони Сосониён эҷод намудааст. Дониши пизишкӣ, ки аз Осиёи Миёна оғоз ва дар бахши бохтари (ғарби) Эронзамин, ба вижа дар шаҳри Аҳвози имрӯза ҷамъ шуда буд, пас аз ҳамлаи аъроб (арабҳо) дубора бо муҳочирати бисёре аз донишмандон, ки аз ин диёр ба сарзаминҳои ховарии (шарқи) Эронзамин аз ҷумла Балх, дараи Фарғона, Хоразм, Марв, Самарқанд ва Бухорои имрӯза, дубора ба сарзамини аҷдодии худ бозгашт. Пас аз он, бо аз байн бурдани фархехтагони Осиёи Миёна махсусан дар Хива ба дастури сардори араб Қутайба ибни Муслим, раванди донишпажӯҳишӣ коҳиш ёфт, вале аз байн нарафт [2, с.3].

Бо ҳамаи инҳо дастовардҳои онҳо заминаро дар назди тоҷикон ба гунае фароҳам кард, ки ҳақимони монанди Хоразмӣ, ал-Берунӣ, Розӣ, Ибни Сино ва дигарон аз ин сарзамин бархостанд ва сохтори беҳдошт ва пизишкӣ навинро дар дунё паҳн намуданд [1].



Барзу (пизишк) дар бораи Хусрави Анушервон, бардошт аз китоби «Калила ва Димна».

Китобхонаи Донишгоҳи Истанбул.

Аз вижагиҳои пизишкӣ дар ин давраҳо аз меҳрпарастӣ то эҳтиром ба об ва хок, тамиз нигоҳ доштани онҳо дар муҳити зиндагӣ будааст. Гиёҳхон, ки аз хок мерӯиданд, ҷойгоҳе аниқро дар андеша доштанд ва намунаи он гиёҳ Хум (хома, хома, аможтак) мебошад.

Хум ном гиёҳе аст, ки дар бораи он дар матнҳои қадимӣ аз ҷумла Ясно, Виспарад, Бундаҳиш, Гузидаҳои Зодаспрам ва Минави Хирад омадааст. «Вай Вангхон (Vai Vanghaan)» нахустин касе будааст, ки ба вижагиҳои ин гиёҳ пай бурдааст ва нишон додааст, ки фишурдаи он дармонбахш аст. Ин гиёҳ энергизо ва тавонбахш аст, пасонтар дар боварҳои эронӣ ва хиндӣ (ба номи сумма) аз ҷойгоҳи вижаи он бархурдор аст [1, 2 - с. 645].



**Дарахтча, соқа, барг ва меваи хум дар кӯхон
Искандаркули Тоҷикистон.**

«Хум» дар забони пахлавӣ ва «ҳоъум» дар «Авесто», дар Ясноҳои нӯхум, даҳум ва ёздаҳум ёд шудааст. Хум душманонро дур мекунад, маргро дур мекунад, хум гиёҳи махсусан парҳезгорон аст, ӯ дармонбахш аст, нӯшобаи он мастӣ намеоварад, вале шодӣ мебахшад. Ӯ бар рӯи кӯҳи Албурз мерӯяд, ӯ сарвари гиёҳхон аст. Фишурдаи хум, ки нӯшидани ӯ аст тавассути чанд мубад (ҳафт) бо маросими вижае аз меваи ин гиёҳ фароҳам мешудааст. Мумкин нест, ки тақаддуси он дар адабиёти форсу-тоҷик низ аз ҳамин гиёҳ реша гирифта бошад.

Доруи дигаре, ки фарӯда аз хок мебошад, мумиё ном доштааст, ки дар бештар бемориҳо барои бозсозии камбудии макро- ва микроэлементҳои зарурии бадан истифода мешудааст. Сангҳо ва хоқаҳои онҳо низ монанди навъе дору будааст. Овезон кардани сангҳо ва фаровардаҳои гиёҳӣ ва ҳайвонӣ дар гардани беморон ва ё афроди солим натавонанд барои зебӣ, балки барои истифода дар бехдошт ва дармони бемориҳо анҷом мешудааст [4].

Дар канори гиёҳдармонӣ, хокдармонӣ, обдармонӣ, ҳайвондармонӣ (фаровардаҳои ҳайвонӣ), равондармонӣ ва корддармонӣ (ҷарроҳӣ) низ паҳн ва андарзномаҳои бисёре низ барои бехбудӣ ва зиндагии роҳат забонзадаи мардум будааст.

Аз номҳои ошнои таърихи пизишкӣ бостон метавон ба Тарито (Сарито), ки дар Хоразм зиндагӣ мекард, дигаре Ямо, ки дар атрофи Амударё буд бо ҳамроҳи Ҷомосб ва Бурзуия ва хонадони Бахшиуъ (устодони донишгоҳи Ганди Шопур) низ, ки аз пештозони пизишкӣ дар сарзамини Эрони қадим будаанд, ишора кард.

Аз дербоз, пизишкӣ дар канори илм ва фалсафа алифбои вижаи худро дошта, дорои 28 хот (ҳарф) будааст.

Дар поёни давраи Ҳахоманишӣ, Искандар ва ҳокимини Бохтар (сарзамини Балх) низ сабаби тарвиҷи донишҳои юнонӣ дар ин сарзамин будаанд. Ин дидгоҳ дар давраи Ашкониён беш аз пеш рушд намуд ва сохтори дидгоҳҳои эронӣ, ҳиндӣ ва юнонӣ дар ҳам баромада ва равишҳои навине аз пизишкӣро ташкил медоданд. Дар давраи Сосониён, аз онҳо, ки ҳокимини Рим пас аз тасхири Интокия (Туркияи имрӯза), ки ҷузъи қаламрави Сосониён буд ва пизишкони исавӣ настуриро (масехӣ, христианӣ), ки дар онҳо мактаби пизишкӣ худро дар баробари мактаби пизишкӣ Искандария доштанд, берун ронданд, сайле донишмандони муҳочир дар саросари Эронзамин паҳн ва ҷойгузин шуданд ва дар натиҷа дидгоҳҳои навро бо худ ба ин диёр оварданд. Пизишкӣ ба номи Мороб, ки аз аҳолии Марв (имрӯза Туркменистон) буд дар Интокия ба номи Теодур зодаи асқофи ин шаҳр шуд (540 мелодӣ). Хусрави Анушервон Моробро пасантар ба сарпарастии донишгоҳи Ганди Шопур баргузид. Дар даврони хилофати Аббосӣ, бавижа дар замони Маъмун, бармақиҳои вазир, ки аз Балх буданд, заминаи тарҷумаи осори юнониро дар Бағдод, Дамишқ, Шом ва ҳамчунин дар Балх ва Марв ва соири шаҳрҳои Хуросон аз ҷумла дар Нишопур фароҳам карданд ва дар натиҷа, дидгоҳҳои пизишкӣ Юнониён, ки бахше аз боварҳои Эрони қадимино низ бо худ доштанд, дубора дар Хуросон

густариш (пахн) ёфт

Мо дар инчо барои намуна аз даврони бостонӣ, танҳо омӯзаи пизишкии Муғонро баррасӣ мекунем. Муғҳо дониши пизишкиро ба ду дастаи гетипизишкӣ ва менупизишкӣ тақсим кардаанд. Дар гетипизишкӣ, тан дар доми нооромӣ ва найрангҳои ношӣ аз таҳочуми перомуни (мухит, атроф) он қарор мегирад ва бемор мешавад. Бар ин пояи «бех» доштан перомун сабаб хоҳад шуд, ки бадан камтар осеб бинад ва бемор гардад. Дар ин росто дидгоҳҳои гуногун барои покиза ниғаҳ доштани муҳити зиндагӣ пешниҳод ва таъкид мешавад, ки ҳамеша бояд миёни ончи дар тан мегузарад ва ончи дар перомун вучуд дорад (об, бод ва ҳаво, хунукӣ, гармо ва ҳоказо) ва ҳамчунин ҳӯроқиҳо, нӯшиданиҳо, диданиҳо ва шуниданиҳо таодуле вучуд дошта бошад. Замоне, ки тан натавонад бо шароити перомуни «ху» гирад, бемор мегардад. Пок ниғаҳ доштани перомуни «тан» ва ҳамчунин истифода аз доруҳо дар чунин шароите метавонанд барои барқарори тандурустӣ ва ислоҳ шудан (вириш)-и мизоч, хилтҳо ва «растак» муассир бошанд. Дар гетипизишкӣ, тан ҳамеша дар доми фанҳои гетӣ мебошад ва инсон бояд, ки аз ин домҳо бипарҳезад [5].

Дигар шоҳаи пизишкии Муғон «менупизишкӣ» ба чим (чам, маънии) пизишки фарзонагӣ (рӯҳ) ва хурмузӣ (аклонӣ) мебошад, ки бар асоси хирадмандӣ, бино ниҳода шудааст. Менупизишкӣ ростои (ҷиҳати) парҳез аз найранг ва доми гетиро нишон медиҳад. Менупизишкӣ барои яқоқи мардум мутафовит аст ва дар он кӯшиш мешавад, ки танро аз маниш, гӯиш ва куниши бад раҳо созад, ки худ низ ба шоҳаҳои гуногуни боварпизишкӣ: динпизишкӣ, равонпизишкӣ ва дигар риштаҳо тақсим мегардад. Бар асоси дидгоҳи омӯзиши пизишкии Муғон, номи пизишк (дуруст буд) барои касе, ки бо чеҳраи кушода, равон, умум мардумро аз гуноҳ ва тани мардумро аз беморӣ бипояд ва дармон кунад [4].

Дар китоби дигар ба номи «Росто» асари Додори Додухт машҳур ба Ростёр, дар давраи Сосониён, замоне, ки ханӯз оташкадаҳои Бухоро ва Самарқанд ва қалъаҳои Муғ дар канораҳои дарёи Зарафшон ва Сирдарё афрӯхта будаанд, ба омӯзаи пизишкии Муғон мепардозад. Дар ин китоб дар замони Ардашери Попикон ба посух ба пизишкон, намояндаи Қайсари Рум Аблнийус, ки Рахинуш ва Брутинуш ном доштаанд аз сӯи мӯбади ба номи Додори Додухт дар бораи дидгоҳҳои пизишкии он замон чунин омадааст: «Ростёр нахуст ба фиристодагони Қайсари Рим мефаҳмонад, ки бештар китобхое, ки дар Истаҳр форс (тахти Товус наздик ба тахти имрӯзаи Ҷамшед) ба тақлиф ва риёзат гирдоварӣ шуда буданд, дар замони Искандар аз Эрон бурда шуда ва ҳақим Аристотелис (вазири Искандар) онҳоро биёмухт ва ба забони юнонӣ бигардонд ва сипас дар зимни ин ки иқрор мекунад, ки пизишкони юнонӣ дар илми анатомия (қолбудшиносӣ) таҷрибаи хубе доранд ба пурсишҳои онҳо посух медиҳад [5].

Пардохтан ба ин пурсиш ва посухҳо аз ҳавсалаи ин мақола хорич аст, вале фишурдаи ин, ки сохтори тан аз об, оташ, хок ва ҳаво мебошад. Ҳаво ба тан ҷон медиҳад ва ҷон сабаби худкории бадан мегардад. Вучуд бод (ҳаво-ҷон) сабаби будани бӯй (хис), хуш (дониш), фарваҳар (хуй ва табъ), осинхирад (ақли ғаризӣ, инстинктӣ) ва гӯшу суруду хирад (ақли иқтисобӣ) дар бадани инсон мешавад. Инҳо табиати гарм ва сард надоранд. Чойгоҳи ҷон дар дил аст ва чойгоҳи бӯй, хуш, равон ва хирадҳо дар димоғ (мағз) мебошад. Ҷамаи мавҷудоти зинда осинхирадро доро ҳастанд ва танҳо инсон аст, ки гӯшу суруду хиради бештар ва фаъол дорад. Гӯшу суруду хирад бо омӯзиш борвар (парварда) мегардад. Ҳарчи андозаи ин хирад афзоиш ёбад фард бештар тавонманд аст ва бештар метавонад бо найрангҳои перомунӣ дар гетӣ мубориза намояд ва танро бегазанд ва дуруст ниғаҳ дорад. Ин китоб бар асоси ончи омад рози тандурустӣ ва беҳзистиро баён мекунад. Омадааст, ки омӯзиш низ яке аз дигар роҳҳои дармонӣ мебошад.

Ончи мо имрӯза дониш барои пешгирӣ аз ибтило ба бемориҳо меномем дар давраҳои куҳан як шоҳае аз пизишкӣ буда пизишкии фарзонагӣ, хурмузӣ ном доштааст. Дар натиҷаи роҳи растакорӣ ва беҳзистӣ низ омӯхтани будааст.

Дар ҷамаи ин омӯзишҳо ҳадаф дур кардани бадӣ ва дуруғ аз хубиҳо ва ростихо мебошад, ки ин дидгоҳ ба танҳои бунёни сохтори пизишкӣ дар давраи бостонро ташкил медиҳад, ки бар асоси гуфтугудармонӣ (диндармонӣ), гиёҳдармонӣ ва оҳандармонӣ (қордпизишкӣ) бино шудааст.

Қорд (карта ё корто ба забони қадимӣ) тавассути амшоспанд (фаришта) «Каштравайро» ба

«Сарито» илоҳи беҳдошт ва тандурустӣ дода шудааст. Сарито дар таърихи пизишкии ҷаҳони эронӣ нахустин пизишк шинохта шудааст ва Аҳуромаздо нахустин (аввалин) корторо (кордро) ба ӯ додааст. Корддармонӣ (ҷарроҳӣ) на танҳо барои дармони бемориҳо истифода мешудааст, балки барои беҳдошт ва тандурустӣ, ки намунаи борзи он бардоштани кудак аз шиками модар аст, низ ба кор бурда мешудааст.



Ба дунё омадани Рустам бо амали ҷарроҳӣ (корддармонӣ), бардошта шудааст аз китоби Абурайхони Берунӣ, Донишгоҳи Эдинбург (P 112, à l'ombre d'Avicenne, Le médecin au temps des kalifs 1996, Institut de Monde Arab, Paris) [6].

Ба таври хулоса дидгоҳи фарҳефтагон барои беҳдошти тан ва равон дар поёни давраи Сосонӣ бад-ингуна будааст: инсон таҳти таъсири ситорагон аз омезиши тухми нар ва мода дар шиками модар падида омада рушд мекунад. Дар ин росто равон, ки аз ҷинс нур аст ба андаруни инсон, ки аз хок, бод, оташ ва об офарида шудааст даромада ва ин мавҷуди зинда (инсон) давраи зиндагонии худро ба сар мебарад. Пас аз марг (рафтани ҷон аз бадан, набуди бод дар бадан), нури парвардигоре, ки дар инсон нухфта будааст пас аз се рӯз танро тарк мекунад (чун пас аз рафтани ҷон, бисёре аз бахшҳои бадан ханӯз дар кор ҳастанд ва намунаи он дар мардҳо, рушди риш ва сабил пас аз марг мебошад ва ё бархе аз даргузаштагон мумкин аст ба сабабе ҷон гиранд). Пас аз он, об ба об, хок ба хок ва оташ ба оташи перомун мегузарад. Дар инҳо агар нуре, ки дар бадан ҷойгузин будааст тамиз ниғаҳ дошта шуда бошад, пас аз тарки тан, ин нур ба нури худой (арши илоҳӣ) мепайвандад. Барои тамиз нигоҳ доштани нури иллоҳӣ, ки дар бадан аст, бояд гӯшусуруди хирад (хиради иктисобӣ) омӯзиши хуб дида бошад.

Бояд ишора кард, ки ин дидгоҳ пасонтар тавассути Монии паёмбар ва сипас тавассути риштаҳои (шоҳаҳои) гуногуни ирфонӣ, ки аз омӯзишҳои Монӣ сарчашма гирифтааст, дар пас аз ислом, дар саросари Осиёи Миёна ва кам-кам дар нима аз ҷаҳон густурда мешавад.

Дар ирфони Монӣ, «Моршод»-ҳо, ки пасонтар «Маршад» ном гирифтаанд ва кутбҳои силсилаҳои ирфонимонанди нақшбандияро ташкил медиҳанд, ки вазифаи омӯзиш барои роҳбӣ ба нури худоиро доштаанд. Нури худой низ дар адабиёти ирфонӣ аз ҷойгоҳи вижае бархурдор аст, ки намунаи боризи он Маснавӣ ва девони Шамси Мавлоно Ҷалолуддин Балхӣ мебошад.

Пардохтан ба сохтори пизишкии бостон, ки бисёр густурда будааст дар ин кӯтоҳ намегунҷад ва дар инҷо ҳадаф ин аст, ки нишон дода шавад, ки пизишкӣ дар давраи Сомониён бар пояҳои устувор бино шуда буд.

Мо агар дидгоҳҳои Ибни Синоро, ки дар китоби «Қонун»-и вай омадааст, дар мақоми сабки пизишкии ин давра барои намуна биёварем, метавонем ба сохтори пизишкӣ ва дармон дар ҳазор соли пеш раҳнамун шавем [7]. Дар инҷо ҳадаф шарҳи китоби «Қонун» нест, вале ҳамонгуна, ки дар боло зикр шуд шакле нест (нобоварӣ), ки дидгоҳҳои давраи Ибни Сино бар асоси пизишкии Эрон ва Юнон ва Ҳинд устувор будааст. Донишпизишкӣ аз дидгоҳи Ибни Сино ҳифзи саломатӣ, беҳбудӣ ва беҳзистӣ (валеологияи имруза шинохта шудааст) мебошад на дармони бемориҳо. Ӯ нахуст ин донишро ба ду шоҳаи бузург тақсим намудааст, пизишкии назарӣ ва пизишкии амалӣ ва сипас беморихоро низ ба ду гуна пиндоштааст, дохилӣ ва хоричӣ [8]. Дар бораи бемориҳои хоричӣ мӯътақид аст, ки онҳо иртиботе бо рутубот (сабабҳо) ва феъл ва инфиюлотӣ (воқунишҳо, амал, аксуамал) бадан надоранд ва барои дармон кофӣ аст, ки

найранги гетй (сабабҳои хориҷ аз вучуд) бартараф гарданд.

Бемориҳои дохили марбут ба осебҳои узвӣ ва ихтилол (баланс) дар рутубот (чамъи сабабҳо, аз он ҷумла электролитҳо) ва дигаргуниҳои он мебошад. Ў мӯътақид аст, ки бар асос ҷаҳор бурузи бунёдӣ: об, хок, бод ва оташ, ҷаҳор мизоч (растак) - гарм, сард, хушк ва тар низ дар инсон бавучуд меоянд. Дар ин дидгоҳ об (сард ва тар - балғамӣ), хок (сард ва хушк - судовӣ ё маллихулиой), ҳаво (гарм ва тар - хунӣ) ва оташ (гарм ва хушк - сафровӣ)-ро дар бар мегиранд. Дар бисёре аз маворид омехтани дидгоҳҳои ҷунонӣ бо дидгоҳҳои форсу тоҷик сабаб шудаанд, ки сохтори печидае эҷод гардад, ки камтар бо пизишкии имрӯз ҳамроҳӣ мекунад. Бо ҳамаи инҳо, дидгоҳҳои Ибни Сино дар риштаҳои гуногун ҳанӯз ҳам тозагӣ дорад ва мо низ дар қорҳои пажӯҳишии худ ба бархе аз онҳо пардохтаем. Аз ҷумлаи онҳо мизоч аст, ки дар адабиёти пизишкии пеш аз ислом «растак» номида мешудааст [9]. Баррасии мизоч тавассути пизишконе монанди Розӣ ва Аҳвоӣ ва бисёре дигар пеш аз Ибни Сино низ омадааст.

Ибни Сино дар бораи мизоч дар китоби «Қонун»-и худ чунин овардааст: «Ҷар мода ва ҷисм дорои кайфият ва ҳолати вижаи худ аст, ки маълул каме ва зиёде ва миқдори аносуре созандаи он мебошад. Чунин кайфият ва ҳолат мизоч аст» («Қонун», китоби аввал дар таълими фиалмизочот) ва бо диди дигари Ибни Сино гарм ва сард, тар ва хушкро мизочҳои содда ва муфрад медонад ва таркибҳои онҳоро мизочҳои мураккаб. Бад-ингуна Ибни Сино барои одамии 9 мизочро шарҳ додааст. Мо дар ин ҷустор танҳо ба ду мизочи гарм (оташ, сафровӣ) ва сард (об, балғамӣ) ишора мекунем [10-12].

Аз вижагиҳои пизишкӣ дар давраи Сомониён сохтори таъб ва мизочи (фурӯҳар ва растак) инсон аст. Мо медонем, ки мавҷудоти зинда дар рӯи замин фарзанди муҳит ва перомунӣ худ ҳастанд. Бархе танҳо дар сарзамине, ки ба вучуд омадаанд, бехтар ва роҳаттар зиндагӣ мекунанд. Ин маврид дар бораи ҳамаи мавҷудоти зинда аз гиёҳон то ҳашарот ва ҳайвонот сидқ (баробарӣ) мекунад. Ҷар гиёҳе дар ҷар замин намерӯяд ва ҷар ҳашароте дар ҷар иқлиме наметавонад парварида шавад.

Рӯидани гиёҳон дар ҷар сарзамин вобаста ба ҳосияти хоки он дорад мисли бархе аз гиёҳон дар хоки ғелой (ишқорӣ) ва бархе дигар дар хоке бо ҳосияти асидӣ мерӯянд. Дарахте, ки хоки ғелойро лозим дорад дар хоки асидӣ наметавонд хуб рушд кунад ва ба зудӣ хушк мешавад ва ин ҷузъе аз табиати гиёҳ мебошад. Барои инсон низ чунин аст. Аз дидгоҳи бузургони пизишкии давраи Сомониён, монанди ниёгонашон табиати ҷар инсонро бар асоси робитааш бо перомун месанҷиданд. Ҷамонгуна, ки омад, инсон метавонад табиат (фурӯҳар) бо мизоч (растак) сард ва ё гарм дошта бошад.

Фаровардаҳои гиёҳӣ низ ҳамингуна тақсим мешуданд ва дорои растаки сард ва ё гарм мебошанд. Аз дидгоҳи пизишкӣ ва доруи имрӯза, дар бораи бархе аз гиёҳон ва фаровардаҳои онҳо, ончиро ниёгон сард меномиданд дар радифи фаровардаҳои гиёҳӣ қарор мегиранд, ки дорои рН-и поин наздик ба 2 ва 3 ва намунаи инҳо меваҳои турушмазза мебошанд (гиёҳхоне бо растаки сарду ғайриасидӣ низ вучуд доранд) [13].

Дар баробари он фаровардаҳои гиёҳӣ, ки рН-и онҳо наздик ба 7 ва ё болотар аст қарор мегиранд, ки растаки гарм доранд. Бинобар дидгоҳи пизишкони давраи Сомонӣ, ки барҷастатарини онҳо Ибни Сино мебошад, агар касе, ки мизочи сард дорад ва фаровардаҳои сардро низ доим истифода кунад, таодул миёни тан ва перомун ба ҳам хӯрда ва ӯ бемор мегардад. Бемориҳое, ки инчунин падидор мешаванд, сабаби норасоии ҳамаи гиру бадан (синдроми метаболит) мегарданд. Ин беморӣ аз касе ба каси дигар сироят намекунад. Дар ин беморон нахуст гурда ва ё ҷигар мубтало мешаванд ва сипас сабаб буруз нишонаҳое аз ҷумла диабети қанд, фишори хун, пес, санги гурда ва дигар бемориҳо монанди санги сафро мегарданд [12]. Касоне, ки растаки сард доранд бояд аз фаровардаҳои гиёҳӣ ва ё ҳайвони гарм истифода кунанд (оташ, сафровӣ) то камтар бемор гарданд.

Пажӯҳишҳои мо дар назди ҳайвонот низ ин иддаоро собит мекунад. Дар озмоишгоҳ бо нӯшидани оби лиму ё ғӯраоб ба ҳайвонот метавон норасоӣ дар гурда ва ҷигар эҷод намуд, ки худ сабаби буруз нишонаҳои диабети қанд мегардад. Бо хӯрондани фаровардаҳои гиёҳӣ гарм метавон осебҳои нӯшидани оби лиму ва ё ғӯробро дар ҳайвонот бартараф намуд ва осеб дар ҷигар ва гурдаро кам намуда диабетро дармон намуд [14]. Ин дидгоҳи пизишкӣ, ки дар давраи

Сомониён ривоч дошт имрӯза низ гирехҳои гушо барои дармони норасоҳои баданношӣ аз ба ҳам хӯрдани мизоч ва табиати беморон мебошад.

Акнун дар саросари дунё касонро, ки ба диабети қанд (навъи 2- оне, ки вижаи бузургсолон аст) мубтало ҳастанд аз фаровардаҳои сард (асидӣ) парҳез дода ва барои онҳо фаровардаҳои хунсо (нейтралӣ) ва ё нисбатан ғалоиро пешниҳод мекунад. Аз ҷумлаи ингуна гиёҳон бо табиати (гарм) метавон: зиришк, бесфоиҷ, пудина, туршак, тартезак, тамбри ҳиндӣ, розиёна, розак, рӯнос, зира, шохтара, коснӣ, озодарахт (туса), аспареза, афсангин, анисун, пурсеӯшон, тархун, хиёри ҳиндӣ ва карафсро ном бурд. Бештар гиёҳони номбурда барои бехтар кор кардани чигар мебошанд.

Бинобар дастуроти Ибни Сино дар китоби «Қонун», покизагӣ ва беҳдошти тан ва перомун ва муҳити зиндагӣ яке аз бехтарин равишҳо барои пешгирии аз бемориҳо мебошад. Тарбияти одамӣ ва тақвияти аъзои бадан, варзишҳои махсус бар асоси синни ҳар фард аз арконҳои (факторҳои) муҳимме барои саломатӣ мизоч мебошанд [7].

Беҳдошти обу ҳаво, тобиши офтоб ба дохили хона ва ҷойи зиндагонӣ, парҳез аз обҳои ифлос (рокет), истифода аз оби чашма ва ҳамчунин обҳои маъданӣ, парҳез аз зистан дар масири бод, хуб хӯрдан ва хуб нӯшидан ва дар ҳарқадом андозаро нигоҳдоштан, метавонад заминаи саломатӣ ва тандуруст будани ҳар фард, хонавода ва ҷомеааш бошад.

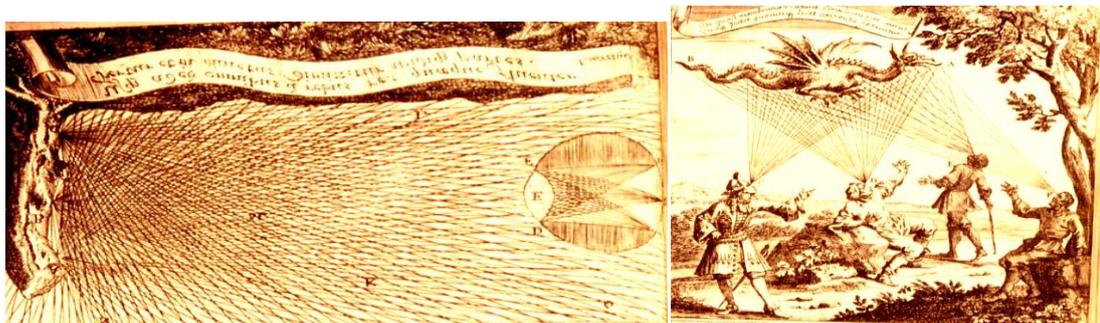


ПИЗИШК, БЕМОР ВА ДОРУСОЗ

Ҷилди китоб, нусхаи хаттӣ аз «Қонун»-и Ибни Сино, ки дар китобхонаи «Welcome London» нигоҳдорӣ мешавад (1609 мелодӣ).

Беҳдошти тан, беҳдошти равнро низ ба ҳамроҳ дорад. Дар китоби «Роста», ки зикри он гузашт, Додори Додхат дар пурсиши пизишкони Римӣ, ки дар бораи хоб (хуман) ва хобдидан (бушосп) буд, чунин овардааст: «пурсидӣ инки Бушосп чист, ки хуман бинад?» дар посух овардааст, ки дар бедорӣ, ки бӯй ва ҳуш дар робита бо димоғ кор мекунад, ҳангоми хоб ин иртибот қанда мешавад. Дар натиҷаи хоб дидан натиҷаи воқунишҳои бӯй ва ҳуш дар димоғ ва дар замони хоб аст ва сабаб мешаванд, ки дар бушоспдидан ва гуфтани шундан низ вучуд дошта бошад. Пас ончи осни хирад ва ғӯшсурудҳое меомӯзанд дар димоғ андошта мешавад. Агар димоғ бемор гардад, бушосп низ дигаргун мешавад ва бемориҳои равонӣ низ падидор мегарданд.

Пизишкон ва олимони давраи Сосонӣ медонистанд, ки барои дидани як ҷисм нур бояд аз хориҷи чашм ба дохили чашм битобад (бӯйи дидан, бӯй, ҳис), бар хилофи он румиҳо бар ин бовар буданд, ки барои дидани чизе, нур аз чашм берун меравад то онро бубинад. Дар натиҷа танҳо дар асари бемориҳои димоғ (мағз) аст, ки ҳисси биной низ бемор гашта ва гоҳе чизҳои ғайриҳақиқиро мебинанд.



Барои дидан, румихо бар ин бовар буданд, ки нур аз чашм берун меояд ва мардуми тоҷикӯ форс муътақид буданд, ки чашм баргашти нурро дарёфт карда перумонро мебинад [9].

Ҳамин тарзи фикр сабабшуд, ки мардуми Рум чашмзаҳмро боваркунанд ва баъид нест (мумкин аст), ки бо давраи салуқиҳо (давраи Искандар) дар Осиёи Миёна ин дидгоҳ низ бар хилофи ончи донишмандон дар он давра бовар доштанд, дар миёни мардуми форсу тоҷик низ пароканда шуда бошад. Дар давраи хулафои фотимии Миср, Ибни ал-Ҳейсан, ки бо дидгоҳи форсу тоҷик огоҳ буд бо навиштаи китоби «ал-Манозир», чаҳони ғарбро бо дидгоҳи давраи Сомониён ошно намуд [15,16].

Дар давраи Сомониён ҳаммонанди даврони пешин бемориҳои равонӣ низ шохе аз пизишкироташкил меодааст. Саръ (эпилепсия), ғаш (кома), молихулё (асабонӣ), афсурдагӣ ва соири (дигар) бемориҳо, номҳо ва дармонҳо вижаи худро доштаанд. Дар ин давра бархилофи ончи дар кишварҳои ғарбӣ мегузашт, дармони бемориҳо ба ўҳдаи пизишкон буд на ба ўҳдаи дуонависҳо ва шахсиятҳои масхабӣ.



Равонпизишкӣ дар давраи Сомониён, Ибни Сино бар болини бемори ошӣ аз китоби Низомии Самарқандӣ. Мухаммади Казвини, Мухаммади Муин Маҷмауи камёб «Маҷмаал-наводир» [17].

Бузургии Ибни Сино ва пизишкони пеш аз ӯ монанди Аҳвозӣ ва Розӣ дар ин буд, ки онҳо роҳҳои мантиқӣ ва фарзонагиро барои дармони беморон пешниҳод мекарданд ва дostonҳои равиши равондармонҳо дар китобҳои адабӣ, аз ҷумла дар китоби «Чаҳор мақола»-и Низомии Арузи Самарқандӣ ба гунаи бисёр зебоӣ омадааст. Ҳамин дидгоҳ сабаби густариши омӯзиши пишагӣ ва ҳамчунин номуршудани онҳо дар кишварҳои Аврупоӣ ва Африқоӣ шудааст. Кишварҳои ғарбӣ бо корҳои бузургони монанди ин пизишкон буд, ки тавонистанд ба навиштаҳои пизишкӣ Юнонӣ ва мактабҳои Искандария ва Интокия низ ошно гарданд.

АДАБИЁТ

1. Юсуф Нуралиев. Тиб ва табобат дар замони Сомониён, Сомониён ва Эҳёи тамадуни форсу тоҷик, интишорот дафтари нашри фарҳанги Эрон, Душанбе 1999, С. 307-337.
2. Раҳим Афиғӣ, Асотир ва фарҳанги Эрон дар навиштаҳои Паҳлавӣ, интишороти Тӯс, Техрон 1374h, С. 454, 459, 480, 634.
3. Меҳрдод Баҳор. Пажӯҳише дар асотири Эрон (Виростор Катонони Маздо Пур), чопи Нил, 1375h. Фасли IV.
4. Раҳом Ашо. Омӯзаи пизишкӣ Муғон, ҷилд-1, Интишорот Ермон, Париж, 2000. - 58 с.
5. Раҳом Ашо, Масъуд Миршохӣ. «Роста»: Омӯзиши пизишкӣ Муғон, Интишорот: Асотир, Техрон (1383h). 2004. - 136 с.

6. A l'ombre d'Avicenne, Lamédecin au temps des kalifs 1996, Institut de Monde Arab, Paris, p.112.
7. Абу Али Ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Книга первая. Душанбе: Дониш, 2010. – 735 с.
M.U.Sharofova, Yu.N.Nuraliev. Classification of prediabetes at the intersection of modern medicine and the medical system of Ibn Sina. 9th International Symposium on the Chemistry of Natural Compounds, Urumqi Xinjiang China, October 16-19, 2011, 145- 147 p.
8. Massoud Mirshahi, Alahzen. The father of optical Physiology Apache/2.4.10 (Debian) Server at <http://www.fravahr.org> Port 80.
9. Yu.N. Nuraliev, M.U. Sharofova. Pharmacological screening of medicinal plants recommended by Avicenna for therapy of diabetes. 3rd International Symposium on Edible Plant Resources and the Bioactive Ingredients, Urumqi Xinjiang China, July 28- August 1, 2012, 87-90 p.
10. Haji Akber Aisa, Yusuf Nuraliev, Habbasi Maidina, Mizhgona Sharofova, Zebo Bahromova. Contribution of Ibn Sina (Avicenna) to the therapy of Vitiligo (from the perspective of the medical system of Avicenna and Evidence-Based Medicine). Dushanbe: Contrast, 2015. – 344 pp.
11. Nuraliev U.N., Sharofova M.U., Sagdieva Sh.S. The doctrine about mizadzh – a universal key for decoding of not opened secrets of medicine of Avicenna /
12. Problems of theory and practice of the modern medicine. Dushanbe, 2016. – P. 628-629.
13. Sharofova Mizhgona, Nuraliev Yusuf, Ganiev Khurshed, Suhrovov Parviz, Zubaydova Tojinisso, Samandarov Nasrullo, Mirshahi Massoud. Acid dietary as diabetogenic risk factors || International Educational Scientific Research Journal. E-ISSN No: 2455-295X, Vol. 2, Issue 9, Sep. 2016 – P. 51-56.1
14. Sharofova M., Nuraliev Y., Suhrovov P., Raskin I. Risk factors of diabet by Avicenna / Problems of theory and practice of the modern medicine. Dushanbe, 2016. – P. 629-630.
15. Mahmoud Najmabadi. Persian medical history in Islamic centuries. Teheran University, 1397h, Iran (related chapters).
16. Mansour Shaki. Two middle Persian philosophical themes, Iran ancient proceeding. Paris, 1975, pp. 52-57.
17. Фазлуллои Субҳи Муҳтадӣ «Ҳикояти Абуали ибни Сино ва ҷавони ошиқ». Техрон: Интишороти Ҷоми, 1389h. - С.118.

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО ЭПОХИ САМАНИДОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Медицина в иранском мире имеет важное значение в различных культурных и культовых традициях. История медицины во все времена также важна. Медицинские видения всегда были связаны с религиозными убеждениями, которые породили различные тенденции. В этой работе мы помогли показать, что многие тысячелетия некоторые профессии, известные сегодня как врачи, существовали со своими собственными традициями, и мы сосредоточились на работе исторических знаменитостей и их влиянии на развитие медицины вплоть до династии Саманидов. Значение верований, таких как Митраизм, и нескольких богов, таких как бог ветра (Вайю), богиня чистоты (Анахита), было велико. Наряду с зороастризмом, мы упомянули знаменитостей медицины Вай Вангхана из цивилизации Амударьи, Тарита (Карита) из Харазма, Джамасба, Барзую и др. (Университет Гонди Шапура), Мороб из города Марв (Туркменистан ныне), Теодора из Интакии (Турция ныне). Параллельно упоминалась книга Дадар Дадухт («Раста») периода Сасанидов. Этот обзор был продолжен через Разеса и Ахвази, вплоть до Авиценны, а также с учётом значения понятия «мизадж» и его влияния на различные области медицины во времена династии Саманидов, и, наконец, мы показали влияние медицинских представлений древности на период Саманидов.

Ключевые слова: Центральная Азия, эпоха Саманидов, Ибн Сина, история медицины, ҳома, мумиё, фитотерапия, мизадж.

THE DEVELOPMENT OF MEDICINE FROM ANTIQUITY TO THE SAMANIDS EPOCH IN CENTRAL ASIA

Medicine in the Iranian world has an important aspect in different cultural and cultic traditions. The history of medicine throughout all the times is also important. Medical visions have always been associated with religious belief, which had given rise to different tendencies. In this work we contributed to show that many millennia some trades known today as doctor existed with their own traditions and we focused on the work of historical celebrities and their impact to the development of medicine until the Samanid dynasty. The significance of the beliefs such as mithraisme, and several gods, such as god of the wind (Vaiyou), goddess of cleanliness (Anahita) was great. As well as the Zoroastrianism, we mentioned the celebrities of medicine Vai Vanghaan from Amu Darya civilisation, Tarita (Carita) from Kharazm, Jamasb, Barzuya et all (Gond Shapour University), Morob from Marv city (Turkmenistan now), Teodor from Intakia (Turkey now). In parallel, the Book of Dadar Dadukht («Rasta») from Sassanid period was mentioned. This review was continued via Rhazes and Ahvazi, till Avicenna as well as with the significance of «mizaj» notion and its impact to medical environment during Samanid's dynasty and finally, we showed the influence of medical notions of antiquity to the Samanides periode.

Key words: Central Asia, Samanids epoch, Ibn Sina, history of medicine, hooma, mumiyo, phytotherapy, mizaj.

Сведения об авторах:

Шарофова Миџгона Умедџоновна - кандидат медицинских наук, заведующая лабораторией биотехнологии Отдела инновационной фармацевтики и экспериментальной медицины Государственного научного учреждения «Центр исследований инновационных технологий при Академии наук Республики Таджикистан» Адрес: г. Душанбе, ул. Айни 299/3 E-mail: mijgona72@mail.ru тел.: 225-80-91 (раб.) (+992) 918614123

Нуралиев Юсуф - доктор медицинских наук, почётный профессор Института медицины Авиценны и фармакологии Адрес: Душанбе, ул. Ойгул 45 E-mail: usuf-nurali@mail.ru Тел.: (+992) 918358484

Масъуд Миршахи - доктор медицинских наук, профессор Руководитель исследовательской группы, Университет Сорбона, Париж Адрес: Франция, L'Hôpital Lariboisière 2 rue Abmroise paré, 75010 E-mail: massoud.mirshahi@inserm.de Тел.: (+336) 64373220

About the autors:

Sharofova Mizhgona Umedjonovna - Candidate of Medical Sciences (Ph.D.degree) Head of the Laboratory of Biotechnology of the Department of Innovative Pharmaceuticals and Experimental Medicine of the Center for Research in Innovative Technologies, the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan Address: Dushanbe, Ayni street, 229/3 E-mail: mijgona72@mail.ru Tel.: 225-80-91 (work) (+992) 918614123 (mob.)

Nuraliev Yusuf - Doctor of medical sciences, Professor Emeritus of the Institute of Avicenna's medicine and Pharmacology Address: Dushanbe, Oigul str., 45 E-mail: usuf-nurali@mail.ru Tel.: (+992) 918358484

Massoud Mirshahi - M. D, Ph. D., Professor Leader of Reaserch Group, Université de Paris CAP Paris–Teck, INSERM U1275 Address: France, Paris, L'Hôpital Lariboisière 2 rue Abmroise paré, 75010 E-mail: massoud.mirshahi@inserm.de Tel.: +33664373220

**ТОЧИКИСТОН – ҲИНДУСТОН: ТАВСЕАИ ҲАМКОРИ ДАР
СОҲАИ ТАНДУРУСТӢ (с. 1991-2017)**

Турсунов Т.Х.

Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Қудратов К.А.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С.Айнӣ

Соҳаи тандурустӣ яке аз соҳаҳои муҳиму афзалиятнок ва зарурӣ дар ҳаёти ҷомеа мебошад. Саломатии халқу миллат аз вазъи сиёсӣ, иқтисодиву иҷтимоии давлат ва ҳамзамон комёбии мамлакат аз бисёр ҷиҳат аз вазъи ҳуби соҳаи тандурустӣ вобастагӣ дорад. Танзими дурусти ин соҳа ин солимии мардум ва солимии ҷомеа аст.

Пас аз дарёфти истиқлолияти Тоҷикистон соҳаи тандурустӣ душворихои зиёдеро паси сар намуд ва танҳо соли 2009 ба дараҷаи соли 1991 расид.[15, с.524.]. Ҷуноне маълум аст, солҳои аввали соҳибистиклолии кишвар мардуми ҷумҳурӣ аз камшавӣ ва дастнорас будани доруворихо азият мекашиданд. Баъзе «қорчаллону соҳибихтисос»-ҳо аз вазъияти ноороми мамлакат истифода бурда, доруҳои қалбакии пастсифатро ворид намуда, ба фурӯш мегузоштанд ва имрӯз ҳам баъзан маводҳои пастсифат ба ҷумҳурӣ ворид карда мешавад.

Бо мақсади беҳтар намудани сатҳу сифати хизматрасонии тиббӣ ва дар ин замина мутобиқ гардонидани хизматрасонии соҳаи тиббӣ ба стандартҳои ҷаҳонӣ бо кушиш ва заҳматҳои ҳукумати ҷумҳурӣ давра ба давра дар соҳаи тандурустӣ дигаргуниҳо ба миён омада истодааст. Ба фаъолият шуруъ намудани марказҳои саломативу тандурустӣ, ифтитоҳи бунгоҳҳои тиббӣ, бо таҷҳизоти муосир мучахҳаз гардонидани онҳо, омода намудани мутахассисони соҳавӣ ва ифтитоҳи озмоишгоҳҳои муосир ва мутобиқ ба талаботи давр, тадбирҳои амалии давлату ҳукумат дар ин самт доништа мешавад.

Тибби муосири Ҳиндустон бошад, махсусан пас аз дарёфти истиқлолияти милли ба марҳилаи рушди худ расид. Моҳи майи соли 1959 миёни СССР ва Ҳиндустон созишнома дар хусуси бунёди панҷ заводи фарматсевтӣ ва заводи таҷҳизоти ҷарроҳӣ ба имзо расида буд. [20, с.57.].

Дар асоси ин созишнома дар Ҳиндустон заводҳои тиббӣ-фарматсевтӣ бунёд ёфтанд ва имрӯз ин заводҳо қисми зиёди маводи тиббии кишварро истеҳсол мекунанд. Заводҳои Ҳайдаробод, Мадрас ва ғайра кишварро бо маводҳои доруворӣ ва тиббӣ таъмин менамоянд ва молҳои истеҳсоли онҳо ба бозори ҷаҳонӣ бароварда мешавад. То солҳои 80-ум беморхонаҳои давлатӣ таъминкунандаи асосии хизматрасониҳои тиббӣ дар Ҳиндустон буданд. Дар дахсолаҳои гузашта дар низоми тандурустии Ҳиндустон тағйироти ҷиддӣ сурат гирифт ва ҳоло клиникҳои корпоративӣ ва хусусӣ дар бозор устувор мебошанд. Бо вучуди ин, беморхонаҳои давлатӣ муассисаҳои асосии таъбиқоти барои камбизоатон мебошад. Имрӯз Ҳиндустон сиёсати солимо пеш гирифтааст ва миёни бемористони хусусӣ ва давлатӣ равобит мустақкам аст. Омӯхтани таҷрибаи Ҳиндустон дар ин самт манфиатовар хоҳад буд.

Дар аввалин сафари расмӣ ҳайати намоёндагони Тоҷикистон ба Ҳиндустон моҳи декабри соли 1993 ва вохӯрӣ бо нахуствазирӣ Ҳиндустон П.В. Нарасимха Рао дар қасри Ҳайдаробод ба ташкил ва рушди низоми тандурустии Ҳиндустон, хусусан соҳаи дорусозӣ аз ҷониби намоёндагони Тоҷикистон баҳои баланд дода шуда, таваҷҷӯҳи хос зоҳир гардид.[20, с.22]. Ин сафар барои рушди минбаъдаи ҳамкориҳо дар соҳаи тандурустӣ замина шуд.

Минбаъд зимни сафари расмӣ Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Э. Раҳмон ба Ҷумҳурии Ҳиндустон аз 11 то 16 декабри соли 1995 хуччатҳои муҳими байнидавлатӣ ба имзо расиданд, ки дар қатори муҳимтарини онҳо созишнома оид ба ҳамкориҳои нигоҳдории тандурустӣ буд.[20, с.26].

12 декабри соли 1995 дар шаҳри Деҳлии Нав бо мақсади густариши ҳамкорӣ дар самти тандурустӣ байни Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Ҳукумати Ҷумҳурии Ҳиндустон оид ба ҳамкорӣ дар соҳаи тандурустӣ созишнома, ки дорои 6 модда мебошад, ба имзо расид.[4]. Дар доираи конститутсияҳои кишварҳои худ бодарназардошти наздикии ҷуғрофӣ ва таҷрибаи таърихӣ бо мақсади нақшаи дарозмуддати рушди ҳамкориҳо дар соҳаҳои муайяни илми тиб ва саноати фарматсевтӣ созишномаи мазкур татбиқ карда мешавад.

Вобаста ба моддаи 2-юми созишномаи мазкур тарафҳо дар самти ҳамкориҳои илмӣ-таҳқиқотӣ ба кормандони соҳаи тиб ва фармакологияи дучониба ёрӣ мерасонанд ва дастгирӣ менамоянд.

Тибқи моддаҳои 3 ва 4-уми созишнома ҳамкориҳои байни институтҳои соҳавиро дастгирӣ ва барои мубодилаи мутахассисон шароит фароҳам меоранд.

Соли 1995 Ҳиндустон аввалин қарзи худро дар ҳаҷми 5 млн. доллари америкой ба ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон барои сохтмони корхонаи муштараки истеҳсоли маводи фарматсевтӣ бо ширкати хусусии «Ачанта Фарма» пешниҳод кард. Корхонаи муштараки «Тоҷик Ачанта Фарма» бо иштироки Вазорати тандурустии Тоҷикистон ба нақша гирифта шуда буд. Рӯйхати пардохти қарз, ки ҷониби Ҳиндустон ба нақша гирифта буд, ҳукумати Тоҷикистонро қонъ накард. Фоизи ин қарз 3,37 миллионро ташкил мекард ва ҷониби Тоҷикистон бояд дар маҷмӯъ 8,37 млн доллар пардохт мекард. Ин маблағи 8,37 млн доллар ҳангоми сафари сарвазирӣ Ҳиндустон соли 2003 ба грант табдил дода шуд. Шарикони корхонаи муштараки - Вазорати тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва ширкати Ачанта-Фарма давра ба давра мулоқот карданд, вале ба шартӣ пешниҳодшуда розӣ шуда натавонистанд. Ҳамин тариқ, корхонаи муштараки фаъолият карда натавонист. Дар ҳақиқат ба роҳ мондани фаъолияти корхонаи дорусозӣ мушкилоти зиёд дорад. Бунёди корхонаи истеҳсоли фарматсевтӣ маблағ ва вақти зиёдро барои анҷом додани корҳои илмию таҳқиқотӣ, таҳияи технологияи истеҳсоли дору талаб менамояд. Корхонаи дорусозӣ баъди чор панҷ соли дуруст ташкил намудани фаъолият ва бо дастгирии давлат метавонад бо иқтисодии пурраи истеҳсоли маҳсулот истеҳсол намояд.

Дар ҷаласаи дуввуми якҷояи комиссияи Тоҷикистону-Ҳиндустон оид ба ҳамкориҳои тичоратӣ, иқтисодӣ ва илмию техникӣ, ки рӯзҳои 15-16 июли соли 2005 дар шаҳри Душанбе доир шуд, ҳамкориҳо дар самти тандурустӣ матраҳ шуд. Ҷонибҳо ба мувофиқа расиданд, ки дар соҳаи тиб барои ҳавасмандии ҳамкориҳо мубодилаи намоёндагони олимонро ба роҳ монанд.

Дар ҷаласаи сеюми якҷояи комиссияи Тоҷикистону-Ҳиндустон оид ба ҳамкориҳои тичоратӣ, иқтисодӣ ва илмию техникӣ аз рӯзҳои 31 июл – 1 августи соли 2006 дар шаҳри Деҳлии Нав доир гардид, ҷониби Ҳиндустон қайд намуд, ки новобаста аз он, ки сектори дорусозии Ҳиндустон бузургтарин таъминкунандаи доруву дармон бо нархи рақбатпазир дар миқёси ҷаҳон аст, ҳаҷми воридоти дорувориҳои истеҳсоли Ҳиндустон ба Тоҷикистон дар сатҳи зарурӣ нест.[4].

Кам кардани муҳлати бақайдгирии доруворӣ боиси поён рафтани нархи хизматрасонии тиббӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мешавад.

Ҷониби Тоҷикистон мавриди омӯзиш қарор додани пешниҳоди Ҳиндустонро дар хусуси кам кардани муҳлати бақайдгирии доруворӣ истеҳсоли Ҳиндустон ёдовар шуд. Ҷониби Тоҷикистон розӣ шуд, ки вазорати тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон пас аз муайян кардани

идораҳои координатисонии масъалаи мазкур аз ҷониби Ҳиндустонро ин равандро метезонад.

21 ноябри соли 2008 дар шаҳри Дехлӣ чаласаи панҷуми якҷояи комиссияи Тоҷикистону Ҳиндустон оид ба ҳамкориҳои тичоратино, иқтисодӣ ва илмию техникаӣ доир гардид. [6, с.118].

Комиссия зарурати мустаҳкам намудани робитаҳои байни кафедраҳои тандурустиӣ ҳарду ҷонибро тавассути мубодилаи ҳайатҳои олимон, табибон, дорусозон ва мутахассисон барои мубодилаи таҷрибаро қайд кард. Ҳиндустон пешниҳод намуд, ки имзои Ёддошти тафохум оид ба ҳамкорӣ дар соҳаи тандурустӣ байни ду ҷониб баррасӣ шавад ва дар ояндаи наздик ба ҷониби Тоҷикистон лоиҳаи ин ҳуҷҷатро ирсол хоҳад кард.

Комиссия қайд намуд, ки воридоти доруворӣ аз Ҳиндустон ба Тоҷикистон афзоиш ёбад. Бо назардошти он, ки коҳиш додани вақти зарурӣ барои бақайдгирии маҳсулоти тиббӣ ба даст кардани нархи хизматрасонии тиббӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва афзудани воридоти дорувориҳои босифат мусоидат мекунад. Вазорати тандурустиӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон мӯҳлати бақайдгирӣ барои маҳсулоти доруворӣ Ҳиндустонро 2 моҳ аз рӯзи мурочиати он муайян кард.

Барои рушди ҳамкориҳо дар соҳаи дорусозӣ ва таҷҳизоти тиббӣ Бюрои дастгирии содироти маҳсулоти доруворӣ ФАРМЕКСИЛ аз тарафи Ҳиндустон ҳамчун мақоми ҳамоҳангшуда барои бақайдгирии суръатноки доруворӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таъин карда шуд.

Дар робита ба ин, Ҳиндустон дархости худро барои таъини ин гуна оӣин аз ҷониби Тоҷикистон дархост намуд, то бо ФАРМЕКСИЛ ҳамкорӣ кунад.

Хангоми сафари Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон 3 сентябри соли 2012 ба Ҳиндустон ояндадор будани рушди ҳамкорӣ дар соҳаи тандурустӣ таъкид гардид. Масоили вобаста ба ҳолати кунунӣ ва рушди минбаъдаи ҳамкорӣ гуногунҷанбаи ду кишвар, аз ҷумла тандурустӣ дар мулоқоти Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Э. Раҳмон бо Сарвазири Ҷумҳурии Ҳиндустон Манмоҳан Сингҳ ва сипас дар музокироти расмӣ бо иштироки ҳайатҳои васеи ду кишвар баррасӣ шуд. [16]. Сипас 6 санади нави ҳамкорӣ ба имзо расид, ки яке аз он созишнома миёни Вазорати тандурустиӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Вазорати тандурустӣ ва некуаҳволии оилаи Ҷумҳурии Ҳиндустон оид ба ҳамкорӣ дар соҳаи тандурустӣ ва тиб буд. Бо мақсади мустаҳкам кардани муносибатҳои ҳамҷониба дар доираи сиёсати «Connect Central Asia» Ҳиндустон як қатор лоиҳаҳои навро мехоҳад дар Тоҷикистон амалӣ намояд, ки бунёд намудани марказҳои тиббӣ аз зумраи онҳост. Ҳамзамон лоиҳаи дигари бузурги рушд, ки бо он Ҳиндустон розигии худро дод, ин бунёди беморхонаи Ҳиндустон дар Тоҷикистон буд. [2].

Ҳамасола 25 апрел (аз соли 2007) ҳамчун рӯзи байналмилалии мубориза бо бемории вараҷа қайд карда мешавад. Бемории вараҷа яке аз масъалаҳои ҳалталаб барои соҳаи тандурустиӣ бисёре аз кишварҳо ба шумор меравад. Чунки қариб 40% аҳолии кураи замин дар зери хатари сироятёбии бемории вараҷа қарор доранд. Ҳар сол дар ҷаҳон зиёда аз 500 миллион одамон ба бемории вараҷа гирифта шуда, зиёда аз як миллион аз ин беморӣ мефавтанд. [1]. Таи солҳои охир аз сабаби шиддатёбии муҳочирати аҳоли дар дохил ва хориҷи кишвар, ҳиссаи ҳодисаҳои интиқоли бештар гардида, сол аз сол зиёд гашта истодааст. Чӣ хеле, ки таҳлили ҳолати беморӣ нишон медиҳад, дар солҳои охир интиқоли вараҷаи серӯза асосан аз кишварҳои Осиёи шарқӣ ва ҷанубӣ, аз ҷумла аз Ҳиндустон сурат мегирад. [10]. Ҳиндустонро, ки бештар бемории вараҷа фаро мегирад ба Тоҷикистон пешниҳод кардани таҷрибаи худ оиди мубориза бо бемории вараҷа ва сармоягузорӣ намудан аҳамиятнок мебошад.

Дар заминаи ҳамкориҳои судбахш Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон бо вазири корҳои хориҷии Ҷумҳурии Ҳиндустон Сушма Свараҷ дар таърихи 11 сентябри соли 2014 мулоқот карданд ва дар баробари дигар масъалаҳо гуфтугӯи судманд доир ба рушди ҳамкорӣ дар соҳаи тандурустӣ сурат гирифт. [19].

8 октябри соли 2014 Сарвари давлат Эмомалӣ Раҳмон аз қисми низомии 07017-и Вазорати мудофиа воқеъ дар ноҳияи Кушониён دیدан карданд. Дар ҳудуди қисми низомӣ шифохонаи нави низомии умумисоҳавии гарнизони Хатлон, ки шифохонаи дӯсти Тоҷикистону Ҳиндустон ном дорад, ба истифода дода шуд. [3]. Шифохонаи мазкур бо маблағгузори Ҳиндустон бунёд ва ба дастгоҳҳои замонавӣ таҷизонида шудааст, ки дорои панҷоҳ кати хоб мебошад. Дар шифохона 73 нафар мутахассисони соҳа аз Ҳиндустон муддати ду сол қору фаъолият намуда, ба ҳамкасбони тоҷикистонӣ тарзи корбурди таҷҳизотро омӯзониданд. Таҷҳизоти насбгардида, истеҳсоли Ҳиндустон буда, мутобиқ ба стандартҳои ҷаҳонӣ мебошад. Шифохона аз се ошёна иборат буда, аз шӯъбаҳои дандонпиизишкӣ, гинекологӣ, дорусозӣ ва ҷарроҳӣ иборат аст. Барои тайёр кардани нигоҳ доштани доруворӣ бинои махсус ҷудо карда шудааст. Шифохона дорои ду мошини таъҷилии ёрии тиббӣ ва ду мошини дорои таҷҳизоти ҷарроҳӣ мебошад. Шифохона бо нерӯи барқи муназзам таъмин буда, трансформатор ва генератори алоҳидаи барқӣ мавҷуд аст.

Дар чаласаҳои муштараки сатҳи ҳукумати ва соҳавӣ мутахассисони соҳаи тибу тандурустӣ табодули назар менамоянд, ки ин яке аз омилҳои рушди соҳа мебошад. Дар ин замина 27 ноябри соли 2015 дар Маҷмаи давлатии “Кохи Ваҳдат” якумин анҷумани офталмологҳои

Чумхурии Тоҷикистон ба кори худ оғоз кард ва дар он Сатиш Мишра, муваққатан иҷрокуандаи вазифаи роҳбари намоёндагии ТУТ дар Тоҷикистон, Бушан Пунани, раиси кулли Ассотсиатсияи нобиноёни Чумхурии Ҳиндустон иштирок намуданд. [14]. Офтальмологияи муосири Тоҷикистон ин чарроҳии ғайримудоҳилавӣ, усули истифода аз хучайраҳои бунёди ва имплантантҳои полимерӣ мебошад, ки он имконият медиҳад бе иваз намудани узв биноӣ барқарор карда шавад. Дар солҳои охир табобати чарроҳии муосир дар соҳаи офтальмология созмон дода шудааст, ки дар дақиқаҳои камтарин беморони нобиноро пурра табобат менамояд.

Дар таърихи 14-18 декабри соли 2016 дар сафари навбатии Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба Чумхурии Ҳиндустон ва мулоқотҳо бо Президент Пранаб Мукерҷи, муовини президент М.Ҳамид Ансорӣ ва Сарвазир Нарендра Модӣ низ доираи васеи масъалаҳои дучониба, минтақавӣ ва байналмилалӣ, аз ҷумла тарҳҳо дар соҳаи тандурустӣ муҳокима гардиданд.[8]. Ҳамзамон 24 июни соли 2016 Президенти Чумхурии Тоҷикистон Э. Раҳмон дар хошияи ҳамоиши навбатии сарони давлатҳои аъзои Созмони ҳамкории Шанхай бо Сарвазирӣ Ҳиндустон Нарендра Модӣ татбиқи лоиҳаҳо, барномаҳои мушаххаси муштарақ дар ҳама соҳаҳо аз ҷумла тандурустиро аз самтҳои афзалиятноку манфиатбахши робитаҳо арзёбӣ карданд. [13].

Тавре, ки маълум аст, бемории сил дар Тоҷикистон яке аз мушкилиҳои асосии системаи тандурустии кишвар мебошад. Дар солҳои сипаригашта аз ҷониби Ҳукумати Чумхурии Тоҷикистон якҷанд барномаҳо оид ба пешгирӣ ва мубориза бар зидди бемории сил таҳия ва қабул гардидаанд. Солҳои 2014-2016 зиёда аз 40 давлатҳои ҷаҳон, аз ҷумла Ҳиндустон бо истифодаи дорувории нав бо номи Бедаквиллин ба табобати беморони гирифтори шаклҳои васеи мутобикгаштаи сил оғоз намуда, натиҷаҳои назаррас ба даст оварданд. [17]. Омӯхтани таҷрибаи Ҳиндустон дар самти истифодаи доруҳои зиддисилӣ ва умуман табобати он аҳамияти хос дорад.

Яке аз самтҳои омӯзанда саноати дорусозии Ҳиндустон мебошад. Ҳамкорӣ дар ин самт метавонад самараи хуб ба бор орад. Чумхурии Тоҷикистон бо Чумхурии Ҳиндустон, дар соҳаи фарматсевтӣ фаъолияти густурдаро ба роҳ мондааст. Айни замон 89 ширкатҳои ҳиндӣ дар Тоҷикистон фаъолият доранд ва бештар аз 904 номгӯи маводи доруворӣ ва молҳои тиббиро ба қайди давлатӣ гирифтаанд, ки зиёда аз 30% бозори фарматсевтии Тоҷикистонро пурра менамоянд. [12].

Аз ҷониби як гурӯҳ мутахассисони саноати дорусозии чумхурии Тоҷикистон соли 2011 ҚДММ «Ясмина Мед» таъсис дода шудааст. [21]. Ин корхона ашӯи хоми дорувориро имрӯз аз Чин ва Русия ба кишвар ворид мекунад. Дар оянда тасмим дорад, ки дар ин самт бо Ҳиндустон ҳамкоро ба роҳ монад.

Албатта, рақобати солим асоси пешравии истеҳсолот аст. Дар Тоҷикистон ҚДММ «Ясмина Мед», ҚДММ «Кӯҳҳои Тоҷикистон», ҚДММ «Тиб барои шумо», ҚДММ «Вежафарм» ширкатҳои дорусозӣ мебошанд ва барои табиб ёфта ба ширкатҳои бузурги истеҳсолкунандаи маводи доруворӣ ва молҳои тиббии истеҳсоли ватанӣ талош мекунанд. Ҳоло он стандартҳои, ки дар Тоҷикистон вучуд доранд аксаран стандарти ҳиндӣ мебошанд. Тоҷикистон дар соҳаи дорусозӣ дар сурати фароҳам овардани заминаи созгор метавонад мақоми сазовор дошта бошад. Ҳангоми мусоидат намудан ба фуруши маҳсулоти ин корхонаҳо дар давоми ду-се сол ҳамин ширкатҳо метавонанд бо имкониятҳои молиявии худашон корхонаҳои бузурги саноатиро бунёд намоянд. Дар Тоҷикистон беш аз 90 ширкат ба воридоти доруворӣ ва молҳои тиббӣ машғул буда, доруҳо асосан аз кишварҳои Аврупою Осиё, аз ҷумла Ҳиндустон меоранд. [11].

26 сентябри соли 2017 дар пойтахти кишвар шаҳри Душанбе, маросими расмӣ фаъолияти Ҷамъияти дорӣ масъулияташ маҳдуди “Сифат фарма” сурат гирифт. Дар ифтитоҳи фаъолияти расмӣ ҚДММ “Сифат фарма” Саида Умарзода, муовини якуми вазири тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии Чумхурии Тоҷикистон, инчунин намоёндагони соҳаҳои тандурустиву дорусозии Ҳиндустон иштирок намуданд.[9]. ҚДММ “Сифат фарма” бо мақсади дастрасӣ аҳоли намудани дорувории ба стандартҳои ҷаҳонӣ мутобикаткунанда бо вазоратҳои тандурустиву соҳаҳои дорусозии Ҳиндустон шартномаи ҳамкорӣ баста, нақша дорад дар оянда сафи шариконро бештар намоянд.

Фаъл шудани клиникаҳои табобатии Ҳиндустон дар Тоҷикистон ва расонидани кӯмаки тиббӣ ба аҳолии Тоҷикистон низ яке аз самтҳои дигари рушди ҳамкориҳои ин ду кишвар дар соҳаи тандурустӣ мебошад. Аз 12 апрели соли 2017 дар шаҳри Душанбе клиникаи тиббии ҳиндӣ ва маркази ташхиси «VEDANTA» ба кор оғоз намуд, ки дар он беморони тоҷик ду ҳафтаи аввал ройгон аз ташхис гузаштанд. Дар ин клиника духтурони варзидаи Ҳиндустон Амит Гупта, Амит Бушан Шарм, Роҳит Наяр, Акшей Кумар Саксена ба беморони тоҷик машварат ва

доруву дармон тавсия медиҳанд. Аммо, ба гуфтаи беморон хизматрасонии онҳо нисбат ба бемористонҳои Тоҷикистон гарант аст.

Табодули таҷрибаи ҳамдигар низ миёни табибони Тоҷикистон ва Ҳиндустон мавҷуд аст. 28 августи соли 2017 дар Муассисаи давлатии Маҷмааи тандурустии «Истиклол»-и шаҳри Душанбе ҷарроҳии иваз кардани буғумҳои сунъии пой аз тарафи табиби ҷавон А. Эҳсонов, ки дар Ҳиндустон тақмили ихтисос кардааст, сурат гирифт.[7]. Дар амалиёти ҷарроҳӣ мутахассисон аз Ҳиндустон низ иштирок доштанд. Гузаронидани амалиёти ҷарроҳии мураккаб дар дохили мамлакат нишони маҳорату малакаи касбии баланди табибони тоҷик буда, мушкилии беморонро хеле осон гардондааст.

Аз 6 то 11 сентябри соли 2017 дар беморхонаи «Балх» духтурони соҳибтаҷрибаи Ҷумҳурии Ҳиндустон аз шаҳри Дехли барои гузаронидани амалиётҳои ҷарроҳии бемориҳои чашм ташриф оварданд. Дар беморхона амалиётҳо ба монанди кучиши шабакия (отслойка сетчатки), чашмпарда (катаракта), хуншории қисми шаффоф (гемопталъм), пардаи болшакл (птеригиум) ва ғайра бо усули лазерӣ, бе бурриш ва бедард гузаронида мешавад. Табибони Ҷумҳурии Ҳиндустон дар муддати се сол дар беморхонаи «Балх» зиёда аз 600 амалиёти чашмпарда (катаракта) гузаронидаанд.

Дастгирии шахсони дорой имкониятҳои маҳдуд яке аз самтҳои афзалиятноки Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб меравад ва барои дастгирии ҳамешагии онҳо тамоми чораҳо андешида мешаванд. Имрӯз мутахассисони соҳа бомуваффақият амалиётҳои ҷарроҳиро дар дили кӯдакон идома дода истоданд. Давраҳои омӯзиши ва тақмили ихтисосро гурӯҳи калони мутахассисони тоҷик дар Ҳиндустон гузаштанд. Ҳамасола дар муассисаҳои тавонбахшии ҷумҳурӣ беш аз 3000 нафар кӯдакону наврасон саломати худро барқарор мекунанд.[5].

Аз 25 октябр то 4 ноябри соли 2017 бо ташаббуси бевоситаи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шаҳри Душанбе ҷароҳҳои дил миёни кӯдакон ва наврасони синни то 18 солаи гирифтори бемориҳои нуқсонҳои дил роӣгон ҷараён гирифт.[18]. Баҳри гузаронидани ҷарроҳҳои дил ва солимгардонии кӯдакону наврасони то синни 18-и гирифтори бемориҳои нуқсонҳои дил зиёда аз 23 нафар мутахассисони варзидаи соҳаи ҷарроҳии дилу рағҳои 13 кишвари хорич, аз қабилҳои Ҳиндустон ҷамъ омада, дар амалиёти ҷарроҳӣ саҳм гирифтанд.

Бунёди маркази онлайнӣ байни беморхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва беморхонаҳои Ҳиндустон яке аз масъалаи асосие буд, ки дар мулоқоти раиси вилояти Хатлон Д. Гулмаҳмадзода бо сафири Ҳиндустон дар Тоҷикистон Сомнатх Гош, котиби дуҷуми сафорати Ҳиндустон дар Тоҷикистон Шубан Кришен ва аташеи сафорат Панкач Дианиро дар таърихи 7 ноябри соли 2017 мавриди баррасӣ қарор гирифт. [18]. Бунёди маркази онлайнӣ байни беморхонаҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон бо беморхонаҳои Ҳиндустон, имкон фароҳам меоварад, ки табибон ҳангоми гузаронидани амалиёти тиббӣ аз таҷрибаи якдигар ва машваратҳои судманд низ истифода баранд. Ҳамзамон дар мулоқоти мазкур ҷонибҳои масоили густариш додани ҳамкории судмандро миёни вилояти Хатлон ва Ҳиндустон дар заминаи ташкил намудани маркази саноатӣ, ба таҷрибаомӯзӣ фаро гирифтани кормандони соҳаи тандурустӣ мавриди баррасӣ қарор додаанд.

Қайд кардан ба маврид аст, ки туризми тиббӣ дар Ҳиндустон ривоч ёфтааст ва 30 %-и туризми тиббии ҷаҳон ба Ҳиндустон рост меояд. Ба Ҳиндустон аз тамоми ҷаҳон, аз ҷумла аз ИМА ва Аврупоӣ ғарбӣ барои табобат меоянд. Масалан, дар Ҷеннаи ҳар рӯз зиёда аз 150 нафар аз тамоми ҷаҳон барои табобат меоянд. Агар як сабаби воридшавии табобатгирандаҳо сифати баланди хизматрасонӣ бошад, сабаби дигари он паст будани нархи хизматрасонӣ мебошад. Агар ҷарроҳии қалб дар ИМА 130 ҳазор доллар бошад, дар Ҳиндустон 7 ҳазор доллар, иваз намудани буғуми косу рон дар ИМА 43 ҳазор, дар Ҳиндустон 7 ҳазор, ивази зону дар ИМА 40 ҳазор, дар Ҳиндустон 9,2 ҳазор доллар аст.[10]. Аксарияти духтурони Ҳиндустон таҷрибаомӯзии худро дар ИМА, Британияи Кабир ва Австралия гузаштаанд ва сатҳи баланди касбӣ доранд. Ҷиҳати дигар рушди туризми тиббӣ дар Ҳиндустон донишҷӯи забон мебошад. Қисми зиёди духтурони Ҳиндустон забони англисро медонанд. Ҳамзамон маводҳои тиббии истехсоли Ҳиндустон сифати баланд ва нархи арзон дорад.

Хуллас, равобити ҳасанаи Тоҷикистон ва Ҳиндустон дар самти тиб ва тандурустӣ дар асоси созишномаҳои байнидавлатӣ ба роҳ монда шудааст ва дар оянда барои рушди он як қатор тадбирҳо зарурият доранд. Аз ҷумла, дар самти мубориза ба муқобили бемориҳои вараҷа ва сил, бемориҳои қалб, чашм ва ғайра бештар табодули назар кардани мутахассисони соҳа, ҳамзамон омӯхтани таҷрибаи Ҳиндустон дар самти дорусозӣ боарзиш мебошад.

Тибби қадимаю анъанавии Аюрведа - илми ҳаёт, ки низоми қадимии дониш оид ба мувофиқати ҳаёт ва зиндагонии солими инсон аст, муолиҷаи алтернативӣ ба ҳисоб меравад. Дар Ҳиндустон Аюрведа зиёд истифода мешавад. Шинос гардидан ва истифода кардани усули алтернативии тибби анъанавии Ҳиндустон аз тарафи намояндагони баҳши фарматсевтии

Тоҷикистон зарур ва ба манфиати ҷомеаи Тоҷикистон мебошад.

Ширкатҳои дорусозии Тоҷикистонро зарур аст, ки дар якҷоягӣ бо мақсади химояи манфиати давлату миллат ҳангоми омода намудани ин ё он намуди доруворӣ ба сифати маҳсулот аҳамияти аввалиндарча диҳанд ва барои рақобатпазир будани маҳсулоти доруворӣ бо маҳсулоти аз хориҷ воридшаванда мутобиқ будани онҳоро таъмин намояд. Дар ин сурат ба муваффақият ноил шуда метавонанд. Ширкатҳои тичоратии фарматсевтие, ки дар ҷумҳурӣ амал мекунанд зарур аст, молу маҳсулоти хушсифатро ба ҷумҳурӣ ворид намоянд.

Мутахассисони соҳаи тандурустии тоҷикро зарур аст, ки дар асоси созишномаҳои байнидавлатӣ курсҳои такмили ихтисоси худро дар самти андухтани таҷриба дар марказҳои бузурги тиббии Ҳиндустон гузаронанд.

Омӯзиши таҷрибаи Ҳиндустон дар самти рушди туризми тиббӣ низ барои Тоҷикистон аҳамияти калон дорад.

Истифодаи имкониятҳои амалинашуда миёни Тоҷикистон ва Ҳиндустон дар соҳаи тандурустӣ зиёданд ва дар оянда умеди амалишавии онҳо дар назар аст.

АДАБИЁТ

1. 25 апрел – рӯзи байналмилалӣ мубориза бар зидди бемории варача. 24 апрели соли 2017. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj>. (санаи истифодабарӣ: 12.01.2018).
2. India and Tajikistan: Building a long-term Strategic Partnership. [манбаи электронӣ]. URL: <https://idsa.in/idsacomments> (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
3. Боздид аз қисми ҳарбии 07017-и Вазорати мудофия ва ифтитоҳи шифоҳонаи дӯстии Тоҷикистону Ҳиндустон дар ҳудуди он. [манбаи электронӣ]. URL: <http://www.prezident.tj> (санаи истифодабарӣ: 20.05.2019).
4. Бойгонии Вазорати қорҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон. **Раёсати шартномавӣ-ҳуқуқӣ**. Папка №50., 50а., 50б.
5. Дастгирии кӯдакону наврасони маъюб. 17 майи соли 2017. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj>. (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
6. Дипломатияи Тоҷикистон: диҷуз ва имрӯз. Дар ду ҷилд. Ҷилди 1. (Зери назари Ҳамроҳон Зарифӣ). Силсила: Сиёсати хориҷии Тоҷикистон. Душанбе: Ирфон, 2009. 296с.-С. 118.
7. Иваз кардани бугумҳои сунгии пой дар муассисаи давлатии маҷмааи тандурустии «Истиқлол». [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj/> (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
8. Изҳороти муштарақ аз натиҷаи сафари давлатии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Ҷумҳурии Ҳиндустон. [манбаи электронӣ]. URL: <http://www.prezident.tj> (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
9. ҚДММ “Сифат фарма” расман ба фаъолият оғоз кард. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj/> (санаи истифодабарӣ: 14.01.2018).
10. Маенная Е. Индия лечит. Почему Индия стала медицинской Меккой. (Дели) 14.10.2015. [электронный ресурс]. URL: www.gazeta.ru (дата обращения: 20.12.2017).
11. Маҳмадали Давлатов. Дар Тоҷикистон воридоту истеҳсоли маводи доруворӣ ва молҳои тиббӣ чӣ гуна ба роҳ монда шудааст? 26 июли соли 2017. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj/> (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
12. Муаррифии тибби анъанавии Аюрведаи Ҳиндустон дар Душанбе. 19.02.2018. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj>. (санаи истифодабарӣ: 20.02.2018).
13. Мулоқот бо Сарвазири Ҳиндустон. [манбаи электронӣ]. URL: <http://mfatj.tj>. (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
14. Нахустин чарроҳии чашмро Абӯали ибни Сино гузаронидааст. 27 ноябри соли 2015. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj>. (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
15. Ҳотамов Н. Таърихи халқи тоҷик. /Н.Ҳотамов, Д. Довудӣ, С.Муллоҷонов, М. Исоматов. –Душанбе: «ЭР-граф», 2011. - 644 с. -524.
16. Оғози сафари давлатӣ ба Ҷумҳурии Ҳиндустон. [манбаи электронӣ]. URL: <http://www.prezident.tj> (санаи истифодабарӣ: 10.01.2018).
17. Роҳҳои тави табобати бемории сил. 31 январи соли 2017. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj>. (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).
18. Таи як ҳафта кӯдакону наврасони синни то 18, ки гирифтори бемориҳои нуксонӣ дил ҳастанд ройгон чарроҳӣ мешаванд. 31 октябри соли 2017. [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj>. (санаи истифодабарӣ: 13.01.2018).
19. Тоҷикистону Ҳиндустон барои ҳамкориҳои пурсамар имкону захираҳои фаровон доранд. //Садои мардум. -2014.- 12 сентябр.- №105-106 (3251-3252).
20. Турсунов Т.Х. Таджикско-индийские взаимоотношения. Монография/ Т.Х. Турсунов.- Душанбе: ЭР-граф, 2009.- 130 с.
21. Ширкатҳои дорусозии ватанӣ метавонанд бо имкониятҳои молиявии худ қорхонаҳои бузурги саноатиро бунёд намоянд». [манбаи электронӣ]. URL: <http://moh.tj>. (санаи истифодабарӣ: 20.12.2017).

ТАДЖИКИСТАН- ИНДИЯ: УПРОЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (1991-2017 гг.)

В статье прослеживается взаимоотношения Таджикистан и Индия в сфере здравоохранения и

проблемы изучения опыт Индии в сфере здравоохранения, а также обмен опыт в области медицина и здравоохранения между этими государствами, после приобретения независимости Республики Таджикистан.

Как известно, сектор здравоохранения является одним из наиболее важных и приоритетных отраслей. Молодая Республика Таджикистан может многому научиться у передовых стран мира и использовать возможности для достижения высших целей общества. Из числа, стран, которые Таджикистан имеет плодотворные отношения, является Индия.

Важно отметить, что опыт Индии после независимости страны в 1947 году - это гораздо полезно для Таджикистана. В частности, сектор здравоохранения Индии, продвигается сегодня вперед в этом глобальном масштабе. После независимости между СССР и Индией для развития сектора здравоохранения в 1959 году были подписаны соглашения, а затем с прямой поддержкой СССР в Индии созданы заводы и фабрики фармацевтической промышленности, которая сегодня является символом медицины и фармацевтической промышленности в Индии.

В статье рассматриваются пути развития сотрудничества Таджикистана с Индией, взаимные визиты Президента Таджикистана Эмомали Рахмона в Индию и главы индийского государства в Таджикистан, заключенные медицинские и фармацевтические договора, их важность и другие вопросы, связанные с сотрудничеством в области здравоохранения между Республикой Таджикистан и Республикой Индия.

В действительности, изучение и внедрение в практике опыт современной Индии в сфере медицины и здравоохранения, в жизни нового таджикского общества будет в интересах сектора и благосостояния общества.

Ключевые слова: Таджикистан, Индия, отношения, здравоохранения, медицина, соглашение, импорт, экспорт, встреча, опыт.

TAJIKISTAN- INDIA: STENGTHENIND COOPERATION IN THE FIELD OF HEALTH (1991-2017 years)

The article traces the relationship between Tajikistan and India in the field of health care and the problems of studying the experience of India in the field of health, as well as the sharing of experience in the field of medicine and health between these states, after the acquisition of independence of the Republic of Tajikistan.

As is known, the health sector is one of the most important and priority sectors. The young Republic of Tajikistan can learn a lot from the advanced countries of the world and use the opportunities to achieve the highest goals of society. Among the countries that Tajikistan has a fruitful attitude is India.

It is important to note that the experience of India after the independence of the country in 1947 is very useful for Tajikistan. In particular, India's health sector is moving forward today on this global scale. After independence between the USSR and India, agreements were signed for the development of the health sector in 1959, and then with the direct support of the USSR, factories of the pharmaceutical industry, which today is a symbol of medicine and the pharmaceutical industry in India, were established in India.

The article examines the ways of development of cooperation between Tajikistan and India, mutual visits of the President of Tajikistan Emomali Rahmon to India and the heads of the Indian state to Tajikistan, concluded medical and pharmaceutical contracts, their importance and other issues related to cooperation in the field of health between the Republic of Tajikistan and the Republic of India.

In fact, the study and implementation in practice of the experience of modern India in the field of medicine and health, in the life of the new Tajik society will be in the interests of the sector and the welfare of society.

Key words: Tajikistan, India, relations, health, medicine, agreement, import, export, meeting, experience.

Сведения об авторах:

Турсунов Турсунмурод Худоймуродович - доцент кафедры новая и новейшая история зарубежных стран исторического факультета Таджикского национального университета, E-mail: tursunov-murod@mail.ru Mobil: (+992) 934665581

Кудратов Комрон Абдунабиевич - Доцент, ученый секретарь Ученого совета Таджикского государственного педагогического университета, E-mail: komron.kudratov@mail.ru Mobil: (+992) 935282862

About the authors:

Tursunov Tursunmurod Khudoimurodovich - associate professor of modern and contemporary history of the faculty of history of foreign countries Tajik National University, E-mail: tursunov-murod@mail.ru Mobil: (+992) 934665581

Kudratov Komron Abdunabievich - associate professor, scientific secretary of the Academic Council of Tajik State Pedagogical University, E-mail: komron.kudratov@mail.ru Mobil: (+992) 935282862

МАОРИФ ДАР МЕХВАРИ ҲАМКОРИҶОИ РОССИЯ ВА ТОЧИКИСТОН (С.1991-2017)

*Назаров Б., Мунавварова Т.З.
Донишгоҳи милли Тоҷикистон*

Дар аввали солҳои 90-уми қарни XX бо сабаби бӯҳрони амиқи сиёсӣ, ки Ҷумҳурии Тоҷикистонро фаро гирифта буд, тамоми соҳаҳо хоҷагии халқи кишвар - иқтисодиёт, илм, маориф, фарҳанг ва дигар сохторҳо ба шароити мушкил ру ба рӯ гардиданд. Дар чараёни ҷанги шаҳрвандии солҳои 1992-1997 бисёре аз биноҳои мактаб ба нестӣ, молу ашёи онҳо ғорат карда мешуданд, ки ин аз фаъолият боз мондани мактабҳои кишвар гардид.

Кишвари мустақили Тоҷикистонро интихоби конститусионӣ, демократӣ ва тағйироти сохторӣ лозим омада буд. Дар шароити нави таърихӣ баъд аз ба охир расидани ҷанги шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон қарори сиёсӣ таълимии он, ки дар оянда бояд ба ташаккули низоми нави сиёсӣ оид ба тарзи фикрронии хонандагон ва донишҷӯён дар асоси дониши илмӣ чаҳонӣ, мусоидат карда мешуд, қабул карда шуд.

Дар самтҳои ҳаётан муҳим барои Тоҷикистони навистақлол муносибатҳо миёни кишварҳои ҷаҳон ба миён омаданд, ки дар ин росто метавон муносибатҳои шарикӣ стратегияи Тоҷикистонро бо Федератсияи Русия ёдовар шуд. Барои беҳтар намудани соҳаи маориф, Ҷумҳурии Тоҷикистон бо бисёр кишварҳои ҷаҳон қарордодҳо ба имзо расонид.

Имрӯз соҳаи маориф ба яке аз самтҳои ояндадори сиёсати Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб рафта рушди робитаҳои илмӣ гуманитарӣ бо Русия бошад яке аз ҷанбаҳои муҳимми сиёсати маорифпарваронаи роҳбарони ин ду кишварро дар бар мегирад.

Асосҳои ҳуқуқии муносибатҳои байни Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россияро дар соҳаи маориф як қатор созишномаҳо ва шартномаҳои байни ҳукумати ташкил медиҳанд, ки иборат аст: Ҳамкории илмиву техникаӣ (аз 25-уми майи соли 1993); Ҳамкорӣ дар соҳаи фарҳанг, илм, маориф, тандурустӣ, иттилоот, варзиш ва сайёҳӣ (аз 19-уми сентябри соли 1995); Таъсис ва фаъолияти Донишгоҳи (славяни) Россия-Тоҷикистон дар шаҳри Душанбе (10-уми июни соли 1997); Созишномаи оид ба ҳамкорӣ дар соҳаи маориф (аз 18-уми март соли 1997); Барномаи ҳамкорӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Русия дар соҳаи гуманитарӣ барои солҳои 1999-2002; Созишнома дар бораи шароити таҳсилоти умумии миёна (аз 4-уми апрели соли 2007), ташкил ва фаъолияти Маркази тадқиқоти байналмилалӣ Помир-Чакалтай (29-уми августи соли 2008) ва ғ мебошанд. [1, с. 15,39,41]

Ҳуччатҳои асосӣ созишномаҳо дар бораи “Дӯстӣ, ҳамкорӣ ва кӯмаки мутақобила байни Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Русия” (25-уми майи соли 1993) ва “Дар бораи Ҳамкорӣ муттафиқин миёни Тоҷикистон ва Русия нигаронида ба асри XXI “ (16-уми апрели соли 1999) ва ғайраро дар бар мегиранд.

Дар моддаи 11-уми қарордоди зикр шуда (16-уми апрели соли 1999) гуфта мешавад, ки ҳар ду кишвар дар системаи маорифи миллии рӯҳбаланд бо ҳифзи фосолаи таълими ва ақлонӣ умумӣ, аз ҷумла тавассути рушди барномаҳои омӯзишии муштарақ барои донишҷӯён ва хонандагон, тарбия ва бозомӯзии ҳуччатҳо дар соҳаи маориф ва расидан ба рутбаҳои илмӣ ва унвонҳо, мусоидат хоҳанд кард. [2]

Яке аз самтҳои афзалиятнок дар равобити миёни ду кишвар дар соҳаи маориф, ин ташкили донишгоҳҳо дар қаламравӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон аз ҷониби Русия мебошад. Муфассалтар, метавон Донишгоҳи Славияни Русияву Тоҷикистон дар шаҳри Душанберо зикр намуд, ки 14-уми сентябри соли 1996 ифтитоҳ шуд, дар маросими ифтитоҳияи он Пешвои миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон зикр намуданд ки: *“Донишгоҳи танҳо маркази бузурги таълимоти илмӣ нахоҳад буд, балки барои баланд бардоштани муносибатҳои фарҳангии байнихалқо дар сатҳи баланд, ва барои рушди нишондиҳандаҳои эҷодӣ, илмӣ ва фарҳангии Федератсияи Русияву Ҷумҳурии Тоҷикистонро низ таъмин менамояд”*.

Донишгоҳи Славяни бо Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти №141 аз 05.04.1996с таъсис дода шудааст ва ин қарор таҳти №604-аз 17.05.1997 дар бораи ташаккул ва татбиқи Донишгоҳи (славянии) Русия-Тоҷикистон қабул карда шуд.[3]

Мақсади асосии ташкили Донишгоҳи (славянии) Россия-Тоҷикистон бо зарурати омӯзонидани мутахассисони соҳибхтисос барои соҳаҳои иҷтимоӣ иқтисодии Тоҷикистон, равона шуда буд. Дар «Созишномаи ҳамкорӣ миёни Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Русия, ки дар асри XXI равона шуда буд», моддаи 11-уми он изҳор медорад, ки барои дастгирии фаъолияти Донишгоҳи (славянии) Русия-Тоҷикистон дар Душанбе, аҳамияти махсус дода мешавад.[4]

Мувофиқи моддаи 2-уми созишномаи байни Ҳукумати Русия ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи шартҳои таъсис ва фаъолияти Донишгоҳи (славянии) Руссия-Тоҷикистон дар шаҳри Душанбе”, 10 июли соли 1997 вазифаҳои асосии ин донишгоҳ оварда шуда буданд ки ба таври зайл аст:

1) омӯзиш, бозомӯзӣ ва такмили ихтисоси кормандони муассисаҳои олии таълимӣ ва кормандони илмию педагогии таҳассусии олии;

2) мусоидат ба рушди захираҳои илмӣ ва кадрӣ ҳар ду кишвар;

3) истифодаи технологияҳои нав ва истифодаи таҷрибаи пешқадам дар соҳаи маориф ва илм дар Тоҷикистон ва Русия;

4) мусоидат намудан, нигоҳ доштан ва инкишофи мутақобилаи фарҳангҳо, забонҳо, анъанаҳои таърихӣ ва миллии халқҳои ҳар ду кишвар;

Тибқи таҳқиқоте ки гузаронида шуд назар афканем, ҳақиқтан ҳам ин донишгоҳ да аввали солҳои душвори баъдичанги (чанги шаҳрвандӣ) аз паси мақсади худ гардида ба базаи илмӣ давлат кадрҳои баландихтисосро таъёр намуда, равона кардааст.

Дигар аз меҳвари асосие, ки дар ин замина дурахшон аст ин ифтитоҳи гаштани Филиали Донишгоҳи давлатии Москва дар Душанбе мебошад. Муфасаллтар роҷеъ ба таърихи филиали зикршуда, дар 24-уми феврал, соли 2009 ҳангоми сафари кории Президенти кишвар Эмомалӣ Раҳмон ба Русия дар музокироти сарони ду кишвар ба татбиқи амалии тавофуқоте, ки зимни сафари расмӣ Президенти Федератсияи Русия дар моҳи августи соли 2008 ба имзо расида буд, инчунин ҳолати кунунӣ ва дурнамои рушди тамоми маҷмӯи масъалаҳои дар муносибатҳои Тоҷикистону Русия, аз ҷумла сиёсӣ, иқтисодӣ, гуманитарӣ, низомии-техникии ҳарбӣ ва ғайра муҳокима гардидаанд.[5]

Роҳбарони ҳарду кишвар ҳавасмандии худро барои ифтитоҳи филиалҳои донишгоҳҳои Россия, аз ҷумла Донишгоҳи давлатии Маскава (МГУ) дар Ҷумҳурии Тоҷикистонро низ иброз намуданд.

Мутобиқи нақшаи мазкур 14 сентябри соли 2009 кушодашавии филиали Донишгоҳи давлатии Москва дар Душанбе дар сатҳи баланди дӯсти баргузор гардид. Ва дере нагузашта дар 1-уми июли соли 2010 бо иштироки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Эмомалӣ Раҳмон ва ректори Донишгоҳи давлатии Москва, В. Садовничӣ бинои нав барои филиали мазкур кушода шуд. Филиали Донишгоҳи давлатии Москва, дар заминаи муносибатҳои Русия ва Тоҷикистон дар соҳаи маориф ва илм ба фаъолияти таълимӣ худ оғоз намуд.

Ҳангоми ифтитоҳи он Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон иброз намудаанд, ки: “Саҳми Донишгоҳи давлатии Москва ба омӯзиши кормандони илмӣ, лабораторияҳои донишгоҳ ва марказҳои илмию тадқиқотӣ ин донишгоҳ бо ҳама чизҳои зарурӣ худ хеле муҳим ва айни замон беҳтарин аст. Илова бар ин, олимони Донишгоҳи давлатии Москва дар дигар донишгоҳҳои Тоҷикистон лексияҳои ҷолиби мароқовар мувофиқ ба илмҳои ҷаҳонӣ, мехонанд”.[6]

Инчунин дар ин замина метавон боз дигар донишгоҳҳо ва филиалҳои Русияро дар қаламрави кишвар зикр кард, ки ба базаи илмӣ кишвар кадрҳои баландихтисосро равона мегардонанд. Яке аз онҳо ин Донишкадаи энергетикӣ Москва (Донишгоҳи техникӣ) дар шаҳри Душанбе мебошад, ки дар таъмини кадр дар бозори илмӣ тоҷик нақши худро дорад. Боз метавон дар ин замина Филиали Донишгоҳи миллии тадқиқотӣ-технологии МИСиС-ро зикр кард, ки дар асоси фармони Президенти Тоҷикистон соли 2012 дар ш. Душанбе таъсис ёфтааст. Ин донишгоҳ барои рушди ҳамкориҳои дучонибаи Тоҷикистону Русия дар пешбурди соҳаи таҳсилоти олии касбӣ таъсис дода шудааст. Мақоми донишгоҳ мактаби олии касбӣ буда, дорои иҷозатномаҳои (литсензияҳои) давлатии Вазорати маориф ва илми Русия оид ба ҳукуки пешбурди фаъолияти таълимӣ дар соҳаи таҳсилоти олии касбӣ мебошад [7].

Дар марҳалаи ҳамкории Русия ва Тоҷикистон метавон дастгири Русия дар самти таъмин кардани адабиёти таълими ва бадеӣ ба муассисаҳои таълими кишвар зикр кард. Дар ин росто соли 2005, Сафорати Русия дар Тоҷикистон ба мактабҳо, донишгоҳҳо ва китобхонаҳои ҷумҳурӣ 59,3 ҳазор нусха адабиёти таълимӣ, методӣ ва бадеӣ таъмин намуд ки инро низ дастоварди ин соҳа мехонем. Аз оғози соли 2006, ҳазор нусхаи дигар адабиёти гуногунро ба муассисаҳои таълимӣ кишвар ирсол намуданд. Аз ҷумла 17 ҳазор китобҳо ва адабиётҳои дигар ба Консулгарии генералии Русия дар шаҳри Хучанди вилояти Суғд фиристода шуд. Соли 2002 дар нашриҳои «Учебная литература»- и ш. Самара барои кӯдакон маҷмӯи афсонаҳои халқие, ки дар Тоҷикистон машҳуранд, аз ҷумла «Серебряный кувшин сказок», ба забони русӣ баргардонида шуда ба Вазорати маориф Ҷумҳурии Тоҷикистон чанд нусхаи онро тақдим намуданд, ки ин дар самти таъминоти адабиёти таълими ва бадеӣ хеле муҳим мебошад. [8]

Дигаре, аз самтҳои афзалиятноки ҳамкории ду кишвар дар соҳаи маориф ин таълими забони русӣ дар мактабҳои ҷумҳурӣ мебошад ва дар Конститутсияи (Сарқонуни) ҚТ, дар моддаи 2-уми он низ забони русиро ҳамчун забони муоширати байни миллатҳо эълон карда ва

кабул кардааст.

Илова барин, дар ҳар як наём ва суҳанрониҳои худ, Пешивои миллат, Эмомалӣ Раҳмон зарурати омӯзиши забонҳои ватанӣ ва дигар забонҳои муоширати байнидавлатӣ, аз ҷумла русӣ ва англисиро таъкид мекунанд. Бо ин мақсад, Вазорати маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон якҷоя бо Маркази илм ва фарҳангии Русия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Сафорати Русия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, фаъолияти омӯзиши забони русиро дар ҷумҳурӣ давра ба давра анҷом дода ба анҷом расонида истодааст ва мавриди таваҷҷуҳи ҳамешагии роҳбарияти давлат ва ҳукумат қарор гирифтааст. Барои татбиқи ин 4-уми апрели соли 2003 Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба беҳтар намудан, таҳия ва омӯзиши забони русӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва 2-уми декабри соли 2003 барномаи амали гардонии фармони мазкур қабул карда шуд.

Бо дар назардошти он ки соли 2007 Соли байналмилалӣ “забони тоҷикӣ” дар Тоҷикистон эълон шуд, дар арафаи ин чорабинӣ як қатор чорабиниҳои фарҳангӣ-илмӣ баргузор гардиданд. Шарикони асосӣ дар гузаронидани ин чорабиниҳо Вазорати маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон бо Донишгоҳи (Славянӣ) Россия-Тоҷикистон, Маркази илмӣ Русия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, Шӯрои Ҷамоҳангсозии Русия ва Ҷамъияти Пушкин дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоб мераванд.

Тақвияти мавқеи забони русӣ ва омӯзиши он дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва ҷаҳон тавассути таъсис додани Фонди Русия (аз 21-уми июни соли 2007) бо фармони Президенти Федератсияи Русия, ки лоиҳаи таъсиси шабакаи марказҳои Русияро бо номи «Русский мир» оғоз намуд, мусоидат менамояд. Пешниҳоди расмӣ фонд 3-уми ноябри соли 2007, гузаронида шуд [9]. Фаъолияти ин марказҳо барои ҳифзи фарогирӣ ва паҳн кардани забони русӣ ва фарҳангӣ рус равона шудааст.

Моҳи апрели соли 2008, директори барномаҳои ИДМ ва фонди «Русский мир», Максим Мейер ба Ҷумҳурии Тоҷикистон барои ифтитоҳи марказҳои Русия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ташриф оварданд.

Дар натиҷа марказҳои омӯзиши забони русӣ аз ҷониби фонди «Русский мир» бо номи "World Russia" дар як қатор донишгоҳҳои пойтахт кушода шуданд. Ба таври мисол, 10-уми июни соли 2008 дар шаҳри Душанбе ифтитоҳи аввалин маркази фонди «Русский мир» дар Донишқадаи давлатии забонҳои Тоҷикистон баноми С. Улуғзода ва 18-уми сентябри ҳамон сол маркази он дар Донишгоҳи (Славянӣ) Россия-Тоҷикистон таъсис дода шуд. Моҳи октябри соли 2008 бошад дар Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни маркази сеюми Фонди «Русский мир» кушода шуд.[10]

Маркази бунёди фонди «Русский мир» на танҳо дар ҷумҳурӣ, балки дар кишварҳои ИДМ ва ҷаҳон низ фаъолият дорад. Ин фонд барои анҷом додани вазифаҳои худ дорои чунин имконот мебошад; аз ҷумла дорои адабиётҳои зиёди таълимию илмӣ, луғатҳо, адабиёти бачагона, барномаҳои таълимӣ, нашриёти ёррирасон (киноклассикӣ, китобҳои аудиоӣ, роҳнамоҳои омӯзиши электронӣ), барномаҳои таълимӣ, ки дар ҳаҷми калон бо забони русӣ пешниҳоди истифодабарандагон мегардад. Инчунин дорои як қатор имконоти дигар ба мисли, кор ба нақшаи марказҳои дигари «Русский мир» дар кишварҳои ИДМ ва иштирок дар намоишгоҳҳо, семинарҳо, мулоқотҳо, курсҳои забони русӣ ва ғайра мебошад.

Бояд қайд кард, ки фонди омӯзиши забони русӣ дар Тоҷикистон ҳадафаш на танҳо ҷалби забони русӣ, балки барои омӯзиши забони тоҷикӣ дар донишгоҳҳои Русия низ мусоидат менамояд. Дар ин замина шӯъбаи таърихи Институти тадқиқоти Осиё ва Африқои Донишгоҳи давлатии Москва (МГУ) дар соли 2009 як зумра донишҷӯёни курси 2-юм, ба мисли И. Рыскаль, Д.Еремеева, Д.Нафиков, Е.Соловьев ва ғайраро, барои омӯзиши забони тоҷикӣ, ба сифати забонӣ хориҷӣ омӯзанд, ба роҳ гузошт.

Дар соҳаи маориф тарбияи ҷавонон ҳамеша яке аз ҷойҳои калиди мебошад. Дар ин замина бо ташаббуси сафорати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар Федератсияи Русия дар якҷоягӣ бо диаспораҳои Тоҷикистон дар Россия ба монанди «Осмон» дар Москва мизи мудаввар дар мавзӯи «Национальные традиции Таджикистана и России как фактор воспитания молодежи», баргузор гардид. [11] Дар мизи мудаввар асосан аз ҷониби намоёндагони диаспораҳои тоҷик, муаллимони тоҷик ва хатмкунандагони мактабҳои забони русӣ дар шаҳри Душанбе ва тоҷиконе, ки дар шаҳрҳо ва минтақаҳои Федератсияи Россия қору фаъолият доранд, иштирок намуданд, ки дар қори он мутахассисони муассисаҳои илмӣ ва таълимии Москва низ бо далелҳои ҷолиб ва андешаҳои хуб оиди зарурати беҳтар намудани тарбияи ҷавонон ба манфиатҳои ҳар ду кишвар суҳанронӣ намуданд.

Дар ин мулоқот, ки муносибатҳои дӯстона ва башардӯстонаи Тоҷикистону Русия ва имконияти истифодаи таҷрибаи мавҷуда дар тарбияи ҷавонон дар рӯҳияи бародарӣ ва дӯстӣ ибразӣ андеша карда шуд, далели дӯстиву ҳамкориҳои васеи Тоҷикистону Русияро дар марҳалаи навин нишон медиҳад.

Дар ҳамкорӣ дар соҳаи таҳсилоти ду кишвар омӯзиши кадрҳо дар муассисаҳои олии таълимии Русия, расонидани кӯмаки таълимӣ ва методологии муассисаҳои таълимӣ дар Тоҷикистон низ ба назар мерасад.

Бо ин мақсад аз тарафи Сафорати Русия дар ҚТ, дар Донишгоҳи Славянии Русия ва Тоҷикистон курсҳои кӯтоҳмуддат барои тақмили ихтисоси муаллимони забон ва адабиёти рус ташкил дода шуд. Соли 2006 бо дастгирии молиявии ҷониби Русия курсҳои соҳавӣ дар вилоятҳои Суғд ва Хатлон баргузор карда шуданд. Инчунин, лоиҳаи корҳои тақмили ихтисос дар Вилояти Мухтори Ҷамоати Бадахшон низ ин лоиҳа амали гашт..

Тавре сомонии расмии Вазорати Маориф намунаи дигаре, аз ин ҳамкориҳоро зикр намуда қайд менамояд, ки дар соли 2017 Донишқадаи тақмили ихтисос ва бозомӯзии кормандони соҳаи маориф бо 8 донишгоҳи оли, муассисаҳои тақмили ихтисоси Россия шартномаҳои ҳамкорӣ дар баҳши тақмили ихтисос ва тайёр кардани кадрҳо, ба имзо расониданд.[12]

Ҳамзамон вазири корҳои хориҷии Россия, Сергей Лавров дар сафари кориашон ба Тоҷикистон дар соли ҷорӣ, қайд намуданд, ки; “Ҳоло таввҷуҳи бештар ба таҳсилоти миёна ба забони русӣ зоҳир мегардад. Дар заминаи созишномаи роҳбарони ин ду кишвар дар Тоҷикистон беш аз 50 нафар муаллимони забони русӣ, физика, химия, математика, биология ва информатика дар Тоҷикистон фаъолият карда истодаанд ва ба пешрафти низомии таълимии Тоҷикистон дар асоси меъёрҳои Россия кӯмак мерасонанд. [13]

Агар ба паҳлуҳои муфиди дигаре аз ҳамкориҳо миёни Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия назар афканем, имрӯзҳо ҷавонони тоҷик дар зинаҳои гуногуни таҳсил, аз ҷумла донишҷӯён, аспирантҳо ва докторантҳо дар донишгоҳҳои гуногуни шаҳрҳои Россия ба мисли Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Владимир, Тула ва ғайра таҳсили илм карда истодаанд. Муфасаллтар дар ин бора метавон, аз суханронии Пешвои миллат, Эмомали Раҳмон дар кушодашавии бинои нави Донишгоҳи (славяни) Русияву Тоҷикистон иқтибос овард, ки ба таври зайл аст: “*Ҷавонони Тоҷикистон ҳамасола барои таҳсил ба Русия фиристода мешаванд, имрӯз дар макотиби олии Русия беш аз бист ҳазор шахравандони мо, аз ҷумла понздаҳ ҳазор дар асоси квота, таҳсил мекунанд*”. [14]

Барои дастгирӣ ва ҳамгироии ҷавонон ва донишҷӯён аз Ҷумҳурии Тоҷикистон воқеъ дар Федератсияи Россия бо ташаббуси Иттиҳоди Русия ва Тоҷикистон соли 2009 “Кумитаи донишҷӯён ва ҷавонон” таъсис дода шудааст. Мақсад ва вазифаи ин кумита муттаҳид намудани тамоми донишҷӯёни тоҷикро ки дар манотиқи гуногуни Россия таҳсил мекунанд, мебошад. Ҳамзамон кумита дар назди худ вазифаҳои зеринро низ анҷом медиҳад. Аз қабилӣ:

- гузаронидани конференсҳо, мизҳои мудаввар, семинарҳо оид ба мавзӯҳои марбут ба ҷавонон ва шиносии ҷавонон бо халқҳои дигари дар қаламрави Федератсияи Россия буда, ва ба онҳо шинос намудани таърих ва анъанаҳои халқи тоҷик;

- додани иттилоот дар бораи чорабиниҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва гузаронидани чорабиниҳои фарҳангӣ ва таълимӣ барои муттаҳид шудан ва аз ҳоли яқдигар хабардор будан;

- таъмини иттилооти зарурӣ ва кӯмак ба донишҷӯён;

Инчунин бо ташаббуси донишҷӯён ва ҷавонони ҚТ, ки дар шаҳрҳои Русия, таҳсил ё истиқомат мекунанд, идҳои Соли нав ва дигар идҳои ба миллати рус хос ва ғайра, ҳамчун идҳои дӯстии байни миллатҳо дар сатҳи баландӣ ҳамдигарфаҳмӣ чашн гирифта мешаванд.

Ҳамин тариқ, байни Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон муносибатҳои соҳаи маориф дар соҳаи ҳамкориҳои гуманитарӣ байни ду давлат ҷойгиранд.

Россия дар майдони илмии Тоҷикистон ягона шарикӣ хориҷеаст, ки нақши асосиро дорад, дурнамои ин шарикӣ нишон медиҳад, ки агар Русия фаъолиятҳои дучанд накунад, дар ин майдон нақши асосиро аз даст хоҳад дод. Чи гунае, ки худи Сафири Россия дар Тоҷикистон, Игор Лякин Фролов гуфта буд, ки: “*Забони русӣ дар Тоҷикистон ҷойгоҳашро аз даст медиҳад, агар дар ин самт чораҳои зарури андешида нашавад вазъият аз ин ҳам бадтар хоҳад шуд*”. [15]

АДАБИЁТ

1. Саидов, З., Внешняя политика Республики Таджикистан. (монография) / З. Саидов // Душанбе: Авасто. 2006. 559 с.
2. Договор о союзническом взаимодействии между РФ и РТ, ориентированном в XXI век, 16.04.1999, (манбаи электронӣ) *санаи истифодабарӣ:* 14.03.2019) http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-214/46938_
3. Пирумшоев, Х., Россия - Таджикистан: история взаимоотношений. (монография) / Х. Пирумшоев, М. Маликов // Душанбе. 2009. 677 с.
4. Договор о союзническом взаимодействии между РФ и РТ, ориентированном в XXI век, 16.04.1999, (манбаи электронӣ) *(санаи истифодабарӣ:* 14.03.2019) http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-214/46938

5. Мулоқот бо Дмитрий Медведев дар вилояти Твер, 2009, 24-феврал (манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 23.03.2019*) www.president.tj/node/460
6. Суҳанронӣ ба муносибати ифтиҳохи филиали Донишгоҳи давлатии Маскав ба номи М.В.Ломоносов дар шаҳри Душанбе, 01.07.2010, <http://www.president.tj/node/1819> (манбаи электронӣ), санаи истифодабарӣ: 23.03.2019)
7. Ифтиҳохи филиали МИСиС дар шаҳри Душанбе 17.04.2012 (манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 23.03.2019*) www.president.tj/node/869
8. Сафаров, С.Г. Рука об руку с Россией / .(монография) С.Г.Гафуров.- М., 2006. 239 с.
9. Фонд “Русский мир” создан во исполнение Указа Президента РФ, В.В. Путин от 21 июня 2007 года.(манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 01.04.2019*) www.russkiymir.ru/fund
10. Каталог Русских Центров, Таджикистан, (манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 01.04.2019*) www.russkiymir.ru/rucentr/catalogue.php
11. История таджикского народа. Новейшая история (1941-2010 гг.) Т. VI. Душанбе, 2011. Под общ. ред. акад. Р.М.Масова. 687с..(монография)
12. Такмили ихтисос: шартномаҳо ба имзо расиданд. 2017, 26-октябр, (манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 03.04.2019*) www.maorif.tj/akhborot/takmili-ihstis
13. Сергей Лавров: “Россия таваҷҷуҳи бегаъйири Тоҷикистонро нисбат ба нигоҳдоштани мавқеи забони русӣ кадр мекунад” 2019, 5-феврал.(манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 03.04.2019*) www.khovar.tj/2019/02/sergej-lavrov
14. Суҳанрони дар маросими ифтиҳохи бинои нави таълимии Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон, 2016, 30-август, (манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 05.04.2019*) www.president.tj/node/12872
15. Лякин-Фролов; русский язык теряет позиции в Таджикистане 2017, 29-август. (манбаи электронӣ) (*санаи истифодабарӣ: 05.04.2019*) www.sputniknews.ru

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦЕНТРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА (1991-2017 гг.)

В статье даны краткие сведения о приоритетах в отношениях между Таджикистаном и Российской Федерацией в сфере образования. Наше исследование показывает, что существуют много возможностей для сотрудничества между двумя странами, несмотря на существующие в настоящее время трудности и недостатки. В начале независимости Российской Федерации было дано много обещаний странам Центральной Азии, и России необходимо не игнорировать и она должна активизировать свою поддержку.

Таджикистан и Россия сотрудничают в области образования, и науки в годы независимости, несмотря на некоторые проблемы, успешно и эффективно, что служит залогом дальнейшего развития дружбы и взаимовыгодного сотрудничества между народами Таджикистана и России.

Важную роль в решении этих гуманитарных задач также могут сыграть в условиях глобальных рисков и опасностей, таких как терроризм и экстремизм, особенно на постсоветском пространстве в том числе и Таджикистан. Только при содействии Российской Федерации СНГ смогут сохранить свой научный, культурный и интеллектуальный потенциал в контексте сегодняшних основных политических игроков и глобальных угроз.

Ключевые слова: *Таджикистан, Россия, взаимоотношения, образования, наука, университет, посольство, договор, русский язык, таджикский язык, студент.*

EDUCATION AT THE CENTER OF COOPERATION OF RUSSIA AND TAJIKISTAN (1991-2017)

The article provides brief information on priorities in relations between Tajikistan and the Russian Federation in the field of education. Our study shows that there are many opportunities for cooperation between the two countries, despite the current difficulties and shortcomings. At the beginning of the independence of the Russian Federation, many promises were made to the countries of Central Asia, and Russia should not be ignored and it should increase its support.

Tajikistan and Russia cooperate in the field of education and science in the years of independence, despite some problems, successfully and efficiently, which serves as a guarantee of the further development of friendship and mutually beneficial cooperation between the peoples of Tajikistan and Russia.

An important role in solving these humanitarian tasks can also play in the context of global risks and dangers such as terrorism and extremism, especially in the post-Soviet space, including Tajikistan. Only with the assistance of the Russian Federation, the CIS will be able to preserve their scientific, cultural and

intellectual potential in the context of today's main political players and global threats.

Keywords: *Tajikistan, Russia, relationship, education, science, university, russian language, tajik language, embassy, contract, student.*

Сведения об авторах:

Назаров Бахриддин - магистрант, Таджикского национального университета. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17. E-mail: bahriddinn1995@mail.ru. Телефон: (+992) 918 44 03 73.

Мунавварова Тамара Зокировна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран, Таджикский национальный университет. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 17. Телефон: (+992) 987786455

About author:

Nazarov Bahriddin – master science (magistr) Historic faculty of Tajik National University. Address: 734025, Republic of Tajikistan. Dushanbe, Prospect Rudaki, 17, E-mail: bahriddinn1995@mail.ru. Phone: (+992) 918 44 03 73.

Munavvarova Tamara Zokirovna - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of New and Newest History of Foreign Countries, Tajik National University.. Address: 734025, Republic of Tajikistan. Dushanbe, Prospect Rudaki, 17, Phone: (+992) 987786455.

УДК: 94 (575.3)

НАЗАРЕ БА ҲАРАКАТИ БОСМАЧИГАРӢ ДАР ТАЪРИХНИГОРИИ ВАТАНИ

Мирзоев Ф.А.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С.Айнӣ

Имрӯз дар матбуоти даврӣ ва таърихнигории ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна, аз ҷумла дар Тоҷикистон масъалаи ҳаракати босмачигарӣ мавриди баҳс қарор дорад. Аксаран муаррихон аъзои ҳаракати мазкурро чун душмани қаттолӣ ғоратгари халқ ҳисоб намоянд, бархе бо ном «таърихшиносон»-и замони истиқлол онҳоро мардони шучоъу далер ва боору номуси миллат меҳисобанд. Гӯё онҳо ҳомиёни арзишҳои миллӣ буда, барои ҳифзи марзу буми ватан бар зидди аҷнабиён муборизаи беамон бурда бошанд. Гурӯҳи сеюм бар ин ақиданд, ки онҳо танҳо барои нигоҳдошти сарвату манфиати худ саъю талош намудаанд.

Академик Мулло Эркаев аввалин шуда, дар таърихнигории ватанӣ рафти ҷанги шаҳрвандиро дар ҳудуди Тоҷикистон таҳлил намудааст. Ӯ тамоми ҳаводиси ҳамонвақтаро бараъло дар мақолаҳо ва асарҳои худ инъикос намуда, ҳадаф, мақсад ва ба манфиати кӣ фаъолият намудани босмачиёро шарҳ додааст.

Мафҳуми босмач урфу одати ханӯз тоинкилобӣ ба ҳисоб мерафт. Синфи ҳуқумрони тоинкилобӣ ҳаракати босмачигариро баромадҳои стихиявӣ деҳқонон меномиданд, ки дар натиҷаи андозҳои вазнин хоҷагиҳои худро аз даст медоданд ва барои ишғоли дорони бойҳо, тоҷирон ва мансабдорон талош намуда, онро ба камбағалон тақсим менамуданд. Чунин маълумотҳои тоинкилобӣ дар қисме аз вилоятҳои Осиёи Миёна ба назар мерасид.[1.с.267.] Шакли дигари босмачигарӣ низ маълум буд. Дар Осиёи Миёна дастаҳои ҷинояткорон амал мекарданд, ки ҳокимияти шохӣ ва дастпарварони маҳаллӣ онҳоро барои пахш намудани баромадҳои инкилобии деҳқонон истифода менамуданд. Яке аз чунин дастаҳо дар ноҳияи Лақай бо сардори падари Иброҳимбек Чақабой арзи вучуд дошт, ки ӯ дар пахш намудани ошӯби соли 1870 деҳқонон дар Шаҳринав иштирок намудааст, ки барои ин фаъолиятш амир ба ӯ унвони мирохӯрро дод. Инчунин дастаи босмачиёни Чақабой дар пахш намудани шуриши деҳқонон бо сардори Восе соли 1885 иштирок намудааст.[1.с.269.] «Босмач» - калимаи туркии «босмоқчӣ» буда, аз асри XVI маълум аст. «Босмачӣ» гуфта, ғоратгар, торочгар, роҳзанро мегуфтанд.[4] Пас маълум мегардад, ки саркардагони дастаҳои босмачигарӣ мансабдорони амирӣ, муллоҳо, эшонон ва дуздону ғоратгарон буданд, ки онҳо миёни аҳолии хурофоти диниро пахш намуда, аҳолиро бар зидди барпошавии Ҳокимияти Шуравӣ равона месохтанд ва нафароне, ки сохти навро дастгирӣ мекарданд кофир эълон менамуданд. Аз ин рӯ қисми зиёди аҳоли аз надоштани дониши кофӣ ва қисми дигараш бошад маҷбуран ба дастаҳои босмачиҳо ҳамроҳ карда мешуд. Масалан, Абдуназар – Мерган дар масъалаи ҳамроҳшавии худ ба дастаи босмачиён чунин қайд намудааст. «Ман деҳқони камбағал будам, ки як барзагов, ду асп ва панҷ буз доштам. Ҳосили чамбӯвардаи солони ман аз замин оилаи калони манро таъмин карда

наметавонист, ки ба ин ман қаноат менамудам. Инчунин ман боз нишонгири хуб низ будам, ки ин маро ҳалок намуд. Қурбошӣ намояндагони худро ба назди ман равон намуд, ки бояд ба дастаи босмачиён ҳамчун нишонгир ҳамроҳ шавам. Ба наздаш нарафта, ҷавоб додам, ки ман танҳо ҳайвонҳоро қатл менамоем на инсонро. Бегоҳ бошад ба наздам аз номи қурбошӣ эшони машхур омада, боварӣ ҳосил кунонд, ки ба назди босмачиён равам. Ёдам ба ҳаст, ки дар баромади худ дар назди аҳолии деҳа эшон бо чунин суханон баромад намуд. Ҳар зарраи нон, ҳар як тангае, ки дар мубориза зидди ҷадидон истифода менамояд дарҳои биҳиштро бароятон боз менамояд. Агар хун резонед дар ин роҳи муқаддас шаҳид мегардед ва қабри Шумо ҷои ибодати мусулмонон хоҳад гардид. Бо ин қорнамоии худ натавонӣ тамоми хонаводаи худ балки ҳешовандони худро ба ҷаннат хоҳӣ бурд». Аммо ман онро гуш накарда, ба муддати чанд рӯз ба шикор баромадам. Дар он ҷо ман фаҳмидам, ки оила ва ҳайвонҳои хонаи манро ба назди қурбошӣ бурдаанд. Ба кӯмаки онҳо рафта аз он сӯ босмачӣ баргаштам.» [1. с.277.]

Аммо имрӯзҳо дар матбуоти даврӣ нисбати босмачигарӣ бархе аз навқаламони аз ҳақиқати таърихӣ ноогоҳ баҳои дигар дода, онҳоро баъзан қаҳрамон, ҳимояткунандаи ватан, марзу буму шаҳрвандон мешуморанд.

Ба зиндагиномаи бархе аз саркардагони босмачиҳо ва ҳамроҳони онҳо назар намоем, аксари онҳо ғоратгар буда, ба онҳо дуздону роҳзанон ва қотилон пайваст мешуданд, ки ҷанбаи ғоратгаронаву дуздона ва қушторҳои бераҳмона доштанд, ки ин амалиёти босмачигарию дар минтақа боз ҳам тақвият додааст.

Яке аз чунин нафарон Иброҳимбек мебошад, ки ҳатто дар арафа ва давраи ҷанги шаҳрвандӣ дар худуди Тоҷикистони марказӣ ва ҷанубӣ ба бедодгарӣ машғул буд.

Иброҳим Чақабой зиндагии тира дошта, доимо ба роҳзанӣ ва ғоратгарӣ миёни аҳоли даст дошт. Падари Иброҳимбек Чақабой бо лақаби «қалмо-дузд», амалдори амир аз қишлоқи Кӯктош бар ивази ришваи қалон писарашро ба мансаби юзбошии кӯшуни амир молик гардонд. Иброҳимбек боварии амир Олимхонро ба даст оварда, сардори дастаи посбонони дарбор гардид. Иброҳимбек аз боварии амир истифода намуда, рӯзе ба ҳарамсарои амир баҳри дидори завҷаи ӯ, ки духтари дувоздаҳсолаи беки Ҳисор Авлиёкулихон буд, ворид шуд. Аз қори Иброҳим амир ба ҳашм омада, ӯро ба қатл ҳуқум намуд. Вале ӯ фирор намуда, дар Лақай-ноҳияи кӯҳии Бухорои Шарқӣ пинҳон гардид. [6] Ӯ дар ин минтақа дастаи роҳзанонро ҷамъ намуда, ба қорвонҳо, деҳаҳо ва мавзъҳои наздисарҳадии Афғонистон ҳамлаҳои ғоратгарона менамуд. Абдурашидбӣ ҳокими ноҳияи Лақай, бошад нисфи амволи ғоратгардаи ӯро соҳиб мешуд ва аз ин рӯ ба муқобили вай мубориза намебурд. Дар натиҷаи инқилоби халқӣ ва фирори амир аз Бухоро ба ӯ қувваи ҷангӣ лозим омад. Аз ин рӯ, гуноҳи Иброҳимро авф намуда, ба ӯ унвони фахрии бекро дод, минбаъд ӯ Иброҳимбек шуда, сардори қушуни худ бо ном «қушуни ислом» таъйин намуд. [6.] Ҳамин тарик, писари аспдузд, қурбошии дастаи роҳзанон, шахси барҷастаи сиёсӣ гардид. Дар солҳои аввали ҷанги шаҳрвандӣ дастаҳои Иброҳимбек барои мавҷудияти Ҳокимити Шӯравӣ хавфноктарин қувва на танҳо дар Тоҷикистони марказӣ, балки қариб дар тамоми Бухорои Шарқӣ ба ҳисоб мерафт. [2. с. 74.]

Барои паҳш намудани ҳаракати зиддишӯравии ин мулкҳои қисмҳои асосии аскарони сурхи дар тамоми мулкҳои Бухорои Шарқӣ буда сафарбар карда шуданд. [3. с. 44.]

Аввали моҳи августи соли 1921 бо ташаббуси намояндаи фавқуллодаи ЦХШ Бухоро дар Бухорои Шарқӣ Ато Ҳоҷаев (Атохоҷа Пӯлодхоҷаев) оид ба мусолиҳаи миллӣ кӯшиши ҷиддӣ шуруъ намуд. Аммо Иброҳимбек, Фузайл Махсум ва дигарон аз ҳар гуна музокира бо намояндагони тартиботи нав даст кашиданд. Яке аз шартҳои ин шартнома бо розигии Ато Ҳоҷаев ба ихтиёри қувваҳои зиддишӯравӣ супоридани 12 нафар фаёлони маҳаллӣ, ки ба аскарони сурх хизмат мерасонданд, буд. Босмачиён бошанд 6 нафари он фаёлонро дар вақти идомаи гуфтушуниди тарафайн қатл карданд, ки ин боиси қатъ гардидани шартнома миёни ҳукумати нав ва қувваҳои зиддишӯравӣ гардид. [3.с.44.] Аз гуфтаҳои боло бар меояд, ки саркардагони зиддишӯравӣ ба ягон гуфтушунид розӣ набуда, танҳо манфиати шахсии худ ва хоҷагони хориҷии худро доштаанд.

Иброҳимбек тӯли 10 сол (солҳои 1921-1931) ба бедодгарӣ, торочгарӣ машғул буда, борҳо ба Афғонистон гурехта, боз баргашта, муборизаро давом медод ва ниҳоят соли 1931 дастгир шуда, бо қарори суд парронда шуд. [1, с.267.] Дар чунин ҳолат чи гуна Иброҳимбекро ҳимоятгари халқу ватан ҳисобид.

Босмачигарӣ нишони эътирози синфӣ на халқи оддӣ ё худ нодору қашшоқ, балки боёну сарватмандони маҳаллӣ ва рӯҳониёни иртиҷой, аз ҳама асоси туркпарастон алайҳи соҳти нави давлатдорӣ Шӯравӣ буд. Асоси ғоявии босмачиёноро заминдорону мақомдорони амирию хонигарӣ ташкил медоданд, ки инқилоби нави сиёсӣ маданӣ онҳоро аз бойгарии худ маҳрум карда буд.

Хулоса дар яке аз шумораҳои рӯзномаи «Фараж» дар масъалаи сафед кардан ё накардани

босмачиҳо сухан рафт академик Раҳим Масов чунин қайд намудааст: «Босмачиҳо роҳзани беҳадаф буданд. Мо набояд босмачиҳоро сафед кунем. Босмачиҳо барои ватану халқи худ ҷанг намекарданд. Онҳо барои нафси ҳудашон ҷанг мекарданд. Тамом!» [5.]

АДАБИЁТ

1. Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1971. С. 267.
2. Иркаев М., Ю Николаев., Шаропов Я. Очерк истории советского Таджикистана (1917-1957). - Таджикистосиздат. Сталинабад 1957. С. 74.
3. Куйбышев В.В. Положение в Бухаре. Ниг.: Д. Фаньян. К истории советского строительства в Таджикистане 1920-1929 гг. Сборник документов. Сталинабад, 1941, с. 44.
4. Акрами Зикриё Иномзода. Босмачигарӣ: воқеият ва таҳайюлот. Муаррих. № 4(16) 2018.
5. www. Faraj. tj. Санаи мурочиат 17-04-2015.
6. www. Faraj. tj. Санаи мурочиат 15-04-2016.

ВЗГЛЯД НА БАСМАЧИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается роль басмаческого движения в государственной историографии. Сегодня в историографии стран Средней Азии, в том числе и в Таджикистане проблемы басмаческого движения является актуальным. Некоторые историки считают врагом народа членов данного движения и некоторые наоборот считают их смелыми личностями родины за то что они смело боролись против врагов для защиты родной земли. Другие считают, что они старались только ради своей выгоды.

«Басмач»- от турецкого слова «басмакчи», существует с XVI века. «Басмачи» эти воры, разбойники. Из этого выходит, что основателями басмачества были должностные лица эмиров, муллы, шейхи и воры которые распространили религиозные идеи среди населения против Советского Правительства. Басмачество не продвигалась со стороны простого и бедного народа, а это была идея богатых, местных землевладельцев, которые были против новой Советской государственности. Основным классом басмачи были землевладельцы и руководители эмиров и ханств, которые лишились своего богатства после новой политической революции.

Ключевые слова: Историограф, басмачества, разбойник, воровство, Ибрагимбек, Фузайл Махсум, война, сопротивление, родина, солдат, народ, Бухара, Советское правительство, Таджикистан, Афганистан.

A SIGHT TO BASMACHI MOVEMENT IN A NATIONAL HISTORIOGRAPHY

The article deals about the role of basmachies in a national historiography. Nowadays there are in historiography of Central Asian countries, and also in Tajikistan the problem of basmachi movement is very actual. Some of the researchers on that opinion that the members of this movement are the enemies of the people, some of them consider that they were the brave and strong individuals who fought against the enemies for defense of the nation. But some of them on an opinion that they tried just for their own benefits.

«Basmach»- becomes from a Turkish word «basmakchi», from the XVI-th century. «Basmachies» are the burglars. Here we can do a conclusion that the leaders of basmachies were the emirs, mullah and other thief's who which populated the religious ideas between people against the Soviet government. The main class of basmachies were the rich leaders and land owners, emirs and khans who would lose their wealth after the political revolution.

Keywords: historiography, basmachees , burglar, Ibragimbek, Fuzayl Makhsum, war, resistance, nation, soldier, Bukhara, Soviet government, Tajikistan, Afghsnistan.

Сведения об авторе:

Мирзоев Фарход Абдурахмонович - Соискатель кафедры истории таджикского народа факультета Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни.

About the author:

Mirzoev Farhod Abdurahmonovich - The researcher of the department of history of Tajik nation of the Tajik State Pedagogical University named after Sadriiddin Aini.

ҲАЁТ ВА ҶАЪОЛИЯТИ ИЛМИИ ПРОФЕССОР И.И. ЗАРУБИН

Дарвозиева Ҳ.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Иван Иванович Зарубин 10-октябри соли 1887 Петербург (тибқи сарчашмаҳои дигар дар шаҳри Симферопол дар оилаи духтур ба дунё омадааст [1, с.13]. Маълумоти миёнаро дар гимназияҳои Одесса ва Петербург гирифта, дар соли 1907 ба Донишгоҳи Петербург шомил шуда, дар як вақт дар ду факултет – таърих-филология ва ҳуқуқ таҳсил мекард. Аммо соли 1910 дар баромадҳои инқилобии донишҷӯён иштирок намуда, аз ҷониби маъмури интизомӣ дастгир гардида, ӯро аз донишгоҳ хорич намуданд. Баъдтар, қайд менамояд В. С. Расторгуева, ӯ дар Донишгоҳи Харьков ба тариқи экстернат соҳиби дипломи ҳуқуқшиносӣ гардидааст.

Аз соли 1900 дар вазифаи мутахассис ва аз соли 1918 бошад И.И. Зарубин мудирӣ шуд баи халқҳои мусулмонони Осиёи Миёнаи Осорхонаи антропология ва этнографияи Институти этнографияи Академияи илмҳои ИЧШС ҷаъолият намудааст. Дар ин шӯба он вақт шарқшиносони маъруф В.В. Радлов, Л. Я. Штернберг, В. В. Бартолд, С. Ф. Олденбург ва ғайра ҷаъолият мекарданд. Дар ин муддат Зарубини ҷавон бо шахсиятҳои мазкур аз наздик шинос шуда, тамоми нозуқиҳои илми эроншиносиро аз худ намуд [5, с.140].

И.И. Зарубин пас аз ин дар ҷоддаи эроншиносӣ ба омӯзиши забонҳои эронӣ, этнографияи тоҷикон, фолклор ва осорхонашиносӣ машғур гашт. ӯ дар таърихи забоншиносии эронӣ баъди А.Е. Снесарев дуҷумин шуда оид ба забони ванҷӣ маълумот дод [4, с.190]. Асару мақолоти ӯ оид ба забонҳои бартангӣ, рушонӣ, шугнонӣ, вахонӣ ва балучӣ хеле машхуранд.

Дар овони донишҷӯиаш И.И. Зарубин таҳти роҳбарии этнографони машхури рус Лев Яковлевич Штернберг дар экспедитсияи этнографияи Шарқи Дур иштирок карда буд. ӯ дар пеши худ мақсад гузошт, ки мутахассиси варзида оид ба халқҳои Сибир шавад. Аммо Штернберг Зарубинро тавсия дод, ки бо олими машхури Франция Ф. Р. Гото ба Осиёи Миёна сафар кунад [3, с.7]. Сафари онҳо ба Осиёи Миёна соли 1914 шурӯъ гардид.

Ф.Р. Гото яке аз мутахассисони барҷастае буд, ки забонҳои шарқиро хуб медонист. Пеш аз Ҷанги якуми ҷаҳонӣ дар мактабҳои махсуси таърих ба ҳайси ёрдამчиӣ директор оид ба тадқиқоти забонҳои эронии Осиёи Миёна кор мекард.

Мӯҳлати экспедитсия аз 1 май то 1 сентябри соли 1914 муайян карда шуда буд. Аъзои экспедитсия аз комитет хоҳиш карданд, ки барои омӯхтани аҳолии Помир, мӯҳлати онро аз ин ҳам дарозтар кунанд. Роҳбари экспидитсия шарқшинос ва эроншиноси машхури Франция Роберт Гото таъйин гардид.

30 июни соли 1914 экспедитсия ба водии Бартанги Рушон расид. Ҷангоми экспедитсия И. И. Зарубин ҳамчун олими хеле дақиқназару кунҷоқ ба ҳар як ҷузъиёт диққати ҷиддӣ меод. Ф. Р.Гото ва Зарубин аз Хоруғ ба Рушон сафарро идома доданд ва дар он ҷо як рӯз ба хотири харидани ашёҳо барои Осорхонаи антропологи ва этнографияи Академия императории илмҳои Россия монданд. Тибқи маълумоти этнографҳо Э.Г. Гафферберг ва Н. А. Кисляков И. И. Зарубин дар рафти ин сафар барои осорхонаи этнографӣ ва антропологи зиёда аз 450 нигора (экспонат) ба монанди либосворӣ, суратҳо, пойафзол, ашёҳои зиндагӣ ва нигораҳои дигари ноёфтӣ аз Помир ҷамъ намудааст. Ин нигораҳо имрӯз ҳам дар осорхонаи мазкур маҳфузанд. Роҳи минбаъдаи тадқиқотчиён, ки аз кӯҳсор мегузашт, ба самти Язғулом ва Ванҷ буд. Онҳо тариқи Язғулому Ванҷ 13-уми август ба Қалъаи-Хумб расиданд. Роҳро идома дода, дар таърихи 24-уми август ба Исфара ва 31-уми августи соли 1914 ба Тошканд расиданд, ки аз он ҷо роҳи охани Осиёи Миёна мегузашт. Дар Тошканд онҳо бо шарқшиноси дигари машхури русу Шӯравӣ А. А. Семёнов вохӯрӣ доир намуданд [5, с.141].

Сафари нахустини илмии И.И. Зарубин ба Осиёи Миёна натиҷаи хеле муҳим дод. Помиршиносии Зарубин аз ин экспедитсияи этнографияи забоншиносӣ оғоз ёфт. Ба Гото ва Зарубин муяссар гашт, ки мавод ва нигораҳои хеле зиёди қиммати калони илмидоштаро ҷамъоварӣ намоянд. И.И. Зарубин оид ба натиҷаи ин экспедитсия чанд асарро ҷоп намуд. Тобистони соли 1915 И.И. Зарубин боз ба Помир сафар намуд, ки он сол давом мекунад. Ин дафъа ӯ асосан дар бораи зиндагӣ маишат, урфу одат ва идҳою ҷашнҳои мардуми Помир маълумот ҷамъ меорад.

Ҷамин тавр, аввали моҳи майи соли 1915 И. И. Зарубин аз тарафи «Комитети Русиячиӣ барои омӯхтани Осиёи Марказӣ ва Шарқӣ» аз Петроград ба Тошканд омад ва аз он ҷо ба Помир сафарбар шуд. Ин сафар 15-18 моҳ боёд давом мекард.

Ин дафъа Иван Иванович Зарубин дар Помир 1 сол монда, забон ва зиндагии мардуми минтақаро бо тамоми нозуқиҳои омӯхт. ӯ забонҳои вахонӣ, ишкошими, рушонӣ (бо шеваҳои бартангӣ, хуфӣ, рошорвӣ) шугнонӣ, язғуломиро омӯхтааст.

Бештари таҳқиқоти этнографии Иван Иванович Зарубин дар Помири Ғарбӣ сурат гирифтаанд. Дар рафти сафари мазкураш ӯ бисёр мачмӯаи ашӯҳои зиндагӣ ва фарҳангии тоҷикони Помиро чамъ намуда, дар баробари онҳо суратҳои зиёдро низ ба Осорхонаи Осӣи Марказӣ супорид.

Соли 1916 Иван Иванович Зарубин мақолаи хурро бо номи «Попӯши тоҷикони кӯхистони водии Бартанг», ки дар он оид ба попӯшҳои чармӣ «Пех-чорук» ва тарзи духтани онҳо маълумот додааст [1, с.12-18]

Иван Иванович Зарубин ба ғайр аз омӯхтани забон ва зиндагии мардуми Помир, ба ёдгориҳои таърихӣ минтақа диққати махсус додааст. Ӯ маълумот медиҳад, ки дар деҳаҳои Бартанги боло боқимондаҳои қалъаҳо мавҷуд мебошанд. Ҳамин тавр, дар асарҳои ӯ оид ба қалъаҳои Кара-Қурған, Нусурқалъа, Тош-Қурғон, Рошорв, Қалъаи Вамар ва ғайраҳо, ки дар ҳар кадоми онҳо махфигоҳи доирашакл ё чоркунҷашакл вучуд дорад, ки дар он ҷо сипоҳиён пинҳон шуда будаанд, маълумот дода шудааст. Ӯ ба тарзи сохти меъмории онҳо диққати махсус дод. Олим ба ғори дар назди деҳаи Сипонҷ мавҷуд буда, ки истиқоматгоҳи пешин ё гурезагон аз он истифода мекарданд, диққати махсус дод ва дар бораи он маълумот медиҳад. Соли 1917 Иван Иванович Зарубин асари калонҳаҷми хурро чоп намуд, ки, дар он маълумоти этнографии ӯ дар бораи тоҷикони Бартанги Рушон ҷой дода шудаанд [2, с.143].

Иван Иванович Зарубин бо таваққуфҳои начандон калон (с.1914, 1915, 1917, 1923, 1942, 1943) дар Помир ва Душанбе ба чамъ кардани маводи этнолингвистикӣ дар бораи бошандагони Помир ва омода кардани онҳо ба нашр машғул буд. Теъдоди зиёди маводи чамъкардаи олим нашр нашуданд ва то кунун дар бойгонии марказии Россия нигоҳ дошта мешавад. Як қисми камаш дар бойгони Институти гуманитарии А.И. Тоҷикистон ба номи академик Б. Искандаров маҳфузанд. Мавод бойгонии ӯ дар солҳои гуногун аз тарафи олимони зиёд мавриди истифода қарор дода шудаанд.

Фаъолияти педагогии И.И.Зарубин ҳам боиси тавачҷӯх аст. Ӯ дар Институти шарқшиносии (Осӣеимӣнагии) Туркистон (1919-1920), Донишгоҳи забонҳои зиндаи шарқи Петербург (1925-1933), Институти таъриху-лингвистика (1930-1937), курсҳои хурдмиллати халқи Шуравӣ (1932-1933), Донишгоҳи Ленинград(1928-1949), Институти давлатии педагогии ш. Душанбе ҳозира ДДОТ ба номи С. Айни (1942-1944) ба шогирдон дарс додааст. Вай ба тайёр кардани мутахассисон аз байни халқиятҳои эронӣ диққати асосӣ дода, дар наздаш шогирдон аз намояндагони забонҳои эронӣ-тоҷикони форсигӯ, тоҷикони бадахшонӣ осетинҳо, курдҳо, балучиҳо ва татҳо таҳсил карда, як қисмашон дар ҷодаи илм соҳиби дараҷаҳои илмӣ гаштанд. Аз мактаби помиршиносии ӯ олимони маъруф В. С. Расторгуева, В. С. Соколова, А. З. Розенфелд, Р. Х. Додихудоев, Т. Н. Пахалина, А. Л. Грюнберг, Д. К. Карамшоев ва дигарон баҳра гирифтаанд [3, с.8].

Хулоса, меҳнату заҳмати И. И. Зарубин дар ҷодаи эроншиносӣ, баҳусус дар мардумшиносӣ, забоншиносӣ, фолкори Помир ва тайёр кардани мутахассисони соҳаи лингвистикаи тоҷик бебаҳост.

АДАБИЁТ

1. Зарубин И. И. Обув горных таджиков Бартанга. Сборник МАЭ ИМ Петра Великого. Т.3.Пг., 1915. С. 89 – 92.
2. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т., Пг., 1917. С. 97 – 148.
3. Сайнаков. С. Вклад дореволюционных русских исследователей в изучение этнографии Горного Бадахшана (Памира). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 2015. – 206 с.
4. Саркоров С. А. Этнолингвистическая характеристика Рушанцев (по материалам архива И. И. Зарубина). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук СПб., 2006. – 18с.
5. Саркоров С. Этнолингвистическая характеристика Рушанцев (по материалам архива И.И.Зарубина). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб.,2006 – 153с.
6. Стеблин-Коменский И. М. Первое путешествие И. И. Зарубина на Памир Летом 1914г. // Кунсткамера. Этнографические тетради // Вопросы памирской филологии. Вып.4. Душанбе, 1992. С. 21 – 36.

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. И. ЗАРУБИНА

В данной статье рассматривается жизнь и научная деятельности профессора И.И. Зарубина. Автор статьи справедливо отмечает, что его научное наследия и сегодня не тратили свои значимости. И. И. Зарубин в 1914 году вместе с французским ученым Ф.Р. Готье отправился в Среднюю Азию. Ф. Р. Готье был одним из известных специалистов, который хорошо знал восточные языки. По сведениям архивных материалов И. И. Зарубин во время этой поездки на Памир собрал 450 экспонатов, такие как тканых материалы, картинки, обуви, предметы быта для Музея этнографии и антропологии Санкт Петербурга. Некоторые собранные материалы ученого не опубликовались, и до сих пор хранятся в центральных архивах России.

Ключевые слова: *И. И. Зарубин, деятельность, Иран, Бартанг, Шугнан, Рушан, Вахан, Средняя Азия, этнограф, специалист, Душанбе, Памир, языковедение.*

LIFE AND SCIENTIFIC ACTIVITY OF I. I. ZARUBIN

This article addresses life and scientific activity of I. I. Zarubin. I. I. Zarubin was second researcher after A. E. Snesareva who gave information about wanjian language. His labors are on bartang rushan and vakhan languages, The author writes that today Zarubins labors did not lose their value. In 1914 I I Zarubin together with French scientist F. R. Gotho went to the Middle Asia. F.R. Gotho was one of the famous specialists who knew Eastern languages well. According to archival materials, during this trip. I I Zarubin collected more than 450 exhibits such as fabrics, pictures, shoes, house wear and other things for the museum of Ethnography and Anthropology. Some of the collected materials of the scientist were not published, and they are still kept in Central Archives of Russia.

Keywords: *I. I. Zarubin activities, Iran, Bartang language, Rushan language, Shugnan language, Vakhan language, Middle Asi, Ethnographer, Specialist, Dushanbe, Pamir, linguistics.*

Сведения об авторе:

Дарвозиева Ханифа – ассистент кафедры всеобщая история исторического факультета Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, тел.:(+992) 93806199; E-mail:hanifa.93@mail.ru

About the author:

Darvozieva Hanifa – Assisatant, of faculty of the Department history nation in the Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini, phone: (+992) 938061993; E-mail: hanifa.93@mail.ru

АЗ ТАЪРИХИ ФАЪОЛИЯТИ КАФЕДРАИ ТАЪРИХИ УМУМИИ ДОНИШГОҲИ ДАВЛАТИИ ОМУЪЗГОРИИ ТОЧИКИСТОН БА НОМИ САДРИДДИН АЙНИ

Шаҳлоу Ш.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Таърихи маорифи Тоҷикистон яке аз равияҳои асосии таърихнигории ватанӣ ба ҳисоб рафта, дар ин самт аз ҷониби як қатор муаррихони варзида фаъолияти макотиби олии ҷумҳурӣ омӯхта шудааст. Аммо дар баробари ин, боз ҳастанд тарафҳои масъалае, ки ҳоло ҳам пурра омӯхта нашудаанд. Масъалан, дар аксарияти таҳқиқоти анҷомдодашуда, таърихи таъсисёбӣ ва рушди звенои асосии донишгоҳу донишкадаҳо, яъне кафедраҳо ҷиддӣ омӯхта нашудааст. Аз ин рӯ, дар мақолаи мазкур таърихи кафедраи таърихи умумии ДДОТ ба номи С.Айни мавриди пажӯҳиш қарор дода шудааст.

Факултети таърихи ДДОТ ба номи С.Айни ва аввалин кафедраи он дар баробари таъсисёбии Донишгоҳи мазкур ба фаъолият, оғоз намуданд. Аз рӯзи аввалини фаъолияти факултет дар ин даргоҳ олимони номӣ ба таълим ҷалб гардиданд, ки дар тарбия ва тайёр намудани ҳазорҳо мутахассисони соҳаи таърих саҳми худро гузоштанд. Зарур аст қайд намоем, ки то таъсисёбии Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Донишгоҳи давлатии Тоҷикистон мутахассисони соҳаи таърихро асосан дар ҳамин даргоҳ омода мекарданд. Аз ин лиҳоз, саҳм ва хизмати хатмкардагони факултети таърихи ДДОТ дар рушди илми таърихи ватанӣ калон мебошад.

Дар поягузори ва рушди факултети таърихи ДДОТ ба номи С. Айни ва кафедраҳои он олимони муаррихони варзида, устодони аввалини факултет Константин Николаевич Гаврилкин, С. Володарский, Аббос Алиев, Бобочон Ғафуров, Баҳодур Искандаров, А. Баҳовиддинов, Александр Александрович Семёнов, Зариф Рачабов, П. Евсеев, В. Скорман, Н. Хижняк, А. Аксенов, К. Астафев, Эмма Абрамовна Зилберова, Ҳотам Назарзода, Усмон Мухторов ва дигарон саҳми калон гузоштаанд[15, с.14].

Бешубҳа дар ташкили қор ва раванқ додани таълиму таҳқиқи таърих ҳайати кафедраҳои факултет мақоми махсусро ишғол менамоянд. Яке аз кафедраҳои аввалини ДДОТ ба номи С. Айни кафедраи таърихи умумӣ мебошад, ки аз соли 1931 дар доираи кафедраи таърих фаъолият намуда, соли 1938 ба кафедраи мустақил табдил дода мешавад. Яъне аз соли 1931 то соли 1937 дар байни панҷ кафедраи донишкада кафедраи муштараки фанҳои таърихӣ низ амал намуда, яке аз мудирони аввалини он С. Д. Володарский ва аз 3-юми сентябри соли 1937 ин вазифаро дотсент К. Н. Гаврилкин иҷро намудааст. Тибқи маълумоти ҳуҷҷати бойгонӣ “Рӯйхати профессорону омӯзгорони донишкада аз 21-уми феввали соли 1938”, кафедраи таърихи умумӣ

дар ҳайати иҷроқунандаи вазифаи профессорӣ П. Г. Евсеев, дотсентҳо Константин Николаевич Гаврилкин ва С. Д. Володарский, ассистентҳо Баҳодур Искандаров, Усмон Мухторов, Эмма Абрамовна Зилберова ғаёлият дорад. Ва ҳамин тавр, муаллифони китоби муқаммали ба таърихи факултети таърих тааллуқ дошта, ба ҳуҷосае меоянд, ки соли таҳсили 1937/1938 кафедраи таърих ба ду кафедраи мустақил – таърихи ИҶШС (ҳозира таърихи халқи тоҷик) ва кафедраи таърихи умумӣ ҷудо мешавад [13, с.18 – 19]. Ҳамин тавр, метавон гуфт, ки кафедраҳои имрӯзаи таърихи халқи тоҷик ва таърихи умумӣ аз соли 1931 ғаёлият доранд.

Аз таҳқиқу таҳлили асару мақолаҳои нашршудаи ба таърихи факултет ва Донишгоҳ бахшида шуда, ба ҳуҷосае омадан мумкин аст, ки айни замон ғаёлияти кафедраи таърихи умумӣ пурра омӯхта нашудааст.

Аксари муаллифони таҳқиқоти анҷомдода ба ҷунин ҳуҷосае омаданд, ки мудирони аввалини кафедраи мустақили таърихи умумӣ мувофиқи як манбаъ Володарский С. Д. ва тибқи дигар сарчашма В. Э. Скорман будаанд. Дар баробари ин дотсент М. Шерғозиев ягона нафарест, ки қайд менамояд, ки баъди онҳо яке аз мудирони аввалини кафедра, нахустин вазири маорифи Тоҷикистон, декани факултети таърихи ДДОТ ба номи С. Айни (1942 – 1945), профессор Аббос Алиев будааст [22, с.3]. Устод М. Шерғозиев аз дастпарварони факултети таърих буда, роҷеъ ба ҳаёт ва ғаёлияти омӯзгорони Донишгоҳ таҳқиқоти ҷолиберо анҷом додааст.

Ҳамин тавр, устодони нахустини кафедра Володарский С. Д., Астафева А., Зилберова Э. А., Скорман В. Э., Аббос Алиев, Баҳодур Искандаров, Ҳотам Назарзода, Мухторов Усмон, Хижняк Н. Г., Аксеев, Евсеев П. Г., Разумович, Сирочиддинов (Сиразетдинов), Тоҳмасов ва дигарон буданд. Мавриди зикр намудан аст, ки бархе аз ин устодони зиндаёд дар тӯли ғаёлияти омӯзгорию илмӣ-тадқиқотиашон ҳам дар кафедраи таърихи ИҶШС ва ҳам таърихи умумӣ ба тадрис машғул будаанд. Шахсиятҳои мазкур дар таҳқиқи масъалаҳои муқаммалӣ таърихи ватанӣ ва умумӣ саҳми худро гузоштаанд.

Дар миёни ин шахсиятҳо Аббос Алиев ҳамчун яке аз аввалин мутахассисони таърихи умумӣ дар байни тоҷикон шинохта шуда, ӯ соли 1899 дар шаҳри Бухоро таваллуд шуда, солҳои 1924 – 1927 ҳамчун аввалин комиссари маорифи халқи ҶМШС Тоҷикистон ғаёлият намуда, Мақтаби олии Ҳизбӣ ва сиёсии профессураи сурхи назди КМ ВКП (Б)-ро дар Москва хатм намудааст. Аббос Алиев ҳамчун олим-таърихшиноси мамлакатҳои Шарқ ҳанӯз дар солҳои сиёсии асри гузашта ном бароварда буд. Ӯ дар солҳои ҶБВ дар тайёр намудани мутахассисони баландихтисос дар Донишқадаи омӯзгории Душанбе нақши ниҳоят калон гузоштааст [22,3], дар баробари ин, нахустин шуда, аз байни тоҷикон соли 1946 дараҷаи илмӣ докториро ба даст овардааст. Аббос Алиев – ҳамчун яке аз поягузори Тоҷикистон ва маорифи навини халқи тоҷик абадан дар таърихи миллат боқӣ хоҳад монд. Мазкур муаллифи як қатор асарҳои илмӣ оид ба таърихи тоҷикон ва дигар халқҳои Шарқ мебошад [13, с.109].

Олими дигаре, ки тамоми зинаҳои илмиро тай намудааст академик Баҳодур Искандаров буда, Донишқадаи таърих, фалсафа ва забоншиносии шаҳри Ленинград (Санкт-Петербург) -ро хатм кардааст ва солҳои 1936 – 1940 ба ҳайси муаллими факултети таърих ғаёлият намуда, ба тадқиқоти илмӣ худ маҳз дар ҳамин даргоҳ ҳусни оғоз бахшидааст. Ӯ муаллифи бештар аз 200 корҳои ҷопӣ аз ҷумла, қариб 20 рисолаҳои илмӣ [13, с.110].

Дар солҳои минбаъда бо тағйир ёфтани сохтори факултет, кафедраҳо низ борҳо табодули ном ё муттаҳид гардида, фаҳои кафедра ба ҳисоби кафедраи таърихи ИҶШС гузаронда шуданд. Аз соли 1974 кафедра боз мустақил шуда, то имрӯз бо номи таърихи умумӣ ғаёлият дорад. Дар солҳои минбаъда сарвари кафедраи мазкурро дотсент Сангинов Н. (1974 – 1986), профессор Тухтаметов Т. Ғ. (1986 – 1991), дотсентон Исмоилов Ш. (1991 – 1992), Раҳматов И. (1993 – 1996), Давронов Х. (1996 – 2005), Муродов А. (2005 – 2007, 2008 – 2015), Ашрафова С. (2007), доктори илм А. Ҳакназаров (2007 – 2008) ба ўҳда доштанд. Дар баробари номбурдагон дар кафедра дотсентон Бенедиктов А.А., Туманов А.И., Сирочиддинов С., Нарзуллоев С., Шарипов Ш., Қаландарова М. Г., Бедилев Х., муаллимони калон Намақшинос М. А., Собиров К., Бердиев Ё., Меликмуродов Ф., Саъдуллоева Г.А., Старкова Л., Любавина Т., Бекметова Ш., ассистентон Давлатова М., Зарипов Н., Шарипов З., Тошмуродов А., Пиров Ш., Мусоева М., Даминова С. ва дигарон машғули таълиму тадрис буданд. Дар рафти сўхбат бо муаллифони мақолаи ба таърихи кафедра бахшида шуда, муайян гардид, ки дар инъикос намудани давраи мудирӣ дотсент С. Ашрафова ҳатогии техникӣ содир шуда, дар ҳақиқат бошад мазкура танҳо ҷанд моҳи соли 2007 ин вазифаро ба дўш доштааст [15, с.14].

Солҳои даргириҳои сиёсӣ ва ҷанги шаҳрвандии солҳои 90-уми асри ХХ боиси гусаста гардидани робитаҳои ҷомеа гардид, ки дар ин асно баъзе аз омӯзгорони кафедра, аз ҷумла профессор Т. Ғ. Тухтаметов, дотсент М. Г. Қаландарова, тарки ҷои кор намуданд. Нооромии сиёсӣ, душвориҳои иқтисодӣ иҷтимоӣ сабаби он шуд ки муаллимони варзида аз донишгоҳ баромада рафтанд [13, с.85].

Айни замон дар кафедра 23 нафар устодон – докторони илмҳои таърих Қ. Искандаров, Сайидзода Зафар Шералӣ, номзадони илмҳои таърих, дотсентон Валиев А., С.П. Сайнаков., М. Шарофова., А.Қ. Хусайнов., С.М. Раҷабов, А. Валиев, Д. Н. Негматов, А.Мамадазимов, А. Сабуров, К. Қудратов, муаллимони калон Буриев М., Мирзоев Ф., Начмуддинов Т., Бадавлатова Р., Қонмуродов Ш., Раҳимзода Дилноза, ассистентон Мирзоев М., Дарвозиева Х., Шаҳлои Шариф, Ализода Довуд Алӣ, Одинаев Д., Абдусаматов Б. фаъолият менамоянд.

Яке аз самтҳои асосии фаъолияти кафедраҳо ин қорҳои илмӣ -тадқиқотӣ ва омодакунии кадрҳои илмӣ-омӯзгорӣ мебошад. То солҳои наздик яке аз роҳҳои омода намудани мутахассисони унвондор ин таҳсил дар аспирантура буд. Ҳанӯз соли 1936 дар назди Донишқадаи педагогии Сталинобод шӯъбаи аспирантура ташкил мешавад, ки дар баробари равиҳои забон ва адабиёти тоҷик бо методикаи таълими онҳо, таърихи Тоҷикистон, ҷуғрофия ва педагогика, тибқи равиҳои таърихи умумӣ низ таҳсил ба роҳ монда шудааст. Аспирантҳои аввалини таърихи умумӣ ва таърихи Тоҷикистон Ҳотам Назаров, Усмон Мухторов ва Разумович буданд, ки роҳбарии онҳоро мудири кафедраи таърих, дотсент С. Д. Володарский ба зимма дошт. Дар солҳои минбаъда ба аспирантони факултет як зумра муаррихони варзидаи ҷумҳурӣ, аз ҷумла академик А. А. Семёнов низ роҳбарӣ ва дарс медоданд [13, с.16-17].

Дар замони истиқлолият низ яке аз вазифаҳои муҳими кафедраҳои факултет тайёр намудани кадрҳои илмӣ-омӯзгорӣ ва ба қорҳои илмӣ-тадқиқоти ҷалб намудани омӯзгорон мебошад. Ин вазифа баъди барқарор шудани сулҳу субот дар ҷумҳурӣ ба мадди аввал баромад, зеро солҳои даргириҳои сиёсӣ бо сабабҳои гуногун теъдоди омӯзгорони унвондор дар факултет ва умуман дар Донишгоҳ ниҳоят кам гардида буданд. Дар кафедраҳои таърихи умумӣ ҳам масъалаи мазкур дар мадди аввал гузошта шуд. Агар фаъолияти илмии факултет ва кафедраҳои онро таҳлил намоем, асосан ибтидои солҳои 2000-ум раванди қорҳои илмӣ-тадқиқотӣ ва тайёр намудани қорҳои илмӣ-омӯзгорӣ ба маҷрои аввалаи худ баргашт. Маҳз, дар ин солҳо баъзе аз омӯзгорони ҷавон имконият пайдо намуданд, ки қорҳои илмӣ-тадқиқотии худро ҷимоя намуда, соҳиби дараҷаи илмӣ гардиданд.

Дар натиҷаи дуруст ба роҳ мондани фаъолияти илмӣ дар факултет, дар кафедраи таърихи умумӣ низ мувафаксиятҳои назаррас ба даст омада, чанд нафар аз устодони кафедра рисолаҳои худро ҷимоя карданд. Минҷумла, А. Муродов [5], А. Хусайнов [10], С. Раҷабов [14] М. Шарофова [20], С. Раҷабов [14], Д. Негматов [6], Хусайнов А[10], А.Мамадазимов[3]. Дар соли 2019 бошад дотсенти кафедра А. Хусайнов рисолаи доктории худро дифоъ намуд[10].

Баъди муддати тӯлонӣ дар давраи истиқлолият соли 2017 аз сари нав аз рӯи ихтисоси таърихи умумӣ як аспирант ба таҳсил фаро гирифта шуд. Дар баробари ин, дар соли таҳсили 2018/2019 дар назди кафедра бори нахуст аз рӯи ихтисоси таърихи умумӣ магистрон қабул карда шуда, аз ҷониби Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон нақшаи таълимии дараҷаи доктор аз рӯи ихтисоси таърихи умумӣ низ тасдиқ гардид ва соли таҳсили 2019-2020 ду докторант ба таҳсил фаро гирифта шуданд [9].

Яке аз фаъолиятҳои кафедра таҳқиқи илмии масъалаҳои муҳими таърихи ватанӣ ва умумӣ мебошад. Тибқи равиҳои кафедра устодон баробари қорҳои таълимӣ - методӣ ба қорҳои илмию тадқиқотӣ диққати ҷиддӣ медиҳанд. Онҳо ба пажӯҳиши масъалаҳои таърихнигорию маъхазшиносии таърихи умумӣ, таърихи муносибатҳои Тоҷикистон бо кишварҳои ҷаҳон, таърихи мамлакатҳои Осиёи Марказӣ ва форсиҷабон машғул буда, оид ба равобити иқтисодиву фарҳангии халқи тоҷик бо дигар халқҳои ҷаҳон тадқиқоти илмӣ мебаранд. Ҳамин тавр, устодони кафедра дар раванди таълифи монографияҳо ва мақолаҳои илмӣ –тадқиқотию илмӣ - публитсистӣ фаъолона ширкат менамоянд. Аз ҷумла, солҳои охир монографияҳои А. Муродов[5], М. Шарофова[20], А. Хусайнов[10], Д. Негматов[6], А.Хусайнов ва Т. Начмуддинов[12] аз нашр баромаданд, ки аз ҷониби доираҳои илмӣ ва мутахассисони соҳа баҳои мусбӣ гирифтанд.

Дар кафедра донишҷӯёни фаъол низ ба қорҳои илмӣ ҷалб шудаанд. Асосан фаъолияти илмии донишҷӯёни кафедра дар раванди фаъолияти маҳфилҳои илмӣ зоҳир мегардад. Дар назди кафедра ҳанӯз аз замони ИҶШС маҳфили донишҷӯён амал намуда, дар он мавзӯҳои муҳими таърихи умумӣ баррасӣ мегардиданд. Дар давраи истиқлолият бошад фаъолияти маҳфили донишҷӯёни кафедра низ бо тақозои замон мутобиқ гардонда шуда, он бо роҳбарии муаллими калони кафедра Кароматулло Орипович Собиров бо номи рамзии “Ховаршинос” азнавсозӣ карда шуд. Маҳфили мазкур тибқи низомнома ва нақшаи тасдиқшуда фаъолият намуда, дар ҳайати он донишҷӯёни фаъол шомил мебошанд. Бехтарин маърузаҳои донишҷӯён пас аз муҳокима ва таҳрири кафедра ба нашр пешниҳод мегарданд [9]. Ҳамин тариқ, баъди устоди зиндаёд К. О. Собиров роҳбарии маҳфилро ассистентони кафедра Насимҷон Зарифов (2010 – 2014) ва Шамшод Қонмуродов (2014 – 2018) ба ўҳда доштанд. Аз сентябри соли 2018 роҳбарии маҳфилро муаллими калони кафедра Толибшоҳ Начмуддинов ба ўҳда дорад.

Аз соли 2012 инчониб дар назди кафедра шуъбаи муносибатҳои байналхалқӣ. Гарчумон референт амал намуда, ин боиси он гардид, ки дар соли таҳсили 2018/2019 аз ҳисоби донишҷӯёни фаъоли шуъбаи мазкур маҳфили илмӣ донишҷӯён “Дипломатони ҷавон” таъсис дода шуда, роҳбарии он ба зиммаи ассистенти кафедра Бекбобо Абдусаматов гузошта шуд. Ба ҳайати он донишҷӯёни фаъоли ихтисоси муносибатҳои байналхалқӣ шомил мебошанд. Дар фаъолияти худ маҳфили мазкур масъалаҳои асосии таърихи дипломатия, муносибатҳои байналхалқиро муҳокима менамояд [15, с.14].

Дар назди кафедра семинари илмӣ устодон аз рӯи равияҳои таърихи умумӣ, таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқи таърих, таърихи муносибатҳои байналхалқӣ фаъолият менамояд, ки тибқи нақшаи он моҳе ду маротиба нишастии илмӣ доир мегардад. Дар ҷамомадҳои семинари илмӣ асосан масъалаҳои мубрами таърихи умумӣ, таърихнигорӣ ва маъхазшиносии таърихи умумӣ ва муносибатҳои байналхалқӣ баррасӣ мегарданд [8, с.14].

Баъди соҳибистиклол гардидани Ҷумҳурии Тоҷикистон барои устодони кафедра имконият фароҳам омад, ки мутобиқ ба шароити талаботи воқеии рӯз китобҳои дарсӣ, барномаҳои дастурҳои таълимӣ ба забони давлатӣ таҳия созанд [8].

Кафедра дар самти тайёр ва ба нашр расондани маводӣ таълимӣ низ қорҳои назаррасро анҷом дода, солҳои охир бо кӯшиши омӯзгорони кафедра маҷмӯаҳои таълимӣ-методӣ, инчунин китобу дигар намуд дастурҳои таълимӣ рӯи ҷопро диданд. Аз ҷумла, маводҳои таълимӣ «Таърихи Россия»[16], «Таърихнигории давраи нави мамлакатҳои Европа ва Америка»[17], «Таърихи асрҳои миёна»[7], «Таърихи навтарини мамлакатҳои Аврупо ва Амрико» [21], «Таърихи дипломатия» [11], «Таърихи Шарқи Қадим»[2], «Мамлакатҳои калонтарин дар таърих»[4], «Таърихи Хитой (ҷорҷаки охири асри XX – ибтидои асри XXI)» [1], «Истилоҳоти таърихӣ» [19] ва ғайра аз ҷумлаи онҳо мебошанд.

Дар татбиқи сиёсати давлат ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар соҳаи маориф низ ҳайати кафедра фаъолона иштирок намуда, ҳайати он дар тамоми ҷорабиниҳои сиёсӣ фарҳангӣ ва ҷамъиятии сатҳи ҷумҳуриявӣ донишгоҳӣ ва факултети саҳми худро мегузоранд [8].

Ҳамин тавр, кафедраи таърихи умумӣ ДДОТ дар миқёси ҷумҳурӣ аввалин кафедра оид ба таърихи ҷаҳонӣ буда, тӯли фаъолияти худ тавонистааст, ки ба як қатор дастовардҳои назаррас ноил гардад.

АДАБИЁТ

1. Бадавлатова Р., Мирзоев Ф., Ёров М., Шарипов Н. Таърихи Хитой (ҷорҷаки охири асри XX – ибтидои асри XXI). Душанбе. 2018 – 112 с.
2. Валиев А., Начмуддинов Т., История древнего Востока. Душанбе, 2018. – 238 с.
3. Мамадазимов А. Становление и развитие таджикского-американских взаимоотношений в период независимости (1991– 2016 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 2019. – 22 с.
4. Мирзоев Ф., Раҳимзода Д., Бадавлатова Р., Дарвозиева Х. Мамлакатҳои калонтарин дар таърих. Душанбе. 2018 – 119 с.
5. Муродов А. Освещение политической ситуации Таджикистана 1989 – 1997 гг. в периодической печати. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Д., 2004 – 23 с.
6. Негматов Д. Отражение истории Бухары и Афганистана первой половины XIX в работе Александра Бёрнса «Путешествие в Бухару». Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Д., 2018 – 22 с.; Негматов Д. Отражение истории Бухары и Афганистана первой половины XIX в работе Александра Бёрнса «Путешествие в Бухару» Д., 2019 – 185с.
7. Негматов Д., ва дигарон. Таърихи асрҳои миёна. Душанбе, 2018 – 195 с.
8. Ҳисоботи кафедраи таърихи умумӣ оид ба иҷрои қорҳои таълимӣ-методӣ, илмӣ-таҷқиқотӣ ва тарбиявӣ дар солҳои таҳсили 2018/2019 // Бойғонии ҷорӣ кафедраи таърихи умумӣ ДДОТ ба номи С. Айни. Папка №18. – Ҳисоботи солонаи кафедра. С.14.
9. Ҳуҷҷатҳои маҳфилҳои илмӣ донишҷӯён // Бойғонии ҷорӣ кафедраи таърихи умумӣ ДДОТ ба номи Садриддин Айни. Папка №24.
10. Хусайнов А. Формирование мировоззрение молодежи в условиях демократизации общества: опыт Таджикистана. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук Д. 2007 – 22 с.; Хусайнов А. Формирование и развитие топливно – энергетического комплекса таджикистана (1992-2016 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук Д., 2019. – 50 с.
11. Хусайнов А., Мирзоев Ф., Ҷонмуродов Ш., Шахлои Ш. Таърихи дипломатия. Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 368 с.
12. Хусайнов А., Начмуддинов Т. Исторические аспекты изучения и освоения топливно-энергетических ресурсов Таджикистана (до периода независимости). Душанбе: Ирфон, 2013. – 200 с.
13. Пирумшоев Х., Убайдуллоев Н., Муродов А. Нахустин маркази илму таълими таърих. Душанбе, 2013. – 301 с.

14. Раджабов С. Борьба народов Мовераннахра и Хорасана за независимость (VII – первая половина VIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Д., 2010. – 24 с.
15. Сайнаков С. П., Мирзоев Ф., Начмуддинов Т. Нахустин кафедраи таърихи умумӣ дар чумхурӣ // Омӯзгори ҷавон. №14 (1001). 9.05.2019. – С. 14
16. Сайнаков С., Мирзоев Ф., Начмуддинов Т., Гадов Ф., Исматов Ф. Таърихи Россия (охири асри XVIII – ибтидои асри XX). Курси лексия (бо таҳрири иловаҳо). Душанбе, 2014. – 259 с.
17. Сайнаков С., Садиров Ш., Азизов С. Таърихнигории давраи нави мамлакатҳои Европа ва Америка. Курси лексияҳо. Душанбе, 2018 – 180 с.
18. Ҳақназаров А., Хусайнов А., Мусоев А. Вахшская долина жемчужина Советского союза (1924 – 1991). Душанбе. 2017. – 312 с.
19. Шарофова М. Истилоҳоти таърихӣ. Душанбе: Эр-граф, 2018. – 120 с.
20. Шарофова М. История развития профессионально-технического образование в Таджикистане (вторая половина 40-х гг. XX в – начало XXI в). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 2010 – 24 с.; Шарофова М. История развития профессионально-технического образование в Таджикистане (вторая половина 40-х гг. XX в – начало XXI в). Душанбе, 2019. – 162 с.
21. Шарофова М. Таърихи наву наватарини давлатҳои ҷаҳон. Душанбе, Эр-граф, 2018. – 196 с.
22. Шерғозиев М. Пайванди аҷдодӣ. Фаъолияти омӯзгории зодагони шаҳрҳои қадимаи тоҷикон – Самарқанду Бухоро дар Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айни // Паёми Душанбе. № 47 (1697). 4 июли соли 2012. С. 3.

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ТГПУ ИМЕНИ С. АЙНИ

В статье отражена история кафедры всеобщей истории ТГПУ им С. Айни. В ней сперва коротко освещается создание исторического факультета ТГПУ имени Садриддина Айни и далее рассмотрено предпосылки и создания кафедры всеобщей истории названного вуза. Особое внимание уделено роль кафедры в учебном процессе и подготовки кадров, а также в научно-исследовательских работ в период независимости Республики Таджикистан.

Таким образом, автор впервые среди исследователей в таком объеме рассматривает историю одного из первых кафедр ТГПУ им. С. Айни.

Ключевые слова: ТГПУ им. С.Айни, вуз, исторический факультет, кафедра, история, всеобщая история.

FROM THE HISTORY OF THE WORLD HISTORY DEPARTMENT OF TSPU NAMED AFTER S. AYNI

In this article, the history of World history Department of TSPU named after S. Aini, reflected. Firstly, the article shortly covers the creation of historical faculty of TSPU named after S. Aini, and further examines prerequisites and creation of World history Department of the named about institute. Special attention is paid to the educational process and personnel training, and also research work in the period of Independence of the Republic of Tajikistan.

In His way, author for the first time among other researchers in such volume analyzes the history of one of the first departments of TSPU named after S. Aini.

Keywords: TSPU named after S. Aini, university, historical faculty, department, history, world history.

Сведения об авторе:

Шахлои Шариф – ассистент кафедры всеобщая история исторического факультета Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, тел.: (+992) 981051455;

About the autor:

Shahloi Sharif-Assistatant, of faculty of the Department history nation in the Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini, phone: (+992) 981051455;

МАЪЛУМОТИ МАҲМУД ИБНИ ВАЛӢ ДАР БОРАИ ТАЪРИХИ АШТАРХОНИҲО ДАР НИМАИ АВВАЛИ АСРИ XVII

Саидов Ф.А.

Институту таърих, бостонишиносӣ ва мардумшиносӣ ба номи А. Дониши АИ ҶТ

Муаррихи ибтидои асри XVII Маҳмуд ибни Валӣ дар асари худ «Баҳр ал асрор» доир ба вазъи сиёсии Мовароуннаҳр маълумоти зиёд ва нодир овардааст. Аҳамияти маълумоти муаллиф доир ба ин давра пеш аз ҳама дар он аст, ки ӯ ҳамзамони воқеаҳои тасвиршуда буда аз ҳаводиси он давр огоҳии хуб дошт ва худи ӯ шоҳиди бевоситаи баъзе аз воқеоти дар асар

инъикосгардида буд.

Ибтидои асри XVII даврае буд, ки намояндагони хонадони Аштархонӣ дар Мовароуннаҳр ба сари қудрат омада буданд. Тибқи маълумоти сиккаҳо ҳокими аввалини Аштархониҳо Ҷонибек султон ба шумор меравад, ки солҳои 1600-1603 дар Бухоро, Самарқанд ва Тошканд аз номи ӯ сиккаҳо зада шуда буданд [2, 309; 3, 243-244]. Дар маъхазҳои хаттӣ низ ин маълумот таъкид гардидааст [1, с. 97].

Дар бораи ҳаёт ва фаъолияти намояндагони аввали ин хонадон дар маъхазҳои хаттӣ қариб, ки маълумот вучуд надорад. Танҳо аз асари Маҳмуд ибни Валӣ «Баҳр ал-асрор» дар бораи онҳо маълумоти пароканда пайдо кардан мумкин аст. Муаллиф менависад, ки падари Ҷонибек султон Ёрмуҳаммад ном дошт ва ӯ дар мазори ҳазрати Хоҷаи Бузурги Бухоро дафн гардидааст [5, 386-42a].

Дар замони ба сари қудрат омадани Аштархониҳо Бухоро маркази давлат буд ва шаҳри дуҷуми бузурги он Балх ба шумор мерафт, ки одатан вориси тахти Бухоро дар он ҷо ҳукмронӣ мекард. Ҳангоми ба дасти Аштархониҳо гузаштани ҳокимият дар Балх Муҳаммадиброҳим ном шахс ҳоким буд, ки он дастпарвари Сафавӣ буд ва бо амри онҳо амал мекард. Тибқи ахбори Маҳмуд ибни Валӣ Муҳаммадиброҳим дар Балх нисбат ба аҳолии он сиёсати зулму бедодгариро пеша гирифта буд. Азбаски ӯ дар дарбори шоҳ Аббос тарбия ёфта буд, урфу одати онҳоро қабул намуда, ба таври пинҳонӣ ба мазҳаби шиа пайравӣ мекард [5, 626]. Муаллифи «Тақири Муқимхонӣ» Муҳаммадҷосуфи Муншӣ низ инро таъкид менамояд ва менависад, ки «Иброҳимхон аз ҳангоми туфулият дар миёни он мардум (Сафавиён) бузург шуда, мазҳаб ва оину авзои он тоифаи золларо гирифта, аз мардум ниҳон медоштааст, дар андак фурсат, ки кам аз ду моҳ бошад ӯ шевае пеш гирифта, мусулмонро шабҳо дар кӯча ва бозор ба дараҷаи шаҳодат мерасонида ва ҳар рӯз куштаҳо дар роҳҳо меёфтанд ва қотили эшон маълум набуд. Ин маънӣ бар ҳама мушаххас шуд, ки он бадмазҳаб бо ҷамъе аз маҳрамони соҳибасрори худ ба ин афъол қиём менамудааст» [7, с.124-125; 9, 75]. Искандарбеки Туркмон низ инро тасдиқ менамояд [4, с.605-606].

Дар бораи ба Балх омадани Муҳаммадиброҳим муаллифи асари «Мусаххиру-л-билод» Муҳаммадёр ибни Араби Қатаған низ маълумот медиҳад ва менависад, ки Муҳаммадиброҳим ибни Суёнҷмуҳаммад дар назди шоҳ Аббос буд ва бо маслиҳати яке аз амирони Пирмуҳаммадхон, ки Худойназар кунгурот ном дошт, ба Балх фиристода шуд ва дар соли 1008 / 1599-1600 ӯ ҳокими Балх тайин гардид [6, с. 175-177].

Шоҳ Аббос мақсад дошт, ки бо ёрии Муҳаммадиброҳим соҳиби ҳокимияти Балх гардад. Аштархониҳо дар Мовароуннаҳр соҳиби қудрат гардида барои ҳокимияти худро дар Балх барқарор намудан кӯшиш ба ҳарч доданд. Бо амри Ҷонибек Муҳаммад Боқимуҳаммад ва Валимуҳаммад барои иҷрои ин масъала ба Балх лашкар кашиданд. Лашкаркашии онҳо ба ин минтақа се моҳ тӯл кашида, аз моҳи июл то моҳи сентябри соли 1601 давом кард. Ҳангоми лашкаркашӣ дар роҳ писарони Пирмуҳаммадхон – Муҳаммадсалим султон ва Ибодуллоҳ султон, ки аввали ҳокими Чағониён ва дигаре ҳокими Ҳисори Шодмон буданд, муқовимат намуданд. Ҳисори Шодмонро бо осонӣ соҳиб гаштанд. Муҳаммадсалим султон бо ҳамроҳии писаронаш Абдуллоҳ Убайдуллоҳ ба сӯи Балх фирор намуда, ба лашкари Муҳаммадиброҳим ҳамроҳ шуданд. Ибодуллоҳ султон бошад, дар ин муддат дар Чағониён қарор гирифта, дар қалъаи Деҳи Нав бо ҳамроҳии ҳокими қалъаи Тирмиз Одилбий ба муқобили Аштархониҳо муқобилияти саҳт нишон дод. Дар чунин вазъият Боқимуҳаммад маҷбур гардид, ки дар Чағониён монад ва Валимуҳаммад ҳаракати худро ба ҷониби Балх давом дод [5, с.63a-63b].

Тибқи ахбори Маҳмуд ибни Валӣ ҳаракати Валимуҳаммад ба сӯи Балх амирони Шайбониро, ки ҷонибдори ин хонадон буданд, ба воҳима андохт. Онҳо хостанд, ки ба ҷои Муҳаммадиброҳим, ки он замон дар Чорбоғи Сиёҳчард буд, ба тахти Балх писари Пирмуҳаммадхон Муҳаммадсалимро шинонд. Аксари аҳолии Балх ва Сиёҳчард Муҳаммадиброҳимро ҷашми дидан надоштанд. Ҳангоми ба Балх наздин шудани Муҳаммадсалим бо наздиконаш дар назди дарвозаи Уштурхора онҳоро дастгир намуда, ҳабс карданд. Ҳангоми сар задани ин воқеаҳо Боқимуҳаммад аз Чағониён ба ёрии онҳо омада расид ва амирони балхӣ Назарбий ва Шуқурбий қалиди дарвозаҳои Балхро ба дасти Аштархониҳо супориданд. Ҳамин тариқ, моҳи ноябри соли 1601 Балх ба тобеияти Аштархониҳо гузашт. Дар хутба номи Ҷонимуҳаммад зикр гардид ва Валимуҳаммад ҳокими он тайин шуд [5, с.64b-65a].

Муҳаммадҷосуфи Муншӣ низ дар ин бора менависад, ки аҳолии Балх аз омадани лашкари Валимуҳаммад огоҳ гардида, тобеияти худро ба ӯ изҳор намуданд ва ба Муҳаммадиброҳим ваъда доданд, ки агар ба Балх ояд, ӯро дастгирӣ менамоянд. Дар натиҷа онҳо Муҳаммадиброҳимро дастгир карда, сарашро аз тан ҷудо намуда, зери пой аспи Валимуҳаммад партофтанд [7, с.125-126].

Ҳамин тариқ, ахбори Маҳмуд ибни Валӣ оид ба тасарруфи Балх аз ҷониби Аштархониҳоро

Муҳаммадҷосуфи Муншӣ тасдиқ менамояд.

Пас аз анҷоми ин амалиёт Боқимуҳаммад ба сӯи Моваруннаҳр ҳаракат намуда, баҳори соли 1602 Чағониён ва Тиримизро ба зери тасарруфи худ мебарорад [5, с.666].

Маҳмуд ибни Валӣ менависад, ки ҳокими Сафавиҳо шоҳ Аббос аз марги дастнишондаи худ Муҳаммадиброҳим огоҳ гардида, ба ғазаб омад ва бо мақсади сарнагун намудани Аштархониҳо ва тахти Мовароуннаҳр шинондани Муҳаммадсалим бо лашкари сершумор ба сӯи Балх ҳаракат намуд ва ба амирони Бухоро нома ирсол намуда, онҳоро аз ин мақсади худ бохабар кард. Чонимуҳаммадхон ва Боқимуҳаммадхон аз ин огоҳ гардида, ба сӯи Балх равона шуданд. Сафавиён дар миёнаҳои моҳи августи соли 1602 ба худуди Андхӯй расиданд, ки ҳокими он Муъминбий ба онҳо муқовимати сахт нишон дод, вале баъзе амирон хиёнат намуда, ӯро дастгир карданд ва ба дасти Сафавиҳо супориданд. Дар натиҷа Сафавиҳо қалъаи Андхӯйро забт намуда [5, 666], аз он ҷо ба ҷониби Пули Хатоб ҳаракат карданд. Валимуҳаммадхон ба таҳкими Балх машғул шуда, пеши роҳи Сафавиҳоро гирифт. Дар ин вақт лашкари Боқимуҳаммадхон расида, ба лашкари Валимуҳаммадхон ҳамроҳ шуд. Дар назди Пули Хатоб байни лашкари Сафавӣ ва Аштархонӣ муҳорибаи шадид сар зад, ки дар натиҷа Сафавиҳо мағлуб гардида, ба сӯи Эрон фирор намуданд [5, с.67а-68а].

Ин гуфтаҳои Маҳмуд ибни Валиро Муҳаммадҷосуфи Муншӣ низ тасдиқ мекунад ва илова менамояд, ки пас аз анҷоми ин воқеа Боқимуҳаммадхон ба Бухоро баргашт [7, с.127; 9, с.77-78].

Боқимуҳаммадхон дар сини 50-солагӣ аз беморӣ вафот кард ва ба ҷои ӯ бародараш Валимуҳаммадхон ба тахти Бухоро нишаст. Аз номи ӯ дар Самарқанду Бухоро сикка зада шудаанд [3, с.18-20]. Ҳангоми ба Бухоро омадан Валимуҳаммадхон писарони Боқимуҳаммадхон – Имомқулӣ султон ва Надирмуҳаммад султонро ба Балх фиристод. Валимуҳаммадхон ба корҳои давлатӣ кам эътибор дода, аксари вақташро ба мастиву корҳои гайр мегузаронд. Ҳокимони маҳаллӣ аз ин истифода бурда, аз итоат ба ҳокимияти марказӣ саркашӣ мекарданд.

Дар солҳои минбаъда мавқеи Имомқулӣ султон ва Надирмуҳаммад султон дар корҳои давлатӣ мустаҳкам гардид ва дар байни ашхоси маъруфи Бухоро ва рӯҳониён ақидае ба миён омад, ки дар оянда ихтиёри давлат ба дасти онҳо мегузарад. Ин гап ба гӯши Валимуҳаммад расид ва ӯ дар ҳарос афтада, қарор дод, ки ин ду бародарро, ки мулкашон ҳамчавор буд, аз ҳам ҷудо кунад ва ҳамин тавр ҳам кард [5, с.1666-167а]. Пас писари худ Рустам султонро аз Қундуз бозхонда, ҳокими Ҳисор тайин намуд ва Надирмуҳаммад султонро ба Балх фиристод [5, с.87а].

Соли 1607 Валимуҳаммадхон Шоҳбек кукалтошро атолиқи Балх тайин намуд, ки ӯ дар он ҷо нисбат ба мардуми маҳаллӣ бедодгариро пеша гирифт, ки ин боиси норозигии аҳоли гардид [5, с.84а].

Муҳаммадҷосуфи Муншӣ низ чунин гуфтаҳои Маҳмуд ибни Валиро тасдиқ менамояд [7, с.132-134; 9, 80].

Тирамоҳи соли 1017 / 1608 бар зидди Шоҳбек кукалтош сӯиқасд ташкил карда шуд. ӯ аз ин огоҳ гардида, роҳи фирор пеша намуд ва дар мадрасаи Абдуллоҳхон пинҳон гардид ва ниҳоят дастгир шуда, ба қатл расид [5, с.84а].

Валимуҳаммадхон аз ин хабардор гашта, ҳашмигин гардид ва ба сӯи Балх лашкар кашид. Баҳори соли 1020 / 1611 байни Валимуҳаммадхон бо Имомқулӣ султону Надирмуҳаммад муборизаи шадид оғоз гардид, ки дар натиҷа Валимуҳаммадхон мағлуб гардида, бо гурӯҳи амирон ва аҳли оилааш ба воситаи Чорҷӯй ба Эрон фирор намуд [5, 89а-90а]. Чунин маълумот дар асари Искандарбеки Туркмон низ ҷой дода шудааст [4, с.832-835].

Маҳмуд ибни Валӣ менависад, ки пас аз ба Эрон фирор намудани Валимуҳаммадхон пешвоёни дин, аз қабили Хоҷа Ҳошим, Солеҳхоҷа, мавлоно Соқии Замонӣ, мавлоно Юсуфи Қаробогӣ, амирон Поянда атолик, Чуман бий, Тоҳирбий, Шуқурбий, Муҳаммад Боқибий ва Ялангушбий дар охири соли 1019 / феввали соли 1611 Имомқулӣ султонро ба тахт шинонда, хони олий эълон намуданд [5, с. 92а-92б].

Ҳангоми ба Эрон омадани Валимуҳаммадхон шоҳ Аббос ӯро бо эҳтироми зиёд пазироӣ намуд ва ба хулосае омад, ки барои ба корҳои Мовароуннаҳр даҳолат намудан, ин беҳтарин фурсат аст [5, с.96б].

Азбаски Маҳмуд ибни Валӣ ҳамзамони ин воқеаҳо буд, ба Эрон омадани Валимуҳаммадхонро бо тафсил баён менамояд. ӯ мегӯяд, ки Валимуҳаммадхон пас аз Бухоро фирор намудан ба Марв меояд. Волии Сафавиҳо ӯро бо эҳтиром қабул намуд. Валимуҳаммадхон писари худ Рустам султонро аз Марв ба сӯи Ҳирот фиристод, то ки дар Ғарҷистон барои бар зидди Имомқулӣ ва Надирмуҳаммад мубориза бурдан лашкар ҷамъ намояд. Худи ӯ бо наздиконаш ба воситаи Машҳад ва Қазвин ба Исфохон омад. Дар ин ҷо ӯ аз ҷониби шоҳ Аббос бо ифтихори зиёд пешвоз гирифта шуд. Пас шоҳ Аббос ӯро бо лашкари зиёд ва таҷҳизоти ҷангии зарурӣ таъмин намуда, ба ҷониби Мовароуннаҳр ирсол намуд. Ҳокими Марв бо амри шоҳ Аббос гурӯҳи тўпчиёноро бо сардории Чинбудог тўпчӣ бошӣ ба ӯ ҳамроҳ

намуд. Гурӯҳи дидбонони онҳо шабона ба Чорҷӯй расида, ҳокими он Назар кукалтошро ба қатл расонданд ва Чорҷӯйро забт намуданд. Ҳокими Қарокӯл Хусрав кӯшҷӣ ба онҳо муқобилияти саҳт нишон дод, вале дар охир мағлуб гардид. Валимуҳаммадхон аз Қарокӯл ба амирони бухорӣ, ки барои баргардонидани ҳокимияти аз даст рафта ба ёрии онҳо умеди зиёд дошт, мактуб фиристод [5, с.966-98а].

Тибқи ахбори Муҳаммадҷосуфи Муншӣ пас аз ба Эрон омадани Валимуҳаммадхон ва аз ҷониби шоҳ Аббос боифтихор пешвоз гирифтани ӯ, шоҳи Эрон ӯро бо лашкари 80 ҳазор нафараи мусаллаҳ бар зидди Имомқулихон ба Мовароуннаҳр фиристод [7, с.136; 9, 81].

Искандарбеки Туркмон низ доир ба ин мавзӯ маълумоти ҷолиб оварда, мегӯяд, ки то ба Исфаҳон расидани Валимуҳаммадхон ҳокимони шаҳрҳо ба истиқболи ӯ чорабиниҳои бошукӯҳ ташкил намуданд. Ҳангоми ба сӯи Бухоро омадани лашкари Валимуҳаммадхон Имомқули Бухороро тарк намуда, ба Қаршӣ фирор намуд. Валимуҳаммадхон дар миёнаи моҳи ҷумодиюссони соли 1020/маи соли 1611 ворида Бухоро гардида, аз нав ба тахт соҳиб гашт [4, с.836-842].

Маҳмуд ибни Валӣ менависад, ки сабаби фирори Имомқули аз Бухоро дар он буд, ки Поянда атолиқи туркман бо амри Валимуҳаммадхон бар зидди ӯ сӯиқасд ташкил карда буд [5, с.966].

Тибқи маълумоти Маҳмуд ибни Валӣ моҳи августи соли 1611 Валимуҳаммадхон бо дастгирии ҷангиёни Сафавӣ бо мақсади дубора ба даст гирифтани ҳокимияти аздастрафта ба сӯи Бухоро лашкар кашид [5, с.996].

Имомқулихон аз лашкаркашии Валимуҳаммадхон огоҳ гардида барои ёрӣ ба Надирмуҳаммад, ки дар Балх буд, намояндаи худро фиристод. Дар айни замон ӯ аз амирони Самарқанд ва пешвоёни қазоқҳо Ишим султон ёрӣ пурсид. Байни лашкари Валимуҳаммадхон ва Имомқулихон дар Боғи Шамол муҳорибаи сангин сар зад, ки дар он Валимуҳаммад шикаст шикаст хӯрда, асир афтод ва ба қатл расонда шуд [5, с.97а].

Чунин маълумот дар асарҳои Муҳаммадҷосуфи Муншӣ [7, с.136-137; 9, 81-82], Искандарбеки Туркмон [4, 843-847] ва Муҳаммадшариф ибни Муҳаммаднақӣ [8, с.81а-82а] низ оварда шудааст.

Пас аз ғалаба бар Сафавӣ ва ҷонибдорони Валимуҳаммадхон соли 1611 Имомқулихон ҳокими Мовароуннаҳр интихоб гардид. Ӯ бародари худ Надирмуҳаммадро волии Балх тайин карда, ба ӯ унвони хонро дод [7, с.137; 9, 82].

Имомқулихон ва Надирмуҳаммадхон пас аз таҳкими мавқеашон дар ҳукумат ба мақсади васеъ намудани қаламрави худ ба ҷониби ҳамсояҳо лашкаркаширо оғоз намуданд [5, с.1016-1026].

Соли 1033/1623-1624 Имомқулихон бо хоҳиши писари султони қазоқҳо Келдимухаммад, ки Хонзода ном дошт ва дар дарбори Имомқулихон хизмат мекард, бо сардории Ялангушбий атолиқ ба водии Фарғона ҳучум намуд, вале он бенатича анҷом ёфт. Бухорӣён дар ин муҳориба зиёда аз 20 ҳазор нафарро талаф доданд. Танҳо бо даҳлати шайх Ҳошимхочаи Ҷӯйборӣ бухорӣҳо имконият пайдо намуданд, ки бо қазоқҳо сулҳ банданд [5, с.103а-107б].

Дар аксари маъхазҳои хаттӣ, аз ҷумла дар «Баҳр ал-асрор», доир ба баъзе номуваффақиҳои Имомқулихон дар набардҳо маълумот оварда нашудааст. Чунин маълумотро аз қайдҳои сафирон ва сайёҳони аврупоӣ, ки дар ин замон ба Бухоро омада буданд, метавон пайдо кард. Масалан, тибқи маълумоти сафири рус Иван Хохлов, ки соли 1620 дар Бухоро якҷанд моҳ иқомат дошт, фазои сиёсии Бухоро ноором буда, Имомқулихон ба вазъияти ногувор гирифтор буд. Баъди он ки Имомқулихон барои интиқоми марги писараш бо аҳолии Тошканд муносибати бераҳмона намуд, бо мақсади аз байн бурдани Имомқулихон бар зидди ӯ сӯиқасд ташкил карда шуд. Мардум боисрор талаб дошт, ки Имомқулихон шахси қотил Мирзобекро, ки хуни одамони бегуноҳро рехта буд, ба дасти онҳо супорад. Имомқулихон аз тарс Самарқандро тарк намуда, ба Балх, ба назди бародараш фирор намуд [10, с.422].

Соли 1628 пас аз марги султони қазоқ Ишимхон писараш Абулай султон, ки ҳокими Андичон буд, ба Тошканд омад ва ба номи ӯ хутба хонда шуд. Имомқулихон дар ҳарос афтода, бар зидди ӯ лашкари сершумори Бухорову Балхро фиристод. Дар натиҷа Абулай султон ба сӯи Муғулистон рӯ ба гурез овард [5, с.112а].

Абулай султон барои баргардондани ҳокимияти аздастрафтааш борҳо кӯшиш намуд, вале онҳо бенатича анҷом ёфтанд ва ниҳоят соли 1040/1630-1631 ӯ аз ҷониби тарафдорони Имомқулихон кушта шуд [5, с.114б-115а].

Дар нимаи авали асри XVII Балх истиқлолияти худро мустаҳкам намуда буд. Тибқи маълумоти Маҳмуд ибни Валӣ ҳокими Балх Надирмуҳаммадхон тахти роҳбарии амирон Соқибий парвонаҷӣ, Оллоҳбердӣ бий ва Ҳочам атолиқ соли 1043/1633 ба ҷониби Дарвоз лашкар кашид. Ҳокими он Шоҳ Ғариб ба балхӣҳо муқовимати саҳт нишон дод, вале аз сабаби норасоии маводи ғизоӣ ва хӯроки чорво ӯ маҷбур шуд, ки бо онҳо сулҳ бандад. Тибқи он бояд

барои чор соли гузашта андоз супорида ба номи Надирмухаммадхон хутба хонда мешуд. Яке аз писарони Шох Ғариб ҳамчун гаравгон ба дарбори Надирмухаммадхон фиристода шуд. Соли 1044/1634-1635 балхиҳо Рушонро зери тасарруфи худ дароварда, ҳокими онро қатл намуданд. Моҳи шавволи соли 1044 / март-апрели соли 1635 Дарвоз тобеи Надирмухаммадхон гардид [5, с.2326-2336, 2766].

Ҳамин тарик, аз гуфтаҳои фавқуззикр ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки Маҳмуд ибни Вали дар асари худ «Баҳр ал-асрор» доир ба нимаи аввали асри XVII-и Мовароуннаҳр маълумоти ҷолибе овардааст, ки дар муқоиса бо маъхазҳои дигар саҳеҳии онҳо тасдиқ гардиданд. Аҳамияти таърихӣ маълумоти ин муаллиф пеш аз ҳама дар он аст, ки худи ӯ шоҳиди аксар воқеаҳои дар асар инъикосгардида мебошад.

АДАБИЁТ

1. Ахмедов Б.А. История Балха (XVII - первая половина XVIII в.). - Ташкент, 1982. -296 с.
2. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. / 2-е изд. Книга 2. Душанбе: Ирфон, 1989. -480 с.
3. Давидович Е.А. История монетного дела Средней Азии XVII – XVIII вв. (золотые и серебряные монеты Джанидов). –Душанбе: Изд-во Акад. наук Таджик. ССР, 1964. -320 с.
4. Искандарбеки Туркмон. Таърихи оламорои Аббосӣ. Ҷ. II. –Техрон, 1387. -635 с.
5. Маҳмуд ибни Вали. Баҳр ал-асрор // Фотонусхаи дастхати рақами 575, китобхонаи Индия Оффиси Лондон. -420 варак.
6. Муҳаммадёр ибни Араб Қатаған. Мусаххиру-л-биллод. Бо эҳтимоми Надираи Чалолӣ. Техрон, 1385. -482 с.
7. Муҳаммадфусуфи Мунши. Тазкираи Муқимхонӣ. Пешгуфтор ва тавзеҳоти Фариштаи Саррофон. –Техрон: Мероси мактуб, 1370. -358 с.
8. Муҳаммадшариф ибни Муҳаммаднақӣ. Точу-т-таворих // Дастхати Мероси хаттии назди Президиуми Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, № 2282.
9. Муҳаммад Юсуф мунши. Муқим-ханская история. Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А.А. Семенова. –Ташкент, 1956. -333 с.
10. Сборник князя Хилкова. Сборник документальных материалов по истории России 1493-1743 гг. – СПб., 1879. -629 с.

СООБЩЕНИЯ МАХМУДА ИБН ВАЛИ ОБ ИСТОРИИ АШТАРХАНИДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Балхский историк XVII в. Махмуд ибн Вали в своём труде «Бахр ал-асрар» о политическом положении Мавераннахра первой половины XVII в. приводит много сведений, которое необходимо анализировать. Автор был современником и очевидцем происшедших событий, описываемых в сочинении поэтому они имеют особую историческую ценность. В начале XVII в. правление Мавераннахра перешло в руки Аштарханидов. О жизни и деятельности представителей этой династии только в сочинении Махмуда ибн Вали можно найти отдельные сведения. В этот период Бухара являлась столицей, а Балх считался вторым крупным городом государства. При приходе к власти Аштарханидов Балхом управлял ставленник Сефевидов Мухаммадибрахим, притеснявший местное население. Правитель Ирана шах Аббас при поддержке Мухаммадибрахима намеревался овладеть Балхом. Аштарханиды с целью подчинения Балха под свои владения отправили туда войско под командованием Бакимухаммада и Валимухаммада, которым удалось убить Мухаммадибрахима и захватить Балх. Сефевиды с целью возврата Балха совершили туда поход, который не увенчался успехом. После Бакимухаммадхана правителем государства стал его брат Валимухаммадхан и сразу же отправил сыновей своего брата Имамкули и Надирмухаммад султанов в Балх и отношение между ними охладилось. Имамкули и Надирмухаммад укрепили свои позиции в Балхе. Валимухаммадхан для их усмирения совершил поход в сторону Балха, где потерпел поражение и убежал в Иран и шах Аббас встретил его с почестями. В 1611 г. Валимухаммадхан при поддержке Сефевидских войск совершил поход в Мавераннахр, но в итоге потерпев поражение был убит. Правителем Мавераннахра стал Имамкулихан, который назначил Надирмухаммада правителем Балха. Надирмухаммад постепенно подчинил себе территорию Бадахшана.

Ключевые слова: Аштарханиды, Махмуд ибн Вали, Сефевиды, Бухара, Мавераннахр, шах Аббас, Балх, Мухаммадибрахим, Иран, Мухаммад Юсуф Мунши, Валимухаммадхан, Искандарбеки Туркмон, Надирмухаммадхан, Имомкулихан

INFORMATION OF MAHMUD IBN WALI ABOUT THE HISTORY OF THE FIRST HALF OF ASHTARKHANIDS AT THE XVII CENTURY

Balkh historian of the 17th century Mahmoud ibn Wali in his work “Bahr al-asrar” on the political

situation of *Maverannahr* in the first half of the 17th century. gives a lot of information that needs to be analyzed. The author was a contemporary and an eyewitness to the events that are described in the work, therefore they have special historical value. At the beginning of the XVII century. the reign of *Maverannahr* passed into the hands of the *Ashtarkhanids*. Separate information can be found about the life and work of representatives of this dynasty only in the work of *Mahmoud ibn Wali*. During this period, *Bukhara* was the capital, and *Balkh* was considered the second largest city in the state. When the *Ashtarhanids* came to power, *Balkh* was ruled by the protege of the *Safavids*, *Muhammadibrahim*, who oppressed the local population. The ruler of Iran, *Shah Abbas*, with the support of *Muhammadibrahim*, intended to seize *Balkh*. The *Ashtarhanids*, with the aim of subjugating *Balkh*, sent troops under their command under the command of *Bakimhammad* and *Valimhammad*, who managed to kill *Muhammadibrahim* and capture *Balkh*. *Safavids* in order to return *Balkh* made a campaign there, which was unsuccessful. After *Bakimhammadkhan*, his brother *Valimhammadkhan* became the ruler of the state and immediately sent the sons of his brother *Imamkuli* and *Nadirmhammad* Sultans to *Balkh* and the relationship between them cooled. *Imamkuli* and *Nadirmhammad* strengthened their positions in *Balkh*. *Valimhammadkhan*, to pacify them, made a campaign towards *Balkh*, where he was defeated and fled to Iran and *Shah Abbas* met him with honor. In 1611, *Valimhammadkhan*, with the support of the *Safavid* troops, made a campaign in *Maverannahr*, but was eventually killed. The ruler of *Maverannahr* was *Imamkulikhan*, who appointed *Nadirmhammad* the ruler of *Balkh*. *Nadirmhammad* gradually subjugated the territory of *Badakhshan*.

Keywords: *Ashtarkhanids, Mahmud ibn Wali, Safavids, Bukhara, Maverannahr, Shah Abbas, Balkh, Muhammadibrahim, Iran, Muhammadusuf Munshi, Valimhammadkhan, Iskandarbeki Turkmon, Nadirmhammadkhan, Imomkulkhan*

Сведения об авторе:

Саидов Фаридун Абдукаххорович – Институт истории, археологии и этнографии АН РТ, соискатель. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудак, 33. Телефон: (+992)915 451000

About the author:

Saidov Faridun Abdukahhorovitch - Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, competitor. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave 33. Phone: (+992)915 451000

ДАВЛАТИ СОМОНИЁН ВА ИНЪИКОСИ ОН ДАР САРЧАШМАҶОИ ТАЪРИХӢ

Шоназаров Ш.

Худжандский государственный университета имени Б. Гафурова

Муносибати нав ба таърих, ба мероси илмӣ, адабӣ, динӣ ва фарҳангии халқи тоҷик, қабл аз ҳама, дар китобҳо, мақолаҳо ва суҳанрониҳои Эмомалӣ Раҳмон зухур карданд, ки аз маърузаи эшон ба муносибати таҷлили 1100 –солагии Давлати Сомониён ибтидо ёфта буд. Сипас муаррихон, файласуфон ва адабиётшиносон ба таърих ва тамаддуну фарҳанги қадима ва асримиёнагии тоҷикон таҷдиди назар карданд, ҳақиқати таърихро ошкор сохтанд. Ин гуна тозаназарӣ ба умқи таъриху тамаддуни маънавӣ аҳли адабро низ фаро гирифт. Онҳо бо ҷиддияти тамом ба таҷқиқи бадеии таърихи ғании халқ ва ҳаёти шахсиятҳои сиёсӣ, илмӣ, фарҳангӣ ва мазҳабӣ шуруъ намуданд ва романҳои таърихӣ нав ба майдон гузоштанд.

Асарҳои Президенти Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон «Тоҷикон дар оинаи таърих. аз Ориён то Сомониён» (ибораат аз се китоб), «Нигоҳе ба таърихи тамаддуни ориёӣ» (2006), таҷқиқоти академик Н.Неъматов «Хориқаи тоҷикӣ: назария ва таърих» (1997), «Нахустмеҳани ориён» (2005), асарҳои илмии Х.Х.Мӯъминҷонов «Тӯрон – гавҳораи тамаддуни ориёӣ» (2004), «Масоили фалсафии Зардуштия» (2000), пажӯҳишҳои профессор С.Абдуллоев «Исмоили Сомонӣ» (1998), «Амирони Сомонӣ» (1999) ва дигарҳо далели ба таври нав аз назари таҷқиқ гузаронидани таърих ва беғаразонаву одилона равшан намудани зиндагиномаи шахсиятҳои таърихӣ мебошанд. Бисёр кутуби таърихӣ ҳастанд, ки дар таълифи асарҳои таърихӣ давраи истиқлолияти миллии Тоҷикистон ҳамчун сарчашмаи мӯътамад хизмат кардаанд.

Фаъолияти давлатдорӣ ва лашкаркашии Исмоили Сомонӣ нависандагонро ба таълифи қиссаву романҳои таърихӣ илҳом мебахшанд.

Ҷилди якуми маҷмӯаи «Сомониён дар оинаи таърих» (Хуҷанд, 1998) низ намунаҳои 21 асари муаррихони асримиёнагии форс-тоҷикро дарбар мегирад. «Донишномаи Сомониён» дар

ду мучаллад нашр шуд, ки маълумотҳои зиёди энциклопедӣ доир ба замони Сомониён оварда шудааст.

Яке аз асарҳои арзишманд, ки барои шиноختи давлати Сомониён (даврони дигари таърихи фарогир аст-Ш.Ш.) хизмати шоистае кардааст, «Таърихи Табарӣ» [1] таълифи Абӯҷаъфар Муҳаммад ибни Қарири эронинаҷод махсуб мешавад. Асари фавқузукрро Абӯалӣ Муҳаммади Балъамӣ, фарзанди рашиди Абулфазл Муҳаммад ибни Убайдуллоҳи Балъамӣ – вазири давлати Сомониён, дар байни солҳои 963-966 милодӣ ба забони фасеҳи тоҷикӣ тарҷума карда буд. Ин китоб пас аз муқаддимаи «Шоҳнома»-и Абӯмансурӣ қадимтарин намунаи насри тоҷикӣ ба шумор меояд, ки аз пайдоиши ҷаҳон ва таърихи тоисломии халқҳои эронитабор, даврони хилофату салтанати нахустин сулолаҳои исломиро то хилофати ал-Мустаршид Биллох дар бар мегирад.

Барои нависандагони тоҷик, ки осори таърихӣ меофаранд, китоби зикршуда кӯмак мекунад, ки эшон бо шахсият ва падидаҳои асотирию таърихии эронӣ, бо қиссаҳои пайгамбарон дар Қуръону Таврот шинос шаванд, аз ҳаводис ва воқеаҳои таърихии давраи ташаккул ва густариши ислом огоҳ бошанд, бидонанд, ки масалан, ҷадди бузурги Сомониён Баҳроми Чӯбин кӣ буд ва дар замони худ дар пеши подшоҳон чӣ гуна мақому этибори баланде дошт.

Муҳаммадзамони Солеҳ дар романи «Девори Хуросон», Юсуфҷон Аҳмадзода дар романи «Ҳафт рӯё» аз «Таърихи Бухоро»-и Наршаҳӣ (899-960), «Таърихи Сиистон» (муаллифаш номаълум), «Таърихи Гардезӣ» (а.ХІ), «Сиёсатнома»-и Низомулмулк (а.ХІ), «Таърихи Байҳақӣ»-и Абулфазл Муҳаммад ибни Ҳусайни Байҳақӣ (а.ХІ), «Таърихи Табаристон»-и Баҳоуддин Муҳаммад ибни Ҳасан ибни Исфандиёр (о.а.ХІІ-аввали а.ХІІІ), «Табақоти Носирӣ»-и Минҳочӣ Сироч (а.ХІІ-ХІІІ), «Таърихи гузида»-и Ҳамдуллоҳи Муствафӣ (о.а.ХІІІ-авв.а.ХІV), «Равзату-с-сафо»-и Мирхонд (а.ХV) ва ғайра фаровон бархурдор шудаанд. Масалан, ба унвони фаслу бобҳои ба Оли Сомон дахлдори асари Мирхонд аҳамият медиҳем: «Зикри муҳорибаи Амри Лайс бо Исмоил ибни Аҳмади Сомонӣ ва гирифтӣ шудани Амр ва ниҳояти қор ва маоли ҳоли ӯ», «Зикри мулуки Сомонӣ, раҳимахунуллоҳ ва баёни баъзе давлат ва ҳукумати эшон дар билоди ислом», «Зикри салтанати Исмоил ибни Аҳмади Сомонӣ», «Зикри салтанати Наср ибни Аҳмади Исмоили Сомонӣ», «Зикри муҳолифати Мансур ибни Исҳоқи Сомонӣ бо амири саъид Наср ибни Аҳмад ва баёни баъзе қазоё, ки дар он омон рӯй намуда» ва дигарҳо, ки фаъолияти амрони Сомониёро фаро гирифтаанд [3, с.313].

Дар таърихномаҳо ба ҷуз нақли воқеаю ҳодиса ҷаҳраҳои амиронӣ вазирон, фаъолият, сиёсат ва ҳислатҳои шахсии эшон низ ҷойгоҳи шоиста доранд. Чунончи, муаллифи «Таърихи гузида» баъд аз таъкиди чунин факт, ки «Сомон аз тухми Баҳроми Чӯбин буд...», дар бораи Нӯҳ Асад, Аҳмад, Наср, Исмоили Сомонӣ ва муносибати онҳо ба ҳамдигар маълумоти муфиди таърихӣ медиҳад.

Дар сарчашмаҳои таърихӣ баъзе саҳафоти зиндагиномаи амиронӣ вазиронӣ сомонӣ такрор ёбанд ҳам, муаррихони нозукбин ва донишманд кӯшиш ба харҷ додаанд, ки ҷиҳатҳои кам рақамёфтаи амиронӣ ба силки тасвир бикашанд. Масалан, Хондамир дар «Ҳабибу-с-сияр» ҳислатҳои шахсӣ, кишваркушоии Исмоили Сомонӣ ва ҳудуди қаламрави ӯ бештар аҳамият медиҳад. Ӯ обрӯю эътибори баланди амири Бухоро ва адлу эҳсон, раиятпарварӣ, саховатпешагӣ, дӯстпарварӣ, фурутанӣ ва фазлу қамоли ӯро ягон-ягон зикр намуда, сипас менависад: «Ва амир Исмоил баъд аз фавти бародар афсари истиқлол ба сар ниҳода, дар санаи самонина ва миатайн 290/ 893-894) бо лашкари зафарасар мутаваҷҷеҳи Туркистон гашт ва подшоҳи турконро бо хотунаш асир карда... Ва дар санаи сабъа ва самонина ва миатайн (278/ 900) ... муҳимми Амри Лайсро ба фйсал расонид. Он гоҳ маншури ҳукумати вилоёти Мовароуннаҳру Хуросону Сиистону Мозандарону Раю Исфохон аз Дорулхилофа ба вай расид. Ва амир Исмоил баъд аз асри Амри Лайс муддати ҳафт соли дигар дар ғояти иқбол ба сар бурд...» [3, с.391-392].

Ҳамин фактҳои таърихӣ бо образ ва манзараҳои бадеӣ дар романи «Девори Хуросон» муфассалу муассир тасвир ёфтаанд.

Сарчашмаҳои арзишманди таърихӣ, ҳамчун асарҳои Ибни Балҳӣ «Форснома», муаллифи номаълум «Мачмал-ут-таворих», Абӯнаصري Утбӣ «Таърихи Яминӣ», Минҳочиддини Ҷузҷонӣ «Табақоти Носирӣ», Рашидуддини Фазлуллоҳи Ҳамадонӣ «Ҷомеъ-ут-таворих», Шарофиддин Фазлуллоҳ Ҳусайни Қазвинӣ «Таърихи мӯҷамӣ», Ҳамдуллоҳи Муствафӣ «Зафарнома» ва «Таърихи гузида», Ҳофизи Абрӯ «Мачмаъ -ут-таворих» ва дигарҳо, ки таърихро аз давраи пайдоиши Одаму Ҳавво, воқеаҳои то давра ва замони густариши исломро дар Эрон, Хуросон ва Мовароуннаҳр то ба қарни понздаҳум дар бар гирифтаанд, маводи фаровони таърихию дар бораи тоҷикон ва эронитаборон гунҷоиш додаанд, ки омӯзиши онҳо ба нависандагони таърихнигор дахҳо мавзӯҳои аҷибу ғарибро пешниҳод карда метавонанд. Асарҳои мазкур ва

дигар сарчашмаҳои таърихӣ вижагиҳои адабӣ низ доранд. Онҳо дар бораи шахсиятҳои таърихӣ, илмӣ ва фарҳанги ҳикоятҳои пурмухтавои ахлоқӣ ва панду ҳикматҳои ибратбахшро дарбар гирифтаанд. Масалан «Таърихи Бухоро»-и Наршахӣ бо як қатор ҳикоятҳо зебу зинат ёфтааст.

Ҳамин гуна ҳикоятҳо роҷеъ ба сиёсатмадорони сулолаҳои подшоҳӣ дар давраҳои гуногуни таърихӣ дар ҳамаи сарчашмаҳои таърихӣ дида мешаванд, ки муаллифони асарҳои таърихӣ давраи истиқлолияти давлати Тоҷикистон аз онҳо баҳраҳо андӯхтаанд ва дар оянда ҳам истифода хоҳанд кард. Таваҷҷуҳи муаррихони қуруни вусторо бештар аз ҳама фазилат ва сиёсати амирони сомонӣ ба худ кашидаанд, чунки онҳо дар давлатдорӣ ва мулкпарварӣ намунаи дигар подшоҳон будаанд. Чунончӣ, адолатпарварии Исмоили Сомонӣ дар бисёр таърихномаҳои фавқузикр акс андохтааст.

Баҳусус таърихи хонадони Сомониён, муносибати онҳо ба хилофати араб ва саъю талоши эшон дар роҳи истиқлолият қариб дар ҳамаи сарчашмаҳои таърихӣ инъикос ёфтаанд ва саргузашти ҳар як аз он шахсиятҳои таърихӣ месазад, ки асарҳои мукамал бишаванд. Ҳама гап дар дониши жарф, ҷаҳонбинии рӯшан ва маҳорати баланди нависандагӣ мебошад. Зеро аз байни анбуҳи воқеаҳои таърихӣ ва ашҳоси воқеӣ муҳимтарин ва характерноктарини онҳоро баргузидан, ба сужет, банду баст ва сохтори асари алоҳида мувофиқ овардан ва аз мавқеи замони мо корбаст намудан, дониш ва истеъдоди комилро тақозо менамояд. Таҷрибаи инкишофи асарҳои таърихӣ нишон медиҳанд, ки нависандагони тоҷик дар ин ҷода тавфиқ меёбанд.

Ин ҳама мисолҳо нишон медиҳанд, ки суннати таърихнигорӣ дар адабиёти гузаштаи тоҷикӣ мавқеи намоён доштааст. Бисёр таърихнигорон гузаштаи халқи худро дар асоси сарчашмаҳои асотирӣ, динӣ ва мазҳабӣ навишта бошанд, иддаи дигаре дар як давра, дар як замон бо подшоҳон ва амирон ба сар бурдаанд ва аксаран дар сафарҳо ва кишваркушоии онҳо ширкат варзидаанд. Дар осори ин гуна таърихнигорон ҳақиқати воқеӣ бештар ва бештар инъикос ёфтаанд.

Таърихнигорони пештара дар тамоми давраҳои ҳастии ҷамъияти феодали фаъолияти давлатдорӣ амирони замони худро рақам кардаанд. Омӯзиши онҳо барои ҳар як нависандаи таърихнигор шарт ва зарур аст.

Бори дигар лозим медонем ёдовар шавем, ки омӯзиши осори таърихӣ гузашта доираи назари аҳли адабро васеъ, дониши онҳоро амиқ ва имкониятҳои эҷодашонро вусъат медиҳад. Бинобар ин, рӯ ба сарчашмаҳои муфиди таърихӣ овардани нависандагони муосири тоҷик ҳаргиз аз манфиат холи нахоҳад буд.

Ҳар як муаррих фарзанди замони худ аст ва ӯ дар навиштаҳои сиёсати ҳукумати вақтро ба риоя мегирит. Бинобар ин нависандаи замони мо наметавонад мазмуну мухтаво ва ҳадафи он сарчашмаҳои таърихиро бе ҳеҷ тағйирот, сахтараш бидуни муносибати эҷодкорона ба он таърихномаҳо, дар асарҳо ба таври бадеӣ тасвир намояд. Худи таърихнависони қуруни вусто низ баъзе воқеаҳо ва фаъолияти шахсиятҳои таърихиро мувофиқи диди худ баррасӣ мекарданд. Таърихнигороне буданд, ки ба воқеаҳои гузашта ва амалиёти фарзандони бузурги халқ нисбатан ҳолисона муносибат доштанд, инчунин муаррихоне қалам ба даст мегиританд, ки равандҳои ҳаёти сиёсӣ иҷтимоӣ қаблӣ ва меҳнату муборизаи шахсиятҳои номдорро субъективона тасвир мекарданд. Ин гуна асарҳо муносибати муаллифро ба таърих ва шахсиятҳои таърихӣ нишон медиҳанд.

АДАБИЁТ

1. Балъамӣ. Таърихи Табарӣ: дар 2 ҷ. / [бо муқаддима ва тавзеҳоти М.Умаров, Ф. Бобоев]. – Тоҳрон: Замон, 1380. – Ҷ.1. – 817 с.
2. Балъамӣ. Таърихи Табарӣ. дар 2 ҷ. / [бо муқаддима ва тавзеҳоти М.Умаров, Ф. Бобоев]. – Тоҳрон: Замон, 1380. – Ҷ.2. – 818-1632 с.
3. Мирхонд. Равзат-ус-сафо фи сирати-л-анбиё ва-л-мулуки ва-л-хулафо: Ҷ.1/ [бо пешгуфтор ва таълику ҳавошии Нурмуҳаммади Амиршоҳӣ]. – Душанбе: ЭР-граф, 2004.

ГОСУДАРСТВО САМАНИДОВ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В статье отмечается, что рассказы о политических деятелях и царях встречаются во всех исторических сочинениях, относящихся к разным историческим эпохам. Авторы исторических произведений периода независимости широко используют, и будут использовать исторические летописи. Больше всего внимание средневековых историков привлекает эрудиция и политика саманидских эмиров, ибо в управлении государством они были образцами для других царей.

Одним из ценнейших историографических произведений раннего средневековья считается

«История Табари» принадлежащая перу историка иранского происхождения Абу Джа'фара Мухаммада ибн Джарира и переведенная на таджикский язык Абу Али Мухаммадом Бал'ами – визирем государства Саманидов - в 963-966 годах. Только в первом томе сборника «Саманиды в зеркале истории» приводятся образцы 21 произведения персидско-таджикских средневековых историков.

Автор статьи отмечает, что каждый историк является детищем своего времени и на его сочинениях определенный отпечаток оставляет политика правителей его эпохи. Поэтому современный писатель не может использовать материалы исторических источников без соответствующего творческого подхода.

Надо отметить что историки средневековья некоторые события излагали в двух вариантах, первое деятельность исторических личностей сообразно своему видению, некоторые относились к ним объективно и беспристрастно, второе субъективно и идеологически пристрастно.

Ключевые слова: государство Саманидов, Исмаил Самани, средневековые историки, историографические произведения

STATE OF SAMANIDS AND ITS REFLECTION IN HISTORICAL SOURCES

There is pointed in the article that the stories about political figures and tsars are also met in all historical writings, related to various historical epochs. The authors of historical works of independence period widely use and will use historical chronical. Erudition and politics of samanids emirs most of all attract the attention of medieval historians, as in government they were an example for other tsars.

One of the most valuable historiographic work of the early Middle Ages is considered "History of Tabari", belongs to the pen of historian of Iranian descent Abu Jafar Muhammad ibn Jarira and translated to Tajik by Abu Ali Muhammad Balami – the vizier of the State of Samanids in 963-966. In the first volume of collection "Samanids in the mirror of history" only there are cited 21 works of Persian and Tajik medieval historians,

The author pointed that every historian is a creation of his epoch and the politics of rulers of his epoch leaves a certain mark on his works. This is the reason why a modern writer cannot use the materials of historical sources without appropriate creative approach.

It must be noted that the historians of the Middle Ages stated some events in two variants, first – the activity of historical figures were stated in accordance with their vision, some of them regarded events evenly and dispassionately, second – subjectively and ideologically biasedly.

Key words: State of Samanids, Ismail Samani, medieval historian, historiographic work.

Сведения об авторе:

Шохназаров Шохмурод - доктор PD -- докторант кафедры современной таджикской литературы, Худжандского государственного университета имени Б. Гафурова

About the author:

Shohnazarov Shohmurod - PD Doctor – doctoral student of the Department of modern Tajik literature of Khujand State Universite named after B. Gafurov

ИСТИФОДАБАРИИ ИНТЕРНЕТ АЗ ҚОНИБИ ТЕРРОРИСТОН ВА РОҲҶОИ МУҚОВИМАТ БА МУҚОБИЛИ ИН ПАДИДА

Шозедов Х.Н.

Институти омӯзиши масъалаҳои давлатҳои Осӣ ва Аврупои
Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон)

Бояд гуфт, ки тамоми васоити ахбори умум (ВАО) дар маҷмӯъ тарафҳои мусбӣ ва манфии худро дорад. Ба вижа, Интернет яке аз фаъолтарин васоити ахбори умум ва муҳимтарин воҳиди техники махсуб меёбад, ки аҳли башар бо он сарукар дорад.

Роҷеъ ба тарафҳои манфур ва манфии ин гуна восита Дабири кулли Созмони Миллалӣ Муттаҳид Пан Ги Мун чунин андешаронӣ намудааст: "Интернет мисоли равшани он мебошад, ки чи тавр террористон дар ҳақиқат метавонанд дар асоси фаромиллӣ фаъолият намоянд; дар навбати худ давлатҳо дар ҷавоб бояд дар ҳамин асоси фаромиллӣ фикр ва амал кунанд". [1, с.1]

Дар асри XXI, ки давраи ташаккулёбии технологияи иттилоотӣ махсуб меёбад, тарзу усулҳои зиёди расонидани таъсир ба шуури одам тавассути васоити ахбори омма (ВАО) кашф карда шуданд. Бо назардошти таъсири муқтадир ба шуури ҷамъиятӣ ва ба ин роҳ ташкил намудани афкори умуми муфид, инчунин тақвият додани манфиати ҷамъиятии шаҳрвандон, ВАО дар ҷаҳони муосир мавқеи худро дар мақоми "ҳокимияти ҷаҳорум" боз ҳам пурзӯртар намудааст.

Афкори умум амалан дар тамоми соҳаҳои фаъолияти ҳаётан муҳими ҷамъият вучуд дошта бошад

хам, вале бо ҳар сабаб ифшо намегардад ва танҳо вобаста ба масъалаҳои лоиқи тавачҷуҳ зоҳир мегардад. Ба доираи назари он маъмулан мушқилоғ, далел ва ҳодисаҳои актуалие меафтанд, ки дар навбати аввал ҷолиби диққати ҷамъиятӣ буда, ба худ тафсири сермаъноро ҷоиз медонанд ва барои баргузори мубоҳиса дар мавзӯҳои дахлдор шароити мусоид фароҳам меорад. [2]

Ҳамин тариқ, дар ҷамъияти муосир одам аз самтҳои мухталиф таҳти нуфузи воситаҳои ахбори оммавӣ, аз ҷумла телевизион, радио, рӯзномаву маҷаллаҳо қарор мегирад.

Бо пешрафти технологияи муосир одами оддӣ наметавонад аз миқдори калони маълумот ахбори бардурӯғро мустақилона ҷудо карда, онро аз ҷиҳати дурустӣ баҳо диҳад. Аз ин лиҳоз, дар бештари ҳолатҳо воқеаҳои арзи вучуд доранд, ки ҷамъият ба маълумоти дар сарчашмаҳои кушода, яъне васоити ахбори омма ба таъби мерасида, бо дараҷаи баланди эътимод муносибат мекунад. Зимнан ВАО ба аҳли кишри миёнаи ҷамъият чунин таъсири сахте мерасонанд, ки ҷаҳонбинӣ ва диди онро нисбати таҳавулоти атрофаш куллан дигаргун мекунад.

Мавриди тазаккур аст, ки дар байни ин сарчашмаҳои кушода Интернет абзори аз ҳама қавӣ ба шумор меравад, зеро тавассути он метавон ба хулқи одам таъсири муфид расонида, ба самти зарурӣ равона кард. Бо боварии том метавон гуфт, ки Интернет имрӯзҳо ба як фазои озоди баёни фикру ақида табдил гаштааст, ки дар қисмати бештар назорати он аз ҷониби мақомоти дахлдор мушқил мебошад.

Ҳамин тариқ хулоса баровардан мумкин аст, ки истифодабарии Интернет дар ҷорабиниҳои мақсадноки сиёсӣ барои ба даст даровардани афкори ҷамъиятӣ ва барқарор намудани назорат аз болои шууру эҳсосоти оммавӣ равона карда мешавад.

Дар баробари ин, воқеаи ҳаёли, ки аз ҷониби воситаҳои ахбори оммавӣ, аз ҷумла Интернет бо мақсадҳои ғаразнок дар фазои иттилоотӣ эҷод карда мешаванд, метавонанд ҳақиқати аслиро пинҳонӣ иваз намуда, ба ҳайси барангезандаи асосии сиёсӣ иштирок кунанд.

Пайдоиш ва пешрафти Интернет вобаста ба ташаккули соҳти ҷамъиятии нисбатан комил, ки дар он дастрасӣ ба маълумот бо тадриҷ нобаробарии иҷтимоиро ихтисор намуда, уҳдадориҳои давлатро ба ҳадди ақал мерасонаду, назорати институтҳои омиронро аз ҷониби ҷамъият якбора боло мебарад.

Аломатҳои муҳимтарини сифатии воқеияти навини маҷозӣ (виртуальный), ҷаҳонӣ ва таъомилии (интерактивность) он мебошад. Интернет дар қисмати бештар шартӣ будани истиқлолияти давлатӣ, шакли иштироки сиёсӣ, силсила мартабият, ҳизбҳои сиёсӣ ва ниҳодҳои дигари субъектҳои сиёсатро эътироф намекунад.

Бояд дар назар дошт, ки технологияи муосири иттилоотӣ ба қадри васеъшавии соҳаи истифодабарии он дар фаъолияти ҳамарӯза, ҷамъияти имрӯзаро аз лиҳози назорати сиёсӣ боз ҳам заифтар намуда, барои иҷтимоият ва нуфузи дасткорӣ ба шахсият тамоили имконпазир фароҳам меорад. Зиёда аз ин, ба амнияти ҷамъиятӣ ва давлатӣ низ хатар дорад [3].

Интернет имрӯзҳо дар ҳаёти одамон нақши муҳим бозида, дар баъзе ҳолатҳо боиси таҳаввулоти амиқ дар як қатор давлатҳои ҷаҳон низ гаштааст. Мисоли оддӣ инқилоби солҳои 2010 – 2011 дар Тунис ва норозигии оммавии ҷавонон дар Алҷазоир, Миср, Сурия, Ироқ, Либия, Яман, кишварҳои дигари Африқои шимолӣ ва Ховари наздик мебошад.

Ҳамин тариқ, Интернет ҳамчун воситаи ҳаматарафаи алоқа ва мубодилаи ахбор байни мардуми дар нуқоти мухталифи ҷаҳон қарордошта ба ҳисоб меравад. Дастрасии паҳновар, фарогирии теъдоди зиёди сомеон дар кишварҳои дуру наздик, пӯшида будани алоқа, дастоварди сареҳи маълумот то қабулқунандагони он, нархи на онқадар гарони таъсисдиҳии сайт ва хизматрасонии хузур дар шабака, аз як тараф Интернетро ҳамчун дастҳои мардум дар ҷомеаи имрӯза муаррифӣ карда, аз тарафи дигар барои терроризм як фазои тозае кушоду, боиси пайдо шудани навъи нави он кибертерроризм гардид. Бар хилофи террористи оддӣ, ки барои расидан ба мақсади ғаразнокӣ худ маводҳои тарқанда ва аслиҳаи оташфишонро қор мефармояд, кибертеррорист технологияи муосири иттилоотӣ, система ва шабакаҳои компютерӣ, инчунин таъминоти барномавии махсусро мавриди истифода қарор медиҳад [4].

Лозим ба ёдоварист, ки кибертерроризм ба худ хусусияти хушунати ниҳониро касб менамояд, яъне бо ин роҳ дар ҷамъият як шароити ваҳм ва ноилоҷиро ҷорӣ мекунад. Чунин ҳолат ба террористон барои дасткорӣ ба шуури оммавӣ шароити мусоид фароҳам оварда, имконият медиҳад, то ғояҳои худро дар байни мардум паҳн намоянд. Инчунин барои содир кардани ҷиноят таҳриқ кунанд ва табақҳои норозии ҷамъиятро бар зидди ҳукумат барангезад.

Таҳлили шабакаҳои интернетӣ шаҳодат аз он медиҳанд, ки террористони интернетӣ фаъолияти худро асосан ба самти таблиғот, омӯзиш, маблағгузорӣ, банақшагири ва иҷрои бевоситаи амалҳои террористӣ равона менамоянд.

Технология яке аз омилҳои стратегӣ махсус мегардад, ки барои истифодаи боз ҳам васеътари Интернет аз ҷониби ташкилоти террористӣ ва тарафдорони он дар ҳалли доираи васеи вазифаҳо, аз ҷумла ҷалбқунӣ, маблағгузорӣ, таблиғот, омода намудани иҷроқунандагон, таҳриқ ба роҳандозӣ кардани амали террористӣ, инчунин ҷамъоварӣ ва паҳн сохтани маълумот бо мақсади террористӣ

мусоидат менамояд. Ҳамзамон, Интернет метавонад дар барқарор кардани алоқа дар дохили ташкиллоти террористӣ, интиқоли маълумот оид ба амалиёти террористӣ, таъмини молиявии онҳо мавриди истифода қарор дода мешавад.

Таблиғот. Ба ин намуди фаъолият террористони интернетӣ диққати хоса зоҳир менамоянд. Маҳз тавассути таблиғот террористон фаъолияти худро дар назари ҷомеаи ҷаҳонӣ сафед карда, тариқи пардапӯшона ба шуури мардум таъсири муфид мерасонанд, ғояҳои ғайриинсонии худро паҳн менамоянд.

Қайд кардан зарур аст, ки хангоми таблиғот террористон ниҳоят эҳтиёткор мебошанд. Дар шабакаҳои мутаалиқ ба онҳо маъмулан масъалаҳои зерин мавриди баррасӣ қарор дода мешаванд:

- маҳдудияти озодии баёни ақида;
- танг намудани доираи фаъолияти тарафдорони онҳо;
- “таъқиби” тарафдорони онҳо аз ҷониби мақомоти ҳифзи ҳуқуқ;
- ҳолати вазнини ҳамақидаҳои онҳо, ки дар маҳбас қарор доранд.

Даҳолат ба ин проблемаҳо асосан барои зиёд намудани сафи тарафдоронашон аз ҳисоби мардуми норозӣ ва пайдо кардани ҳусни тавачҷӯи бархе аз кишварҳои ғарб, ки дар арсаи байналмилалӣ худро ҳамчун “муборизи роҳи озодии баёни ақида” муаррифӣ менамоянд, равона карда шудааст.

Бо мақсади ҳамчун ҷабрдида нишон додани худ, террористон одатан се усули таблиғотиро истифода мебаранд, ки яке аз онҳо боварӣ кунонидани мардум мебошад. Бо ин роҳ онҳо кӯшиш менамоянд, то сомеони шабакаи интернетиро ба он моил созанд, ки фаъолияти бераҳмонашон падидаи маҷбурӣ дорад. Зеро, илочи дигар ба ҷуз аз таади ҷавобӣ ба муқобили “ситамгарон”-ро надоранд. Далелҳои онҳо ҷунун “мунсифона” мебошанд, ки хонандаро ба худ ҷалб менамояд ва дар қисмати бештар гумроҳ низ мекунанд. Таҷриба нишон медиҳад, ки ба доми террористон асосан ашхоси беҳабар ва ақидаи мутаасиб дошта меафтанд. Дар таблиғоти худ террористон ташкилоташонро ҳамчун таъқибшаванда ва роҳбару фаълони худро дар нақши “маҷруҳ”-и шиканҷаҳои ҳуқумат нишон медиҳанд.

Усули дигар - ин муаррифӣ кардани тарафдорони худ ҳамчун “муборизони роҳи ҳақиқат, озодӣ, истиқлолият ва сулҳ”, инчунин тасвир кардани ҳуқумат дар нақши зolim мебошад.

Боз як роҳ ба тарафи худ моил кардани аъзои эҳтимолии нав ин “ғайриҳушунатомез” нишон додани усулҳои фаъолияти террористон мебошад. Дар ин раванд террористон кӯшиш менамоянд, то ба сомеони интернетӣ оид ба сулҳхоҳона будани фаъолиятшон, аз ҷумла ҳал намудани ихтилофот бо роҳи гуфтушунид маълумот пешкаш кунанд.

Омӯзиш, самти дуҷони фаъолияти террористӣ дар шабакаи Интернет мебошад, ки бо таблиғот алоқамандии зиҷ дорад. Дар рафти омӯзиш аъзои тозаҷалбшуда ғояҳои гурӯҳи террористиро омӯхта, бо «корнамоиҳои» тарафдорони фаъл, тавсияҳо, вобаста ба гузаронидани амалҳои террористӣ аз наздик шинос мешаванд.

Ин намуди фаъолият метавонад мустақим, яъне бо ҷалби дастурдиҳандагон, ё тавассути ҳуҷҷатҳо, маводҳои видеоӣ, тавсия, дастур ва паём амалӣ карда шавад.

Ҳамин тариқ, имрӯзҳо шабакаи Интернет аз ҷониби гурӯҳҳои террористӣ ҳамчун як майдони кушода барои омода намудани фаълони нав ва иҷрокунандагони амалҳои террористӣ истифода бурда, тариқи сомонаҳои мухталифи пӯшидаи он маводҳои муфассал оид ба рабудани одамон, истифодабарии телефонҳои мобилӣ барои роҳандозӣ кардани тарқишҳо низ паҳн карда мешаванд.

Маблағгузорӣ ҷузъи таркибии фаъолияти террористӣ ба ҳисоб меравад, ки он метавонад мустақим ё ғайримустақим амалӣ карда шавад.

Қайд кардан зарур аст, ки маблағгузори мустақим ниҳоят кам ба қайд гирифта мешаванд, зеро ин намуди фаъолият қонуан мамнӯъ эълон карда шудааст. Нисбатан бештар маблағи пулӣ тавассути роҳҳои алоҳида ё ба суратҳисоби шахсии аъзои гурӯҳҳои террористӣ гузаронида мешаванд.

Ғайр аз ин, террористонро бархе аз ташкилоти ғайридавлатӣ низ, ки одатан барои ҳазфи ҷашм таъсис дода мешаванд, маблағгузорӣ мекунанд.

Сарчашмаи дигари даромади террористон мардуми ноогоҳ мебошанд, ки аз мавҷудияти гурӯҳҳои террористӣ тасаввуроте надошта, ба суратҳисоби ташкилоти мухталифи “хайриявӣ”, мутаалиқ ба террористон маблағи пулӣ мегузаронанд.

Тибқи гузориши директори Хадамоти федералии бехатарии Россия Бортников “Дар шабакаҳои

ичтимой, аз ҷумла бахшҳои русӣ, аз ҷониби ҷинояткорон гурӯҳҳои пӯшидае таъсис дода мешаванд, ки тавассути онҳо таъсири руҳӣ ба шуури мардум ва ҷалби тарафдорони нав ба фаъолияти террористӣ амалӣ карда мешавад”[5].

Афзоли сомонаҳои интернетӣ барои ҷамъоварии маблағ, омӯзиши ҷангиён бо тарзу усули гузаронидани амалиёти террористӣ ва бурдани ҷанг ба муқобили мақомоти махсус ба террористон имконият медиҳад.

Раванди омӯзиш мустақим ба самти дигари фаъолият – банақшагирӣ дахл мекунад. Дар рафти амалӣ кардани ин усул маъмулан дастурдихандагони таҷрибадор ба навшогирдони худ тамоми нозуқиҳои амали террористӣ, аз ҷумла аз интиҳоби иншооти лоиқа тавачҷуҳ то ҳисоби маблағи заруриро нишон медиҳанд. Диққати хоса дар самти мазкур ба коркарди стратегия зоҳир карда мешавад, зеро комёбии ҳамлаи минбаъда пурра аз андешидани амиқ, натиҷа ва махфӣ нигоҳ доштани тамоми ҷузъиёт вобастагӣ дорад.

Бо назардошти ин метавон қайд кард, ки дар шароити имрӯзаи пешрафти технологияи муосир ва фазои ҷаҳонии иттилоотӣ як навъ аз фарҳанги террористӣ ба вучуд омада истодааст, ки он дар тамоми кишварҳои ҷомеа реша давонда, теъдоди зиёди субъектҳоро ба доми худ мекашонад. Чунин ҳолат фаъолияти ташкилоти ҷамъиятӣ ва сохторҳои ҳифзи ҳуқуқ дар самти пешгирии амалҳои террористӣ ва ба ҳадди ақал расонидани оқибатҳои онро мушкул мекунад.

Терроризми муосир, ки бо технологияи пешрафта ҷиҳозонида шудааст, метавонад дар ҳар як кишвар, ҳатто дар давлатҳои абарқудрат бухрони мунтазамро эҷод карда, таъмини амнияти онҳоро зери суол гузарод. Аз ин лиҳоз дар бисёр кишварҳо имрӯзҳо дар сатҳи давлатӣ барномаҳои махсус тарҳрезӣ шудаанд, ки барои мақомоти махсуси миллӣ, вобаста ба назорати системаи иттилоотӣ заминаи ҳуқуқӣ фароҳам меоранд.

Ҳамин тариқ фаъолияти террористӣ дар Интернет ин таъсири мунтазами руҳӣ ба аҳоли ба шумор рафта, аз ҷониби ашхоси махсус омодашуда, ки дониши муайяно дар ин самт доро мебошанд, амалӣ карда мешавад. Маҳз онҳо “селаи одамон”-ро ба самти муфид равона карда, ба шуури шахсоне, ки ҷаҳонбинии онҳо ташаккул наёфтаасту, онҳо дар ҷомеа макони худро пайдо накардаанд, таъсир мерасонанд.

Қайд кардан зарур аст, ки баъд аз ҳодисаҳои солҳои 90-уми асри гузашта, як насли ҷавонони дар шароити мутассили бархӯрдҳои мусаллаҳона дар кишвари мо ба воя расидааст, ки зери таъсири гуруҳҳои пӯшидаи дар Интернет фаъолияткунанда, ташвиқоти динӣ – ифротӣ ва ҳаргуна “шахсони муътабар” афтадану, тамоми нобаробарии иҷтимоӣ ва мушкilotи худозмоиро аз сар гузаронида, ба тавачҷуҳи хосаи давлат муҳтоҷанд. Маҳз ҳамин насл имрӯзҳо осебпазир боқӣ монда, гурӯҳҳои ифротӣ барои пешбурди мақсадҳои ғаразнокӣ худ ба онҳо така менамоянд.

Бо назардошти ин, дар шароити Тоҷикистон барои муқовимат бар зидди терроризми иттилоотӣ гузаронидани чунин ҷорабиниҳо мувофиқи мақсад шуморида мешавад:

- баланд бардоштани саводнокии мардум дар самти истифодабарии компютерӣ ва кор дар шабакаҳои интернетӣ. Аз ҷумла, ба мардум фаҳмондан зарур аст, ки Интернет фазои ҳифзнашаванда буда, тамоми маълумоте, ки ба он ворид мегардад, метавонад аз ҷониби террористон мавриди истифода қарор дода шавад;

- ба роҳ мондани ҷорабиниҳои фаъоли ташвиқотӣ дар байни ҷавонон, зеро маҳз онҳо ба мушкilotи худозмояи дучор гардида, роҳи асосии баромадан аз ин ҳолати сарбастаро дар рӯ овардан ба дин мебинанд. Маҳз дар ҳамин ҳолат онҳо ба доираи назари фаъолони гурӯҳҳои радикалӣ-экстремистӣ афтада, пас аз таъсир ба шуурашон пайрави ғояҳои ифротӣ мегарданд;

- ташкил ва гузаронидани конференсияҳои илмӣ – амалӣ, мизҳои мудаввар, семинарҳо, вобаста ба масъалаҳои муқобала бар зидди терроризми иттилоотӣ бо ҷалби мутахассисони ин соҳа;

- мақомоти салоҳиятдори кишвар дар самти муқовимат бар зидди терроризми иттилоотӣ ҳамкориро бо институтҳои дахлдори СААД ва СХШ пурзӯр намоянд;

- иттиҳоди экспертнро зарур аст, ки корро вобаста ба коркарди механизмҳои нави ҳуқуқӣ ба роҳ монда, қонунгузори кишварро бо назардошти талаботи имрӯза мутобиқ кунанд;

- дар назди марказҳои таълимӣ мақомоти дахлдори кишвар ташкил намудан ва гузаронидани курсҳои кӯтоҳмуддат ва дарозмуддат.

- of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf c.1
2. Гуржий Д.А. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Молодой ученый. — 2015. — №12. — URL <https://moluch.ru/archive/92/20451/> / Лукашева М.Д Интернет и политика http://www.rusnauka.com/15_APSN_2010/Politologia/67201.doc.htm
 3. Сухаренко А. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/57076-internet-sluzhbe-terroristov> _____ https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf c.1
 4. <https://regnum.ru/news/2330086.html> Глава ФСБ описал масштаб информационной войны, развязанной террористами.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА СО СТОРОНЫ ТЕРРОРИСТОВ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭТОМУ ПРОЯВЛЕНИЮ

С развитием современных технологий Интернет занял ведущую позицию в появлении и становлении одного из опаснейших видов терроризма. На данном этапе террористическими организациями осуществляется активная работа по созданию в закрытых сегментах, доступных лишь связанным между собой ячейками единой базы данных, представляющих взаимный интерес. Информация из такого рода базы данных используется террористами в реализации своих античеловеческих замыслов.

Всемирная Сеть стала идеальной средой для деятельности террористов, поскольку доступ к ней крайне легок, а в некоторых случаях и неконтролируем соответствующими органами.

Ключевые слова: *информационный терроризм, всемирная сеть, пропаганда, виртуальная реальность*

USE OF THE INTERNET ON THE PART OF TERRORISTS AND THE WAY TO COUNTERING THIS MANIFEST

During the development of modern technologies, the Internet has taken a leading position in the emergence and formation of the most dangerous types of terrorism. At this stage, terrorist organizations actively work to create a single database of mutual interest in hidden segments, accessible only by linked cells. Information from this kind of database is used by terrorists in the implementation of their anti-human designs.

The worldwide Web has become an ideal environment for terrorist activities, as an access to the extremely easy and in some cases beyond the control of the relevant authorities.

Keywords: *information terrorism, world network, propaganda, virtual reality*

Сведения об авторе:

Шозедов Х. Н. - (научный сотрудник Института изучения стран Азии и Европы Академии наук Республики Таджикистан)

About the autor:

Shozedov Kh. N - (Research fellow of the Institute for the Study of Asian and European Countries of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan)

СОҶАИ ЧОРВОДОРИИ ВМКБ ДАР СОЛҶОИ ҶАНГИ БУЗУРГИ ВАТАНИ

Бадавлатова Р. Б.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Алимшоев М. М.

Донишгоҳи давлатии Хоруг ба номи М. Назаршоев

Дар ВМКБ асосан шароити мусоид барои тараққиёти чорводорӣ дар ноҳияи Мурғоб ва водии Аличур нисбатан беҳтар буда дар давраи ЧБВ буд, ки 20 % шумораи чорвои вилоятро парвариш мекарданд. Масоҳати ин ноҳия 38 ҳазор км квадратӣ ё 61 % ҳудуди ВМКБ- ро дар бар мегирад [6, В. 45].

Помир ҳамчун минтақаи кӯҳсор то соли 1917 маркази асосии чорводорӣ ба ҳисоб мерафт. Баъди барқароршавии Ҳокимияти Шӯравӣ дар Помир чорводорӣ муваққатан рӯ ба пастравӣ ниҳод. Аз рӯи баъзе нишондодҳо нишондоди тараққиёти чорводорӣ соли 1917 нисбати соли 1940 беҳтар буд. Масалан, шумораи ғусфандон соли 1917 - 115,2 ҳазор сар, соли 1940 - 75,7 ҳазор сар, шумораи аспҳо

соли 1917 2,8 ҳазор сар ва соли 1940 -2,6 ҳазор сарро ташкил меод. Шумораи чорвои калони шохдор дар муқоиса ба соли 1917, дар соли 1941 чунин буд:

- Соли 1917- 24 ҳазор;
- Соли 1925 – 23,9 ҳазор;
- Соли 1940- 36,8 ҳазор[6, В. 24].

Аз рӯи ҷамъбасти соли 1941 чорводорӣ натиҷаи хуб дода, нақшаи дар пеш гузошташуда чунин иҷро гардидааст:

- 1. Чорвои шохдори калон – 118%
- 2. Гов – 125%
- 3. Барзагови корӣ– 164%
- 4. Чорвои шохдори майда – 150%
- 5. Асп – 110%
- 6. Уштур – 140%

Дар баробари зиёд будани шумораи ҳайвонот, инчунин ба беҳтар намудани зоти ҳайвонотҳои маҳаллӣ диққат дода мешуд. Аз соли 1939 сар карда, зоти гови шветсарӣ оварда шуда, ба зоти маҳаллӣ омехта шуда, зотҳои нави хушсифат ба вуҷуд омаданд. Соли 1939 ба вилоят 26 сар ва соли 1940 – 102 сар гови зоти шветсарӣ оварда шуд[2, В. 28]. 20-декабри соли 1941 дар Комитети иҷроияи вилоятӣ маҷлис бо иштироки инспекторони ноҳияҳо оид ба чорводорӣ баргузор гардид. Дар назди вилоят вазифа гузошта шуд, ки моҳи январ соли 1942 саршумори чорво ба ҳисоб гирифта шавад. Мақсади ин ҳисобот аз он иборат буд, ки дар соли 1941 саршумори чорвои шохдори калон ва майда кам шуда истода буд.

Бо сабаби нарасидани мутахассисон ба ин кор коркунони аппарати комитети вилоятӣ ба хизмат ва котибони комитетҳои ноҳиявӣ ҷалб шуда буданд. Ба ғайр аз ин, бо даъвати ҳизб ва ташкилоти комсомолӣ хоҳишмандон аз ташкилоту мактаб ва дигар муассисаҳо ҳамроҳ мегардиданд. Аҳамияти ба рӯйхатгирии саршумори чорво дар он буд, ки дар баробари он нуфузи одамони низ ба рӯйхат гирифта шуд. Чуноне ки дар яке аз ҳисобот қайд гардидааст, дар ба рӯйхатгирии аҳолии 7 ноҳия 93 нафар иштирок намудааст, ки аз он 29 нафар- аъзои ҳизби коммунистӣ, 35 нафар комсомол ва 31 нафар хизматчи будааст[3, В. 26].

Дар баҳисобгирии саршумори чорвои шохдори калону майда муваффақиятҳои калон ба даст омадааст. Моҳи ноябри соли 1942 чунин нишондодҳо ба қайд гирифта шудааст:

- Чорвои шохдори калон- 93%
- Гов - 108%
- Барзагов- 87%
- Гӯсфанд- 105%[1, В. 29].

Ҷамъбасти ҳисобот нишон дод, ки дар ноҳияи Ишқошим саршумори чорво нисбати соли 1941 кам гардидааст:

- 1. Чорвои калони шохдор 104 сар;
- 2. Гӯсфанд - 432 сар;
- 3. Буз - 635 сар;
- 4. Асп- 12 сар;
- 5. Хар- 12 сар.

Дар ноҳияи Ванҷ саршумори ҳайвонот кам гардидааст:

1941 1942

1.	Чорвои шохдори калон	2629	2085
2.	Гӯсфанд	4211	3311
3.	Буз	6780	5368
4.	Асп	182	153
5.	Хар	464	368

Тибқи натиҷаи ҳисоботи раиси комитети иҷроияи ноҳияи Рӯшон Коваленко бошад, чорводорӣ дар ноҳияи Рӯшон натиҷаи хуб додааст:

		1-1941	1-1942	%
1.	Гӯсфанд	343	736	214

2.	Буз	493	789	160
3.	Чорвои калони шохдор	670	938	140
4.	Асп	14	42	300
5.	Мурғ	330	670	233

Ин нишондод дараҷаи тараққиёти чорводориро дар ноҳияҳои ВМКБ нишон медиҳанд. Аммо дар баъзе колхозҳо ба монанди «Аскарӣ Сурх», «Фрунзе», «Октябр», «Буденный» саршумори ҳайвонот кам буд. Солҳои 1940-1941 дар колхозҳои номбурда чорвои шохдори калон 367 сар, шохдори майда 1839 сар, асп 25 сар кам гардидааст.

Нақши асосӣ дар сохтмони хоҷагии қишлоқи вилоятӣ Пленуми ҳафтуми КМ ҲК (б) Тоҷикистон, ки аз 20 то 22 ноябр соли 1942 баргузор гардид, бозида буд. Пленум қайд намуд, ки ташкилотҳои ҳизбии Тоҷикистон вазифаи худро дар сохтмони фаъолияти хоҷагидорӣ нодуруст иҷро намудааст. Пленум диққати ташкилотҳои ҳизбиро ба назорати зарурии корҳои тарғиботии ҳизбӣ- сиёсӣ равона намояд, ба комитетҳои вилоятӣ, комитетҳои шаҳрӣ ва комитетҳои ҳизбиву ноҳиявӣ супориш дода шуд, ки фаъолияти тарғиботии худро дар байни меҳнаткашони вилоят хуб ба роҳ монанд.

Барои зиёд намудани саршумори чорво соли 1942 колхозҳои вилоят дар асоси шартнома ба харидани ғӯсола, бузғола ва барра сар карданд, ки дар натиҷа 400 ғӯсола, 1000 бузғола ва барра харидорӣ шуда, ба фермаҳо оварда шуданд. Ҳамаи ин чораҷӯиҳо баҳри беҳтаргардонии вазъият ба роҳ монда шуданд.

Соли 1942 дар назди вилоят вазифа гузошта шуд, ки маҳсулотҳои барои аҳоли аввалиндараҷа ва лозимиро истеҳсол намояд. Аммо дар соҳаи чорводорӣ хоҷагии қишлоқ, ки вазифаро барои соли 1942 дар наздаш гузошта шуда буд, иҷро намуд. Дар семоҳаи дуҷуми соли 1942 истеҳсоли ғӯшт, шир ва панир дар чунин сатҳ будаста:

Дар колхозу совхозҳо

аз рӯи хариди шахсӣ

№	Ноҳия	шир	ғӯшт	панир	шир	ғӯшт
1.	Рушон	850	259.7	1193	20	11
2.	Роштқала	1384	232.3	1874	40	14
3.	Ишкошим	387	83	717	18	5
4.	Ванҷ	1300	356	1403	40	15
5.	Барганг	482	150.3	1105	18	8
6.	Ваҳон	1010 138.1	2366	20	9	
7.	Шуғнон	2383	478.5	2769	60	18
8.	Мурғоб	204	301	3600	24	11
Дар тамоми ВМКБ		8000	2000	15000	240	90

Чӣ тавре дар нақша тасвир ёфтааст, истеҳсоли ғӯшт дар ноҳияи Мурғоб хуб ба роҳ монда шуда, дар якҷоягӣ бо водии Аличур 20 % парвариши чорвои калони шохдори вилоятро дар бар мегирифт. Минтақа ва иқлими Мурғоб ва шароити чарогоҳҳои он барои чорводорӣ хеле мувофиқ буд. Ғӯшт асосан аз ноҳияи Мурғоб ба маркази вилоят ворид мегашт, аммо баръакс барои таъмини марказ аз шир имконият вучуд надошт. Сабаб дар он буд, ки байни шаҳри Хоруғ ва ноҳияи Мурғоб масофаи калон буда, ҳангоми овардани шир он дар роҳ вайрон шуда, зарари калон ба хоҷагии қишлоқи ноҳия ва вилоят меовард.

Аммо дар баробари як қатор пешравиҳо дар хоҷагии қишлоқи ВМКБ, инчунин камбудихо низ ҷой дошт. Аксари колхозҳо суғат тараққӣ карда, аз 117 колхозии миллионери Тоҷикистон, мутаассифона ягон колхозии Помир ба қатори колхозии миллионери ҷумҳурӣ шомил шуда натавонист.

Соли 1942 колхозчиёни ВМКБ аз рӯи қарори Шӯрои Комиссарони Халқии ҶШС Тоҷикистон райони вилоятро ба сафари хизматӣ ва таҷрибаомӯзӣ ба колхозҳои пешқадами Сталинобод ва Ленинобод фиристониданд. Бо ҳамин тариқ аз колхозҳои зерини суғтараққикардаи ВМКБ намоёндагон ба сафари хизматӣ рафтанд:

1. Ноҳияи Ишкошим- «Сотсиализм», «Ленин»
2. Ноҳияи Ваҳон - «Правда», «Сотсиализм»
3. Ноҳияи Ванҷ- «Ворошилов», «Берия»
4. Ноҳияи Роштқалъа - «Буденный», «Держинский»
5. Ноҳияи Шуғнон – «Фрунзе»

6. Ноҳияи Бартанг – «Сотсиализм»[3, В. 24]

Барои минбаъд хубтар ба роҳ мондани чорводорӣ барои харидорӣ намудани ҳайвонотҳои камшумор, аз рӯи нишондоди ҳукумат соли 1942 Бонки хоҷагии қишлоқи Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Тоҷикистон ба ноҳияҳои чорводори ВМКБ дар ҳаҷми 200 000 сӯм чудо намуд:

Шуғнон – 70 000 сӯм

Ванҷ – 40 000 сӯм

Рӯшон – 20 000 сӯм

Бартанг – 10000 сӯм

Роштқалъа – 60000 сӯм

Солҳои 1943-1944 дар вилоят чорводорӣ бо суръати баланд тараққӣ намуд. Махсусан соли 1943 дар аввал ду колхозии ВМКБ миллионер шуданд. Моҳи декабри соли 1943 саршумори чорвои вилоят ба чунин миқдор расид:

1. Чорвои шохдори калон – 12150 сар;
2. Бузу гӯсфанд- 46000 сар;
3. Асп – 500сар;
4. Ушгур – 180 сар;
5. Парранда – 5000.

Соли 1944 дар чорабиниҳои ҷумҳуриявӣ оид ба чорводорӣ ВМКБ ғолиб баромад. Барои ноил гардидан ба чунин муваффақият ба вилоят Байрақи Сурхи СКХ ва КМ Ҷизби Коммунистии Тоҷикистон, мукофотпулӣ ба миқдори 80 ҳазор сӯм ва мукофоти Ленинӣ ба миқдори 50 ҳазор сӯм тақдим карда шуд[5, С. 93]. Ин муваффақиятҳо ба он оварда расонд, ки дарҳамаи колхозҳои фермаҳои нави чорводорӣ ташкил ёфтанд. Ғайр аз ин, аз ҳисоби қарз чорвои шохдори хурду калон харидорӣ шуда, дар қисми дигари колхозҳои барои зиёд кардани саршумори чорво ва истехсоли шир оғоз намуданд. Тибқи маводи бойгонӣ саршумори чорво дар солҳои 1943-1944 дар вилоят чунин буд[2, В. 240]:

нақшаи соли 1943 то 1.01.44 иҷро гардид:

1.	Чорвои калони шохдор	11300	102%	12700
2.	Бузу гӯсфанд	36200	104.3%	46000
3.	Асп	350	130%	560
4.	Ушгур 150	102%	180	
5.	Парранда	6500	51%	7500
6.	Хар	500	121%	715

Дар ҳамаҷа нишон дода шудааст, ки чорводорӣ вилоят то кадом дараҷа тараққӣ кардааст ва натиҷаи хуби тараққиёти ин соҳаро, ғайр аз паррандапарварӣ ки 51 % иҷро гардидааст, дар бар гирифтааст.

Нақшаи тараққиёти чорводорӣ ВМКБ дар соли 1945 бошад чунин буд:

№	Ноҳия	Чорвои калони шохдор	гӯсфанд	асп	ушгур	хар
1.	1.Шуғнон	3775	18750	250	21	275
2	2.Роштқалъа	2400			13	
3	3.Рушон	1300	15000	100	20	145
4	4.Ваҳон	1550			9	
5	5.Ишкошим	750	4950	90	16	150
6	6.Бартанг	1125	8100	50	10	
7	7.Ванҷ	1450	2850	35	-	
8	8.Аличур	1775	6550	85	62	160

9	9.Мурғоб	1875	6400 10000 14400	48 37 105	109	80 180 190 60 60
Ҳамагӣ дар вилоят		16000	87000	800	260	1300

Соли 1945 саршумори чорвои шахсӣ дар яккахочагиҳо афзуда, инчунин барои харид кардани чорвои ширдеҳ қарз мегирифтанд ва ба ивази қарз ҳайвон медоданд. Соли 1945 дар яккахочагиҳо саршумори чорвои шохдори калон ба 17 000 сар, чорвои шохдори майда ба 85 000 сар, асп ба 1000 сар ва уштур ба 350 сар расида буд.

Барои колхозҳои яккахочагӣ 460 сар бузу гӯсфанд ва 685 сар гӯсола ҷудо шуда буд. Ин иқдом аз соли 1944 сар шуда, 22 июни соли 1944 бо ин мақсад ёрӣ ба хонаводаҳои иштирокчиёни ҷанг ва маъюбон расонида шуд. Сабаби пеш гирифтани ин иқдом дар он буд, ки соли 1944 саршумори аспон ба 15,5 % ва уштур 14 % дар хоҷагиҳои шахсӣ кам гардида буд.

Ҳамин тавр, дар ВМКБ нақши ноҳияҳои чорводор дар таъмини фронт бо маҳсулоти худ хеле баланд буд. Бо шарофати меҳнати онҳо ҳам аҳолии ноҳия ва ҳам фронт бо маҳсулоти гӯштӣ, шир ва раған таъмин мегардид. Дар қатори дигар вилоятҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон саҳми ВМКБ дар солҳои Ҷанги Бузурги Ватанӣ ҳам дар майдони набард ва ҳам дар ақибоҳ бузург буда, меҳнаткашони он вазифаи ҷониашонро барои несту нобуд кардани фашистон ва озод намудани ватани азизашон сарбаландона иҷро намудаанд.

АДАБИЁТ

1. Архив Горно-Бадахшанского обкома КПГ. – Ф. 2. – Оп. 1. – Л. 29.
2. ГАГБАО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 240.
3. ГАГБАО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 24.
4. Пискунов В. Кузница победы. – М., 1985. – С. 383.
5. Сечкина Л. П. Трудовой подвиг Таджикского народа в Великой Отечественной войне. – С. 93.
6. Юсуфбеков Х. Улучшение пастбищ и сенокосов Памира и Алайской долины. – Душанбе, 1968. – С. 45.

СОСТОЯНИЕ СКОТОВОДСТВА В ГБАО В ГОДЫ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В статье говорится о развитии скотоводства в ГБАО в годы Великой Отечественной войны. Автор привлекая архивных материал и другие источники показывает положительные и отрицательные моменты развития в области скотоводства, а именно крупные и мелкого рогатые скота. В статье также используются таблицы.

Ключевые слова: область, скотоводство, ГБАО, Великая Отечественная война, положительный, отрицательный, сторона, крупный, мелкий, рогатый скот, таблица.

THE CONDITION OF CATTLE BREEDING IN GORNO-BADAKHSHAN AUTONOMOUS REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article tells about development of cattle breeding in Gorno-Badakhshan Autonomous region during the Great Patriotic war. The author using archival material and other sources shows positive and negative moment, namely big and small horned cattle. In her article the author is used the table.

Keywords: area, cattle breeding, GBAR, Great Patriotic war, positive, negative, moment, big and small, horned cattle, table.

Сведения об авторах:

Бадавлатова Рамзия Боздавлатовна, соискатель кафедры истории таджикского народа факультета ТГПУ имени С. Айни.

Алимшоев Мамадризо Мамадасанович – проректор по учебной части Хорогского государственного университета им. М. Назаришоева, к.и.н., доцент, E-mail: alimshoev@list.ru тел: +992 93 598 45 96.

About the authors:

Badavlatova Ramsiya Bozdavlatovna – the researcher of the department of history of Tajik nation of the Tajik State Pedagogical University named after Sadridin Aini.

Alimshoev Mamadrizo Mamadasanovich – the vice rector for academics, candidate of history, E-mail: alimshoev@list.ru; тел: +992 93 598 45 96

ТАРТИБИ ҚАБУЛ ВА НАШРИ МАҚОЛА

Маҷаллаи «Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ» тибқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуот ва дигар воситаҳои ахбори омма» интишор мешавад.

Дар маҷалла натиҷаи корҳои илмӣ-тадқиқоти профессорону омӯзгорони Донишгоҳ ва олимони ватаниву хориҷӣ нашр карда мешавад.

Ҳайати таҳририя, ки ба он мутахассисони соҳаҳои мухталифи илм шомил мегарданд, бо фармони ректори Донишгоҳ тасдиқ карда мешавад.

Маҷалла мақолаҳои илмиро тибқи қарори кафедра ва шӯрои олимони факултет қабул менамояд. Мақолаҳои, ки ба суроғаи маҷаллаи «Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ» ирсол мешаванд, бояд ба талаботи зерин ҷавобгӯ бошанд:

1. Дар мақолаҳои илмӣ ҳалли масъалаҳо аниқ ва равшан ифода гардад.
2. Ҳаҷми мақола яқоя бо расм, ҷадвал, диаграмма, графика ва матни аннотатсия аз 10 саҳифаи ҷопӣ зиёд набошад.
3. Дар ҳар як мақолаи илмӣ тибқи тартиб зикри мафҳумҳои калидӣ ва аннотатсия бо ду забон: русӣ ва англисӣ риоя шавад.
4. Мақолаҳо тибқи барномаи Winword дар дискета ё флешкарт бо шрифти Times New Roman Tj, ҳуруфи 14 қабул карда мешавад. Фосилаи байни сатрҳо 1, ҳошия аз тарафи чап 3 см, аз тарафи рост 1, 5 см, аз боло 2 см, ва аз поён 2 см - ро бояд ташкил намояд, матни мақола аз тарафи рост рақамгузорӣ карда шавад.
5. Дар саҳифаи аввали мақола ному насаб, номи падар ва ва номи ҷойи кори муаллиф дарҷ гардад.
6. Дар мақолаҳои илмӣ истифодаи адабиёт ва тарзи гузоштани иқтибос тибқи қоидаҳои нашрия, дар асоси талаботи амалкунандаи ГОСТ риоя шавад.
7. Дар охири мақола маълумот оид ба ҷойи кор, вазифаю унвони илмӣ, суроға ва имзои муаллиф ҷой дода шавад. Ба муаллифоне, ки масъули асосии ҳифзи сирри давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошанд, нишон додани маълумотҳои мушаххас зарур намебошад.
8. Ҳайати таҳририя ҳуқуқ дорад, ки мақолаи илмиро ихтисор ва ислоҳ намояд.
9. Дастхати мақолаҳо баргардонида намешавад.

ПОРЯДОК ПРИЁМА И ИЗДАНИЯ СТАТЬИ

«Вестник педагогического университета» издается в соответствии Законом Республики Таджикистан «О печати и других средств массовой информации».

В журнале публикуется основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук отечественных и зарубежных исследователей.

Редакционная коллегия утверждена по приказу ректора университета.

Статьи принимаются с протоколом кафедр, научного совета факультетов и с отзывами научных руководителей.

Статьи, которые отправляются в адрес университета, должны соответствовать следующим требованиям:

1. Основное содержание издания должно представлять собой оригинальные научные статьи.
2. Представленные статьи совместно с рисунками, диаграммами, графиками, аннотациями должны быть не менее десяти страниц.
3. Каждая научная статья в обязательном порядке принимается с ключевыми словами и с аннотациями на русском и английском языках.
4. Статьи принимаются в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman (Times New Roman Tj), размер шрифта 14. Все поля обязательны для заполнения независимо от формы (бумажной или электронной) научного издания. Интервал между строками 1 см с левой стороны 3 см., с правой стороны 1, 5 см, сверху 2 см, снизу 2 см., текст статьи номеруется с правой стороны.
5. На первой странице статьи указывается фамилия имя отчество и место работы автора.
6. У всех публикуемых научных статьях должны быть пристатейные библиографические списки, оформленные в соответствии с правилами издания, на основании требований, предусмотренных действующими ГОСТами.
7. В публикуемых материалах указывается информация об авторах, их месте работы и необходимые контактные данные. Авторы, имеющие допуск к государственной тайне Республики Таджикистан имеют право не указывать место работы и контактные данные.
8. Редакционная коллегия имеет право сократить и исправит научную статью.
9. Представленные научные статьи автору не возвращаются.

Ба чопаш 15.01.2020 имзо шуд.
Андозаи қоғаз 60x84 ¹/₁₆. Қоғаз офсетӣ 80 гр.
Љузъи чопӣ 35. Адади нашр 80 нусха
Супориши № 8.

Матбааи ДДОТ ба номи С.Айнӣ,
хиёбони Рӯдакӣ, 121.